

1811—1911.

ТОВАРИЩИ ПУШКИНА

ПО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ЦАРСКОСЕЛЬСКОМУ ЛИЦЕЮ.

Материалы для словаря лицейстовъ

Перваго курса 1811—1817 г.

СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ

НИКОЛАЙ ГАСТФРЕЙНДЪ.

ТОМЪ III.

- | | |
|------------------------|--------------------------|
| 18. С. С. Есаковъ. | 24. К. К. Данзасъ. |
| 19. И. И. Пуцинъ. | 25. Н. Г. Ржевскій. |
| 20. П. Ф. Саврасовъ. | 26. П. Н. Мясоѣдовъ. |
| 21. А. А. Корниловъ. | 27. А. Д. Тырковъ. |
| 22. А. П. Бакунинъ. | 28. Гр. С. Ф. Броглю Ше- |
| 23. И. В. Малиновскій. | валье де-Касальбор- |
| А. Ѡ. Малиновскій. | гоне. |
| П. Ѡ. Малиновскій. | |
| А. А. Самборскій. | |

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1913.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. Пушкинъ. Документы Государственного и С.-Петербургскаго Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящіеся къ службѣ его 1831—1837 г.г. Съ семью снимками съ автографовъ Пушкина и однимъ снимкомъ съ подлиннаго свидѣтельства объ окончаніи имъ курса въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ. С.-Петербургъ. 1900 г. Цѣна 75 к.
2. Кюхельбекеръ и Пуцинъ въ день 14 декабря 1825 года.— По письменнымъ показаніямъ В. К. Кюхельбекера, даннымъ Слѣдственной Комиссіи Верховнаго Уголовнаго Суда. Спб. 1901 г.
3. Побѣгъ и поимка Вильгельма Кюхельбекера. Очеркъ. Печатается безъ пропусковъ «на правахъ рукописи» и не для продажи. Спб. 1904 г.
4. Письма Абрама Ганибала. (Архивные документы). Съ двумя снимками съ автографовъ: 1) Письмо Гр. Теплова съ собственноручною резолюціею Императрицы Екатерины II—1765 г. и 2) Конецъ письма А. Ганибала—1742 г.—Спб. 1904 г.—Не поступало въ продажу.
5. Великая Княгиня Александра Николаевна. Москва. 1907 г.— Не поступало въ продажу.
6. Обзоръ благотворительныхъ учреждений въ Германіи. Спб. 1905 г. Не поступало въ продажу.
7. Декабристы во флотѣ. Спб. 1903 г. Отдѣльный оттискъ. Не поступало въ продажу.
8. Бракоразводное дѣло Михаила Кюхельбекера. Отдѣльный оттискъ. Не поступало въ продажу.
9. Карлъ Осиповичъ Хисъ. (Воспоминанія). 1911 г.—Не поступало въ продажу.

(См. слѣд. стр. обложки).

1811—1911.

ТОВАРИЩИ ПУШКИНА

ПО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ЦАРСКОСЕЛЬСКОМУ ЛИЦЕЮ.

Материалы для словаря лицейстовъ

Перваго курса 1811—1817 г.

СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ

НИКОЛАЙ ГАСТФРЕЙНДЪ.

ТОМЪ III.

- | | |
|------------------------|--------------------------|
| 18. С. С. Есаковъ. | 24. К. К. Данзасъ. |
| 19. И. И. Пушинъ. | 25. Н. Г. Ржевскій. |
| 20. П. Ф. Саврасовъ. | 26. П. Н. Мясоѣдовъ. |
| 21. А. А. Корниловъ. | 27. А. Д. Тырковъ. |
| 22. А. П. Бакунинъ. | 28. Гр. С. Ф. Броглю Ше- |
| 23. И. В. Малиновскій. | валье де-Касальбор- |
| А. О. Малиновскій. | гоне. |
| П. О. Малиновскій. | |
| А. А. Самборскій. | |

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

Типографія П. П. Сойкина  Спб. Стремянная ул., № 12

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если за нѣсколько неуважительныхъ строкъ, съ точки зрѣнія лѣвыхъ, въ первомъ томѣ „Товарищѣй Пушкина“ меня пробрали и высказали, что я „менѣе всего гожусь въ историки“, что будто бы это видно „изъ страннаго отзыва о событіи 14-го декабря 1825 года: „глупое пронунсіаменто“. Я долженъ былъ имѣть восторженное мнѣніе объ этомъ грустномъ бунтѣ и долженъ былъ приводить только благопріятныя этому событію отзывы. Между прочимъ у меня приведенъ „избитый и пошлый, — по мнѣнію либеральнаго рецензента, — анекдотъ о „Конституціи—женѣ цесаревича Константина“ (стр. 163). Подобный анекдотъ нельзя приводить! Нельзя сказать, что солдаты были обмануты, что ихъ одурачили, — все это нужно скрыть! Такъ, я помню, что однажды я помѣстилъ статью о Кюхельбекерѣ, гдѣ ему достается отъ Жуковскаго, а объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ было сказано объ его рыцарскомъ характерѣ и добротѣ въ отношеніи многихъ декабристовъ. Увы! Мнѣ было объяснено, что вообще о декабристахъ не принято писать дурно, что худое о нихъ нужно не только избѣгать помѣщать въ статьѣ, но совершенно не касаться. И это говорилъ не первый встрѣчный, но бывший редакторъ „Фигаро“, что не помѣшало ему впослѣдствіи, въ бытность его въ Россіи, обокрасть редакцію того русскаго журнала, въ которомъ онъ былъ редакторомъ!

Но бываетъ и такъ: дается въ журналистикѣ лозунгъ не писать объ NN, и ни одинъ журналъ не приметъ о немъ ни строчки. Такъ было съ моимъ знакомымъ, когда онъ написалъ похвальную рецензію на отчетъ покойнаго Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода Побѣдоносцева. Эту рецензію не принялъ ни одинъ журналъ. Почему?—спросите вы. А потому, что данъ былъ лозунгъ не писать ничего благопріятнаго о Побѣдоносцевѣ или по поводу его дѣятельности. Для моего знакомаго эта личность была несимпатична, но въ отчетѣ его имѣлось нѣсколько интересныхъ фактовъ для большой публики. Но какое дѣло этимъ фанатикамъ отъ литературы до интересовъ большой публики, у нихъ лозунгъ: не писать ничего хорошаго о Побѣдоносцевѣ!

Такимъ образомъ, за „глупое пронунсиamento“ я не гожусь въ историки! Ну, и пусть такъ! Но вотъ мнѣ за то и возмездіе! Въ моей книгѣ, по мнѣнію рецензента, „языкъ сѣръ и мѣстами неряшливъ“ („соприкосновеніе къ декабристамъ“, „лишенный владѣнія языкомъ“). Гдѣ этотъ „лишенный владѣнія языкомъ“, я теперь, ей-Богу, не припомню—принадлежитъ ли указанная фраза мнѣ или я ее заимствовалъ изъ документа. Если я не гожусь въ историки, то я самъ не стремлюсь въ стилисты. „Гастфрейнду... не вездѣ удастся выдержать объективный тонъ... уже можно замѣтить неодинаковое отношеніе автора къ лицамъ и фактамъ, о которыхъ онъ говоритъ, отчего историческая работа только проигрываетъ. Въ видѣ примѣра можно указать на слишкомъ явное благоволеніе къ Вольховскому и недостаточно объективное отношеніе къ Пушкину ¹⁾ и возстанію декабристовъ (см. стр. 162 (?), 163, 185 и др., гдѣ авторъ не скупится на эпитеты: „шутовское возстаніе“, „глупый пронунсиamentъ“, „одураченный народъ“ и т. д.)“.

И дался же имъ „одураченный народъ“, „глупый пронунсиamentъ“, „шутовское возстаніе“, „Конституція—жена цесаревича Константина“!!!

Я всегда прошу моихъ рецензентовъ указывать мнѣ на могущія встрѣтиться ошибки или даже описки, опечатки. Такъ, Н. О. Лернеръ указываетъ мнѣ, что декабриста Каховскаго я назвалъ Андревичемъ, вмѣсто Григорьевича. Каюсь, что это большая погрѣшность съ моей стороны, но, если всмотрѣться ближе въ текстъ моей книги (т. I, стр. 50), то окажется, что вся эта цитата приведена мною изъ книги декабриста А. Е. Розена: „Записки декабриста“, стр. 144.

Конечно, я виноватъ, что не указалъ на ошибки, допущенныя самими декабристами, но тогда меня ругали бы еще больше.

Что касается до „юнкера Пушкина“ (тамъ же, стр. 53), то меня ввела въ заблужденіе шутливость письма Энгельгардта, что „просящійся охотою въ фельдмаршалы юнкеръ Пушкинъ отправляется завтра въ персидскую армію“. Изъ этихъ словъ я заключилъ, что А. С. Пушкинъ имѣлъ намѣреніе посѣтить Кавказъ.

Глубокоуважаемый Н. О. Лернеръ буквально зарѣзалъ меня своимъ сообщеніемъ, что „юнкеръ Пушкинъ, братъ поэта, отождествленъ съ самимъ поэтомъ, который никогда не былъ въ юнкерахъ“. Мнѣ остается сказать, что это совершенно вѣрно и, ударяя себя въ грудь, воскликнуть: „O, mea culpa! Mea maxima culpa!“

Меня упрекаютъ въ недостаткѣ хладнокровія—объективности. При всемъ моемъ флегматическомъ характерѣ я горжусь тѣмъ, что у меня оказался темпераментъ, что я не отнесся ко всѣмъ съ одинаковымъ равнодушіемъ, безстрастностью.

Что я отнесся къ Вольховскому „съ слишкомъ явнымъ благоволеніемъ“, то, во-первыхъ, я этого не вижу, а, во-вторыхъ, Вольховскій—

¹⁾ Я бы сказалъ: къ Пушкину. Это вѣрно описка г. рецензента.

личность сама по себѣ весьма интересная, несмотря на то, что онъ призналъ всю утопичность стремленій декабристовъ, за что, конечно, не угодилъ всѣмъ послѣдующимъ декабристамъ.

Если я не угодилъ въ первомъ томѣ „Товарищей Пушкина“ всѣмъ сочувствующимъ декабристамъ, то что скажутъ они о третьемъ томѣ „Товарищей Пушкина“, въ которомъ я нисколько не скрываю моей антипатіи къ личности Пущина или къ графу Броглю Шевалье де-Касальборгоне!

Пущинъ—вотъ личность, не по заслугамъ раздутая! Не проявивъ никакого исключительнаго участія ни въ разговорѣ, ни въ самомъ бунтѣ, Пущинъ тѣмъ не менѣе сохранилъ за собою ореолъ сочувствія, приобрѣлъ себѣ нимбъ декабристской святости. Безспорно, Пущинъ не былъ дуракомъ, онъ, напротивъ, былъ „душой общества“, человѣкомъ общительнымъ, свѣтскимъ, большимъ болтуномъ, увлекающейся натурой. И настолько сильно было его вліяніе, что даже и теперь ему вѣрятъ на слово, считаютъ Пущина замѣчательною личностью среди декабристовъ. Какъ королева Елизавета Англійская считается у англичанъ дѣвственницей, такъ и Пущинъ признавался чуть ли не святымъ. Между тѣмъ онъ уступаетъ многимъ декабристамъ и никогда не достигалъ того значенія, какое имѣлъ, напримѣръ, Николай Ивановичъ Тургеневъ. Единственное важное дѣло, которое онъ совершилъ въ жизни, это то, что онъ не увлекъ за собою Пушкина и написалъ о немъ свои воспоминанія. Будемъ благодарны Пущину и за это!

Пусть другой пишетъ о Пущинѣ что ему угодно, какой-угодно панегирикъ, но пусть даютъ и другимъ свободу писать, какъ они понимаютъ данные матеріалы, данную личность, и да будетъ во имя той же „свободы“ дозволено сказать истину о Пущинѣ безъ всякихъ прикрасъ и безъ страха іудейска въ отношеніи правовѣрныхъ декабристовъ, боящихся исторической правды.

Раньше, чѣмъ вышелъ изъ печати III томъ „Товарищей Пушкина“, типографіей по недоразумѣнію былъ разосланъ по магазинамъ отпечатокъ объ Иванѣ Ивановичѣ Пущинѣ.

Не успѣла еще брошюра обсохнуть отъ типографской краски, какъ на нее обрушился Н. О. Лернеръ съ присущимъ ему и довольно своеобразнымъ краснорѣчіемъ. Рѣзко характерная для рецензента, обрисовывающая его въ натуральную величину, рецензія появилась въ „Рѣчи“.

Совершенно не считаясь съ тѣмъ, что ставитъ мнѣ въ заслугу г. Лернеръ и за что порицаетъ, я, однако, скажу нѣсколько словъ по существу появившейся рецензіи, носящей громкое заглавіе „Оклеветанная тѣнь“. Г. Лернеръ порицаетъ меня за то, что я сталъ „судьею своего героя и судьей явно недобросовѣстнымъ“. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что думаетъ г. Лернеръ объ Иванѣ Пущинѣ. Пусть онъ его даже

боготворить, если желаетъ, но пусть предоставитъ и другимъ „смытъ свое сужденіе имѣть“, а не руководствоваться дешевенькими либеральными трафаретками. Не допуская возможности различныхъ мнѣній и заставляя обязательно всѣхъ смотрѣть на Пушкина съ своей точки зрѣнія, г. Лернеръ, очевидно, боится, что при столкновении противоположныхъ взглядовъ могла бы явиться истина (*du choc des opinions jaillit la vérité*).

Относительно моей якобы недобросовѣстности въ сужденіяхъ о Пушкинѣ скажу слѣдующее: здѣсь не мѣсто вступать въ полемику съ г. Лернеромъ, пусть онъ остается при своемъ мнѣніи. Но, имѣя за своими плечами болѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ, упорнаго, кропотливаго и совершенно безпристрастнаго труда по изслѣдованію эпохи Пушкина, я, мнѣ кажется, могу высказывать тотъ или иной взглядъ, не навязывая его кому бы то ни было. Высказываясь правдиво, основываясь только на документахъ, а не на сужденіяхъ, хотя бы принадлежащихъ самому г. Лернеру, ни въ какомъ случаѣ не значить быть „явно недобросовѣстнымъ судьей“.

Относительно благопожеланій и одобреній, высказываемыхъ г. Лернеромъ по моему адресу, а также общаго тона его рецензіи отвѣчу ему словами Пушкина:

„Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки“.

Вообще г. Лернеръ своими ядовитыми рецензіями напоминаетъ мнѣ французскаго критика XVIII вѣка Фрерона, известнаго своими нападкама на Вольтера, который написалъ на него слѣдующую эпиграмму:

„L'autre jour, au fond du vallon,
Un serpent mordit Jean Fréron,
Que pensez—vous qu'il ariva?
Ce fut le serpent qui créva“.

Мнѣ кажется, будетъ вполне уместнымъ въ книгѣ о „Товарищахъ Пушкина“ помѣстить замѣтку, относящуюся до самого Пушкина или, лучше сказать, о томъ, какимъ образомъ попалъ въ Лицей, а затѣмъ и въ Пушкинскій Музей подлинный дипломъ или свидѣтельство Пушкина объ окончаніи Лицея.

Когда я занимался въ 1899 году составленіемъ моей книги: „Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящіяся къ службѣ его 1831—1837 гг., съ семью снимками съ автографовъ Пушкина и однимъ снимкомъ съ подлиннаго свидѣтельства объ окончаніи имъ курса въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ. Спб., 1900 г.“,—

то, разбирая бумаги о службѣ Пушкина съ 1831 по 1837 г., я наткнулся на подлинный дипломъ или, какъ тогда его называли, „свидѣтельство“ объ окончаніи курса Лицея. Я удивляюсь, что никто изъ ученыхъ не обратилъ вниманія на эту рѣдкость, которую я постарался воспроизвести въ точномъ снимкѣ при названной книгѣ. Желая сохранить для потомства и для Лицея эту рѣдкость, я переговорилъ объ этомъ съ Директоромъ Архива барономъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ СтUARTомъ, на мое счастье—лицейстомъ (XXIII курса, выпуска 1859 г.). Я попросилъ его отдать этотъ документъ въ собственность Императорскому Александровскому Лицею и научить меня, что нужно для этого сдѣлать.

Я обратился къ барону СтUARTу съ слѣдующимъ письмомъ: „Милостивый Государь, Баронъ Дмитрій Ѳедоровичъ.—Занимаясь въ Архивѣ изысканіями для моего словаря лицейстовъ, я былъ счастливъ найти въ числѣ бумагъ о Пушкинѣ подлинное свидѣтельство объ окончаніи имъ курса въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Документъ этотъ не представляетъ для Государственнаго Архива никакой цѣнности, между тѣмъ для Пушкинскаго Музея при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ дипломъ этотъ является величайшею находкою и занялъ бы первое мѣсто среди документовъ о Пушкинѣ.

„Поэтому я беру смѣлость обратиться къ Вамъ, Баронъ, какъ къ лицейсту, которому все лицейское должно быть близко къ сердцу, съ слѣдующимъ предложеніемъ: не найдете ли Вы возможнымъ повергнуть къ стопамъ обожаемаго нашего Государя ходатайство передать изъ Государственнаго Архива въ Пушкинскій Музей при Александровскомъ Лицеѣ подлинное свидѣтельство Пушкина, взамѣнъ котораго я дамъ точный автотипическій снимокъ съ него въ размѣрахъ подлинника.—Примите, Ваше Превосходительство, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубокомъ уваженіи Вашего покорнаго слуги—Николай Гастфрейндъ. Лицействъ XXXIV курса“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ нужнымъ обратиться къ Директору Императорскаго Александровскаго Лицея генералу Ѳ. А. Фельдману ¹⁾ съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Милостивый Государь Ѳедоръ Александровичъ.—Занимаясь въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ Архивахъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, изысканіями для моего „словаря лицейстовъ“, я нашелъ нѣкоторые документы о Пушкинѣ, которые я издалъ, и они выйдутъ на дняхъ. Въ числѣ этихъ документовъ мною найдено подлинное свидѣтельство Императорскаго Лицея объ окончаніи Пушкинымъ курса.

„Письмомъ отъ 19 октября сего года я обратился къ г. Директору Архива Тайному Совѣтнику Барону Дмитрію Ѳедоровичу СтUARTу, лицейсту XXIII курса, съ просьбою повергнуть къ стопамъ Его

¹⁾ Генераль-Лейтенантъ Ѳедоръ Александровичъ Фельдманъ былъ директоромъ Лицея съ 1896 по 1900 г.

Императорскаго Величества ходатайство о передачѣ Пушкинскаго диплома изъ Архива въ Пушкинскій Музей при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, мотивируя это тѣмъ, что для Архива дипломъ этотъ не представляетъ важнаго документа, между тѣмъ для Пушкинскаго Музея онъ представлялъ бы драгоценную находку и занялъ бы первое мѣсто въ средѣ музейныхъ документовъ.

„Въ виду всего вышеизложеннаго, я обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою поддержать и съ Вашей стороны мое ходатайство и обратиться къ г. Директору Архива съ письмомъ, какъ представитель Лицея. Примите, Ваше Превосходительство, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи Вашего покорнаго слуги Николая Гастфрейндъ. 8 ноября 1899 г.“

Директоръ Лицея генералъ Фельдманъ отнесся со вниманіемъ къ моему предложенію. Отъ 11 ноября 1899 года онъ писалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: „Милостивый Государь Николай Андреевичъ. Очень Вамъ благодаренъ, что извѣстили меня о сдѣланной Вами находкѣ въ Государственномъ Архивѣ. Я просилъ отъ имени Лицея барона Стурта содѣйствовать передачѣ Пушкинскаго выпускнаго свидѣтельства въ нашъ Музей и предложилъ ему, въ случаѣ надобности, подкрѣпить это ходатайство письмомъ Гр. Пратасова къ Министру Иностранныхъ дѣлъ. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности—Ф. Фельдманъ. 11 ноября“.

Въ свою очередь баронъ Стуртъ увѣдомилъ меня, письмомъ отъ 16 ноября 1899 г. за № 148, о состоявшемся Высочайшемъ разрѣшеніи передать этотъ документъ въ Музей. Вотъ это письмо барона Стурта: „Милостивый Государь Николай Андреевичъ. Считаю долгомъ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что возбужденный по инициативѣ Вашей вопросъ о передачѣ въ Пушкинскій Музей подлиннаго аттестата, съ коимъ покойный великій поэтъ былъ выпущенъ изъ Царскосельскаго Лицея, разрѣшенъ благопріятно послѣдовавшимъ 14 сего ноября, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Иностранныхъ Дѣлъ ¹⁾, Всемилоствѣйшимъ соизволеніемъ на такую передачу.

„Сообщая Вамъ о семъ, долгомъ считаю присовокупить, что вышеозначенный документъ вмѣстѣ съ симъ отправленъ къ Г. Директору Императорскаго Александровскаго Лицея.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности—Д. Стуртъ“.

Наконецъ, отъ 18 ноября 1899 г. генералъ Фельдманъ прислалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Милостивый Государь Николай Андреевичъ. Сейчасъ я получилъ отъ барона Стурта для Пушкинскаго Музея подлинный выпускной аттестатъ А. С. Пушкина. Такъ какъ Лицей получилъ этотъ драгоценный даръ по Вашему почину, то считаю долгомъ еще разъ искренно поблагодарить Васъ.

¹⁾ Графъ М. Н. Муравьевъ.

„Аттестатъ положенъ въ одну изъ витринъ Музея.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи—Ө. Фельдманъ. 18 ноября“.

Мнѣ хотѣлось по документамъ возстановить всю исторію пріобрѣтенія этого документа Пушкинскимъ Музеемъ, такъ какъ я не видѣлъ въ витринѣ, гдѣ находится этотъ дипломъ, никакой пояснительной замѣтки, какъ онъ попалъ въ Музей. Въ виду этого я рѣшился подѣлиться тѣми свѣдѣніями, которыми я обладаю. Впрочемъ, объ этомъ свидѣтельствѣ Пушкина и находкѣ его въ Архивѣ я подѣлился съ читателями, напечатавъ замѣтку въ „Новомъ Времени“ 10-го (23-го) марта 1900 г. (№ 8633).

Брошюра моя „Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго Архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящіяся къ службѣ его 1831—1837 гг., съ семью снимками съ автографовъ Пушкина и однимъ снимкомъ съ подлиннаго свидѣтельства объ окончаніи имъ курса въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ. Спб. 1900 г.“, какъ это видно изъ заглавія, снабжена нѣсколькими снимками съ собственноручныхъ записей Пушкина и снимкомъ съ его лицейскаго свидѣтельства (аттестата). Всѣ эти снимки появились въ моей брошюрѣ впервые въ печати и представили собою огромный интересъ.

И вотъ, вѣроятно, въ виду этого интереса, „Петербургская Газета“ взяла и перепечатала упомянутое выше свидѣтельство (дипломъ) Пушкина въ своей газетѣ. Нужно, однако, сказать, что документъ этотъ былъ перепечатанъ въ газетѣ въ уменьшенномъ форматѣ.

Совершенно иначе поступилъ издатель „Нивы“, А. Ф. Марксъ; въ изданной имъ книгѣ П. К. Полевого „Исторія русской словесности“, (Спб. 1900 г.) на стр. 40—41, находится „аттестатъ Пушкина“ въ томъ же форматѣ, какъ и у меня. Допуская кражу изъ моей книги снимка со свидѣтельства Пушкина, въ виду интереса, какой представляетъ собою это свидѣтельство, я все-таки никакъ не могу понять, чтобы можно было перепечатывать изъ чужой книги, *не увѣдомивъ* и не испросивъ даже разрѣшенія у автора такой книги, тѣхъ матеріаловъ, которые имъ приведены. Разбойники пера не понимаютъ этого. Они считаютъ, вѣроятно, что приведенные у меня факсимиле рукописей и свидѣтельства Пушкина объ окончаніи Лицея являются общимъ достояніемъ, и поэтому всякій воленъ брать изъ моей брошюры что ему угодно. Лица эти забываютъ, что мнѣ стоилъ денегъ первоначальный фотографическій снимокъ съ документа, затѣмъ цинкографическое клише и проч.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	СТР.
18. С. С. Есаковъ. Съ портретомъ	1— 17
19. И. И. Пущинъ. Съ двумя портретами	19—150
20. П. Ф. Саврасовъ	151—164
21. А. А. Корниловъ. Съ двумя портретами	165—178
22. А. П. Бакунинъ. Съ факсимиле его записи въ альбомъ Е. А. Энгельгардта (къ стр. 185)	179—207
23. И. В. Малиновскій. Съ портретомъ и снимкомъ съ рукописи	209—299
А. Θ. Малиновскій	300—307
П. Θ. Малиновскій	308—310
А. А. Самборскій	311—319
24. К. К. Данзасъ. Съ портретомъ	321—344
25. Н. Г. Ржевскій	345—354
26. П. Н. Мясоѣдовъ. Съ портретомъ	355—373
27. А. Д. Тырковъ. Съ видомъ имѣнія «Вергежа» на Волховѣ	375—386
28. Гр. С. Ф. Броглю Шевалье де-Касальборгоне. Съ портретомъ-карикатурой, снимкомъ съ его собственноручной записи въ альбомъ Энгельгардта и родовымъ и княжескимъ гербами	387—418
I. Добавленіе къ разнымъ біографическимъ очеркамъ «Товарищей Пушкина». Съ снимкомъ съ копии акта о смерти Θ. Х. Стевена	419—446
II. «Лицейскія Вѣдомости» второго курса. Съ снимкомъ съ первой страницы журнала	447—464
III. Марія Ивановна Корсакова и ея сынъ Гриша—знакомые Пушкина	465—477

18.

СЕМЕНЪ СЕМЕНОВИЧЪ
ЕСАКОВЪ.



Семень Семеновичъ
ЕСАКОВЪ.

Семень Семеновичъ Есаковъ.

(Род. въ 1798 г., † въ 1831 г.).

«Есаковъ былъ благороднѣйшій человѣкъ».

Я. К. Гротъ. «Старина Царско-сельскаго Лицея».

Семень Семеновичъ Есаковъ, сынъ коллежскаго ассесора ¹⁾, родился въ 1798 г. ²⁾, пзъ дворянъ С.-Петербургской губерніи. Гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе—намъ неизвѣстно; въ 1811 г., 12 августа, Есаковъ держалъ экзаменъ въ только-что открытый Императорскій Царскосельскій Лицей. Отмѣтки его на этомъ экзаменѣ были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ російскаго и французскаго—«очень хорошо»; нѣмецкаго отмѣчено—«не учился»; въ ариметикѣ—«очень хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ—«хорошо»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«очень хорошо» ³⁾.

Этотъ блистательно выдержанный экзаменъ далъ Есакову право поступить въ число воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея.

За время пребыванія его въ Лицеѣ остались отмѣтки профессоровъ, преподавателей и гувернеровъ о его успѣхахъ въ наукахъ и поведеніи.

¹⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея», П. Селезнева. 1856 г. Въ Памятн. книжкѣ Лицея на 1856—57 г., стр. 29.—В. Л. Модзалевскій въ своей прекрасной статьѣ объ Есаковѣ сообщаетъ, что отецъ Есакова, надворный совѣтникъ Семень Ивановичъ Есаковъ, служилъ Директоромъ Временнаго Отдѣленія Ассигнаціоннаго Банка съ 1814 г. по 1816 г. и умеръ во второй половинѣ 1820-хъ годовъ, 88 лѣтъ отъ роду; погребенъ въ Варшавѣ на упраздненномъ теперь кладбищѣ на Млынарской ул. Мать его была Елизавета Филипповна, рожденная Ярцева.—«Пушкинъ и его современники». Вып. II. Спб., 1904 г., стр. 27. «Семень Семеновичъ Есаковъ». Биографическая замѣтка.

²⁾ Мы указываемъ годъ рожденія на основаніи свѣдѣній, помѣщенныхъ Мартыномъ Пилецкимъ-Урбановичемъ въ своемъ отчетѣ, составленномъ 19 ноября 1812 г. Въ этомъ отчетѣ значится Есакову 14 лѣтъ; слѣдовательно, онъ родился въ 1798 г. Между тѣмъ по выпискѣ изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-Гв. Конно-Артиллерійской легкой № 3 батареи за 1829 г. (по архиву № 1172), Есакову значится 30 лѣтъ; слѣдовательно, по этому формуляру выходитъ, что онъ родился въ 1799 г.

³⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея», П. Селезнева. Прибавленіе, стр. XI.

Профессоръ Кошанскій за время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 г., помѣщая Есакова одиннадцатымъ въ своемъ спискѣ, даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Семень Есаковъ, одаренъ и памятью и понятливостью и размышленіемъ (;) онъ особенно прилѣженъ и усерденъ къ ученію. Успѣхи его въ обоихъ языкахъ (въ русскомъ и латинскомъ) очень хороши».

Отзывъ Кошанскаго съ 15 марта по 15 октября 1812 г. почти дословно повторяетъ предыдущій отзывъ, съ тою только разницею, что онъ прибавляетъ, что успѣхи его въ обоихъ языкахъ «отлично хороши». Въ своемъ спискѣ изъ тридцати воспитанниковъ Кошанскій ставитъ его шестымъ.

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ въ отчетѣ отъ 31 марта 1812 г. пишетъ объ Есаковѣ слѣдующее: «Yessakoff. Très bon et diligent écolier, qui réunit à des manières douces beaucoup de pénétration, et est d'ailleurs doué de beaucoup de mémoire».

Профессоръ французской литературы де-Будри отъ 15 ноября 1812 г. дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре группы, ставитъ Есакова въ первую группу, т. е. превосходныхъ учениковъ, и даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Yessakoff; Il réalise toutes les espérances qu'il a données dans le commencement; sa diligence est exemplaire et je n'ai que des éloges à lui donner».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г., дѣлитъ воспитанниковъ на три отдѣла и выдѣляетъ еще выше перваго отдѣла такихъ воспитанниковъ, которые превосходятъ этотъ первый отдѣлъ (*classe de ceux qui excellent*) и въ числѣ ихъ ставитъ Есакова вторымъ, а первымъ—Горчакова. Онъ пишетъ о немъ слѣдующее: «Yessakoff, ce bon écolier a devancé plusieurs de ses condisciples et mérite maintenant la seconde place dans cette classe».

Мартынъ Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царькосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ объ Есаковѣ: «Есаковъ (Семень) 14-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями и крайне прилѣженъ. Добродушенъ, снисходителенъ, живъ съ осторожностію и безъ рѣзвости, благонравенъ не требуя надзора, чувствителенъ, склоненъ къ состраданію и благотворенію, весьма благоразуменъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, въ обращеніи дружелюбенъ и искрененъ, всегда постоянная вѣрность и точность въ исполненіи своихъ обязанностей, благонравіе во всей силѣ сего слова, нѣжная привязанность къ родителямъ и роднымъ, любовь къ отечеству, пріятная вѣжливость въ обращеніи, порядокъ, опрятность, трудолюбіе и умѣренность, суть отличными его свойствами; но боязливъ, устрашается грома, молніи и всякихъ видимыхъ опасностей—отъ испугу въ младенчествѣ. Примѣчательна еще слѣдующая добродѣтельная черта въ его характерѣ: изъ любви къ слабымъ товарищамъ своимъ, изъ единой любви къ пользѣ ихъ, онъ часто до усталости занимается съ ними особенно».

повтореніемъ ихъ уроковъ, бесѣдя съ каждымъ съ необыкновенною кротостью, приравливаясь къ его нраву, съ намѣреніемъ, чтобы исправить его ошибку или разсѣять его неудовольствіе. Сему доброму примѣру онъ имѣеть уже послѣдователей между своими товарищами» ¹⁾).

Профессоръ латинской и російской словесности Н. Кошанскій въ своемъ спискѣ воспитанниковъ отъ 9 іюля 1813 г. раздѣляетъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре группы и помѣщаетъ Есакова въ первую группу—превосходныхъ учениковъ, третьимъ воспитанникомъ изъ числа пяти этой группы.

Тотъ же Кошанскій въ своемъ «Спискѣ воспитанниковъ изъ російскаго и латинскаго классовъ съ показаніемъ ихъ способностей, прилѣжанія и успѣховъ» съ 1 августа по 15 декабря 1813 г. даетъ дословно тотъ же отзывъ, что и въ спискѣ отъ 15 марта по 15 октября 1812 г. Кошанскій ставитъ Есакова пятымъ воспитанникомъ изъ двадцати девяти.

Въ спискѣ о свойствахъ и поведеніи воспитанниковъ отъ 30 сентября 1813 г. гувернеръ Чириковъ изъ двадцати девяти воспитанниковъ ставитъ Есакова первымъ воспитанникомъ и даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Благоразуменъ, кротокъ, искрененъ, чувствителенъ, опрятенъ, крайне прилѣженъ. Любовь къ порядку, согласованіе съ правилами постановленія и любопытство, суть отличныя его свойства».

Наконецъ, адъюнктъ-профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кайдановъ въ «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части географіи, всеобщей и російской исторіи отъ 1 ноября 1812 г. по 1 января 1814 г.» даетъ слѣдующій отзывъ:

«Семень Есаковъ. Дарованій весьма хорошихъ, прилѣжанія примѣрнаго, успѣховъ прекрасныхъ, поведенія кроткаго и благородныхъ (?). Вообще принадлежитъ къ числу лучшихъ воспитанниковъ Лицея». Кайдановъ ставитъ его пятымъ изъ двадцати девяти воспитанниковъ.

Мы имѣемъ еще отзывъ гувернера Илья Пилецкаго за ноябрь мѣсяца 1812 года; въ этомъ безграмотномъ журналѣ о поведеніи воспитанниковъ трактуется о столкновеніи ихъ съ своимъ инспекторомъ и дается о каждомъ воспитанникѣ характеристика его поступка. Объ Есаковѣ спеціальнаго описанія нѣтъ, но въ описаніи шалостей другихъ воспитанниковъ упоминается и о немъ. Такъ, напр., Кюхельбекеръ, по словамъ Пилецкаго, въ случившемся 21 числа дѣлѣ принялъ весьма жаркое участіе, «... даже съ ожесточеніемъ, укорялъ и бранилъ явно подлецами Юдина, Корфа, Ломоносова и Есакова, что они не утверждали на Инспектора того, что нѣкоторые другіе, поджигалъ ихъ и настаивалъ, но сіи съ твердостью сказали ему, что они не могутъ того утверждать, чего не слышали сами». Далѣе въ этомъ журналѣ Пилецкаго, въ аттестаціи другого ученика, Ма-

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 1—332.

линовскаго, говорится, что онъ «многократно укорялъ Есакова и часто называлъ льстецомъ, что онъ не послѣдовалъ своимъ товарищамъ имѣя даже и причину; но Г. Есаковъ долго молчалъ и сносилъ все съ непоколебимымъ терпѣніемъ; наконецъ не могши ничемъ (Sic!) доказать его несправедливость, съ плачемъ пришелъ ко мнѣ прося совета (Sic!) что ему дѣлать и чемъ онъ можетъ уступить оказываемое ему негодование? Я сказалъ ему, что другого средства не знаю, кромѣ чтобы довести до сведѣнія Г. Директора; но онъ и на это не согласился повторяя со слезами, что наведетъ на себя тѣмъ большее роптаніе товарищей и огорчитъ Г. Директора, послѣ сего я совѣтовалъ ему на сторонѣ сказать: что если онъ (т. е. Малиновскій) не перестанетъ его поносить, то онъ явно принесетъ Г. Директору на него жалобу, и это подѣйствовало съ таковымъ успѣхомъ, что онъ (Sic!) съ 2 числа сего мѣсяца (декабря) сдѣлался друзьями» ¹⁾.

Есаковъ въ Лицеѣ примкнулъ къ той средѣ талантливыхъ мальчиковъ, гдѣ занимались литературными шалостями. Когда въ 1812 г. появился журналъ «Для удовольствія и пользы», то мы видимъ имя Есакова въ числѣ издателей этого лицейскаго журнала, который продолжался и въ 1813 году. Его вышло всего 12 номеровъ. Издателями его были Вольховскій, Есаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Масловъ и Яковлевъ.

Въ 1813 же году появился новый журналъ—«Юные пловцы» ²⁾. Издателями его были Пушкинъ, Дельвицъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Его вышло всего два номера. О содержаніи его стало извѣстнымъ изъ записки бывшаго губернера Лицея Иконникова, приводимой В. Гаевскимъ ³⁾. Есакову принадлежить здѣсь прозаическое сочиненіе подъ заглавіемъ «Полордъ».

Этими свѣдѣніями ограничивается участіе Есакова въ поэтической школьной дѣятельности первокурсниковъ. Участвовалъ ли онъ въ другихъ журналахъ и что онъ писалъ въ нихъ, намъ неизвѣстно, за неимѣніемъ подъ руками подлинниковъ этихъ журналовъ.

Изъ лицейской жизни можно привести слѣдующій рассказъ Пущина, гдѣ упоминается Есаковъ. Пущинъ сообщаетъ, что въ домѣ Директора Лицея Е. А. Энгельгардта воспитанники знакомились съ обычаями свѣта и находили пріятное женское общество. Тутъ предпринимались прогулки, катаніе на тройкахъ, пикники и проч. Въ этихъ экскурсіяхъ и увеселеніяхъ принимало участіе семейство Энгельгардта и близкія ему дамы и дѣвицы. Это пребываніе въ женскомъ обществѣ пріучало воспитанниковъ къ приличію въ обращеніи. Пущинъ

¹⁾ И. А. Шляпкинь. 1799—1899 г. «Къ біографіи А. С. Пушкина» (малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). Спб., 1899 г., стр. 19, 20—21.

²⁾ А не «Неопытные пловцы», какъ сказано въ изданіи С. А. Венгерова: Пушкинъ (т. I, стр. 451).

³⁾ В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія». «Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 141 и 142.

говорить: «Отъ сближенія нашего съ женскимъ обществомъ зарождался платонизмъ въ чувствахъ: этотъ платонизмъ не только не мѣшалъ занятіямъ, но придавалъ даже силы въ классныхъ трудахъ, напептывая, что успѣхомъ можно порадовать предметъ воздыханій. Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію. Разъ на зимней нашей прогулкѣ въ саду, гдѣ расчищались кругомъ пруда дорожки, онъ говоритъ Есакову, съ которымъ я часто ходилъ въ парѣ:

И останешься съ вопросомъ
На берегу замерзлыхъ водъ:
«Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
«Милыхъ Вельо не ведетъ?»¹⁾).

Это стихотвореніе имѣетъ свою исторію. Есаковъ ухаживалъ за дѣвицами Вельо, которыхъ онъ встрѣчалъ въ домѣ учителя музыки въ Лицеѣ Теппера-де-Фергюзона, а также онъ встрѣчался съ ними въ Царскосельскихъ садахъ. Тепперъ былъ женатъ на дочери банкира Северина, родной сестрѣ баронессы Вельо, мужъ которой былъ также банкиромъ. Къ дочери Вельо Софіи, вышедшей потомъ замужъ за генерала Ребиндера, очень благоволилъ Императоръ Александръ. Тогда Софія была еще дѣвицей, и свиданія съ Императоромъ назначались обыкновенно въ Баболовскомъ дворцѣ, въ концѣ Александровскаго парка въ Царскомъ Селѣ. По этому поводу Пушкинъ, какъ извѣстно, написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Къ Баболовскому дворцу», съ подзаглавіемъ: «Баронессѣ Софіи Вельо»:

Прекрасная! пускай восторгомъ насладится
Въ твоихъ объятіяхъ російскій полубогъ.
Что съ участію твоей сравнится?
Весь міръ у ногъ его—здѣсь у твоихъ онъ ногъ²⁾.

Объ Есаковѣ упоминаетъ Алексѣй Илличевскій въ письмахъ своихъ изъ Лицея къ своему пріятелю Фуссу отъ 16 генваря и 28 февраля 1816 г. Здѣсь упоминается только о томъ, что Есаковъ кланяется Фуссу и Гофману и что Есаковъ передаетъ Гофману книгу, взятую у него Илличевскимъ. Эти упоминанія объ Есаковѣ могутъ послужить только указаніемъ на пріятельскія отношенія Есакова къ Илличевскому, а также къ его двумъ пріятелямъ: Павлу Николаевичу Фуссу и Андрею Логгиновичу Гофману.

¹⁾ Записки И. И. Пущина, въ книгѣ Л. Майкова: «Пушкинъ». Спб., 1899 г., стр. 65.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редакцію П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, т. 1, стр. 264,—и Записки графа М. А. Корфа, въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ...», стр. 238 и 247.

Въ бытность Есакова въ Лицеѣ онъ занималъ комнату № 37, выходящую окномъ въ лицейскій садикъ. Какъ видно изъ письма гувернера Чирикова къ С. Д. Комовскому отъ 6 сентября 1814 г., Есаковъ пользовался расположеніемъ этого гувернера, такъ какъ онъ въ этомъ письмѣ посылаетъ ему поклонъ въ числѣ немногихъ другихъ товарищей ¹⁾).

Передъ выходомъ изъ Лицея Есаковъ внесъ въ альбомъ Энгельгардта на память о себѣ слѣдующія строки:

«Какимъ словомъ выразитъ мнѣ то, что я нашелъ въ начальникѣ! — вотъ главное затрудненіе: начальникъ, благодѣтель и вмѣстѣ другъ! какъ я счастливъ, все это вижу я въ одномъ почтенномъ человѣкѣ, къ которому привязанность продлится безъ всякаго сомнѣнія до конца существованія моего.—Онъ знаетъ меня, я открылъ ему мое сердце, его слабости, пусть скажетъ онъ теперь: перемѣнюсь ли я къ нему или нѣтъ?—Ужасная мысль!—Нѣтъ! или я буду всегда достойнъ имени, которое ношу послѣднія уже минуты, или никогда взоръ его не увидитъ недостойнаго прежней любви.

«Милое—родное семейство—не забудьте того, который Васъ нелицемѣрно, искренно любитъ; онъ будетъ далеко отъ Васъ, но отдаленность не помѣшаетъ ему часто вспоминать о прежнемъ времени, проведенномъ въ вашемъ кругѣ. Сохраните между вами имя мое, которымъ любезнѣйшая женщина въ свѣтѣ такъ близко соединила меня съ дѣтьми своими, повторяйте его изъ года въ годъ — и буду доволенъ.

«Обращаюсь опять къ вамъ, другъ юности моей! Забудьте мои слабости, мои минутныя заблужденія; нѣтъ! лучше пожалуйте меня, дайте мнѣ новыя наставленія и положитесь на время оно исполнитъ повелѣнія мудраго разсудка.

«Ils viendront ces paisibles jours,
Ces moments du réveil où la raison severe
Dans la nuit des erreurs fait briller sa lumière,
Et dissipe à nos yeux le songe des Amours.
Le temps qui d'une aile légère
Emporte en se jouant nos goûts et nos penchans,
Mettra bientôt le terme à mes égarements.
O mon ami! alors échappé de ses chaînes,
Et guéri de ses longues peines
Ce coeur qui Vous trahit revolera vers Vous.
Sur votre expérience appuyant ma faiblesse
Peut-être je pourrai d'une folle tendresse
Prévenir les retours jaloux
Sur les plaisirs de mon aurore.
Vous me verrez tourner les yeux mouillés de pleurs,

¹⁾ Я. Б. Гротъ: «Пушкинъ...», стр. 279.

Soupirer malgré moi, rougir de mes erreurs.

Et même en rougissant les regretter encore.

«Семень Есаковъ. Царское село. 1817 года. 7 Юня ¹⁾).

Въ 1817 г., 9 юня, Есаковъ окончилъ курсъ Лицея съ чиномъ офицера гвардіи и серебряной медалью № 2 и поступилъ, съ чиномъ прапорщика, въ гвардейскую конную артиллерію, квартировавшую тогда въ Варшавѣ. 29 октября 1817 г. ²⁾).

По сформированіи изъ оной Лейбъ-Гвардіи, поступилъ въ конно-артиллерійскую легкую № 3 батарею въ 1817 г., декабря 17. Мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Матюшкину, изъ котораго мы можемъ указать время, когда Есаковъ отправился къ мѣсту своего служенія. Энгельгардтъ писалъ Матюшкину отъ 20 декабря 1817 г.: «Есаковъ отправился къ мѣсту своего назначенія въ Варшаву, на проѣздъ черезъ Царское Село, куда провожали его Пушкинъ и Малиновскіи, онъ остановился, какъ должно, у меня, пообѣдалъ, мы пили за здоровье его и твое и потомъ онъ съ моимъ благословеніемъ отправился въ путь». Въ письмѣ отъ 10 сентября 1820 г. онъ сообщаетъ Матюшкину, что «Есаковъ въ Варшавѣ, тутъ же временно и князь Горчаковъ». Также точно Энгельгардтъ отъ 14 сентября 1823 г. извѣщалъ Кюхельбекера, что «Есаковъ довольно скучно служить въ Варшавѣ» ³⁾. Какъ видно, Есаковъ не очень аккуратно поддерживалъ переписку съ товарищами, такъ какъ въ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ 4 генваря 1826 г. мы читаемъ: «Объ Есаковѣ нѣтъ ни слуху, ни духу».

Въ 1820 г., апрѣля 19, Есаковъ былъ назначенъ подпоручикомъ; въ 1822 г., декабря 16,—поручикомъ; въ 1823 г., августа 11,— штабсъ-капитаномъ; капитаномъ онъ былъ сдѣланъ въ 1824 г., ноября 8, а въ 1829 году, августа 11, произведенъ въ полковники ⁴⁾).

¹⁾ «Пушкинъ и его современники». Спб., 1908 г., вып. 7, стр. 6-7.—Д. О. Кобеко: Альбомъ директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта.

²⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. 1856 г., стр. 91—92.

³⁾ «Рус. Старица» 1875 г., т. 13, іюль, стр. 374.

⁴⁾ Далѣе въ формулярѣ говорится: «Удостоился получить Высочайшее благоволеніе въ числѣ прочихъ Г. г. Штабъ- и Оберъ-офицеровъ за смотръ войску и маневры, бывшіе при гор. Варшавѣ, объявленное въ приказахъ 1819 г., сентября 24 и октября 4; 1820 года: августа 22, сентября 15, 19, 26 и октября 3; 1822 г.: августа 18 и 19; 1823 г., за смотръ войску и маневры, бывшіе при гор. Брестъ-Литовскѣ: сентября 18 и 20; 1829 г.: мая 5—за парадъ, мая 9—за парадъ при коронаціи, юня 9—за молебствіе объ одержанной 30 числа мая побѣдѣ войсками 2 арміи, юня 11—за дивизіонное ученіе Гвардейской кавалерійской дивизіи». Выписано изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Артиллерійской № 3 батареи за 1829 г., по Архиву № 1172 (а не № 1076, какъ приведено у Б. Л. Модзалевскаго въ его интересной статьѣ о С. С. Есаковѣ. См. «Пушкинъ и его современники», вып. 2. Спб. 1904 г., стр. 29). Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба въ Москвѣ, въ Лефортовѣ. Формуляръ Есакова подписалъ Полковникъ Гербель.—Можетъ быть будетъ

Это производство обрадовало Энгельгардта, и онъ писалъ Вольховскому отъ 5 сентября 1829 г.: «Ты вѣроятно уже по приказамъ знаешь, что наконецъ Есаковъ нашъ попалъ въ полковники. Пора!» Въ томъ же году, отъ 18 ноября, Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Есаковъ въ Варшавѣ». Отъ того же ноября 1829 г. мы имѣемъ еще одно письмо изъ товарищеской переписки съ Вольховскимъ, гдѣ передаются формулярныя свѣдѣнія о первокуреникахъ. Здѣсь мы читаемъ: «Есаковъ. Гв. Полковникъ; въ Варшавѣ. Женатъ, но имѣеть ли дѣтей, неизвѣстно; ибо ни къ кому не пишетъ».

Есаковъ былъ женатъ на дочери генералъ-аншефа Маріа Ивановнѣ Германъ; по формуляру, составленному въ 1829 г., у нихъ значится одинъ сынъ—Евгеній ¹⁾).

Въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 7 апрѣля 1830 г. мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о семейной жлзни Есакова. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину слѣдующее: «Есаковъ ожидаетъ появленія второй части полныхъ своихъ сочиненій—сынка или дочки». А въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 22 января 1831 г., Энгельгардтъ писалъ тому же Матюшкину: «Есаковъ полковникъ, съ своею батареею при Цесаревичѣ, женатъ, трое дѣтей». Эти дѣти были Александръ и Софія—близнецы, родившіеся въ Скерневицахъ 22 апрѣля 1830 г. ²⁾).

Во время польскаго возстанія Есаковъ принималъ участіе въ войнѣ 1831 г., вмѣстѣ со своею конною № 3 батареею; въ этой войнѣ, когда счастье переходило

не безынтересно привести здѣсь еще нѣкоторыя свѣдѣнія изъ формуляра: «Россійски, нѣмецки, французски читать, писать умѣеть и артиллерійскую науку знаетъ. Былъ въ отпуску 1827 г. для излѣченія болѣзни къ минеральнымъ водамъ, срокомъ на четыре мѣсяца и на срокъ явился. Въ штрафахъ не бывалъ. Состоить сверхъ комплекта при батарее на лицо. Къ повышенію чиномъ достоинъ».

¹⁾ Евгеній Семеновичъ, род. 27 сент. 1825 г., умеръ отъ чахотки 17 марта 1872 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, кончилъ курсъ Императорскаго Александровскаго Лицеа въ маѣ 1844 г. (XIII курсъ,—это былъ первый выпускъ со времени перемѣщенія Лицеа въ Петербургъ), девятымъ классомъ и золотую медалью, служилъ въ IV отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, сидѣлъ въ крѣпости за участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго, что не помѣшало ему вновь быть принятымъ на службу въ IV отдѣленіе той же Канцеляріи Главнуправляющимъ Андреемъ Логиновичемъ Гофманомъ. Былъ секретаремъ Е. И. В. Великой Княгини Елены Павловны. «Памятная книжка лицействъ» 1907 г., стр. 32, а также статья В. Модзалевскаго объ Есаковѣ въ книгѣ: «Пушкинъ и его современники», вып. 2, Спб., 1904 г., стр. 27—31.

²⁾ Александръ Семеновичъ, кончилъ курсъ Горы-Горецкаго Земледѣльческаго Института, куда поступилъ въ 1849 г. изъ 2-ой С.-Петербургской гимназіи; затѣмъ состоялъ при графѣ П. Д. Киселевѣ личнымъ секретаремъ. По семейному преданію, Киселевъ умеръ за границу на его рукахъ. Самъ Александръ Семеновичъ скончался въ Петербургѣ душевно-больнымъ. Что касается до Софіи Семеновны, то она была замужемъ за барономъ Николаемъ Николаевичемъ Корфомъ, умершимъ 22 ноября 1884 г. (Ibid., стр. 31).—Софія Семеновна умерла 1 декабря 1909 г. въ портѣ Императора Александра III, о чемъ извѣщали въ № 12115 «Новаго Времени» съновья, дочери, внуки, внучки, правнукъ и правнучки.

попеременно то къ русскимъ, то къ полякамъ, какъ, напр., при Гроховѣ, Есаковъ, какъ говоритъ Я. К. Гротъ, имѣлъ несчастіе потерять двѣ пушки подъ какимъ-то мостомъ и съ отчаянія застрѣлился.

Желая выяснитъ вопросъ, какія пушки и сколько ихъ было потеряно Есаковымъ и при какихъ обстоятельствахъ, я обратился, по рекомендаціи профессора Александра Ивановича Кирпичникова, въ Варшаву, къ профессору Д. Цвѣтаеву, который взялъ на себя трудъ переговорить объ этомъ съ бывшимъ начальникомъ штаба въ Варшавѣ генераломъ Пузыревскимъ, авторомъ «Польско-Русской войны 1831 г.». Генераль Пузыревскій былъ настолько любезенъ, что навелъ точныя справки въ Архивѣ Штаба и поручилъ г. Цвѣтаеву, какъ своему хорошему знакомому, извѣститъ меня, что документы объ Есаковѣ слѣдуетъ искать въ Петербургѣ, въ Архивѣ Главнаго Штаба, гдѣ, какъ онъ полагаетъ, въ Отдѣлѣ Ученаго Комитета должны находиться дѣла о возстаніи 1830—1831 г. (письмо профессора Д. Цвѣтаева отъ 25 февраля 1900 г.). Тогда я обратился къ бывшему начальнику Главнаго Штаба генералу Сахарову съ просьбой приказать навести справки въ Московскомъ отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба. По полученіи отъ Завѣдующаго Отдѣленіемъ Д. Васильева свѣдѣній объ Есаковѣ, имѣющихся въ этомъ Отдѣленіи, мы можемъ здѣсь привести нѣсколько бумагъ, относящихся какъ до смерти Есакова, такъ и до потери батареи № 3 разныхъ артиллерійскихъ вещей. Вотъ эти свѣдѣнія.

Въ книгѣ формулярныхъ списковъ за 1829 г., по Архиву № 1172, Лейбъ-Гвардіи Конно-Артиллерійской Легкой батареи № 3 имѣется формулярный списокъ Полковника Семена Семенова сына Есакова, который Высочайшимъ приказомъ 5 мая 1831 года исключенъ изъ списковъ *«умершимъ»*. По входящему же журналу 2 отдѣленія Инспекторскаго Департамента за 1831 г. значится 29 апрѣля, подъ № 2676, слѣдующая записъ: «Командующаго 10-ю Конно-Артиллерійскою бригадою отъ 23 марта за № 145 о застрѣлившемся Полковникѣ Есаковѣ». На этомъ документѣ положена резолюція Дежурнаго Генерала 22-го апрѣля: «внести въ приказъ о исключеніи». Противъ этой статьи сдѣлана отмѣтка: «5 мая приказъ». По описи дѣламъ 1831 года 2 стола 2-го отдѣленія Инспекторскаго Департамента, 29 апрѣля, подъ № 680, записано еще дѣло слѣдующаго содержанія: «по рапорту Полковника Вольфа о смерти Лейбъ-Гвардіи Конной Артиллеріи Полковника Есакова», на одномъ листѣ, рѣшенное 5 мая, но дѣла этого при провѣркѣ въ Московскомъ Отдѣленіи Архива на лицо не было и нынѣ не состоитъ.

Свѣдѣній о потерѣ Полковникомъ Есаковымъ въ 1831 году при подавленіи Польскаго мятежа *4 пушекъ*, вслѣдствіе чего онъ лишилъ себя жизни, какъ по дѣламъ I-й арміи, такъ равно Цесаревича Константина Павловича и Инспекторскаго Департамента за означенный годъ, никакихъ не оказалось, но изъ дѣла

№ 33, опись 161, св. 554, «предписанія Его Императорскаго Высочества Цесаревича, Генералу-отъ-Инфантеріи Графу Курутъ», на страницѣ 145 видно, что Цесаревичъ Константинъ Павловичъ отъ 14 февраля 1831 г., за № 295, далъ Начальнику Главнаго Штаба своего Генералу-отъ-Инфантеріи Графу Курутъ предписаніе слѣдующаго содержания: «Командующій Артиллеріею резервныхъ войскъ состоящихъ подъ моимъ начальствомъ Генералъ-Маіоръ В. Корфъ I-й предства при рапортѣ къ исправляющему должность Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба моего Артиллеріи Генералъ-Маіору Герштенцевейгу отъ 25 прошедшаго января двѣ вѣдомости разнымъ артиллерійскимъ вещамъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Легкой батареи № 3-го и пѣшей батареейной № 5 роты, оставшихся въ рукахъ мятежниковъ при происшедшемъ въ Варшавѣ возмущеніи, ходатайствовалъ объ учиненіи на оныхъ моего засвидѣтельствванія въ дѣйствительной утратѣ упомянутыхъ вещей по причинѣ возмущенія для представленія затѣмъ сихъ вѣдомостей въ Артиллерійскій Департаментъ, согласно требованію онаго.

«Убѣждаясь донесеніемъ Генералъ-Маіора Барона Корфа и собственнымъ моимъ удостовѣреніемъ, что артиллерійскія вещи, показанныя въ означенныя (хъ) двухъ вѣдомостяхъ, точно остались въ рукахъ Польскихъ мятежниковъ, по причинѣ поспѣшнаго выступленія Командуемыхъ имъ Корфомъ двухъ Артиллерійскихъ ротъ во время возмущенія, я счелъ справедливымъ сдѣлать испрашиваемое засвидѣтельствованіе на тѣхъ вѣдомостяхъ, которыя затѣмъ *препровождаю при семъ въ оригиналь* къ Вашему Сіятельству для надлежащаго распоряженія и обращенія оныхъ къ Барону Корфу».

Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Высочества Графъ Курута, при отношеніи своемъ отъ 14 того же февраля, означенныя вѣдомости препроводилъ *Генералъ-Маіору Герштенцевейгу*, съ предложеніемъ объ отправленіи оныхъ *по принадлежности Генералъ-Маіору Барону Корфу 1-му* и копія съ сихъ вѣдомостей при дѣлѣ не оставлено, а потому, какого именно наименованія значилось по нимъ упомянутое артиллерійское имущество, неизвѣстно ¹⁾).

Во время польскаго мятежа не только Есаковъ потерялъ нѣсколько пушекъ, но были случаи, когда и другіе теряли даже большее количество орудій, чѣмъ Есаковъ. Такъ, въ продолженіе одного февраля мѣсяца мы можемъ указать на 2, 7 и 13 числа этого мѣсяца, гдѣ терялись войсками пушки. 2 февраля 1831 г. близъ Сорочина генералъ Гейсмаръ потерялъ 8 орудій, полки Виртембергскій и Переяславскій, оставивъ артиллерію, бѣжали ²⁾). Близъ мѣстечка Козенице, во

¹⁾ Справка изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба Военнаго Министерства 7-го сентября 1901 г. № 592, г. Москва.

²⁾ Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ Императора Николая I съ графомъ Дибичемъ-Задунайскимъ. «Рус. Стар.» 1884 г., т. 43, сент., стр. 534.—Генералъ-Адъютантъ баронъ Гейсмаръ—полковнику Анрепу.—См. также Гейсмаръ. «Рус. Стар.» 1881 г., т. 32, декабрь, стр. 721—762.

время битвы 7 февраля, былъ взятъ въ плѣнъ поляками полковникъ Бутовичъ, командиръ конно-артиллерійской № 28 роты съ двумя орудіями ¹⁾. 13 февраля 1831 г. мы потеряли тоже нѣсколько орудій при Гроховѣ. Вотъ что пишетъ въ своихъ запискахъ Вагговутъ:

«Видя невозможность держаться, я бросилъ орудія, а съ передками и ящиками отступилъ. Поляки не долго пользовались своимъ восторгомъ: взявъ 4 орудія, они не могли ихъ увезти, широкій и глубокій ровъ мѣшалъ этому предпріятію; пока они возились съ ними, наши батальоны, будучи вторично подкрѣплены свѣжими войсками, атаковали, взяли обратно орудія; — ядрами провожалъ ихъ до опушки лѣса, куда поляки выдвинули сильную батарею». Въ Гроховскомъ дѣлѣ у насъ и у поляковъ убито 26 тысячъ человекъ ²⁾.

О той же битвѣ при Гроховѣ есть замѣтка Александра Витмера подъ заглавіемъ: «Хлопицкій при Гроховѣ» 13 февраля 1831 г., гдѣ мы читаемъ: «Ключъ позиціи Хлопицкаго составляла ольховая роща, на которую Розенъ въ 9 час. утра направилъ 6-й корпусъ и она переходила изъ рукъ въ руки. Дибичъ сердился, терялъ хладнокровіе (см. Воспоминанія Неелова), даетъ въ помощь 6-му корпусу 3-ю дивизію и часть гренадеръ, начинается атака и роща переходитъ въ наши руки... Но Хлопицкій, понимая ея значеніе, направляетъ противъ насъ огонь 32-хъ орудій, осыпаетъ русскихъ картечью, ободряетъ войска и, давъ имъ новыя подкрѣпленія, самъ ведетъ въ атаку; русскіе выбиты, два наши орудія взяты и поляки массами начинаютъ выходить изъ рощи. Минута была въ высшей степени опасная; но новые резервы и личный примѣръ фельдмаршала, Толя и Нейдгардта снова поправили дѣло: роща атакована съ фронта и съ фланговъ и, послѣ отчаяннаго 5-ти-часового боя, перешла, наконецъ, въ руки русскихъ, похоронивъ подъ своими стволами болѣе 8000 сражавшихся» ³⁾.

Наконецъ, въ мартѣ были потери въ орудіяхъ, что мы узнаемъ изъ всеподданнѣйшихъ рапортовъ графа Дибича ⁴⁾. Генераль Розенъ, «отступивъ къ Минску съ большимъ урономъ, потерялъ 4 орудія, завязшія въ грязи...» ⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ Дибичъ писалъ: «...Не досчитывается 4 орудій, кои остались въ топи, по невозможности ихъ вывезть». Въ битвѣ при Калущинѣ также взяты были 2 орудія 3-ей легкой роты 24 бригады, о чемъ Розенъ доносилъ Дибичу отъ 21 марта изъ с. Поляки ⁶⁾.

¹⁾ Рапортъ графу Дибичу отъ Командира 5 резервнаго кавалерійскаго корпуса генераль-лейтенанта барона Крейца. «Рус. Стар.» 1885 г., т. 46, май, стр. 283.

²⁾ См. Записки Александра Фед. Вагговута. «Рус. Стар.» 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 129—130.

³⁾ «Рус. Стар.» 1879 г., т. XXIV, январь, стр. 143.

⁴⁾ «Рус. Стар.» 1885 г., т. 47, сентябрь, стр. 421 и 424.

⁵⁾ Графъ Дибичъ—Императору Николаю 1-му, 21 марта 1831 г.

⁶⁾ «Рус. Стар.» 1886 г., т. 49, мартъ, стр. 546.

Смерть Есакова сильно поразила Энгельгардта, и въ письмѣ къ Вольховскому отъ 28 апрѣля 1831 г. Энгельгардтъ писалъ ему слѣдующее:

«Ужасное происшествіе съ несчастнымъ Есаковымъ меня очень поразило. Я не могъ по сіе время узнать подробностей; иные говорятъ, что онъ въ какомъ то дѣлѣ потерялъ 4 пушки,—это конечно плохо, но чѣмъ за то наложить на себя руку убійцы, лучше бы отчаянно броситься на непріятели и умереть честною смертію. Другіе толки идутъ, будто бы начальникъ его сдѣлалъ ему упреки, которые ему показались несносными. Но это все не вѣрно, не положительно,—если узнаешь что-нибудь дѣльнаго, т. е. на дѣлѣ основанное, то не оставь меня подробно извѣстить; чтобы ни было, оправдать Есакова нельзя, но пожалѣть о бѣдномъ Семенѣ можно. Миръ праху его!»

4-го декабря того же года Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Есаковъ—застрѣлился! Жаль что его не убило ядромъ непріятельскимъ».

Смерть Есакова такъ подѣйствовала на Энгельгардта, что онъ въ своей перепискѣ съ Матюшкинымъ дважды возвращается къ этой печальной катастрофѣ съ его питомцемъ. Кромѣ письма отъ 4 декабря 1831 г., о которомъ мы только-что сказали, онъ опять пишетъ 28 мая 1832 г.: «Я писалъ тебѣ о ужасной кончинѣ Есакова, который застрѣлилъ себя по какимъ то непріятностямъ по службѣ; жаль и глупо!»

Имя Есакова связано съ исторіей поимки Кюхельбекера въ Варшавѣ. Какъ извѣстно изъ показаній Кюхельбекера, онъ, послѣ разгрома взбунтовавшихся войскъ на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., бѣжалъ въ Варшаву. Въ Варшавѣ Кюхельбекеръ велъ себя весьма подозрительно, уже одинъ нарядъ его кидался въ глаза: при своей долговязой фигурѣ онъ былъ одѣтъ въ тулупъ, крытый китайкою, а подъ нимъ былъ еще простой нагольный тулупъ. Подпоясанъ онъ былъ кушакомъ, а на головѣ имѣлъ русскую шапку. Въ такомъ костюмѣ Кюхельбекеръ обратился къ унтеръ-офицеру Лейбъ-Гвардіи Волынскаго полка Никитѣ Григорьеву съ вопросомъ, гдѣ квартируетъ Гвардейская конная артиллерія. На вопросъ Григорьева, на что это ему нужно знать, Кюхельбекеръ сообщилъ, что онъ крѣпостной слуга барона Моренгейма и желаетъ знать, гдѣ офицеръ оной артиллеріи Есаковъ, знакомый съ его господиномъ. Григорьевъ заподозрилъ въ немъ разыскиваемаго Кюхельбекера и предложилъ проводить его въ Лейбъ-Гвардіи Волынской полкъ, къ командиру полка—брату г. Есакова, но Кюхельбекеръ просилъ его не беспокоиться и вернуться. Тогда Григорьевъ повелъ его на гауптвахту, гдѣ онъ былъ арестованъ.

Гречъ въ своихъ запискахъ про эту поимку передаетъ иначе. Кюхельбекеръ вошелъ въ харчевню или пивную лавочку и, увидѣвъ тамъ пирующихъ солдатъ, сѣлъ съ ними, началъ бесѣдовать и вздумалъ ни съ чего подчивать ихъ пивомъ. Въ числѣ солдатъ былъ Григорьевъ, который, узнавъ Кюхельбекера, представилъ

его по начальству. Самъ же Кюхельбекеръ свое появленіе въ Варшавѣ объяснилъ тѣмъ, что онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ Великаго Князя. Надежда моя въ Варшавѣ основывалась на милосердіи Его Высочества и на вліяніи (?) которое ходатайство Его у Особы Его Величества имѣло бы на судьбу всѣхъ насъ. Намѣреніе мое не было просто уйти, ибо сіе могъ бы легко исполнить пройдя чрезъ Броды, или переѣхавъ въ Швецію»¹⁾.

Выше было упомянуто о братѣ Есакова, бывшемъ командиромъ Волинскаго полка въ Варшавѣ. У Есакова было два брата: Дмитрій Семеновичъ (род. 12 іюля 1789 г., † 8 мая 1859 г., погребенъ въ Кременчугѣ), который былъ генераль-лейтенантомъ и комендантомъ въ Вильнѣ²⁾, и Петръ Семеновичъ, род. въ 1806 г., † въ 1842 г., въ Варшавѣ, гдѣ и погребенъ вмѣстѣ съ отцомъ, былъ полковникомъ Шлиссельбургскаго Егерскаго полка. Въ 1830 г. командиромъ Волинскаго полка былъ генераль-майоръ Есаковъ, который былъ схваченъ мятежниками, когда возвращался изъ Брюлевскаго дворца, и посаженъ въ арсенальную гауптвахту³⁾.

Объ этомъ же Есаковѣ упоминаютъ еще Веригинъ и Зеландъ. Полковникъ Есаковъ, по словамъ Веригина, былъ «очень рослый и статный молодой человекъ, говорившій хорошо по-французски...» Есаковъ вступилъ во временное командованіе Волинскимъ полкомъ (кажется, послѣ назначенія командира Волинскаго полка, Петра Сергѣевича Ушакова, директоромъ Московскаго Кадетскаго корпуса) по повелѣнію изъ С.-Петербурга отъ Его Высочества Константина Павловича, у котораго онъ былъ адъютантомъ (Волинскій полкъ вмѣстѣ съ Лейбъ-Гвардіи Литовскимъ полкомъ, которымъ командовалъ генераль-майоръ Василій Михайловичъ Кишкинъ, принадлежали къ одной бригадѣ⁴⁾).

Въ свою очередь Зеландъ говоритъ, что командиры какъ Литовскаго, такъ и Волинскаго полковъ, генералы Енгельманъ и Есаковъ, задержаны были бунтовщиками въ первую ночь, на пути къ своимъ частямъ⁵⁾.

¹⁾ Больше подробно см. очеркъ Н. А. Гастфрейнда: «Побѣгъ и поимка Вильгельма Кюхельбекера». Спб., 1904 г., стр. 20—21 и 30.

²⁾ Вѣроятно, къ нему относится анекдотъ за 1846 г., въ бытность его въ Вильнѣ, сообщаемый Теобальдомъ въ его статьѣ: Борьба за старшинство въ чинѣ. «Рус. Арх.» 1886 г., кн. 12, стр. 517.—Дочь Дмитрія Семеновича Есакова, Марія Дмитріевна, родившаяся 21 авг. 1809 г. († 20 декабря 1872 г.), была замужемъ за Иваномъ Ивановичемъ Гогель, генераль-майоромъ свиты Его Величества, помощникомъ начальника Главнаго Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса († 12 октября 1850 г.). «Русскій Архивъ» 1904 г., № 1, стр. 167.

³⁾ См. рассказъ Мохнатскаго: Польское возстаніе 1830—1831 г.г. «Рус. Стар.» 1884 г., т. 43, іюль, стр. 178 и 183.

⁴⁾ Записки Н. В. Веригина (род. въ 1796 г., † въ 1872 г.). «Рус. Стар.» 1892 г., т. 76, октябрь, стр. 73—75.

⁵⁾ См. Воспоминанія А. Л. Зеланда о польскомъ возстаніи и войнѣ 1830—1831 г.г. «Рус. Стар.» 1892 г., т. 76, декабрь, стр. 526.

Мы имѣемъ два письма С. С. Есакова къ В. Д. Вольховскому. Первое письмо помѣчено: «Грузія. 9 января 1818 г.» Почему тутъ указана Грузія, намъ неизвѣстно. Это письмо интересно тѣмъ, что здѣсь мы находимъ нѣкоторыя подробности объ Энгельгардтѣ и выраженіе тѣхъ дружескихъ чувствъ къ нему, которыя онъ снискалъ среди своихъ воспитанниковъ. Въ этомъ же письмѣ мы еще разъ встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что Вольховскій просилъ своихъ товарищей, находившихся въ разныхъ городахъ, снабжать его книгами. Здѣсь же мимоходомъ упоминается объ отношеніи поляковъ къ русскимъ. Наконецъ, въ припискѣ къ письму упоминается Фрицъ,—это былъ Стевентъ, который жилъ на одной квартирѣ съ Вольховскимъ. Вотъ это письмо:

«Любезный Суворочка! я узналъ бы тебя въ письмѣ твоемъ, ежели бы ты и не подписалъ твоего имени; благодарю за участіе; оно мнѣ нужно, добрый товарищъ мой: разлука съ вами не такъ скоро можетъ вознаградиться обществомъ съ новыми сослуживцами и ежели я терплю всѣ невыгоды отъ вашего отсутствія, то справедливо, чтобъ вы обо мнѣ пожалѣли.—Благодарю тебя еще болѣе за навѣщаніе моихъ родителей; я знаю какъ имъ пріятно видѣтъ васъ у себя, потому что знаю также привязанность ихъ и любовь къ старымъ лицейскимъ товарищамъ моимъ.—Ты меня несказанно обрадовалъ пріятною новостію о Монаршей милости почтенному Егоръ Антоновичу. Твоя правда, что этому человѣку недоставало только нѣсколькихъ тысячъ въ годъ, чтобъ быть совершенно спокойнымъ на щетъ своего состоянія и тѣмъ показать примѣръ счастливо устроеннаго семейства. Не могу терпѣливо дожидаться отъ него извѣстія. Дружба моя къ нему советъ не составляетъ моего счастья; она ужасно меня беспокоитъ; нѣтъ того дня, чтобъ я не чувствовалъ безконечную разницу между его обществомъ и тѣмъ, въ которомъ нахожусь; нѣтъ дня, въ которой не желалъ бы скорого съ нимъ соединенія и не благословлялъ бы время, проведенное въ его кругу.—Какъ скоро оно умчалось и какъ надолго оставило послѣ себя мучительное, но прелестное воспоминаніе.—Я буду ему писать по будущей естафетѣ, между тѣмъ не забудь и ты поздравить его отъ меня съ приобрѣтеніемъ, которое я представляю чрезвычайно важнымъ.—По присланному реестру не думаю чтобъ могъ я достать книгъ; въ Варшавѣ очень трудно получить ихъ; что же касается до твоей ироніи на мое обхожденіе съ поляками и польками, то она совершенно удалась; я до сего времени никого не видалъ еще не только пріятнаго, но стерпимаго и кажется никогда и не буду знаться съ Польскимъ народомъ: онъ очень худо принимаетъ русскихъ и чтобъ¹⁾»

«Прощай, мой любезный Вольховскій; за удовольствіе поставлю писать тебѣ; а теперь спѣшу кончить, чтобъ не упустить почты.—Твой Есаковъ. Грузія. 9-го января 1818 г.»

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

Письмо твое получилъ вчера.

«P. S. Доброму Фрицу мой поклонъ. Съ нимъ ли ты живешь? Завидую вамъ».

Второе письмо помѣчено: «Брестовиць (?) отъ 14/26 января, безъ обозначенія года, но по конверту мы узнаемъ, что онъ писалъ Вольховскому: «въ Бѣлостокъ. Г-ну Полковнику и кавалеру». Слѣдовательно, это могло быть во время польскаго мятежа. Письмо это рекомендательное; его содержаніе слѣдующее:

Любезной Владиміръ Дмитріевичъ! Податель письма моего Артиллеріи прапорщикъ Тетаренко нуждается въ твоихъ совѣтахъ, твоего покровительства. Помогни ему, доброй Вольховскій п тѣмъ обяжешь меня много; по несчастному случаю Тетаренко былъ раненъ въ ногу столь сильно, что кость была раздроблена и частички ея до тридцати числомъ выходили въ разныя времена; съ тѣхъ поръ нога его пухнетъ при малѣйшемъ употребленіи, а по необдуманности нѣкоторыхъ особъ онъ произведенъ въ пѣшую артиллерію.—Положеніе его горестно,—онъ достоинъ былъ (?) остаться въ гвардіи (и что значить ваша Армія!—то ли дѣло мы!) по его способностямъ, свѣденіямъ и наконецъ за его поступокъ при нашей ретирадѣ;—прочти объ немъ приказъ Чернышева и ты узнаешь, чего онъ могъ надѣяться! Теперь онъ желаетъ служить въ легкой кавалеріи; сдѣлай одолженіе поговори съ нимъ откровенно и что можешь сдѣлай; онъ покажетъ тебѣ свою ногу для большаго убѣжденія.—Напиши мнѣ отвѣтъ и забудь сказать, что ты сдѣлалъ съ моими письмами. Есаковъ».

Наконецъ, намъ остается еще упомянуть объ отзывѣ графа Корфа: «Семенъ Семеновичъ Есаковъ, съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостью, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною наружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ еще въ Лицеѣ подавалъ надежду на блистательную карьеру, но, по неразгаданнымъ до нынѣ вполне причинамъ, самъ добровольно разстался съ жизнью, которая, повидимому, столь многое ему сулила. Служивъ съ самаго начала въ конной артиллеріи, бывъ уже гвардіи полковникомъ, увѣнчанный орденами, командиръ артиллерійской роты, онъ въ польскую кампанію (1831), послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастье потерять нѣсколько пушекъ—застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка» ¹⁾.

Въ заключеніе очерка упомянемъ, въ видѣ курьеза, что въ формулярѣ, послѣ словъ «изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи», прибавлено: «при немъ состоитъ доставшійся въ наслѣдство отъ покойной родственницы одинъ дворовый крѣпостной человѣкъ».

¹⁾ Изъ Дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г., гл. 2. «Рус. Стар.» 1904 г., т. 118, іюнь, стр. 552.

19.

**ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ
ПУЩИНЪ.**



Иванъ Ивановичъ
ПУЩИНЪ.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ.

(Род. 4 мая 1798 г., † 3 апрѣля 1859 г.).

«Одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе любимы были товарищами, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душою, онъ имѣлъ почти тѣ же качества какъ Есаковъ, и кончилъ еще несчастливѣе... Излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи сгубили его. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшаго 14 декабря 1825 г., и съ этимъ погибла вся его будущность». Графъ М. А. Корфъ.

Родители Ивана Ивановича были генераль-интендантъ, сенаторъ Иванъ Петровичъ Пущинъ и Александра Михайловна, рожденная Рябинина. Иванъ Ивановичъ приходился внукомъ адмиралу и интенданту Екатерининскихъ временъ, Андреевскому кавалеру Петру Ивановичу Пущину.

Получивъ первоначальное образованіе дома ¹⁾, Иванъ Пущинъ при открытіи Лицея былъ записанъ въ число кандидатовъ своимъ отцемъ, генераль-лейтенантомъ Пущинымъ ²⁾. Вотъ какимъ образомъ самъ Пущинъ описываетъ свое поступленіе въ Лицей:

«1811 года, въ августѣ, числа рѣшительно не помню, дѣдъ мой, адмиралъ Пущинъ, повезъ меня и двоюроднаго моего брата Петра, тоже Пущина, къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому. Старикъ, слишкомъ восьмидесятилѣтній, хотѣлъ непременно самъ представить министру своихъ внучатъ, записанныхъ по его же просьбѣ въ число кандидатовъ лицея, новаго

¹⁾ По словамъ старшаго его брата, Михаила Ивановича, они получили весьма поверхностное домашнее образованіе, и родители вовсе не занимались ими. «Изъ воспоминаній дѣтства,—говоритъ онъ.—болѣе всего врѣзалось въ мою память серьезность отца, почтительство матери, начальство старшихъ сестеръ, отсутствіе всякаго присмотра со стороны гувернеровъ...»—Записки Михаила Ивановича Пущина. «Рус. Арх.» 1908 г., № 11, стр. 410—464. и № 12, стр. 507—576.

²⁾ П. Селезневъ: «Матеріалы для исторіи Лицея», стр. 29, въ «Памятной книжкѣ Лицея» на 1856—57 г.

заведенія, которое самым своимъ названіемъ поражало публику въ Россіи: не всё тогда имѣли понятіе о колоннадахъ въ аѳинскихъ садахъ, гдѣ греческіе философы научно бесѣдовали съ своими учениками. Это замѣчаніе мое до того справедливо, что потомъ даже, въ 1817 году, когда послѣ выпуска мы шестеро, назначенные въ гвардію, были въ лицейскихъ мундирахъ на парадѣ гвардейскаго корпуса, подъѣзжаетъ къ намъ графъ Милорадовичъ, тогдашній корпусный командиръ, съ вопросомъ: что мы за люди и какой это мундиръ? Услышавъ нашъ отвѣтъ, онъ нѣсколько задумался и потомъ очень важно сказалъ окружающимъ его: «Да, это не то, что университетъ, не то, что кадетскій корпусъ, не гимназія, не семинарія—то... лицей». Поклонился, повернулъ лошадь и ускакалъ. Надо сознаться, что опредѣленіе очень забавно, хотя далеко неточно.

Дѣдушка нашъ Петръ Ивановичъ насилу взшелъ на лѣстницу, въ залъ тотчасъ сѣлъ, а мы съ Петромъ стали по обѣ стороны возлѣ него, глядя на нашу братью, уже частію тутъ собранную. Знакомыхъ у насъ никого не было. Старикъ, не видя появленія министра, начиналъ сердиться. Подозвалъ дежурнаго чиновника и объявилъ ему, что андреевскому кавалеру не приходится ждать, что ему нуженъ Алексѣй Кириловичъ, а не туалетъ его. Чиновникъ исчезъ, и тотчасъ старика нашего съ нами повели во внутреннія комнаты, гдѣ онъ насъ поручилъ благосклонному вниманію министра, разсыпавшагося между тѣмъ въ извиненіяхъ. Скоро нашъ адмиралъ отправился домой, а мы, подъ покровомъ дяди Рябинина, пріѣхавшаго смѣнить дѣда, остались въ залѣ, которая почти наполнилась вновь наѣхавшими нашими будущими однокашниками, съ ихъ провожатыми.

«У меня разбѣжались глаза: кажется, я не былъ изъ застѣнчиваго десятка, но тутъ какъ то потерялся—глядѣлъ на всѣхъ, и никого не видалъ. Вошелъ какой то чиновникъ съ бумагой въ рукѣ и началъ выкликать по фамиліямъ. Я слышу: *Александръ Пушкинъ!* Выступаетъ живой мальчикъ, курчавый, быстроглазый, тоже нѣсколько сконфуженный. По сходству ли фамилій, или по чему другому, несознательно сближающему, только я его замѣтилъ съ перваго взгляда. Еще вглядывался въ Горчакова, который былъ тогда необыкновенно миловиденъ. При этомъ передвиженіи мы всё нѣсколько прибодрились; начали ходить въ ожиданіи представленія министру и начала экзамена. Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкинъ, привезшій Александра, подозвалъ меня и познакомилъ съ племянникомъ. Я узналъ отъ него, что онъ живетъ у дяди на Мойкѣ, недалеко отъ насъ. Мы положили часто видѣться. Пушкинъ въ свою очередь познакомилъ меня съ Ломоносовымъ и Гурьевымъ. Скоро начали вызывать насъ по одиночкѣ въ другую комнату, гдѣ въ присутствіи министра начался экзаменъ, послѣ котораго всё постепенно разбѣжались. Все кончилось довольно поздно...»¹⁾

¹⁾ Л. Майковъ: «Пушкинъ». Спб., 1899 г., стр. 43—44. Записки И. И. Пущина.

Пушкинъ экзаменовался 12 августа 1811 года. Познанія его оказались слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго — «хорошо», французскаго — «изрядно», нѣмецкаго — «читаетъ», въ ариметикѣ и въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ — «хорошо», въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи — также «хорошо».

«...Черезъ нѣсколько дней, — говоритъ Пушкинъ въ своихъ Запискахъ, — графъ Разумовскій пишетъ дѣдушкѣ, что оба его внука выдержали экзаменъ ¹⁾, но что изъ насъ двоихъ одинъ только можетъ быть принятъ въ лицей на томъ основаніи, что правительство желаетъ, чтобъ большее число семействъ могло воспользоваться новымъ заведеніемъ. На волю дѣда отдавалось рѣшить, который изъ его внуковъ долженъ поступить. Дѣдушка выбралъ меня, кажется, потому, что у бабки моего, старшаго его сына, семейство было гораздо многочисленнѣе. Такимъ образомъ я сдѣлался товарищемъ Пушкина».

Изъ Записокъ Пушкина видно, что пріемные экзамены происходили въ помѣщеніи, которое занималъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій. Здѣсь, въ пріемной залѣ, и собирались для экзамена всѣ будущіе воспитанники Лицея съ ихъ провожатыми. Послѣ выдержанія экзаменовъ принятыхъ воспитанниковъ распустили по домамъ до оффиціального открытія Лицея, но они часто были призываемы къ директору Лицея В. Θ. Малиновскому для примѣрки платья, бѣлья и проч. Пушкинъ, пользуясь свободнымъ временемъ до оффиціального открытія Лицея, часто навѣщалъ Пушкина, гулялъ съ нимъ въ Лѣтнемъ саду, и съ этого момента начинается ихъ дружба, хотя за это время Пушкинъ также часто видѣлся съ Ломоносовымъ и Гурьевымъ. Эта дружба съ Пушкинымъ еще болѣе окрѣпла, когда ихъ комнаты въ Лицеѣ оказались рядомъ: Пушкина подъ № 14, а Пушкина подъ № 13 ²⁾.

Наконецъ, 19 октября было торжественное открытіе Лицея. Мы не станемъ передавать описаніе торжества открытія и знакомства воспитанниковъ съ директоромъ, профессорами и внутреннимъ устройствомъ Лицея.

За время нахождения Пушкина въ Лицеѣ сохранились нѣкоторыя отмѣтки за разные годы профессоровъ и гувернеровъ. Такъ, за время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года профессоръ російскаго и латинскаго классовъ Николай Федоровичъ Кошанскій даетъ слѣдующій отзывъ о Пушкинѣ, причемъ ставитъ его

¹⁾ Вмѣстѣ съ Иваномъ Пушкинымъ въ тотъ же день держалъ экзаменъ его двоюродный братъ Петръ; отмѣтки его были слѣдующія: въ русскомъ языкѣ — «хорошо», французскомъ — «посредственно»; о нѣмецкомъ сказано: «не знаетъ»; изъ ариметики отмѣчено: «первую часть знаетъ», изъ физики — «хорошо», въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи отмѣчено: «имѣетъ свѣдѣнія». (И. Селезневъ: «Матеріалы для исторіи Лицея». Прилож. къ стр. XI).

²⁾ См. Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 286.

восемнадцатымъ изъ числа 30 воспитанниковъ: «Иванъ Пушкинъ, одинъ изъ тѣхъ не многихъ, кои при счастливыхъ способностяхъ, отличаются рѣдкимъ прилѣжаніемъ. Онъ соединяетъ понятливость съ разсужденіемъ и, кажется, лучше ищетъ твердыхъ, нежели блистательныхъ успѣховъ, которые въ обоихъ языкахъ приобрѣтены имъ въ высшей и лучшей степени».

За время съ 15 марта по 15 октября 1812 года Кошанскій даетъ почти такой же отзывъ ¹⁾ и ставитъ его пятымъ изъ тридцати воспитанниковъ.

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 года даетъ такой отзывъ о Пушкинѣ: «Pouschtchin. Son application égale ses moyens. Il a fait de grands progrès, et sans doute il en fera sous peu encore des plus sensibles». Въ этомъ спискѣ онъ располагаетъ воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Профессоръ французской литературы де-Будри отъ 18 ноября 1812 года дѣлитъ воспитанниковъ на четыре разряда, причемъ помѣщаетъ Пушкина въ первый разрядъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Pouschtchine. Il est toujours excellent écolier. Il lui manque peut-être un peu de vivacité d'esprit: mais son jugement est sain et ses progrès sont très remarquables».

Въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 года, профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ дѣлитъ воспитанниковъ на три отдѣленія и ставитъ Пушкина въ первое отдѣленіе, говоря о немъ слѣдующее: «Pouschtshin, a fait depuis des grand progrès et son application me donne l'espérance, qu'il continuera d'en faire des bien sensibles».

Мартынъ Пилецкій въ своемъ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», поданномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Пушкинѣ: «Пушкинъ (Иванъ) 14-ти лѣтъ. Съ весьма хорошими дарованіями; всегда прилѣженъ и ведетъ себя благородно. Благородство, воспитанность, добродушіе, скромность, чувствительность, съ мужествомъ и тонкимъ честолюбіемъ, особенно же разсудительность суть отличныя его свойства. Въ обращеніи пріятенъ, вѣжливъ и искрененъ, но съ приличною разборчивостью и осторожностью» ²⁾.

Отъ 9 іюля 1813 года мы имѣемъ «Списокъ воспитанниковъ изъ класса Россійской и Латинской словесности». Въ этомъ спискѣ Кошанскій дѣлитъ воспитанниковъ на четыре категоріи: превосходныхъ, отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ, причемъ ставитъ Пушкина третьимъ воспитанникомъ среди отличныхъ.

¹⁾ «Иванъ Пушкинъ, при счастливыхъ способностяхъ, отличается рѣдкимъ прилѣжаніемъ. Онъ соединяетъ понятливость съ разсужденіемъ и, кажется, лучше ищетъ твердыхъ, нежели блистательныхъ успѣховъ, которые въ обоихъ языкахъ приобрѣтены имъ въ лучшей степени».

²⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 35.

Гувернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 г. даетъ слѣдующій отзывъ о Пушинѣ: «Иванъ Пушинъ. *Непризнателенъ*, въ словахъ и поступкахъ оказываетъ нерѣдко особенную *небрежность*, впрочемъ ласковъ, усерденъ (,) весьма прилѣженъ и опрятенъ». При этомъ онъ ставитъ Пушина пятнадцатымъ учѣнникомъ изъ двадцати девяти.

За время съ 1-го августа по 15 декабря 1813 года Кочанскій даетъ такой же точно отзывъ, какъ и за время съ 15 марта по 15 октября 1812 года, и ставитъ Пушина седьмымъ воспитанникомъ изъ двадцати девяти.

Наконецъ, И. Кайдановъ въ своей «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части географіи, всеобщей и россійской исторіи» отъ 1 ноября 1812 г. по 1 генварю 1814 года даетъ о Пушинѣ слѣдующій отзывъ: «Иванъ Пушинъ. Дарованій очень хорошихъ, уроки слушаетъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ, а посему оказываетъ весьма хорошіе успѣхи. Въ поведеніи *благонравенъ*». Въ «Вѣдомости» Пушинъ поставленъ одиннадцатымъ изъ числа двадцати девяти.

Сохранился отзывъ гувернера Ильи Степановича Пилецкаго о поведеніи воспитанниковъ за ноябрь мѣсяцъ 1812 г. Въ этомъ безграмотномъ отзывѣ разсказывается о столкновеніи воспитанниковъ съ инспекторомъ. Къ Пушину относится слѣдующее мѣсто: «Пушинъ. Въ теченіе сего м-ца велъ себя весьма хорошо. Онъ въ произшествіи (Sic!), случившемся 21 числа, никакого не бралъ участія и когда другіе къ нему подходили и о произшествіи разсказывали, то онъ даже съ неудовольствіемъ это слушалъ» ¹⁾.

Дружественныя отношенія Пушина съ Пушкинымъ были замѣчены ихъ товарищами-шалунами и послужили благодарной темой при составленіи такъ называемыхъ лицейскихъ «національныхъ пѣсенъ». Мы не станемъ повторять здѣсь, какъ онѣ составлялись. По отношенію къ Пушину и Пушкину составилъ такой куплетъ:

Большой Жано
Милѣонъ бонмо
Безъ умыслу проворить,
А нашъ французъ
Свой хвалить вкусъ
И матерщину поретъ.

Не требуетъ комментаріевъ, что подъ «французомъ» подразумѣвался Пушкинъ, а «Жано», т. е. Иванъ, такъ и осталось кличкою Пушина до конца его жизни. Во всякомъ случаѣ изъ этого куплета видно, что товарищи были невысокаго мнѣнія о Пушинѣ, такъ какъ, ради краснаго словца, онъ, повидимому, го-

¹⁾ «Къ біографіи А. С. Пушкина», П. А. Шляпкина. Спб., 1899 г., стр. 19.

товъ былъ безъ умысла наговорить всякаго вздора. Въ подтвержденіе приведемъ еще слѣдующее: этотъ стишокъ изъ лицейскихъ «національныхъ пѣсенъ» приведенъ въ статьѣ, подписанной: «Перваго курса лицействъ» и помѣщенной въ фельетонѣ газеты «Русскій Инвалидъ» за 1861 г., въ № 131, подъ заглавіемъ: «Въ память перваго директора Императорскаго Царскосельскаго Лицея В. Θ. Малиновскаго».

Въ этой статьѣ находится опроверженіе тѣхъ нападокъ на Малиновскаго, которыя допустилъ Иванъ Ивановичъ Пушкинъ въ своихъ Запискахъ, печатавшихся въ «Атенеѣ» за 1859 г. (№ 8).

Статья эта кончается этимъ же самымъ стишкомъ изъ «національныхъ пѣсенъ»:

А нашъ Жано
Мильонъ bons mots
Безъ умыслу пускаеть...

т. е. однокуреникъ Пушкина укоряетъ его, какъ я уже замѣтилъ въ біографическомъ очеркѣ о Малиновскомъ, что не все рассказываемое Пушкинымъ слѣдуетъ принимать за правду, что онъ безъ умысла иной разъ готовъ пустить острое слово и ради краснаго словца не пожалѣетъ и родного отца.

Существуетъ еще одинъ куплетъ «національныхъ пѣсенъ», гдѣ говорится:

Не тужи, любезный Пушкинъ,
Будешь въ Гвардію ты пушень...
Мы-жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли ¹⁾).

Въ Лицеѣ Иванъ Пушкинъ принималъ участіе въ спектакляхъ, которые устраивали лицейсты. Такъ, онъ участвовалъ въ комедіи «Добрый помѣщикъ», сочиненной лицейскимъ гувернеромъ Иконниковымъ. Кромѣ Пушкина, въ спектаклѣ принимали участіе Яковлевъ, Масловъ, Костенскій, Иличевскій и Корсаковъ. Спектакль этотъ былъ 30 августа 1812 г., въ день именинъ Императора Александра ²⁾).

Пушкинъ, какъ кажется, не принималъ участія въ литературной дѣятельности своихъ товарищей: онъ не участвовалъ ни въ составѣ редакціи лицейскихъ жур-

¹⁾ Несмотря на то, что Пушкинъ, какъ онъ самъ хвалится въ своихъ Запискахъ, уже въ Лицеѣ былъ частымъ гостемъ артели, которую въ то время составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцовъ, Павелъ Калошинъ, Семеновъ— все будущіе декабристы, а въ это время еще эмбрионы декабрьскаго возмущенія, — товарищи Пушкина уже въ это время замѣтили въ немъ стремленіе къ карьеризму. Карьеризмъ этотъ входилъ въ задачу Союза Благоденствія, который, какъ извѣстно, требовалъ отъ своихъ членовъ занятія высшихъ должностей, чтобы помогать филантропическимъ, а на самомъ дѣлѣ бунтарскимъ цѣлямъ. Если же изъ-за вопроса самолюбія онъ вышелъ изъ военной службы и, слѣдовательно, не могъ сдѣлать военной карьеры, то зато онъ протѣялъ ее на низшую судебскую должность, чѣмъ произвелъ общественный скандалъ и заставилъ говорить о себѣ.

²⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. «Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 138.

наловъ, ни въ числѣ сотрудниковъ. Когда же лицеисты стали помѣщать съ 1814 г. свои произведенія въ повременныхъ журналахъ, то и Пушкинъ помѣстилъ свои два перевода прозою въ журналъ «Вѣстникъ Европы», издававшемся Владиміромъ Измайловымъ. Въ своихъ Запискахъ о Пушкинѣ Пушкинъ замѣчаетъ, что Анненковъ приписалъ Пушкину эти два его перевода (т. 2, стр. 29—VI). Вотъ что говоритъ по этому поводу Пушкинъ въ примѣчаніи къ своимъ Запискамъ: «Я говорю про статью «Объ эпиграммѣ и надписи у древнихъ». Статью эту я перевелъ изъ Ла-Гарпа и просилъ Пушкина перевести для меня стихи, которые въ ней приведены. Все это, за подписью П, отправилъ я къ Вл. Измайлову, тогдашнему издателю «Вѣстника Европы». Потомъ къ нему же послалъ другой переводъ, изъ Лафатера: «О путешественникахъ». Тутъ ужъ я скрывался подъ буквами ѿ—з. Обѣ эти статьи были напечатаны». Здѣсь Пушкинъ впадаетъ въ ошибку: статья «Объ эпиграммѣ» («Вѣстникъ Европы» 1814 г., № 18, сентябрь, стр. 115—119) была подписана не буквою П, но имѣла слѣдующую подпись: «Пер. ѿ». А статья «О путешественникахъ» (изъ сочиненій Лафатера), напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г., № 22, ноябрь, стр. 77—96, имѣетъ такую подпись: «(Съ нѣмецкаго)—ѿ». Далѣе въ своихъ Запискахъ Пушкинъ пишетъ: «Письма мои передавались на почту изъ нашего дома въ Петербургъ; я просилъ туда же и адресоваться ко мнѣ въ случаѣ надобности. Измайловъ до того былъ въ заблужденіи, что, благодаря меня за переводы, просилъ сообщать ему для его журнала извѣстія о петербургскомъ театрѣ: онъ былъ увѣренъ, что я живу въ Петербургѣ и непременно театралъ, между тѣмъ какъ я сидѣлъ еще на лицейской скамьѣ. Тетради барона Модеста Корфа ввели г. Анненкова въ ошибку, для меня очень лестную, если бы меня тревожило авторское самолюбіе»¹⁾).

Привязанность Пушкина къ Пушкину выразилась въ разныхъ стихотвореніяхъ, писанныхъ къ нему. Въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Пушкина, въ стихотвореніи 1814 г. «Пирующіе студенты», мы находимъ слѣдующій куплетъ, посвященный Пушкину:

Товарищъ милый, другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ—
И тотчасъ помиримся.

¹⁾ Записки П. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ. Въ книгѣ Л. Майкова: «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературныя очерки». Спб., 1899 г., стр. 57.

Вспоминая это стихотвореніе, Пущинъ говоритъ, что оно возникло потому, что онъ былъ какъ бы умиротворяющимъ элементомъ между Пушкинымъ и его товарищами и сглаживалъ рѣзкости, возникавшія между Пушкинымъ и его однокурсниками вслѣдствіе неумѣстныхъ шутокъ и неловкихъ колкостей, допускаемыхъ Пушкинымъ въ отношеніи товарищей; чтобы ладить въ то время съ Пушкинымъ и чтобы полюбить его «нужно было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благо-расположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всё неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбить даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ» ¹⁾).

Съ именемъ Пущина связано стихотвореніе Пушкина о гогель-могелѣ, а также экспромтъ въ подражаніе Д. В. Давыдову, начинавшійся слѣдующими словами:

Мы недавно отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ
По бокалу осушали
И Оому прогнали вонъ...

Исторію о гогель-могелѣ мы уже рассказывали въ біографіи Малиновскаго, здѣсь повторимъ вкратцѣ про эту шалость. Пущинъ, Малиновскій и Пушкинъ затѣяли полакомиться гогель-могелемъ. Былъ купленъ ромъ, яйца, сахаръ и стали готовить гогель-могель. Къ нимъ присоединились и другіе воспитанники: въ числѣ ихъ былъ Тирковъ, на котораго въ особенности подѣйствовалъ ромъ, и онъ былъ невольною причиною, что шалость эта обнаружилась. Дежурный гувернеръ обратилъ вниманіе на необыкновенное оживленіе своихъ питомцевъ и доложилъ объ этомъ событіи исполнявшему должность директора. Это былъ періодъ такъ называемаго междуцарствія въ Лицеѣ: время послѣ смерти перваго директора Малиновскаго и до назначенія Энгельгардта. Исправлявшій тогда должность директора профессоръ Гауеншильдъ доложилъ объ этомъ происшествіи министру графу Разумовскому, который пріѣхалъ изъ-за этого нарочно въ Царское Село. Воспитанники, Пущинъ, Малиновскій и Пушкинъ, были вызваны изъ класса, и министръ сдѣлалъ имъ строгій выговоръ. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло объ этой шалости поступило на рѣшеніе конференціи, которая постановила, чтобы, во-первыхъ, провинившіеся стояли на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы въ продолженіе двухъ недѣль (этотъ пунктъ приговора былъ выполненъ съ буквальною точностью); во-вторыхъ, такъ какъ они сидѣли за столами въ порядкѣ балловъ за поведеніе, то ихъ смѣстили на послѣднія мѣста, но со временемъ это наказаніе постепенно смягчалось, и они подвигались опять вверхъ, что заставило Пушкина сказать экспромтъ:

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе.

¹⁾ Записки Пущина, стр. 55.

Наконецъ, третій пунктъ заключался въ томъ, что ихъ фамиліи были занесены въ черную книгу съ прописаніемъ ихъ шалости и приговора, съ тѣмъ, чтобы отмѣтки эти были приняты во вниманіе при выпускѣ. И, дѣйствительно, при окончаніи курса Энгельгардту была предъявлена эта черная книга. Онъ ужаснулся и доказалъ членамъ конференціи — что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще имѣть вліяніе и на всю будущность молодыхъ людей послѣ выпуска». Всѣ члены конференціи согласились, и дѣло было сдано въ архивъ.

По поводу этой исторіи сохранилось стихотвореніе Пушкина отъ 1815 г., подъ заглавіемъ: «Воспоминаніе», обращенное къ П. И. Пущину:

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ, пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!
Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали—

И бутылки вмигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.

Убѣгаемъ торопливо...
Вмигъ исчезъ минутный страхъ:
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,

Хохоть чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ—
Пзмѣняли чадъ похмелья,
Сладкій Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ¹⁾).

Подъ вліяніемъ Пущина, Пушкинъ написалъ стихотвореніе: «Отъ всенощной, вечеръ, идя домой...» Мы приведемъ рассказъ самого Пущина объ исторіи, такъ сказать, возникновенія этого стихотворенія:

«Сидѣли мы съ Пушкинымъ однажды вечеромъ въ библиотекѣ у открытаго окна. Народъ выходилъ изъ церкви отъ всенощной; въ толпѣ я замѣтилъ старушку, которая о чемъ-то горячо съ жестами разсуждала съ молодой дѣвушкою, очень хорошенькою. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чемъ такъ горячатся онѣ, о чемъ такъ спорятъ, идя отъ молитвы? Онъ почти не обратилъ вниманія на мои слова, всмотрѣлся однако въ указанную мною чету и на другой день встрѣтилъ меня стихами:

Отъ всенощной, вечеръ, идя домой²⁾,
Антипьевна съ Мареушкою бранилась:
Антипьевна отъменно горячилась.
<Постой! кричитъ: управлюсь я съ тобой.
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшкою шалила?
Постой! о всемъ узнаетъ муженекъ!>
— Тебѣ ль грозить? Мареушка отвѣчаетъ:
Ванюша что? вѣдь онъ еще дитя!
А свать Трофимъ, который у тебя
И день и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи жъ, кума: и ты какъ я грѣшна:
Словами жъ всякаго пожалуй разобидишь.
Въ чужой—соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна³⁾).

«Вотъ что ты заставилъ меня написать, любезный другъ», сказалъ онъ, видя, что я нѣсколько призадумался, выслушавъ его стихи, въ которыхъ поразило меня окончаніе. Въ эту минуту подошелъ къ намъ Кайдановъ,—мы собирались въ его классъ. Пушкинъ и ему прочелъ свой рассказъ. Кайдановъ взялъ его за уху и тихонько сказалъ ему: «Не совѣтую вамъ, Пушкинъ, заниматься такой по-

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Редакц. П. А. Ефремова. Т. I, стр. 119 — 120.

²⁾ Стихотвореніе это, отъ 1815 г., приводится Пущиннымъ въ неполномъ видѣ. Поэтому мы его взяли изъ сочин. Пушкина въ редакц. П. А. Ефремова.

³⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Редакц. П. А. Ефремова. Т. VIII, стр. 46. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1905 г.

эзій, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пушкнъ, не давите волю язычку . прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Хорошо, что на этотъ разъ подвернулся намъ добрый Иванъ Кузьмичъ, а не другой кто-нибудь» ¹⁾).

Пушкинъ не остался равнодушнымъ къ любви Пушкна къ нему; онъ высоко цѣнилъ совѣты Пушкна и при всякомъ удобномъ случаѣ откликался на разные событія въ жизни Пушкна. Какъ извѣстно, 4 мая Пушкнъ праздновалъ свои именины, и Пушкинъ въ 1815 году обратился къ нему съ слѣдующимъ посланіемъ:

Къ И. И. ПУШКНУ.

(4 мая).

Любезный именинникъ,
О Пушкнъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынный
Съ открытою душой;
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися
Съ параднаго крыльца:
Онъ гость безъ этикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты.
Прими жь его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку.
На столикъ воцаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ,
Забудемся на часъ!
Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ,
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь однихъ.

Ты счастливъ, другъ сердечный,
Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,

¹⁾ Л. Майковъ: «Пушкинъ...», стр. 60, Записки И. И. Пушкна.

И ты въ бесѣдѣ Грацій,
Не знаа черныхъ бѣдъ,
Живешь, какъ жплъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.
Подъ кровомъ небогатымъ
Ты вовсе не знакомъ
Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
Съ нахмуреннымъ попомъ;
Не видишь у порогу
Толпящихся заботъ;
Нашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эротъ;
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.
Ты счастливъ въ этой долѣ—
Скажи, чего же болѣ
Мнѣ другу пожелать?
Прійдется замолчать...

Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
Встрѣчая сотый май,
Покрытый сѣдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
<Вотъ кубокъ, наливай!
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрный нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При звукѣ полныхъ чашъ!> ¹⁾.

Объ этомъ стихотвореніи Пушкинъ въ своихъ Запискахъ говоритъ слѣдующее: «Оно выражаетъ то же чувство, которое отраднo проявляется во многихъ другихъ стихахъ Пушкина. Мы съ нимъ постоянно были въ дружбѣ, хотя въ иныхъ случаяхъ и разно смотрѣли на людей и вещи; откровенно сообщая другъ другу противорѣчащія наши воззрѣнія, мы все-таки умѣли ихъ сгармонизировать и оставались въ постоянномъ согласіи» ²⁾).

Мы уже выше упомянули, что Пушкинъ сглаживалъ рѣзкости характера Пушкина въ отношеніи товарищей; также точно и въ другихъ случаяхъ Пушкинъ являлся умиротворяющимъ элементомъ для Пушкина; это видно, напримѣръ, изъ

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Ред. И. А. Ефремова. Спб., 1903 г., т. I, стр. 124—126.

²⁾ Записки И. И. Пущина, стр. 62.

Эпизода съ поцѣлуемъ княжны Волконской. Надо замѣтить, что у фрейлины Валуевой была горничная Наташа, за которой волочились лиценсты. Однажды, проходя по корридору дворца, Пушкинъ услыхалъ въ темнотѣ шорохъ платья и, вообразивъ, что это непременно должна быть Наташа, кидается ее цѣловать, но оказалось, что это княжна Волконская. Объ этой невольной ошибкѣ Пушкинъ сообщилъ товарищамъ: «Я,—говоритъ Пушкинъ,—ему совѣтовалъ открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкинъ никакъ не соглашался довѣриться директору и хотѣлъ написать княжнѣ извинительное письмо»¹⁾). Впрочемъ, объ этомъ узналъ уже Государь. Инцидентъ этотъ окончился благополучно для Пушкина, благодаря находчивости Энгельгардта, но Пушкинъ обвинялъ Энгельгардта, что, защищая его, самъ себя защищалъ. Вообще объ отношеніяхъ Пушкина къ Энгельгардту Пушкинъ говоритъ слѣдующее: «Много мы спорили. Для меня оставалось неразрѣшенною загадкой, почему всѣ вниманія директора и жены его отвергались Пушкинымъ: онъ никакъ не хотѣлъ видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ, избѣгая всякаго сближенія съ нимъ. Эта несправедливость Пушкина къ Энгельгардту, котораго я душой полюбилъ, сильно меня волновала. Тутъ крылось что-нибудь, чего онъ никакъ не хотѣлъ мнѣ сказать; наконецъ я пересталъ и настаивать, предоставляя все времени. Оно одно можетъ вразумить въ такомъ непонятномъ упорствѣ».

Въ школьной жизни Пушкина разыгрался эпизодъ, въ которомъ дѣйствующими лицами явились, кромѣ Пушкина, Модестъ Корфъ и Комовскій. Объ этомъ эпизодѣ очень подробно разсказывается въ лицейскихъ запискахъ Сергѣя Комовскаго, писанныхъ имъ въ 1815 году.

Въ этихъ запискахъ Комовскій описываетъ свою дружбу съ Модестомъ Корфомъ, онъ рисуетъ эту дружбу въ самыхъ идеальныхъ выраженіяхъ и представляетъ ее чѣмъ-то неземнымъ, какъ любовь Данте къ Беатриче. Чтобы сохранить эту любовь, онъ старается охранить Корфа отъ всѣхъ худыхъ вліяній другихъ товарищей и старается предостеречь его объ опасностяхъ для его нравственности, если онъ не будетъ слѣдовать его благоразумнымъ совѣтамъ. Комовскому нравилось все въ Корфѣ: и кроткій его нравъ, и чистосердечіе, откровенность, чувствительность, простота, нѣжность и особливо невинность, «черты лица его были пріятны». Комовскій могъ считать себя вполне счастливымъ въ товарищеской дружбѣ и любви; ему казалось, что счастье навсегда утвердилось, и онъ блаженствовалъ! Но товарищи завидовали ихъ тѣсной дружбѣ, и счастье это продолжалось недолго. Къ несчастію ихъ обоихъ, Корфъ имѣлъ пріятную фізіономію, и это отчасти явилось причиной всѣхъ несчастій для бѣднаго Комовскаго. Поэтому нѣкоторые товарищи старались всячески повліять въ дурную сторону на нравствен-

¹⁾ Тамъ же, стр. 63.

ность Корфа и раньше времени познакомили и ввели его въ жизнь. И кто могъ подумать, что такимъ развратителемъ и демономъ-искусителемъ Корфа явится Иванъ Ивановичъ Пушкинъ. Видимо нравственный балластъ Пушкина былъ такъ малъ, что онъ рѣшился посягнуть на чистое, почти дѣтское міросозерцаніе своего товарища Корфа и тѣмъ онъ косвенно нанесъ чувствительную рану дружеской привязанности Комовскаго.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Пушкинъ и въ данномъ случаѣ явился человекомъ передовымъ, не говоря уже о томъ, что онъ былъ старше другихъ воспитанниковъ и оказался на школьной скамьѣ прогрессистомъ. Онъ самъ хвастается въ своихъ Запискахъ, что уже въ Лицеѣ онъ принималъ участіе въ артели Муравьева, Бурцова и прочихъ, въ артели, какъ я уже выше сказалъ, являвшейся эмбриономъ будущихъ декабристовъ-заговорщиковъ 1825 г. Вотъ какъ описываетъ Комовскій этотъ эпизодъ:

«К(орфъ), какъ я уже прежде сказывалъ, имѣлъ пріятную физіономію, и это отчасти было причиною всѣхъ моихъ несчастій. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, особливо И. П(ушкинъ), съ которымъ я долго былъ за сіе въ ссорѣ, начали говорить ему о красотѣ лица его, потомъ допуская неблагопрістойнымъ насчетъ сего слова, и наконецъ дерзость и безстыдство ихъ простерлись до того, что они стали говорить ему о такихъ вещахъ, отъ коихъ могла пострадать сама его невинность. Онъ же, по природной своей простотѣ, истинно по простотѣ, не понимая рѣчей хитрыхъ сихъ оболъстителей, принималъ ихъ благосклонно. Видя приближающуюся опасность, видя громовую тучу, сгущающуюся надъ главою неопытнаго друга моего, я употребилъ всевозможныя средства, чтобъ отклонить отъ него сіи бѣдствія. Тутъ представилъ я ему всѣ горестныя слѣдствія, могущія отъ того послѣдовать, просилъ, умолялъ для собственнаго его счастья не внимать болѣе симъ сладкимъ, но раствореннымъ въ ядѣ похваламъ льстецовъ.

«Сначала послушался онъ дружескимъ совѣтамъ моимъ и старался избѣгать опасныхъ сихъ разговоровъ, но самолюбіе, сія пагубная слабость, ослѣпляющая не только юношей, но даже самыхъ опытныхъ мужей,— самолюбіе оболѣстило его. Благопрістойныя шутки казались ему невинными. Лестныя насчетъ лица его похвалы были для него пріятнѣе сухихъ, но справедливыхъ увѣщаній истинно любящаго его друга, и тогда какъ я въ объятіяхъ нѣжной дружбы начиналъ уже блаженствовать, тогда тотъ, который былъ сердцу моему драгоцѣннѣйшій въ свѣтѣ предметъ, которому я всѣмъ готовъ былъ пожертвовать, тотъ, наконецъ, котораго я мыслить имѣлъ вѣрнѣйшимъ до гроба другомъ, не объявля мнѣ никакой причины, оставилъ меня оплакивать горькую мою участь. Всѣ сладкія сіи мечты мгновенно исчезли, какъ сонъ, изъ моего воображенія. Я плакалъ, я вылъ, но слезы мои лились вотьще; онъ не внималъ моимъ ~~воцдамъ~~ и ~~страданіямъ~~.

О, неблагоприятное человечество, восклицалъ я въ отчаяніи: о, суетный міръ! и самое счастье въ тебѣ мгновенно и не надежно!..» ¹⁾

Но всѣ терзанія Комовскаго не могли образумить виновниковъ его несчастій, разрушителей его счастья. Другой на его мѣстѣ предался бы отчаянію, но Комовскій не имѣлъ даже и этой отрады. «...Ихъ мучило,—говоритъ онъ,—одно лишь невольное воспоминаніе сладкихъ протекшихъ дней; а я, я принужденъ былъ терпѣть ежедневное съ нимъ свиданіе, видѣть, какъ гнусные люди всѣми средствами стараются его развратить, видѣть острый мечъ, висящій на одномъ волоскѣ надъ главою его, видѣть всю пропасть бѣдствій, въ которую онъ повергается и, не въ состояніи будучи его спасти, молить только о томъ Всевышняго и — терзаться... но я никому не открывался въ внутреннемъ моемъ къ нему расположеніи, и холодное его со мной обхожденіе приписывалъ болѣе его развратителямъ, нежели ему; и потому первыхъ только ненавидѣлъ, а о семъ послѣднемъ сожалѣлъ.

«Такъ протекли около двухъ лѣтъ, какъ мы ни слова не говорили другъ съ другомъ. Наконецъ, нынѣшняго (1815) года предъ исповѣдью просилъ я его забыть прошедшее, и мы опять стали разговаривать между собою; но уже не такъ, какъ во время нашей дружбы, когда мы всѣ душевныя наши тайны повѣряли одинъ другому, а такъ, какъ товарищи разговариваютъ просто между собою. Сегодня (22 марта) вечеромъ, когда уже мы спать ложились, нечаянно я встрѣтился съ нимъ и онъ мнѣ сказалъ, не знаю точно съ намѣреніемъ или безъ намѣренія: «прощай К(омовскій)». Слова сіи произнесены были съ такою дружескою нѣжностью, что я, легши въ постель, долго еще объ этомъ думалъ» ²⁾.

Въ 1817 г., передъ выпускомъ, Пушкинъ, прощаясь съ товарищами, написалъ въ альбомъ И. И. Пущину слѣдующее стихотвореніе:

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда то мною,
На время улетѣ въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...

¹⁾ К. Я. Гротъ: «Пушкинскій Лицей...» Спб., 1911 г. Дневникъ С. Д. Комовскаго, стр. 15.

²⁾ К. Я. Гротъ: «Пушкинскій Лицей...», стр. 16.

И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь ¹⁾).

Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключень;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ ²⁾!

9 июня 1817 года Пушкинъ окончилъ Царскосельскій Лицей и выпущенъ въ Гвардейскую Конно-Артиллерию ³⁾).

О первыхъ шагахъ Пушкина на военномъ поприщѣ Энгельгардтъ сообщалъ Матюшкину въ письмѣ отъ 20-го декабря 1817 г.: «Пушинъ при первомъ караулѣ отморозилъ себѣ уши». Въ этомъ же письмѣ Энгельгардтъ оповѣщалъ Матюшкина, что при отъѣздѣ Есакова къ мѣсту своей службы въ Варшаву его провожали до Царскаго Села Пушинъ и Малиновскій, которые остались на весь день у Энгельгардта.

Мы воспользуемся нѣкоторыми письмами Энгельгардта, чтобы прослѣдить за жизнью Пушкина въ освѣщеніи бывшего директора. Такъ, въ письмѣ отъ 10 сентября 1820 г. Энгельгардтъ извѣщаетъ Матюшкина о пожарѣ Лицея и, между прочимъ, прибавляетъ: «Два дни послѣ того пріѣхали Вольховской, Пушинъ, Комовской, Малиновской, Саврасовъ; мы обняли другъ друга и молча, со слезами общались другъ другу, что дружба наша и любовь къ старому Лицею не исчезнуть, какъ онъ!» Дальше въ томъ же письмѣ Энгельгардтъ пишетъ: «Пушинъ, Малиновской и Саврасовъ живутъ по старому... Пушинъ скоро ѣдетъ за ремонтъ».

Отъ 21 сентября того же года Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «При семъ посылаю тебѣ письмоцо отъ Пушкина, который былъ у меня».

Вообще Энгельгардтъ не переставалъ встрѣчаться съ своими бывшими питомцами; такъ, съ одной стороны, какъ мы уже видѣли, первокурсники пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы побывать у своего бывшего директора: или они ѣздили нарочно къ нему, или же они провожали своихъ

¹⁾ По поводу этой любви у Пушкина вылился слѣдующій экспромтъ, когда онъ увидѣлъ въ лазаретѣ больного Пушкина:

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ—
Судьба его неумолима!
Носите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви неизлѣчима.

Это еще разъ подтверждаетъ основательность взгляда Комовскаго на нравственную испорченность Ивана Пушкина.

²⁾ Сочиненія Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. Т. I, стр. 272.

³⁾ См. «Матеріалы для исторіи Лицея», И. Селезнева. Стр. 92 въ «Памятной книжкѣ Лицея» на 1856—57 г. Спб. 1856 г.

отъѣзжающихъ товарищей и останавливались у Егора Антоновпча, съ другой стороны и Энгельгардтъ, прїѣзжая въ Петербургъ, всегда старался увидѣть своихъ первокурениковъ. Такъ, отъ 12 февраля 1821 г. онъ писалъ Матюшкину: «Бывъ въ городѣ, я провелъ лицейской вечерокъ у Пушина». Всякое посѣщеніе Энгельгардта бывшими питомцами доставляло ему удовольствіе, и онъ спѣшилъ извѣстить объ этомъ Матюшкина. Такъ, отъ 16 февраля 1821 г. онъ пишетъ: «Завтра будутъ ко мнѣ въ гости Пушинъ и Яковлевъ послѣдному препоручу я доставле (Sic!) сей моей экспедиціи ¹⁾ къ почтъ-директору Булгакову, съ которымъ онъ очень хорошо знакомъ». А на другой день, 17-го, сообщилъ: «Прїѣхали золотой и серебряной Пушинъ и Яковлевъ. Надобно кончить, надобно все укладывать, ушить».

Когда былъ назначенъ походъ гвардіи въ 1821 г., то его окружала такая таинственность, что даже Энгельгардтъ не зналъ о цѣли этой экспедиціи: въ письмѣ отъ 21 іюня 1821 г. Энгельгардтъ извѣщалъ Матюшкина: «Пушинъ, Саврасовъ и Малиновской пошли въ походъ, противъ кого,— еще неизвѣстно».

Про нѣкоторые эпизоды изъ этого похода сообщаетъ намъ братъ Ивана Ивановича Пушина—Михалъ Ивановичъ. Онъ говоритъ: «Въ маѣ (1822 г.) мы выступили въ Вильну; тамъ я нашелъ брата Ивана Ивановича, служившаго въ Конно-Гвардейской артиллеріи, нашелъ его безъ гроша денегъ и долженъ былъ подѣлиться съ нимъ взятыми деньгами, далъ ему тысячу рублей, которую онъ сейчасъ же издержалъ на обѣды, которые давалъ въ Restoration des quatre nations; черезъ недѣлю я ему далъ еще пятьсотъ рублей и потомъ для возвращенія въ Петербургъ долженъ былъ занять денегъ у товарищей» ²⁾.

Военный формуляръ Пушина очень кратокъ. Пушинъ поступилъ 29 октября 1817 года прапорщикомъ въ Лейбъ-Гвардіи Конную Артиллерію; 19-го апрѣля 1820 г. былъ произведенъ въ подпоручики той же Артиллеріи. Высочайшимъ приказомъ 26 декабря 1822 года произведенъ въ поручики, а 26 января 1823 года уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Далѣе въ формулярѣ указывается: «Въ штрафахъ не бывалъ. Холостъ. По-россійски, по-нѣмецки и по-французски читать, писать и говорить умѣетъ и артиллерійскую науку знаетъ; былъ въ отпускахъ: 1820 г., съ 12 февраля по 15 апрѣля ³⁾; 1821 г., съ 26 ноября на 28 дней и на срокъ

¹⁾ Т. е. письмо къ Матюшкину.

²⁾ Записки М. И. Пушина. «Русскій Арх.» 1908 г., № 11, стр. 420.

³⁾ Во время этого отпуска Пушинъ былъ въ Бессарабіи у больной замужней сестры своей и прожилъ въ Кишиневѣ и Аккерманѣ почти четыре мѣсяца, а въ маѣ возвратился съ нею въ Петербургъ. Болѣе подробно см. Записки Пушина въ «Атенеѣ» 1859 г., № 8, стр. 527, и тѣ же Записки въ книгѣ Л. Майкова: «Пушкинъ». Спб. 1899 г., стр. 74—75.

явился. Въ комплектѣ и состоить при артиллеріи на лицо. Къ повышенію чинамъ достоинъ». Формуляръ подписалъ Генераль-Майоръ (Сухозанетъ¹).

Пушчинъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, какимъ образомъ онъ примкнулъ къ тогдашнему либеральному направленію молодежи.

«Встрѣча моя съ Пушкинымъ на новомъ нашемъ поприщѣ (по выходѣ изъ Лицея) имѣла свою знаменательность. Пока онъ гулялъ и отдыхалъ въ Михайловскомъ, я уже успѣлъ поступить въ тайное общество: обстоятельства такъ расположили мою судьбой. Еще въ лицейскомъ мундирѣ я былъ частымъ гостемъ артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцовъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ²). Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ. Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка и о возможности измѣненія, желаемаго многими въ тайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцовъ, которому я больше высказывался, нашелъ, что по мнѣніямъ и убѣжденіямъ моимъ, вынесеннымъ изъ Лицея, я готовъ для дѣла³). На этомъ основаніи онъ принялъ въ общество меня и Вольховскаго, который, поступивъ въ гвардейскій генеральный штабъ, сдѣлался его товарищемъ по службѣ. Бурцевъ тотчасъ узналъ его, понялъ и оцѣнилъ.

«Эта высокая цѣль жизни самою своею тайнственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости, наблюдалъ за собою, какъ за частицей, хотя ничего не значущею, но входящею въ составъ того цѣлага, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе. Первая моя мысль была открыться Пушкину; онъ всегда согласно со мною мыслялъ о дѣлѣ общемъ (res publica), по своему проповѣдывалъ въ нашемъ смыслѣ — и изустно, и письменно, стихами и прозой. Не знаю, къ счастью ли его, или къ несчастію, онъ не былъ тогда въ Петербургѣ, а то не ручаюсь, что въ первыхъ порывахъ, по исключительной дружбѣ моей къ нему, я, можетъ быть, увлекъ бы

¹) Выписано изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-Гвардіи Конной Артиллеріи за 1822 г., по Архиву № 568. Общій Архивъ Главнаго Штаба въ Москвѣ, въ Лефортовѣ.

²) У Семевского мы находимъ указанія, что либеральное направленіе въ Лицеѣ было слѣдствіемъ постоянныхъ сношеній съ свѣтскимъ обществомъ. (См. Политическія и общественныя идеи декабристовъ, В. И. Семевского. Спб. 1909 г., стр. 202).

³) По словамъ декабриста Ивана Дмитріевича Якушкина, въ 1818 году Бурцовъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Тульчинъ, принялъ въ число членовъ Тайнаго Общества Ивана Пушина (хотя не видно изъ записокъ Якушкина (стр. 28), гдѣ это принятіе имѣло мѣсто—въ Петербургѣ или въ Москвѣ). Въ 1823 г., по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, въ свою очередь Пушчинъ принялъ Рыльева. (Тамъ же, стр. 69).

его съ собою. Впослѣдствіи, когда думалось мнѣ исполнить эту мысль, я уже не рѣшался ввѣрить ему тайну, не мнѣ одному принадлежащую, гдѣ малѣйшая неосторожность могла быть погубна всему дѣлу. Подвижность пылкаго его нрава, сближеніе съ людьми ненадежными пугала меня. Къ тому же въ 1818 году, когда часть гвардіи была въ Москвѣ по случаю пріѣзда Прусскаго Короля, столько было опрометчивыхъ дѣйствій одного члена общества, что признали необходимымъ дѣлать выборъ со всею строгостью, и даже, нѣсколько лѣтъ спустя, объявлено было объ уничтоженіи общества, чтобы тѣмъ удалить наудачно принятыхъ членовъ. На этомъ основаніи я присоединилъ къ союзу одного Рылѣва, не смотря на то, что всегда былъ окруженъ многими раздѣляющими со мною мой образъ мыслей» ¹⁾).

Относительно выхода Пушина изъ военной службы существуетъ такой разсказъ: «На одномъ изъ выходовъ во дворцѣ ему было сдѣлано замѣчаніе, что у него не по формѣ повязанъ темлякъ у шпаги; это замѣчаніе такъ обидѣло Пушина, что онъ на другой же день подалъ въ отставку, не смотря на всѣ убѣжденія родственниковъ. Онъ хотѣлъ принять одну изъ низшихъ полицейскихъ должностей, на которыя смотрѣли и тогда съ величайшимъ презрѣніемъ, и только мольбы и слезы родныхъ, выразившихъ полное отчаяніе, остановили принятое имъ намѣреніе, онъ поступилъ вскорѣ на службу въ Москвѣ въ Надворный Судъ» ²⁾).

Слѣдуетъ замѣтить, что другъ Пушина, Рылѣвъ, тоже промѣнялъ военную службу на службу въ Американской Компаніи ³⁾).

Въ формулярѣ Пушина, находящемся въ дѣлѣ о Сѣверномъ обществѣ (Государств. Архивъ, № 14), мы находимъ дальнѣйшія свѣдѣнія о его службѣ. По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, дозволено было служить въ С.-Петербургской Уголовной Палатѣ сверхъ-штатнымъ членомъ. Вступилъ къ отправленію должности 1823 г., 5 іюня. По Указу Правительствующаго Сената назначенъ Надворнымъ Судьею въ 1823 г., 13 декабря, по представленію тогдашняго Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора князя Голицына. По именному Высочайшему указу пожалованъ въ Коллежскіе Ассесоры въ 1825 г., 15 іюля ⁴⁾).

¹⁾ Л. Майковъ: Пушкинъ. 1899 г. Записки Пушина, стр. 69—70.

²⁾ XIX вѣкъ, П. Бартенева. М. 1872. Книга первая, стр. 360. «По поводу воспоминаній о К. О. Рылѣвѣ», Е. Я(кушкина).

³⁾ Александръ Александровичъ Бестужевъ также служилъ въ Надворномъ Судѣ, въ 1-мъ департаментѣ, какъ это видно изъ адреса на конвертѣ письма князя П. А. Вяземскаго къ А. А. Бестужеву. См. статью В. Е. Якушкина: Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 г.г. «Рус. Стар.» 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 331.

⁴⁾ Далѣе формуляръ сообщаетъ, что онъ былъ холостъ, въ походахъ и сраженіяхъ не былъ, а также не былъ въ штрафахъ и подъ судомъ, аттестовался способнымъ и достойнымъ, въ отпускѣ былъ въ 1823 г. 26 генваря по 5 іюня того же

Принятіе Пушинымъ мѣста Судьи въ уголовномъ департаментѣ Московскаго Надворнаго Суда произвело на Пушкина отрадное впечатлѣніе, и онъ писалъ въ своемъ «19 октября 1825 года»:

Ты освятилъ тобою избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Какъ извѣстно, въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія было только два рода службы для порядочныхъ людей: служба военная и дипломатическая. Изъ нихъ дипломатическая служба была не вѣзмъ доступна, а потому большинство избирало себѣ военную карьеру. Даже и послѣ открытія Лицея, основаннаго для подготовки молодыхъ людей въ гражданскую службу, было дозволено имъ поступать и на военную службу. Поэтому въ числѣ нѣкоторыхъ воспитанниковъ I курса въ военную службу поступилъ и Пушкинъ, какъ это мы видѣли. Избраніе себѣ военной карьеры вполнѣ отвѣчало тому либеральному кружку, къ которому принадлежалъ Пушкинъ: декабристы вовсе не гнушались достигать по службѣ выгодныхъ и вліятельныхъ мѣстъ, какъ на поприщѣ военномъ, такъ и гражданскомъ; чтобы своимъ вліяніемъ способствовать распространенію либеральныхъ мыслей, они считали и военную службу вполнѣ подходящей для своихъ цѣлей.

Поступленіе Пушкина на службу въ Надворный Судъ явилось общественнымъ скандаломъ, такъ какъ должности въ Надворномъ Судѣ считались самыми низшими должностями въ государствѣ, и если Пушкинъ принялъ такую должность, то только ради скандала. Гвардейскій офицеръ добровольно принимаетъ самую низшую полицейскую должность и мѣняетъ гвардейскій мундиръ на приказный!

Хотя съ другой стороны были люди, которые отнеслись къ подобному шагу Пушкина не столь отрицательно и находили въ этомъ поступкѣ много рыцарскаго увлеченія. Такъ, напримѣръ, Федоръ Степановичъ Хомяковъ писалъ своему брату 24 декабря 1825 г.: «...Пушинъ, первый честный человѣкъ, который сидѣлъ когда либо въ Русской Казенной Палатѣ» ¹⁾).

Здѣсь будетъ умѣстно привести нѣсколько свѣдѣній о Надворныхъ Судахъ. Надворные Суды (при Петрѣ I также гофгерихты) появляются въ Россіи съ начала 18-го столѣтія въ нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ городахъ. Въ 1720 г. Надворный Судъ сталъ высшей судебной инстанціей, среднюю—образовалъ провинціальныи судъ, а низшую—нижній городской судъ. Въ Московскомъ Надвор-

года. Въ этомъ формулярномъ спискѣ Пушкину значится 26 лѣтъ. Если этотъ формуляръ составленъ въ 1825 году, то, слѣдовательно, онъ родился въ 1799 г., но, по вѣзмъ вѣроятіямъ, возрастъ Пушкина взять изъ стараго формуляра, составленнаго еще въ 1822 г. Въ графѣ, изъ какого званія происходитъ, сказано: «изъ дворянъ», а въ графѣ, сколько имѣетъ владѣнія мужскаго пола душъ людей и крестьянъ и въ которомъ уѣздѣ и губерніи находится имѣніе, сказано: «не имѣетъ».

¹⁾ «Русск. Арх.» 1884 г., кн. 5, стр. 222.

номъ Судѣ засѣдали въ 1719 г. три полковника, два царедворца и одинъ подполковникъ. Сначала Надворные Суды были независимы отъ областной администраціи, и, такимъ образомъ, сдѣлана была замѣчательная для Россіи начала XVIII вѣка попытка отдѣленія суда отъ администраціи, но въ 1722 г. президентами ихъ (кромя судовъ Московскихъ и СПб.) сдѣлались губернаторы и вице-губернаторы. Указомъ 24 февраля 1727 г. Надворные Суды были уничтожены. Надворные Суды были вновь введены въ столицахъ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. для разбора какъ уголовныхъ дѣлъ, такъ и гражданскихъ споровъ по личнымъ обязательствамъ между иногородними и разночинцами, не имѣвшими недвижимой собственности въ предѣлахъ столичной губерніи. Первоначально существовали верхній и нижній Надворные Суды, изъ которыхъ первый служилъ апелляціонной инстанціей для второго и самъ состоялъ подъ апелляціей палаты гражд. и угол. суда. Въ 1796 г. въ каждой столицѣ оставлено лишь по одному Надворному Суду. Въ 1798 г. въ Москвѣ Надворный Судъ былъ упраздненъ. Въ 1802 г. возстановлены въ столицахъ Надворные Суды (по одному въ каждой столицѣ) съ прежнею компетенціей. Они просуществовали до 1866 г. ¹⁾.

Съ теченіемъ времени эти суды не стали отвѣчать той первоначальной мысли, которая была вложена при ихъ основаніи. Неправедность судебныхъ рѣшеній, плутовство, взяточничество, не только неисполненіе законовъ, но даже извращеніе ихъ въ угоду сильному, — все это было причиной, что общество стало смотрѣть на эти суды, какъ на учрежденіе, идущее въ разрѣзъ съ идеєю правосудія. Еще Капнистъ сказалъ:

«Законы, право, святы,
Да исполнители лихіе супостаты!»

О судейской неправдѣ одинъ изъ современниковъ даетъ намъ слѣдующее описаніе:

«Всѣмъ также было извѣстно, что въ судахъ, конечно, не безъ исключенія, господствовало кривосудіе; взяточничество было почти всеобщимъ; процессы продолжались до безконечности; кто могъ больше дать, тотъ выигрывалъ; словомъ, все, казалось намъ, приходило въ разстройство и все это, какъ всѣ знали, при лучшемъ и либеральнѣйшемъ Императорѣ! Безъ сомнѣнія, онъ былъ чистъ во всемъ, что совершалось дурнаго, о чемъ онъ, понятно, и не зналъ. Такъ всѣ думали и убѣждались въ томъ, что все это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго порядка вещей, въ которомъ не признавались ничьи права предъ сильнѣйшимъ; въ которомъ старшій, кто бы онъ ни былъ, всегда былъ не начальникомъ, а властителемъ и господиномъ младшаго, сильный—слабаго, богатый—бѣднаго;

¹⁾ Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона 1897 г., т. XX, стр. 431.

въ которомъ никто не могъ сослаться на свое право, потому что никакого права не было. Казалось бы, дворянство имѣло дарованныя и утвержденныя за нимъ права, но еслибъ кто нибудь сослался тогда на эти права, то это было бы сочтено за бунтъ. Такимъ образомъ, вся Россія дѣлилась на два разряда: на властителей и рабовъ по очереди»¹⁾).

Мысль Пущина при поступленіи въ Надворный Судъ заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ поднять значеніе Суда въ глазахъ обывателя и открыть дорогу на эти судебныя должности для лицъ честныхъ и образованныхъ. Эта мысль вполне вѣрно выражена Пушкинымъ, что Пущинъ своимъ поступленіемъ въ Надворный Судъ освятилъ имъ избранное поприще службы и тѣмъ въ очахъ общественнаго мнѣнія завоевалъ почтеніе гражданъ.

Гречъ, современникъ декабрьскаго бунта, даетъ слѣдующую характеристику Пущина, онъ говоритъ: «Иванъ Ивановичъ Пущинъ—одинъ изъ воспитанниковъ царскосельскаго лицея, перваго блистательнаго выпуска, благородный, милый, добрый молодой человѣкъ, истинный филантропъ, покровитель бѣдныхъ, гонитель неправды. Въ добродѣтельныхъ порывахъ, для благотворенія человѣчеству, вступилъ онъ на службу, безвозмездно по выборамъ въ Уголовную Палату»²⁾).

Получивъ мѣсто въ Москвѣ Надворнымъ Судьею, Пущинъ переѣхалъ въ Москву и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ при особѣ Московскаго Генералъ-Губернатора Князя Голицына.

Передъ своимъ отъѣздомъ въ Москву Пущинъ былъ у Энгельгардта, который давалъ прощальный обѣдъ отъѣзжающимъ въ Москву Пущину и Данзасу. Объ этомъ обѣдѣ Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину въ письмѣ отъ 28 февраля 1824 г., гдѣ онъ пишетъ: «Сегодня у меня на прощанье обѣдаютъ Пущинъ и Данзасъ, которые дни въ два отправляются и съ которыми и письмо мое поѣдетъ. — Будетъ Лицейской обѣдъ на Вас. О., ибо настоящій Лицей теперь въ Лицеѣ, онъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и пр., гдѣ есть нѣсколько чугульниковъ. Дай Богъ тебѣ скорѣй сюда пріѣхать: послѣ отъѣзда Пущина мнѣ тутъ очень будетъ пусто и грустно». И, дѣйствительно, въ это время въ Москвѣ жили многіе первокурсники: кромѣ Пущина и Данзаса, здѣсь находились Матюшкинъ, Кюхельбекеръ, Бакунинъ и др.

Въ 1824 году, 14 января, Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Скоро къ тебѣ ѣдетъ Пущинъ; онъ опредѣляется служить въ Москву, гдѣ, впрочемъ, есть уже съ тобою кое-кто нашихъ: Бакунинъ, Кюхельбекеръ, Яковлевъ, Данзасъ, Пальчиковъ, народъ все хорошій, есть съ кѣмъ о Лицеѣ поговорить».

¹⁾ А. П. Бѣляевъ: Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ. «Рус. Стар.» 1881 г., т. 30, стр. 488—489.

²⁾ Записки о моей жизни, Н. И. Греча. Спб., изд. А. С. Суворина, 1886 г., стр. 407.

Въ другомъ письмѣ къ тому же Матюшкину, отъ 5-го февраля 1824 г., Энгельгардтъ писалъ: «Пушннъ на будущей недѣлѣ туда (въ Москву) ѣдетъ. Очень, очень больно мнѣ съ нимъ разставаться, но опредѣленіе его тамъ такъ лѣтно и для него и для Лицея, что я уже о себѣ и думать не смѣю».

Несмотря на то, что въ Москвѣ жило много не только первокурсниковъ Лицея, но и воспитанниковъ другихъ курсовъ, какъ, напримѣръ, Пальчиковъ (второго курса), Энгельгардтъ все-таки находилъ, что они не часто пишутъ ему, и жаловался въ письмахъ къ Матюшкину, что они забываютъ его, стараго директора. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 24 января 1824 г. Энгельгардтъ жаловался Матюшкину на проживающихъ въ Москвѣ своихъ питомцевъ: «Странно, что наши, въ Москвѣ живущіе Лицейскіе, ничего обо мнѣ не знаютъ! Данзасъ, съ которымъ я въ перепискѣ, кажется сообщалъ имъ свѣдѣнія обо мнѣ, также и Кюхельбекеръ, къ которому я недавно еще писалъ и отвѣтъ отъ него получилъ.— Что касается до Пальчикова и Бакунина, то они или слишкомъ заняты государственными и собственными дѣлами, или у нихъ чернилъ и бумаги не стало, но я отъ нихъ не только письма, но и постскриптумъ не видалъ, а потому и къ нимъ не писалъ».

Въ письмѣ отъ 12 марта 1824 г. Энгельгардтъ увѣдомляетъ Матюшкина: «У тебя теперь Пушннъ, Данзасъ,—они тебѣ сказали, какъ я теперь живу».

Въ другомъ письмѣ, отъ 15 апрѣля того же года, Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Завидую я вамъ, Москвичамъ: ваши сходки лицейскія—наше гнездышко сдѣсь разстроено, разсѣяно по поднебесью, не соберешь. Развѣ пріѣздъ твой кое-кого заманить.— Всѣмъ нашимъ миліонъ поклоновъ.—Пушина письмо я получилъ и очень его благодарю за подробность, съ которою онъ меня извѣщаетъ обо всемъ, до него касающемся. Сегодня я къ нему не пишу,—никогда; на будущей почтѣ имѣю намѣреніе».

Иванъ Ивановичъ Пушкинъ, пріѣхавъ въ Москву на службу въ Надворномъ Судѣ, на первыхъ же порахъ подѣлился своими впечатлѣніями съ Пушкинымъ. Онъ уже 18-го февраля 1825 г. послалъ ему письмо слѣдующаго содержанія:

«Опять я въ Москвѣ, Любезнѣйшій Пушкинъ—дѣйствую снова въ Судѣ.— Деньги твои возвращаю: Вяземская ихъ не беретъ, я у себя оставить не могу; она говоритъ, что получить ихъ отъ Одесскаго пріятеля, я говорю, что они мнѣ неслѣдуютъ. Прими ихъ обратно,—я никакъ благоразумнѣе неумѣю поступить съ ними.—

«Живи счастливо, Любезнѣйшій Поэтъ! Пиши мнѣ посланіе и увѣдоми о полученіи суммы.—

«Кюхельбекера здѣсь нѣтъ. Онъ въ деревнѣ у Матери и вѣроятно будетъ у тебя.—

Много знакомых твоихъ и любопытныхъ о тебѣ спрашиваютъ. Я по возможности удовлетворяю ихъ любопытству. Между прочимъ И. И. Дмитріевъ меня забросалъ вопросами за обѣдомъ у Вяземскаго.

«Прощай, будь здоровъ. Кланяйся Нянь.—

«Твой Иванъ Пушкинъ.»

«На дняхъ тебѣ пришло Рылѣева произведенія, которыя должны появиться: Войнар. и Думы»¹⁾).

Въ этомъ же письмѣ онъ помѣщаетъ свой Московскій адресъ: «у Спаса на пескахъ близъ Арбата въ домѣ Графини Толстой». Это былъ домъ тещи Павла Калошина, гдѣ жилъ Калошинъ съ женою и гдѣ помѣтился Иванъ Ивановичъ Пушкинъ.

Павелъ Калошинъ въ письмѣ отъ 8-го апрѣля 1824 года, изъ Москвы, писалъ Владиміру Дмитріевичу Вольховскому, между прочимъ, слѣдующія строки: «...Послѣ долгаго ожиданія наконецъ Пушкинъ прибылъ къ намъ: все тотъ же. Принялся за дѣло и думаетъ Надворный Судъ свой исправить: дѣло великое—но трудное...» Въ концѣ письма находится слѣдующая фраза: «Пушкинъ къ тебѣ собирается также писать и я оставляю ему поле», т. е. свободную страницу. На этой страницѣ Пушкинъ написалъ весьма интересное письмо Вольховскому слѣдующаго содержания: «На другой день приѣзда моего въ Москву (14 марта) Комедіантъ Яковлевъ²⁾ вручилъ мнѣ твою записку изъ Оренбурга. Не стану тебѣ рассказывать, какъ мнѣ приятно было получить о тебѣ вѣсточку, ты довольно меня знаешь, чтобъ судить о радости моей безъ всякихъ изъясненій. — Оставилъ я Петербургъ не такъ какъ хотѣлось, вмѣсто пяти тысячъ досталъ только двѣ и то послѣ долгихъ и несносныхъ хлопотъ. Заплатилъ тѣмъ, кто болѣе нуждались и отправился на первой случай съ маленькимъ запасомъ. — Приѣхалъ сюда совершенно въ новой міръ—до сихъ поръ не могу еще хорошенько опомниться. Жить мнѣ у Павла прелестно, семья вся необыкновенно мила—онъ такъ счастливъ, что кажется совсѣмъ забылъ о... (клочекъ вырванъ) надобно надѣяться однако на время, котор(ое) возвратитъ его друзьямъ такимъ какъ онъ б(ылъ) прежде. Онъ оставилъ службу по неприятностямъ, но вѣроятно, устроивши дѣла свои въ деревнѣ нынѣшнимъ лѣто(мъ), опять начнетъ трудиться для пользы общественной. Не вѣрь его отчаянію, можно служить, довольствуясь тѣмъ, что удастся сдѣлать хорошаго. Мой Надворный Судъ не такъ дурень, какъ я ожидалъ. Вотъ двѣ не-

¹⁾ Соч. Пушкина. Изд. Императ. Акад. Наукъ. Переписка. В. И. Саитовъ, т. I, стр. 180.

²⁾ Это была лицейская кличка Михаила Лукьяновича Яковлева, отличавшагося веселостію и буффонадами: онъ былъ также композиторомъ и переложилъ много стихотвореній Пушкина, Дельвига и др. на музыку.

дѣли, что я вс упилъ въ должность; трудовъ бездна, средствъ почти нѣтъ. На канцелярію и на жалованіе чиновниковъ отпускается двѣ тысячи съ небольшимъ. Ты можешь поэтому судить, что за народъ служить и слѣдовательно надобно благодарить Судьбу, если они что нибудь дѣлаютъ. И имъ толкую о святости нашей обязанности и стараюсь собственнымъ примѣромъ возбудить въ нихъ охоту и усердіе.—Кашкинъ опредѣляется ко мнѣ засѣдателемъ: я его просилъ хорошо обдумать свое намѣреніе—онъ рѣшился на сей подвигъ—я ему чрезвычайно благодаренъ, авось вмѣстѣ дѣло пойдетъ дружнее.—Въ Москвѣ пустыня, никого почти или лучше сказать нѣтъ тѣхъ, которыхъ я привыкъ видѣть въ Петербургѣ—это сдѣбалось мнѣ необходимостію.—Черевинъ бѣдной все еще не хорошъ—ждетъ денегъ отъ Семенова, а тотъ до сихъ поръ ни слова къ нему не пишетъ... ..снѣи очень милы въ своемъ родѣ, мы иногда (соби)раемся и вспоминаемъ старину при звукахъ гитары съ волшебнымъ пѣніемъ Яковлева, который всетаки не умѣетъ себя представить.—Здѣсь Алексей Тучковъ, я иногда съ нимъ выдаюсь въ свободныя часы отъ занятій.—Въ Москвѣ я почти ни съ кѣмъ не знакомъ, да врядъ ли много и познакомлюсь. Приятно было по службѣ встрѣтить нѣкоторыхъ людей благородныхъ—вообще пріемомъ начальства я не могу довольно нахвалиться.—А ргоро старшинство отказано и я остаюсь на зло вѣмъ *благороднымъ* человекомъ. Весьма равнодушно принялъ сію вѣсть, присланную къ Свѣтлomu празнику, вѣѣ прочія представленія Князя Высочайше утверждены.—Вотъ тебѣ, любезный Володя, все, что можно сказать въ тѣсныхъ предѣлахъ письма. Молю Бога, чтобъ ты, кончивши благополучно порученіе свое, порадовалъ скорѣе меня своимъ приѣздомъ. Сколько намъ нужно будетъ потолковать—бесѣда твоя усладитъ меня—не знаю, что ты думаешь? Не знаю, что ты предпримишь?—

«Если тебѣ будетъ... пусть грамотку ко мнѣ прежде твоего выѣзда изъ Оренбурга...; по моему расчету это письмо тебя должно непременно тамъ найти. Прощай. Будь здоровъ и счастливъ» ¹⁾).

Изъ этого письма устанавливается точная дата приѣзда Пущина въ Москву, т. е. 14 марта, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно вырисовывается ловкое жонглированіе Пущина либеральными фразами объ «общей пользѣ» и о «трудѣ для пользы общественной», а между тѣмъ это одни громкія фразы, которыя ввели не одинъ десятокъ въ заблужденіе и заставили ихъ расплатиться жизнью за легкомысліе. Введя своего родственника Павла Калошина въ кружокъ лицъ, подготовлявшихъ 14 декабря, Пущинъ сыгралъ и съ нимъ ту же дурную шутку, какъ и съ Кюхельбекеромъ ²⁾).

¹⁾ Точками мы отмѣтили порванные мѣста.—О дальнѣйшихъ подробностяхъ участія Павла Калошина въ тайныхъ обществахъ и заговорѣ 14 декабря см. т. I «Товарищій Пушкина», стр. 161—165 и 213—217.

²⁾ См. мою брошюру: Кюхельбекеръ и Пущинъ въ день 14 декабря 1825 г. Спб. 1901 г.

12 марта 1825 г. Пущинъ прислалъ Пушкину слѣдующее письмо:

«Здравствуй, любезный Пушкинъ.

«До сихъ поръ жду отъ тебя отвѣта и не могу дожидаться. Хоть прозой увѣдомить меня надобно, получилъ ли ты посланныя мною деньги.

«Между тѣмъ я къ тебѣ съ новымъ гостинцемъ. Рылѣевъ поручилъ мнѣ доставить труды его,—съ покорностію отправляю.

«Вяземскій былъ очень боленъ. Теперь однако вышелъ изъ опасности: я вижу его довольно часто,—и всегда непремѣнно о тебѣ говоримъ,—княгиня большой твой другъ.

«Хлопотавши здѣсь по несносному изданію съ Селивановскимъ, я между прочимъ узналъ его желаніе сдѣлать второе изданіе твоихъ трехъ поэмъ, за которыя онъ готовъ дать тебѣ 12 тысячъ. Подумай и употреби меня, если надо, посредникомъ между вами. Впрочемъ совѣтовалъ бы также поговорить объ этомъ съ петербургскими книгопродавцами, гдѣ гораздо лучше издаются книги.

«Всѣ тебѣ желаютъ миллионъ хорошаго.—Мы ждемъ Ломоносова на дняхъ изъ Парижа» ¹⁾).

Въ письмѣ отъ 2-го апрѣля того же (1825) года, изъ Москвы, Пущинъ извѣщаетъ его о полученіи письма: «Наконецъ получилъ посланіе твое въ прозѣ, Любезный Пушкинъ! Спасибо и за то...» Далѣе сообщается о денежныхъ отношеніяхъ Пушкина къ Вяземскимъ. «Всѣ тузы Московскіе тебѣ кланяются и съ большимъ удовольствіемъ читаютъ Онегина. Мы ждемъ сюда Дипломата Ломоносова, который уже въ Петербургѣ». Ломоносовъ, какъ извѣстно, былъ ихъ товарищемъ и весьма рѣдко появлялся въ Россіи, такъ какъ занималъ дипломатическій постъ за границей ²⁾).

Антонъ Ивановичъ Малиновскій, племянникъ Пущина ³⁾, со словъ своего отца, сообщаетъ слѣдующій интересный фактъ изъ дѣятельности Пущина, какъ надворнаго судьи: «Я живо помню рассказъ моего отца. Въ одинъ изъ проѣздовъ черезъ Москву отецъ мой видѣлъ своего друга и товарища по лицу разбирающимъ у Иверскихъ воротъ (вѣроятно, въ зданіи присутственныхъ губернскихъ мѣстъ) какой то споръ торговокъ о моткѣ нитокъ и дивился терпѣнію, съ какимъ Иванъ Ивановичъ выслушивалъ ихъ словесное состязаніе» ⁴⁾).

¹⁾ В. И. Ситовъ. Переписка, т. I, стр. 189—190. Объ этомъ предложеніи Пущина Пушкинъ писалъ Вяземскому отъ 7 апр. 1825 г. изъ Михайловскаго, гдѣ онъ отклоняетъ это предложеніе. Тамъ же, стр. 202—203.

²⁾ На оборотѣ этого письма было написано: «Ея Высокоблагородію Прасковѣ Александровнѣ Осиповой. Въ Опочкѣ, для доставленія въ село Тригорское, а васъ покорно прошу отослать А. С. Пушкину».

³⁾ Сестра Пущина была замужемъ за его товарищемъ по Лицею И. В. Малиновскимъ.

⁴⁾ К. Я. Гротъ: Изъ лицейской старины. II.—«Историческій Вѣстникъ» 1905 г., т. 101, августъ, стр. 426.—Рассказъ этотъ относится къ началу 1825 г.

Въ 1825 г. Пушкинъ посѣтилъ своего друга Пушкина, жившаго въ то время въ своей Псковской деревнѣ, въ селѣ Михайловскомъ. На прѣздѣ Пушкина Пушкинъ написалъ стихотвореніе:

Стрекогунья бѣлобока
Подъ калиткою моей
Скачетъ пестрая сорока
И пророчить мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенить въ ухахъ...
Лучъ зари сіяетъ алый...
Серебрится снѣжный прахъ...

Стихотвореніе это датировано 11 января¹⁾.

Въ своемъ стихотвореніи «19 октября 1825 г.» («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...») Пушкинъ упоминаетъ объ этомъ посѣщеніи села Михайловскаго Пушкинымъ.

Живя въ Псковской глуши подъ надзоромъ мѣстныхъ властей, Пушкинъ имѣлъ утѣшеніе обнять здѣсь троицхъ изъ своихъ лицейскихъ товарищей: Пушкина, Дельвига и Горчакова:

...И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троицхъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я...

Къ Пушкину онъ обращается со слѣдующими строками:

...Поэта домъ опалъный,
О Пушкинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ...

Вотъ какъ описываетъ самъ Пушкинъ свое посѣщеніе Пушкина въ селѣ Михайловскомъ:

«Проведя праздникъ у отца въ Петербургѣ, послѣ Крещенія я поѣхалъ въ Псковъ. Погостилъ у сестры²⁾ нѣсколько дней и отъ нея вечеромъ пустился изъ

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Подъ ред. П. А. Ефремова. 1903 г. Т. 2, стр. 69.—См. также Хронологическую Канву въ книгѣ Я. К. Грота: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. 1899 г., стр. 200.

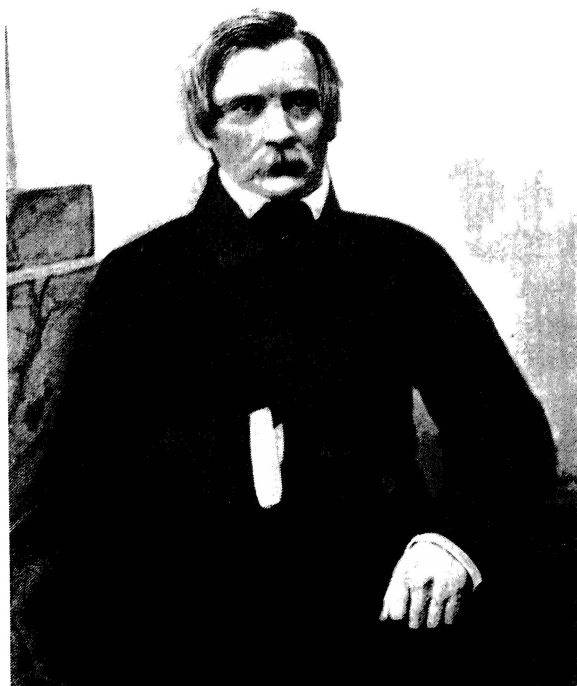
²⁾ Въ другомъ мѣстѣ Пушкинъ пишетъ: «Съ той минуты, какъ я узналъ, что Пушкинъ въ изгнаніи, во мнѣ зародилась мысль непременно навѣстить его. Собираясь на Рождество въ Петербургъ, для свиданія съ родными, я предположилъ съѣздить и въ Псковъ къ сестрѣ Набоковой; мужъ ея командовалъ тогда дивизіей, которая тамъ стояла, а оттуда уже рукой подать въ Михайловское. Вслѣдствіе этой программы я подалъ въ отпускъ на 28 дней въ Петербургскую и Псковскую губерніи».

Пескова; въ Островѣ, проѣздомъ ночью, взявъ три бутылки клико и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желаемой цѣли. Свернули мы наконецъ съ дороги въ сторону, мчались среди лѣса по гористому проселку: все мнѣ казалось не довольно скоро. Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши въ ухабѣ такъ наклонились на бокъ, что ящикъ слетѣлъ. Я съ Алексѣемъ, неизмѣннымъ моимъ спутникомъ отъ лицейскаго порога до воротъ крѣпости, кой-какъ удержался въ саняхъ. Схватили возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ, и снѣгъ имъ по брюхо, править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистою тропой; вдругъ крутой поворотъ, и какъ будто неожиданно вломилась смаху въ притворенные ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу не разчищеннаго двора.

«Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ нынѣ минуты человекъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ. Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около восьми часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ—почти голый, другой—весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробилась слеза (она и теперь, черезъ тридцать три года, мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись. Совѣстно стало передъ этою женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспитая, и чуть не задушилъ ея въ объятіяхъ.

«Все это происходило на маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, черезъ которое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась кровать его съ полотомъ, письменный столъ, диванъ, шкафъ съ книгами, и проч., и проч. Во всемъ поэтическій беспорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьевъ (онъ всегда съ самага лица писалъ оглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ). Входъ къ нему прямо изъ корридора; противъ его двери—дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество палецьевъ.

«Послѣ первыхъ нашихъ обниманій пришелъ и Алексѣй, который въ свою очередь кинулся цѣловать Пушкина: онъ не только близко зналъ и любилъ поэта, но и читалъ наизусть многіе изъ его стиховъ. Я между тѣмъ приглядывался, гдѣ



Иванъ Ивановичъ
ПУЩИНЪ.

бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутреннія комнаты была заперта, домъ не топлень. Кой-какъ все это тутъ же уладили, копошась среди отрывистыхъ вопросовъ: что? какъ? гдѣ? и пр. Вопросы большею частью не ожидали отвѣтовъ. Наконецъ помаленьку прибрались; подали намъ кофе; мы усѣлись съ трубками. Беседа пошла правильнѣе; многое надо было хронологически рассказать, о многомъ спросить другъ друга. Теперь не берусь всего этого передать.

«Вообще Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьезнѣе прежняго, сохраняя однакожь ту же веселость; можетъ быть, самое положеніе его произвело на меня это впечатлѣніе. Онъ, какъ дитя, былъ радъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторялъ, что ему еще не вѣрится, что мы вмѣстѣ. Прежняя его живость во всемъ проявлялась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ. Наружно онъ мало перемѣнился, обросъ только бакенбардами; я нашелъ, что онъ тогда былъ очень похожъ на тотъ портретъ, который потомъ видѣлъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и теперь при изданіи его сочиненій П. В. Анненковымъ.

«Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы кознямъ графа Воронцова *изъ ревности*; думалъ даже, что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управление и неосторожные частые его разговоры о религіи. Мнѣ показалось, что онъ вообще неохотно объ этомъ говорилъ; я это заключилъ по лаконическимъ отрывистымъ его отвѣтамъ на нѣкоторые мои вопросы, и потому я его просилъ оставить эту статью, тѣмъ болѣе, что всѣ наши толкованія ни къ чему не вели, а только отклоняли насъ отъ другой, близкой намъ бесѣды. Замѣтно было, что ему какъ будто нѣсколько наскучила прежняя шумная жизнь, въ которой онъ частенько тѣрялся. Среди разговора ех абсурто онъ спросилъ меня: что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ и Москвѣ? При этомъ вопросѣ рассказалъ мнѣ, будто бы Императоръ Александръ ужасно перепугался, найдя его фамилію въ запискѣ коменданта о пріѣзжихъ въ столицу, и тогда только успокоился, когда убѣдился, что не онъ пріѣхалъ, а братъ его Левушка. На это я ему отвѣтилъ, что онъ совершенно напрасно мечтаетъ о политическомъ своемъ значеніи, что врядъ ли кто-нибудь на него смотреть съ этой точки зрѣнія, что вообще читающая наша публика благодаритъ его за всякій литературный подарокъ, что стихи его пріобрѣли народность во всей Россіи, и наконецъ, что близкіе и друзья помнятъ и любятъ его, желая искренно, чтобъ скорѣй кончилось его изгнаніе. Онъ терпѣливо выслушалъ меня и сказалъ, что нѣсколько примирился въ эти четыре мѣсяца съ новымъ своимъ бытомъ, въ началѣ очень для него тягостнымъ; что тутъ, хотя невольно, но все-таки отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненія; съ музой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно. Скорбѣлъ

только, что съ нимъ нѣтъ сестры его, но что, съ другой стороны, никакъ не согласится, чтобъ она по привязанности къ нему проскучала цѣлую зиму въ деревнѣ. Хвалилъ своихъ сосѣдей въ Тригорскомъ, хотѣлъ даже везти меня къ нимъ, но я отговорился тѣмъ, что пріѣхалъ на такое короткое время, что не успѣю и на него самого наглядѣться. Среди всего этого много было шутокъ, анекдотовъ, хохоту отъ полноты сердечной. Уцѣлѣли бы все эти дорогія подробности, если бы тогда при насъ былъ стенографъ.

«Пушкинъ заставилъ меня разсказать ему о всѣхъ нашихъ первокурсныхъ лицахъ: потребовалъ объясненія, какимъ образомъ изъ артиллериста я преобразился въ судью. Это было ему по сердцу, онъ гордился мною и за меня!..

«Незамѣтно коснулись опять подозрѣній на счетъ общества. Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: «Вѣрно, все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тираспольской крѣпости и ничего не могутъ выпытать». Потомъ, успокоившись, онъ продолжалъ: «Впрочемъ я не заставляю тебя, любезный Пушкинъ, говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно, я этого довѣрія не стою,—по многимъ моимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко расцѣловалъ его; мы обнялись и пошли ходить: обоимъ нужно было вздохнуть. Вошли въ нянину комнату, гдѣ собрались уже швеи. Я тотчасъ замѣтилъ между ними одну фигурку, рѣзко отличающуюся отъ другихъ, не сообщая однако Пушкину моихъ заключеній. Я невольно смотрѣлъ на него съ какимъ то новымъ чувствомъ, порожденнымъ исключительнымъ его положеніемъ: оно высоко ставило его въ моихъ глазахъ, и я боялся оскорбить его какимъ-нибудь неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Впрочемъ онъ тотчасъ прозрѣлъ шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мнѣ ничего больше не нужно было; я, въ свою очередь, моргнувъ ему, и все было понятно безъ всякихъ словъ. Среди молодой своей команды няня переважно разгубливала съ чулкомъ въ рукахъ. Мы полюбовавшись работами, побалагурили и возвратились во свояси. Настало время обѣда. Алексѣй хлопнулъ пробкой, начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующихъ друзей и за *нее*. Незамѣтно полетѣла въ потолокъ и другая пробка; поподчивали искрометнымъ няню, а всѣхъ другихъ хозяйскою наливкой. Все домашнее населеніе нѣсколько развеселилось; кругомъ насъ стало пошумнѣе, праздновали наше свиданіе.

«Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума»; онъ былъ очень доволенъ этою тогда рукописною комедіей, до того ему вовсе почти незнакомою. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ; но опять жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя въпрочемъ потомъ частію явились въ печати.

«Среди этого чтенія кто-то подѣхалъ къ крыльцу. Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четью-

Миню. Замѣтивъ его смущеніе и не подразумѣвая причины, я спросилъ его: что это значитъ? Не успѣлъ онъ отвѣчать, какъ вошелъ въ комнату низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался мнѣ настоятелемъ соедѣннаго монастыря. Я подошелъ подъ благословеніе, Пушкинъ—тоже, просилъ его съѣсть. Монахъ началъ извиненіемъ въ томъ, что, можетъ быть, помѣшалъ намъ, потомъ сказалъ, что узнавши мою фамилію, ожидалъ найти знакомаго ему П. (С. Пущина, уроженца великолукскаго, котораго очень давно не видалъ. Ясно было, что настоятелю донесли о моемъ пріѣздѣ, и что монахъ хитритъ. Хотя посѣщеніе его было вовсе не кстати, но я все-таки хотѣлъ faire bonne mine à mauvais jeu и старался увѣрить его въ противномъ; объяснилъ ему, что я—Пущинъ такой-то, лицейскій товарищъ хозяина, а что генералъ Пущинъ, его знакомый, командуетъ бригадой въ Кишиневѣ, гдѣ я въ 1820 году съ нимъ встрѣчался. Разговоръ завязался о томъ, о семъ. Между тѣмъ подали чай. Пушкинъ спросилъ рому, до котораго, видно, монахъ былъ охотникъ. Онъ выпилъ два стакана чаю, не забывая о ромѣ, и послѣ этого началъ прощаться, извиняясь снова, что прервалъ нашу товарищескую бесѣду.

«Я радъ былъ, что мы остались одни, но мнѣ неловко было за Пушкина: онъ, какъ школьникъ, присмирѣлъ при появленіи настоятеля. Я ему высказалъ мою досаду, что накликалъ это посѣщеніе. «Черестанъ, любезный другъ! Вѣдь онъ и безъ того бываетъ у меня, я поручень его наблюденію. Что говорить объ этомъ вздорѣ!»

«Тутъ Пушкинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ читать комедію; я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ его выразительное и исполненное жизни чтеніе, довольный тѣмъ, что мнѣ удалось доставить ему такое высокое наслажденіе. Потомъ онъ мнѣ прочелъ кое-что свое, большею частью въ отрывкахъ, которые впослѣдствіи вошли въ составъ замѣчательныхъ его піесъ; продиктовалъ начало изъ поэмы «Цыганы» для «Полярной Звѣзды» и просилъ, обнявши крѣпко Рылѣева, благодарить за его патріотическія «Думы».

«Время не стояло. Къ несчастію, вдругъ запахло угаромъ. У меня собачье чутье, и голова моя не выноситъ угара. Тотчасъ же я отправился узнавать, откуда эта бѣда, неожиданная въ такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велѣла въ другихъ комнатахъ затопить печи, которыя съ самаго начала зимы не топились. Когда закрыли трубы,—хоть бѣги изъ дому! Я тотчасъ распорядился за беззаботнаго сына въ отцовскомъ домѣ: велѣлъ открыть трубы, заперъ на замокъ дверь въ натопленные комнаты, притворилъ и нашу дверь, а форточку открылъ. Все это неприятно на меня подѣйствовало, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. «Какъ», подумалъ я,—«хоть въ этомъ не успокоить его, какъ не устроить такъ, чтобъ ему, бѣдному поэту, было гдѣ подвигаться въ зимнее ненастье!» Въ залѣ былъ бильярдъ;

*

это могло бы служить для него развлеченьемъ. Въ порывѣ досады я даже упрекнулъ няню, зачѣмъ она не велить отапливать всего дома. Видно однако мое ворчанье имѣло нѣкоторое дѣйствіе, потому что послѣ моего посѣщенія перестали экономничать дровами. П. В. Анненковъ въ біографіи Пушкина говоритъ, что онъ иногда одинъ игралъ въ два шара на билиардѣ. Вѣдь не лѣтомъ же онъ этимъ забавлялся, находя приволье на Божьемъ воздухѣ, среди полей и лѣсовъ, которые любилъ съ дѣтства. Я не могъ познакомиться съ мѣстностью Михайловскаго, такъ живо имъ воспѣтой: она тогда была закутана снѣгомъ.

«Между тѣмъ время шло за полночь. Намъ подали закусить; на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крѣпко обнялись — въ надеждѣ, можетъ быть, скоро свидѣться въ Москвѣ. Шаткая эта надежда облегчала разставанье послѣ такъ отрадно промелькнувшаго дня. Ямщикъ уже запрягъ лошадей, колоколецъ брякалъ у крыльца, на часахъ ударило трп. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилося: какъ будто чувствовалось, что послѣдній разъ вмѣстѣ пьемъ, и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него: онъ остановился на крыльцѣ, со свѣчей въ рукѣ. Кони рванули подъ гору. Послышалось: «Прощай, другъ!» Ворота скрипнули за мною...» ¹⁾

Пушинъ принялъ дѣятельное участіе въ заговорѣ 14 декабря 1825 г. Узнавъ о смерти Александра I въ Таганрогѣ, Пушинъ поспѣшилъ выѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы быть вмѣстѣ съ остальными заговорщиками, хотя, какъ мы увидимъ ниже, Пушинъ отрицалъ на судѣ предумышленность своего прѣзда.

Объ отъѣздѣ его въ Петербургъ извѣщаль своего брата А. Я. Булгаковъ.

— «Отсюда, — писалъ А. Я. Булгаковъ, — попался тоже къ негодямъ Петербургскимъ молодой Пушинъ, служащій при князѣ, коего увѣрили, что отецъ его боленъ при смерти, а потому князь и не могъ ему отказать ѣхать въ Петербургъ. За дѣломъ поѣхалъ! У этого Пушина есть здѣсь пріятели. Они составили такъ называемое братское общество Семидугольной Звѣзды, глупости, кои теперь всѣхъ ихъ могутъ компрометировать. Тутъ Данзасъ, Колошинъ, кн. Черкасскій, Кашкинъ, Зубковъ, Пушинъ, не помню 7-го. Эти молодцы всѣ занимаютъ здѣсь мѣста при князѣ, коего могутъ компрометировать» ²⁾.

Объ этомъ отъѣздѣ Пушина изъ Москвы Московскій военный генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, спустя нѣсколько лѣтъ, рассказывалъ его брату Михаилу Ивановичу, котораго во время прѣзда его черезъ Москву пригла-

¹⁾ Записки И. И. Пушина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ. Въ книгѣ Л. Майкова: «Пушкинъ». Спб. 1899 г., стр. 77—83.

²⁾ Изъ письма А. Я. Булгакова къ брату, изъ Москвы, отъ 22 декабря 1825 г. «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 6, стр. 233.

силъ къ себѣ, черезъ оберъ-полиціймейстера Д. П. Шульгина. Вотъ какъ описываетъ это свое свиданіе съ Голицынымъ Михайлъ Пущинъ: «Шульгинъ заѣхалъ за мной и повезъ меня къ Голицыну, который принялъ дружески, зная хорошо брата Ивана Ивановича, упрекалъ себя за то, что по слабости своей отпустилъ его передъ 14-мъ декабря въ Петербургъ; ему очень не хотѣлось этого дѣлать, но настояніе брата было такъ сильно, что онъ уступилъ, а между тѣмъ, еслибъ онъ его не отпустилъ, то братъ не былъ бы въ Сибири. Я успокаивалъ князя тѣмъ, что братъ не спасся бы, оставаясь въ Москвѣ, что многіе товарищи его, не бывшіе въ Петербургѣ, понесли одинаковую съ нимъ участь, что онъ съ твердостью переноситъ свою судьбу и, кажется, не хотѣлъ бы менѣе своихъ товарищей нести наказаніе»¹⁾).

По словамъ Ивана Димитріевича Якушкина (см. его Записки, выпускъ первый, стр. 76. Лондонъ, 1862 г.), 12 декабря 1825 года Семеновъ получилъ письмо, «въ которомъ Пущинъ писалъ къ нему, что они въ Петербургѣ рѣшились сами не присягать и не допустить гвардейскіе полки до присяги, вмѣстѣ съ тѣмъ Пущинъ предлагалъ членамъ, находившимся тогда въ Москвѣ, содѣйствовать Петербургскимъ членамъ, насколько это будетъ для нихъ возможно». Такимъ образомъ, по словамъ самихъ декабристовъ, мы видимъ, что Пущинъ являлся дѣятельнымъ агентомъ декабрьской смуты, не только вербовавшимъ членовъ для тайнаго Общества, но и руководившимъ ими.

Событія 14 декабря 1825 года описаны самимъ И. И. Пущинымъ, въ третьемъ лицѣ, подъ заглавіемъ: «Четырнадцатое декабря. И. Пущина», въ книгѣ, изданной въ Лондонѣ въ 1863 году, подъ заглавіемъ: «Записки декабристовъ», вып. 2 и 3, стр. 137—162. Писаны ли эти Записки лично Пущинымъ или только записаны съ его словъ, намъ неизвѣстно. Какъ бы то ни было, вотъ какъ описываетъ Пущинъ 14 декабря и дни, предшествующіе ему:

27 ноября въ то самое время, когда служили въ зимнемъ дворцѣ молебень за здравіе императора Александра Павловича, пріѣхалъ курьеръ изъ Таганрога съ извѣстіемъ о кончинѣ императора; молебствіе прекратилось, духовенство облеклось въ черныя ризы и стало молиться за усопшаго. По окончаніи панихиды вел. кн. Николай Павловичъ, взявши въ сторону Милорадовича, бывшаго тогда военнымъ губернаторомъ и по праву своего званія въ отсутствіе императора главноначальствующаго надъ всеми войсками, расположенными въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ столицы, сказалъ ему: «Гр. Михайлъ Андреевичъ, вамъ извѣстно, что государь цесаревичъ, при вступленіи въ бракъ съ кн. Ловичъ, отказался отъ права на престолъ; вамъ извѣстно также, что покойный императоръ въ духовномъ

¹⁾ К. Я. Гротъ: Изъ лицейской старины. II. «Историческій Вѣстникъ» 1905 г., т. 101, августъ, стр. 430—431.

своём завѣщаніи назначилъ меня своимъ наслѣдникомъ». Милорадовичъ отвѣчалъ: «ваше высочество, я знаю только, что въ Россіи существуетъ коренной законъ о престолонаслѣдїи, въ силу котораго цесаревичъ долженъ вступитъ на престолъ, и я послалъ уже приказаніе войскамъ присягать императору Константину Павловичу». Такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ Милорадовичъ поставилъ вел. кн. Николая Павловича въ необходимость присягнуть своему старшему брату; за нимъ присягнули новому императору: вел. кн. Михаилъ Павловичъ, всѣ генералы и сановники, присутствовавшіе при молебствїи, сперва за здравіе, а потомъ за упокой императора Александра Павловича. Послѣ чего Милорадовичъ извѣстилъ сенатъ о присягѣ, принесенной цесаревичу во дворцѣ и всѣми войсками. Въ сенатѣ хранилось духовное завѣщаніе покойнаго императора въ пользу вел. кн. Николая Павловича, чрезъ что на правительственный сенатъ возлагалась обязанность тотчасъ послѣ смерти Александра Павловича обнародовать послѣднюю его волю; но сенатъ безъ малѣйшаго прекословія присягнулъ Императору Константину Павловичу, а за нимъ принесли ту же присягу государственный совѣтъ и вся столица. Затѣмъ Милорадовичъ отправилъ нарочнаго къ Московскому военному губернатору кн. Голицыну съ извѣстіемъ о присягѣ, принесенной сенатомъ, государственнымъ совѣтомъ и всѣмъ Петербургомъ императору Константину Павловичу и приглашалъ кн. Голицына привести Москву къ присягѣ новому императору. Кн. Голицынъ послѣ долгаго совѣщанія съ начальникомъ 5-го корпуса гр. Толстымъ сообщилъ Московскому сенату извѣстія, полученныя имъ изъ Петербурга; и тутъ сенатъ безпрекословно принесъ требуемую отъ него присягу. За Московскимъ сенатомъ Москва и вся Россія присягнули императору Константину Павловичу. Одинъ только преосвященный Филаретъ, у котораго въ Успенскомъ соборѣ хранился списокъ съ завѣщанія покойнаго императора, изъявилъ свое несогласіе принести требуемую отъ него присягу; но кн. Голицынъ скоро уговорилъ его не сопротивляться общей мѣрѣ, принятой во всемъ государствѣ.

Въ тотъ день, когда присягнули: сенатъ, государственный совѣтъ и вся столица Константину Павловичу, члены главной думы: кн. Трубецкой, кн. Оболенской и Рылѣевъ собрались у послѣдняго. На этомъ совѣщаніи былъ также Александръ Бестужевъ (Марлинской), адъютантъ принца Александра Виртембергскаго. Зная, что новый императоръ заклятый врагъ всему тому, что хоть сколько-нибудь отзывается свободой мысли, они условились на нѣкоторое время прекратить всѣ дѣйствія между членами Тайнаго Общества, находившимися тогда въ Петербургѣ; но скоро потомъ отреченіе цесаревича сдѣлалось извѣстнымъ; знали также, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ и Лазаревъ были отправлены къ нему въ Варшаву и должны были привезти вторичное отреченіе. Кн. Трубецкой, кн. Оболенской, братья Бестужевы, Александръ и Николай, Федоръ Глинка, Якубовичъ, полковникъ Батенковъ, полковникъ Булатовъ и многіе другіе стали ежедневно

собраться у Рылѣва; на этихъ совѣщаніяхъ было рѣшено воспользоваться двусмысленнымъ положеніемъ, въ какое были поставлены наследники престола. Въ Петербургѣ смотрѣли на это положеніе съ какимъ-то недоувѣріемъ и безпокопствомъ. Однажды во дворцѣ г. Шеншинъ, командиръ бригады, состоящей изъ полковъ московскаго и лейбъ-гренадерскаго, подошелъ къ Оболенскому и сказалъ ему: «что намъ теперь дѣлать? а въ теперешнихъ обстоятельствахъ необходимо на что-нибудь рѣшиться». Шеншинъ не принадлежалъ къ Тайному Обществу, но, вѣроятно, по сношеніямъ своимъ съ нѣкоторыми изъ членовъ, онъ зналъ о его существованіи. Оболенскій не почиталъ себя въ правѣ говорить съ нимъ откровенно и потому далъ ему такой отвѣтъ, который прекратилъ начатый разговоръ. Всякой день на совѣщаніяхъ у Рылѣва все болѣе и болѣе проявлялось стремленіе приступить къ чему-нибудь рѣшительному, и потому былъ назначенъ Диктаторомъ Трубецкой, полковникъ преображенскаго полка, занимавшій должность дежурнаго штабъ-офицера при штабѣ 4-го корпуса и въ это время находившійся въ отпуску. Ему предоставлялась власть дѣйствовать самостоятельно въ рѣшительную минуту и распоряжаться средствами Общества и каждымъ изъ членовъ по своему собственному усмотрѣнію. 8-го декабря прибыли изъ Москвы: Пушинъ и кн. Одоевской. Пушинъ служилъ въ Москвѣ надворнымъ судьей; условившись прежде съ Рылѣвымъ, Оболенскимъ и нѣкоторыми другими членами, что въ случаѣ предстоящаго какого-нибудь важнаго происшествія въ Петербургѣ, каждый изъ нихъ, гдѣ бы онъ ни былъ, явится въ Петербургъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ товарищамъ, Пушинъ уѣхалъ изъ Москвы, несмотря на все нежеланіе кн. Голицына дать ему отпускъ. Одоевской, корнетъ конной гвардіи, былъ отпущенъ во Владимірскую губернію; онъ ѣхалъ въ деревню къ отцу, съ которымъ давно не видался; проѣздомъ чрезъ Москву узнавши, что Пушинъ ѣдетъ и по какому случаю, Одоевской вернулся въ Петербургъ.

По извѣстіямъ изъ Варшавы уже знали, что цесаревичъ не вступилъ на престолъ. Въ это время онъ былъ совершенно потерявъ, не выходилъ изъ своего кабинета и никого не принималъ. Когда Демидовъ, адъютантъ кн. Голицына, привезъ ему присягу Москвы, онъ вышелъ къ нему въ шинели и, взглянувъ на пакетъ, на которомъ было надписано: «его императорскому величеству», возвратилъ его, не распечатавъ, и проговорилъ: «скажите кн. Голицыну, что не его дѣло вербовать въ цари». Сенатъ послалъ изъ Петербурга въ Варшаву съ своей присягой оберъ-секретаря Никитина, извѣстнаго въ то время игрока и шулера. Цесаревичъ встрѣтилъ его словами: «что вамъ угодно отъ меня; я уже давно не играю въ карты», и ушелъ. Въ то же самое время портреты и статуи, изображавшіе Константина Павловича, даже самые уродливые, въ обѣихъ столицахъ распупались на расхватъ, тогда какъ на снимки съ прекраснаго бюста Николая Павловича никто не обращалъ вниманія.

Все предвѣщало скорую развязку разыгрываемой драмы. 11-го декабря на многолюдномъ совѣщаніи у Рылѣва было рѣшено, въ случаѣ отреченія цесаревича, не присягать Николаю Павловичу; поднять гвардейскіе полки и привести ихъ на сенатскую площадь. Еслибы войска явились на площадь въ значительномъ количествѣ и никого не было за Николая Павловича, то можно было полагать, что онъ останется въ сторонѣ и въ эту минуту нисколько не будетъ опасенъ. Въ надеждѣ на успѣхъ былъ подготовленъ манифестъ, который сенатъ долженъ былъ обнародовать отъ себя и которымъ сзывалась Земская Дума, долженствовавшая состоять изъ представителей всей земли русской. Этой Земской Думѣ предоставлялось опредѣлить: какой порядокъ правленія наиболее удобенъ для Россіи. Пока соберется Дума, сенатъ долженъ былъ назначить временными правителями членовъ государственнаго совѣта: Сперанскаго, Мордвинова и сенатора И. М. Муравьева-Апостола. При временномъ правительствѣ долженъ былъ находиться одинъ избранный членъ Тайнаго Общества и безослабно слѣдить за всѣми дѣйствіями правительства.

Декабря 12-го, по утру, собрались депутаты отъ полковъ къ Оболенскому. На вопросъ его: «сколько каждый изъ нихъ увѣренъ вывести на сенатскую площадь», они всѣ отвѣчали, что «не могутъ поручиться ни за одного человѣка». Было положено, что каждый выведетъ столько, сколько для него будетъ возможно. Того же числа, вечеромъ, на совѣщаніи у Рылѣва былъ Ростовцевъ, теперь начальникъ штаба военноучебныхъ заведеній при наслѣдникѣ, а тогда бывшій ревностнымъ членомъ Общества и товарищемъ Оболенскаго; они оба были адъютантами при Бистромѣ, начальникъ гвардейской пѣхоты. Ростовцевъ объявилъ въ присутствіи всѣхъ бывшихъ членовъ на совѣщаніи, что онъ обязанъ лично и особенной благодарностью вел. кн. Николаю Павловичу и что, предвидя для благодѣтели своего опасность, онъ рѣшился идти отъ нихъ прямо къ вел. князю и умолять его не принимать престола. Всѣ увѣщеванія товарищей отложить такое странное намѣреніе оказались тщетными. Ростовцевъ отправился во дворецъ. На другой день онъ доставилъ Рылѣву бумагу съ заглавіемъ: «Прекраснѣйшій день моей жизни», въ которой было описано свиданіе его съ великимъ княземъ. Онъ объявилъ Николаю Павловичу, что ему предстоитъ великая опасность, для избѣжанія которой онъ, какъ человѣкъ ему преданный, умоляетъ его не вступать на престолъ; вел. князь принялъ его ласково и, не спрашивая о подробностяхъ предстоящей опасности, отпустилъ его. Вѣроятно, будущему императору въ эти минуты было не до остереженій юноши, хотя ему преданнаго, но котораго воображеніе очевидно было весьма взволновано.

Милорадовичу доносила полиція, что въ домѣ американской компаніи, гдѣ жилъ Рылѣвъ, ежедневно собирались разные лица; Милорадовичъ, зная, что Рылѣвъ и Александръ Бестужевъ — издатели «Полярной Звѣзды», полагалъ, что у

Рылѣва собираются литераторы и потому не обратилъ никакого вниманія на донесеніе полиціи.

Декабря 13-го, вечеромъ, въ значительномъ количествѣ и въ послѣдній разъ, собрались члены Общества у Рылѣва; уже знали, что завтра войска должны быть приведены къ присягѣ. На этомъ совѣщаніи полковникъ Булатовъ обѣщаль вывести лейбъ-гренадерскій полкъ, въ которомъ онъ сперва служилъ. Александръ Бестужевъ и Якубовичъ обѣщались рано утромъ отправиться въ московскій полкъ, гдѣ Михаилъ Бестужевъ и князь Щепинъ-Ростовскій были ротными командирами, оба члены Тайнаго Общества; выведя этотъ полкъ, Бестужевъ и Якубовичъ должны были идти съ нимъ въ артиллерійскія казармы на Литейной, забрать артиллерию и привести все войско на Сенатскую площадь. Между офицерами пѣшей артиллеріи было нѣсколько членовъ Общества, на содѣйствіе которыхъ можно было рассчитывать. Другіе члены, бывшіе на совѣщаніи, должны были отправиться въ разные полки съ попыткой вывести ихъ. Въ этотъ вечеръ было говорено также, что въ случаѣ неудачи, можно будетъ съ войсками, выведенными на Сенатскую площадь, отступить къ Новгороду и поднять военные поселенія. Каховскій прежде еще далъ слово Рылѣву, если Николай Павловичъ выѣдетъ передъ войска—нанести ему ударъ; но Александръ Бестужевъ, послѣ, наединѣ съ Каховскимъ, уговорилъ его не пытаться исполнить данное имъ обѣщаніе Рылѣву. Переговоры эти между Каховскимъ и Рылѣвымъ, а потомъ между Бестужевымъ и Каховскимъ были совершенно неизвѣстны прочимъ членамъ, бывшимъ въ этотъ вечеръ у Рылѣва на совѣщаніи.

Рано утромъ 14-го Александръ Бестужевъ заѣхалъ къ Якубовичу, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ московскій полкъ. Якубовичъ сказалъ ему: такое предпріятіе несбыточно; ты, молодой человекъ, не имѣешь никакого понятія о русскомъ солдатѣ, а я знаю его вдоль и поперекъ и пр. Якубовичъ былъ великій хвастунъ и при всякомъ случаѣ отпускалъ самыя отчаянныя фразы, не имѣя при томъ никакого политическаго убѣжденія, но на Кавказѣ онъ служилъ отлично; Ермоловъ не разъ давалъ ему очень важныя и весьма опасныя порученія; онъ тамъ прославился смѣлыми своими набѣгами на Горцевъ. Спустя двѣнадцать лѣтъ, Розенъ, одинъ изъ нашихъ, переведенный изъ Кургана, гдѣ онъ былъ поселенъ, рядовымъ на Кавказъ, писалъ оттуда, что многіе линейные казаки еще помнятъ Якубовича и рассказываютъ про его удалые подвиги.

Александръ Бестужевъ отправился одинъ въ казармы московскаго полка, гдѣ все было уже готово къ присягѣ; на дворѣ были выставлены знамена и налои. Бестужевъ пробѣжалъ прямо въ роту своего брата, которая была уже въ сборѣ, и началъ увѣрять солдатъ, что ихъ обманываютъ, что Цесаревичъ никогда не отрекался отъ престола и скоро будетъ въ Петербургѣ, что онъ его адъютантъ и отправленъ имъ нарочно впередъ и т. д., послѣ чего съ тѣми словами онъ отпра-

вплся въ роту Щепина. Скоро потомъ роты получили приказаніе выходить для принесенія присяги. Александръ Бестужевъ послѣдовалъ за ними, и когда оба баталіона выстроились—онъ продолжалъ громко и смѣло увѣрять солдатъ, что ихъ обманываютъ. Генераль Фридриксъ, полковой командиръ московскаго полка, подошелъ было къ Александру Бестужеву съ строгимъ видомъ, но Бестужевъ изъ-подъ шинели показалъ ему пистолетъ, и Фридриксъ удалился. Затѣмъ Щепинъ, взявши флангового за руку, двинулся къ воротамъ, и за нимъ все ринулось. Фридриксъ пытался было остановить движеніе, но Щепинъ поразилъ его своей шашкой, и тотъ не устоялъ на ногахъ. Бригадный командиръ Шеншинъ и полковникъ московскаго полка Хвощинской подверглись той же участи. Щепинъ изрубилъ ихъ нещадно. Вышедши изъ казармъ, Александръ Бестужевъ повелъ свое войско прямо на сенатскую площадь. При полку изъ офицеровъ шли только Щепинъ и Мих. Бестужевъ.

Якубовичъ жилъ на Гороховой; завидя Александра Бестужева впереди московскаго полка, онъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ обнаженной саблей, на концѣ которой красовалась его шляпа съ бѣлымъ султаномъ. Александръ Бестужевъ, хотя былъ старѣе его чиномъ, опустилъ передъ нимъ саблю и передалъ ему начальство надъ войскомъ. Якубовичъ повелъ это войско на сенатскую площадь, гдѣ оно и построилось тыломъ къ Сенату, Галерной и Синоду. Вскорѣ потомъ Якубовичъ сказалъ Бестужеву, что онъ чувствуетъ сильную головную боль, и исчезъ съ площади. У него была жестокая рана на лбу, почему онъ носилъ всегда черную повязку. Потомъ онъ стоялъ въ толпѣ около императора, съ какою цѣлью—никому не извѣстно.

Пушинъ и Рылѣвъ пріѣзжали утромъ на сборное мѣсто, но, не нашедши тамъ никакихъ войскъ, отправились въ казармы измайловскаго полка. На пути они встрѣтились съ мичманомъ Чижовымъ, только что вышедшимъ изъ казармъ; онъ ихъ увѣрялъ, что никакая попытка поднять измайловскій полкъ не можетъ быть удачна. Они возвратились вспять; на этотъ разъ нашли на сборномъ мѣстѣ двухъ Бестужевыхъ и Щепина впереди солдатъ. Пушинъ примкнулъ къ нимъ, а Рылѣвъ сказалъ, что онъ отправится въ финляндскій полкъ, и потомъ никто уже его болѣе не видалъ. Рылѣвъ, отставной поручикъ артиллеріи, страстно любилъ Россію и въ душѣ былъ поэтъ; вступивши въ Тайное Общество, онъ былъ всегда готовъ служить ему и словомъ, и дѣломъ, но въ рѣшительную минуту онъ потерялся, конечно, не изъ опасенія за жизнь свою; на эшафотъ онъ взошелъ прекрасно, и все въ немъ доказываетъ, что смерть не была для него неожиданной гостьей.

Оболенской поутру пріѣзжалъ также на сборное мѣсто, когда еще тамъ ничего не было, потомъ онъ пріѣхалъ вторично и, нашедши уже московскій полкъ на площади, онъ отправился въ преображенскія казармы къ кѣнно-артиллеристамъ.

Тутъ, при входѣ въ казармы, стоялъ полковникъ Пистолень-Корсъ съ обнаженной саблей и никого не пропускалъ къ солдатамъ. Оболенской спросилъ у него имени своего начальника: что у него дѣлается. Полковникъ отвѣчалъ, что было небольшое безпокойство, но которое навѣрно не будетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Графъ Коновницынъ и Молиновскій, офицеры конно-артиллеріи и оба члена Общества, въ это время сидѣли подъ арестомъ. Пока Оболенской говорилъ съ Пистолень-Корсомъ, юнкера изъ казармы подавали ему разные знаки. Не видя возможности къ нимъ пробраться, онъ вернулся на площадь и присоединился къ товарищамъ.

Въ пѣшей артиллеріи было также, какъ и въ конной, нѣкоторое безпокойство; князь Александръ Голицынъ и другіе офицеры, члены Общества, не хотѣли присягать. Полковникъ Сумароковъ посадилъ ихъ подъ арестъ, и движеніе, проившееся между солдатами, прекратилось.

На Сенатской площади многіе изъ членовъ Общества присоединились къ товарищамъ. Глѣбовъ, служившій въ министерствѣ финансовъ, переносилъ имъ извѣстія, слышанныя имъ въ народѣ. Вильгельмъ Кюхельбекеръ, издатель Мнемозины, самый благонамѣренный изъ смертныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый неловкій въ своихъ движеніяхъ, расхаживалъ съ огромнымъ пистолетомъ. Бестужевъ изъ предосторожности ссыпалъ у него порохъ съ полки. Ренинъ, поручикъ финляндскаго полка, приходилъ на короткое время; баталіонъ его былъ расположенъ за городомъ, и самъ онъ попалъ случайно въ Петербургъ. Каховскій все время съ двумя заряженными пистолетами и кинжаломъ стоялъ передъ фронтомъ или въ рядахъ. Смоленскій помѣщикъ, проигравшійся и разорившійся въ пухъ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ надеждѣ жениться на богатой невѣстѣ; дѣло это ему не удалось. Сойдясь случайно съ Рылѣвымъ, онъ передался ему и Обществу безусловно. Рылѣвъ и другіе товарищи содержали его въ Петербургѣ на свой счетъ.

Графъ Граббе-Горскій, полякъ, съ георгиевскимъ крестомъ, когда-то лихой артиллеристъ, потомъ вице-губернаторъ, а въ это время, находясь въ отставкѣ, былъ извѣстенъ, какъ отъявленный ростовщикъ. Онъ не принадлежалъ къ Тайному Обществу и даже ни съ кѣмъ изъ членовъ не былъ близокъ. Проходя черезъ площадь, послѣ присяги, въ мундирѣ и шляпѣ съ плюмажемъ, по врожденной-ли удали или по какому особенному ощущенію въ эту минуту, онъ сталъ проповѣдывать толпѣ и возбуждать ее, толпа его слушала и готова была ему повиноваться. Въ это время тысячи народа толпились около набережной Исаакіевскаго собора и по другимъ мѣстамъ площади.

Командиръ гвардейскаго корпуса Воиновъ, узнавши о безпорядкахъ московскаго полка, пріѣхалъ верхомъ на Сенатскую площадь, но не могъ добраться до солдатъ московскаго полка, народъ, возбужденный Граббе-Горскимъ, разобралъ дрова, сложенные у Исаакіевскаго собора и принялъ корпуснаго командира въ полѣнья.

Съ общаго совѣта Оболенской съ стрѣлками выступили впередъ на небольшое разстояніе отъ колонны московскаго полка; въ это время онъ увидѣлъ Милорадовича, верхомъ подѣвжающаго съ другой стороны къ колоннѣ. Оболенской тотчасъ стянулъ своихъ стрѣлковъ, схватилъ солдатское ружье и кричалъ Милорадовичу, умоляя его не подѣвжати къ солдатамъ, но Милорадовичъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и началъ уже приготовленную на случай рѣчь. Тутъ Каховскій выстрѣдилъ въ него изъ пистолета, пуля попала ему въ животъ. Онъ захватилъ рану рукой, при чемъ лошадь его быстро повернулась и бросилась на Оболенскаго. Оболенской ткнулъ Милорадовича штыкомъ, лошадь и раненый на ней всадникъ исчезли въ толпѣ.

Милорадовичъ не долго жилъ послѣ полученной раны. Николай Павловичъ навѣстилъ его передъ самой его кончиной и, выходя отъ него, сказалъ своимъ приближеннымъ: «онъ самъ во всемъ виноватъ».

Конно-гвардейскій полкъ, первый пришедшій на защиту новаго императора, обошедъ окольнымъ путемъ площади Сенатскую и Исаакіевскую, выстроился правымъ флангомъ къ Невѣ, а тыломъ къ бульвару адмиралтейства. Командиръ этого полка, генералъ Орловъ, теперь графъ и шефъ жандармовъ, выслалъ сперва фланкеромъ противъ стрѣлковъ, но безуспѣшно, а потомъ пробовалъ атаковать самую колонну московскаго полка, въ которой не было ни дивизионныхъ, ни взводныхъ начальниковъ, но солдаты сами, видя идущую на нихъ кавалерію, мгновенно построились въ каре и баталіоннымъ огнемъ, при помощи народа, кидавшаго въ атакующихъ чѣмъ попало, отразили конно-гвардейцевъ, впрочемъ конно-гвардейцы, по свидѣтельству очевидцевъ, шли вяло и неохотно въ атаку. Послѣ такой неудачной попытки, конно-гвардейскій полкъ въ продолженіе цѣлаго дня оставался на своемъ мѣстѣ безъ малѣйшаго движенія. Вскорѣ потомъ конно-піонерный эскадронъ, получившій приказаніе выстроиться на Англійской набережной и, Богъ знаетъ по чьему приказанію, пустился рысью и справа по три между каре московскаго полка и сенатомъ; солдаты, думая, что конно-піонеры идутъ въ атаку, открыли по нихъ баталіонный огонь. Напрасно все бывшіе офицеры кричали своимъ солдатамъ не стрѣлять; одинъ Пущинъ, давно снявшій военный мундиръ, въ эту минуту, къ счастью, нашелся, онъ закричалъ барабанщику: бей отбой, барабанщикъ ударилъ отбой, и стрѣльба прекратилась.

Между тѣмъ Коновницынъ, конно-артиллеристъ, освободившійся какъ то изъ-подъ ареста, скакалъ верхомъ къ сенату и встрѣтилъ Одоевскаго, который недавно смѣнился съ внутренняго караула и ѣхалъ къ лейбъ-гренадерамъ съ извѣстіемъ, что московскій полкъ давно на площади. Коновницынъ поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ. Приѣхавши въ казармы и узнавши, что лейбъ-гренадеры присягнули Николаю Павловичу и люди были распущены объѣдаты, они пришли къ Сутгофу съ упрекомъ, что онъ не привелъ свою роту на сборное мѣсто, тогда какъ москов-

скій полкъ давно уже былъ тамъ. Сутгофъ, прежде про это ничего не знавшій, безъ дальнѣйшихъ словъ отправился въ свою роту и приказалъ людямъ надѣть перевязи и портупей и взять ружья; люди повиновались, патроны были тутъ же розданы, и вся рота, безпрепятственно вышедши изъ казармъ, отправилась къ сенату. Въ это время случившійся тутъ баталіонный адъютантъ Пановъ бросился въ остальные семь ротъ и убѣждалъ солдатъ не отставать отъ роты Сутгофа, въ семь ротъ, какъ по волшебному мановенію, схватили ружья, разобрали патроны и хлынули изъ казармъ. Панова, который былъ небольшого роста, люди вынесли на рукахъ. Угрозы, а потомъ увѣщанія полкового командира Стюллера не пропзвели никакого дѣйствія на солдатъ. Пановъ повелъ ихъ черезъ крѣпость, въ это время онъ могъ бы овладѣть ею, и, вышедши на Дворцовую набережную, повернулъ было во дворецъ, но тутъ кто-то сказалъ ему, что товарищи его не здѣсь, а у сената, и что во дворецъ стоитъ саперный баталіонъ. Пановъ пошелъ далѣе по набережной, потомъ повернулъ налѣво и, вышедши на Дворцовую площадь, прошелъ мимо стоявшихъ тутъ орудій, которыя, какъ говорили послѣ, онъ могъ бы захватить. Въ продолженіе всего этого времени Стюллеръ шелъ со своимъ полкомъ и не переставалъ уговаривать солдатъ вернуться въ казармы; когда лейбъ-гренадеры поравнялись съ московскимъ полкомъ, Каховскій выстрѣлилъ въ Стюллера и смертельно его ранилъ. Стюллеръ былъ природный швейцарецъ, въ 11-мъ году Лагаршъ прислалъ его въ Россію и письменно просилъ у царственнаго своего воспитанника, императора Александра, покровительства своему земляку. Стюллеръ былъ опредѣленъ поручикомъ въ семеновскій полкъ. Человѣкъ онъ былъ не глухой и замѣчательно храбрый, но впрочемъ истый кондотьери. По-русски говорилъ онъ плохо и былъ невыносимый педантъ по службѣ; ни офицеры, ни солдаты не любили его; зато онъ самъ страстно любилъ деньги. На Сенатской площади лейбъ-гренадеры построились налѣво и нѣсколько впереди отъ московскаго полка. Одоевскій присоединился къ товарищамъ незадолго до прибытія лейбъ-гренадеръ.

Почти въ одно время съ происшествіемъ въ лейбъ-гренадерскихъ казармахъ происходило подобное въ гвардейскомъ экипажѣ. Генераль Шиповъ, полковой командиръ семеновскаго полка и начальникъ бригады, въ составъ которой входилъ гвардейскій экипажъ, былъ въ ихъ казармахъ. Шиповъ, незадолго передъ тѣмъ ревностный членъ Тайнаго Общества и человѣкъ совершенно преданный Пестелю, нашелъ въ эту минуту для себя удобнымъ разыграть роль посредника передъ офицерами гвардейскаго экипажа, не желавшими присягать. Онъ имъ ничего не приказывалъ, какъ ихъ начальникъ, но умолялъ не сгубить себя и доброе дѣло, увѣрялъ, что безразсуднымъ своимъ предпріятіемъ они отсрочиваютъ на неопредѣленное время исполненіе того, чего можно было ожидать отъ императора Николая Павловича. Всѣ его убѣжденія остались тщетными; офицеры сказали ему рѣшительно, что они не присягнутъ и сошли къ солдатамъ, ихъ ожидавшимъ. Лейтенантъ Кюхель-

бекеръ закричалъ: «Ребята впередъ, нашихъ бьютъ!» Въ это время слышались выстрѣлы. Надо полагать, по конно-піонерамъ, и весь экипажъ двинулся, какъ одна душа. На площади экипажъ выстроился направо отъ московскаго полка и выслалъ своихъ стрѣлковъ подъ начальствомъ лейтенанта Михаила Кюхельбекера. Съ гвардейскимъ экипажемъ, кромѣ ротныхъ командировъ Кюхельбекера, Арбузова, Шушклина, пришло два брата Бѣляевы, Бодиско, Дивовъ и капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ, родной братъ Александра и Михаила Бестужевыхъ; онъ не принадлежалъ къ гвардейскому экипажу.

Въ финляндскомъ полку было много офицеровъ, принадлежавшихъ къ Тайному Обществу. Поручикъ Репинъ служилъ въ баталіонѣ, который, какъ сказано было выше, квартировалъ за городомъ. Этотъ Рѣпинъ былъ человекъ замѣчательно не глупый, и, можетъ быть, слишкомъ не глупый для того, чтобы вполне увлечься и рѣшиться на безысходную крайность, какъ какой-нибудь Александръ Бестужевъ, Стругофъ или Пановъ.

Онъ часто говаривалъ, что бѣльшая часть храбрецовъ не знаютъ, что пуля до смерти бьетъ, и, конечно, самъ не принадлежалъ къ такому разряду глушцовъ. Полковникъ Митьковъ, на котораго при этихъ обстоятельствахъ можно бы было вполне положиться, зная его честность и личную храбрость, находился тогда въ Москвѣ, въ отпуску. Полковникамъ Тулубьеву и Моллеру наканунѣ было предложено вывести за собой финляндскій полкъ; но они оба не безъ явнаго смущенія отвѣчали, что исполненіе такого предпріятія было невозможно и оно рѣшительно было имъ не по силамъ. Поручикъ Розень, честнѣйшій нѣмецъ и во всемъ преданный товарищъ, не пришелъ однако на площадь; можетъ быть, онъ надѣялся остаться при полку, дѣйствительно же споспѣшествовать начатому предпріятію своихъ товарищей.

Во многихъ другихъ гвардейскихъ полкахъ между офицерами было по нѣсколько членовъ Тайнаго Общества, но ни въ одномъ изъ этихъ полковъ не произошло никакого значительнаго движенія. Чевкинъ, офицеръ генеральнаго штаба, генераль-сенаторъ, и не бывшій ни на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій у Рыльева, 14-го, рано утромъ, пришелъ въ 1 баталіонъ преображенскаго полка и началъ уговаривать солдатъ не присягать Николаю Павловичу. Фельдфебель той роты, въ которой Чевкинъ началъ свою проповѣдь, схватилъ его и посадилъ подъ караулъ. Въ кавалергардахъ было болѣе офицеровъ, принадлежащихъ къ Тайному Обществу, нежели въ какомъ-нибудь другомъ полку, но и тутъ присяга не означалась ни малѣйшимъ движеніемъ ни между офицерами, ни между солдатами. Васильчиковъ незадолго, а Свистуновъ наканунѣ уѣхали въ Москву. Полковникъ Ланской, Анненковъ, Александръ Муравьевъ, Депрерадовичъ, Арцыбашевъ и многіе другіе были во фронтѣ при полку, когда онъ былъ выведенъ противъ войскъ, стоявшихъ у сената. Преображенскій полкъ изъ присягнувшихъ пѣшихъ

полковъ пришелъ первый на мѣсто своего назначенія и выстроился передъ дворцомъ лицомъ къ московскому полку, потомъ онъ былъ подвинутъ впередъ. Царь, подѣхавъ къ преображенцамъ, спросилъ у солдатъ: Хотятъ-ли они дѣлать свое дѣло? Солдаты отвѣчали: Рады стараться. Затѣмъ онъ громко скомандовалъ: Ружья долой! и приказалъ зарядить ружья. Пѣшая артиллерія пришла еще не поздно днемъ, но безъ зарядовъ; за зарядами послали уже потомъ и привезли ихъ вечеромъ. Батарея изъ орудій была поставлена впередъ отъ преображенскаго полка. Полки семеновскій и павловскій пришли послѣ преображенскаго полка. Павловскій сталъ тыломъ къ дому Лобанова; семеновскій расположился за канавой, идущей мимо конногвардейскаго манежа. Другіе полки стояли по главнымъ улицамъ, идущимъ къ площадямъ Дворцовой, Исаакіевской и Петровской. Лейбъ-гусарскій полкъ стоялъ на Царскосельской дорогѣ у Средней ротатки.

На площади народъ волновался и былъ въ какомъ-то ожесточенія. Завидя флигель-адъютанта полковника И. М. Вибикова, проходившаго въ одномъ мундирѣ черезъ площадь, народъ бросился на него и смялъ его. Вѣроятно, флигель-адъютантъ заплатился бы жизнью за свой мундиръ, если бы Мих. Кюхельбекеръ не подоспѣлъ къ нему на помощь. Кюхельбекеръ уговорилъ народъ, увелъ его за цѣпь, далъ ему свою шинель и выпроводилъ его въ другую сторону.

Якубовичъ, уже нѣсколько часовъ стоявшій недалеко отъ императора, смѣло подошелъ къ нему и просилъ позволенія пойти къ бунтовщикамъ и уговорить ихъ положить оружіе. Получивъ дозволеніе, онъ привязалъ свой носовой платокъ на обнаженную саблю и отправился къ цѣпи парламентаромъ; но, подошедъ къ Кюхельбекеру, онъ сказалъ вполголоса: Держитесь, васъ жестоко бояться, — и удалился.

Вскорѣ потомъ С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ, во всемъ облаченіи и окруженный духовенствомъ, приблизился къ цѣпи для увѣщанія солдатъ; Мих. Кюхельбекеръ, лютеранинъ, подошелъ къ нему подѣ благословеніе и шепнулъ ему на ухо: «Ватюшка, убирайтесь, здѣсь вамъ не мѣсто», — и высокопреосвященный удалился.

Послѣ митрополита вел. кн. Михаилъ Павловичъ, только что возвратившійся изъ Варшавы, подѣхалъ къ стрѣлкамъ и спросилъ у Кюхельбекера, можетъ ли онъ говорить съ войскомъ и не будутъ ли по немъ стрѣлять?—Кюхельбекеръ поручился ему головой, что жизнь его высочества внѣ опасности. Великій князь поѣхалъ далѣе, а Кюхельбекеръ въ какомъ-то восторженномъ расположеніи духа, взявъ его за колѣно, шелъ возлѣ его лошади и сказалъ: Вотъ оно настоящее, ваше высочество. Михаилъ Павловичъ подѣзжалъ къ московскому полку, лейбъ-гренадерамъ и экипажу, говорилъ офицерамъ и солдатамъ, что онъ прямо изъ Варшавы, что цесаревичъ отрекся отъ престола, и что имъ теперь нѣтъ никакой причины отказываться отъ присяги императору Николаю Павловичу; умолялъ ихъ возвратиться въ свои казармы, но офицеры и солдаты молчали, и великій князь уѣхалъ отъ нихъ ни съ чѣмъ.

Черезъ народъ безпрестанно передавались обѣщанія отъ солдатъ полковъ преображенскаго, павловскаго и семеновскаго по наступленіи ночи присоединиться къ войскамъ, стоявшимъ на сенатской площади; а между тѣмъ наступилъ уже вечеръ, люди перезаблѣли и съ обѣихъ сторонъ чувствовалась необходимость приступить къ рѣшительному дѣйствию.

На сенатской площади цѣлый день и ежеминутно ждали прибытія диктатора; онъ одинъ имѣлъ право дѣйствовать самостоятельно и по собственному своему усмотрѣнію; но диктаторъ не явился принять вѣренное ему начальство надъ войсками. Трубецкой отлично добрый, весьма кроткій и не глупый человѣкъ, не лишенъ также и личной храбрости, что онъ имѣлъ не разъ случай доказать своимъ сослуживцамъ. Подъ Бородинымъ онъ простоялъ 14 часовъ подъ ядрами и картечью съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ онъ сидитъ, играя въ шахматы. Подъ Люценомъ, когда принцъ Евгений, пришедшій отъ Лейпцига, изъ 40 орудій громилъ гвардейскіе полки, Трубецкому пришла мысль подшутить надъ Бокомъ, извѣстнымъ трусомъ въ семеновскомъ полку; онъ подошелъ къ нему сзади и бросилъ въ него комъ земли; Бокъ съ испугу ушалъ. Подъ Кульмомъ двѣ роты третьяго баталіона семеновскаго полка, не имѣвшія въ сумкахъ ни одного патрона, были посланы, подъ начальствомъ капитана Пуцина, съ однимъ холоднымъ оружіемъ и громкимъ русскимъ: ура, прогнать французовъ, стрѣлявшихъ изъ опушки лѣса. Трубецкой, находившійся при одной изъ ротъ, несмотря на свистящія непріятельскія пули, шелъ спокойно впереди солдатъ, размахивая шпагой надъ своей головой. Но при всей личной храбрости, Трубецкой самый нерѣшительный человѣкъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, и потому не въ его природѣ было рѣшиться взять на свою отвѣтственность кровь, которая должна была пролиться, и всѣ безпорядки, непременно слѣдующіе за пролитой кровью въ столицѣ. 14-го, узнавши, что московскій полкъ пришелъ на сборное мѣсто, диктаторъ совершенно потерялся и, присягнувши въ штабѣ Николаю Павловичу, онъ потомъ стоялъ съ его свитой.

Никто изъ членовъ общества, находившихся съ утра на площади, не почиталъ себя въ правѣ, въ отсутствіе Трубецкого, заступить его мѣсто; каждый изъ нихъ готовъ былъ повиноваться и даже умереть за доброе дѣло, но ни одинъ не былъ способенъ на то, чтобы вызваться принять начальство и приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Уже вечеромъ съ общаго согласія былъ выбранъ въ главные начальники Оболенской; по принятіи начальства, первымъ его распоряженіемъ было: собрать товарищей для военнаго совѣта. Пока собирался этотъ военный совѣтъ, подскакалъ къ войскамъ г. Сухозанетъ; онъ рѣшительно требовалъ, чтобы они положили оружіе, и объявилъ, что въ случаѣ неповиновенія— по нимъ тотчасъ будутъ стрѣлять. Сухозанету отвѣчали насмѣшками, и кто-то закричалъ, чтобы онъ прислалъ почище себя. Сухозанетъ ускакалъ, вынувъ изъ шляпы султанъ, что было условленнымъ знакомъ между имъ и пославшимъ его. Артиллерія гря-

нула, но на этотъ разъ холостыми зарядами; второй залпъ картечью былъ мѣтко направленъ въ колонны. Все дрогнуло и побѣжало. По войскамъ, бѣжавшимъ по канавѣ, Галерной и Невѣ, стрѣляли еще нѣсколько разъ картечью. Семеновскій полкъ также пустилъ батальный огонь по бѣжавшимъ мимо него.

Изъ 20 или болѣе членовъ Тайнаго Общества, спасавшихся вмѣстѣ съ солдатами, ни одинъ не былъ убитъ, ни даже раненъ. На другой день сестра Пущина зашивала его шубу, пробитую во многихъ мѣстахъ картечью.

Когда все умолкло, войска, присягнувшія новому императору, расположились на назначенныхъ имъ мѣстахъ, зажгли огни и такъ провели ночь. Корниловичъ, свитскій офицеръ, недавно пріѣхавшій изъ Могилева и принятый тамъ въ Тайное Общество, въ продолженіе всего дня ни разу не явился на Сенатскую площадь; но ночью онъ прокрался въ преображенскій полкъ и пытался поднять солдатъ; его схватили и отвели во дворецъ. Сутгофъ и Шановъ были захвачены, когда лейбъ-гренадеры, разстрѣлянные картечью, бѣжали.

14-го, ночью, многие изъ членовъ Тайнаго Общества, бывшихъ и небывшихъ на Сенатской площади, были арестованы. Ихъ привозили въ зимній дворецъ къ дежурному генераль-адъютанту, который отсылалъ ихъ на главную гауптвахту; тамъ ихъ раздѣвали, осматривали, одѣвали опять и передъ тѣмъ, чтобы вести къ допросу, вязали имъ руки за спину. Такой порядокъ продолжался еще нѣсколько дней послѣ 14-го декабря.

Въ Тульчинѣ начались аресты въ тотъ же день, какъ и въ Петербургѣ. 14-го декабря Пестель былъ уже арестованъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ кончины императора Александра Павловича, начальникъ его штаба генераль Дибичъ, разбирая бумаги покойнаго императора, нашелъ въ нихъ доносы Шервуда и Майбороды; въ нихъ были названы Пестель и другіе члены Общества. Дибичъ тотчасъ отправилъ генераль-адъютанта Чернышева во 2-ую армію. По пріѣздѣ Чернышева въ Тульчинъ, Пестеля, по приказанію главнокомандующаго, потребовали въ главную квартиру; нѣкоторое время онъ колебался и помышлялъ, вмѣсто того, чтобы повиноваться приказанію, идти съ Вятскимъ полкомъ, котораго онъ былъ командиромъ, въ Тульчинъ, арестовать тамъ главнокомандующаго графа Витгенштейна, начальника его штаба Киселева, Чернышева и пр. и поднять знамя возстанія; но кончилось тѣмъ, что онъ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ его тотчасъ же и арестовали. Послѣ этого Чернышевъ вмѣстѣ съ Киселевымъ отправились въ штабъ-квартиру вятскаго полка, гдѣ они забрали и запечатали всѣ бумаги Пестеля, потомъ арестовали маіора вятскаго полка Лорера.

По учрежденіи слѣдственнаго комитета въ Петербургѣ, аресты производились повсемѣстно. Въ Петропавловской крѣпости и дежурствѣ содержалось, говорили, болѣе 500 человекъ, изъ которыхъ, конечно, нѣкоторые не принадлежали Тайному

Обществу; но зато сколько и членовъ Общества, извѣстныхъ даже комитетѹ, которые не были арестованы.

По поводу этой Записки Пушкина о 14 декабря 1825 года декабристъ П. Свистуновъ сомнѣвается, составлена ли она самимъ Пушкинымъ, и даже не знаетъ, какимъ образомъ доставлена она къ издателю заграничнаго изданія, гдѣ она была напечатана. «По отзыву тѣхъ,—говоритъ Свистуновъ,—которые участвовали въ дѣлѣ 14 декабря, рассказъ его вѣренъ не только что въ общихъ чертахъ, но и во многихъ подробностяхъ. Несмотря на это, есть и описки, которыхъ нельзя пройти молчаніемъ. Что онъ причисляетъ ошибочно къ членамъ Общества въ Кавалергардскомъ полку полковника Ланского, вмѣсто полковника Кологривова, и предполагаетъ, будто бы К. В. Чевкинъ принадлежалъ къ Обществу (о существованіи коего онъ вовсе не вѣдалъ), составляетъ незначительныя ошибки. Но есть обмолвка столь важная, что она заставляетъ усомниться, точно ли эти Записки составлены Пушкинымъ. Если же онѣ имъ писаны, то слова, заключающія въ себѣ незаслуженное обвиненіе, должны быть признаны недобросовѣстной вставкой, вписанной безъ его вѣдома» ¹⁾).

Замѣчанія П. Свистунова относятся до князя Трубецкого, который, присягнувъ въ штабѣ новому Императору, стоялъ на площади съ его свитой. Свистуновъ опровергаетъ это. Между тѣмъ Пушкинъ сообщаетъ въ очень осторожной и деликатной формѣ общеизвѣстный фактъ изъ дѣятельности князя Трубецкого. Вотъ что говоритъ Н. И. Гречъ, современникъ этихъ событій и лицо близкое къ декабристамъ, съ которыми онъ былъ коротко знакомъ: «Князь Сергѣй Трубецкой—самая жалкая фигура (*chevalier de la triste figure*) въ этомъ кровавомъ игрищѣ. Длинный, сухопарый, носатый, женатый на дочери графа Лавалея, образованный по-французски, какъ всѣ ему подобные, умомъ ограниченный, сердцемъ трусъ и подлець. Я не знаю, почему онъ вошелъ въ славу и почетъ у нашихъ либераловъ. Какъ мужики боялись въ бунтѣ бросать казенными дровами, такъ и либералы, проповѣдовавшіе равенство, охотно забирали подъ свои знамена князей и князьковъ всякаго рода, и Трубецкихъ, и Оболенскихъ, и Щепиныхъ, и Шаховскихъ, и Голицыныхъ, и Одоевскихъ, и графовъ, и бароновъ. *Cela sonne bien* ²⁾! Князя Трубецкого всѣ знали за добряка и самаго ничтожнаго человѣка, и потому именно не могли бы подозрѣвать не только въ начальствѣ надъ заговорщиками, но и въ участіи съ ними. Онъ и повелъ себя удивительно. 12-го числа былъ у Рылѣева на сходбищѣ, условился въ дѣйствіяхъ, но, проснувшись на утро 14-го числа, опомнился, струсиль, пошелъ въ штабъ, присягнувъ новому государю и спрятался у свояка своего, графа Лебцтертерна, австрійскаго посланника. Когда его схватили

¹⁾ П. Свистуновъ. «Рус. Арх.» 1870 г., стр. 1664 и др.

²⁾ Звонъ отъ того хорошій.

и привели къ государю, онъ бросился на колѣни и завопилъ: «la vie Sire!» ¹⁾ Государь отвѣчалъ съ презрѣніемъ: «Дажу тебѣ жизнь, чтобы она служила тебѣ стыдомъ и наказаніемъ» ²⁾.

Таковъ былъ диктаторъ, выбранный декабристами для руководства декабрьскимъ возмущеніемъ!

Такимъ образомъ, мы только что привели описаніе дня 14-го декабря 1825 года, написанное самимъ Пушкынымъ или записанное съ его словъ. Мы не станемъ приводить здѣсь описанія декабрьскаго возмущенія другихъ авторовъ, такъ какъ это не входитъ въ задачу нашего труда. Мы остановимся только на описаніи этихъ событій по «Запискамъ» Граббе-Горскаго.

По словамъ барона Андрея Евгеніевича Розена (см. его «Записки Декабриста», стр. 287), «Статскій Совѣтникъ Граббе-Горскій... былъ въ молодости артиллеристомъ, имѣлъ Георгіевскій крестъ за храбрость, вышелъ въ отставку послѣ войны съ Наполеономъ и служилъ въ Сенатѣ. Декабря 14-го онъ показывался на Сенатской площади посреди каре возставшихъ ротъ, въ парадной формѣ, въ шляпѣ съ плюмажемъ. Онъ долго арестованъ былъ въ крѣпости и былъ сосланъ въ Березовъ на жительство, безъ лишенія чиновъ, дворянства и орденовъ; послѣ переведенъ въ Тару, гдѣ климатъ не такъ суровъ, какъ въ Березовѣ, и гдѣ послѣ тяжкой болѣзни скончался въ одиночествѣ».

Вотъ что мы читаемъ въ «Запискахъ Статскаго Совѣтника Осипа Викентьевича Граббе - Горскаго» ³⁾: «...когда мы подходили къ памятнику Петра Великаго, я бросился было къ толпѣ, чтобы лично спросить кого-нибудь о толкахъ; но товарищъ мой, подполковникъ, какъ ангель-хранитель, схватилъ меня сзади, за фалды сюртука, и образумилъ меня, сказавъ: «что вы дѣлаете, васъ могутъ опоздрѣть, и тогда Богъ знаетъ, что можетъ произойти». Я опомнился и остановился; но, видя, что многіе подходятъ къ толпѣ, спрашиваютъ и отходятъ, не переставалъ желать сдѣлать то же самое. Мнѣ казалось, что меня, вѣрнѣйшаго подданнаго, котораго вся душа и сердце преданы Царю и Отечеству, никто не станетъ подозрѣвать въ соучастіи съ людьми, мнѣ вовсе неизвѣстными; а если бы и опозрѣли, то надобно запоздрѣть всѣхъ, которые къ толпѣ подходили изъ одного любопытства. При томъ же я все еще не могъ убѣдить себя, чтобы въ Россіи могли крыться какіе-либо злые умыслы, и въ головѣ моей бродила прежняя догадка, что безпорядки происходятъ подобныя тому, какіе были въ Семеновскомъ полку. Поэтому мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать, кто тутъ были зачин-

¹⁾ Жизни, Государь!

²⁾ Записки о моей жизни, Н. И. Греча. Спб., изд. А. С. Суворина, 1886 г., стр. 382.

³⁾ «Девятнадцатый вѣкъ». Историческій сборникъ, изд. Петромъ Бартеневинымъ. Книга первая. Москва, 1872 г., стр. 204—205.

щики, чего они хотятъ и какую цѣль имѣютъ. Объ этомъ я хотѣлъ сказать прежде товарищу моему, но его уже не было со мной: вѣроятно, онъ былъ оттертъ народомъ.

«Между тѣмъ народъ, собираясь болѣе и болѣе, началъ другъ друга тѣснить ближе къ толпѣ, и я невольно очутился возлѣ самаго фронта этой толпы, которая построена была въ каре. Воспользовавшись этимъ, я спросилъ у флангового унтеръ-офицера, для чего они кричатъ «Ура, Константинъ», тогда какъ Константинъ Павловичъ отрекся отъ престола и на престолъ взомель великій князь Николай Павловичъ, которому уже всѣ присягаютъ. Но унтеръ-офицеръ повторилъ молву, слышенную мною прежде, на счетъ цесаревича Константина Павловича (т. е. собрались, чтобы освободить Константина Павловича, котораго, при возвращеніи изъ Варшавы въ Петербургъ, взяли близъ Нарвы подъ арестъ и куда-то увезли). Въ это время подбѣжалъ ко мнѣ офицеръ, который, какъ послѣ открылось, былъ князь Щепинъ-Ростовскій, въ самомъ нетрезвомъ видѣ, и ударилъ меня шпагою въ бокъ столь сильно, что прокололъ на мнѣ ватный сюртукъ и мундиръ до ребра, говоря: «Зачѣмъ ты здѣсь, измѣнникъ, и обманываешь нашихъ солдатъ!» Придя въ замѣшательство, я не успѣлъ еще отвѣчать, какъ онъ замахнулся нанести мнѣ другой ударъ. Въ это мгновеніе проходилъ тутъ адъютантъ Герцога Виртембергскаго Александръ Бестужевъ, который зналъ меня, потому что однажды, бывъ дежурнымъ, докладывалъ обо мнѣ герцогу, когда я являлся къ его свѣтлости съ сыномъ моимъ и просилъ о принятіи его въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія. Бестужевъ успѣлъ схватить Щепина-Ростовскаго за руку и что-то сказалъ ему на ухо. Послѣ того Щепинъ-Ростовскій, обнявъ меня одной рукою, произнесъ вѣжливо: «извините меня, я васъ не зналъ!» Тогда только опомнился я и понялъ, что нахожусь въ неприличномъ мѣстѣ. Стараясь выйти безвредно, я показывалъ видъ, что не спѣшу удалиться; ибо въ противномъ случаѣ могли выстрѣлить мнѣ въ спину или всадить въ меня штыкъ. Поэтому я потихоньку проходилъ мимо фронта и, дойдя до фланга, бросился въ народъ и скрылся».

Несмотря на эти предосторожности, Граббе-Горскій былъ все-таки замѣшанъ въ декабрьской смутѣ и былъ арестованъ. Здѣсь ему пришлось наткнуться на тѣ показанія, которыя давали съ легкой совѣстью декабристы о каждомъ, даже мало знакомомъ, человѣкѣ. Вообще показанія декабристовъ носили характеръ сплошной болтовни, изъ-за которой впутывались въ заговоръ совершенно непричастныя лица. Не будетъ лишнимъ здѣсь привести эпизодъ, случившійся съ Граббе-Горскимъ изъ-за обвинительныхъ показаній Пущина о дѣйствіяхъ Горскаго во время мятежа на Сенатской площади. Въ этихъ показаніяхъ Пущина, по увѣренію Граббе-Горскаго, выступаетъ со стороны Пущина не только болтовня, но даже что-то гораздо худшее, чѣмъ простая болтовня,—шантажъ, желаніе отдѣлаться

отъ должника посредствомъ обвиненія его въ политическомъ заговорѣ. Вотъ что пишетъ Граббе-Горскій въ своей «Запискѣ» (стр. 210): «Перенося ...оскорбительныя угрозы, дѣланныя мнѣ въ присутствіи Коммисіи, я потерялъ всякое упованіе на защиту законовъ. Тогда привели Пущина, который объявилъ, будто «я просилъ у него пороха, чтобы зарядить пистолеть, котораго впрочемъ онъ не видалъ у меня, но будто бы я, проходя мимо него, сказывалъ, что у меня въ карманѣ есть пистолеть». Пущина дѣйствительно я видѣлъ, стоявшаго недалеко отъ толпы, съ пистолетомъ въ рукахъ; онъ былъ пьянъ до безобразія; я же ни одного слова не сказалъ ему, а только, проходя мимо и остановившись противъ него, съ удивленіемъ смотрѣлъ на дѣлаемыя имъ гримасы. Я видѣлъ также, что къ нему подбѣгали, вѣроятно, сообщники его и, поговоривъ съ нимъ, скрывались въ толпѣ. Или изъ нихъ кто-нибудь просилъ пороха и говорилъ ему, что имѣетъ пистолеть въ карманѣ, а онъ послѣ не помнилъ, кто это говорилъ, и перепугалъ имена; или онъ выдумалъ на меня это изъ злобы, за то, что я съ отца его взыскивалъ, чрезъ полицію, 30 тысячъ рублей, которые онъ занималъ у меня».

Къ этимъ строкамъ Петръ Ивановичъ Бартеневъ дѣлаетъ слѣдующую приписку: «Насколько правды во всемъ этомъ повѣствованіи и какого именно Пущина разумѣлъ повѣстователь, опредѣлить не беремся». Замѣчаніе это болѣе, чѣмъ наивно. Конечно, здѣсь идетъ рѣчь объ Иванѣ Ивановичѣ Пущинѣ, который, какъ мы увидимъ ниже, всего болѣе привлекался къ допросамъ слѣдственной коммисіи, какъ главный дѣятель декабрьскаго возмущенія; между тѣмъ какъ его братъ Михаилъ вовсе такой роли не игралъ, и поэтому наивно гадать, который изъ Пушиныхъ здѣсь упоминается. Что касается до взятыхъ у Граббе-Горскаго 30-ти тысячъ отцемъ Пущина, то Пущинъ могъ взять ихъ какъ для себя, такъ и для уплаты долговъ своихъ сыновей. Слѣдовательно, Иванъ Ивановичъ могъ знать, что его отецъ долженъ Граббе-Горскому 30 тысячъ руб. Къ этому же времени, по увѣренію Михаила Пущина, его братъ Иванъ Ивановичъ сдѣлался азартнымъ игрокомъ. По словамъ Михаила Пущина, онъ, т. е. Михаилъ, поддерживалъ свое существованіе въ гвардіи картежной игрою, которая приносила ему въ годъ отъ 7 до 8 тысячъ рублей ассигнаціями, такъ какъ «отъ отца определеннаго содержанія не получалъ», и средства къ содержанію въ гвардіи были самыя скудныя. Вотъ что мы читаемъ въ «Запискахъ» Михаила Пущина: «Въ первый разъ я придумалъ встрѣтить у себя новый годъ (1825 г.) приличною пирушкою. Въ числѣ гостей былъ и братъ Иванъ Ивановичъ, пріѣхавшій на праздники изъ Москвы. Аванасій Шишмаревъ заложилъ банкъ, всѣ стали понтировать, и къ удивленію моему братъ Иванъ Ивановичъ также, онъ, котораго я прежде никогда не видалъ играющаго; но Москва его развратила, и къ утру онъ проигралъ 7 тысячъ рублей. Мнѣ захотѣлось его отыграть, и я проигралъ еще 3 тысячи, такъ что мнѣ пришлось заплатить 10 тыс., конечно и за брата, кот-

рый никогда ни гроша денег не имѣлъ: если бывало и заведутся, то тотчасъ издержатся; надо сказать, что часто въ помощь нуждающимся. Чтобы заплатить Шишмареву, я тутъ же занялъ 5 тысячъ и такимъ образомъ въ началѣ года остался безъ денегъ и сдѣлалъ долгъ, который меня совершенно «разстроилъ»¹⁾.

Если Михайлъ Пушкинъ не могъ содержаться въ гвардіи на скудные свои средства, то и Иванъ Ивановичъ, питая страсть къ картамъ, не могъ содержать себя. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, будучи пьянъ, Иванъ Пушкинъ захотѣлъ отдѣлаться отъ своего (или своего отца) заимодавца, упекши его въ каторгу. И на солнцѣ бываютъ пятна!

Пушкинъ былъ арестованъ 14 декабря 1825 г. Какъ мы уже говорили въ брошюрѣ нашей «Кюхельбекеръ и Пушкинъ въ день 14 декабря 1825 г.», Пушкинъ игралъ весьма некрасивую роль при показаніяхъ, даваемыхъ имъ на допросахъ слѣдственной комиссіи Верховнаго Уголовнаго Суда; со стороны Пушкина это было сплошное глумленіе надъ вопросами, предлагаемыми ему... Онъ отвѣчаетъ на все незнаніемъ и невѣдѣніемъ и въ концѣ-концовъ все-таки сознается въ своихъ проступкахъ. Онъ является на слѣдствіи совершенно противоположною своему товарищу по Лицею Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру. Мы не станемъ здѣсь повторять очную ставку двухъ товарищей, на которой Пушкинъ рисуется далеко не въ блестящемъ видѣ, не говоря уже о неискренности его въ сравненіи съ чистосердечностью и кристальностью души Кюхельбекера. Поэтому показать здѣсь отвѣты Пушкина въ слѣдственной комиссіи Верховнаго Уголовнаго Суда будетъ очень назидательно для характеристики искренности его по отношенію Суда...

Мы переходимъ къ подлинному дѣлу Верховнаго Уголовнаго Суда, хранящемуся въ Государственномъ Архивѣ: «I (Декабристы)—14. Сѣверное Общество».

Пушкину были предложены вопросы, и на эти вопросы онъ даетъ отвѣты. На первоначальный допросъ (за № 36), снятый генералъ-адъютантомъ Левашевымъ, Пушкинъ далъ слѣдующія показанія 17 декабря:

№ 36. Имя и чинъ вашъ?

Коллежскій Ассесоръ Пушкинъ, служащій Судьею Московскаго Надворнаго Суда I департамента. Въ отпуску здѣсь съ 8 декабря на 28 дней.

Принадлежали ли Тайному обществу? Къмъ въ оное были приняты? и въ чемъ заключалось намѣреніе оное?

Состою я въ обществѣ болѣе четырехъ лѣтъ, принятъ въ оное служившимъ въ Киевскомъ Гренадерскомъ полку Шт.-Капитаномъ Бѣляевымъ, находясь тогда въ Петербургѣ за казенной приѣмкою.—Вышедши изъ военной службы, опредѣ-

¹⁾ См. Записки Михаила Ивановича Пушкина. «Рус. Арх.» 1908 г., № 11, стр. 428 и 429.

лился я въ Уголовную Палату, гдѣ познакомился съ служившимъ тогда дворянскимъ засѣдателемъ отставнымъ подпоручикомъ Рылѣвымъ. Находя, въ частныхъ разговорахъ нашихъ, что мысли наши сходны, я ему объявилъ о существованіи общества, въ которое его принялъ. Цѣль общества была—обузданіе законами власть правительства. По правиламъ же общества всякій изъ сочленовъ былъ неизвѣстенъ о дѣйствіяхъ другихъ, почему рѣшительно не знаю, есть ли отрасли и гдѣ оныя находятся.

Въ день несчастнаго происшествія гдѣ вы находились? что вы дѣлали сами и что отъ другихъ замѣтили?

Въ день несчастнаго происшествія по утру узналъ я о присягѣ, чрезъ отъѣздъ ранній отца моего—сенатора Пуцина, поѣхавшаго для сего въ Сенатъ.—Надѣясь, что нѣкоторые полки по слухамъ, дошедшимъ, присяги не примутъ, я поѣхалъ къ Рылѣву и съ нимъ отправились на Дворцовую площадь; не найдя на оной никого, возвратились домой. Нѣсколько времени спустя, чрезъ Синій мостъ пошли къ Сенату и не доходя онаго, встрѣтили Якубовича, который сказалъ, что Московскій полкъ на площади, вызывая Константина. Узнавъ объ ономъ, мы поспѣшили присоединиться къ нему. Взойдя въ каре, напелъ изъ знакомыхъ Бестужева, Оболенскаго, Одоевскаго, Глѣбова, Кюхельбекера, А. и Н. Бестужевыхъ, Щепина, Сутгофа, который вскорѣ прибылъ съ ротою; и потомъ прибыли съ Гвардейскимъ экипажемъ Пушкинъ и Арбузовъ. Въ то время подходили многіе незнакомые и иностранцы, всё во фракахъ, между коими болѣе всёхъ для меня былъ замѣтенъ высокій мущина съ плюмажемъ на шляпѣ, егорьевскимъ крестомъ и подвязанной рукою. Сей послѣдній спрашивалъ у меня пороку, говоря, что у него есть пистолеть. Нѣсколько спустя Якубовичъ подходилъ ко фронту и спрашивалъ у насъ: что хотятъ?—Тогда нѣсколько голосовъ отвѣтствовали ему, что хотятъ лично видѣть Императора и отъ него узнать объ отреченіи Императора Константина.—Въ колоннѣ остался до тѣхъ поръ, пока она не разстроилась отъ выстрѣла картечнаго. Тогда взошелъ я въ кондитерскую лавку и въ оной остался до вечера; послѣ чего возвратился домой. На другой день по утру былъ у брата въ казармахъ, но не засталъ его, я услышалъ отъ человѣка, что Г. Сазоновъ повезъ его во дворецъ. Возвратившись оттуда домой, былъ въ ономъ безвыходно до взятія меня подъ стражу—вчерашняго числа въ 8 часовъ утра.

Имѣлъ ли братъ ваши сношенія съ обществомъ и принадлежалъ ли оному?

Брату моему о существованіи общества никогда не говорилъ и, находясь въ немъ, считалъ лишнимъ повергнуть его опасности. Но за два дня до происшествія, обѣдавши у бабушки, когда пронесся слухъ объ отреченіи, спрашивалъ я о духѣ его эскадрона на счетъ присяги, тогда онъ отвѣчалъ мнѣ, что эскадронъ будетъ присягать вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ и будетъ дѣлать согласно съ

онимъ, а что впрочемъ ничего не замѣчаетъ, по давнишнему его за болѣзнію отсутствію.—Все показалъ по истинѣ и ничего прибавить не имѣю. Коллежской Ассесоръ Иванъ Пущинъ.

Генералъ-Адъютантъ Левашевъ.

Послѣ этого допроса Левашевъ обратился къ Пущину съ дополнительными вопросами, на которые Пущинъ отвѣтилъ 20 декабря 1825 г.:

Вы находитесь въ Московскомъ тайномъ обществѣ; кто онаго сочлены?

Въ Обществѣ Московскомъ нахожусь я столь недавно, что членовъ онаго знаю немного. Въ сношеніи былъ я изъ оныхъ съ Г. Черевинымъ свитск. офицеромъ, и видалъ у него Токарева, служившаго въ Министерствѣ Юстиціи. Съ симъ послѣднимъ въ сношеніи я не былъ, но по разговорамъ видѣлъ я, что къ обществу принадлежитъ.

Когда приняли намѣреніе исполнить цѣль свою 14 числа сего мѣсяца, извѣстили ли о томъ Москву и чрезъ кого?

Самъ я никого не посылалъ и не знаю, послалъ ли кто-нибудь, ибо послѣ происшествія я никого не видалъ.—Все сіе показалъ по истинѣ и прибавить ничего не имѣю. Коллежской Ассесоръ Иванъ Пущинъ.

Генералъ-Адъютантъ Левашевъ.

20 декабря 1825 г.

Затѣмъ слѣдуютъ семь вопросовъ, предложенныхъ Пущину Высочайше учрежденнымъ Комитетомъ, и отвѣты на нихъ Пущина.

Въ дѣлѣ сначала помѣщены вопросные пункты, затѣмъ идутъ отвѣты Пущина; мы позволили себѣ измѣнить этотъ порядокъ и помѣщаемъ послѣ каждого вопроса соответствующій отвѣтъ Пущина.

Комитетъ предпосылаетъ вопросамъ слѣдующее обращеніе:

Высочайше Учрежденный Комитетъ требуетъ отъ Коллежскаго Ассесора Пущина слѣдующаго показанія:

Пущинъ начинаетъ свои отвѣты такимъ вступленіемъ: «По требованію Комитета симъ честь имѣю показать»:

1) *Какъ ваше имя и отчество и сколько отъ роду лѣтъ?*

Зовутъ меня Иванъ Ивановъ сынъ; отъ роду мнѣ двадцать семь лѣтъ.

2) *Какого вы вѣроисповѣданія и каждагодно ли бываете на исповѣди и у святого причастія?*

Вѣроисповѣданія я Греко-Россійскаго, на исповѣди и у Святаго Причастія бываю ежегодно.

3) *Присягали ли на вѣрность подданства нынѣ Царствующему Государю Императору?*

Нынѣ царствующему Императору не пренягаль.

4) *Гдѣ воспитывались вы? если въ публичномъ заведеніи, то въ какомъ именно, и ежели у родителей или родственниковъ, то кто были ваши учителя и наставники?*

Воспитывался въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ.

5) *Въ какихъ предметахъ старались вы наиболее усовершенствоваться?*

Во время воспитанія моего прилежалъ равно ко всѣмъ предметамъ, а приготавливая себя къ военной службѣ, въ окончательномъ курсѣ наиболѣе обращалъ вниманіе на военныя науки, кои преподавалъ намъ полковникъ (что нынѣ генераль-майоръ) Ольснеръ ¹⁾, руководствуясь для фортификаціи курсомъ Сесть-Поля, а артиллеріи и стратегіи по собственнымъ запискамъ.

6) *Не слушали ль сверхъ того особыхъ лекцій? въ какихъ наукахъ, когда, у кого и идѣ именно? объяснивъ въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, чьимъ курсомъ руководствовались вы въ изученіи сихъ наукъ?*

Особыхъ лекцій по выпускѣ изъ Лицея никакихъ не слушалъ.

7) *Съ котораго времени и откуда заимствовали вы свободный образъ мыслей, т. е. отъ общества ли или внушеній другихъ, или отъ чтенія книгъ, или сочиненій въ рукописяхъ и какихъ именно? Кто способствовалъ укорененію въ васъ сихъ мыслей?*

Свободный образъ мыслей по естественному ходу духа времени заимствовалъ я отъ чтенія политическихъ книгъ, коимъ занимался по выходѣ изъ Лицея въ свободное время отъ службы. Никто не способствовалъ къ укорененію сихъ мыслей во мнѣ. Къ сему показанію Коллежской Ассесоръ Пущинъ руку приложилъ.

28 декабря 1825 года, въ присутствіи Высочайше Учрежденнаго Тайнаго Комитета при священническомъ увѣщаніи Пущинъ былъ спрашиваемъ и далъ слѣдующіе отвѣты на 14 вопросовъ, предложенныхъ ему Генераль-Адъютантомъ Чернышевымъ:

1) *Какія причины побудили васъ согласиться на вступленіе въ известное вамъ общество? и кѣмъ избраны вы въ члены Думы?*

Убѣжденный въ горестномъ положеніи отечества моего, я вступилъ въ общество съ надеждою, что въ совокупности съ другими могу быть Россіи полезнымъ—слабыми моими способностями и имѣть вліяніе на переѣну правительства оной. Принятъ былъ я въ общество въ 1821 году Г-номъ Бѣляевымъ, какъ видно въ первомъ моемъ показаніи, данномъ 17 числа сего мѣсяца Г-ну Генераль-Адъютанту Левашеву. Съ означеннымъ Бѣляевымъ познакомился я у давнишняго моего пріятели Павла Черевина, который служилъ въ Гвардейскомъ Генераль-

¹⁾ Баронъ Эльснеръ. См. о немъ «Товарищи Пушкина», т. I, стр. 25 и 26.

номъ Штабъ, и, къ сожалѣнію друзей его, скончался въ прошломъ году въ Москвѣ. Принявъ меня въ члены общества на извѣстныхъ условіяхъ, Бѣляевъ по службѣ своей уѣхалъ въ полкъ и оставилъ меня въ сношеніи съ Черевиннымъ, у котораго въ Управѣ находился я вмѣстѣ съ княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ.— Того же года въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ я въ походъ съ Конной Артиллеріею, гдѣ я тогда служилъ, и такимъ образомъ былъ разлученъ съ вышепоименованными лицами до возвращенія въ С.-Петербургъ 1822 года въ іюль мѣсяцѣ; тутъ даже сношенія мои съ ними не могли быть часты, ибо батарея, въ которой я находился, расположена была въ Пемсѣ (?). Въ продолженіи сего времени никакого пріобрѣтенія по обществу я не сдѣлалъ.— Въ декабрѣ мѣсяцѣ по домашнимъ обстоятельствамъ подалъ я просьбу въ отставку для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ началѣ 1823 года уволенъ изъ военной службы и по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ сверхъ-штатнымъ членомъ въ С.-Петербургскую Уголовную Палату для узнанія хода дѣлъ, согласно изъявленному мною желанію служить въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ всякій честной человѣкъ можетъ быть рѣшительно полезенъ другимъ. Тутъ познакомился я съ Рылѣвымъ. Узнавъ его хорошо въ короткое время, принялъ членомъ въ общество и просилъ дѣятельности въ принятіи другихъ. Такимъ образомъ, Управа наша по отъѣздѣ Черевина на Кавказъ состояла изъ меня, Оболенскаго, Рылѣва и Бестужевыхъ (Николая и Александра). Имѣя въ виду распространеніе числа членовъ, мы составили Думу, въ которую избраны наличными членами Оболенской, Бестужевъ и я, а по отъѣздѣ моемъ въ Москву вмѣсто меня—Рылѣвъ. Дума сія независимо завѣдывала дѣйствіями подвѣдомственныхъ ей членовъ,—которыхъ число потомъ умножилось дѣйствіями оставшихся въ Петербургѣ.

2) *Отъ кого завистля ваша Дума? сколько членовъ составляли оную, и кого вы, въ свою очередь, приняли въ члены.*

Отвѣтъ на сей вопросъ заключается въ 1 пунктѣ.

3) *Для исполненія плановъ общества требовались издержки. Была ли для сего составлена сумма, отъ кого и какъ она поступала? и какое было изъ нея употребленіе?*

Предполагаемо было для необходимыхъ издержекъ общества вносить каждому члену десятую часть годового дохода, но было ли сіе исполнено, мнѣ не извѣстно; я же съ моей стороны ничего не могъ внести по разстроеннымъ домашнимъ моимъ обстоятельствамъ.

4) *Зачѣмъ оставили здѣшнее мѣсто службы и предпочли въ Москву другое, весьма незначущее? Сіе не могло быть иначе, какъ съ намѣреніемъ распространить тамъ кругъ дѣйствій заговорщиковъ.—Итакъ, кто были членами тамошняго общества, къмъ вы приняты въ оное и кого сами избрали?*

Находясь въ здѣшней Палатѣ сверхштатнымъ членомъ безъ жалованья и получа уже нѣкоторый навыкъ въ производствѣ дѣлъ, я вознамѣрился найти мѣсто, гдѣ бы я могъ съ нѣкоторымъ пособіемъ со стороны Правительства быть употребленъ съ пользою. Посему написалъ я къ лицейскому товарищу моему Данзасу, который служитъ Совѣтникомъ въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи, чтобы онъ предложилъ услуги мои тамошнему Военному Генераль-Губернатору, князю Голицыну, и Его Сіятельство опредѣлилъ меня судьбою I Департамента Надворнаго Суда. Мѣста сего, хотя и въ нижней инстанціи, я никакъ не считалъ малозначущимъ, потому что оно даетъ направленіе дѣлу, которое трудно, а иногда уже и невозможно поправить въ высшемъ присутственномъ мѣстѣ;—слѣдовательно, переѣздъ мой въ Москву былъ совершенно далекъ отъ цѣли распространенія нашего общества, которое по наблюденіямъ моимъ не могло тамъ дѣлать успѣховъ; ибо во всѣхъ лицахъ, которыхъ я тамъ встрѣчалъ, я находилъ или людей еще очень молодыхъ или такихъ, кои преданы совершенно разсѣяніямъ обществъ и ни о чемъ полезномъ не думаютъ. Посему, а болѣе еще по безпрестаннымъ занятіямъ моимъ по службѣ, я никакихъ приобрѣтеній для нашего общества не сдѣлалъ; а существуетъ ли тамъ подобное,—мнѣ ни отъ кого объявляемо не было. — Объ свиданіяхъ моихъ тамъ съ покойнымъ Черевинымъ я имѣлъ честь объяснить 20-го числа сего мѣсяца I-ну Генераль-Адъютанту Левашеву.

5) *Предпріятіе общества было столь важно, что безъ сильныхъ поддержекъ не возможно было исполнить оное. Итакъ, скажите, по самой истинѣ, находились ли въ числѣ членовъ вашиго общества изъ высшихъ сословій и кто именно?*

Въ обществѣ нашемъ не находилось, сколько мнѣ извѣстно, никого изъ людей высшаго сословія; но мы надѣялись, что найдутся таковыя, *которые, видя насъ съ вооруженною силою, захотятъ дѣйствовать согласно нашей цѣли* для блага отечества.

6) *Какими средствами располагали вы дѣйствовать для достиженія того, какъ вы сами показали, чтобы ограничить власть правительства? и на чемъ основали возможность такого предпріятія?*

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ за шесть дней до происшествія 14-го числа, слыша о распространившемся слухѣ объ отреченіи Константина Павловича отъ Престола и объ нежеланіи нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ присягать наследнику его, я полагалъ, что воспользоваться симъ неудовольствіемъ войскъ весьма можно для исполненія цѣли общества. Возможность сего предпріятія основывалъ я на военной силѣ, которая въ состояніи будетъ отстранить царствующій домъ отъ Престола и руководимая членами общества требовать отъ высшихъ правительства мѣстъ учрежденія временнаго правленія впредь до собранія Государственныхъ чиновъ для совѣщанія о Государственномъ новомъ устройствѣ.

7) *Въ воскресенье, наканунѣ происшествія, были ли вы у кого на совѣщаніи? Что было въ ономъ предположено и какая обязанность возложена была на каждого и въ особенности на васъ? Кто именно тамъ находился?*

Наканунѣ происшествія, т. е. въ воскресенье пришелъ я вечеромъ къ Рылѣву часу въ десятомъ. Тутъ узналъ я достоверно, что завтра назначена присяга Императору Николаю Павловичу. Тогда опредѣлено было дѣйствовать непремѣнно согласно изъясненному мною въ предыдущемъ пунктѣ предположенію. Военнымъ поручено было по возможности дѣйствовать въ казармахъ, гдѣ видно будетъ недовольствіе солдатъ и готовность офицеровъ.—А я общалъ Рылѣву пріѣхать къ нему на другой день въ 8-мъ часовъ утромъ и вмѣстѣ съ нимъ на площади ободрять войска, если они выйдутъ изъ казармъ, куда во фракахъ войти затруднительно. При мнѣ у Рылѣва былъ Оболенской, Арбузовъ, Каховской, Александръ Бестужевъ, Сутгофъ, Якубовичъ и меньшей Бестужевъ, служащій въ Московскомъ полку. Впрочемъ я пробылъ у него не болѣе получаса и возвратился домой.

8) *Въ день происшествія, будучи съ Рылѣвымъ въ квартиру его и на Дворцовой площади, а также и съ Якубовичемъ, о чемъ вы съ ними разсуждали? Какъ положили дѣйствовать? Что дѣлали, находясь въ толпѣ солдатъ? и какое имѣли при себѣ оружіе?*

Въ день происшествія я поѣхалъ съ Рылѣвымъ на Дворцовую площадь, ходилъ по бульвару все въ ожиданіи войскъ; долго ходивши и не видя никого, мы возвратились домой, натурально разсуждая о планѣ нашемъ и отчаяваясь въ успѣхѣ. Потомъ, часу во 2-мъ, пошли опять черезъ Синій мостъ и, пройдя оный, встрѣтили Якубовича, который объявилъ намъ, что Московскій полкъ у Сената. Мы туда поспѣшили;—я остался у каре до самаго того времени, какъ все войско отъ картечныхъ выстрѣловъ разбѣжалось. Занимался тѣмъ, что ходилъ по фасамамъ и разговаривалъ съ солдатами въ ожиданіи другихъ полковъ. Оружія при мнѣ никакого не было. Куда Рылѣвъ отъ меня ушелъ,—я не знаю.

9) *Вамъ должно быть извѣстно, кто ранилъ графа Милорадовича, объясните сіе?*

Мнѣ совершенно неизвѣстно, кто ранилъ графа Милорадовича; потому что, когда онъ подѣхалъ къ правому фасу каре и началъ уговаривать солдатъ, то я пошелъ впередъ наблюдать за войсками, стоявшими противъ насъ у Адмиралтейства и, возвращаясь назадъ, видѣлъ, что онъ скачетъ отъ фронта безъ шляпы,—окруженный толпою народа. При семъ отъ шума я никакого выстрѣла не слышалъ.

10) *Между стоявшими въ рядахъ возмутителей кто были два генерала: одинъ военный, а другой статскій? Первый изъ нихъ былъ съ чернымъ султаномъ и желтымъ портфелемъ и раздавалъ деньги солдатамъ.*

Между народа я видѣлъ только одно замѣтное лицо, которое нынѣ оказалось Г-нъ Горской. Военнаго генерала никакого не видалъ.

11) Видѣли ли вы Коллежскаго Ассесора Кюхельбекера въ числѣ возмутителей на Сенатской площади? Какое принималъ онъ участіе въ сей исторіи? Не убитъ ли онъ на мѣстѣ происшествія или не скрылся ли куда:

Г-на Кюхельбекера я видѣлъ на Сенатской площади при войскѣ съ пистолетомъ въ рукахъ. Но куда онъ дѣвался и гдѣ нынѣ находится, мнѣ совершенно неизвѣстно.

12) Какой Пущинъ прибылъ съ гвардейскимъ экипажемъ 14-го числа на Сенатскую площадь, принадлежалъ ли къ обществу и къмъ былъ припятъ?

Никакого Пущина при гвардейскомъ экипажѣ на Сенатской площади не видалъ, а видѣлъ Пушкина, того экипажа офицера, съ которымъ увидѣлся, какъ съ прежнимъ знакомымъ, и полагалъ, что онъ въ числѣ офицеровъ, приведшихъ экипажъ. Принадлежитъ ли же онъ нашему обществу, — я не знаю.

13) До пяти тысячъ было заказано колецъ, кто ихъ дѣлалъ? Съ какою надписью, для кого и съ какимъ намѣреніемъ?

Объ кольцахъ никогда ни отъ кого не слышалъ и полагаю, что не могли они быть заказаны для общества, ибо у насъ принято было за правило не имѣть никакихъ знаковъ, могущихъ навлечь подозрѣнія.

14) Когда и о чемъ писали вы къ полковнику Митькову и фонъ-Визину и какіе получили отвѣты?

Къ полковнику Митькову, съ которымъ я знакомъ со времени службы моей въ гвардіи, писалъ я дня черезъ три по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, увѣдомляя его о дѣлѣ, о которомъ онъ просилъ меня справиться въ Сенатѣ. Къ фонъ-Визину же я не писалъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Петербургъ, я ни отъ одного изъ нихъ писемъ не имѣлъ. Къ симъ отвѣтамъ Коллежскій Ассесоръ Иванъ Ивановъ сынъ Пущинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

11 января 1826 года Высочайше учрежденный Тайный Комитетъ положилъ: истребовать чрезъ сіе отъ Г. Коллежскаго Ассесора Пущина дополнительное показаніе о нижеслѣдующемъ:

Комитетъ имѣетъ на васъ опредѣлительное показаніе, что вы въ Москвѣ завели Думу и Управу Тайнаго Общества, а въ предыдущихъ отвѣтахъ вашихъ вы въ томъ не сознались. Комитетъ требуетъ, чтобы вы теперь со всевозможною откровенностію и подробно объяснили: когда вы завели сказанныя: думу и управу въ Москвѣ? и кто именно были членами и той и другой? ¹⁾

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

¹⁾ На подлинной бумагѣ сбоку сдѣлана пометка: «спросить подробно о сужаѣ».

Подтверждая прежде данное мною показаніе, что я въ Москвѣ никакихъ приобрѣтеній для нашего общества не сдѣлалъ, симъ честь имѣю съ требуемою откровенностью объяснить слѣдующее:

Въ началѣ прошлаго 1825 года, не находя никакихъ средствъ къ распро-
страненію общества и желая хотя нѣсколько содѣйствовать къ общему благу въ
духѣ онаго, я учредилъ между находящимися тамъ знакомыми моими, которые
всѣ или женились въ Москвѣ по выходѣ изъ военной службы, или тамъ вновь
опредѣлились въ гражданскую,—союзъ, имѣющій цѣлью *личное освобожденіе
дворовыхъ людей*. Обязанность члена состояла въ томъ, чтобъ (непремѣнно) не
имѣть при своей услугѣ крѣпостныхъ людей,—если онъ въ правѣ ихъ освободить;
—если же онъ еще не управляетъ своимъ имѣніемъ, то по вступленіи въ
управленіе онаго черезъ 5 лѣтъ долженъ непремѣнно выполнить обязанность свою.
Сверхъ того при всякомъ случаѣ, гдѣ есть возможность къ освобожденію какого-
нибудь лица, оказывать долженъ пособіе,—или денежное или какое-либо другое
по мѣрѣ возможности. —Объ учрежденіи сего Союза сообщилъ я тогда же Рылѣву
и Оболенскому. —Вотъ что, можетъ быть, подало поводъ сдѣлать на меня пока-
заніе объ заведеніи Управы нашего общества въ Москвѣ, о которой вѣрно бы я
при началѣ объявилъ, если бъ она существовала моими дѣйствіями. Поименовы-
вать членовъ сего союза я почитаю излишнимъ, ибо сіе не входитъ въ составъ
требованія Комитета, который конечно не найдетъ ничего предосудительнаго въ
цѣли сего Союза, покровительствуемой нѣкоторыми узаконеніями въ Царствованіе
покойнаго Императора. —Къ сему показанію Коллежской Ассесоръ Пущинъ руку
приложилъ.

• Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Не удовольствовавшись этимъ, на другой же день, 12 января, Высочайше
учрежденный Тайный Комитетъ положилъ истребовать отъ Пуцина нижеслѣдующее
дополненіе къ отвѣтамъ:

Въ отвѣтѣ вашемъ о заведенныхъ вами въ Москвѣ думы и управы Тайнаго
общества вы отрицаетесь отъ сего и упоминаете слегка объ учрежденномъ вами
Союзѣ, имѣющемъ цѣлью личное освобожденіе дворовыхъ людей. Къ чему
присовокупяете, что членовъ онаго почитаете излишнимъ называть потому, что
сіе не входитъ въ составъ требованій Комитета. На сіе Комитетъ замѣчаетъ вамъ:
а) что на заведеніе вами управы Тайнаго Общества въ Москвѣ имѣются многія
опредѣлительныя показанія; б) что какъ васъ уже спрашивали о принадлежности
вашей къ другимъ обществамъ, то и надлежало вамъ назвать вышеозначенный
союзъ, а не умствовать и не разсуждать, входитъ ли знаніе о семъ союзѣ въ со-
ставъ требованій и обязанностей Комитета или нѣтъ. Вслѣдствіе сего Комитетъ
требуетъ отъ васъ полныхъ и опредѣлительныхъ отвѣтовъ:

1-е) Кто членами управы Тайнаго Общества, заведенной вами въ Москвѣ? въ случаѣ же отрицанія отъ сего, будете вы уличены очными ставками съ лицами о семъ объявившими.

2-е) Какая цѣль Союза, вами учрежденнаго? Какія употреблялись средства къ достиженію оной? былъ ли сей союзъ тайный и по какой причинѣ? Какія были правила или законы онаго? Какое имѣетъ названіе? Какіе имѣетъ еще другіе обширнѣйшіе виды и сношенія съ другими обществами, не распространился ли внѣ Москвы и въ какихъ именно мѣстахъ, сколько считаетъ членовъ и кто они именно?

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

На это Пушинъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

Въ пополненіе даннаго мною показанія симъ честь имѣю объявить:

1) Прошлаго года возвратился я изъ Петербурга въ Москву въ февралѣ мѣсяцѣ въ бытность тамъ въ отпуску Евгенія Оболенскаго. Съ нимъ начали разсуждать о средствахъ дѣйствовать для общества въ Москвѣ; я тутъ же, какъ и прежде, объявилъ ему, что не вижу никакого. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что надобно собрать тѣхъ обнихъ нашихъ знакомыхъ, которые по наблюденіямъ нашимъ принадлежали къ обществу, и такимъ образомъ стараться возбудить нѣкоторую дѣятельность. Тутъ назначилъ онъ день, въ который пріѣхали къ нему: двоюродный братъ его Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ, Свиты отставной подпоручикъ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, Титулярный Совѣтникъ Иванъ Николаевичъ Гореткинъ, Бородинскаго полка полковникъ Михайло Михайловичъ Нарышкинъ, отставной капитанъ Алексѣй Васильевичъ Семеновъ, титулярный совѣтникъ Колошинъ и я. Такимъ образомъ соединившись, составили Управу, въ которую я поименованными членами избранъ предсѣдателемъ для сношеній съ Петербургомъ.—

2) Впослѣдствіи, по отъѣздѣ Оболенскаго, замѣчалъ недѣятельность членовъ Управы, которые всѣ неоднократно убѣждали меня въ невозможности достиженія предположенной обществомъ цѣли, я рѣшился составить изъ нихъ *Союзъ*, о которомъ я упомянулъ въ показаніи моемъ, вчерашняго числа данномъ, подъ названіемъ *Практическаго*. Цѣль сего Союза уже мною объяснена. Средства, которыя употреблялись для достиженія оной, состояли въ томъ, что каждый обязался освободить своихъ дворовыхъ людей и по возможности склонять къ тому убѣжденіемъ и другихъ своихъ знакомыхъ. Письменныхъ постановленій никакихъ не было, равнымъ образомъ никакихъ другихъ видовъ и постороннихъ сношеній. Члены сего Союза уже мною названы; впослѣдствіи былъ мною еще принятъ пріѣхавшій изъ Петербурга Титулярный Совѣтникъ Степанъ Михайловичъ Семеновъ.—

Къ симъ отвѣтамъ Коллежской Ассесоръ Пушинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Въ 1826 году, 14 марта, Пущину были предложены новые вопросныя пункты:

Изъ показаній нѣкоторыхъ членовъ Комитету извѣстно между прочимъ о бывшихъ у Рылѣва совѣщаніяхъ слѣдующее:

1) 12 декабря Каховскій произнесъ сіе: «Съ этими филантропами ничего не сдѣлаешь, тутъ просто надобно рѣзать да и только; иначе, если не согласятся, то я пойду первый и самъ на себя все объявлю».

2) Когда Рылѣвъ и прочіе увѣрились, что они сильны, положено было солдатамъ возбудить тѣмъ, что ихъ обманываютъ и что Цесаревичъ не отказывается отъ престола, что онъ здѣсь и даже запертъ въ Сенатъ; и потому опредѣлено вести солдатъ на Сенатскую площадь.

3) Противу особы Государя примѣтно возсталъ князь Оболенскій, Бестужевы, Каховской и потомъ князь Трубецкой требовалъ, какъ необходимости, чтобы принести его на жертву. Наконецъ онъ, Трубецкой, именно полагалъ, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобы его объявить Императоромъ. Другіе говорили, что можно ограничиться арестомъ, но Оболенскій и Рылѣвъ настаивали, чтобы истребить всѣхъ.—Князь Одоевскій твердилъ только: «умремъ! ахъ, какъ славно мы умремъ!» Наконецъ, князь Трубецкой въ немаломъ смущеніи говорилъ Рылѣву, что если увидимъ, что на площадь выйдетъ мало—рота или двѣ, то мы (т. е. всѣ) не должны идти туда и не должны дѣйствовать, въ чемъ согласенъ былъ и Рылѣвъ.

Комитетъ, поставляя на видъ вамъ извѣстное ему о совѣщаніяхъ, происшедшихъ въ квартирѣ Рылѣва, требуетъ чистосердечнаго, безъ всякой утайки и съ возможною подробностію, какъ объясненія вашего противу вышеизложеннаго, такъ и описанія всего происходившаго на совѣщаніяхъ вашихъ:

а) *Когда и кто подалъ первую мысль начать здѣсь открытыя дѣйствія общества, какіе виды возбудили къ тому надежды и съ котораго времени и идъ начались о томъ совѣщанія?*

б) *Кто именно находился на оныхъ и кто какія подавалъ мнѣнія на счетъ истребленія особы Государя Императора и августѣйшей фамиліи, и что было положенное за непремѣнное?*

в) *Кто именно изъ членовъ Л.-Гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ, а равно и другихъ мѣстъ были извѣщены о семъ рѣшеніи на счетъ истребленія царствующей фамиліи, и не изъявилъ ли кто особеннаго тому одобренія?*

г) *Какими средствами предположено было увлечь войска и открыть дѣйствія?*

е) *Кому поручено было занять дворецъ, Сенатъ, крѣпость и прочія мѣста и какія именно?*

г) Кто вызывался и кто назначенъ былъ нанести ударъ Государю и овладѣть дворцомъ и прочимъ и вообще, какой былъ сдѣланъ распорядокъ о дѣйствіяхъ 14-го декабря?

Сверхъ сего объясните:

1) Съ какимъ намѣреніемъ писали въ Москву къ Семенову, что Цесаревичъ отказывается отъ престола, и гвардейскіе полки не хотятъ присягать; а въ заключеніи сказали: когда вы будете читать сіе письмо, все будетъ кончено?

2) Точно-ли, какъ показываютъ на васъ, во время возмущенія вы приняли команду и ободряли солдатъ къ неустройству?

3) Кюхельбекеръ утвердительно говоритъ, что вы побуждали его ссадить пистолетомъ сначала Его Высочество Михаила Павловича, а потомъ Генерала Воинова. Съ какимъ намѣреніемъ вы побуждали его къ такому дѣйствию?

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

На означенные вопросные пункты по требованію Комитета симъ честь имѣю показать слѣдующее:

1) 12-го декабря я былъ у Рылѣва поздно вечеромъ на весьма короткое время; Каховскаго въ тотъ день тамъ не видалъ и означенныхъ въ вопросномъ пунктѣ словъ отъ него никогда не слыхалъ.

2) Сколько мнѣ извѣстно, положено было солдатъ увѣрить, что Цесаревичъ не отказывается отъ Престола; но что онъ здѣсь и въ Сенатѣ будто запертъ, — о томъ я не слыхалъ; а чтобъ вывести ихъ на Петровскую площадь, предположено было распространить слухъ, что въ Сенатѣ находится завѣщаніе покойнаго Императора, которымъ уменьшены годы ихъ службы. Вотъ, что я узналъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ отъ Рылѣва на вопросъ мой: какимъ образомъ надѣются возбудить солдатъ?

3) Въ отвѣтъ на сей пунктъ имѣю сказать, что, вѣроятно, всѣ разныя мнѣнія на счетъ особы Императора были изьясняемы членами въ совѣщаніяхъ до прібытія моего въ Петербургъ: ибо при мнѣ было только разсуждаемо о дѣйствіяхъ, ожидая отреченія Цесаревича. Принято было арестовать царствующую фамилию; я никакихъ особенныхъ мнѣній не слыхалъ. Князя Одоевскаго съ пріѣзда моего не видалъ до той минуты, какъ, идя съ Рылѣвымъ на Петровской площади 14-го числа декабря, встрѣтилъ его возвращающагося съ внутреннимъ карауломъ; — тутъ мы ему сказали, чтобъ онъ пришелъ къ Сенату. Относительно мнѣнія князя Трубецкаго о томъ, чтобы не присоединяться къ малому числу войска, — объясняю, что, дѣйствительно, оно имъ было предложено наканунѣ происшествія, у Рылѣва, и въ день происшествія, когда я съ Рылѣвымъ къ нему заѣзжалъ утромъ. Не помню, чтобы Рылѣвъ съ нимъ согласился.

а) Сіе мнѣ неизвѣстно, потому что я пріѣхалъ въ Петербургъ 8-го декабря, — увидѣлся съ Рылѣевымъ и Оболенскимъ 9-го утромъ, когда уже рѣшительно взято было намѣреніе дѣйствовать и ожидали только извѣстія формальнаго объ отреченіи Цесаревича.

б) Сверхъ показанныхъ мною лицъ, бывшихъ при мнѣ на совѣщаніяхъ, находились: князь Трубецкой, Батенковъ, баронъ Штенгель и наканунѣ происшествія братъ мой. Относительно особыхъ мнѣній и непремѣннаго — изъяснено мною выше сего, въ 3 пунктѣ.

в) Сколько мнѣ извѣстно, объявлено было г. Сутгофу, чтобы онъ старался вывести Л. Гренадерскій полкъ съ прочими офицерами, которыхъ я не знаю, а Бестужеву и князю Щепину, чтобы они тоже сдѣлали въ Московскомъ полку. Вотъ, что при мнѣ было имъ сказано.

д), е), ф) Пріѣхавъ къ Рылѣеву наканунѣ происшествія очень поздно, я истинно никакихъ подробныхъ распоряженій не знаю. Съ нимъ я, пробывъ у него менѣе часу, ѣздилъ на короткое время къ Николаю Бестужеву; тамъ только говорили, что князь Трубецкой долженъ всѣмъ управлять, и я, давъ слово быть на другой день утромъ, отправился домой.

Сверхъ сего объясняю:

1) Къ Семенову писалъ я единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы увѣдомить его о дѣйствіяхъ общества, и сказалъ: *когда вы будете читать, все будетъ кончено*, потому, что при отправленіи письма пронесся слухъ о скоромъ назначеніи дня присяги; въ окончаніи жъ прибавилъ, *что успѣхъ въ рукахъ Бога!*

2) И въ прежнихъ моихъ показаніяхъ объявилъ я, что 14-го декабря я былъ при Московскомъ полку и старался ихъ ободрить, но команды не принималъ, командовалъ же Оболенской по общему назначенію за неприбытіемъ князя Трубецкого. Развѣ потому говорятъ: *я принялъ команду*, что когда кавалерія двинулась на чернь, то я переднему фасу каре командовалъ: *взять ружья отъ ноги*. При семъ случаѣ Г. Кюхельбекеръ подошелъ ко мнѣ и совѣтовалъ, чтобы я надѣлъ какой нибудь мундиръ и командовалъ, но я сказалъ ему, что предложеніе его весьма странно.

3) Напрасно Г. Кюхельбекеръ показываетъ на меня сіе — я никогда сего и въ мысляхъ не имѣлъ. Смѣло ссылаюсь на всѣхъ и къ подтвержденію словъ моихъ объявляю, что на совѣщаніи не помню въ который день, когда Александръ Бестужевъ доказывалъ, что для ободренія солдатъ въ случаѣ ихъ выступленія на площадь, когда кто-нибудь изъ начальниковъ пріѣдетъ ихъ увѣщевать — надобно въ него стрѣлять, я старался доказывать противное и говорилъ, что мы всячески должны избѣгать крови и стрѣлять только въ необходимомъ случаѣ — нападенія на нашъ отрядъ. Къ симъ отвѣтамъ Коллежской Ассесоръ Пущинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Неудовольствовавшись этими дополнительными свидѣніями, въ 1826 году, марта 29-го, отъ Высочайше учрежденнаго Комитета Пущину былъ предложенъ вопросъ по поводу бывшаго въ тайномъ обществѣ разсужденія о введеніи въ Россіи конституціи:

Комитетъ имѣетъ въ виду, что въ 1825 году во время пребыванія въ Москвѣ князя Евгенія Оболенскаго было совѣщаніе членовъ тайнаго общества сперва у него, Оболенскаго, а потомъ у поручика Тучкова, и въ это время было предложено ввести въ Россіи Конституцію. — Противу сего Комитетъ требуетъ вашего показанія, точно-ли было у поручика Тучкова сказанное совѣщаніе, кто именно въ немъ участвовалъ и кто какія подавалъ мнѣнія на счетъ введенія въ Россіи Конституціи?

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

По требованію Комитета симъ честь имѣю отвѣтствовать слѣдующее:

Во время пребыванія князя Евгенія Оболенскаго въ Москвѣ одинъ разъ только было собраніе членовъ тайнаго общества, въ которомъ находились лица, показанныя мною прежде. — По отъѣздѣ его я предложилъ собраться членамъ и мы съѣхались у Г. Тучкова; тутъ были: полковникъ Нарышкинъ, Кашкинъ, Гореткинъ, князь Константинъ Оболенскій и двое Семеновыхъ. Было разсуждаемо о возможности ввести въ Россіи Конституцію, но всѣ единогласно утверждали, что они не видятъ сей возможности и полагаютъ, что отечество наше не готово къ такому перевороту, а что общество не имѣетъ средствъ къ произведенію онаго. При семъ случаѣ Тучковъ изъяснилъ, что мы говоримъ о Конституціи для Россіи, когда не видимъ еще примѣра—формы для воздѣлыванія земли свободными людьми и способа управленія оными; онъ предложилъ, чтобы общество лучше сначала прискало способы осуществить сію идею, дабы убѣдиться въ возможности уничтоженія рабства. Смѣю увѣрить Комитетъ, что никакая насильственная мѣра не была предлагаема членами, находившимися въ моей управѣ, я слишкомъ хорошо знаю ихъ образъ мыслей, чтобы имѣть право рѣшительно сіе утверждать; доказательствомъ къ малому содѣйствію ихъ въ дѣлахъ общества служитъ то, что даже Практическій Союзъ, между ими учрежденный, не былъ до сего времени распространенъ. Въ описываемомъ мною совѣщаніи Павелъ Колошинъ, сколько я могу припомнить, не былъ по болѣзни жены его. Тутъ также Константинъ Оболенскій сообщилъ намъ, что онъ отправляется по назначенію своему въ Рязань и требовалъ наставленія; ему рѣшительно объявлено было, чтобы онъ вновь членовъ не принималъ, боясь его неосторожности въ выборѣ. — Къ сему показанію Коллежской Ассесоръ Пущинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

*

Еще дополнительный вопросъ былъ предложенъ Пушину 12 апрѣля 1826 г. слѣдующаго содержания:

Комитету извѣстно, что общество, къ коему вы принадлежали, раздѣлялось на соединенныхъ и убѣжденныхъ и что изъ числа основателей общества, составлявшихъ думу, назначались распорядители сначала безсмѣнные, потомъ въ слѣдствіе предложенія Рыльева только на годъ.

Въ поясненіе сего требуется подробное и опредѣлительное ваше показаніе: какъ, особливо въ последнее время, раздѣлялось ваше общество? На соединенныхъ-ли и убѣжденныхъ, или на простыхъ и главныхъ, т. е. основателей общества и присоединенныхъ, избранныхъ ими членовъ, составлявшихъ думу, изъ коихъ уже назначались распорядители, сначала безсмѣнные, какъ выше сказано, а потомъ только на годъ? при чемъ присовокупите все, что вамъ извѣстно на счетъ года общества и другихъ обстоятельствъ онаго.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

По требованію Комитета симъ честь имѣю показать слѣдующее:

Точно общество, къ которому я принадлежалъ, въ 1824 году, если не ошибусь, приняло раздѣленіе на соединенныхъ и убѣжденныхъ, какъ уже показано мною при началѣ слѣдствія. Относительно жъ прежняго хода онаго я ничего подробно не знаю, всѣ измѣненія общества должны быть извѣстны тѣмъ, которые къ оному принадлежали прежде меня и знали составъ онаго. Къ сему показанію Коллежской Ассесоръ Пушинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Мая 6 дня 1826 года въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета Пушинъ былъ подвергнутъ допросу. Помѣщаемъ здѣсь вопросные пункты, предложенные Пушину, и его отвѣты на нихъ ¹⁾:

Изъ собственныхъ словъ вашихъ и изъ показаній другихъ Комитету извѣстно, что вы были изъ числа дѣятельнѣйшихъ и рѣшительныхъ членовъ, распространявшихъ кругъ дѣйствій общества и возбуждавшихъ взаимное рвеніе, и что вамъ, какъ члену думы, извѣстны были всѣ предпріятія, дѣйствія и сношенія здѣшняго общества съ Южнымъ. А потому Комитетъ требуетъ положительнаго и откровеннаго показанія вашего въ нижеслѣдующемъ:

¹⁾ Въ подлинномъ дѣлѣ этого обширнаго допроса помѣщены сперва вопросные пункты, а затѣмъ показанія Пушина на всѣ эти вопросы. Для большей ясности мы позволили себѣ привести отвѣты Пушина сейчасъ же послѣ каждаго вопроса, набравъ вопросы курсивомъ. Все же набранное курсивомъ въ отвѣтахъ Пушина принадлежитъ ему, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ его показаній.

1.

Въ 1823 и въ началѣ 1824 годахъ отъ Директоріи Южнаго общества пріѣхали сюда князь Барятинскій, князь Волконскій, Матвѣй Муравьевъ-Апостоль Швейковскій, Василій Давыдовъ, подполковникъ Поджіо и Пестель, которые усиленно старались возбудить рвеніе членовъ здѣшняго общества, соединить оное съ Южнымъ и преклонить на мнѣніе, на югѣ принятое, о введеніи въ Россіи республиканскаго правленія съ истребленіемъ покойнаго Государя и всей Императорской фамиліи. Сіе рѣшительное намѣреніе Южнаго общества было сообщено здѣсь означенными лицами, изъ коихъ нѣкоторыя бывали у васъ на совѣщаніяхъ, а съ другими вы раздѣляли оныя.

Въ семъ случаѣ Комитетъ требуетъ откровеннаго и утвердительнаго показанія:

а) *Когда, и въ какомъ случаѣ было сообщено вамъ вышеприведенное намѣреніе Южнаго общества, кому и какой на то вы сдѣлали отзывъ, и въ послѣдствіи времени оставались ли вы въ убѣжденіи о необходимости введенія въ Россіи республиканскаго правленія, съ уничтоженіемъ Царствующей фамиліи; и кому именно вы сообщали сіе предположеніе, какъ при пріемѣ членовъ, такъ и въ бесѣдахъ съ ними?*

б) *Кто извѣстны вамъ были, равно раздѣлявшіе мнѣніе Южнаго общества?*

а) Извѣщенное въ семъ пунктѣ намѣреніе Южнаго общества было сообщено мнѣ Матвѣемъ Муравьевымъ въ 1824 году; на что я ему отвѣчалъ, что оное не можетъ быть приведено въ исполненіе нами и для Россіи такого рода правленіе не свойственно. Я всегда былъ того мнѣнія, что отечество наше должно быть управляемо ограниченою Монархіею и что общество, составленное изъ нѣсколькихъ лицъ, не можетъ, рѣшительно, опредѣлить такъ или иначе должно быть управляемо Государство, заключающее сорокъ милліоновъ жителей. Оно должно по произведеніи переворота предоставить собраннымъ отъ всѣхъ сословій депутатамъ назначить тотъ образъ правленія, который общимъ мнѣніемъ признается полезнѣйшимъ и для всѣхъ благодѣтельнымъ. — Намѣреніе сіе Южнаго общества никому мною не было сообщено.

б) Сколько мнѣ извѣстно, никто изъ Петербургскихъ сочленовъ моихъ означеннаго намѣренія Южнаго общества не раздѣлялъ.

2.

Предполагаемое истребленіе всей Императорской фамиліи находили удобнѣе произвести отдѣльнымъ заговоромъ, какъ бы внѣ общества, и для сего полагалось составить особую партію, подъ названіемъ ипе cohorte perdue и поручить оную подполковнику Лунину, исполненіе коей называлось первымъ дѣйствіемъ революціи.

Послѣ сего перваго дѣйствія революціи предполагалось собрать Синодъ и Сенатъ и заставить ихъ силою, если надобно будетъ, пздать два манифеста: одинъ отъ Синода—всему Русскому народу, о принесеніи присяги временному Правительству, которое долженствовало состоять изъ Директоровъ общества. Другой манифестъ отъ Сената, коимъ надлежало дать понятіе народу, что временное Правительство обязывалось только ввести новый порядокъ, дабы отклонить всякое подозрѣніе Директоровъ на счетъ присвоенія ими постоянной власти въ Республикѣ.

Противу вышеизложеннаго объясните:

а) *Отъ кого и что именно извѣстно вамъ было о составленіи означенной партіи?*

б) *Равнымъ образомъ отъ кого знали вы о составленіи временнаго Привленія изъ Директоровъ общества и изданіи сказанныхъ Манифестовъ? Одобрили-ли вы то и другое?*

а), б) Изложенное въ семь пунктѣ предположеніе объ составленіи партіи подъ названіемъ *Cohorte perdue* и временнаго Правленія мнѣ совершенно неизвѣстно. При семь случаѣ объясняю, что однажды, говоря съ княземъ Трубецкимъ о предположеніяхъ, дѣлаемыхъ на Югѣ, которыя мы вообще находили странными, я узналъ отъ него, что тамъ даже назначали военнымъ Министромъ Шипова. Вотъ единственная подробность, которая случайно до меня дошла.—

3.

Въ 1823 году первое совѣщаніе было у васъ, гдѣ находились: Николай Тургеневъ, Никита Муравьевъ, Рылѣевъ, Оболенскій, Нарышкинъ, Митьковъ, Вальховскій, Поджіо, фонъ-деръ-Бригенъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостоль; Поджіо читалъ проектъ занятія членовъ, который впрочемъ не былъ принятъ. Митьковъ настаивалъ, чтобы вмѣнить въ обязанность членовъ говорить о свободѣ крестьянъ и основывалъ предположеніе сіе на опытѣ, объяснивъ, что недавно бывши въ деревнѣ говорилъ о томъ и видѣлъ, что слова его производили на слушателей сильное дѣйствіе. Засимъ приступили къ выбору трехъ Директоровъ по примѣру Южной управы. Тургеневъ выбранъ былъ единогласно; но отказался отъ сего званія. Всѣ упрекали его за сіе равнодушіе и избрали Никиту Муравьева, Оболенскаго и Трубецкого (сего послѣдняго заочно). Первые два положили за правило, что Директоры будутъ видѣться каждую недѣлю и чтобы въ члены принимать не иначе, какъ съ согласія Директоровъ. Они же просили, чтобы члены избрали себѣ какое либо занятіе. Никита Муравьевъ обѣщалъ сообщить планъ своей Конституціи; Оболенскій взялся написать объ обязанностяхъ гражданина, а Рылѣевъ говорилъ, что намѣренъ сочинить катихизисъ вольнаго человѣка, весьма преступномъ, какъ сіе видно было изъ словъ его. Притомъ онъ говорилъ о принятіи мѣръ для

желаемаго дѣйствія на умы народа посредствомъ пѣсенъ и пародій, на подобіе: Боже царя храни—Скучно мнѣ на чужой сторонѣ и проч. и проч.

Послѣ того были собранія общества у Рыльева, Мятѣкова, Нарышкина и Поджіо. Въ одномъ изъ оныхъ Рыльевъ говорилъ, что у него есть Тайное общество, составленное имъ изъ морскихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ и спрашивалъ, не присоединить ли оное къ Сѣверной управѣ? Нѣкоторые одобрили сіе; но Никита Муравьевъ былъ противнаго мнѣнія. — Между прочимъ Рыльевъ сдѣлалъ предложеніе о поступленіи съ Царствующею фамиліею.

При чтеніи плана Конституціи Никиты Муравьева, *Сапёрный офицеръ* возставалъ противу оной потому что она была въ духъ монархическомъ и обращаясь къ Матвѣю Муравьеву, спрашивалъ: «Думаютъ ли мною Конституціею остановить дѣйствіе власти Государя?»

О б ъ я с н и т е :

а) *Точно-ли такъ происходили совѣщанія ваши, какъ оныя выше означены?*

б) *Кто, когда и у кого свергъ сказанныхъ лицъ находился на совѣщаніяхъ и кто канія подавалъ мнѣнія. Здѣсь поясните мѣсто службы, чинъ и имя Вальховскаго и Сапернаго офицера, а вмѣстѣ и то, какое они принимали участіе въ совѣщаніяхъ и предположеніяхъ общества?*

в) *Гдѣ, съ кѣмъ и какого рода имѣлъ Митѣковъ разговоры о свободѣ крестьянъ, въ комъ и какое замѣтилъ онъ дѣйствіе, и что было положено въ слѣдствіе его предложенія?*

г) *Въ чемъ заключались сочиненія Тургенева, Оболенскаго и особенно Рыльева катихизисъ, пѣсни и пародіи? съ какимъ именно намѣреніемъ онѣ написаны и кому оныя сообщены были? Съ тѣмъ вмѣстѣ представьте и слѣдующія двѣ пѣсни, если вы ихъ знаете показавъ, кто сочинялъ ихъ:*

1-ю

*Вдоль Фонтанки рѣки
Квартируютъ полки—Слава!*

2-ю

*Подуляли я,
Нужды нѣтъ, друзья!
Это съ радости!*

е) *Когда и кѣмъ основано, изъ кого именно и подъ чѣмъ начальствомъ состояло морское Тайное общество и когда присоединено оно къ Сѣверной управѣ, или оставалось независимо отъ оной?*

f) Въ чемъ именно состояло предложеніе Рыльева о поступленіи съ Императорскою фамиліею и кто какого былъ о томъ мнѣнія.

а) Точно показанныя лица у меня въ 1823 году на совѣщаніи одинъ разъ были; я не помню только, былъ-ли полковникъ фонъ-дербъ-Бригенъ. Все происходило, какъ оно выше изложено.—На счетъ же составленнаго Рыльевымъ въ Кронштадтѣ Тайнаго Общества и сдѣланнаго имъ предложенія о присоединеніи къ Сѣверной управѣ—я сего обстоятельства не могу себѣ привести на память; равнымъ образомъ замѣчаніе о Конституціи *Сатернаго офицера* мнѣ неизвѣстно. Если здѣсь разумѣется Назимовъ, то я его не видалъ на сихъ совѣщаніяхъ, или можетъ онъ былъ съ означенными лицами гдѣ нибудь безъ меня.

б) Сверхъ сихъ собраній я ни о какихъ не слыхалъ; въ началѣ 1824 года я отправился въ Москву. Вольховскій служить въ Штабѣ Гвардейскаго Корпуса Капитаномъ; зовуть его Владиміръ Дмитриевичъ, Назимовъ же въ Конно-Піонерномъ эскадронѣ штабсъ-капитаномъ, зовуть его Михайла. По обществу они никакого участія не принимали—Вольховскій въ послѣднее время все находился въ командировкахъ по службѣ.

в) Полковникъ Митьковъ часто разговаривалъ о свободѣ крестьянъ и говорилъ, что въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ замѣчалъ готовность къ сему освобожденію, ибо они начинаютъ убѣждаться, что выгоднѣе владѣть землею, нежели крестьянами, которые часто бываютъ въ тягость помѣщику; въ слѣдствіи сего было признано полезнымъ распространять сіи идеи, какъ и прежде общество дѣйствовало въ семъ духѣ.

г) Сочиненій Тургенева и Оболенскаго и Катихизиса Рыльева я не видалъ. Это предположеніе было; но не знаю, исполнено-ли оно. Цѣль сего состояла въ томъ, чтобы распространять мысли о лучшемъ порядкѣ вещей. Изъ показанныхъ пѣсней я только слышалъ первую: знаю изложенные два стиха и что въ послѣдствіи идетъ рѣчь о ножахъ для властей? Кто сочинилъ ее,—мнѣ неизвѣстно.

е) О морскомъ обществѣ я знаю только то, что сказано уже въ первыхъ моихъ показаніяхъ, а именно, что Рыльевъ мнѣ изъяснялъ надежды, которыя имѣетъ—дѣйствовать чрезъ Николая Бестужева на флотскихъ офицеровъ. Что же сдѣлано было потомъ и въ какомъ отношеніи находилось къ обществу,—я истинно ничего не знаю.

ф) По совѣсти говорю, что не помню, какое дѣлалъ предложеніе Рыльевъ о поступленіи съ Императорскою фамиліею. Можетъ быть о семъ было разсужденіе между членами общества въ небытность мою въ Петербургѣ. Смѣю увѣрить Комитетъ, что я непремѣнно объяснилъ бы, если бы зналъ, въ чемъ оно состояло.

4.

По словам Рылѣва въ одномъ изъ собраній общества, въ которомъ было разсуждаемо о созваніи великаго Собора, онъ сдѣлалъ вопросъ: «А что дѣлать съ Императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народовъ?» Вы сказали: «Это въ самомъ дѣлѣ задача!» Тутъ Рылѣвъ воспользовавшись мнѣніемъ Пестеля, сказалъ: Не вывезти-ли за границу?—Трубецкой, подумавъ отвѣчалъ: «Больше нечего дѣлать»,—и всѣ бывшіе тогда у него, Рылѣва, Митьковъ, Никита Муравьевъ, Матвѣй Муравьевъ, Николай Тургеневъ, Оболенскій и другіе согласились на сіе. Въ послѣдствіи отъ членовъ думы возложено было на него, Рылѣва, порученіе стараться приготовить для исполненія упомянутой мысли нѣсколько надежныхъ морскихъ офицеровъ.

Объясните, справедливо-ли сіе показаніе Рылѣва и точно-ли имъ сдѣлано означенное предложеніе, а вами и прочими принято и какія въ послѣдствіи мѣры для исполненія онаго предпринимало общество?

Хотя я не могу припомнить показаннаго Рылѣвымъ разговора, но вѣроятно онъ былъ, если онъ говоритъ сіе. Мнѣ неизвѣстно, чтобы общество приняло какія-нибудь мѣры для исполненія предположенія объ увозѣ Императорской фамиліи за границу.—Прошу Комитетъ замѣтить, что я послѣдніе два года былъ въ Москвѣ; отъ того многія предположенія мнѣ неизвѣстны, я отнюдь не имѣю цѣли скрыть оныя, а еще менѣе чрезъ то стараться уменьшить мое преступленіе.

5.

Объясните подробно все, что вамъ извѣстно было о существованіи Тайныхъ обществъ, ту же цѣль имѣвшихъ, въ Польшу и внѣ Россіи, о взаимныхъ сношеніяхъ ихъ и о условіяхъ на счетъ возстановленія независимости Польши и отдѣленія къ ней отъ Россіи провинцій: Литвы, Подолія и Вольніи, и какое собственно вы принимали въ томъ участіе, какъ мнѣніями своими, такъ и сношеніями, и въ чемъ именно состояло то и другое?

Я слышалъ только, что въ Кіевѣ открыты слѣды Тайнаго общества Польскаго, но никакихъ сношеній съ онымъ не имѣлъ и мнѣнія на сей счетъ не извѣлялъ, ибо достовѣрно ничего о семъ не знаю.

6.

Равнымъ образомъ объясните, что, когда и отъ кого извѣстно вамъ было о намѣреніяхъ членовъ прежде Сѣвернаго общества въ 1817 году покушиться на жизнь покойнаго Государя Императора, а потомъ Южнаго общества—въ 1823 году, во время бытности Его Величества

въ Бобруйскѣ, и въ минувшемъ 1825 году во время пребыванія Его Величества въ Таланрогъ, и о томъ, что покушеніе сіе отложено было до лагернаго расположенія войскъ въ маѣ сего года? Съ тѣмъ вмѣстѣ объясните обстоятельно, съ какимъ намѣреніемъ прѣехалъ сюда Якубовичъ, когда и какъ Рылѣевъ съ Александромъ Бестужевымъ уговаривали его отложить, и на домо-ли, покушеніе на жизнь покойнаго Государя, какія причины побуждали его къ сему злодѣянію, идъ и какъ хотѣлъ онъ исполнить оное?—Съ какою цѣлю, кѣмъ и чрезъ кого дано было знать о семъ Южнымъ членамъ и въ Москву нагодившимся и требовались ихъ мнѣнія?—И справедливо-ли то, что при полученіи свѣдѣнія о смерти Его Величества, Якубовичъ скрежеталъ зубами, изъясняя злобную досаду, что не исполнилъ своего намѣренія?

О покушеніи Южнаго Общества на жизнь покойнаго Государя въ 1823-мъ году во время бытности его для маневровъ во 2-й арміи я слышалъ отъ Матвѣя Муравьева—онъ мнѣ говорилъ о семъ здѣсь въ Петербургѣ, въ 1824-мъ году;—о прочихъ же намѣреніяхъ я не слышалъ.—Съ Якубовичемъ я видѣлся въ Москвѣ, когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ, никакихъ съ нимъ сношеній по обществу не имѣлъ, какъ уже я о семъ объяснилъ прежде. Онъ мнѣ объявилъ, что ѣдетъ для того, чтобъ сдѣлать операцію; потомъ въ Москвѣ, отъ Никиты Муравьева узналъ я, что онъ, Якубовичъ, 22 іюля на Петергофскомъ праздникѣ имѣлъ намѣреніе покуситься на жизнь покойнаго Государя, что Рылѣевъ и еще кто-то отклонили его отъ исполненія сего намѣренія, уговоривъ отложить оное хотя на годъ.—Какія имѣлъ къ сему дѣйствию причины Якубовичъ—я не знаю.—По полученіи о семъ извѣстія я сообщилъ оное генералу фонъ-Визину и Митькову, а какъ Нарышкинъ тогда по дѣламъ своимъ ѣхалъ на Югъ, то я поручилъ ему дать знать южнымъ членамъ—съ тѣмъ, чтобы узнать мнѣніе, должно ли допустить Якубовича къ сему дѣйствию или принять мѣры къ воспрепятствованію ему исполнить оное.—При полученіи извѣстія о смерти Государя я не былъ здѣсь и не знаю, какое оное дѣйствіе произвело надъ Якубовичемъ.

7.

Полковникъ Митьковъ рассказывалъ вамъ, что есть какая-то секта, въ которой обвиняли покойнаго Государя Императора въ нарушеніи религіи и что изъ оной ушло нѣсколько человекъ неизвѣстно куда.

Объясните, отъ кого извѣстно было Митькову о существованіи сей секты; идъ она находилась, въ чемъ именно обвиняли покойнаго Государя; по какимъ причинамъ и куда ушло нѣсколько человекъ?

Полковникъ Митьковъ точно говорилъ мнѣ о существованіи сей секты, которая съ религіозными мнѣніями соединяла политическія, но не сообщалъ ника-

кихъ подробностей и я не знаю, отъ кого ему сіе извѣстно. Онъ говорилъ только, что вѣроятно кто нибудь въ Петербургѣ знаетъ, называлъ казака, который генераль-адъютантомъ Чернышевымъ записанъ ¹⁾). И не могу теперь себѣ фамиліи привести на память.

8.

Справедливо-ли говорить полковникъ Нарышкинъ, что при отъѣздѣ вашемъ въ Петербургъ, онъ убѣдительно просилъ васъ употребить всевозможныя мѣры къ удержанію Якубовича отъ намѣренія его покунуться на жизнь покойнаго Государя, представить ему гнусность и плачевныя слѣдствія его поступка и утрашить его тѣмъ, что онъ будетъ обличенъ, если не оставитъ своего намѣренія?—

Поясните, общали-ль вы Нарышкину исполнить его порученіе и что по сему вами сдѣлано?

Точно справедливо показываетъ полковникъ Нарышкинъ; я общалъ ему сообщить здѣсь его мнѣніе, но еще до отъѣзда моего изъ Москвы получено было извѣстіе о смерти покойнаго Императора, потому и не было о семъ мною упоминаемо.

9.

Изъ собственныхъ словъ вашихъ и изъ показаній другихъ Комитету извѣстно, что вы изъ Москвы пріѣхали въ Петербургъ за недѣлю, если не прежде, до 14-го декабря.

Объясните, съ какимъ намѣреніемъ вы пріѣхали сюда, ежели не съ твердою рѣшительностію воспользоваться вѣстію о болѣзни покойнаго Государя и не сіе ли самое извѣстіе родило въ васъ мысль покушеніе на возмущеніе, исполненное 14 декабря? Кому въ Москву вы сообщили о намѣреніи своемъ, съ коимъ отправились сюда?

Имѣя здѣсь родныхъ—отца, мать, сестеръ и братьевъ, я пріѣхалъ сюда для свиданія съ ними, какъ и прошлаго 1824 года я былъ въ декабрѣ мѣсяцѣ здѣсь въ Петербургѣ на двадцать восемь дней. Подалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ 26 ноября, что можно видѣть въ журналѣ Надворнаго Суда, когда еще никакого извѣстія о болѣзни покойнаго Государя въ Москвѣ не было ²⁾).

¹⁾ На поляхъ помѣта карандашемъ: «Котельниковъ».

²⁾ Что пріѣздъ Пущина въ Петербургъ не былъ нарочнымъ, подтверждается Записками его брата Михаила Ивановича, гдѣ мы читаемъ: «Во время междуцарствія совсѣмъ неожиданно пріѣхалъ изъ Москвы братъ Иванъ Ивановичъ; еще прежде его пріѣзда сестра Анна Ивановна († 1867 г.), не случившая долго отъ него писемъ, сказала мнѣ однажды: можетъ быть, тебѣ придется съѣздить въ Москву, если скоро не получимъ письма отъ Ивана; я за него очень боюсь, чтобы онъ не замѣшался въ какую нибудь политическую исторію». («Рус. Арх.» 1908 г., № 11, стр. 433).

Никакого намѣренія я не могъ имѣть, потому что 30 ноября по полученіи извѣстія объ учиненной въ Петербургѣ присягѣ Константину Павловичу въ Москвѣ также присягнули ему, а я отправился 5-го декабря. Притомъ ссылаюсь на тѣхъ, съ коими видѣлся я при отъѣздѣ моемъ и которымъ безъ сомнѣнія объявилъ бы, если имѣлъ какое нибудь намѣреніе—на полковника Митькова, титулярнаго совѣтника Семенова и Генерала фонъ-Визина, у котораго я былъ въ деревнѣ на нѣсколько минутъ по выѣздѣ изъ Москвы.

10.

По прибытіи сюда къ кому изъ членовъ обратились вы для условій о началѣ дѣйствій и для принятія нужныхъ къ тому мѣръ, и въ комъ именно нашли равную къ тому готовность?

Въ прежнихъ моихъ показаніяхъ видно, что по приѣздѣ моемъ 8 декабря въ Петербургъ я на другой день по утру былъ у Рылѣва, гдѣ узналъ объ намѣреніи общества, какъ объяснено уже мною. Ссылаюсь на него.

11.

Употребляя всѣ средства къ оболъщенію и приведенію въ заблужденіе солдатъ, вы и прочіе хотя надѣялись, что многіе полки не присянутъ, и полагали таковую силу достаточную; но притомъ говорили, что и съ одною горстью солдатъ можно все сдѣлать, говорили о грабежѣ и убійствахъ и о томъ, что можно и во дворецъ забратся. Въ послѣдствіи, по словамъ Рылѣва, всѣ безъ исключенія рѣшительно говорили, что сами обстоятельства призываютъ общество къ началію дѣйствій и что не воспользоваться оными со столь значительною силою было бы непростительное малодушіе и даже преступленіе.—Скажите, точно ли вы бы и сего мнѣнія?

Я былъ такого мнѣнія, что должно дѣйствовать, услышавъ о надеждѣ, которую имѣютъ на нѣкоторые полки. Но противился грабежу и излишнему кровопролитію.

12.

Въ рѣшительномъ совѣщаніи вашемъ точно-ли и къмъ именно было положено, если своимъ примѣромъ увлечете полки, то арестовать Императорскую фамилію и провозгласить республику; если же перевѣсъ только будетъ на вашей сторонѣ, то послать депутацію къ Государю Цесаревичу съ просьбою царствовать съ нѣкоторыми ограниченіями?—Къ сему присовокупите, какого вы въ семъ случаѣ были мнѣнія?

Сего предложенія я не слышалъ—и не знаю было ли оно сдѣлано.

а) По показанію Штейнлея вы 13 декабря ручались за брата своего и за нѣкоторыхъ офицеровъ Конной Артиллеріи, говоря, что они дали слово не присягать.

Объясните, кто именно изъ сихъ офицеровъ далъ слово не присягать, и было-ли имъ открыто существованіе общества и намѣренія онаго?

б) О томъ, что на слѣдующій день назначалось собраніе Сената сказалъ прежде Краснокутскій, а затѣмъ и вы, извѣстивъ, что отца вашего завтра требуютъ въ застѣданіе.

Поясните, съ какихъ поръ знаете вы Краснокутскаго членомъ тайнаго общества, какое принималъ онъ участіе въ дѣлахъ онаго и намѣреніяхъ на 14 декабря и не обѣщалъ ли онъ какихъ либо дѣйствій своихъ въ Сенатъ въ день происшествія, равнымъ образомъ, не было-ли и вами принято какихъ-либо мѣръ въ отношеніи вліянія на Сенатъ, и черезъ кого именно?

в) При васъ ли говорилъ Якубовичъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынести изъ какой нибудь церкви хоругви и итти ко дворцу? Объясните, какого вы были о семъ мнѣнія, кто одобрялъ оное и говорилъ противное?

д) Въ вечеру 13 декабря Рылѣвъ, обнявъ Каховскаго, сказалъ: «Любезный другъ, ты сирѣ на сей землѣ; я знаю твое самоотверженіе; ты можешь быть полезенъ, чѣмъ на площади, истреби Царя». — На вопросъ его, какія можетъ найти къ тому средства, Рылѣвъ и Оболенскій предлагали ему надѣтъ офицерскій мундиръ и рано по утру, прежде возмущенія итти во дворецъ и тамъ убить Государя или на площади, когда Его Величество выйдетъ, а одинъ изъ васъ сказалъ, чтобы на крыльцѣ дожидаться появленія Государя. Послѣ сего также обняли Каховскаго вы, Оболенскій и Александръ Бестужевъ.

Объясните, далъ ли Каховскій рѣшительное на то обѣщаніе, вѣли ли вы единодушно одобряли истребленіе нынѣ царствующаго Государя; по какимъ причинамъ и съ какою цѣлію находили вы нужнымъ принести Его Величество на жертву. По совершеніи же сего, что именно полагали употребить противу Царствующей фамиліи и кто для того назначался?

Во время открывшагося на площади неурстройства были ли вы увѣрены или ожидали-ль вѣсти, что Государь убитъ?

Генералъ-Адъютантъ Чернышевъ.

а) Братъ мой самъ былъ у Рылѣва 13-го декабря, какъ и уже показаль, слѣдственно мнѣ нечего было за него ручаться. На счетъ же офицеровъ Конной Артиллеріи я не могъ ничего говорить, потому что я до 14-го декабря видѣлся только съ Малиновскимъ, о которомъ дано уже мною показаніе.

б) Краснокутскаго я лично не знаю, но слышалъ, что онъ къ обществу принадлежалъ. Мнѣ совершенно не пзвѣстно, принималъ ли онъ участіе въ намѣреніяхъ 14-го декабря и обѣщалъ ли содѣйствовать въ Сенатѣ, равнымъ образомъ я никакихъ мѣръ къ вліянію на Сенатъ не принималъ.

в) Якубовичъ изъявилъ означенное мнѣніе; но всѣ рѣшительно признали оное дурнымъ. При семъ случаѣ Рылѣвъ объявилъ, что надобно стараться уменьшить и отвратить разбой, если оный будетъ замѣченъ.

г) Что я зналъ о намѣреніяхъ и мое мнѣніе относительно Царствующаго Государя и всей фамиліи я уже объяснилъ въ показаніяхъ моихъ; но если означенныя лица показываютъ изъясненное въ семъ пунктѣ обстоятельство, котораго я истинно не припомню, то я оное утверждаю, только не могу достовѣрно сказать, далъ ли Каховской рѣшительное обѣщаніе и не знаю, что именно полагали употребить противъ Царствующаго дома.

Во время открывшагося неустройства я самъ не знаю чего мы ожидали—и ожидалъ прихода князя Трубецкаго; но видя насъ окруженными со всѣхъ сторонъ и пришедшую артиллерію, я объявилъ Бестужеву, что теперь, кажется, все кончено. Государя же я видѣлъ на площади предъ Преображенскимъ полкомъ и никакихъ предположеній не дѣлалъ.—

Къ сему отвѣтамъ Коллежской Ассесоръ Иванъ Пущинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Допросивъ Пущина, Высочайше учрежденный Комитетъ сталъ повѣрять какъ показанія самого Пущина, такъ и другихъ членовъ Тайнаго общества; при противорѣчій въ показаніяхъ онъ вызывалъ на очную ставку и потомъ задавалъ новые дополнительные вопросы. Апрѣля 30 1826 года Высочайше учрежденный Комитетъ обратился съ вопроснымъ пунктомъ къ подполковнику Матвѣю Муравьеву-Апостолу:

Въ дополненіе показаній вашихъ объясните:

Коллежскій Ассесоръ Пущинъ былъ ли въ числѣ тѣхъ, кои знали и раздѣляли намѣреніе Южнаго общества о введеніи въ Государствѣ республиканскаго правленія съ покушеніемъ на жизнь Императорской фамиліи. Кто сообщилъ ему о томъ и не говорили ль вы съ нимъ объ ономъ же? и когда и гдѣ?

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Коллежскій Ассесоръ Пущинъ выѣхалъ изъ Петербурга прежде приѣзда П. Пестеля; онъ не зналъ о намѣреніяхъ *Южной Директоріи*. Я ему не сообщалъ ихъ. Братъ мой Сергій и Бестужевъ-Рюмпнъ всегда были противъ намѣреній о

покушеніи на жизнь Императорской фамилии. До пріѣзда П. Пестеля, я не зналъ ихъ. Онъ можетъ сіе показаніе подтвердить. Отставной подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль.—

Я позабылъ сказать, что Южная Директорія положила въ началѣ 1825 года, что общество начнетъ дѣйствія свои, коль скоро одинъ членъ Южнаго общества будетъ взятъ Правительствомъ. Мнѣ братъ мой Сергій и Бестужевъ сказали о семъ, бывши у меня въ деревнѣ.

Отставной подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

12 мая 1826 года въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета о злоумышленномъ обществѣ дана очная ставка Коллежскому Ассесору Пушину съ штабсъ-капитаномъ Александромъ Бестужевымъ, который показалъ, что Пушинъ на площади ободрялъ солдатъ и даже, когда никто не принялъ команды, онъ взялъ это на себя, сказавъ солдатамъ, что служилъ въ военной службѣ.—Пушинъ же, сознаваясь въ томъ, что ободрялъ солдатъ, объясняетъ, что командовалъ, по общему назначенію, князь Оболенскій; онъ же, Пушинъ, только скомандовалъ переднему фасу взять ружья отъ ноги, когда кавалерія двинулась на чернь.

На сей очной ставкѣ штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ прежде очной ставки объяснилъ, что показаніе его основано было именно на томъ, что Пушинъ скомандовалъ переднему фасу, и что ему предлагалъ Кюхельбекеръ надѣть мундиръ.

Коллежскій Ассесоръ Пушинъ. Штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

16 мая 1826 года въ присутствіи Высочайше учрежденнаго Комитета была дана очная ставка Пушину и поручику Цебрикову по поводу показаній Цебрикова. Онъ показалъ, когда Кюхельбекеръ въ день возмущенія на площади спрашивалъ: «который Воиновъ?»—то нѣкоторые изъ толпы отвѣчали: «Въ генеральскомъ мундирѣ съ бѣлымъ султаномъ». Но тутъ же статскій въ бекешѣ въ круглой шляпѣ сказалъ: «Погодите, братцы, мы скорѣе дѣло кончимъ». Цебриковъ увѣрялъ, что этого человѣка онъ узнаетъ, ежели ему покажутъ его.—Пушинъ былъ, по нѣкоторымъ видамъ подозрѣнія представленъ, и Цебриковъ утвердительно показалъ, что это есть тотъ самый, который произнесъ означенныя слова. Но Пушинъ сдѣлалъ отрицательный отвѣтъ, что онъ никогда сихъ словъ не говорилъ и былъ на площади не въ бекешѣ, а въ шинели съ большимъ воротникомъ. Впрочемъ и при дальнѣйшемъ другъ другу противорѣчій каждый остался при своемъ показаніи.

Коллежскій Ассесоръ Пушинъ. Поручикъ Цебриковъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Въ тотъ же день, 16 мая 1826 года, Пушкину отъ Высочайше учрежденнаго Комитета былъ присланъ вопросный пунктъ слѣдующаго содержанія:

Изъ начальнаго показанія вашего видно, что въ Об-во вы приняты были штабсъ-капитаномъ Бѣляевымъ, служившимъ въ Кіевскомъ Гренадерскомъ полку. Но по выправкѣ оказалось, что Бѣлева въ семь полку нѣтъ и не было.

Въ такомъ случаѣ Комитетъ требуетъ вашего показанія: дѣйствительно ли вы приняты въ общество означеннымъ Бѣляевымъ, или къмъ другимъ? Если же имъ точно, то гдѣ онъ служитъ и въ какомъ чинѣ, или гдѣ находится? Къ тому присовокупите, съ кѣмъ изъ членовъ былъ онъ въ сношеніяхъ и кого еще, кромѣ васъ, принялъ въ общество,—ежели сіе вамъ извѣстно?

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

По требованію Комитета симъ честь имѣю отвѣтствовать слѣдующее:

Показанныя мною подробности о Г-нѣ Бѣляевѣ, какъ видно изъ объясненія моего отъ 18 января извѣстны мнѣ отъ покойнаго Черевина, у котораго я съ нимъ видѣлся. Изъ разговоровъ моихъ съ симъ послѣднимъ онъ замѣтилъ мой образъ мыслей и тогда спросилъ меня, принадлежу ли я къ обществу, гдѣ Черевинъ. Какъ я ему отвѣчалъ, что нѣтъ, то онъ сказалъ мнѣ: «Ваша дружеская связь съ Черевинимъ даетъ мнѣ право принять васъ въ общество, онъ вамъ все объяснить». Такимъ образомъ я былъ въ сношеніи съ Черевинимъ, который мнѣ открылъ, что ему было извѣстно.—Гдѣ же теперь сей Бѣляевъ и былъ ли ему кто нибудь знакомъ изъ членовъ,—я совершенно не знаю и ни отъ кого объ немъ по смерти Черевина, которымъ онъ въ общество былъ принять, не слышалъ.

Къ сему показанію Коллежскій Ассесоръ Пущинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

16 мая 1826 года Высочайше учрежденный Комитетъ обратился къ поручику князю Евгенію Оболенскому съ слѣдующимъ вопросомъ относительно вступленія Пущина въ Тайное общество:

Объясните, ежели вамъ извѣстно, когда и къмъ именно принять въ общество Коллежскій Ассесоръ Пущинъ. Къ тому присовокупите, не былъ ли вамъ извѣстенъ нѣкто Бѣляевъ, принадлежавшій къ обществу? гдѣ онъ служитъ, или находится и какъ его имя?

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Сколько мнѣ извѣстно, Коллежскій Ассесоръ Иванъ Ивановичъ Пущинъ принять въ 1817 году въ общество полковникомъ Бурцовымъ ¹⁾ или однимъ изъ

¹⁾ Полковникъ Бурцовъ есть тотъ самый, который служилъ прежде въ Гвардейскомъ штабѣ, а потомъ находился адъютантомъ при генераль-адъютантѣ Киселевѣ.

братъевъ Калошинныхъ; но къмъ именно, я сего утвердительно сказать не могу;— полагаю же болѣе, что онъ принять Бурцовымъ;--Бѣляевъ же не извѣстенъ мнѣ ни принятіемъ въ общество, ни нахожденіемъ когда либо члена общества сей фамилии.

Князь Евгений Оболенскій.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Кромѣ князя Оболенскаго, Комитетъ 16 того же мая обратился съ такимъ же вопросомъ къ слѣдующимъ лицамъ: полковникамъ Нарышкину и Митькову и къ подпоручику Рылѣву:

Неизвѣстно ли вамъ, когда и къмъ принять въ общество Коллежскій Ассесоръ Пушинъ? Сверхъ того--не знали ли вы нѣкогого Бѣляева, принадлежавшаго къ обществу? Гдѣ онъ служить или находится и какъ его имя?

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Честъ имѣю увѣдомить, что я не знаю, къмъ принять Коллежскій Ассесоръ Пушинъ; но сколь упомню, онъ находится съ 1819 года въ обществѣ. Г-нъ Бѣляевъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ.—

Полковникъ Нарышкинъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Когда и къмъ былъ принять въ общество Коллежскій Ассесоръ Пушинъ,— мнѣ не извѣстно. Бѣляева никакого никогда не зналъ и фамиліи такой не слыхивалъ. О чемъ симъ честъ имѣю донести.

Полковникъ Митьковъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Къмъ принять въ общество Пушинъ мнѣ не извѣстно. Я никогда о томъ его не спрашивалъ, держась правила, принятаго въ обществѣ за законъ. Знаю только то, что онъ изъ самыхъ старыхъ членовъ и былъ принять задолго до возмущенія Семеновскаго полка. Бѣляева никакого не знаю, кромѣ видѣннаго мною однажды у Завалишина, и никогда не слышалъ, чтобъ былъ членъ этой фамилии.

Подпоручикъ Рылѣвъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

На слѣдующій день, 17 мая 1826 года, отъ Комитета былъ посланъ Пушину слѣдующій вопросъ:

Въ послѣднемъ отзывѣ своемъ о Бѣляевѣ вы говорите, что видались съ нимъ у Черевина, которымъ онъ въ общество былъ принять, и что, замѣтивъ вашъ образъ мыслей, Бѣляевъ сказалъ: «Ваша дружеская связь съ Черевиннымъ даетъ

мнѣ право принять васъ въ общество; онъ вамъ все объяснитъ». Такимъ образомъ вы были въ сношеніи съ Черевинымъ, открывшимъ вамъ ему извѣстное.—

По правиламъ пріема членовъ Бѣляевъ, поступившій въ общество чрезъ Черевина, составлялъ отрасль сего послѣдняго, а потому не могъ присвоить себѣ преимущественнаго права принять васъ и предоставить Черевину объяснить вамъ о существованіи и условіяхъ общества. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ невозможно, чтобы, при связяхъ такого рода и при короткихъ отношеніяхъ Бѣяева съ Черевинимъ, а сего съ вами, чтобы не было вамъ извѣстно, кто онъ и гдѣ находится?

Комитетъ поставляя на видъ вамъ причины сіи, требуетъ надлежащаго противу сего показанія вашего съ объясненіемъ, сколько припомнить можете, гдѣ именно Бѣляевъ жилъ или служилъ и въ какомъ чинѣ тогда, когда принялъ васъ и какъ его имя?

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

По требованію Комитета симъ честь имѣю отвѣтствовать, что кромѣ показаннаго мною о Г-нѣ Бѣляевѣ я ничего болѣе не знаю. Могу увѣрить, что я никакихъ причинъ не имѣю скрывать его, будучи съ нимъ совершенно почти не знакомымъ, и вступая въ связь по обществу съ покойнымъ Черевинимъ, который никогда мнѣ потомъ болѣе и не упоминалъ объ немъ. Къ сему отвѣту Коллежской Ассесоръ Пушинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

Отвѣтъ Пушина не удовлетворилъ Комитетъ, и тогда 19 мая 1826 года былъ посланъ Пушину еще вопросъ слѣдующаго содержанія:

Князь Евгений Оболенскій, полковникъ Нарышкинъ и другіе утвердительно говорятъ, что вы приняты въ общество еще въ 1817 году полковникомъ Бурцовымъ или однимъ изъ братьевъ Калошиныхъ, а не Бѣяевымъ, и не въ 1821 году, какъ вы продолжаете показывать къ излишнему и непріятному затрудненію Комитета.

Еще разъ Комитетъ требуетъ отъ васъ истиннаго показанія, когда именно, кѣмъ и гдѣ вы были приняты въ члены Тайнаго общества? и при томъ гдѣ находится сказанный вами Бѣяевъ, какъ его имя и чинъ. Комитетъ замѣчаетъ вамъ, что уклоненія ваши отъ истиннаго показанія не имѣютъ никакого основанія и не заслуживаютъ ни малѣйшаго уваженія.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

По требованію Комитета симъ честь имѣю отвѣтствовать, что, дѣйствительно въ 1817 году принять я былъ полковникомъ Бурцовымъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ члены общества. Признаюсь откровенно, что не хотѣлъ объявить сего, пола-

гая его совершенно отклонившимся от общесва. Къ краишему стыду моему объявляю, что Бѣляевъ есть вымышленное лицо, которое мною при началѣ упомянуто. Сіе отклоненіе отъ истины, отъ ложнаго стыда мною поддерживаемое и употребленное изъ нѣкотораго чувства состраданія къ Бурцову, теперь слишкомъ кажется мнѣ гнуснымъ, чтобъ еще продолжать тяжкую для меня о семъ переписку. Совѣсть моя слишкомъ много меня наказываетъ за сей поступокъ. Предаю себя совершенно въ разсмотрѣніе Комитета и въ полной мѣрѣ чувствую, сколь я дурно поступилъ. Къ сему показанію Коллежскій Ассесоръ Пущинъ руку приложилъ.

Генераль-Адъютантъ Чернышевъ.

И стоило огордъ городить! Это запоздалое сознание въ своемъ враньѣ является или слѣдствіемъ глумленія Пущина надъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, или дѣтскою наивностью, недостойною одного изъ главныхъ корифеевъ декабрьскаго возмущенія. Если же такой Бѣляевъ, дѣйствительно, существовалъ, то признаніемъ своимъ Пущинъ не могъ сильно его компрометировать, такъ какъ—однимъ больше или однимъ меньше—количество привлеченныхъ къ слѣдствію не измѣнилось бы вслѣдствіе неумѣстной болтовни декабристовъ о сочувствовавшихъ имъ. Память же о Пущинѣ не была бы запятана подобнымъ враньемъ и незначѣмъ было ему прибѣгать къ оправданіямъ. Можетъ быть это оправдывается аффектомъ, въ которомъ находился въ то время Пущинъ. Недаромъ въ письмѣ къ сестрамъ въ 1827 г. онъ, между прочимъ, пишетъ: «...какая то необыкновенная сила покорила, увлекала меня и заглушала обыкновенную мою разсудительность, такъ что едва ли какое-нибудь сомнѣніе—весьма естественное—приходило на мысль и отклоняло отъ участія въ дѣйствіи, которое я даже не взялъ на себя труда совершенно узнать, не только по важности его обдумать...»

Далѣе мы встрѣчаемся въ дѣлѣ съ цѣлымъ рядомъ показаній декабристовъ, выясняющихъ участіе Ивана Пущина въ событіи 14 декабря и въ его подготовкѣ. Показанія эти извлечены нами изъ разныхъ дѣлъ, и мы приведемъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Показанія на Коллежскаго Ассесора Пущина.

Толстой показалъ, что «онъ имѣлъ обращеніе съ Пущиннымъ». (99, стр. 1).

Калошинъ: «... Участировалъ въ совѣщаніи». (94, стр. 12, на оборотѣ).

К. Трубецкой: «... Пущинъ писалъ о болѣзни покойнаго Государя фонъ-Визину». (21, стр. 21, на оборотѣ).

Онъ же: «... Пущинъ хотѣлъ писать въ Москву, чтобы нѣкоторые члены пріѣхали». (Стр. 25, на оборотѣ, внизу).

Кашкинъ: «...Пущинъ членъ Московскаго общества». (122, стр. 1, внизу).

Онъ же: «...Муравьевъ сказалъ Пущину, что Якубовичъ хвалится гнуснымъ своимъ намѣреніемъ». (Стр. 6).

*

Митковъ: «... У Пушкина собирались на совѣщанія». (91, стр. 1).

Онъ же: «... Былъ приглашенъ чрезъ Муравьева къ Пушкину, гдѣ узналъ о существованіи Тайнаго Общества». (Стр. 2).

Онъ же: «... По уничтоженіи въ Москвѣ общества Муравьевъ познакомилъ его съ Пушинымъ, и присудили составить вновь общество.—Тургеневъ написалъ предположенія». (Стр. 8, на оборотѣ, внизу, и на стр. 9).

Онъ же: «... Объявилъ Пушкину, что видѣлся съ Г. М. Орловымъ, который совѣтовалъ уничтожить общество». (Стр. 11).

Онъ же: «... Когда Якубовичъ хвалился покуситься на жизнь покойнаго Государя, насчетъ Царствующей фамиліи говорено ничего не было; въ то время находился и Пушкинъ». (На обор. 11 внизу и на 12 стр.).

Онъ же: «... Пушкинъ увѣдомилъ письмомъ въ Москву Семенова, что Цесаревичъ отказывается отъ престола, но Гвард. полки присягать не хотятъ Государю Николаю Павловичу, присовокупилъ: когда будете читать письмо, тогда все будетъ кончено». (Стр. 13).

Репинъ: «... Пушкинъ членъ общества». (57, стр. 6).

Бар. Штейнгель: «... Рылѣевъ познакомилъ его съ Пушинымъ, который открылъ намѣреніе общества— требовать конституцію». (102, стр. 1).

Онъ же: «... 14 декабря въ 7 часовъ вечера Пушкинъ и Каховскій выѣхали къ Рылѣву, говоря: «что все пропало, причемъ обратились къ Батенкову съ укоризною». (Стр. 3, на обор.).

Онъ же: «... Пушкинъ 13 декабря ругался за брата и за нѣкоторыхъ офицеровъ конной артиллеріи, что они давши слово не присягать...».

Онъ же: «... Былъ у Рылѣева, гдѣ былъ Пушкинъ, который сказывалъ, что прибѣгали къ нему два Конной Артиллеріи офицера, ушедшіе изъ подъ ареста, которыхъ отправилъ обратно». (Стр. 14 и на обор. 14).

Свистуновъ: «... Доставилъ письмо въ Москву къ Пушкину отъ Ник. Муравьева». (61, стр. 7).

Онъ же: 1-е показ.: «Членъ Общества Пушкинъ». 2-е пок.: «Капитанъ Пушкинъ... узналъ отъ брата своего за два дни до происшествія, что гвардія присягать не будетъ». (23, стр. 4).

Рылѣевъ: «... Принятъ въ общество Пушинымъ». (20, 1 пок., на обор. 1 стр.).

Онъ же: «... Избранъ въ думу Пушинымъ». (Стр. 7).

Онъ же: «... 14 декабря прежде присяги съ Пушинымъ были у воротъ Московскаго полка». (16, на оборотѣ).

Ник. Бестужевъ: «... У Рылѣева познакомился съ Пушинымъ наканунѣ 14 декабря». (29, стр. 5, пок. 2).

Назимовъ: «... Членъ общества Пушкинъ и съ полковникомъ Нарышкинымъ искали всѣми силами добро бѣднымъ». (76, стр. 26).

Г.-М. Орловъ: ... Получилъ письмо въ Москвѣ отъ невѣстнаго, полагаетъ отъ Пушина. (83, стр. 24).

Оржицкій: «... 14 декабря по утру былъ въ Сенатѣ, увидѣлъ, что заряжаютъ ружья, ушелъ къ Крюковскому, вечеромъ былъ у Рылѣева, гдѣ былъ и Пушинъ». (62, стр. 1, на обор., 1 пок.).

Онъ же: «... 14 декабря Пушинъ былъ въ дѣйстви». (Стр. 6).

Г. Коновницынъ: «... 14 декабря на площади видѣлъ Вестужева и Пушина». (44, стр. 8).

Фонъ-Визинъ: «... Видѣлъ письмо Пушина къ Семенову, въ которомъ извѣщаетъ о намѣреніи не присягать, просилъ показать Орлову». (128, стр. 1, на оборотѣ, пок. 1).

В. К. Кюхельбекеръ: ... 14 числа по утру прислалъ за нимъ Рылѣевъ, гдѣ былъ и Пушинъ, объявили ему, что полки должны присягать, а многіе не соглашались, и чтобъ онъ отправился на площадь и присоединился къ полкамъ. (190, стр. 1, 1-е пок.).

Онъ же: ... Пушинъ посылалъ его въ домъ Лавалы къ Трубецкому, котораго не засталъ, въ то время люди просили митрополита прислать Михайла Павловича, котораго послушаютъ, въ то время Пушинъ предлагалъ ему пистолеть убить Его Высочество, хотѣлъ выстрѣлить, но люди отвели руку. (Стр. 2).

Онъ же: ... Послѣ мѣтилъ въ Воинова, по требованію Пушина, но кремень осѣкся. (Стр. 2, на оборотѣ).

Онъ же: ... Пушинъ былъ на площади. (Стр. 12, на оборотѣ).

К. Оболенскій: ... Дума зависѣла отъ него, Оболенскаго, Трубецкаго и Муравьева; потомъ принять членомъ Пушинъ. (24, стр. 7, на оборотѣ).

Онъ же: «... Пушинымъ принять 12-го Егерскаго полка Полковникъ Букаатовъ за нѣсколько дней до 12 декабря». (Стр. 12, на оборотѣ).

Онъ же: «... 9-го декабря былъ у Рылѣева, гдѣ былъ и Пушинъ». (Стр. 23, на оборотѣ).

Онъ же: ... 13-го числа при совѣщаніи, гдѣ былъ и Пушинъ, Рылѣевъ сказалъ Каховскому, обнимая его: «Любезный другъ, для общества ты долженъ собою жертвовать: убей завтра Императора»; послѣ сего обнимали Вестужева, Пушинъ, и онъ, Оболенскій. (Стр. 25, на оборотѣ).

Каховской: «... Когда вышли на площадь, находился и Пушинъ». (27, стр. 13).

Мухановъ: «... Пушинъ членъ общества». (123, стр. 5).

А. Вестужевъ: «... О собраніи Сената сказалъ Краснокуцкой, а потомъ Пушинъ, который извѣстилъ, что отца его требуютъ въ засѣданіе завтра». (25, стр. 4, пунктъ 6).

Онъ же: «... Совѣщаніе происходило 12-го числа, гдѣ былъ и Пушинъ, у

Рылѣва, объ Царствующей фамиліи разсуждаемо не было—на покушеніе на жизнь ихъ». (Стр. 28).

Онъ же: «...Пушину назначено вести эскадронъ на площадь». (Стр. 29, на оборотѣ).

П. Нарышкинъ: «...Пушинъ членъ общества». (111, стр. пок. 2, пунктъ 1). «...Пушинъ собирался ѣхать въ Петербургъ, онъ его просилъ удержать дерзкія покушенія Якубовича». (2-е пок., 7 пунктъ).

Комаровъ: «...Членъ общества Пушинъ». (?—стр. 9).

Митьковъ: «...Пушинъ членъ общества». (Изъ дѣла Бригена, стр. 9).

Весьма интересно слѣдующее извлеченіе правителя дѣлъ Боровкова изъ показаній разныхъ лицъ объ участіи Пушина въ замышлявшемся покушеніи на Императорскую фамилію:

О Пушинѣ показываютъ:

Показаніе Рылѣва:

1-ое) Что въ одномъ собраніи общества (прежде кончины Императора Александра), въ которомъ было разсуждаемо о созваніи Великаго Собора, сдѣланъ былъ вопросъ:—Что дѣлать съ Императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ? Пушинъ сказалъ: «Это въ самомъ дѣлѣ задача». Тутъ Рылѣвъ продолжалъ: «Не вывезти ли за границу?» Съ каковымъ мнѣніемъ всѣ согласились, и въ послѣдствіи времени поручено было Рылѣву стараться приготовить нѣсколько надежныхъ морскихъ офицеровъ.

Противу сего Пушинъ объяснилъ, что хотя не можетъ припомнить показаннаго Рылѣвымъ разговора, но признается, что оный могъ быть. Что касается до мѣръ, принятыхъ обществомъ къ исполненію сего предположенія, то объ оныхъ ему не извѣстно, по нахожденію его въ послѣдніе два года въ Москвѣ; равно и по прибытіи его сюда въ послѣдніе дни предъ возмущеніемъ при немъ ни о семъ, ни объ особѣ Императора не было разсуждаемо,—а зналъ онъ только, что положено было Царствующую фамилію арестовать.

Показаніе Каховскаго, Оболенскаго и Рылѣва:

2-ое) Наканунѣ 14 декабря Рылѣвъ, обнимая Каховскаго въ присутствіи его, Пушина, князя Оболенскаго и Александра Бестужева, сказалъ ему: «Я знаю твое самоотверженіе; ты сирь на сей землѣ; ты можешь быть полезенъ, чѣмъ на площади; убей завтра Императора!»—Послѣ сего всѣ, въ томъ числѣ и Пушинъ, обнимали Каховскаго.

Пушинъ, не отвергая сего показанія, объясняетъ только, что онъ обстоятельство сего не помнитъ.

Показаніе Коллежскаго Ассесора Кюхельбекера:

3-е) Что на площади Пуштинъ говорилъ Кюхельбекеру: «Не хочешь ли ссадить изъ пистолета Его Высочество Михаила Павловича?»

По отрицанію отъ сего Пуштина, дана ему съ Коллежскимъ Ассесоромъ Кюхельбекеромъ очная ставка, на которой Кюхельбекеръ упречалъ его, Пуштина: но сей остался при своемъ отрицаніи ¹⁾.

Показаніе Александра Бестужева:

4-е) Пуштинъ въ обществѣ давно; сначала былъ весьма разсудителенъ и полагалъ, что прежде 10-ти лѣтъ начинать и подумать нельзя, но услышавъ о смерти Государя Императора, пріѣхалъ въ Петербургъ и уже говорилъ наравнѣ съ другими, что такого случая упускать не должно.

Противу сего Пуштинъ объявилъ, что просьбу объ увольненіи въ отпускъ, какъ выше изложено, подалъ онъ прежде, нежели получено въ Москвѣ извѣстіе о болѣзни покойнаго Императора; слѣдовательно онъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ, не имѣя въ виду возможности къ открытію дѣйствій общества.

Сверхъ того по поводу показанія Матвѣя Муравьева-Апостола, поименовавшего разныхъ лицъ Сѣвернаго Общества, раздѣлявшихъ цѣль Южнаго о введеніи въ Россіи Республиканскаго правленія, съ истребленіемъ всей Императорской фамиліи, и не помѣтившаго въ числѣ ихъ Коллежскаго Ассесора Пуштина, былъ спрошенъ онъ, Муравьевъ-Апостоль, не раздѣлялъ ли и Пуштинъ сего преступнаго намѣренія? На что Муравьевъ отвѣчалъ, что Пуштинъ о семъ намѣреніи Южной Думы не зналъ,—ибо выѣхалъ изъ Петербурга прежде пріѣзда сюда Пестеля.

Верховный Уголовный Судъ домогался узнать отъ разныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ декабрьскомъ возмущеніи, какую роль игралъ Пуштинъ въ разныхъ фазахъ подготовленія къ этому возмущенію. По поводу выясненія роли Пуштина въ этомъ дѣлѣ былъ, между прочимъ, допрашиваемъ сослуживецъ Пуштина, Засѣдатель Губернскій Секретарь Кашкинъ (Гос. Арх., № 64). Показанія Кашкина, хотя ничего существеннаго не вносятъ, но интересны по своимъ подробностямъ.

Засѣдатель Губернскій Секретарь Кашкинъ.

Въ 1823 году въ Петербургѣ, гдѣ пробылъ токмо 8 дней, я былъ принятъ въ тайное общество к. Оболенскимъ. Намѣреніе онаго было ограничить власть правительства, но въ семъ не полагалъ я никакой важности, не находя оное исполнительнымъ. Вскорѣ я поѣхалъ въ Москву, гдѣ нѣкоторое время не зналъ никого изъ членовъ общества, догадывался о нѣкоторыхъ, но сколько помню, не былъ съ оними въ сношеніи. Наконецъ, вступя въ службу, сблизился съ Г. Пу-

¹⁾ См. мою брошюру: «Кюхельбекеръ и Пуштинъ въ день 14 декабря 1825 года». Спб., 1901 г., стр. 24—28.

щиннымъ и узналъ его сочленомъ. Въ 1825 году прїѣзжалъ въ Москву кн. Оболенскій, который пригласилъ меня на совѣщаніе общества. Здѣсь нашель я Пущина, Алексѣя Тучкова (служившаго прежде въ свитѣ), полковника Михайла Нарышкина, Павла Калошина, Александра Васильев. Семенова (служилъ въ Гвард. Егерскомъ полку), кн. Константина Оболенскаго (ад. генер. Потемкина), который сей вечеръ токмо былъ принятъ въ общество. Послѣ долгаго разговора положено было обратитъ много строгости въ прїемъ новыхъ членовъ и не иначе тайны сей открывать, какъ людямъ съ образованіемъ¹⁾.

Во время пребыванія кн. Оболенскаго въ Москвѣ онъ еще принялъ въ общество въ моемъ присутствіи Г. Горскина (Совѣтника Московскаго Губ. Правл.). Съ моей стороны участія въ пользу общества я не бралъ никакого. Никого сочленомъ не принялъ, пожертвованія денежнаго не дѣлалъ и по душѣ моей участвовалъ токмо желаніемъ распространитъ просвѣщеніе и усугубленіе въ исполненіи обязанностей каждаго служащаго.—По отъѣздѣ Оболенскаго изъ Москвы я отъ него ничего не слышалъ о времени исполненія его намѣренія. 15-го или 16-го числа декабря Г. Семеновъ, служащій у кн. Голицына, получилъ письмо отъ Пущина, который говорилъ въ ономъ, что уже нѣсколько ночей проводитъ одѣтымъ, что войска вскорѣ выйдутъ на площадь, что будутъ требовать законнаго Государя, а потомъ что удастся.—О письмѣ семъ я не объявлялъ, ибо полагалъ, что извѣщеніе о семъ будетъ поздне, сверхъ сего не знаю, рѣшился ли бы объявить.—Когда Пущинъ поѣхалъ въ Петербургъ, онъ мнѣ далъ Муравьева конституцію, которую просилъ переписать; я далъ ему на сіе обѣщаніе, но вмѣсто сего я ее сжегъ послѣ происшествія. Болѣе теперь ничего показать не могу; если что еще припомню или дополненіе какое окажется нужно,—готовъ со всѣмъ чистосердечіемъ все указать. Губернскій Секретарь Сергій Николаевичъ Кашкинъ.

Генералъ-Адъютантъ Левашевъ.

Далѣе мы встрѣчаемся еще съ слѣдующими показаніями Кашкина:

...3) Въ 1823 г. кн. Оболенскій убѣждалъ меня войти въ члены тайнаго общества. Онъ говорилъ, что, можетъ быть, въ послѣдствіи временъ это общество будетъ имѣть цѣлю ввести въ правленіе какое нибудь законодательное избирательное сословіе, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предварялъ меня, что я долженъ быть въ нѣкоторой подчиненности противъ тѣхъ, кои управляютъ обществомъ, не именуя мнѣ однакоже никого.—Я отвѣчалъ, что страшася и гнушася всякаго крупнаго переворота, я никогда не поставлю себя въ такое положеніе, гдѣ могъ бы быть

¹⁾ Въ то же время единогласно выбранъ былъ презумомъ Московскаго общества Г. Пущинъ, и по отъѣздѣ Оболенскаго собирались въ домъ Горскина однажды. Примѣч. Кашкина.

почтенъ соучастникомъ въ подобныхъ предпріятіяхъ и не вѣрю, чтобы можно было когда нибудь имѣть оныя въ виду. — Такое рѣшительное сопротивленіе съ моей стороны довело насъ почти до ссоры; но я остался непоколебимымъ. Наконецъ Оболенской согласился принять меня на слѣдующихъ условіяхъ: 1) никому не подчиняясь, не зная о прочихъ членахъ; 2) заботиться о распространеніи просвѣщенія, стараться освобождать отъ рабства дворовыхъ людей и быть вообще полезнымъ гражданиномъ. — Вкусъ къ наукамъ политическимъ — есть единственная причина, меня побудившая вступитъ въ это общество; другихъ причинъ я имѣть не могъ, ибо бѣдствіе постигло меня посреди совершеннаго спокойствія и счастья. Молю судей моихъ, чтобы они приняли трудъ удостовѣриться въ истиннѣ моихъ словъ: я знаю что имѣю счастье говорить передъ Судомъ, который не захочетъ отклонить отъ себя всѣ нравственныя убѣжденія, весьма важныя въ подобныхъ случаяхъ, дабы не смѣшивать несчастнаго заблудившагося человѣка съ людьми, питавшими преступныя замыслы. — Осмѣлюсь прибавить, что я чувствую мою вину, но впалъ въ заблужденіе наиболѣе потому, что и прежде существовали подобныя общества, кои не причиняли никакого вреда; при томъ—имѣю причины полагать, что оныя доходили до свѣдѣнія Правительства.—Я же не былъ обязанъ подпискою о не вступленіи въ общества.—Впрочемъ я никого въ оное не принялъ и не пожертвовалъ ни копейки.

4) Никто не говорилъ мнѣ объ исполненіи какихъ либо обширныхъ замысловъ, ни о надеждахъ, ни о пособіяхъ. Равномѣрно не слыхалъ, чтобы важный государственный чиновникъ принадлежалъ къ обществу или принималъ въ немъ прямое участіе. — Здѣсь я долженъ сказать, что всѣ виды Московскаго общества, когда мы разсуждали, выражаются слѣдующимъ: «Внушать молодымъ людямъ желаніе служить въ мѣстахъ судебныхъ; распространять добрыя чувства и понятія, и такую жизнь и примѣромъ съять плоды для потомства». — Вотъ всѣ виды, вотъ всѣ чувства, нами повторяемыя и которымъ я отъ души вѣрилъ. Знаю, что словамъ несчастнаго не всегда вѣрятъ, тѣмъ не менѣе,—это истина.—И виновны ли мы въ томъ, спокойные и мирные ослушники закона, что за 700 верстъ отъ насъ питали ужасныя замыслы?..

6) *Знали ли вы о намѣреніи капитана Якушкина, въ 1817 г., убить покойнаго Государя, о чемъ въ Москвѣ были особенныя совѣщанія между членами общества? Какія причины родили въ Якушкинѣ сіе ужасное покушеніе? Кто ободрялъ сіе покушеніе?*

Я никогда не зналъ капитана Якушкина и не слыхалъ о его преступномъ намѣреніи.

7) *Такимъ же образомъ по случаю новаго, въ 1825 году, покушенія извѣстнаго Якубовича на жизнь покойнаго Государя, въ Москвѣ отби-*

рались мнѣнїя отъ старѣйшихъ членовъ общества. Кто именно раздѣлялъ сіи совѣщанїя и одобрялъ намѣренїе Якубовича?

Никто не отбиралъ моего мнѣнїя на счетъ гнуснаго умысла Г-на Якубовича; но въ концѣ осени 1825 года Пушкинъ сказалъ мнѣ въ разговорѣ: Муравьевъ увѣряетъ, что Якубовичъ хвалится своимъ гнуснымъ намѣренїемъ. На что я отвѣчалъ: Зачѣмъ повторять такія мерзкія рѣчи?—Я думаю, очень трудно давать вѣру слухамъ изъ города въ городъ перешедшимъ, за которые и публика можетъ подлежать отвѣтственности; какъ будто злодѣи рассказываютъ заранѣе о своихъ умыслахъ. Впрочемъ кто не знаетъ, что всякій человѣкъ, если бы считалъ такія рѣчи основательными, то для собственной безопасности бѣжалъ бы въ ту же минуту къ начальству.—Чувствую, что вѣтренность—пагубна, особливо когда упоминаютъ имя обожаемаго нами Монарха. Глубоко чувствую и раскаиваюсь, со слезами прошу судей моихъ, дабы помыслили, что раскаяніе есть шагъ, ведущій насъ къ примиренію съ Небомъ. Неужели здѣсь чистосердечное признаніе послужитъ мнѣ въ пагубу?—Я молодъ и моими заслугами могу надѣяться загладить вину молодости.

9) *Объ Южномъ обществѣ я слышалъ въ 1825 году отъ Оболенскаго, что имъ руководствуютъ Г. Пестель и, если не ошибаюсь, генералъ Юшневской (последнее имя мнѣ неизвѣстно, боюсь, что не такъ его запомнилъ). Оболенской говорилъ въ то же время, что иностранныя общества даютъ намъ руку. Я и теперь думаю, что эти слова были сказаны съ тѣмъ, чтобы придать важность обществу въ глазахъ нашихъ.—О способѣ сношеній я ничего не слыхалъ.*

10) *Объясните чистосердечно, кому вы передали Конституцію, полученную вами отъ Пушкина, ибо Комитетъ имѣетъ въ виду доказательство, показывающія неосновательность перваго показанія вашего, будто бы она сожжена?*

Конституцію, мною полученную отъ Пушкина, о которой онъ мнѣ сказывалъ, что она писана рукою самого Муравьева, я самъ сжегъ въ Москвѣ въ моемъ каминѣ, и даю въ томъ честное слово, ибо совершенно сіе помню и никто не можетъ доказать противнаго. Скажу еще, что я ее не читалъ, не имѣя времени и почитая это вздорнымъ упражненїемъ.

11) *Въ чемъ именно состояли преступныя мысли Оболенскаго, кои сообщили онъ вамъ въ 1823 году, въ конхъ видѣли вы одно ужаснѣйшее безумїе и шушались ими въ душѣ своей?*

Преступная мысль, слышанная мною отъ Оболенскаго въ 1823 г., состояла въ томъ: Почему, говорилъ онъ, не овладѣть расположенїемъ войска, воспользуясь какимъ нибудь случаемъ, и не требовать отъ нашего правительства введенія какого нибудь законодательнаго избирательнаго сословія?

12) Г-нъ Семеновъ не показывалъ мнѣ письма Г-на Пущина, но говорилъ о содержаніи 16-го декабря по вечеру, между тѣмъ какъ я поутру бывъ на Дворянскихъ выборахъ, слышалъ объ ужасномъ происшествіи. Онъ говорилъ въ домѣ совѣтника Гражданской Палаты, г-на Зубкова, въ присутствіи хозяина.—Осмѣлюсь просить покорнѣйше, чтобы мои слова не навлекли неприятели г. Зубкову, о которомъ, зная его весьма коротко, я совершенно убѣжденъ, что онъ никогда къ обществу не принадлежалъ. При томъ же онъ одержимъ болѣзнію.

13) Здѣсь могу только повторить, что я былъ во тѣмъ,—рѣдко думалъ, а еще рѣже слышалъ объ обществѣ, которое я въ несчастномъ заблужденіи считалъ токмо вздорнымъ и пустымъ.

Губернскій Секретарь Сергѣй Кашкинъ.

Да позволено мнѣ будетъ къ прежнему показанію прибавить два слова, которыя я надѣялся имѣть счастье лично объяснить передъ Судомъ, полагая всякій день, что буду вызванъ передъ Судъ, какъ и былъ о томъ предваренъ.—Я показалъ, что слышалъ отъ Г. Пущина слова о гнусномъ умыслѣ Якубовича—слова столь легко сказанныя и по несчастію столь необдуманно мною принятыя.—Я совершенно припомнилъ, что онъ мнѣ говорилъ 29-го ноября, въ воскресенье по утру, у меня въ комнатѣ, въ то время, когда мы были поражены несчастнымъ извѣстіемъ о кончинѣ покойнаго Государя Императора,— и потому моя пагубная необдуманность можетъ показаться нѣсколько извинительнѣе.—Со слезами отчаянія молю, дабы мнѣ позволили на очной ставкѣ съ Г-мъ Пущинимъ доказать истину моихъ словъ несомнѣнно, ибо я никогда и ни въ какомъ случаѣ не могу быть почитаемъ, какъ знавшій объ ужасномъ умыслѣ, отъ котораго душа приходитъ въ содроганье.—Осмѣлюсь сказать, что я не подалъ причины сомнѣваться въ совершенной искренности моихъ показаній.

Губернскій Секретарь Сергій Николаевичъ сынъ Кашкинъ.

Важность предмета послужить мнѣ извиненіемъ предъ милосердымъ Судомъ, если въ послѣдній разъ приношу себѣ въ защиту нѣсколько словъ, которыя надѣялся имѣть честь лично объяснить. Я показалъ, что слышалъ отъ Г. Пущина въ концѣ осени, 29 ноября о гнусныхъ словахъ Якубовича.—Въ сіе время Москва знала о несчастномъ случаѣ кончины Государя Императора.—Всѣ мои слова я надѣюсь несомнѣнно доказать передъ судомъ.—Въ первомъ показаніи я не поставилъ числа, когда оное слышалъ;—боюсь, чтобы я такимъ упущеніемъ не повредилъ самому себѣ.—Страшась недоразумѣнія отъ моего неполнаго объясненія, я осмѣлился вновь обратить на себя вниманіе:—Участь человѣка можетъ ли зависѣть отъ случайностей въ объясненіяхъ?—Чувство совершенной невинности

противъ священной особы Государя Императора меня подкрѣпляетъ, и я твердо уповаю на внимательное изслѣдованіе моихъ словъ. Изъ того, что я имѣлъ безуміе утѣшаться названіемъ члена общества—еще нельзя заключить обо мнѣ, что я злой преступникъ. Тюрьма свидѣтель, что я горько оплакалъ мое заблужденіе. Впрочемъ противъ меня не было уликъ, и я самъ о себѣ добровольно рассказываю;—кажется, это поведеніе не показываетъ злоумышленнаго человѣка.—Господь да внушитъ состраданіе къ несчастному!—Губернскій Секретарь Сергій Николаевъ сынъ Кашкинъ.

Съ своей стороны Пущинъ и Горскинъ дали слѣдующія показанія о Кашкинѣ:
К. А. (9) Пущинъ: ...Членъ общества. (36, стр. 12, на оборотѣ).

Горскинъ: ...Пріѣхали къ нему нѣсколько членовъ общества въ томъ числѣ и Кашкинъ. Пущинъ сказалъ, что они пріѣхали къ нему узнать, будетъ ли онъ согласенъ отпустить всѣхъ дворовыхъ людей на волю. Онъ былъ согласенъ. Начали толковать, какъ положить срокъ;—всѣ условились и положили пять лѣтъ сроку. (182, стр. 7).

Кромѣ Кашкина, были привлечены къ показаніямъ относительно участія Пущина въ заговорѣ декабристовъ еще нѣкоторые другія лица, какъ, напримѣръ, Зыковъ, Ѡ. Глинка, М. Орловъ, Голицынъ и Пыхачевъ.

Отставной гвардіи штабсъ-капитанъ Дмитрій Зыковъ показалъ слѣдующее (Госуд. Арх., I, декабр., 74):

Я о тайномъ обществѣ совершенно не зналъ и ни отъ кого предложенія на сей счетъ не получалъ.—Служа въ Преображенскомъ полку, откуда вышелъ въ отставку токмо два года, я короткое знакомство имѣлъ со всѣми моими товарищами. Зналъ Оболенскаго и Пущина въ Москвѣ, отъ коихъ объ обществѣ совершенно ничего не слыхалъ. Буде есть на меня показаніе, то прошу очной ставки съ моими обвинителями, тѣмъ надѣюсь оправдаться.—Гвардіи Штабсъ-Капитанъ Дмитрій Зыковъ.

Генералъ-Адъютантъ Левашевъ.

По поводу этого показанія Зыкову былъ поставленъ слѣдующій вопросъ:

Объясните, съ какимъ намѣреніемъ имѣли вы у себя найденные въ числѣ бумагъ вашихъ стихи, подъ заглавіемъ: «Чувства русскаго», начинающіеся такъ:

Когда увидимъ мы свободу золотую,

Друзья, въ отечествѣ своемъ?

далѣе:

Россіи долго быть подъ скипетромъ желѣзнымъ

И долго тяжкія оковы ей влачить... и пр.

Равнымъ образомъ скажите, кто именно сочинитель сихъ стиховъ?

Ген.-Ад. Бенкендорфъ.

На этотъ вопросъ Зыковъ отвѣтилъ:

Стихи сіи были выписаны мною изъ рукописнаго собранія сочиненій Л. Пушкина, если я не ошибаюсь, лѣтъ семь или восемь тому назадъ. Бывъ девятнадцатилѣтнимъ юношею, или лучше сказать, ребенкомъ, я увлекался примѣромъ, восхищался тѣмъ, чѣмъ другіе восхищались, желалъ знать, что всѣ знаютъ, и переписывалъ стихи Пушкина, которые мнѣ попадались единственно изъ подражанія и безъ всякаго дурнаго намѣренія.

Отставной гвардіи штабсъ-капитанъ Дмитрій Петровъ сынъ Зыковъ.
Ген.-Ад. Бенкендорфъ.

По поводу показаній Зыкова 1826 года, марта 27 дня, отъ Присутствія Высочайше Учрежденнаго Комитета о злоумышленномъ обществѣ Коллежскому Ассесору Пушину былъ предложенъ дополнительный вопросный пунктъ:

Комитетъ требуетъ вашего показанія, былъ ли вашимъ сочленомъ отставной Л.-Гв. Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ Зыковъ, когда и кѣмъ былъ принятъ, съ кѣмъ изъ членовъ былъ въ сношеніи, какое принималъ участіе въ намѣреніяхъ общества и содѣйствовалъ ли къ исполненію оныхъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросный пунктъ Пушкинъ писалъ:

По требованію Комитета симъ честь имѣю отвѣтствовать, что Г. Зыковъ, сколько я слышалъ, къ обществу принадлежалъ; но кѣмъ онъ принятъ, съ кѣмъ былъ въ сношеніяхъ и какое принималъ участіе, — мнѣ неизвѣстно; я мало съ нимъ знакомъ.

Къ сему показанію Коллежскій Ассесоръ Пушкинъ руку приложилъ. Ген.-Ад. Бенкендорфъ.

По поводу привлеченія къ слѣдствію о дѣлѣ декабристовъ Полковника Ѳедора Глинка (Госуд. Арх., I, декабр., 82) Высочайше учрежденный Комитетъ требовалъ отъ штабсъ-капитана Александра Бестужева, капитанъ-лейтенанта Николая Бестужева и Коллежскаго Ассесора Пушина отвѣтовъ о нижеслѣдующемъ:

Кѣмъ и когда полковникъ Ѳедоръ Глинка извѣщенъ предварительно о предпріятіи 14-го декабря и какое подалъ по сему мнѣніе? Генералъ-Ад. Бенкендорфъ.

Пушинъ далъ такой отвѣтъ:

По требованію Комитета симъ честь имѣю отвѣтствовать, что мнѣ не извѣстно, кѣмъ и когда полковникъ Глинка извѣщенъ былъ о предпріятіи 14-го декабря. Я видалъ передъ тѣмъ его у Рылѣва; но разговора при мнѣ съ нимъ о намѣреніи нашемъ не было, и я никакого мнѣнія его на сей счетъ не слышалъ. — Къ сему отвѣту Коллежскій Ассесоръ Иванъ Пушкинъ руку приложилъ. Ген.-Ад. Бенкендорфъ.

1826 года, 15 февраля, въ Присутствіи Высочайше Учрежденнаго Комитета полковникъ Ѳедоръ Глинка былъ спрашиваемъ о нижеслѣдующемъ:

1) Когда, гдѣ и къмъ именно вы были приняты въ тайное общество, подъ именемъ Союза Благоденствія существовавшее? Что побудило васъ вступить въ оное, и кто были всѣ извѣстные вамъ члены его?

На этотъ вопросъ Глинка отвѣтилъ:

Въ 1816 году, вступя въ Массонскую Ложу, названную Ложею избраннаго Михаила (въ честь и память избранія родоначальника Романовыхъ), я познакомился тамъ съ Г. Новиковымъ. По званію масона былъ я тогда въ степени ученика и не зналъ еще, въ чемъ состояла дѣятельность сего ордена. Г-нъ Новиковъ, бывшій выше меня степени, говорилъ мнѣ, что въ масонствѣ только *теоріи*, а что есть *другое общество* избранныхъ молодыхъ людей, которые положили, образуя себя, дѣйствовать въ своихъ кругахъ по своимъ силамъ и возможностямъ на улучшеніе всѣхъ отраслей наукъ, художествъ, даже ремеслъ, и упражняться въ *практической благотворительности*, дѣлая сборы для бѣдныхъ, опредѣляя сиротъ въ училища, а безмѣстнымъ—прискивая пристанища.— Сіе общество, какъ мнѣ сказано, называлось *благотворительнымъ*, или обществомъ *благотворенія и наукъ*: его называли тѣмъ и другимъ именемъ.

Въ дѣлѣ о Генераль-Маіорѣ Михаилѣ Орловѣ (Государ. Арх., I, декабр., 83) находится нѣсколько указаній на Пущина ¹⁾. Пущинъ 12 декабря написалъ къ Семенову письмо, въ которомъ была фраза: «Покажите сіе письмо Михайлу Орлову». Хотя это письмо было привезено Фонъ-Визинымъ Генералу Орлову и имъ сожжено, однако оно послужило для Высочайше учрежденнаго Комитета поводомъ потребовать отъ Орлова разъясненій какъ по содержанію его, такъ и по поводу его отношеній къ Пущину. Орловъ даетъ по этому поводу слѣдующія объясненія:

17 декабря, въ собраніи Дворянства, извѣсно было, что Его Императорское Величество Николай Павловичъ вступилъ на престолъ. Говорили также о возмущеніи, о смерти Генерала Милорадовича и потушеніи бунта. Я все это узналъ за обѣдомъ у графини Орловой, гдѣ я жилъ. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ сіи извѣстія подтвердились пріѣздомъ генераль-адъютанта Комаровскаго, и я тогда же сказалъ Графинѣ и женѣ: «Вы увидите, что тутъ замѣшаны кто-нибудь изъ моихъ старыхъ знакомыхъ, и я отъ сего пострадаю». — Я отгадалъ: вечеромъ пріѣхалъ Михайлъ Фонъ-Визинъ и показалъ письмо отъ 12 декабря, писанное на имя мнѣ неизвѣстное, кажется безъ подписи, но которое

¹⁾ Объ участіи Михаила Ѳедоровича Орлова въ тайныхъ обществахъ см. записку его сына въ «Русск. Стар.» 1872 г., т. V, стр. 776—779.

я приписываю Пушину. — Я его едва пробѣжать и сжегъ собственными руками. Разговору не было почти никакого и мы разстались.

Хотя Орловъ, какъ выше сказано, сжегъ это письмо, но Комитетъ потребовалъ отъ него припомнить содержаніе письма, и вотъ какія объясненія далъ Орловъ на запросъ Комитета:

Содержаніе письма, сколько помню, есть слѣдующее. Въ началѣ:

Когда Вы получите сіе письмо все будетъ рѣшено.

Изъ сего я заключаю, что уже 12 числа они были готовы къ дѣйствію и болѣе извѣщали о томъ, что предпринимаютъ, чѣмъ просили содѣйствія.

Мы всякой день вмѣстѣ у Трубецкого (или съ Трубецкимъ, не помню) и много работаемъ.

Тутъ опредѣлено мѣсто, гдѣ было ихъ сходбище. Что же касается до работъ, то кажется въ письмѣ не сказано. Должно полагать, что они сочиняли или конституцію или манифестъ, или что нибудь тому подобное.

Насъ здѣсь 60 членовъ. Вотъ число бунтовщиковъ, ими самими опредѣленное до 12-го Декабря. Это число 60 я какъ будто вижу и теперь собственными глазами.

Мы утѣрены въ 1000 солдатъ, коимъ внушено, что присяга, данная Императору Константину Павловичу, свято должна наблюдаться.

За слова не ручаюсь; но смыслъ точно тотъ. Сіе доказываетъ, что солдаты были жертвою простого обольщенія для произведенія мятежа, коимъ можно бы было воспользоваться для дальнѣйшихъ предпріятій. Тутъ удивительно только то, какъ они могли рѣшиться съ такими скудными средствами; но слѣдующій параграфъ рѣшить сію задачу.

Случай удобенъ; ѣжели мы ничего не предприимемъ, то заслуживаемъ во всей силѣ имя подлецовъ.

Слѣдственно вотъ и побудительная причина. Они такъ себя, другъ друга настроили и взволновали, что воздержаться отъ преступленія имъ казалось почти преступленіемъ.

Во всемъ этомъ я не вижу, чтобъ бунтовщики были кѣмъ нибудь поддержаны, кромѣ собственныхъ своихъ страстей, разъяренныхъ до сумасшествія. Но чтобъ доказать, что я говорю правду и ничего изъ того, что письмо содержало и что помню, не утаиваю,—прибавлю, что при окончаніи было сказано.

Покажите сіе письмо Михайлу Орлову.

Я чувствую, что сіи слова навлекаютъ на меня сильное подозрѣніе, но я ихъ нарочно помѣщаю, чтобъ они служили залогомъ искренности моей. Не щадя себя, кого буду щадить?

18 декабря присягали Его Императорскому Величеству Государю Николаю Павловичу. Истина уже всеѣмъ была извѣстна.

19 или 20-го по утру вдругъ явился ко мнѣ Гипполитъ Муравьевъ и сказалъ, что онъ привозилъ письмо отъ Трубецкаго, въ которомъ онъ приглашалъ меня въ Петербургъ, но письмо имъ разорвано и сожжено.

Я чувствую, что сіе письмо Трубецкаго есть самая та причина, по которой я получилъ повелѣніе пріѣхать въ Петербургъ и отдать отчетъ въ моемъ поведеніи, и что сопряженное съ тѣмъ письмомъ Пущина, о которомъ я самъ донесъ и на существованіе котораго не было никакихъ доказательствъ, мое обвиненіе пріемлетъ еще вящую важность. Такъ я былъ приглашаемъ однимъ членомъ об-ва къ пріѣзду, а другой препоручилъ меня извѣстить о томъ, что должно прозойти. Но что это доказываетъ? Мою виновность или ихъ заблужденіе?

Во-первыхъ. Въ письмѣ Пущина сказано: *Покажи Орлову.* Но этотъ самый Пущинъ, препоручающій меня извѣстить, былъ ли у меня при отъѣздѣ? Говорилъ ли со мною? Даль ли я ему или препорученіе или совѣтъ? Почему онъ знаетъ образъ моихъ мыслей? Какую могу я ему принести пользу? На что онъ считалъ? На содѣйствіе мое въ Москвѣ, но какія тамъ были у меня средства? На прибытіе мое въ Петербургъ, но онъ самъ сего не требуетъ? Сіи строки тѣмъ болѣе должны были меня удивить, что я и понятія о Пущинѣ никакого не имѣлъ, что я его никогда не видѣлъ, никогда съ нимъ не говорилъ.

Во-вторыхъ. Письмо отъ 12 декабря и тамъ сказано, что они готовы къ дѣйствію и что 1000 солдатъ обольщены. Слѣдственно и само дѣйствіе началось гораздо прежде. Зачѣмъ же, ежели я членъ ихъ союза и сотрудникъ въ преступленіяхъ, зачѣмъ прежде меня ни о чемъ не извѣстили? Зачѣмъ не извѣстили меня ни о цѣли, ни о средствахъ? а только приглашаютъ къ одному исполненію. Заговоръ дѣлается, солдаты обольщаются, члены сочиняютъ манифесты, раздають заблаговременно мѣста и почести, соображаютъ обстоятельства, назначаютъ жертвы, а мнѣ не даютъ ни малѣйшаго извѣстія. Отчего, ежели я дѣйствительно членъ ихъ общества, отчего я не получалъ ни малѣйшаго извѣстія отъ 27 ноября до 12-го декабря?

Въ-третьихъ. Но письмо Трубецкаго?—Тотъ же самый отвѣтъ, что и на письмо Пущина, съ тѣмъ только прибавленіемъ, что Трубецкой зналъ меня и мои правила и слѣдственно не отъ невѣдѣнія, но отъ умысленности хотѣлъ меня погубить. Одно изъ двухъ: или письма были писаны наобумъ, то-есть: пріѣдетъ—хорошо; не пріѣдетъ—и безъ него обойдемся; или съ намѣреніемъ мнѣ отмстить за то, что въ теченіе четырехъ лѣтъ я совершенно отъ нихъ отдалился. Пусть прикажутъ спросить Свистунова, какимъ онъ былъ подверженъ угрозамъ 13-го декабря, въ тотъ же день, какъ и мнѣ послано письмо Трубецкаго.—Я сіе обстоятельство случайно узналъ, будучи уже подъ арестомъ, отъ Московскаго Оберъ-Полицеймейстера.

Другого разрѣшенія сей несчастной для меня задачи дать не могу и признаюсь, что сіе обстоятельство крѣпко бы меня огорчило и сокрушило бы сердце

мое, ежелибъ я не вспомнилъ, что когда явился къ Его Императорскому Величеству, послѣднее письмо было уже извѣстно Государю и не возбранило Ему принять меня Отцемъ болѣе, чѣмъ судьей.

По поводу показаній Генераль-Маіора Орлова были затребованы объясненія у Пущина, фонъ-Визина и Штейнгеля, которые и сообщили:

Пуцинъ. Что слышалъ отъ Муханова, что Орловъ принадлежитъ къ обществу.

Генераль-Маіоръ фонъ-Визинъ. — Что передано имъ Орлову письмо, писанное Пуцинымъ къ Семенову, отъ 11 декабря, заключающее принятое намѣреніе обществомъ воспользоваться случаемъ и не присягать для исполненія своей цѣли. Письмо сіе Орловымъ сожжено.

Штейнмелъ. — Что Пуцинъ и Семеновъ сказывали ему, что Орловъ принадлежитъ къ ихъ тайнѣ и раздѣляетъ ихъ намѣренія.

21 февраля 1826 года Высочайше учрежденный Комитетъ по поводу ареста поручика лейбъ-гвард. Коннаго полка князя Голицына (Государ. Арх., I, декабр., 208) потребовалъ показаній у многихъ декабристовъ (кн. Трубецкого, Рылѣва, кн. Оболенскаго, Бестужева, Нарышкина, Коновницына, Митькова, Свистунова и И. И. Пущина), предложивъ имъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

Не принадлежалъ ли къ числу членовъ Тайнаго общества Конной гвардіи поручикъ князь Голицынъ? Если точно принадлежалъ, то когда и къ кому принятъ, когда и у кого бывалъ на совѣщаніяхъ, что именно было открыто ему и въ чемъ заключались его дѣйствія?

И. И. Пуцинъ прислалъ Комитету отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

По требованію Комитета симъ честь имѣю отвѣтствовать, что сколько мнѣ извѣстно, князь Голицынъ къ обществу не принадлежалъ, и я съ нимъ нигдѣ не встрѣчался. — Къ сему отвѣту Коллежскій Ассесоръ Пуцинъ руку приложилъ.

По мѣрѣ арестовъ участниковъ 14 декабря возникали все новые и новые вопросы Высочайше учрежденнаго Комитета къ тѣмъ декабристамъ, которые уже были арестованы. Такъ, напримѣръ, при арестѣ поручика лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Львова (Государ. Арх., I, декабр., 196) Комитетъ 30 января 1826 г. сдѣлалъ запросъ цѣлому ряду лицъ, какъ-то: Бестужеву, Трубецкому, Коллежскому Ассесору Пущину, кн. Одоевскому, Рылѣву и 2 февраля — Кожевникову:

1) Когда и къ кому были приняты въ члены Тайнаго общества старшій адъютантъ гвардейскаго штаба штабсъ-капитанъ Кутузовъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручикъ Львовъ, конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ Назимовъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикъ Шереметьевъ и лейбъ-гвардіи Павловскаго полка поручикъ князь Константинъ Оболенскій 2-й?

2) Было ли сообщено имъ о цѣли и намѣреніяхъ общества, чрезъ кого именно и какое принимали въ томъ участіе?

3) Были ли они предварены о намѣреніяхъ общества произвестъ извѣстное неустройство 14-го декабря? Когда и къмъ предварены? Были ли у кого либо на совѣщаніяхъ и какое обѣщались и оказывали въ томъ дѣйствіе?

Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ.

Мы пропускаемъ показанія Александра Бестужева, князя Трубецкого и князя Одоевскаго и остановимся здѣсь только на показаніяхъ Ивана Пущина. Вотъ что сообщаетъ Пущинъ на запросъ Комитета:

По требованію Комитета симъ честь имѣю отвѣтствовать слѣдующее:

1) О принадлежности къ обществу Кутузова, Львова, Шереметьева я извѣщенъ не былъ, и потому мнѣ неизвѣстно, къмъ и когда они въ оное приняты, Назимовъ же принять былъ, сколько мнѣ извѣстно, Нарышкинымъ въ 1823 году, а князь Оболенскій 2-й, не знаю когда, братомъ его, Евгеніемъ.

2) О цѣли и намѣреніяхъ общества вѣроятно было имъ сообщено принявшими ихъ:— мнѣ совершенно неизвѣстно о принимаемомъ въ томъ Назимовымъ участіи; князь же Оболенскій 2-й, находясь временно въ Москвѣ, былъ тамъ со мною въ сношеніяхъ, я забылъ упомянуть объ немъ въ числѣ членовъ Практическаго союза.

3) Никого изъ поименованныхъ въ вопросномъ пунктѣ лицъ ни при совѣщаніяхъ о происшествіи 14 декабря, ни при самомъ происшествіи я не видалъ. Извѣстные же мнѣ Назимовъ и Оболенской 2-й предварены о семъ не были.—Къ сему показанію Коллежскій Ассесоръ Иванъ Пущинъ руку приложилъ.

Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ.

Въ дѣлѣ Государственнаго Архива (I, декабр., 93) о капитанѣ Пыхачевѣ и поручикѣ конно-артиллерійской № 5 роты Нащокинѣ нѣтъ указаній на дѣятельность Пущина, которая была бы имъ извѣстна, но зато мы находимъ въ показаніи капитана Пыхачева предположенія, конечно, ни на чемъ не основанныя, что поэты Пушкинъ и Дельвигъ принадлежали къ Тайному обществу.

«Капитанъ Пыхачевъ показывалъ, что судя по перевозносимымъ Бестужевымъ стихамъ, кои раздавалъ онъ всякому и называлъ сочиненіями Пушкина и Дельвига, должно полагать, что лица сіи принадлежатъ къ тайному обществу, но Бестужевъ-Рюминъ на сіе отвѣчалъ, что большую часть вольнодумческихъ сочиненій Пушкина, Вяземскаго, Дельвига и Давыдова нашель онъ, Бестужевъ, у самого Пыхачева еще прежде принятія его въ общество.

«Пыхачевъ отъ сего отрекся, говоря, что кромѣ однихъ стиховъ, начинаю-

щихся: «У васъ Нева, у насъ Москва» — у него никакнхъ не было, что подтвердилъ и на очной ставкѣ¹⁾).

«Бестужевъ же остался при своемъ показаніи .

Высочайше Учрежденный Комитетъ старался разслѣдовать вопросъ о существованіи Тайнаго общества въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ и объ участіи въ этомъ обществѣ самого Ермолова; по поводу существованія этого мнимаго Тайнаго общества на Кавказѣ Комитетомъ были предложены Пушину вопросные пункты 8 января 1826 г. (Госуд. Арх., I, 6):

1) Комитетъ, имѣя прямое показаніе, какъ о существованіи въ корпусѣ генерала Ермолова тайнаго общества, такъ и о томъ, что членъ онаго, капитанъ Якубовичъ сообщилъ здѣсь сочленамъ своимъ о намѣреніи общества отдѣлится отъ Россіи край, ввѣренный генералу Ермолову, и симъ послѣднимъ начать новую династію, требуетъ вашего показанія: съ какого времени существуетъ сіе общество? кѣмъ основано? въ чемъ именно состоитъ цѣль онаго? Когда и какими средствами положено было на мѣрѣ (?) начать открытыя дѣйствія? Кто составляетъ думу и кто члены? Черезъ кого и какія сношенія были сего общества съ здѣшнимъ и прочими таковыми же?

2) По показанію полковника Пестеля, въ числѣ первыхъ мѣръ открытаго дѣйствія обществъ положено было — всю царствующую фамилію увести въ чужіе края. Мысль сія была принята въ надеждѣ на здѣшній флотъ, съ чиновниками коего Рылѣевъ былъ въ особомъ на сей счетъ сношеніи. — Съ кѣмъ именно происходили сіи сношенія и на чемъ основаны были надежды общества на согласныя съ произволомъ онаго дѣйствія здѣшняго флота?

На эти вопросы Пушинъ даетъ слѣдующій отвѣтъ:

На вышеозначенные вопросные пункты честь имѣю отвѣтствовать:

1) О существованіи тайнаго общества въ корпусѣ, ввѣренномъ генералу Ермолову, я до сего времени никакого свѣдѣнія не имѣлъ, слѣдовательно и намѣренія, цѣль и средства онаго не могли быть мнѣ извѣстны. Съ капитаномъ Якубовичемъ я видался въ Москвѣ во время нахождения его тамъ проѣздомъ изъ Тифлиса въ С.-Петербургъ, но никакихъ тайныхъ по обществу сношеній съ нимъ не имѣлъ и уже въ нынѣшній мой пріѣздъ сюда узналъ, что онъ принятъ въ наше общество. Въ справедливости словъ моихъ ссылаюсь на самаго Господина Якубовича.

2) Рылѣевъ, будучи принятъ мною въ члены общества, объявилъ мнѣ, что онъ надѣется черезъ Николая Бестужева пріобрѣсти нѣсколько членовъ во флотъ и мы въ соображеніяхъ нашихъ находили, что сіе будетъ тѣмъ полезно, что во

¹⁾ Очная ставка находится въ дѣлѣ Бестужева-Рюмина (листъ 157).

время дѣйствія, которое опредѣлено не было, лишить возможности Царствующую фамилию уѣхать за границу и искать помощи чужестранныхъ государствъ. Вотъ вся надежда, которую я имѣлъ на флотъ и не знаю, съ кѣмъ изъ чиновниковъ онаго Рылѣевъ ветупилъ въ сношенія по отъѣздѣ моемъ въ Москву; ибо въ нынѣшній пріѣздъ мой о семъ обстоятельстве и упоминаемо не было. Относительно же показаннаго полковникомъ Пестелемъ дѣйствія обществъ я предваренъ не былъ и самого его никогда не видалъ, а слышалъ только лестный отзывъ о его дарованіяхъ; что заставляло меня думать, что онъ принадлежитъ обществу.

9 генваря.—Къ симъ отвѣтамъ Коллежскій Ассесоръ Иванъ Ивановъ сынъ Пущинъ руку приложилъ.

Точно также Высочайше Учрежденный Комитетъ желалъ получить отъ главныхъ декабристовъ, и въ томъ числѣ въ особенности отъ Пушина, свѣдѣнія о существованіи тайныхъ обществъ внутри Россіи, о развѣтвленіяхъ въ Симбирской, Пензенской, Казанской и др. губерніяхъ. (Госуд. Арх., 1, 7).

Высочайше Учрежденный Комитетъ 10-го января 1826 года обратился къ Коллежскому Ассесору Пущину съ вопросомъ—кто члены думъ и управъ тайнаго общества внутри государства, какъ то: въ Симбирскѣ, въ Пензѣ, въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ?—На это Пущинъ отвѣтилъ:

Мнѣ совершенно неизвѣстны отрасли общества, находящіяся внутри государства; и потому кромѣ поименованныхъ мною членовъ въ прежнихъ показаніяхъ, съ которыми я былъ въ сношеніяхъ, никого больше не знаю.

Къ сему показанію Коллежскій Ассесоръ Иванъ Ивановъ сынъ Пущинъ руку приложилъ.

Съ такимъ же вопросомъ Комитетъ 10 января 1826 года обратился къ Александру Бестужеву, Рылѣеву и кн. Евгенію Оболенскому. Въ ихъ отвѣтахъ обрисовывается роль Пушина въ тайномъ обществѣ и его дѣятельность въ Москвѣ.

Л.-Гвардіи Драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ показалъ:

Кромѣ Ивана Пушина, который былъ членомъ нашей верхней Думы въ Москвѣ, — я никого не знаю и не слыхалъ. При томъ же мы не полагали за нужное имѣть членовъ, которые не могли бы дѣйствовать вдругъ въ необходимое время, и какъ центромъ дѣйствія полагался Петербургъ, то мы здѣсь только и сосредоточивались, не обременяя себя людьми, которые бы могли безъ пользы обществу ввести его въ опасность быть открыту. Во всякомъ случаѣ, если оныя и были, то я о нихъ никакого не имѣю свѣдѣнія, ибо списковъ не существовало.

Штабсъ-Капитанъ Александръ Бестужевъ.

Отставной подпоручикъ Рылѣвъ показалъ:

Кто члены думъ и управъ тайнаго общества въ Симбирскѣ, въ Пензѣ, въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ мнѣ совершенно неизвѣстно и о существованіи тайнаго общества въ упомянутыхъ городахъ никогда ни отъ кого не слышалъ.

Подпоручикъ Кондратій Рылѣвъ.

Поручикъ князь Оболенскій показалъ:

Кромѣ Сѣверной Думы, я другихъ внутри государства думъ никакихъ не знаю и о существованіи оныхъ не слыхалъ, — кромѣ Управы въ Москвѣ установленной подъ предѣдательствомъ Пушина, а другихъ управъ внутри государства установленныхъ не знаю; ибо управы сіи если оныя существуютъ, то никакихъ сношеній съ нами не имѣли, ни письменныхъ, ни словесныхъ; изъ числа же членовъ бывшихъ въ прежнемъ обществѣ и даже въ послѣднемъ, кои вышли въ отставку или поселились въ губерніяхъ, можетъ быть нѣкоторые и составили свои управы, но мы имъ (сколько мнѣ извѣстно съ того времени, какъ я былъ избранъ членомъ Думы) полномочія къ принятію новыхъ членовъ не давали, а притомъ, сколько мнѣ извѣстно, изъ членовъ новаго общества въ губерніяхъ никто не поселился, исключая г. Москвы, члены коего мною были уже прежде показаны.

Князь Евгеній Оболенскій.

Въ дѣлѣ о Пушинѣ находится резюме за № 14 ¹⁾, въ которомъ разбирается вся дѣятельность Пушина по заговору декабристовъ. Кѣмъ оно составлено, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, но оно тѣмъ не менѣе весьма интересно. Мы позволяемъ себѣ привести его полностью.

О Коллежскомъ Ассесорѣ Пушинѣ.

Пушинъ сознался, что въ 1821 году принять въ тайное общество, въ которое вступилъ съ надеждою имѣть, въ совокупности съ другими, вліяніе на перемѣну Правительства въ Россіи.

Будучи на службѣ въ Гвардейской Конной Артиллеріи, въ маѣ того же года выступилъ въ походъ, а по возвращеніи въ 1822 году находился съ командою внѣ С.-Петербурга, почему во все сіе время по обществу не дѣйствовалъ и въ сношеніи съ членами былъ весьма рѣдко.

Въ 1823 году опредѣлился въ С.-Петербургскую Уголовную Палату, гдѣ узналъ Рылѣва и принялъ его въ члены. — Вскорѣ было у него совѣщаніе общества, гдѣ прочитаны новыя правила онаго и учреждена для завѣдыванія дѣйствіями подвѣдомственныхъ членовъ Дума, въ которую избраны: онъ, Пушинъ, Никита

¹⁾ На подлинникѣ находится отмѣтка: «Читана 4 іюня 1826 года».

Муравьевъ и князь Трубецкой. Въ 1824 году слышалъ отъ Матвѣя Муравьева-Апостола о цѣли Южнаго общества: ввести въ Россіи Республиканское Правленіе, но на принятіе онаго не соглашался, основываясь на томъ мнѣніи, что Россія должна быть управляема ограниченою Монархіею, и что общество должно, по произведеніи переворота предоставить народнымъ депутатамъ назначить тотъ образъ правленія, который общимъ мнѣніемъ признается полезнѣйшимъ и благодѣтельнѣйшимъ для всѣхъ. О намѣреніи Южнаго Общества покуситься на жизнь покойнаго Государя въ 1823 году, во время бытности Его Величества на маневрахъ во 2-ой арміи, слышалъ отъ него жъ, Матвѣя Муравьева, въ 1824 году. Въ томъ же году отправился онъ въ Москву, получивъ мѣсто судьи Надворнаго Суда. Тамъ слышалъ онъ отъ Никиты Муравьева, что Якубовичъ имѣлъ намѣреніе покуситься на жизнь покойнаго Государя на Петергофскомъ праздникѣ, но что отъ исполненія сего намѣренія отклонили его, уговоривъ отложить оное хотя на годъ. По сему Пущинъ, при отправленіи Нарышкина по своимъ дѣламъ на югъ, поручилъ ему дать знать о семъ Южнымъ членамъ и спросить ихъ мнѣнія, должно ли допустить Якубовича къ сему дѣйствию или принять мѣры къ воспрепятствованію исполнить оное.

Въ началѣ 1825 года изъ находившихся въ Москвѣ его знакомыхъ, которые принадлежали къ обществу, составилъ было управу, но замѣчая недѣятельность членовъ и неоднократныя убѣжденія въ невозможности достигнуть предположенной цѣли, дабы хотя нѣсколько содѣйствовать обществу, учредилъ изъ нихъ *Союзъ*, подъ названіемъ *Практическаго*. Цѣлю онаго было: личное освобожденіе дворовыхъ людей и крестьянъ въ теченіе пяти лѣтъ; при чемъ каждый членъ обязывался, подавъ собою примѣръ, склонять къ тому и другихъ своихъ знакомыхъ.

Въ ноябрѣ, когда еще въ Москвѣ не было извѣстно о болѣзни покойнаго Императора, подавъ прошеніе въ отпускъ по собственнымъ дѣламъ, пріѣхалъ сюда за 6 дней до 14 декабря; увидѣлся съ Рылѣвымъ, и слыша о распространившемся извѣстіи, что Его Высочество Цесаревичъ Константинъ Павловичъ отрекается отъ престола, и что гвардейскіе полки не расположены къ другой присягѣ, Пущинъ былъ одного съ нимъ мнѣнія, что должно воспользоваться симъ случаемъ, для достиженія цѣли общества; причемъ предполагалось устранить Царствующую фамилію отъ Престола и требовать отъ высшихъ Правительствующихъ мѣсть учрежденія временнаго Правленія впредь до собранія Государственныхъ чиновъ, для совѣщаній о новомъ государственномъ устройствѣ.

За два дня до 14 декабря Пущинъ писалъ въ Москву къ Семенову о принятіи намѣренія здѣшними членами: воспользоваться отреченіемъ отъ Престола Государя Цесаревича и нерасположеніемъ гвардейскихъ полковъ къ новой присягѣ, для открытія дѣйствій общества, въ заключеніе сказалъ: «Когда Вы будете читать сіе письмо, все будетъ кончено».

Наканунѣ пропшества Пущинъ былъ у Рылѣва на совѣщаніи, гдѣ положено было непремѣнно начинать дѣйствія. Военнымъ поручалось по возможности дѣйствовать въ казармахъ, а Пущинъ съ Рылѣвымъ взялись ободрять войска на площади, ибо во фракахъ войти въ казармы было бы затруднительно.

14-го декабря онъ находился въ каре возмутителей и оставался тамъ до картечныхъ выстрѣловъ. Оружія при немъ никакого не было, а все время занимался тѣмъ, что ходилъ по фасамъ и поощрялъ солдатъ; при наступленіи же кавалеріи на чернь, скомандовалъ переднему фасу взять ружья отъ ноги. —

Въ другомъ мѣстѣ дѣла о декабристахъ находится болѣе краткая формулировка обвиненій Пущина. Вотъ что мы читаемъ:

Иванъ Ивановичъ Пущинъ принятъ въ союзъ Благоденствія въ 1817 году. Въ 1823 году избранъ членомъ въ Сѣверную Думу. Зналъ и цѣли Южнаго общества ввести республику, но не одобрялъ. Въ 1824 году слышалъ о заговорѣ въ 1823 году при Бобруйскѣ покуситься на жизнь Императора Александра I-го и въ 1825 году, бывши въ Москвѣ, слышалъ о злоумышленіи Якубовича. Изъ находившихся въ Москвѣ членовъ заводилъ управу, которая вскорѣ разрушилась. Въ С.-Петербургѣ пріѣхалъ за 6 дней до 14 декабря, участвовалъ въ совѣщаніяхъ о начати возмутительныхъ дѣйствій; соглашался на устраненіе Царствующаго Дома отъ престола и вмѣстѣ съ другими обнималъ Каховскаго, когда Рылѣвъ убѣждалъ его убить нынѣ Царствующаго Императора (Николая Павловича), онъ взялся ободрять войска на площади, гдѣ оставался до картечныхъ выстрѣловъ, рассказывалъ по фасамъ, поощрялъ солдатъ къ мятежу и при наступленіи кавалеріи на чернь, скомандовалъ переднему фасу взять ружья отъ ноги. По приговору Верховнаго Уголовнаго Суда 10 іюля 1826 года осужденъ въ каторжныя работы вѣчно. Высочайшимъ же указомъ отъ 22 августа наказаніе уменьшено на 20 лѣтъ, а потомъ сосланъ на поселеніе.

Пущинъ былъ признанъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ виновнымъ «въ участіи въ умыслѣ на царубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; въ участіи въ управленіи обществомъ, принятіемъ членовъ и дачею порученій; въ личномъ дѣйствіи въ мятежѣ и возбужденіи нижнихъ чиновъ». Приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда отнесенъ былъ къ первому разряду государственныхъ преступниковъ и осужденъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы; указомъ, даннымъ Верховному Суду 10 іюля 1826 г., всемілостивѣйше освобожденъ отъ смертной казни и, по лишеніи чиновъ и орденовъ, сосланъ на вѣчныя каторжныя работы, но указомъ, объявленнымъ Сенату 22 августа 1826 года, онъ былъ присужденъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ, а затѣмъ на поселеніе въ Сибирь.

Во время чтенія приговора (сентенціи), передъ разжалованіемъ декабристовъ, произошелъ инцидентъ: одинъ изъ осужденныхъ, — какъ пишетъ въ своихъ Запи-

скалъ баронъ Розенъ ¹⁾),—Лунинъ, сталъ возражать на приговоръ. Между тѣмъ П. Н. Свистуновъ опровергаетъ это утвержденіе Розена и категорически говоритъ, что Лунинъ не возражалъ. «Я, — говоритъ Свистуновъ, — стоявши возлѣ него могу въ томъ поручиться». Свистуновъ замѣчаетъ, что Иванъ Ивановичъ Пущинъ и былъ тотъ, кто просилъ позволенія говорить, но Лобановъ, Министръ Юстиціи, зашикалъ и приказалъ увести весь первый разрядъ, въ коемъ онъ находился ²⁾).

Иванъ Пущинъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ Петропавловской крѣпости, потомъ его перевели въ Кронверкскую куртину, откуда вмѣстѣ со всѣми другими въ 12 часовъ ночи на 13 іюля 1826 г. вывели на крѣпостную площадь передъ соборомъ. На этой площади Иванъ Ивановичъ въ первый разъ встрѣтился съ своимъ братомъ Михаиломъ, который тоже находился въ крѣпости. Потомъ ихъ всѣхъ повели на Кронверкскій гласисъ для выслушанія сентенціи и для разжалованія. Послѣ церемоніи ихъ вернули въ казематы и въ тотъ же день отправили по назначенію. Михаилъ Пущинъ, отправляясь въ дальній путь, проходилъ мимо казематовъ брата Ивана, по вниманію къ нему сторожа могъ въ отворенную дверь съ нимъ проститься ³⁾). Михаилъ былъ болѣе счастливъ, чѣмъ братъ Иванъ: онъ раньше попалъ въ Сибирь и прожилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Красноярскѣ, между тѣмъ Иванъ все еще томился въ крѣпости ⁴⁾).

Весьма характерныя свидѣтельства самого Пущина о декабрьскомъ возмущеніи мы находимъ въ письмѣ его къ своимъ сестрамъ отъ 1827 года. Въ этомъ письмѣ Пущинъ даетъ оцѣнку всему событію, погубившему его жизненную карьеру; тутъ же мы находимъ также и нравственный анализъ 14-го декабря:

«... 13 декабря. Пишу роковое число и, невольно забывая все окружающее меня, переносусь къ вамъ, милымъ сердцу моему.—Много успѣлъ со времени разлуки нашей передумать объ этихъ дняхъ,—вижу безпристрастно все происшедшее, чувствую въ глубинѣ сердца многое дурное, худое, которое не могу себѣ простить, но—какая-то необыкновенная сила покорила, увлекала меня и заглушала обыкновенную мою разсудительность, такъ что едва-ли какое-нибудь сомнѣніе—весьма естественное—приходило на мысль и отклоняло отъ участія въ дѣйствіи, которое даже я не взялъ на себя труда совершенно узнать, не только по важности его обдумать.—Ни себя оправдывать этимъ, ни другихъ обвинять я не

¹⁾ Записки декабриста, стр. 139.

²⁾ См. «Рус. Арх.» 1871 г., стр. 351 и 352.—По поводу Записокъ И. Д. Якушкина—«Отповѣдь Свистунова барону Розену».

³⁾ См. Записки Мих. Ив. Пущина. «Рус. Арх.» 1908 г., кн. II, стр. 448—450.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 457. Михаилъ Пущинъ нашелъ въ Тифлисѣ радушный пріемъ въ семействѣ Владиміра Дмитріевича Вольховскаго, о которомъ онъ сохранилъ теплыя воспоминанія въ своихъ Запискахъ. (См. Записки М. И. Пущина въ «Рус. Арх.» 1908 г., кн. II, стр. 462—464).

намѣренъ, но хочу только замѣтить, что о пагубномъ 14 декабря не должно рѣшительно судить по тому, что напечатано было для цѣли.— Будетъ время, когда-нибудь, что нѣсколько пояснится это дѣло для многихъ, которые его видятъ теперь, можетъ быть, съ другой точки. Я скажу вамъ только, что вникая въ глубину души и сердца, я прошу Бога просвѣтить меня и указать мнѣ истину. Егоръ Антоновичъ (Энгельгардтъ) принимаетъ только: *хорошо* и *худо*; поэтому я обвиняю себя безусловно; то, что мы сдѣлали, предъ закономъ— *худо*, мы преступники, и постигшая насъ гибель справедлива. Но, признавая пагубныя послѣдствія нашихъ необдуманыхъ начинаній, я не могу не надѣяться на того Судю, который судить не потому, что *дѣлаютъ* слабые, слѣпыя смертные, а потому, что *хотятъ* они дѣлать. Онъ намъ судя?... Онъ, поддержавшій меня понынѣ, дастъ мнѣ силу перенести участь, которая въ отдаленности кажется ужаснѣе, нежели вблизи и на самомъ дѣлѣ. Меня здѣсь мучить только ваше обо мнѣ горе— меня мучить слеза въ глазахъ моего Ангела-Хранителя, который въ ужаснѣйшую минуту моей жизни, забывая о себѣ, думалъ еще спасти меня. Простите, Е. А.,—простите родные, всѣ, то горькое горе, которое я навлекъ на васъ. Не осудите только прежде свиданія со мною, не здѣсь—такъ тамъ. Да, я буду съ вами *тамъ*, я буду съ вами, родные, безвинные на семь мѣрѣ; я буду съ Вами, Е. А., и Вы меня примите опять. Нѣтъ, не *опять*, вы меня никогда изъ сердець вашихъ не отдаляли; я въ нихъ—нашу связь, нашу любовь, нашу дружбу—ни приговоры свѣтскихъ судилищъ, ни 7.000 верстъ, ничто не расторгнуть; эта связь простирается и за нынѣшнюю мою могилу въ Читѣ и за послѣднюю могилу, которая меня отсюда освободитъ.—Прощайте, родные, прощайте, Е. А.—Простите, простите!...» ¹⁾

Изъ С.-Петербургской крѣпости Пушчинъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ. «Въ Шлиссельбургѣ,—говоритъ въ своихъ Запискахъ декабристъ И. Д. Якушкинъ,—содержаніе заключенныхъ также почти строго, какъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ: никогда они не сообщаются между собой и никогда не выходятъ изъ своихъ казематовъ; зато помѣщеніе ихъ чисто и свѣтло, пища не роскошная, но и не совсѣмъ скудная, и вообще все происходитъ по заведенному порядку и мало зависитъ отъ личныхъ свойствъ коменданта. Въ Шлиссельбургѣ вмѣстѣ съ Пушчинымъ содержались Юшневскій, Н. и М. Бестужевы, Дивовъ и Пестовъ. Не имѣя никакого явнаго сообщенія между собой, каждый изъ нихъ общался съ своимъ сосѣдомъ, ударяя въ стѣну рукой; число ударовъ въ опредѣленномъ порядкѣ означало буквы, посредствомъ которыхъ, при нѣкоторой привычкѣ, можно было разговаривать довольно удобно. Тюремный этотъ телеграфъ выдумалъ и устроилъ Николай Бестужевъ» ²⁾). Михайлъ Александровичъ Бестужевъ, какъ извѣстно изъ

¹⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 97 и 98.

²⁾ «Рус. Арх.» 1870 г., стр. 1581 и 1582. Объ этомъ телеграфированіи см. также «Рус. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 352—364.

его Записокъ, прибылъ въ Шлиссельбургъ 6 сентября 1827 года и засталъ уже тамъ, между прочимъ, Ивана Пущина¹⁾.

Изъ Шлиссельбурга декабристы были отосланы въ Читу, куда, по словамъ Михаила Александровича Бестужева, прибыли «наканунѣ 14 декабря 1827 г.»²⁾.

Въ 1827 году, 24 ноября, привезли въ Иркутскъ Пущина, Поджіо и Муханова, гдѣ ихъ потомъ соединили въ одну команду съ Якушкинымъ и другими. По словамъ Якушкина, они всѣ вмѣстѣ прожили здѣсь съ недѣлю³⁾.

Отъ 1827 года изъ Иркутска, въ годовщину рокового дня 14-го декабря, Пущинъ подѣлился своими печальными впечатлѣніями со своимъ бывшимъ директоромъ Е. А. Энгельгардтомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Вотъ два года, любезнѣйшій и почтенный другъ Егоръ Антоновичъ, что я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ, и увы! можетъ быть въ послѣдній разъ имѣю случай сказать вамъ нѣсколько строкъ (Sic!) изъ здѣшняго тюремнаго замка, гдѣ мы уже болѣе двадцати дней существуемъ. Трудно и почти невозможно (по крайней мѣрѣ я не берусь) дать вамъ отчетъ на семь листкѣ—во всемъ томъ, что происходило со мной со времени нашей разлуки—о 14-мъ числѣ надобно бы много говорить, но теперь ни мѣсто, ни время, и потому я хочу только, чтобъ дошелъ до васъ листокъ, который вѣрно вы увидите съ удовольствіемъ; онъ скажетъ вамъ, какъ я признателенъ вамъ за участіе, которое вы оказывали бѣднымъ сестрамъ моимъ послѣ моего несчастія,—всякая вѣсть о посѣщеніяхъ вашихъ къ нимъ была мнѣ въ заключеніи истиннымъ утѣшеніемъ и новымъ доказательствомъ дружбы вашей, въ которой я, впрочемъ, столько же увѣренъ, сколько въ собственной нескончаемой привязанности моей къ вамъ.—Эти слова между нами не должны казаться сильными и увеличенными—мы не на нихъ основали нашу связь, потому я смѣло ихъ пишу, зная, что никакая земная причина не нарушить ея; истинно благодаренъ вамъ за утѣшительныя строки, которыя я отъ васъ имѣлъ, и душевно жалѣю, что не удалось мнѣ послѣ приговора обнять васъ и вѣрныхъ друзей моихъ, которыхъ прошу васъ обнять; называть ихъ не нужно—вы ихъ знаете; надѣюсь, что разстояніе 7 тысячъ верстъ не разлучитъ сердецъ нашихъ. Я часто вспоминаю слова ваши, что не трудно жить, когда хорошо, а надобно быть довольнымъ, когда плохо. Благодаря Бога, я во всѣхъ положеніяхъ довольно спокоенъ и очень здоровъ—что Богъ дастъ впередъ, при новомъ нашемъ образѣ жизни въ Читинской, что до сихъ поръ отъ насъ подъ большимъ секретомъ, и потому я заключаю, что должно быть одно изъ двухъ: или очень хорошо, или очень дурно.—Тяжело мнѣ быть безъ

¹⁾ «Рус. Стар.» 1870 г., т. II, стр. 176.

²⁾ Тамъ же, стр. 181.

³⁾ Изъ Записокъ декабриста Якушкина.—«Рус. Арх.» 1870 г., стр. 1585 и 1586.

извѣстїи о семьѣ и о васъ всѣхъ—одно сердце можетъ понять, чего ему это стоитъ; тамъ я найду людей, съ которыми я также душою связанъ, — буду искать разсѣянія въ физическихъ занятїяхъ, если въ нихъ будетъ какая-нибудь цѣль; кромѣ этого буду читать сколько возможно въ комнатѣ, гдѣ живутъ, какъ говорятъ, тридцать человѣкъ. Не знаю, какъ и гдѣ васъ вообразить; при свиданїи съ родными я узналъ, что вы съ Фрицомъ тогда были въ Финляндіи, и мнѣ кажется, что вы теперь тамъ поселились, но зачѣмъ, самъ не знаю. Теперь же все ваша семья пристроена, и Воля, который теперь большой Владимїръ, вѣрно уже государственный человѣкъ.—Если эти строки дойдутъ до васъ, то я надѣюсь, что вы, если только возможно, напишете мнѣ нѣсколько словъ. Если родные имѣютъ право писать къ намъ, то и вамъ правительство не откажетъ прибавить нѣсколько словъ,—для меня это будетъ благодѣяніе. Гдѣ и что съ нашими добрыми товарищами? Я слышалъ только о *Суворочкѣ*¹⁾, что онъ воюетъ съ Персіанами—не знаю, правда ли это,—да сохранить его Богъ и васъ; доброй моей Марьѣ Яковлевнѣ²⁾ цѣлую ручку. Отъ души Васъ обнимаю и желаю всевозможнаго счастья всему вашему семейству и добрымъ товарищамъ. Авось когда-нибудь узнаю что-нибудь о дорогихъ мнѣ.

Вашъ вѣрный J. Роу...³⁾

По словамъ декабриста Якушкина, онъ съ товарищами прибылъ въ Читу 24 декабря 1827 года, а черезъ три дня, т. е. 27 декабря, прибыли въ Читу Пушинъ, Поджіо и Мухановъ, а черезъ два дня послѣ нихъ--Вадковскій. «Всѣ четверо,—говоритъ Якушкинъ,—они были помѣщены въ одну съ нами комнату и когда мы всѣ ложились почевать на нары, не приходилось въ ширину по аршину на человѣка; но тогда все это было ни почемъ...⁴⁾»

«Въ маломъ казематѣ мы обѣдали всѣ вмѣстѣ и поочередно дежурили; обязанность дежурнаго состояла въ томъ, чтобы приготовить все къ обѣду и ужину и потомъ все прибрать. Къ обѣду приносилъ сторожъ огромную латку артельныхъ щей и въ другой латкѣ накрошенную говядину; хлѣбъ приносили въ ломтяхъ; намъ не давали ни ножей, ни вилокъ; всякій имѣлъ свою ложку костяную, оловянную или деревянную; недостатокъ тарелокъ замѣняли чайными деревянными китайскими чашками. Послѣ каждой трапезы, наступало для дежурнаго отвратительное положеніе: ему приходилось мыть посуду и приводить все въ порядокъ, и для исполненія этой обязанности не доставало средствъ: не было ни стирокъ, ни даже иногда горячей воды для мытья посуды. Чай мы пили также всѣ вмѣстѣ, и

¹⁾ В. Д. Вольховскій.

²⁾ Жена Е. А., рожденная Витекеръ (Whitaker), ум. въ 1858 г.

³⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 98 и 99.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1870 г., стр. 1593.

тотъ, кто постоянно его разливалъ, избавлялся отъ обязанности поочередно дежурить съ другими. Мы жили въ такой тѣснотѣ, что ничѣмъ пристально заниматься не было возможности; едва удавалось въ теченіе дня что-нибудь прочесть. Игра въ шахматы и взаимные рассказы были главнымъ нашимъ занятіемъ и развлеченіемъ.

«Въ будни наряжались изъ всѣхъ казематовъ 16 человекъ на работы, куда мы отправлялись за конвоемъ вооруженныхъ солдатъ. Въ небольшомъ домикѣ были поставлены четыре ручныя мельницы, которыя помѣщались въ одной комнатѣ; работа продолжалась три часа по утру и три послѣ обѣда. Въ это время мы должны были всѣ вмѣстѣ перемолоть четыре пуда ржи, изъ числа которыхъ приходилось по десяти фунтовъ на каждаго человѣка; а такъ какъ у каждой изъ четырехъ мельницъ не могли работать болѣе двухъ человекъ, то мы, въ продолженіе работы, смѣнялись нѣсколько разъ. Работа конечно была не тяжелая, но нѣкоторыя, не имѣя силъ исполнить сами свой урокъ, нанимали сторожа, который молоть ихъ пай. Мука нашего издѣлья была вообще не отличнаго достоинства. Тѣ, которые, не работали, въ другой комнатѣ курили, играли въ шахматы или занимались чтеніемъ и разговоромъ»¹⁾.

По словамъ Якушкина, пребываніе въ Читѣ декабристовъ было благотельно для жителей, которые разжились около нихъ, завели лошадей, понастроили домовъ²⁾.

Въ 1830 году Пушкинъ, вмѣстѣ съ другими декабристами, былъ переведенъ въ Петровскій Заводъ³⁾; въ 1839 году—на поселеніе въ Тобольскую губернію, а затѣмъ въ Ялуторовскъ. Декабристамъ, поселеннымъ въ Читѣ, въ самомъ началѣ приходилось довольно трудно. Но съ постройкою новаго каземата въ Петровскомъ Заводѣ жизнь ихъ стала не только сносною, но даже роскошною, какъ это видно, напримѣръ, изъ статьи М. Н. Кучаева подъ заглавіемъ: «Станиславъ Романовичъ Лепарскій, комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ съ 1826 г. по 1837 годъ». Въ этомъ біографическомъ очеркѣ мы читаемъ: «Съ 1827 по 1838 годъ декабристами было получено отъ своихъ родныхъ 354.758 руб. 95 коп.; а ихъ женами 778.135 руб. 97 к., всего 1.132.894 руб. 92 коп., кромѣ огромной массы посылокъ книгами и вещами. Изъ рапорта Лепарскаго Генераль-Адъютанту Бенкендорфу, отъ 23 марта 1833 года за № 306, видно, что относительно храненія и расходованія этихъ суммъ велась строгая отчетность

¹⁾ «Рус. Арх.» 1870 г., стр. 1594 и 1595.—У Якушкина вообще очень подробно описано житье-бытье декабристовъ, ихъ помѣщеніе (стр. 1595), ихъ умственный трудъ (стр. 1596), ихъ кружки (стр. 1597—1600).

²⁾ «Русскій Арх.» 1870 г., стр. 1608—1609.

³⁾ Это было селеніе, въ которомъ считалось 3 тысячи жителей, болѣею частью ссыльныхъ, очень небогатыхъ, занимавшихся заводскими работами.

подъ непосредственнымъ наблюдениемъ комендантскаго управленія и при участіи въ контролѣ лицъ, кому эти деньги присылались...¹⁾).

Нѣкоторыя подробности о пребываніи декабристовъ въ Петровскомъ Заводѣ даетъ Якушкинъ:

«...Казематы наши были выстроены на скорую руку и такъ неудобно, что въ нихъ безпрестанно были поправки; не разъ загорались стѣны, ничѣмъ не отдѣленные отъ печей; стѣны корридора выпучило наружу, и пришлось утвердить ихъ стойками и балками. Въ номерахъ было не очень тепло, а въ корридорѣ иногда и очень холодно, такъ что не всегда было возможно отворять дверь въ корридоръ, чтобы имѣть сколько нибудь свѣта, и приходилось сидѣть днемъ со свѣчей. По случаю передѣлокъ въ 11 №, меня перевели въ 16, и въ этомъ 3 отдѣленіи мы помѣщались теперь: Оболенскій, Штейнгель, Пущинъ, Лореръ и я. Обѣдали и ужинали мы всѣ вмѣстѣ въ корридорѣ, и въ каждомъ отдѣленіи былъ сторожъ изъ рядовыхъ для услуги намъ. Днемъ мы могли свободно ходить изъ своего отдѣленія во всякое другое; но вечеромъ въ 10 часовъ запирались на замокъ всѣ номера и корридоръ по отдѣленіямъ; потомъ замыкались и ворота на каждый отдѣльный дворъ и окончательно ворота полуказармы, такъ что каждый изъ насъ всегда ночевалъ подъ четырьмя замками. Работать мы ходили на мельницу, такимъ же порядкомъ какъ въ Читѣ, и мука нашего издѣлья была только пригодна на кормъ заводскихъ быковъ. Въ продолженіи всего дня, въ субботу и до обѣда въ воскресенье, насъ водили поочередно въ баню. Для общей нашей прогулки, былъ предоставленъ большой дворъ, обнесенный высокимъ частоколомъ и примыкавшій къ полуказармѣ, отъ которой онъ отдѣлялся также частоколомъ, сообщаясь воротами съ среднимъ дворомъ полуказармы, которые запирались только на ночь. На этомъ дворѣ было нѣсколько небольшихъ деревьевъ, и мы расчистили на немъ дорожки, по которымъ во всякое время можно было гулять. Охотники до животныхъ завели тутъ: козуль, зайцевъ, журавлей, а зимой устраивались горы и поливалось нѣкоторое пространство для тѣхъ, которые катались на конькахъ. Живущія съ нами дамы приходили взглянуть на наши общія увеселенія и иногда сами принимали въ нихъ участіе, позволяя намъ скатить себя съ горъ. На отдѣльныхъ дворахъ многіе изъ насъ имѣли гряды съ цвѣтами, дынями и огурцами и пристально занимались лѣтомъ произведеніемъ плодовъ земныхъ, что было сопряжено съ большими затрудненіями, по причинѣ неблагоприятнаго климата въ Петровскомъ»²⁾).

А. П. Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ характеризуетъ то значеніе, которое имѣло совмѣстное пребываніе декабристовъ въ Петровскомъ Заводѣ: «Работы наши и здѣсь продолжались также на мельницѣ, точно въ такомъ же порядкѣ,

¹⁾ См. «Рус. Стар.» 1880 г., т. 28, авг., стр. 717.

²⁾ Изъ Записокъ декабриста Якушкина. «Рус. Арх.» 1870 г., IX, стр. 1618—1619.

какъ и въ Читѣ, только такъ какъ насъ здѣсь было болѣе числомъ, то выходили на работу по очереди и по партіямъ, а не всѣ каждый день. Изъ всего этого видно, что заключеніе было весьма человѣколюбивое и великодушное; мы лишены были свободы; но кромѣ свободы мы не были ни въ чемъ стѣснены и имѣли все, что только образованный, развитой человѣкъ могъ желать для себя. Къ тому еще если прибавить, что въ этомъ замкѣ или острогѣ были собраны люди дѣйствительно высокой нравственности, добродѣтели и самоотверженія и что тутъ было такъ много пищи для ума и сердца, то можно сказать, что заключеніе это было не только отраднo, но и служило истинной школой мудрости и добра... Сколько прекрасныхъ чистыхъ сердець билось тамъ самою нѣжною и симпатическою дружбою, сколько любви и высокихъ чувствъ хранилось въ этихъ стѣнахъ острога,—чувствъ, такъ рѣдко встрѣчающихся въ обществѣ счастливыхъ»¹⁾).

На первыхъ же порахъ своей жизни въ Сибири декабристы очень хорошо устроились, образовавъ въ своей средѣ артель; объ этомъ артельномъ устройствѣ Свистуновъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Въ опроверженіе разсказа С. Максимова въ книгѣ «Сибирь и Каторга», что артель декабристовъ обязана своимъ существованіемъ всецѣло Завалишину, г. Свистуновъ доказываетъ, на основаніи записокъ И. Д. Якушкина, Н. В. Барсаргина и барона Розена, всю несостоятельность этого разсказа, въ подтвержденіе чего приводитъ слѣдующія слова И. Д. Якушкина («Рус. Арх.» 1870 г., стр. 1619): «...нѣкоторые изъ неимѣвшихъ собственныхъ средствъ для существованія и получавшіе все нужное отъ другихъ, тяготились такою зависимостью отъ своихъ товарищей... Образовался кружокъ недовольныхъ... Они обратились къ коменданту, прося его исходатайствовать имъ денежное пособіе отъ правительства. Такой поступокъ очень огорчилъ старика Лепарскаго: онъ смотрѣлъ на насъ какъ на людей порядочныхъ и всегда отзывался съ похвалою о нашемъ согласіи и устройствѣ... Онъ отправилъ плацъ-маіора навести справки о тѣхъ, которые желали получить вспомошествованіе отъ правительства. Между тѣмъ это происшествіе въ казематахъ произвело тревогу. Всѣ были въ негодованіи противъ просившихъ пособія отъ правительства; съ ними вступили въ переговоры и успѣли отклонить ихъ отъ намѣренія *отдѣлится отъ артели*, и когда пришелъ плацъ-маіоръ въ казематы съ допросомъ, все уже было улажено и ему поручили просить коменданта не давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу». «Значить,—говоритъ Свистуновъ,—артель существовала до писаннаго устава». «...Тотчасъ потомъ Поджіо, Вадковскій и Щущинъ занялись составленіемъ письменнаго учрежденія для артели». Не мѣшаетъ замѣтить, что Якушкинъ не упоминаетъ о лицѣ, которое у г. Максимова является, какъ главный дѣятель, т. е. Завалишинъ. Свистуновъ,

¹⁾ Воспоминанія А. П. Бѣляева. «Русск. Стар.» 1881 г., т. 30, стр. 822.

выписывая цитату изъ «Записокъ декабриста» (стр. 228). дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе на эти Записки: «Черезъ каждые три мѣсяца, при выборѣ новаго хозяина (до введенія письменнаго устава), каждый изъ артели назначать сколько могъ дать по своимъ средствамъ въ общую артельную сумму, которою распорядился хозяинъ, на пищу, чай, сахаръ, мытье бѣлья. Одежду и бѣлье носили мы все собственныя; имущіе покупали и дѣлились съ немущими. Рѣшительно все дѣлили между собой: и горе, и копѣйку...»

Другой декабристъ, Н. В. Басаргинъ, говоритъ: «Артель нравственно уравнила тѣхъ, которые имѣли средства, съ немѣвшими таковыхъ». По поводу этого замѣчанія Свистуновъ спрашиваетъ: «Развѣ этими словами подтверждается рассказъ г-на Максимова о существованіи двухъ враждебныхъ партій»¹⁾.

Въ концѣ концовъ, все-таки богатые декабристы содержали на свой счетъ бѣдныхъ, что, впрочемъ, не мѣшало этимъ бѣднымъ дѣлиться на враждебныя между собой партіи.

Жизнь въ Сибири устроилась, благодаря мѣрамъ правительства, очень удобно для декабристовъ. Ихъ соединили въ одномъ мѣстѣ и тѣмъ дали имъ возможность сплотиться и жить въ дружескомъ общеніи другъ съ другомъ. Они не соприкасались съ другими каторжанами и поэтому могли жить между собою въ тѣсномъ единеніи, что не мѣшало имъ, однако, ссориться другъ съ другомъ. Это соединеніе ихъ въ одной тюрьмѣ признавалось самими декабристами очень удачною комбинаціей и очень выгодной для ихъ личныхъ интересовъ. М. А. Бестужевъ говоритъ: «Мысль генераль-губернатора Лавинскаго что «лучше ихъ всехъ соединить вмѣстѣ», выраженная имъ Императору Николаю, имѣла послѣдствіемъ заключеніе ихъ всехъ въ одну тюрьму. Въ этомъ увидѣли невидимый перстъ Божій». «Если бы, продолжаетъ Бестужевъ, мы были разсѣяны по заводамъ, какъ гласилъ законъ и какъ уже было поступлено съ семью изъ нашихъ товарищей (Волконскій, Трубецкой, Оболенскій, Артамоновъ, Муравьевъ, Якубовичъ и двое братьевъ Борисовыхъ въ Нерчинскихъ заводахъ), то не прошло бы и десяти лѣтъ, какъ мы бы все навѣрно погибли, какъ Сухининъ²⁾, или пали бы морально подъ гнетомъ нужды и лишеній, погибли бы подъ гнетомъ мукъ со стороны ближайшихъ представителей нашихъ, коихъ исторія уже начиналась съ нашими первыми семью нерчинскими мучениками, или, наконецъ, сошли съ ума отъ скуки и мученій. Казематъ насъ соединилъ вмѣстѣ, далъ намъ опору другъ въ другъ и, наконецъ, черезъ нашихъ ангеловъ-спасителей, дамъ, соединилъ насъ съ тѣмъ міромъ, отъ котораго навсегда мы были оторваны политической смертью, соединилъ насъ съ родными, далъ намъ охоту жить, чтобы не убивать любящихъ насъ и любимыхъ

¹⁾ П. Н. Свистуновъ. «Рус. Арх.» 1871 г., стр. 373 и 374.

²⁾ Былъ разстрѣлянъ въ Нерчинскомъ заводѣ по дѣлу затѣяннаго бунта.

нами, наконецъ далъ намъ матеріальныя средства къ существованію и доставилъ моральную пищу для духовной нашей жизни. Казематъ далъ намъ политическое существованіе за предѣлами политической смерти» ¹⁾). Въ такомъ же казематѣ находился и членъ Общества Иванъ Ивановичъ Пушкинъ ²⁾).

Пушкинъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что 5 января 1828 года онъ пріѣхалъ въ Читку изъ Шлиссельбурга и здѣсь соединился, наконецъ, съ товарищами по своему изгнанію и заточенію, прежде его прибывшими въ Читинскій острогъ. Здѣсь же въ самый день его пріѣзда онъ былъ обрадованъ первымъ товарищескимъ привѣтомъ въ Сибири. Какъ хорошій товарищъ, Пушкинъ не забывалъ своихъ друзей и, пользуясь отъѣздомъ жены Никиты Михайловича Муравьева, рожденной графини Чернышевой, передалъ ей свое стихотвореніе для Пушкина.

Въ первый же день пріѣзда А. Г. Муравьева подозвала Пушкина къ частоколу и передала клочокъ бумаги, на которомъ Иванъ Ивановичъ съ чувствомъ глубокаго умиленія прочиталъ:

«Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный,
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!»

Стихотвореніе датировано: «13 декабря 1826 года. Псковъ» ³⁾).

Вотъ какъ вспоминаетъ Пушкинъ этотъ эпизодъ въ своихъ «Запискахъ»:

«Отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина. Преисполненный глубокой, животельной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи. Увы, я не могъ даже пожать руку той женщины; которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаніемъ друга; но она поняла мое чувство безъ всякаго вѣшняго проявленія, нужнаго, можетъ быть, другимъ людямъ и при другихъ обстоятельствахъ; а Пушкину, вѣрно, тогда не разъ икнулось. Наскоро, черезъ частоколь, Александра Григорьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго предъ самымъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга, хранила его до свиданія со мною и рада, что могла наконецъ исполнить порученное поэтомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ въ

¹⁾ Записки М. А. Бестужева. «Рус. Стар.» 1870 г., т. II, стр. 182.

²⁾ Тамъ же, стр. 184.

³⁾ Л. Н. Майковъ: Пушкинъ, стр. 84.

1839 году я послалъ эти стихи къ Шлетневу; такимъ образомъ были они напечатаны; а въ 1842 братъ мой Михаилъ отыскалъ во Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ завѣтныхъ моихъ сокровищъ.

«Въ своеобразной нашей тюрьмѣ я слѣдилъ съ любовью за постепеннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина; мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвшимися въ свѣтъ, получая почти всѣ повременные журналы. Въ письмахъ родныхъ и Энгельгардта, умѣвшаго найти меня и за Байкаломъ, я не разъ имѣлъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Бывшій нашъ директоръ прислалъ мнѣ его стихи: «19-го октября 1827 года»:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ тайнствахъ любви!

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастье, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастяхъ земли!

«И въ эту годовщину въ кругу товарищей-друзей Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма, заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывали на лицейской сходкѣ» ¹⁾).

Изъ Читы Пушинъ писалъ Энгельгардту отъ 14 марта 1830 г. собственноручное (какъ и предыдущее, отъ 1827 года) письмо, интересное въ томъ отношеніи, что въ немъ онъ опять возвращается къ воспоминаніямъ о 14-омъ декабря. Письмо это интересно еще тѣмъ, что Пушинъ хочетъ придти на помощь Энгельгардту въ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ и предлагаетъ перевести для него какое-нибудь сочиненіе, которое онъ могъ бы издать въ свою пользу. Вотъ это письмо:

«На дняхъ получилъ доброе письмо ваше отъ 8-го Января, почтенный, дорогой мой другъ Егоръ Антоновичъ! Оно истинно меня утѣшило и какъ будто перенесло къ вамъ, гдѣ бывалъ такъ счастливъ. Спасибо вамъ за подробный отчетъ о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Поцѣлуйте добрую мою М. Я. ²⁾ и всѣхъ вашихъ домашнихъ: ихъ воспоминаніе обо мнѣ очень дорого для меня; отъ души всѣхъ благодарю.—Объ себѣ я ничего особеннаго не имѣю вамъ сказать, могу только смѣло васъ увѣрить, что каково бы ни было мое положеніе, я буду умѣть его твердо переносить, и всегда найду въ себѣ такія утѣшенія, которыхъ никакая человѣческая сила не въ состояніи меня лишитъ. Я много уже перенесъ и еще больше

¹⁾ Л. Н. Маиковъ: Пушкинъ, стр. 84—85. См. также сочиненія Пушкина, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб., изд. Суворина. 1905 г., т. VIII, стр. 264.

²⁾ Марія Яковлевна, жена Энгельгардта.

предстоитъ въ будущемъ, если Богу угодно будетъ продлить *надръзанную* мою жизнь; но все это я ожидаю, какъ должно человѣку, понимающему причину вещей и непремѣнную ихъ связь съ тѣмъ, что рано или поздно должно восторжествовать, несмотря на усилія людей—глухихъ къ наставленіямъ вѣка. Желалъ бы только, чтобъ все, принимающее въ судьбѣ моей участіе, не слишкомъ горевало обо мнѣ: ихъ спокойствіе меня бы еще болѣе подкрѣпило.

«Не откажите мнѣ, почтенный другъ, въ возможности чѣмъ-нибудь отсюда вамъ быть полезнымъ въ разстроенныхъ вашихъ обстоятельствахъ, — зная ваши правила, я понимаю, какъ вамъ тѣсно не предвидѣть близкаго окончанія вашихъ дѣлъ. Пришлите мнѣ какое нибудь сочненіе на французскомъ языкѣ, съ котораго переводъ могъ бы быть напечатанъ на русскомъ и съ выгодой проданъ, — я найду средства скоро и по возможности хорошо его перевести и отсюда его къ вамъ доставить. Вы этимъ доставите величайшее утѣшеніе. У насъ здѣсь много книгъ прекрасныхъ, но я не знаю, что можетъ лучше разойтись. *Vous êtes sur les lieux, Vous devez le savoir bien mieux que moi.* Можетъ быть это мечта, но мечта для меня утѣшительная, сладостная. Объясненій между нами не нужно: я пойму, если вы пришлете мнѣ какую-нибудь книгу и скажете въ письмѣ, что она вамъ нравится, — тогда я прямо за перо съ нѣкоторыми добрыми друзьями и спешу какъ прокъ. Но увы! когда еще этотъ листокъ до васъ долетитъ и когда получу отвѣтъ?—Милонъ вереть!

«Человѣкъ странное существо:—мнѣ бы хотѣлось еще отъ васъ получить, или, лучше сказать, получать письма, —это первое совершенно меня опять взволновало. Скажите что-нибудь о нашихъ чугуникахъ—объ иныхъ я кой-что знаю изъ газетъ и по письмамъ сестеръ, но этого для меня какъ то мало. Вообразите, что отъ Мисоѣдова получилъ годъ тому назадъ письмо—признаюсь никогда не ожидалъ, но тѣмъ не менѣе былъ очень радъ.

«Шешните мой дружескій поклонъ тѣмъ, кто не боится услышать голоса знакомаго изъ-за Байкала. Надѣюсь, что есть еще близкія сердца. Но Бога ради, чтобъ никто не зналъ изъ неосторожныхъ, что я кой-какъ къ Вамъ послучался въ дверь — и на минуту перенесся въ кругъ доброй семьи которую вѣчно буду любить. Маленькой *Annette* милонъ поцѣлуетъ отъ дяди Пу...

«Еще послѣдняя просьба: не откажите мнѣ помогать совѣтами добрымъ моимъ сестрамъ, если онѣ будутъ имѣть въ нихъ нужду при могущей скоро случиться перемѣнѣ въ ихъ семейныхъ дѣлахъ. Хотя при жизни отца онѣ и не въ большомъ порядкѣ, но я съ ужасомъ думаю, что будетъ, если онѣ скончаются. Богъ вамъ поможетъ.—Прощайте, будьте счастливы, сколько Вамъ желаетъ искренній другъ вашъ» ¹⁾).

¹⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей, стр. 99—101.

Изъ дальнѣйшей переписки Пущина съ Энгельгардтомъ изъ Петровскаго Завода отъ 1830, 1831 и 1832 г.г. мы уже не находимъ собственноручныхъ писемъ Ивана Ивановича, пишутъ подъ его диктовку жены декабристовъ: баронесса Розень, М. Юшновская, Нарышкина, кн. Е. П. Трубецкая, кн. М. Н. Волконская. Изъ этихъ писемъ мы приводимъ писанныя баронессой А. В. Розень, которая, какъ извѣстно, была сестрою Ивана Васильевича Машинскаго. женатаго въ свою очередь на сестрѣ Пущина—Маріи Ивановнѣ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 27 ноября 1830 г. баронесса Розень сообщаетъ Энгельгардту, что вѣрный его прежній другъ «Jeannot все тотъ же; что онъ не охлажденъ тюрьмою, съ тою же живостью чувствуетъ, какъ и прежде, и сердцемъ отдохнулъ при мысли, что добрый его старій Директоръ съ высотъ Уральскихъ ¹⁾ отыскивалъ отдаленное его жилище и думу о немъ думалъ. Спасибо вамъ, почтенный человѣкъ! Вѣрьте, что чувства ваши достойнымъ образомъ раздѣляются, и что понятенъ стонъ благородный вашей души, скорбящей о бѣдствіяхъ человѣчества. Въ первомъ вашемъ письмѣ вы изложили весь вашъ бытъ и сдѣлали его какъ бы вновь причастнымъ семейному вашему кругу. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ вамъ дать того же отчета—жизнь его бездѣйственная, однообразная! Живетъ потому, что Провидѣнію угодно, чтобъ онъ жилъ; безъ сего убѣжденія съ трудомъ бы понять, къ чему ведетъ теперешнее его существованіе. Впрочемъ не огорчайтесь: человѣкъ, когда это нужно, находитъ въ себѣ тѣ силы, которыя и не подозрѣвалъ; онъ собственнымъ опытомъ убѣдился въ сей истинѣ и благодаритъ Бога. Провидѣніе посѣтило бѣдствіемъ Россію; ужасная болѣзнь свирѣпствуетъ (холера). Плачевное сіе извѣстіе изъ Отечества сильно потрясло наши сердца, —мы просили прислать священника и съ колѣнопреклоненіемъ вознесли къ Небу недостойныя, но искреннія наши мольбы о родныхъ, друзьяхъ и всѣхъ страждущихъ...

«Напомните о немъ почтенной доброй Марьѣ Яковлевнѣ; скажите ей, что онъ часто воображеніемъ переносится къ ней, чтобы, какъ прежде бывало, подышать тѣмъ спокойствіемъ, которымъ она умѣла надѣлать всѣхъ окружающихъ ее. Надѣется, что вспомнитъ его все ваше зрѣлое, а тогда юное потомство, всѣмъ отъ души желаетъ возможнаго въ семъ мірѣ счастья. Дайте ему вѣсточку о лицейскихъ его товарищахъ; о нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ ничего не слыхалъ съ самой разлуки съ вами; всѣхъ ихъ помнить и любить по прежнему. Вѣдная Марья Петровна! Чѣмъ ее утѣшить, кромѣ живого участія въ горестной судьбѣ ея.

«Пусть эти строки хотя нѣсколько изъяснятъ вамъ его чувства, которыя погаснутъ не прежде, какъ погаснетъ его жизнь. Любите его домашнихъ, не оставляйте ихъ; дружба ваша—истинное для нихъ утѣшеніе. Прошаясь съ вами

¹⁾ Энгельгардтъ въ это время ѣздилъ на Уралъ, чтобы осмотрѣть заводы гр. Полье.

съ родственнымъ сердцемъ, просить, да поможетъ вамъ Богъ во всѣхъ вашихъ начинаніяхъ и дѣлахъ» ¹⁾).

Въ письмѣ отъ 19 марта 1831 г., изъ Петровскаго Завода, по порученію Ивана Ивановича, баронесса А. В. Розенъ писала къ сестрѣ Пушкина—Аннѣ Ивановнѣ. Въ этомъ письмѣ мы, между прочимъ, читаемъ: «...Вдобавокъ онъ (Пушинъ) поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что ему болѣе нежели пріятно всякое откровенное ваше изліяніе чувствъ, и просить васъ никогда не шадить его, какъ-бы мрачно ни было ваше расположеніе; хотя онъ не въ состояніи ничѣмъ утѣшить васъ, но слышать тайный голосъ вашего сердца, раздѣлять самыя его горести— есть уже для него отрада, на которую онъ имѣетъ полное право по истинной его дружбѣ къ вамъ...» ²⁾. Жизнь въ казематѣ имѣла для Пушкина моменты сердечной отрады и являлась не сплошь безотрадною. Такіе моменты душевнаго просвѣтленія являлись для него оазисами, въ которыхъ онъ находилъ душевное утѣшеніе. Къ такимъ моментамъ относились посты и принятіе Святыхъ Тайнъ. Въ томъ же письмѣ, которое мы сейчасъ цитировали, баронесса Розенъ пишетъ сестрѣ Пушкина: «... На прошедшей, т. е. на второй недѣлѣ поста, Иванъ Ивановичъ говѣлъ: на алтарь милосерднаго Бога принесъ онъ искреннія молитвы о родныхъ, друзьяхъ и о всѣхъ страждущихъ. Въ субботу онъ приобщился Святыхъ Тайнъ...»

Несмотря на свое личное горе, Пушкинъ находилъ время хлопотать о судьбѣ другихъ декабристовъ. Такъ, напримѣръ, въ этомъ же письмѣ онъ хлопочетъ о сыновьяхъ декабриста В. И. Штейнгеля, чтобы Энгельгардтъ выхлопоталъ дѣтямъ Штейнгеля свиданіе съ отцомъ, и въ этихъ хлопотахъ онъ просить принять участіе и свою сестру. Наконецъ, въ письмѣ отъ 5 февраля 1832 года, изъ Петровскаго Завода, баронесса Розенъ писала, отъ имени Пушкина, слѣдующее письмо къ Энгельгардту: «Къ сожалѣнію моему, до сихъ поръ не могла исполнить препорученія Ивана Ивановича изъяснить вамъ искреннюю его благодарность за письмо Ваше отъ 27 ноября, которое онъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ получилъ 5-го генваря нынѣшняго года: Это было для него однимъ изъ самыхъ пріятныхъ подарковъ на новый годъ.

«Вы знаете слишкомъ хорошо Ивана Ивановича, чтобъ нужно было увѣрять васъ въ участіи, которое онъ не перестаетъ принимать во всемъ касающемся до васъ; время, кажется, производитъ надъ нимъ дѣйствіе совершенно противное обыкновенному—вмѣсто того, чтобъ охладить его привязанности душевныя, оно еще болѣе ихъ укрѣпляетъ и развертываетъ. Грустно ему было читать въ письмѣ вашемъ о послѣднемъ 19-мъ октябрі. Прискорбно ему, что этотъ день уже такъ мало соединяетъ людей около стараго Директора. Передайте дружескій поклонъ

¹⁾ К. И. Гротъ: Пушкинскій Лицей, стр. 101—102.

²⁾ Тамъ же, стр. 103.

Ивана Ивановича всѣмъ вѣрнымъ союзу дружбѣ; охладѣвшимъ попеняйте. Для него собственно этотъ день связанъ съ незабвенными воспоминаніями: онъ его чтить ежегодно памятью о всѣхъ старыхъ товарищахъ, старается сколько возможно живѣе представить себѣ быть и кругъ дѣйствія каждаго изъ нихъ. Вы согласитесь, что это довольно трудно послѣ столь продолжительной и, вѣроятно, вѣчной разлуки.—Воображеніе дополняетъ недостатокъ сущности. При этомъ случаѣ Иванъ Ивановичъ проситъ васъ напомнить вамъ его просьбу, о которой, по порученію его, писала уже къ вамъ: онъ желалъ бы имѣть отъ васъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ его лицейскихъ товарищей. Вы вѣрно не откажете исполнить когда-нибудь его желаніе,—это принесетъ ему истинное удовольствіе.

«Про себя онъ ничего не можетъ вамъ сказать особеннаго. Здоровье его постоянно хорошо—это не бездѣлица, при его образѣ жизни. Время, въ которомъ нѣтъ недостатка, онъ старается сократить всякаго рода занятіями. Происшествій для него нѣтъ—одинъ день, какъ другой, слѣдовательно разсказывать ровно нечего. Благодаря довольно счастливому его нраву, онъ умѣетъ найтись и въ своемъ теперешнемъ положеніи и переносить его терпѣливо. Въ минуты и часы, когда сгрустнется, онъ призываетъ на помощь разсудокъ и утѣшается тѣмъ, что всему есть конецъ!—такъ проходятъ дни, мѣсяцы и годы...

«Дорогой Марья Яковлевнѣ Иванъ Ивановичъ цѣлуетъ руку; часто, очень часто объ ней вспоминаетъ. Проситъ сказать всѣмъ вашимъ милліонъ поклоновъ. Слова ваши о потерянной вами внучкѣ тронули его до глубины души. Онъ сердечно жалѣетъ объ Августѣ Яковлевичѣ, лишившемся доброй и милой своей супруги. Вы ничего не говорите о маленькой Annette. Иванъ Ивановичъ былъ у васъ, когда вамъ принесли этого ребенка. Минута сія сильное сдѣлала на него впечатлѣніе.

«Посѣщайте иногда на досугъ домъ Пушиныхъ. Иванъ Ивановичъ проситъ васъ объ этомъ, зная, какъ пріятно сестрицамъ его видѣть васъ; онъ такъ имъ благодаренъ за необыкновенную и дѣятельную ихъ привязанность къ нему, что не знаетъ, какъ бы ихъ утѣшить. Съ удовольствіемъ исполнила я порученіе Ивана Ивановича, и желала бы, чтобъ въ этомъ письмѣ вы сколько-нибудь узнали вѣрнаго и неизмѣннаго вашего друга»¹⁾).

Послѣ Всемилостивѣйшаго освобожденія отъ каторжныхъ работъ Пушкинъ былъ водворенъ въ Западную Сибирь на поселеніе 9 октября 1839 г. Мѣстомъ его новаго поселенія явился городъ Туринскъ.

Вотъ что сообщаетъ И. Пушкинъ о мѣстѣ своего новаго жительства въ письмѣ къ И. В. Малиновскому отъ 27 октября 1839 г.:

¹⁾ Тамъ же, стр. 104—105.

«Сюда я прїѣхалъ десять дней тому назадъ; все это время прошло въ скучныхъ заботахъ о квартирѣ и т. д. Отъ хлопотъ этихъ отдыхаю въ кругу здѣшнихъ моихъ товарищей: ихъ трое—Ивашевъ, Анненковъ и Басаргинъ; двое первыхъ давно женаты, а третій незадолго до моего прїѣзда здѣсь женился. И очень радъ, что, разставшись недавно съ большой моею сибирской семьей, нашелъ въ уединеніи своемъ кого нибудь изъ нашихъ. Въ нихъ для меня заключается все общество: можно размѣняться мыслию и чувствомъ. Вѣрите ли, что разставанія съ друзьями, болѣе или менѣе близкими, до сихъ поръ наполняютъ мое сердце и какъ-то дѣлаютъ неспособнымъ настоящимъ образомъ заняться. Новые городокъ мой не представляетъ ничего особенно занимательнаго: я думалъ найти болѣе удобствъ жизни, нежели на самомъ дѣлѣ оказалось. До сихъ поръ еще не основался на зиму—хожу, смотрю, и вездѣ не то, чего бы хотѣлось безъ большихъ прихотей; отъ нихъ я давно отвыкъ, и вѣрно не теперь начинать къ нимъ привыкать. Природа здѣсь чрезвычайно однообразна, все плоскія мѣста, которыя наводятъ тоску послѣ разнообразныхъ картинъ Восточной Сибири, гдѣ рѣки и горы величественны въ полномъ смыслѣ слова. Эта разница поражаетъ, когда постепенно отъ востока къ западу приближаешься... Ты воображаешь меня хозяиномъ напрасно. На это нѣтъ призванія, развѣ со временемъ разовьется способность; и къ этому нужны способы, которыхъ не предвидится. Какъ бы только прожить съ маленькимъ огородомъ, а о пашиѣ нечего и думать. Главное не надобно утрачивать поэзію жизни—она меня до сихъ поръ поддерживала,—горе тому изъ насъ, который лишится этого утѣшенія, въ исключительномъ нашемъ положеніи...» Въ концѣ опять упоминаніе о товарищахъ: «Вѣдный Суворочка—онъ меня огорчилъ своимъ горемъ¹⁾. Спасибо, другъ, что приписалъ доброе, сердечное слово... Забылъ тебѣ сказать, Вольховскій, что въ Омскѣ проѣздомъ видѣлъ Говена²⁾ и познакомился съ женой его. Они вамъ кланяются, а я имъ надоѣлъ вопросами о васъ, и все было мало...»³⁾.

О пребываніи Пушкина въ Туринскѣ мы имѣемъ также свѣдѣнія изъ письма Егора Антоновича Энгельгардта къ своему любимому ученику Ф. Ф. Матюшкину. Вотъ что писалъ Егоръ Антоновичъ 12 сентября 1841 г.: «Вѣдной Jeannot поселенъ въ Туринскѣ и теперь можетъ свободно переписываться со своими и со мной. Недавно еще получилъ я отъ него письмецо; онъ кажется доволенъ этою перемѣною своей судьбы, садовничаетъ, читаетъ и обучаетъ трехъ сиротъ бывшаго своего товарища, которой, схоронивъ свою жену, скоро потомъ и самъ скончался, завѣщавъ Jeannot своихъ дѣтей. Вотъ ему и занятіе и сѣмья (Sic!). Къ

¹⁾ Смерть одного изъ дѣтей въ с. Каменкѣ.

²⁾ Вѣроятно, какъ думаетъ Малиновскій, Христофоръ Христофоровичъ, впоследствии Воронежскій губернаторъ, а затѣмъ сенаторъ въ Москвѣ. Примѣч. К. Грота.

³⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1905 г., т. СІ, августъ, стр. 438.

счастію малютокъ въ телесномъ отношеніи при нихъ осталась теща покойника, которая ухаживаетъ за своими внучатами и управляетъ домашнимъ хозяйствомъ Jeannot... >

Въ томъ же письмѣ Ангельгардтъ извѣщаетъ Матюшкина, что, по инициативѣ Деларю, образованъ лиценскій сиротскій капиталъ, который возросъ до 4,265-ти рублей и что къ празднику 19-го октября поступило уже 660 рублей, въ томъ числѣ по распоряженію Jeannot изъ Туринска сто рублей ¹⁾.

На поселеніи Пушкинъ пользовался денежною помощью отъ своихъ родственниковъ изъ Россіи. «Во время четырех-лѣтняго пребыванія въ Туринскѣ, — какъ доносили Туринскіи городничіи и какъ показывали Тобольскіе Губернаторы въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, — Пушкинъ кромѣ чтенія книгъ ничѣмъ не занимался» ²⁾.

Каторга для декабристовъ являлась вовсе не такимъ строгимъ режимомъ, какъ это вообще принято думать. Не говоря о томъ, что они пользовались свободою заниматься чѣмъ хотѣли въ стѣнахъ казематовъ, имъ давались даже льготы при исполненіи обязательныхъ работъ. Такъ, напримѣръ: выведенные подъ конвоемъ для земляныхъ работъ, они преспокойно садились и занимались чтеніемъ книгъ и газетъ, а другіе каторжане изъ непривилегированныхъ выполняли за нихъ работы. Случалось даже, что конвоиры ихъ за извѣстную плату дѣлали за декабристовъ ихъ работу. Если таковъ былъ режимъ для декабристовъ на каторгѣ, то на поселеніи они пользовались уже совершенной свободой. Многие изъ нихъ жили совершенными помѣщиками. Такъ, напримѣръ, когда декабристъ Розень, или, лучше сказать, его жена, рожденная Малиновская, хотѣла купить въ Сибири на поселеніи хуторъ за 10 тысячъ рублей, то Императоръ Николай Павловичъ совершенно резонно отказалъ ей въ этой покупкѣ, находя, что тогда она будетъ не женой государственнаго преступника, а — помѣщицей ³⁾.

Часто декабристы предпринимали довольно далекія путешествія съ единственною цѣлью повидаться съ товарищами. По словамъ Михаила Бестужева, въ 1848 г. пріѣхали въ Селенгинскъ его сестры: «вскорѣ по пріѣздѣ сестеръ насъ посѣтилъ Иванъ Ивановичъ Пушкинъ съ Маріей Казиміровной Юшневскою. Онъ, подъ предлогомъ болѣзни, выпросился изъ Ялуторовска, гдѣ онъ былъ поселенъ вмѣстѣ съ Басаргинымъ, Оболенскимъ, Якушкинымъ, Спиридовымъ, Матвѣемъ

¹⁾ Вообще Пушкинъ былъ весьма отзывчивъ. Онъ не стѣснялся жертвовать на разныя нужды. Такъ, напримѣръ, при постановкѣ памятника Ломоносову въ Архангельскѣ, гдѣ принималъ участіе графъ Дм. Нв. Хвостовъ, Пушкинъ пожертвовалъ 5 (пять) руб. — См. статью «Гр. Д. Н. Хвостовъ. 1757—1835», П. О. Морозова, въ «Рус. Стар.» 1892 г., т. LXXV, авг., стр. 429.

²⁾ Декабристы въ Западной Сибири, А. П. Дмитриева-Мамонова. Сиб., 1905 г., стр. 201, глава 31.

³⁾ См. нашу книгу «Товарищи Пушкина», т. I, біографическій очеркъ о В. Д. Вольховскомъ.

Муравьевымъ, М-ше Ентальцевой (уже вдовой), на Забайкальскія Туркинскія воды единственно съ цѣлью повидаться съ товарищами»¹⁾).

По поводу такихъ передвиженій декабристовъ И. И. Пущинъ говоритъ, что въ февралѣ 1845 г. состоялось постановленіе Комитета Министровъ, Высочайше утвержденное, которымъ разрѣшалось декабристамъ отлучаться изъ мѣстъ водворенія, по уважительнымъ причинамъ, съ билетами: живущимъ въ городахъ— на 30 верстъ, а живущимъ въ деревняхъ—на 50 верстъ и то на три дня.

Сообщая объ этомъ Энгельгардту въ письмѣ отъ 1845 года (8 мая), Пущинъ весьма остроумно и зло комментируетъ это постановленіе: «Совершенно неожиданная милость, поражающая своей оригинальностью. Любопытно бы было знать, кому эта мысль пришла? Я понимаю, что можно сказать: поѣзжайте по уѣзду или по губерніи или, наконецъ, по всей Сибири; а эти разстоянія совершенно въ духѣ гомеопатовъ. Гораздо простѣе ничего не дѣлать, тѣмъ болѣе, что никто изъ насъ не вправѣ этого требовать, состоя на особенномъ положеніи, какъ гвардія между ссыльными, которые между тѣмъ могутъ свободно переѣзжать по краю послѣ извѣтнаго числа лѣтъ пребыванія здѣсь, и даже съ самаго привала получаютъ билетъ на проживаніе тамъ, гдѣ могутъ найти себѣ источникъ пропитанія, съ нѣкоторымъ только ограниченіемъ, пока не убѣдится общество въ ихъ поведеніи. Всѣ эти постановленія напечатаны; повторяютъ ихъ нечего. Давно бы мы здѣсь построили городъ и вспахали землю, еслибъ съ самаго начала насъ поселили въ одномъ мѣстѣ и дали возможность обзаводиться. И то женатые и въ Читѣ, и въ Петровскомъ Заводѣ настроили дома, которые пришлось бросить за безцѣнокъ, да и по городамъ многіе покупали и строили и потомъ бросали. Все это вмѣстѣ въ продолженіи столькихъ лѣтъ было бы полезно краю и на будущее время. Кажется, нечего опасаться, чтобъ мы здѣсь дѣлали пропаганду. Все что остается—это какая-то монументальная жизнь: приходятъ, спрашиваютъ и разсматриваютъ, какъ преданіе еще живое чего-то понятнаго для немногихъ. Видятъ, что люди незлые, ни въ какихъ качествахъ не замѣшаны и въ полиціи не бывають... Масса принимаетъ за лѣкарей всѣхъ насъ, и скорѣе къ намъ прибѣгаетъ, нежели къ штатному доктору, который всегда и въ большой части пьянъ и даромъ не хочетъ пошевелиться. Иногда одной магнезіей вылечишь, и репутація сдѣлана, такъ что потомъ насилу можешь отговориться, когда является что-нибудь серьезное, гдѣ надобно дѣйствовать съ знаніемъ дѣла, или по крайней мѣрѣ *ученымъ* образомъ портить и морить»²⁾).

Перемѣщеніе декабристовъ изъ Западной Сибири въ Восточную и наоборотъ

¹⁾ Записки Мих. Александр. Бестужева. «Рус. Стар.» 1881 г., т. 32, стр. 654. Оба брата Бестужевы, Михаилъ и Николай, переписывались съ Пущинымъ,—тамъ же, стр. 655.

²⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 183—184.

совершалось безъ большихъ формальностей. Какъ на благовидный предлогъ къ такому передвиженію, указывалось на необходимость леченія минеральными водами. По временамъ, говоритъ Свистуновъ, разрѣшалось ѣздить изъ Западной Сибири въ Восточную на Тункинскія цѣлебныя воды ¹⁾. чѣмъ и воспользовались Иванъ Ивановичъ Пуцинъ и Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ ²⁾.

Въ Ялуторовскъ Пуцинъ былъ переведенъ съ 19 іюля 1843 года. Здѣсь, на поселеніи, образовалась цѣлая колонія декабристовъ. Сюда были поселены декабристы съ Читинскаго и Петровскаго Заводовъ: здѣсь жили, кромѣ Ивана Ивановича Пуцина, Тизенгаузенъ, князь Оболенскій, Матвѣи Муравьевъ-Апостолъ, родной братъ Сергѣя, казеннаго, Якушкинъ и Ентальцевъ съ женою ³⁾.

По словамъ А. П. Вѣляева, когда въ 1835 году ⁴⁾ Матвѣи Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ былъ переведенъ въ Ялуторовскъ, то онъ уже нашелъ здѣсь поселенныхъ декабристовъ: бывшего полковника Тизенгаузена, Ентальцева и бывшего офицера генеральнаго штаба барона Черкасова. Впослѣдствіи поступилъ туда же Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ ⁵⁾.

О томъ же сообщаетъ В. Е. Якушкинъ, что въ 1836 г. въ Ялуторовскъ Матвѣи Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ нашелъ здѣсь своего одноклассника и товарища 1812 года И. Д. Якушкина. Потомъ разновременно въ Ялуторовскъ были поселены: князь Е. П. Оболенскій, П. П. Пуцинъ, В. К. Тизенгаузенъ, Н. В. Басаргинъ и А. В. Ентальцевъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ статьѣ Свистунова («Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 367) воды называются: «Тункинскія»; въ книгѣ же А. П. Дмитріева-Мамонова «Декабристы въ Западной Сибири» эти воды называются: «Туркинскія».

Изъ книжки «Историческаго Вѣстника» за мартъ 1912 г., т. 127, стр. 1044, мы можемъ извлечь слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ водахъ. Около Горячинска на Байкалѣ находятся Турьинскія минеральныя воды, замѣчательныя своимъ богатымъ сѣрнистымъ источникомъ, куда лѣтомъ съѣзжается много больныхъ. Сезонъ этихъ водъ продолжается съ апрѣля по сентябрь. Въ нынѣшнее время воды эти получили болѣе или менѣе благоустроенный видъ. Въ мѣстечкѣ можно получить недорогое помѣщеніе, есть больница съ врачемъ и фельдшеромъ, можно пользоваться ваннами. Вообще въ Забайкальской области имѣется нѣсколько мѣстностей, гдѣ находятся минеральныя источники.

²⁾ «Рус. Арх.» 1871 г., стр. 367. (Отповѣдь Свистунова С. Максиму.)

³⁾ Изъ записокъ Николая Ивановича Лорера. «Рус. Арх.» 1874 г., т. 12, стр. 362—363.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, это сообщеніе Вѣляева ошибочно, такъ какъ Матвѣи Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ прибылъ въ Ялуторовскъ изъ Бухтарминской крѣпости 1 октября 1836 г.

⁵⁾ Воспоминанія Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола (род. 25 апр. 1793 г., † 21 февр. 1886 г.), записанныя Александр. Петр. Вѣляевымъ въ 1883 г.—«Рус. Стар.» 1886 г., т. 51, сент., стр. 551.

⁶⁾ «Рус. Стар.» 1886 г., т. 51, іюль, стр. 165, статья В. Е. Якушкина подъ заглавіемъ: «Матвѣи Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ».

По словамъ А. П. Дмитріева-Мамонова, П. П. Пуцинъ и князь Е. П. Оболенскій прибыли въ Ялуторовскъ въ 1843 году, а Н. В. Басаргинъ—въ 1847 году, послѣ смерти въ 1845 г. А. В. Ентальцева. См. Декабристы въ Западной Сибири, стр. 124.

Черезъ три года, т. е. въ 1838 г., поступили въ Ялutorовскъ на поселеніе Иванъ Ивановичъ Пушкинъ и Евгений Петровичъ Оболенскій, а позднѣе Басаргинъ, бывшій адъютантъ Киселева, говоритъ А. П. Бѣляевъ ¹⁾).

Тѣхъ же самыхъ лицъ, составляющихъ Ялutorовскую колонію, перечисляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Ф. Фроловъ, который сообщаетъ, между прочимъ, что графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій «останавливался всегда у И. И. Пушкина и просилъ его оповѣстить своихъ товарищей о его прибытіи, желая въ кругу ихъ провести нѣсколько досужныхъ часовъ» ²⁾).

Какъ мы выше видѣли, Пушкинъ принималъ живѣншее и дѣятельное участіе въ образованіи среди декабристовъ артели, завѣдующей хозяйственнымъ нрядомъ. Душею этого предпріятія были: Пушкинъ и П. А. Мухановъ. Для обезпеченія будущности неимущихъ, по выходѣ на поселеніе, Завалишинъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Мухановымъ предприняли «особое учрежденіе, но такое, чтобы это обезпеченіе зависѣло уже отчасти и отъ собственнаго благоразумія, отъ старанія съэкономить извѣстную сумму изъ получаемыхъ денегъ и отъ взноса оной въ поминутое учрежденіе для полученія, при выѣздѣ на поселеніе, пособія соразмѣрно количеству взноса, съ прибавкою процентовъ и той части доходовъ, который получало учрежденіе, имѣвшее въ казематѣ значеніе и сохранной казны для искавшихъ обезпеченія въ будущемъ, и банка для богатыхъ, всегда нуждавшихся въ деньгахъ, несмотря на тысячи и десятки тысячъ, ими получаемыхъ. Это учрежденіе было названо малою артелью, для отличія отъ большой, и не имѣло съ нею ничего общаго. Далеко не все участники большой артели участвовали въ малой» ³⁾).

Выйдя и на поселеніе, — по словамъ П. Свистунова, — «малая артель, имѣющая цѣлью помогать поселенцамъ, не прекратилась и подѣ управленіемъ И. И. Пушкина дѣятельно заботилась о вспомошествованіи товарищамъ» ⁴⁾. П. Свистуновъ, между прочимъ, сообщаетъ, что въ городъ Ялutorовскъ, Тобольской губерніи, прибылъ на поселеніе въ августѣ 1836 г. И. Д. Якушкинъ, гдѣ уже находились В. К. Тизенгаузенъ, А. В. Ентальцевъ со своею женою, Александрой Васильевной, и А. П. Черкасовъ. Потомъ прибыли туда же постепенно: Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ Ивановичъ Пушкинъ, Евгений Петровичъ Оболенскій и Н. В. Басаргинъ ⁵⁾).

¹⁾ «Рус. Стар.» 1886 г., т. 51, сент., стр. 552. А. П. Бѣляевъ и въ данномъ случаѣ ошибается.

²⁾ Воспом. А. Ф. Фролова. «Рус. Стар.» 1882 г., т. 34, стр. 475.

³⁾ Записки Димитрія Иринарховича Завалишина. «Рус. Стар.» 1881 г., т. 32, стр. 429.

⁴⁾ «Русск. Арх.» 1870 г., стр. 1654.

⁵⁾ «Русск. Арх.» 1870 г., стр. 1658.

Свою жизнь въ Ялуторовскѣ Пушкинъ описалъ въ письмѣ отъ 26 февраля 1845 г. къ бывшему директору Лицея Е. А. Энгельгардту ¹⁾. Письмо это писалось въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, оно началось 26 февраля и окончилось 12 іюля. Вотъ что мы читаемъ подъ 26 февраля: «Вы очень справедливо заключаете, что я доволенъ моимъ пребываніемъ въ Ялуторовскѣ. Намъ здѣсь пятеро товарищей: живемъ мы ладно, толкуемъ откровенно, когда собираемся, что случается непременно два раза въ недѣлю: въ Четвергъ у насъ, а въ Воскресенье у Муравьева. Обѣдаемъ безъ большихъ прихотей, вмѣстѣ, потомъ или отправляемся ходить, или садимся за вистъ, чтобъ доставить нѣкоторое развлеченіе нашему старому товарищу Тизенгаузену, который и старъ и глухъ, и къ тому же, можетъ быть, по необходимости охотникъ посидѣть за зеленымъ столомъ. Прочіе дни проходятъ въ занятіяхъ всякаго рода—и умственныхъ, и механическихъ. Слава Богу, время не останавливается: скоро мнѣтъ двадцать лѣтъ Сибирскимъ разнаго рода существованіямъ. Въ итогѣ, можетъ быть, окажется что-нибудь дѣльное: цѣль освѣщаетъ и облегчаетъ заточеніе и ссылку. Большаго сближенія съ чиновнымъ людемъ у насъ нѣтъ; но вообще все они очень хорошо понимаютъ насъ и оказываютъ всевозможное вниманіе. Бѣда только въ томъ, что народъ все пустой, и большею частію съ пушкомъ на рыльцѣ; это обстоятельство мѣшаетъ и имъ быть съ нами, зная, что мы явно противъ этого общаго обычая. Одна семья, съ которою я часто выдаюсь, это семья купца Балакшина. Очень человекъ добрый и смысленный: пріятно съ нимъ потолковать и пріятно видѣть готовность его на всякую услугу: въ полномъ смыслѣ слова вѣрній союзникъ, исполняетъ наши порученія, выписываетъ намъ книги, журналы, которые иначе должны бы были съ громкимъ нашимъ прилагательнымъ отправляться въ Тобольскъ, прежде нежели къ намъ доходить. Все это онъ дѣлаетъ съ какимъ-то радушіемъ и пріязнію. Горько слышать, что наше 19 октября пустѣетъ: видно и чугунное кольцо стирается временемъ. Трудная задача такъ устроить, чтобъ оно не имѣло вліянія на здѣшнее хорошее. Досадно мнѣ на нашихъ звѣздоносцевъ; кажется, можно бы сбросить эти пустыя регалии и литься запросто въ свой прежній кругъ. Мысленно я часто въ вашемъ тѣсномъ кругу съ прежними вѣрными воспоминаніями. У меня какъ-то они не старѣютъ. Вижу васъ, Марью Яковлевну такими, какъ я васъ оставилъ; забываю, что я самъ далеко не тотъ, что прежде. Оставивъ въ сторону хронологію, можно такъ живо все это представить, что сердце не вѣрится давности...»

Отъ 5 марта онъ продолжаетъ знакомить Энгельгардта съ Ялуторовскомъ: «Вы все хотите имѣть подробное свѣдѣніе объ Ялуторовскѣ. Право, ничего нѣтъ особенно занимательнаго ни въ политическомъ, ни въ естественномъ отношеніи.

¹⁾ Я. К. Гроть: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 177—187.

Управленіе тоже самое, что и за Ураломъ, съ одною только существенною, коренною выгодною: нѣтъ крѣпостныхъ. Это благо всей Сибири и такое благо, которое имѣетъ необыкновенно полезное вліяніе на край и безъ сомнѣнія подвинетъ ее впередъ отъ Россіи. Я не иначе смотрю на Сибирь, какъ на Американскіе Штаты: богата всѣми царствами природы. Измѣните нѣсколько постановленія, все пойдетъ улучшаться. Спасибо Киселеву, что онъ это понимаетъ, и въ доказательство состоялся въ 1842 году законъ, чтобы не иначе отводить въ Сибирь земли подъ разныя заведенія, какъ съ условіемъ обрабатывать ихъ вольными работниками. Эта мѣра была необходима: многіе хотѣли перевести заразу крѣпостныхъ на Сибирскую почву. Въ несчастныхъ нашихъ чиновникахъ и здѣсь есть страсть, только что дослужится до коллежскаго ассесора, тотчасъ заводитъ дворню; но большею частію эта дворня, по смерти коллежскаго ассесора, получаетъ свободу, потому что дѣти не имѣютъ права владѣть, родившись прежде этого важнаго чина. Вообще здѣсь, можно сказать, почти нѣтъ помѣщиковъ; есть двѣ-три маленькія деревеньки въ Тобольской губерніи, но и тамъ невольнымъ образомъ помѣщики не могутъ наслаждаться своими правами: стараются владѣть самымъ скромнымъ образомъ. Сосѣдство свободныхъ селеній имъ бѣльмо на глазу. Народъ смысленный, довольно образованный сравнительно съ Россіей, за малыми исключениями, и вообще состояніе уравнено: не встрѣчаете большой нищеты. Живутъ опратно, дома очень хороши; ѣдятъ какъ нельзя лучше. Не забудьте, что край наводняется ссыльными: это зло, но оно не такъ велико, при условіяхъ мѣстныхъ Сибири, хотя все-таки правительству слѣдовало бы обратить на это вниманіе. Можетъ быть, оно не можетъ потому улучшать положенія ссыльныхъ, чтобы не слѣзать его приманкою для крѣпостныхъ и солдатъ. При сцѣпленіи общемъ въ этой огромной машинѣ, надобно начать съ уменьшенія зла тамъ; тогда и здѣсь будетъ поселенецъ не тяжелъ для старожитовъ. Нельзя же, чтобы часть населенія того же государства была обречена быть мѣстомъ изверженія тѣхъ, которыхъ не терпятъ въ другой его части. По крайней мѣрѣ слѣдуетъ по справедливости уменьшать вредъ отъ нихъ, давая имъ способы къ обзаведенію. Этого ничего нѣтъ. Мудрено на бумагѣ обо всемъ этомъ толковать. Если бы вы сами сюда пріѣхали, обо многомъ мы потолковали бы. Жаль, что мѣстное начальство ничего не понимаетъ. Одинъ Сперанскій чего то хотѣлъ для Сибири, но и его предначертанія требуютъ измѣненій и частію развитій; между тѣмъ какъ теперь сибирское учрежденіе совершенно искажаютъ въ лучшихъ его основаніяхъ. Сенатора ¹⁾ прислали съ цѣлою *ордой правотдцевъ*; они все очищаютъ только бумаги, и никакой рѣшительно пользы не будетъ отъ этой дорогой экспедиціи. Кончится тѣмъ, что сенатору, котораго я очень хорошо знаю съ давнихъ лѣтъ, дадутъ ленту, да и баста. Впрочемъ, это

¹⁾ Михаила Николаевича Жемчужникова.

обыкновенный ходъ вещей у насъ. Пора перестать удивляться и желать только, чтобы наконецъ начали добрые, терпѣливые люди думать: нѣтъ-ли возможности какъ-нибудь иначе все это устроить? Надобно надѣяться, что настанетъ и эта пора. Многихъ *правовѣдцевъ* и видѣлъ; но вообще они мнѣ не понравились: не нахожу въ нихъ того, что меня щекотало въ ихъ годы. Все вообще народъ сонный и ничего нѣтъ увлекательнаго; какое-то равнодушіе въ началѣ пути, равнодушіе непростительное и уставшему нашему брату. Можетъ быть, при короткомъ свиданіи, мнѣ не удалось ихъ раскусить, или мы древностію своею историческою ихъ испугали, хотя мнѣ кажется съ нами-то имъ удобнѣе всего было распахнуться въ здѣшней степи, гдѣ чиновный людъ способенъ только видѣть ихъ неопытность, не подозрѣвая даже образованія залетныхъ ревизоровъ. Увидимъ, какое они сдѣлаютъ на меня впечатлѣніе на возвратномъ пути; нынѣшнюю зиму сенаторъ, со всѣмъ своимъ штабомъ, долженъ вернуться во-свояси...

«Вы все спрашиваете о положительныхъ моихъ занятіяхъ. Положительнаго одно, что всегда чѣмъ-нибудь занять, и что даже время скоро идетъ. Случается кой-кому помочь, написать какую-нибудь дѣловую страничку, по которой выходитъ и доброе. Переводами занимался не одинъ разъ; между прочимъ перевелъ еще въ Читинскомъ острогѣ Записки Франклина. Первая часть моей работы, а вторая—Штейнгеля. Кажется, было порядочно, и предисловіе съ посвященіемъ труда вамъ, почтенный другъ. Вы еще въ Лицеѣ познакомили меня съ этой дѣльной книгой. Послали ее и другіе переводы къ одному родственнику Муханова, здѣшняго моего товарища,—все кануло въ море: ни слуху, ни духу. Сколько ни справлялся, ничего нѣтъ. Черновую рукопись я истребилъ по случаю бывшего тогда тюремнаго осмотра. Нельзя было сохранить эту контрабанду: чернила были запрещены. Исторія Паскаля вамъ извѣстна. Я тогда же говорилъ Пушкину ¹⁾, что врядъ-ли будетъ на эту книгу сбытъ; но такъ какъ у него были, при болѣзненномъ моемъ проѣздѣ въ Тобольскъ, черновыя кой-какія тетради, то онъ и сталъ переправлять и дополнять недостающее. Читаю все, что попадется лучшее, другъ другу пересылаемъ книги замѣчательныя, даже имѣемъ и тѣ, которыя запрещены. Находимъ дорогу: на ловца бѣжитъ звѣрь. Малютка Аннушка мѣшаетъ иногда нашимъ занятіямъ, но пріятно и съ ней повозиться. Ей скоро 3 года. Понятливая, неглупая дѣвочка. Со временемъ, если Богъ дастъ ей и намъ здоровья, возня съ нею будетъ еще разнообразнѣе и занимательнѣе. А почтовый день у меня просто какъ въ какомъ-нибудь департаментѣ. Непремѣнно всякую почту пишу и получаю письма. Сношенія съ родными, друзьями утѣшительны. Надобно быть въ Сибири, чтобы настоящимъ образомъ понять эту отраду. Въ эти годы накопила цѣлая бібліотека добрыхъ листковъ, погодно перешлетены. Читайте сами, сколько томовъ состави-

¹⁾ Бобрищеву-Пушкину.

лось. Часто заглядываю на эту полку съ усладительнымъ чувствомъ. Судьба меня балуетъ дружбою, мною незаслуженной. Сколько около меня товарищей, которые лишены даже родственныхъ сношеній: снятые эполеты все уничтожили, какъ будто связи родства и дружбы зависятъ отъ чиновъ и прочихъ белендрасовъ. Жаль тѣхъ, которые не понимаютъ чувства; но больно за тѣхъ, которымъ пришлось испытать эти разочарованія. Съ будущимъ мѣсяцемъ начнемъ копать въ огородѣ. Только врядъ-ли я буду большой помощникъ Евгенію и Михѣевнѣ, нашей доброї даме du palais. Нога въ жары какъ-то сильно напоминаетъ объ себѣ: заставляетъ сидѣть, поднявши ее вверхъ; а въ этомъ положеніи не годишься въ огородники. Домъ занимаемъ порядочный, вдовы Бронниковой, которая позволяетъ намъ на свой счетъ дѣлать всевозможныя поправки и за это позволеніе беретъ 250 руб. въ годъ. Наружность—нѣчто въ родѣ станціи въ Россіи; но расположеніе удобно. Для насъ ничего лучшаго не нужно. Каждому можно быть у себя, и есть мѣсто, гдѣ можно быть вмѣстѣ...

«Весна обѣщала много хорошаго; у насъ перепадали теплыя дожди, а потомъ опять обыкновенная засуха. Нельзя еще ничего положительнаго сказать объ урожаѣ: мѣстами, говорятъ, хорошъ; но вообще лучше послѣднихъ годовъ. Овощи огородныя у насъ все вообще хорошо родятся; капуста лучшая продается по 5 и по 4 сотня, а картофель по 30 коп. пудовка. Одна рѣпа здѣшняя не вкусна; можетъ быть это отъ грунта земли или отъ дурныхъ сѣмянъ. Ягоды: земляника, лѣсная клубника, немного малины и миллионъ брусники. Я вамъ ихъ назвалъ по порядку ихъ появленія на сцену. Теперь мы ѣдимъ землянику à discrétion. Здѣшній округъ ягодами бѣднѣе другихъ. Въ Тобольскомъ и Туринскомъ кромѣ того есть княженика и морошка. Плоды здѣсь не существуютъ, развѣ только на Исетѣ вишни, и то небольшія и довольно кислыя; хороши только въ вареньи и въ уксусѣ. Въ огородахъ производятъ дыни и арбузы, какъ я уже вамъ говорилъ. Устроивши оранжерею, можно бы все имѣть; но это слишкомъ сложно и не стоитъ хлопотать. Флора здѣшняя, т. е. Западной Сибири, несравненно бѣднѣе Восточной; тамъ и мѣстность, и растительность, и воды совѣтъ другія. Отъ самаго Томска на Западъ томительная плоскость; между тѣмъ какъ на Востокѣ горы, живописныя мѣста и само небо темно-голубое, а не сѣроватое, какъ часто здѣсь бываетъ. Климатъ вообще здоровый, сухой. Большихъ болѣзней не бываетъ, только въ сильныя жары хворають дѣти, и то не всегда. Ничего особеннаго нѣтъ; по сельскому хозяйству новыхъ системъ здѣсь не существуетъ; мужички дѣйствуютъ по старому, какъ отцы и дѣды дѣйствовали: все родится безъ удобренія. Ваша газета ¹⁾ получается только въ Духовномъ Правленіи; нужно, чтобъ кто-нибудь изъ крестьянъ въ нее загля-

¹⁾ «Земледѣльческая Газета», которая долго издавалась подъ редакціей Е. А. Энгельгардта.

дывалъ; они еще не считаютъ нужнымъ чигагъ, но очень заботятся, чтобъ новое поколѣніе было грамотное, и это распространяется повсемѣстно въ Сибири. Жаль только, что наше премудрое министерство просвѣщенія не тѣмъ занимается этихъ парней, чѣмъ бы слѣдовало: имъ преподають курсъ уѣзднаго училища, который долбитъ и потомъ безъ всякой пользы забывается, между тѣмъ какъ рѣдкіи мальчишкы умѣютъ хорошо читать и писать при выходѣ изъ училища. Также исторія и у васъ; многое и тутъ требуетъ измѣненія, но видно еще не пришла пора.— Пришла пора идти купаться въ Тоболь. Это одно изъ самыхъ пріятныхъ развлеченій. У насъ есть ванна, но какъ-то плохо устроена. Пришлите мнѣ рисунокъ и разрѣзъ чего-нибудь порядочнаго въ этомъ родѣ, чтобъ она была раздѣлена на двѣ половины и была устроена на баркѣ, а не на плоту, гдѣ съ ящикомъ какъ-то неудобно. Можетъ быть, мы весной справимъ новую купальню. Это для всего города пріятно. Одна половина будетъ мужская, а другая—женская. Плавать я не умѣю, хоть въ Лицеѣ насъ учили, и потому я барахтаюсь въ ваннѣ.

«Надоѣло мнѣ ожидать случая, а вы, я думаю, давно вините меня въ неисправности. Пусть эти листки идутъ прямо въ редакцію Земледѣльческой Газеты. Это гораздо простѣе. Пора вамъ читать мою болтовню; мало толку въ ней найдете, но и поэтому узнаете вашего неизмѣннаго, стараго друга, который дружески, крѣпко васъ обнимаетъ и проситъ привѣтствовать всѣхъ вашихъ домашнихъ и добрыхъ посѣтителей, вѣрныхъ нашей старинѣ. Въ главѣ ихъ вижу Фрицку ¹⁾. Пожмите ему за меня руку и вспомните иногда въ вашихъ бесѣдахъ. Вѣрно вмѣстѣ будете разбирать мою грамотку, которая отправляется подѣ фирмою матеріалювъ для газеты, а оныхъ-то въ ней и не обрѣтеть почтовой (!) редакторъ. Для успокоенія вашей совѣсти надобно вамъ сказать, что всходы были хороши; но бездождіе, почти повсемѣстное въ Тобольской губерніи, не обѣщаетъ обильной жатвы. Страдовать еще не начали, но уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ косятъ хлѣбъ, какъ никуда не годный. Это неутѣшительное извѣстіе. Травы также тощи: Евгеній ²⁾ не очень доволенъ нашимъ покосомъ; въ награду вчера его такъ смочило, когда онъ оттуда возвращался, что нитки не осталось сухой. Гораздо бы лучше было, если-бъ этотъ дождь палъ раньше, и не на него, а на траву, которую мы нанимаемъ на городскихъ лугахъ. Впрочемъ сѣна будетъ довольно для нашихъ двухъ коровъ и для рыжки. Надобно благодарить Бога, что нынѣшній годъ не было падежа на скотъ: лонисъ ³⁾ (сибирское выраженіе) пало въ городѣ изъ 800 штукъ рогатаго скота слишкомъ пятьсотъ. Это бѣдствіе часто въ Сибири бываетъ. Есть селенія, гдѣ почти ни одной коровы не осталось. Почти никакихъ мѣръ не принимаютъ къ прекращенію этого зла, да и трудно что-нибудь сдѣлать. Заботливый только хо-

¹⁾ Товарищъ его по Лицею Ф. Х. Стевенъ. См. I-и томъ «Товарищѣи Пушкина».

²⁾ Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій.

³⁾ «Лонисъ» — значитъ прошлаго года.

зьяннѣ находятъ возможность убрать свой скотъ, отдѣливши его совершенно отъ другихъ. Мы своихъ сохранили въ прошломъ году: пускали кровь, обливали холодной водой и поили разными снадобьями оевѣжающими, для отвращенія воспаления въ кишкахъ. По наблюдениямъ это причина упадка. Не знаю, дойдутъ-ли нынѣшній годъ наши дыни и арбузы. Рано начались холодныя росы, сегодня утромъ просто пахло осенью. Если это продолжится, то врядъ-ли дозрѣютъ на извѣстныхъ вамъ лунькахъ. Однако прощайте, почтенный другъ. Вы, я думаю, и не рады, что заставили меня отъ времени до времени на бумагѣ бесѣдовать съ вами, какъ это часто мнѣ случается дѣлать мысленно. Не умѣю отвыкнуть отъ васъ и добраго вашего семейнаго круга, съ которымъ я сроднился съ первыхъ моихъ лѣтъ. Дайте вѣсть, что благополучно дошли материалы нематеріальные».

Жизнь въ Сибири, помимо своихъ лишеній, давала и умственную пищу, какъ мы только что видѣли въ приведенномъ отрывкѣ изъ письма Пушкина. Эта же жизнь приносила Пушкину и отрадныя минуты, заставляя его вспомнить эпизоды, пережитые на родинѣ среди родныхъ и друзей. Такъ, на примѣръ, отъ 8 мая мы читаемъ слѣдующую записку въ письмѣ: «4-го минуло вашему Jeannot 47 лѣтъ, а сегодня онъ справляетъ свои именины. Гости будутъ самые близкіе люди: но давно ему не удается собрать тѣхъ, кого бы хотѣлось позвать и безъ большихъ затѣй угостить въ своемъ углу. Бывало, въ Лицеѣ, въ этотъ день, въ столовой, вмѣсто казеннаго чаю, стоятъ чашки, наполненныя кофеемъ со стопкой сухарей, и вся артель пьетъ съ поздравленіемъ приготовленіе Левонтія Комерскаго. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, пришлось и въ Сибири кормить мороженымъ. Спасибо добрымъ товарищамъ, жертвуютъ для именинника цѣлымъ днемъ; а эти дни какъ то тяжелѣе другихъ: сильнѣе ощущаешь желаніе быть въ прежнемъ кругу. Но этотъ кругъ теперь во многомъ измѣнился; можетъ быть, иного изъ старыхъ знакомыхъ встрѣтишь и во многомъ не узнаешь. Время кладетъ неумолимую свою печать. Въ послѣдній разъ, въ 1825 году, я въ Москвѣ справлялъ Майскіе свои дни; тутъ были кой-кто изъ лицейскихъ и вся magistrature renforcée, какъ называлъ насъ князь Голицынъ, генераль-губернаторъ Московскій. Сегодня просто хотѣлось напомнить вамъ вашего молодого питомца, который въ Зауральскомъ краю уже двадцатый разъ именинникъ. Слѣдовало бы за это долготерпѣніе дать пряхку хоть съ правомъ носить ее въ карманѣ... Заболтался. Напоминаютъ, что имениннику пора похлопотать о предстоящихъ посѣтителѣхъ. Въ эти торжественныя дни у насъ обыкновенно отворяется одна дверь, которая заставлена ширмою, и романтическій нашъ распорядокъ въ домѣ принимаетъ видъ классическій. Пора совершить это превращеніе. Прощайте».

Въ Ялуторовскѣ, по донесеніямъ мѣстной администраціи, Пушкинъ, кромѣ чтенія книгъ, занимался хозяйствомъ. Первые годы пребыванія въ Ялуторовскѣ Иванъ Ивановичъ жилъ вмѣстѣ съ Е. П. Оболенскимъ, занимая просторный домъ

купца Бронникова, по когда Е. П. женился, то П. И. поселился одинъ. Климатическія условія Сибири вредно дѣйствовали на его здоровье, почему, находясь еще на водвореніи въ Туринскѣ и будучи подверженъ частымъ заболѣваніямъ, онъ ходатайствовалъ о переводѣ въ Ялуторовскъ, въ мѣстность съ лучшими условіями для жизни, но и по состоявшемся переводѣ здоровье его не улучшилось¹⁾, почему, съ разрѣшенія Генераль-Губернатора Западной Сибири князя Горчакова, онъ ѣздилъ изъ Ялуторовска въ Тобольскъ для совѣта съ медиками. Не получая облегченія, онъ въ началѣ 1849 г. возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему поѣздки, для леченія, на Туркинскія минеральныя воды, а потому писалъ кн. П. Д. Горчакову: «Въ надеждѣ на снисхожденіе вашего сіятельства, прямо къ вамъ обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою; знаю, что слѣдовало бы просить по начальству; но какъ дѣло идетъ о здоровьѣ, которое не терпитъ промедленія, то увѣренъ, что вы простите больному человѣку это невольное отклоненіе отъ формы и благо-склонно взглянете на его просьбу. Вашему сіятельству извѣстно, что съ 1840 г. я подверженъ сильнымъ хроническимъ припадкамъ, отъ которыхъ съ вашего разрѣшенія ѣздилъ лѣчиться въ Тобольскъ, тогда я получилъ облегченіе, но болѣзнь не прошла. Съ прошлаго года она снова развилась, а прежнія средства уже не помогаютъ. По мнѣнію медиковъ, одна надежда—на Туркинскія воды за Байкаломъ. Въ проѣздъ вашего сіятельства черезъ Ялуторовскъ я не могъ лично просить васъ объ этомъ—болѣзнь не позволила мнѣ представиться».

Въ мартѣ 1849 г. графъ Орловъ, на усмотрѣніе котораго представлено было ходатайство, увѣдомилъ кн. Горчакова, что онъ находитъ возможнымъ назначеннаго въ Ялуторовскъ Пущина временно перемѣстить въ Иркутскъ для леченія на водахъ. Тобольскій Губернаторъ Ангельке, которому кн. Горчаковъ сообщилъ, къ исполненію, отзываетъ графа Орлова, въ началѣ 1849 г. донесъ главному управленію Западной Сибири, что онъ вытребовалъ Пущина изъ Ялуторовска въ Тобольскъ, а теперь испрашиваетъ разрѣшенія о томъ, слѣдуетъ ли Пущина, отправляемаго подъ надзоромъ конвоира, доставить въ Иркутскъ на счетъ казны или же всѣ расходы по отправленію отнести на счетъ самого Пущина, какъ перемѣщаемаго въ Восточ-

¹⁾ О своемъ здоровьѣ Пущинъ сообщалъ Ангельгардту въ письмѣ отъ 1845 г. (25 мая), изъ Ялуторовска, слѣдующее: «Начались Сибирскія наши жары, которыя въ родѣ тропическихъ. Моя нога ихъ не любитъ; я принужденъ былъ бросить кровь и нѣсколько дней прикладывать ледъ. Это замедляетъ дѣятельность; надобно впрочемъ платить дань своему возрасту и благодарить Бога, что свѣжа голова. Бѣда какъ она начнетъ прихрамывать; а съ ногой еще можно поправиться. Бѣдный Михайло тоже нѣсколько разбитъ, только разница въ томъ, что онъ былъ подъ пулями, а я въ крѣпости началъ чувствовать боль, отъ которой сдѣлалось растяженіе жилы, и хроническая эта болѣзнь идетъ своимъ ходомъ. Вылечиваться я и не думаю, а только разными охлаждающими средствами чиню ее, какъ говаривалъ нѣкогда нашъ знаменитый Пешель». (Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 184).

ную Сибирь по собственному его желанію. Съ разрѣшенія кн. Горчакова, всѣ расходы по поѣздкѣ Пущина въ Иркутскъ и обратно отнесены были на счетъ казны. Отправившись въ Иркутскъ въ началѣ іюня 1849 г., Иванъ Ивановичъ возвратился въ Ялуторовскъ въ декабрѣ этого же года.

За время 16-ти-лѣтняго своего пребыванія на поселеніи въ Западной Сибири Иванъ Ивановичъ аттестовался, какъ полиціею, такъ и Тобольскими губернаторами, лицомъ, отличающимся «хорошимъ поведеніемъ»¹⁾).

По воспослѣдованіи Всемилостивѣйшаго манифеста 26 августа 1856 г., Иванъ Ивановичъ выбылъ изъ Сибири въ Россію²⁾).

Переселившись, послѣ амнистіи, въ Россію, Пущинъ женился на вдовѣ своего товарища по Сибири фонъ-Визина—Наталіи Дмитриевнѣ, которой было тогда 52 года.

Свадьба Пущина съ Натальей Дмитриевной состоялась весною 1857 г., на станціи Бологое, въ имѣніи князей Эристовыхъ. Пущинъ еще въ Сибири дѣлалъ ей предложеніе, когда она была еще женою декабриста генерала М. А. фонъ-Визина, но она отклонила его предложеніе. Согласіе свое на бракъ съ Пущинымъ Н. Д. фонъ-Визина поручила въ 1857 г. передать Пущину его товарищу Ѳ. Ѳ. Матюшкину³⁾).

Какъ эта женитьба, такъ и отношеніе его къ своему семейству не представляли ничего утѣшительнаго. Сами декабристы были такого же взгляда. Такъ, на примѣръ, въ письмѣ Якова Казимирскаго къ князю Е. П. Оболенскому отъ 17 февраля (безъ обозначенія года), изъ Омска, мы читаемъ:

«Проѣзжая въ обратный путь черезъ Ялуторовскъ, мы остановились въ домѣ Балакшина и пили у нихъ чай. Сколько воспоминаній пробѣжало въ моей памяти!! и образъ незабвеннаго убывшаго друга! и васъ всѣхъ, и чудныя минуты давно бывшаго въ нашихъ бесѣдахъ. . . .⁴⁾ Мнѣ приходитъ на мысль, что если бы васъ не тронули изъ Ялуторовска, всѣ бы были живы и благополучны! Конечно, странная мысль и еще къ этой мысли мысль, что бракъ его съ Н. Д.

¹⁾ По поводу этихъ аттестацій Пущинъ въ письмѣ къ Энгельгардту отъ 1845 г. (8 мая) дѣлаетъ слѣдующія остроумныя замѣчанія: «Любопытны аттестаціи, которыя даютъ объ насъ ежемѣсячно городничій и волостные головы. Тутъ вы видите не-въжество алстующихъ и, смѣю сказать, глупость требующихъ отъ этихъ людей ихъ мнѣнія о томъ, чего они не понимаютъ и не могутъ понять. Пишутъ обыкновенно: «занимается книгами или домашностію, поведеніе скромное, образъ мыслей кроткій». Скажите, есть ли какая нибудь возможность положиться на наблюдателей, которые ничего не могутъ наблюдать?» (Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 184).

²⁾ Декабристы въ Западной Сибири, А. И. Дмитриева-Мамонова. Спб., 1905 г., стр. 201—203, глава 31.

³⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей, стр. 109.

⁴⁾ Точки вездѣ въ подлинникѣ.

убилъ почти его?.. Вотъ идея! Не правда ли, что дикая, а между тѣмъ она неоднократно приходила и приходитъ мнѣ въ голову!..

«Вы знаете, какъ его тиранили его сестры? Какъ не хотѣли признать его дѣтей и проч. и проч., эти сердечныя неудовольствія сломали этотъ сильный организмъ и убили нашего И. И.» (Пущина)¹⁾.

О женѣ Пущина — Наталіи Дмитріевнѣ, когда она была еще замужемъ за фонъ-Визинѣ, сохранилось въ «Памятныхъ тетрадяхъ» С. М. Сухотина, отъ 6 сентября 1871 г., воспоминаніе П. Н. Свистунова о томъ, какъ онъ обратился въ вѣрующаго чрезъ Н. Д. фонъ-Визинѣ — «женщину глубоко-духовную и разумную». Она дала ему, между прочимъ, прочесть *Vie de madame Guyon*²⁾.

Мы уже знаемъ, что И. И. Пущинъ былъ женатъ на Наталіи Дмитріевнѣ фонъ-Визинѣ³⁾.

Поэтому К. М. Голодниковъ совершенно невѣрно полагаетъ, что за Ивана Ивановича Пущина вышла замужъ вдова А. В. Ентальцева⁴⁾. Первый мужъ Наталіи Дмитріевны, рожденной Апухтиной, Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ, умеръ 30 апрѣля 1854 г., въ селѣ Марьино, близъ города Бронницъ, Московской губерніи⁵⁾.

Пущины были въ родствѣ съ Рылѣвыми; Кондратій Федоровичъ, какъ извѣстно, былъ женатъ на Н. М. Тевяшевой. Отъ этого брака онъ имѣлъ двухъ дѣтей: сына Александра, умершаго въ 1824 г., и дочь Анастасію, род. 23 мая 1823 г.; въ 1842 г. она вышла замужъ за И. А. Пущина. Она умерла 26-го мая 1890 г., въ своемъ родовомъ имѣніи Тульской губерніи, въ селѣ Кошелевкѣ⁶⁾.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ оставилъ намъ свои записки о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ. Эти воспоминанія согрѣты искреннею дружбою Пущина къ своему

¹⁾ Изъ переписки декабристовъ, сообщенной княгиней М. Г. Оболенской. «Рус. Стар.» 1901 г., т. СУ, февраль, стр. 445.

²⁾ «Рус. Арх.» 1894 г., кн. 8, стр. 585 и 587.

³⁾ О ней см. «Рус. Арх.» 1894 г., кн. 9, стр. 59.

⁴⁾ См. Государственные и политическіе преступники въ Ялutorовскѣ и Курганѣ. «Историческій Вѣстникъ» 1888 г., декабрь, т. 34, стр. 754.

⁵⁾ См. Русскую родословную книгу. Изданіе ред. «Русск. Стар.», т. I, стр. 311—313, — и «Русск. Стар.» 1881 г., т. 31, стр. 530. О Н. Д. Пущиной вспоминаетъ Архіепископъ Никаноръ: «Въ 70-хъ годахъ появилась въ Петербургѣ Пущина, жена декабриста, возвращеннаго изъ ссылки. Тогда на этихъ возвращенныхъ декабристовъ была настоящая мода. Всѣ съ ними возились. Эта Пущина была благосклонно принята даже у Императрицы Маріи Александровны. Отъ нечего дѣлать она написала толкованіе на литургію». («Русск. Архивъ» 1906 г., кн. 9, стр. 30). Архіепископъ Никаноръ упоминаетъ еще о другой Пущиной. Послѣ 17 октября 1888 г. Никаноръ заѣзжалъ къ Кіевскому Митрополиту и засталъ у него въ гостиную даму, генеральшу Пущину, жену декабриста. («Русск. Архивъ» 1906 г., кн. 10, стр. 207).

⁶⁾ «Историч. Вѣстн.» 1890 г., т. 41, стр. 714—715.

геніальному товарищу и являются весьма драгоценнымъ матеріаломъ для освѣщенія жизни Пушкина въ Лицеѣ. Если бы Пущинъ ничѣмъ не прославился въ жизни, то эти его записки доставили бы ему извѣстность и оставили-бы слѣды въ литературѣ. Эти воспоминанія—единственно цѣнная заслуга, которую совершилъ Пущинъ за всю свою жизнь.

Пущинъ питалъ восторженное поклоненіе къ Пушкину, пребыванію котораго въ Лицеѣ онъ посвятилъ свои воспоминанія. Посѣтивъ, по возвращеніи изъ Сибири, Лицей, онъ съ особенною душевною теплотою вновь переживалъ свою юность, проведенную вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Объ этомъ эпизодѣ рассказываетъ намъ Николай Ивановичъ Лореръ, дядя Александры Осиповны Смирновой, рожденной Россетъ, которую онъ посѣтилъ въ сентябрѣ 1855 г. ¹⁾ съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ. Они взяли ея старшую дочь Ольгу съ собою, показали ей въ Лицеѣ комнату Пушкина и его мѣсто въ классной комнатѣ и отслужили по немъ панихиду. Пущинъ былъ очень растроганъ. Онъ много говорилъ со Смирновыми (мужемъ и женою) о Пушкинѣ ²⁾.

По словамъ Греча, Пущинъ «познакомился на бѣду свою съ Рылѣвымъ, увлекся его сумасбродствомъ и фанатизмомъ и сгубилъ себя. Онъ выстрадалъ слишкомъ тридцать лѣтъ въ Сибири; былъ освобожденъ съ прочими, женлся и въ нынѣшнемъ (1859 г.) умеръ отъ болѣзни въ Петербургѣ. Я не имѣлъ случая видѣть его по возвращеніи. Память о его умѣ, сердцѣ и характерѣ и глубокое сожалѣніе о его несчастіи останется на вѣки въ глубинѣ души моей» ³⁾.

Къ сожалѣнію, каторга не исправила Ивана Ивановича Пущина, онъ остался съ тѣми же завырными идеями, съ которыми онъ попалъ въ Сибирь. По словамъ декабриста Цебрикова, «Иванъ Пущинъ, какъ говорятъ, сохранилъ свои вѣрованія, свои убѣжденія до послѣдней минуты. Миръ праху его!» ⁴⁾

И. И. Пущинъ умеръ 3 апрѣля 1859 г., въ Петербургѣ (если вѣрить Гречу), и похороненъ въ г. Бронницахъ, на кладбищѣ близъ стараго собора ⁵⁾.

¹⁾ Дата эта является не совсѣмъ вѣрною, потому что Пущинъ изъ Сибири выбылъ въ Россію 26 августа 1856 г., какъ объ этомъ сообщаетъ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.

²⁾ «Рус. Арх.» 1897 г., кн. 9, стр. 131. Лореръ—родной братъ Надежды Ивановны Россетъ, бывшей во второмъ бракѣ за Иваномъ Карловичемъ Арнольди. Тамъ же, стр. 133.

³⁾ Записки о моей жизни, Н. И. Греча. Спб., изданіе А. С. Суворина, 1886 г., стр. 407.

⁴⁾ См. письмо декабриста Н. Цебрикова къ князю Евгенію Петровичу Оболенскому, отъ 27 марта 1860 г.—«Русск. Стар.» 1903 г., т. 115, іюль, стр. 69.

⁵⁾ См. Л. Майковъ: Пушкинъ. Спб., 1899 г., стр. 42. Здѣсь годомъ смерти указанъ 1858 г.; вѣроятно, это—опечатка, такъ какъ Майковъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, изд. 2, Спб., 1900 г., стр. 63) указываетъ на 1859 г., который также указывается и въ другихъ источникахъ.

Выше мы упоминали о лицейскихъ годовщинахъ.

Конечно, послѣ 1825 года, отбывая свое наказаніе въ Сибири и потомъ также и на поселеніи, Пушкинъ не могъ принимать никакого участія въ дружескихъ сходкахъ, устраиваемыхъ его товарищами въ день 19-го октября — день основанія Лицея. Изъ далекой Сибири онъ идеализировалъ ихъ, ему чудилось, что всѣ товарищи стремятся на эту ежегодную сходку, чтобы увидѣть другъ друга, чтобы обмѣняться мыслями. Пушкину не приходило на умъ, что сходки эти все рѣже и рѣже собираютъ товарищей, что дѣла и обязанности служебныя не даютъ имъ досуга увидѣться хоть разъ въ году. Сходки эти держались еще кое-какъ при жизни Пушкина; послѣ же его смерти онѣ замѣтно рѣдѣютъ и прекращаются.

Жизненную энергію вносятъ въ нихъ на нѣсколько лѣтъ бывший директоръ Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ. Такъ, по поводу лицейской годовщины 1834 года со словъ Пушкина княгиня Е. И. Трубецкая писала, отъ 5 октября, изъ Петровскаго Завода, слѣдующее письмо Энгельгардту: «...Онъ (т. е. И. И. Пушкинъ) увѣренъ, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, 19-го числа, соберутся у васъ или гдѣ-нибудь лицейскіе. Вы имъ скажете, что Ив. Ив., несмотря на отдаленіе, мысленно въ вашемъ кругу: онъ убѣжденъ, что, не дожидаясь этого письма, вы увѣрили всѣхъ, что онъ какъ бы слышитъ ваши бесѣды этого дня и, что онѣ находятъ вѣрный отголосокъ въ его сердцѣ...»¹⁾.

Къ стр. 144.—И. И. Пушкинъ былъ именинникъ 8 мая—въ день празднованія памяти Св. Іоанна Богослова. Рожденіе же Пушкина было 4 мая. Обѣ эти даты мы беремъ изъ письма И. И. Пушкина къ Е. А. Энгельгардту отъ 1845 года, изъ гор. Ялуторовска. Поэтому обращеніе Пушкина, въ его стихотвореніи «Къ И. И. Пушкину. (4 мая)», начинающемся словами: «Любезный именинникъ...», какъ къ имениннику, является совершенно произвольнымъ; возможно, что такое обращеніе приведено Пушкинымъ просто ради рифмы.

Къ стр. 93, пунктъ d, и къ стр. 94, пунктъ d.—См. полное сознаніе Каховскаго въ письмѣ къ Государю отъ 19 марта 1826 г. Каясь въ своемъ замыслѣ, Каховскій умоляетъ Государя простить офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, увлеченныхъ имъ. «Обманутый Рылѣвымъ, — пишетъ Каховскій, — я и ихъ обманывалъ. Я, злодѣй ужасный, всему причиною; пусть на мнѣ кончатся ихъ мученія, а они, исполненные благодарностью, могутъ быть

¹⁾ К. Я. Гротъ: Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него. Спб., 1910 г., стр. 17—18.

полезны Вамъ, отечеству и заслужить свое неблагоразуміе. Спасите ихъ, Великодушный Государь! Я умру, благословляя милосердіе Вашего Императорскаго Величества!» (Госуд. Арх., I, В., № 11, л. 55—58). Въ книгѣ: Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства. Подъ редакціей А. К. Бороздина. Спб., изданіе М. В. Пирожкова, 1906 г. III. Письмо Петра Григорьевича Каховскаго къ Императору Николаю Павловичу, стр. 23—27.

20.

ПЕТРЪ ФЕДОРОВИЧЪ
САВРАСОВЪ.

Петръ Федоровичъ Саврасовъ.

Род. въ 1799 г., † 23 іюля (4 августа) 1830 г.).

«Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали».

Пушкинъ. «19 октября 1831 г.»

Петръ Федоровичъ Саврасовъ, сынъ коллежскаго совѣтника¹⁾, род. въ 1799 г.²⁾. Его отецъ, Федоръ Васильевичъ Саврасовъ, былъ кавалеромъ³⁾, т. е. чѣмъ-то въ родѣ наставника, при молодыхъ Великихъ Князяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ.

Когда Николаю Павловичу было 7-8 лѣтъ, у него были наставниками: первымъ Ѳ. П. Аделунгъ—въ 1803 году, ген.-м. Ахвердовъ и полковники Арсеньевъ и Ушаковъ; въ 1805 году къ нимъ прибавлены д. с. с. Дивовъ, кол. сов. Вольфъ и майоръ Амедвекскій, а въ 1808 году—ст. сов. Саврасовъ. Въ 1811 г. Дивовъ выбылъ, и на его мѣсто назначенъ кол. сов. Глинка⁴⁾.

«Эти наставники или надзиратели, бывшіе въ то же время и преподавателями наукъ, на официальномъ языкѣ назывались кавалерами. Они постоянно нахо-

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г., стр. 29.

²⁾ См. выписку изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-Гв. 1-й артиллерійской бригады за 1829 г., по архиву № 1167 (Общій архивъ главнаго штаба въ Москвѣ, въ Лефортовѣ), гдѣ ему показано 30 лѣтъ. Этотъ же годъ выходитъ и по указаніямъ Мартына Пилецкаго-Урбановича. См. ниже.

³⁾ См. «Гр. А. Глинка»—статья Гр. Гр. Глинки-Маврина. «Рус. Стар.» 1876 г., т. XVII, сентябрь, стр. 78—79 и 82.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1896 г., кн. 6, стр. 285, статья А. Корсакова: «Дѣтство и отрочество Николая Павловича».

дились при Великихъ Князьяхъ и жили во дворцѣ; но кромѣ нихъ ко двору приглашались и другія лица исключительно для преподаванія наукъ»¹⁾).

Саврасовъ опредѣленъ былъ на эту должность 23 декабря 1808 года, въ чинѣ статскаго совѣтника, изъ адмиралтейскаго вѣдомства, гдѣ онъ былъ начальникомъ комиссаріатскаго отдѣленія, съ содержаніемъ въ 2,000 рублей въ годъ и 500 руб. на квартиру, какъ это видно изъ письма П. Чичагова къ Д. А. Гурьеву отъ 3 апрѣля 1808 г. за № 91.

Саврасовъ сопровождалъ Великихъ Князей изъ Петербурга за границу 5 (17) февраля 1814 г. вмѣстѣ съ генераломъ Ламздорфомъ, Алединымъ, Арсеньевымъ, полковникомъ Жаноти и докторомъ Руль²⁾).

Лѣтомъ 1816 г. Николай Павловичъ предпринялъ образовательную поѣздку по Россіи. Его сопровождали генераль-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голеніщевъ - Кутузовъ, кавалеры Саврасовъ и Глинка³⁾. Въ томъ же 1816 году, 13 (25) сентября, Николай Павловичъ отправился за границу. Конечною цѣлью этой поѣздки было посѣщеніе Англій. Его сопровождали генераль - адъютантъ П. В. Голеніщевъ - Кутузовъ, кавалеры Саврасовъ и Глинка и докторъ Крейтонъ⁴⁾. Для ознакомленія съ Англійей былъ взятъ баронъ Павелъ Андреевичъ Николаи, служившій прежде въ Лондонскомъ посольствѣ при графѣ С. Р. Воронцовѣ⁵⁾.

Федоръ Васильевичъ Саврасовъ въ 1782 г., будучи отставнымъ артиллеріи майоромъ, хлопоталъ объ опредѣленіи сына Ивана въ пажи, а въ 1795 году—объ опредѣленіи въ пажи, вѣроятно, и другого сына—Василія Саврасова. Иванъ Федоровичъ Саврасовъ во время путешествія Великаго Князя Николая Павловича по Россіи и за границей въ 1816—17 г.г. исполнялъ обязанности казначея, какъ это видно изъ отчета объ израсходованіи суммъ, назначенныхъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною на собственные расходы Николая Павловича⁶⁾.

Вѣроятно, къ этому Саврасову относится письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 18 августа 1815 года къ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ: «Молчаніе Саврасова для меня совершенно непонятно, о немъ также нѣтъ ни слуху, ни духу; онъ не присылалъ мнѣ отчета съ самаго вашего отъѣзда, хотя въ данной ему инструкціи сказано, что онъ обязанъ присылать его,

¹⁾ Тамъ же, стр. 285.

²⁾ Н. К. Шильдеръ: Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 г. «Рус. Стар.» 1901 г., т. СѢІ, іюнь, стр. 449.

³⁾ Н. К. Шильдеръ: Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 г. «Рус. Стар.» 1901 г., т. СѢІ, іюнь, стр. 464.

⁴⁾ См. письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Григорію Андреевичу (а не Александровичу) Глинкѣ. «Рус. Стар.» 1876 г., т. XVII, стр. 219.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 469.

⁶⁾ «Рус. Арх.» 1877 г., т. 6, стр. 205, 208, 209, 213, 217 и 219.

по возможности, ежемѣсячно; никто изъ вашихъ кавалеровъ также не пишетъ мнѣ, хотя это предписано имъ инструкціей. Признаюсь вамъ, дѣти мои, я очень этимъ удивлена. Прощайте, милые и добрые друзья мои, спите спокойно» ¹⁾).

Петръ Федоровичъ Саврасовъ получилъ домашнее образованіе и 8 августа 1811 г. держалъ экзаменъ для поступленія въ Лицей. Отмѣтки его слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: россійскаго—«хорошо»; французскаго—«изрядно»; нѣмецкаго—«читать и писать умѣть»; въ ариѳметикѣ—«знаетъ и правила товарищества»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ,—«имѣетъ довольно хорошія познанія», въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«хорошо» ²⁾). Такимъ образомъ, отмѣтки эти явились настолько удовлетворительными, что онъ былъ принятъ въ Царскосельскій Лицей.

Что касается до его ученія въ Лицеѣ, то мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ въ отмѣткахъ и отзывахъ преподавателей и гувернеровъ.

Н. Кошанскій съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. пишетъ: «Петръ Саврасовъ, со стороны способностей не совсѣмъ мнѣ извѣстенъ, прилѣженъ довольно и показываетъ въ обоихъ языкахъ хорошіе успѣхи». (Ставить его восьмымъ въ списокѣ).

Тотъ же Кошанскій съ 15 марта по 15 октября 1812 г. помѣщаетъ Саврасова восемнадцатымъ въ своемъ списокѣ и пишетъ: «Петръ Саврасовъ, кажется, довольно имѣетъ способностей; но, по скромности его отвѣтовъ, онъ едва примѣтенъ; прилѣжаніе его достойно похвалы и успѣхи въ обоихъ языкахъ хороши».

Гауеншильдъ въ своемъ рапортѣ отъ 31 марта 1812 г. сообщаетъ: «J'aime l'occupation, et fait beaucoup de progrès, quoiqu'avant d'entrer au Lycee il semble ne s'être occupé que très peu de l'allemand. Il est d'ailleurs d'un caractère très doux».

Профессоръ Будри отъ 18 ноября 1812 г. помѣщаетъ Саврасова во второе отдѣленіе воспитанниковъ по успѣхамъ и говоритъ: «Savassof. Ses facultés se déploient et ses progrès vont toujours en croissant».

Наконецъ, Гауеншильдъ въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г., ставитъ его во вторую категорію воспитанниковъ и замѣчаетъ: «Savassof, aime toujours l'occupation et fait beaucoup de progrès».

Мартынъ Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ гг. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Саврасовѣ: «Саврасовъ (Петръ). 13-ти лѣтъ. Дарованія его весьма основательны и надежны. Кротость, спокойствіе духа, благородство, скромность, терпѣливость, умѣренность, чистосердечіе и невинность ясно изображаются на открытомъ лицѣ его; ибо въ немъ нѣтъ ни тѣни лицемерія. Онъ всегда оди-

¹⁾ «Русск. Стар.» 1904 г., т. СХІХ, августъ, стр. 465.

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. Прилож. къ стр. ХІ.

наковъ, чувствителенъ, когда подасть хотя малѣйшую причину къ неудовольствію; въ ученіи постоянно рачителенъ и вѣренъ въ исполненіи своихъ обязанностей; благонравенъ, не требуя надзора; любитъ порядокъ и опрятность; въ обращеніи весьма вѣжливъ, дружелюбенъ, а къ старшимъ почтителенъ. Особеннаго пристрастія ни къ чему не оказываетъ, онъ равнодушенъ, охотно, однакоже, хотя умѣренно; участвуетъ въ играхъ и забавахъ» ¹⁾).

Н. Кошанскій отъ 9 іюля 1813 г. раздѣляетъ воспитанниковъ на четыре категоріи: на превосходныхъ, отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ. Онъ ставитъ Петра Саврасова шестымъ воспитанникомъ въ числѣ девяти отличныхъ.

И. Кайдановъ въ своемъ рапортѣ съ 1 ноября 1812 г. по 1 генваря 1814 г. ставитъ Саврасова тринадцатымъ воспитанникомъ и даетъ слѣдующій о немъ отзывъ: «Дарованій очень хорошихъ, прилѣженъ, а посему оказываетъ весьма хорошіе успѣхи. Его можно почестъ однимъ изъ очень хорошихъ воспитанниковъ Лицея. Поведенія очень хорошаго».

Наконецъ, гувернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 г. ставитъ Саврасова вторымъ въ своемъ списокѣ и пишетъ: «Вѣжливъ, весьма кротокъ, опрятенъ, добродушенъ, простосердеченъ, скромненъ, весьма терпѣливъ, крайне прилѣженъ».

Другой гувернеръ, Илья Пилецкій, отъ 30 ноября 1812 г. даетъ слѣдующій отзывъ о Саврасовѣ: «О семъ воспитанникѣ нѣчего (Sic!) писать какъ только, что ведетъ себя всегда съ отличнымъ добронравіемъ и кротостью, поступая вѣжливо, искренно и благопристойно, какъ противъ начальства, такъ и каждаго товарища» ²⁾).

Объ участіи Саврасова въ литературныхъ трудахъ воспитанниковъ Лицея намъ ничего не извѣстно. По вѣснмъ вѣроятіямъ, онъ и въ дѣйствительности не принималъ никакого участія въ литературныхъ шалостяхъ. Изъ его лицейской жизни можно развѣ упомянуть о томъ, что комната его въ Лицеѣ была подъ № 15 и выходила окнами ко дворцу ³⁾), а также къ нему относится слѣдующій куплетъ изъ такъ называемыхъ лицейскихъ «національныхъ пѣсенъ»:

Курносый Кепъ ⁴⁾
Грядетъ, какъ Февъ,
И поправляетъ роги;
Рыжакъ Кабудъ
Съ слезами въ судъ
Передвигаетъ ноги.

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г., стр. 37.

²⁾ Къ біографіи А. С. Пушкина... И. А. Шляпкина. Спб., 1899 г., стр. 19.

³⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 286.

⁴⁾ Тырковъ.

Мы уже приводили этот куплетъ въ біографіи Тыркова; намъ кажется, что «Курносый Кепъ» обозначаетъ Тыркова; что же касается до выраженія «Рыжакъ», то оно относится къ Саврасову, который имѣлъ ярко-рыжіе волосы. Что означаетъ «Кабудъ», намъ неизвѣстно. Смыслъ этого куплета тотъ, что рыжій Саврасовъ медленно идетъ, со слезами на глазахъ, въ судъ, т. е., вѣроятно, къ своему гувернеру, жаловаться на обидѣвшаго его товарища.

9 іюня 1817 г. Саврасовъ окончилъ курсъ Лицея, съ объявленіемъ достойнымъ серебряной медали, и былъ выпущенъ, съ чиномъ офицера гвардіи, въ гвардейскую артиллерию ¹⁾). По словамъ академика Грота, къ числу самыхъ способныхъ воспитанниковъ Лицея принадлежали: Маѣловъ, Саврасовъ и Есаковъ.

Покидая Лицей, Саврасовъ оставилъ на страницахъ альбома Энгельгардта слѣдующую запись на память о себѣ: «Вспоминайте иногда и о истинно любящемъ васъ Петрѣ Саврасовѣ. 18⁹/_{v1}17 г.» ²⁾).

Хотя Я. К. Гротъ говоритъ, что «О Саврасовѣ ничего неизвѣстно» ³⁾, но мы позволимъ себѣ привести то, что намъ удалось собрать о немъ.

Относительно служебной карьеры Петра Федоровича Саврасова мы можемъ привести слѣдующія формулярныя свѣдѣнія.

Выпущенный изъ Лицея прапорщикомъ, вступилъ 29 октября, въ этомъ чинѣ, Лейбъ-Гвардіи въ 1-ую артиллерійскую бригаду.

Какъ видно изъ письма Саврасова къ С. Д. Комовскому изъ Москвы, отъ 24 февраля 1818 г., онъ жилъ въ этомъ году въ Москвѣ, на Бутыркахъ, гдѣ стояла рота Его Высочества. О своемъ пребываніи въ Москвѣ Саврасовъ пишетъ Комовскому: «Теперь я началъ привыкать къ Москвѣ и время провожу довольно весело; вчера былъ въ дворянскомъ собраніи, гдѣ находилось тысяча слишкомъ человѣкъ; иные танцовали, другіе играли въ карты, а прочіе ходили взадъ и впередъ и смотрѣли лучшую Московскую публику; вчера тамъ былъ дневной маскарадъ и обѣдъ, зала преогромная и, можно сказать, единственная въ своемъ родѣ. Я еще нигдѣ здѣсь не былъ, но надѣюсь вездѣ быть и видѣть всѣ Московскія древности» ⁴⁾).

Саврасовъ произведенъ въ подпоручики въ 1820 г., апрѣля 19; въ поручики—1823 г., декабря 12; въ штабъ-капитаны—1824 г., декабря 17; въ капитаны—1826 г., января 1; въ полковники—1827 г., апрѣля 30; нако-

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, П. Слезнева. 1856 г., стр. 91 и 92.

²⁾ Списано мною изъ альбома Е. А. Энгельгардта, находящагося въ Императорской Публичной Библиотекѣ.—Въ статьѣ Д. Θ. Кобеко указано: «18³/_{v1}17 г.» См. «Пушкинъ и его современники». Спб., 1908 г., вып. 7, стр. 15.

³⁾ Страница Царскосельскаго Лицея, въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 71.

⁴⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинскій Лицей, стр. 82.

нецъ, Высочайшимъ приказомъ отъ 5 мая 1830 г. назначенъ состоять по артиллеріи.

Саврасовъ принималъ участіе въ войнѣ Россіи съ Турціей въ 1828—29 г.г., за что и получилъ серебряную медаль, установленную за эту войну. Вотъ то мѣсто формуляра, которое относится до его участія въ этой войнѣ:

«1828 года апрѣля съ 5 дня выступилъ изъ С.-Петербурга въ походъ, августа 1 дня переправясь черезъ рѣку Дунай у крѣпости Исакчи, проходилъ въ Турецкихъ владѣніяхъ мѣста: августа 5 городъ Бабадагъ, 9 крѣпость Кястенджи, 12 городъ Монголію, 15 пришелъ въ городъ Коварну (Sic!), 29-го же къ крѣпости Варнѣ. 17 сентября переправился моремъ на баркасахъ на южную сторону крѣпости Варны въ отрядъ г. Генераль-Адъютанта Вистрома 2-го, гдѣ былъ со вѣренною ему ротою въ редутахъ. 18 числа находился въ дѣйствительномъ сраженіи противу Турецкихъ войскъ, за каковое Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степени. По взятіи крѣпости Варны, октября 2, пройдя чрезъ оную, возвратился въ лагерное расположеніе. Октября 8 пошелъ обратно и, пройдя вышеозначенныя мѣста, перешелъ границу у крѣпости Исакчи и въ предѣлы Россіи».

Саврасовъ во время своей службы въ артиллеріи получалъ 18 разъ Высочайшее благоволеніе за разные періоды его служебной дѣятельности. Намъ думается, что будетъ небезынтересно привести здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣ факты его служебной дѣятельности, которые были удостоены Высочайшихъ благоволеній и объявлены въ Высочайшихъ приказахъ, хотя мы сознаемъ, что всѣ эти свѣдѣнія не имѣютъ никакого біографическаго значенія. Пусть они будутъ приведены здѣсь ради полноты настоящаго очерка.

«1-ое,—1826 г., марта въ 20 день, за отличный порядокъ, за точность въ движеніяхъ, чистоту и единообразіе въ одеждѣ и аммуниціи, найденныя въ командуемой имъ легкой № 1 ротѣ Лейбъ-Гвардіи 1 артиллерійской бригады во время смотра, бывшаго 19 числа того же марта войскамъ Гвардейскаго Корпуса въ С.-Петербургѣ.

«2-е,—іюня въ 4 день того же 1826 г. за примѣрное устройство, быстроту, плавность и точность въ движеніяхъ, найденныя въ командуемой имъ 1-й легкой ротѣ на бывшемъ 3 числа іюня линейномъ ученьи въ С.-Петербургѣ.

«3-е,—іюня въ 11 день того же 1826 года за отличное усердіе всѣхъ чиновъ, доказываемыми успѣшнымъ усовершенствованіемъ по сей части, точность во всѣхъ движеніяхъ, правильность оныхъ соотвѣтственно мѣстоположенію, наблюденіе должныхъ правилъ и военныхъ осторожностей во время аванпостной службы и въ распоряженіяхъ всѣхъ г.г. Начальниковъ, точное соображеніе съ обстоятельствами и движеніями противной стороны, найденныя въ командуемой имъ легкой

№ 1 ротъ на бывшихъ 6, 7, 8 и 9 числѣ іюни маневрахъ Гвардейскому Корпусу подъ Краснымъ Селомъ.

«4-ое,—октябри въ 14 день того же 1826 года за бывшій 12 числа сего мѣсяца смотръ войскамъ Гвардейскаго Корпуса въ С.-Петербургѣ.

«5-ое,—іюни въ 16 день 1827 года за порядокъ и соответственное мѣстоположенію дѣйствіе, найденное въ командуемой имъ легкой № 1 ротѣ на маневрахъ, производимыхъ 14 и 15 числѣ іюня войсками Гвардейскаго Корпуса подъ селомъ Кузьминимъ.

«6-ое,—іюни въ 28 день того же 1827 года за бывшее 24 числа сего же мѣсяца линейное ученіе сводной Гвардейской бригады подъ Краснымъ Селомъ.

«7-ое,— іюня въ 28 день того же года за выступленіе съ необыкновенною скоростію и въ совершенномъ порядкѣ войскъ Гвардейскаго корпуса по перевозѣ ночью на 28 число іюня, а равно за исполненіе въ точности данныхъ приказаній и за произвожденіе всѣхъ движеній съ быстротою и совершенною правильностію, найденныя въ командуемой имъ 1 легкой ротѣ подъ Краснымъ Селомъ.

«8-ое,—іюля въ 7 день того же года за исполненіе въ точности данныхъ приказаній и за произвожденіе всѣхъ движеній съ быстротою и совершенною правильностію, найденныя въ командуемой имъ 1-й легкой ротѣ на бывшемъ 4 числа того же іюля ученіи войскамъ Гвардейскаго корпуса подъ Краснымъ Селомъ.

«9-ое,—іюля въ 11 день того же года за сообразное съ общими планами исполненіе, точность и правильность во всѣхъ движеніяхъ и отличный порядокъ, найденный въ командуемой имъ 1-й легкой ротѣ на маневрахъ, произведенныхъ войсками Гвардейскаго корпуса 6, 7 и 8 числѣ того же іюля въ окружности Краснаго Села.

«10-е,—іюля въ 12 день того же года за отличный порядокъ, правильность и точность во всѣхъ движеніяхъ, найденныя въ командуемой имъ 1-й легкой ротѣ на бывшемъ 11 числа іюля маневрѣ, произведенномъ войсками Гвардейскаго корпуса подъ Краснымъ Селомъ.

«11-е,—іюля въ 16 день того же года за маневрѣ, бывшій 14 и 15 числѣ сего же іюля между Краснымъ Селомъ и Петергофомъ.

«12-е,—іюля въ 22 день того же года за найденный въ командуемой имъ 1-й легкой ротѣ отличный во всѣхъ отношеніяхъ порядокъ и устройство на бывшемъ 21 іюля смотрѣ войскамъ Гвардейскаго корпуса въ лагерѣ при Красномъ Селѣ.

«13-е,—іюля въ 24 день того же года за отличное устройство, точность и совершенно соответственное предназначенной цѣли дѣйствіе въ командуемой имъ 1-й легкой ротѣ на маневрѣ, бывшемъ 23 того же іюля мѣсяца между Краснымъ Селомъ и С.-Петербургомъ.

«14,—1827 г., сентября въ 23 день, за отличный порядокъ и точное исполненіе приказаній, найденныхъ въ командуемой имъ 1-й легкой ротѣ на бывшемъ того числа маневрѣ, произведенномъ войсками Гвардейскаго корпуса подъ С.-Петербургомъ.

«15,—1828 г., апрѣля въ 5 день, за отличную исправность во всѣхъ частяхъ, найденную въ командуемой имъ 1 легкой ротѣ при выступленіи Гвардейской пѣшей артиллеріи изъ С.-Петербурга въ походъ.

«16,—1828 г., августа въ 30 день, за примѣрное сбереженіе командуемой имъ 1-й легкой роты и сохраненіе порядка въ продолженіе всего похода.

«17,—сентября въ 29 день того же года за примѣрное мужество, неустрашимость и усердіе, оказанныя при осадѣ крѣпости Варны.

и «18,—1829 г., іюня въ 20 и 21 дни, за отличный во всѣхъ отношеніяхъ порядокъ и устройство, найденные въ командуемой имъ 1-й легкой ротѣ на бывшихъ въ вышеозначенныя числа смотрѣ и маневрѣ въ лагеряхъ при мѣстечкѣ Тульчинѣ».

Намъ остается еще добавить слѣдующія свѣдѣнія изъ формуляра, что Саврасовъ былъ въ отпускахъ: 1820 г., іюня съ 23 на 28 дней; 1824 г., со 2 августа на двѣ недѣли; что онъ въ штрафахъ не бывалъ, холостъ, въ комплектѣ при ротѣ на лицо, къ повышенію чиномъ достоинъ и наконецъ «россійской грамотѣ, нѣмецкому, французскому и итальянскому ¹⁾ языкамъ, артиллерійскую и фортификаціонную науки знаетъ» ²⁾.

Въ празднованіи лицейскихъ годовщинъ Саврасовъ принималъ участіе одинъ разъ, а именно въ 1825 г. В. Гаевскій въ своей статьѣ: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время» («Отечеств. Записки», т. 139, стр. 29—41), не называя именъ участниковъ этой годовщины, говоритъ, что праздновать ее собралось 7 бывшихъ воспитанниковъ, въ томъ числѣ и Кюхельбекеръ. Изъ статьи Я. К. Грота: «Лицейскія годовщины» (въ книгѣ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 81) мы узнаемъ, что въ числѣ этихъ семи былъ и Саврасовъ. Между тѣмъ проф. К. Я. Гротъ (См. «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него». Спб., 1910 г., стр. 7) указываетъ, что на этой сходкѣ было всего шесть человѣкъ: Корфъ, Дельвигъ, Иллчевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ.

Если мы обратимся къ перепискѣ Директора Лицея Е. А. Энгельгардта съ его бывшими воспитанниками—первокурсниками Матюшкинымъ, Вольховскимъ и

¹⁾ Вѣроятно, это ошибка—вмѣсто англійскаго.

²⁾ Выписано изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-Гвардіи 1 артиллерійской бригады за 1829 г., по архиву №1167. Формуляръ подписалъ: Командующій Лейбъ-Гвардіи первую артиллерійскую бригадою полковникъ Симборскій. (Общій архивъ Главнаго Штаба, въ Москвѣ, въ Лефортовѣ).

Кюхельбекеромъ, а также, если мы просмотримъ дружескую переписку первокурсниковъ между собою, то мы найдемъ много цѣнныхъ указаній на разные моменты въ жизни Саврасова. Такъ, напримѣръ, Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 10 сентября 1820 г. сообщаетъ ему о пожарѣ Лицея и прибавляетъ, что «два дни послѣ того прѣхали Вольховской, Пушинъ, Комовской, Малиновской, Саврасовъ; мы обняли другъ друга и молча, со слезами общали другъ другу, что дружба наша и любовь къ старому Лицею не исчезнуть, какъ онъ!» Въ письмѣ отъ 9 февраля 1821 года Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину, что, по случаю прѣзда изъ Москвы Яковлева, Энгельгардтъ написалъ всѣмъ живущимъ въ Петербургѣ однокурсникамъ, чтобы они прѣхали къ нему въ Царское Село, не объясняя причины такого внезапнаго вызова. По зову прибыли Пушинъ, Саврасовъ, Корфъ, Комовской, Малиновской, «входятъ,—пишетъ Энгельгардтъ,—всѣ въ мой кабинетъ и вдругъ изъ-подъ моего стола голосъ знакомый воспѣваетъ: «Въ Лицейской залѣ тишина». Нѣтъ надобности тебѣ рассказывать о всеобщемъ восхищеніи при свиданіи съ старымъ товарищемъ». Въ письмѣ отъ 21 июня 1821 г. Энгельгардтъ жалуется Матюшкину на то, что всѣ его бывшіе ученики разѣхались въ разные стороны: «Пушинъ, Саврасовъ и Малиновскій пошли въ походъ, противъ кого—еще не извѣстно».

Въ письмѣ отъ 14 сентября 1823 г. Е. А. Энгельгардтъ пишетъ Кюхельбекеру слѣдующее: «Саврасовъ катится какъ шарикъ — und lebt ganz still die Kleinigkeit sein Leben hin» ¹⁾).

Отъ 4 января 1826 г. Яковлевъ пишетъ Вольховскому: «Саврасовъ сдалъ было роту; но полковникъ его сдѣланъ на дняхъ бригаднымъ и рыжему опять приходится хлопотать съ ротой».

За 1827 г. мы имѣемъ письмо Саврасова къ его другу В. Д. Вольховскому слѣдующаго содержанія:

«Радъ очень случаю сказать тебѣ нѣсколько словъ, любезнѣйшій Владиміръ Дмитриевичъ; не сердись слишкомъ на насъ городскихъ жителей, что не такъ часто пишемъ, право заботъ пропасть; опять я попалъ въ ротные командиры, не знаю, чѣмъ все это кончится—принять было легко,—каково то будетъ сдавать, а часто эта мысль беспокоить. Малиновской отправился въ деревню—мы его проводили до Царскаго Села. Всѣ наши здоровы и тебѣ кланяются; Яковлевъ меня совершенно забылъ—все жалуется, что боленъ, а никогда не найдешь дома—вѣчно на балѣ да еще и за городомъ. Сю минуту посылаю къ нему съ предложеніемъ писать къ почтенному нашему другу. Кажется, какъ бы не (ни) хотѣлось мнѣ быть въ вашихъ краяхъ, но покуда соберусь, вы соберете всѣ лавры и мнѣ

¹⁾ «Тихохонько проживаетъ свою маленькую жизнь». «Рус. Стар.» 1875 г., т. XIII, июль, стр. 374.

не оставите ни листочка. Лучше всего жить на произволь судьбы; премного благодарю, что не забываете меня въ твоихъ письмахъ, которые переходятъ изъ рукъ въ руки между нашими братьями. Спѣшу на службу царскую, а потому и оканчиваю письмо. Прощай, любезнѣйшій, будь здоровъ и щастливъ, сего желаетъ преданный тебѣ П. Саврасовъ. Февраля 22 дня 1827 года» ¹⁾).

Въ томъ же 1827 году по поводу производства Саврасова въ полковники (30 апрѣля 1827 г.) Энгельгардтъ писалъ Матюшкину слѣдующее: «Письмо мое, въ Камчатку ²⁾ пущенное, я надѣюсь, ты получилъ съ приписками Малиновскаго, Стевена и, кажется, Саврасова, который теперь уже не на шутку полковникъ. Рыжая его голова выглядываетъ между золотыми широкими эполетами, какъ пламя Царкосельскаго пожара выглядывало между золотыми главами церкви».

Яковлевъ въ письмѣ отъ 5 мая 1827 г. писалъ Вольховскому: «Письмо твое читалъ я Корфу, Дельвигу, Илличевскому, *Полковнику* Саврасову. Да, рыжій—полковникъ! 30 Апрѣля произведень...» Далѣе Яковлевъ сообщаетъ: «За работою принужденъ былъ отказаться отъ знакомыхъ и даже рѣдко вижу и нашихъ, кромѣ соудей Дельвига и Саврасова». А въ Post-Scriptum'ѣ этого письма Яковлевъ прибавляетъ: «Рыжій нашъ что то захирѣлъ. Вообрази съ самой Святой страдаетъ гемороемъ. Вѣда и отъ болѣзни и отъ докторовъ!»

Малиновскій въ письмѣ отъ 1 июня 1828 г. писалъ Вольховскому: «Наши въ походѣ и братъ ³⁾ писалъ мнѣ изъ Витебска, но здоровье его худо. Саврасовъ и Корниловъ кланялись черезъ него отставному полковнику» (т. е. Малиновскому).

Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 25 февраля 1829 года говоритъ: «Побурѣвшій также рыжакъ Саврасовъ стоитъ въ двухъ верстахъ отъ Чари ⁴⁾ близъ Тульчина. Оба сидятъ у моря и ждутъ погоды; къ крайнему ихъ сожалѣнію говорятъ, что Гвардіи нынѣ не будутъ дѣйствовать». Объ этомъ же самомъ сообщаетъ Энгельгардтъ Матюшкину въ письмѣ отъ 18 ноября 1829 г.

Яковлевъ же сообщалъ Вольховскому про военныхъ товарищей отъ ноября 1829 г.: «Саврасовъ Гв. полковникъ. Анны 2 ст. кавалеръ; былъ въ походѣ, но былъ ли въ какомъ либо дѣлѣ, о томъ извѣстій не имѣю».

Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 29 января 1830 г. пишетъ Вольховскому о Саврасовѣ: «Рыжій нашъ долгоносый полковникъ кажется уже возвратился изъ похода, но я его еще не видалъ». Въ письмѣ отъ 6 февраля 1830 г., къ Матюшкину, Энгельгардтъ пишетъ: «Рыжій полковникъ пришелъ сюда и — слегъ; мнѣ кажется, онъ въ порядочной чахоткѣ; врачи думаютъ, что непомѣрно

¹⁾ Адресъ: «Его Высокоблагородію Милостивому Государю Владиміру Дмитріевичу Вальховскому».

²⁾ Матюшкинъ совершалъ въ то время кругосвѣтное путешествіе и находился, между прочимъ, въ Камчаткѣ.—Письмо отъ 3 июня 1827 года.

³⁾ Андрей Васильевичъ Малиновскій.

⁴⁾ Сынъ Энгельгардта—Александръ Егоровичъ.

его кровохарканье происходит не отъ груди, а отъ геморроидовъ; дай Богъ, чтобъ ихъ была правда,—а Саврасовъ плохъ; я вчера былъ у него со Стевеномъ, оба тебѣ посылаютъ дружескіе поклоны».

Отъ 12 февраля 1830 г. Энгельгардтъ писалъ Вольховскому: «Я вчера посѣщалъ бѣднаго Саврасова, который очень плохъ здоровьемъ, и чуть ли не кандидатъ чахотки. Врачи предписали ему строжайшую діету и крайнюю во всемъ осторожность; о выходѣ изъ комнаты и подумать нельзя. Къ счастью квартира его въ Самбурскомъ домѣ ¹⁾ на Литейной, обращена къ солнцу и потому суха и тепла, и видъ безподобный, съ одной стороны вдоль всей улицы до самаго Смольнаго монастыря, а съ другой на Неву, на Охту и пр.; даже теперь, подъ грустнымъ зимнимъ саваномъ этотъ видъ прелестенъ, а лѣтомъ будетъ еще лучше». Въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1830 г. Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Саврасовъ бѣдный, кажется, въ чахоткѣ; я былъ у него недавно, онъ очень много считаетъ на приближающуюся весну, а мнѣ кажется, онъ приближается ко гробу».

Окончимъ эту замѣтку характеристикою Саврасова, сдѣланною его товарищемъ Модестомъ Корфомъ. Вотъ что пишетъ въ своемъ Дневникѣ за 1839 г. баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ:

«Петръ Федоровичъ Саврасовъ. Прекрасный, съ чистѣйшей душою, благороднѣйшій человекъ, и его тоже уже нѣтъ съ нами! Служивъ съ отличіемъ въ гвардейской артиллеріи и достигнувъ полковничьяго чина, онъ—который въ лицѣ и послѣ пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ—впалъ вдругъ въ жестокую чахотку и скончался въ 1831 году за границую, куда поѣхалъ на воды. Онъ погребенъ въ Гамбургѣ, гдѣ и умеръ» ²⁾.

Что касается до года смерти Саврасова, то свѣдѣнія гр. Корфа совершенно не вѣрны ³⁾. Черезъ профессора доктора Меркеля ⁴⁾, предсѣдателя Берлинскаго

¹⁾ Нынѣ это домъ артиллерійскаго вѣдомства у Александровскаго (Литейнаго) моста.

²⁾ «Русск. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, іюнь, стр. 554.—Вычитавъ изъ книги протоіерея Мальцева о существованіи въ гор. Гамбургѣ православнаго молитвеннаго дома и что имъ завѣдуетъ Павелъ Казиміровичъ Миньевичъ, я обратился къ нему съ письмомъ (4 декабря 1906 года), прося доставить мнѣ свѣдѣнія о погребенномъ тамъ Саврасовѣ. Къ сожалѣнію, я не получилъ ни отвѣта, ни привѣта и былъ вынужденъ просить въ Берлинѣ профессора д-ра Меркеля, который и доставилъ мнѣ эти свѣдѣнія.

³⁾ Ту же ошибку дѣлаетъ глубокоуважаемый Дмитрій Фомичъ Кобеко на стр. 324 и 504 своего замѣчательнаго труда: «Императорскій Царскосельскій Лицей». Спб.

⁴⁾ Приношу глубокую благодарность профессору доктору Меркелю (Dr. Maerckel, vorsitzender des «Vereines zum Studium Russlands», Professor am Askaniischen Gymnasium. Berlin S. W., 11, Anhalt-Strasse, 5) за его хлопоты по отысканію могилы Саврасова въ г. Гамбургѣ.

«Союза для изученія русской культуры», мнѣ удалось добыть выписку изъ архива гор. Гамбурга. Въ этой выпискѣ отъ 23 сентября 1908 г. говорится, что «по реестру умершихъ католическаго прихода за 1830 годъ подъ № 42 отмѣчено, что 4 августа 1830 г., въ возрастѣ 32 лѣтъ, въ гостиницѣ Бельведеръ на Jungfernstieg умеръ Императорскій русскій артиллерійскій полковникъ Петръ Ѳедоровичъ фонъ-Саврасовъ. Онъ былъ погребенъ на католическомъ кладбищѣ, противъ воротъ, 7 августа». Относительно могилы администрація кладбища отъ 1 октября 1908 г. увѣдомила меня, что ее въ настоящее время найти нельзя.

Смерть друга была оплакана и въ далекой Сибири. О немъ вспомнилъ 27 ноября 1830 г. и Ив. Ив. Пущинъ. Вотъ что писала, по его порученію, баронесса А. В. Розенъ, жена декабриста и родственница Пушкина, Е. А. Энгельгардту: «Смерть Саврасова его (Ив. Ив.) поразила; въ душѣ пожелалъ ему свѣтлой вѣчности и сказалъ съ вами: ему теперь легче! Не стало одного добраго товарища, который кому-нибудь могъ быть полезенъ, а онъ (т. е. Пущинъ) живъ и здоровъ. Какъ это все понять?» ¹⁾

¹⁾ См. К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 102.

21.

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ
КОРНИЛОВЪ.



Александръ Алексѣевичъ
КОРНИЛОВЪ.

Александръ Алексѣевичъ Корниловъ.

(Род. 28 апрѣля 1801 г., † 5 августа 1856 г.).

«Свѣтлая голова и хорошія дарованія».

Графъ М. А. Корфъ.

Александръ Алексѣевичъ Корниловъ, сынъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника ¹⁾, родился 28 апрѣля 1801 года ²⁾, первоначальное образованіе получилъ въ частномъ институтѣ Василя Дмитріева, откуда и имѣлъ аттестатъ отъ 28 іюля 1811 г.

Корниловъ держалъ экзаменъ въ Лицей 8 августа. Отмѣтки его на этомъ экзаменѣ были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго — «очень хорошо»; французскаго — «хорошо»; нѣмецкаго — «не учился»; въ ариѳметикѣ — «хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ — «хорошо»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи — «хорошо» ³⁾.

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г., стр. 29.

²⁾ На основаніи формуляра, выданнаго Корнилову въ 1854 году изъ Сената, въ которомъ ему значится 54 года, можно считать годомъ его рожденія 1800-ый годъ. Въ Памятной же книжкѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1898—99 учебн. годъ (Спб., 1899 г., стр. 164) говорится, что Корниловъ родился 28 апрѣля 1801 года. Эта послѣдняя дата вполне совпадаетъ со свѣдѣніями барона Корфа, который въ своемъ Дневникѣ говоритъ, что Корниловъ вышелъ изъ Лицея очень молодымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта дата подтверждается указаніемъ Мартына Пилецкаго-Урбановича, который въ своемъ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», составленномъ 19 ноября 1812 года, считаетъ Корнилову 11 лѣтъ. Совершенно другія свѣдѣнія получаютъ изъ формуляра Корнилова, составленнаго въ Лейбъ-Гвардіи Измайловскомъ полку (выписка изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка за 1832 г. Общій Архивъ Главнаго Штаба, въ Москвѣ, № 12001). Въ этомъ формулярѣ отъ 1832 г. мы находимъ указаніе, что въ день увольненія Корнилова изъ военной службы—17 декабря 1832 г.—ему было 36 лѣтъ. Слѣдовательно, по данному этому формуляру, годомъ его рожденія является 1796 г., что старить Корнилова на 5—6 лѣтъ.

³⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—1857 г., приложеніе къ стр. XI.

Съ такими отмѣтками Корниловъ былъ принятъ въ Царскосельскій Лицей. Послѣ торжественнаго открытія Императорскаго Царскосельскаго Лицея, въ присутствіи Императора и всей Царской Фамиліи, съ Корниловымъ произошелъ довольно комическій эпизодъ. О немъ повѣствуетъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ слѣдующее:

«Когда кончилось представленіе виновниковъ торжества, царь, какъ хозяинъ, отблагодарилъ всѣхъ, начиная съ министра, и пригласилъ императрицу осмотрѣть новое его заведеніе. За царскою фамиліей двинулась и публика. Насъ между тѣмъ повели въ столовую къ обѣду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрѣвъ заведеніе, гости лицея возвратились къ намъ въ столовую и застали насъ усердно трудящимися надъ супомъ съ пирожками. Царь бесѣдовалъ съ министромъ. Императрица Марія Ѳеодоровна попробовала кушанье. Подошла къ Корнилову, оперлась сзади на его плечи, чтобы онъ не приподнимался, и спросила его: «Карошъ супъ?» Онъ медвѣженкомъ отвѣчалъ: «Oui, monsieur!»

«Сконфузился ли онъ и не зналъ, кто его спрашивалъ, или дурной русскій выговоръ, которымъ сдѣланъ былъ ему вопросъ,—только все это вмѣстѣ почему-то побудило его откликнуться на французскомъ языкѣ и въ мужскомъ родѣ. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не дѣлая уже больше любезныхъ вопросовъ, а нашъ Корниловъ тотчасъ же попалъ на зубокъ; долго преслѣдовала его кличка: «Monsieur» ¹⁾).

Обратимся теперь къ обзорѣнію шестилѣтняго періода, проведеннаго Корниловымъ въ стѣнахъ Лицея, и рассмотримъ отзывы и характеристики, данныя о немъ профессорами, преподавателями и гувернерами Лицея.

Профессоръ російской и латинской словесности Николаи Кошанскій за время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года изъ числа тридцати воспитанниковъ ставитъ Корнилова шестымъ и даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Александръ Корниловъ, судя по твердости отвѣтовъ, кажется имѣеть твердую память, его понятливость только что начинаетъ развиваться. Его прилѣжаніе посредственно и успѣхи въ обоихъ языкахъ хороши».

Въ своемъ отзывѣ съ 15 марта по 15 октября 1812 года Кошанскій ставитъ Корнилова семнадцатымъ воспитанникомъ (изъ тридцати) и пишетъ о немъ слѣдующее: «Александръ Корниловъ, одаренъ твердой памятью. Его понятливость и разсужденіе примѣтно развиваются; прилѣжаніе изрядно; а успѣхи въ обоихъ языкахъ хороши».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 года въ своемъ отчетѣ перечисляетъ воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ и отзы-

¹⁾ Записки Н. И. Пущина, стр. 49 въ книгѣ Л. Майкова: «Пушкинъ». Спб., 1899 г.

вается о немъ такъ: «Karniloff. Une grande légèreté l'empêche de faire tous les progrès qu'annoncent ses dispositions; il en a cependant faits, et montre beaucoup de goût pour l'étude».

Профессоръ де-Будри отъ 18 ноября 1812 г. въ своемъ второмъ рапортѣ (первый не дошелъ до насъ) дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре отдѣла и ставитъ Корнилова въ четвертый отдѣлъ, гдѣ пишетъ: «Karnilof. Toujours trop enfant, beaucoup de distractions, ce qui retarde ses progrès; car il ne manque pas de moyens et ce qu'il a appris est un garant de ce qu'il pourroit apprendre, s'il vouloit se fixer».

Профессоръ Гауеншильдъ отъ 19-го ноября 1812 года дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на три категоріи и, кромѣ того, во главѣ всѣхъ ставитъ наилучшихъ учениковъ. Корнилова онъ помѣщаетъ во вторую категорію и говоритъ о немъ слѣдующее: «Karniloff, s'est beaucoup corrigé de sa légèreté, et a fait bien plus de progrès que je n'osois espérer de lui».

Мартынъ Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Корниловѣ: «Корниловъ (Александръ) 11-ти лѣтъ. Имѣетъ весьма хорошія способности и счастливую память, мало прилѣжаетъ къ ученію, занимаясь, по молодости, болѣе игрой и рѣзвостью, любитъ, однако же, рисованіе и отечественную словесность. Разсудокъ и понятливость его превосходятъ его возрастъ. Откровенность, натуральная простота, добродушіе, необыкновенная словоохотность съ остроуміемъ и забавностію суть отличительныя черты его характера; но крайне нерадивъ и не осмотрителенъ въ обращеніи и всѣхъ своихъ поступкахъ, упрямится и съ трудомъ признается въ самыхъ даже очевидныхъ ошибкахъ, оправдывая себя весьма разумно»¹⁾).

Кошанскій въ своемъ списокѣ воспитанниковъ изъ класса російской и латинской словесности отъ 9 іюля 1813 года дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре рубрики: превосходныхъ, отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ. Корниловъ попадаетъ пятымъ изъ девяти въ рубрику хорошихъ.

Въ списокѣ профессора Кошанскаго «о способностяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея изъ російскаго и латинскаго классовъ» за время съ 1-го августа по 15 декабря 1813 года имѣется отзывъ его о Корниловѣ дословно того же содержанія, что писалъ Кошанскій за время съ 15 марта по 15 октября 1812 года, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ его ставитъ двадцать вторымъ воспитанникомъ изъ двадцати девяти.

Губернеръ Чириковъ въ своемъ списокѣ отъ 30 сентября 1813 года, разбирая «свойства и поведеніе» воспитанниковъ, отзывается объ Александрѣ Корни-

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г., стр. 32—33.

ловъ слѣдующимъ образомъ: «Добродушенъ, простосердеченъ, любитъ весьма ученіе; но *неотрятенъ, упрямъ, неостороженъ*».

Наконецъ, мы имѣемъ отзывъ Ивана Кайданова отъ 1-го ноября 1812 года по 1 генваря 1814 г. Это такъ называемая «вѣдомость о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части географіи, всеобщей и російской исторіи». Въ этой вѣдомости изъ числа двадцати девяти воспитанниковъ Кайдановъ ставитъ Корнилова четырнадцатымъ и даетъ такую характеристику: «Александръ Корниловъ. Дарованій очень хорошихъ и оказываетъ довольно хорошіе успѣхи; возбуждая въ немъ охоту къ ученію можно ожидать отъ него еще лучшихъ успѣховъ. Въ поведеніи благонаравенъ».

О дальнѣйшей жизни Корнилова въ Лицеѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется; какъ кажется, онъ не принималъ участія въ литературныхъ трудахъ лицейстовъ. По крайней мѣрѣ не сохранилось никакихъ свѣдѣній объ участіи его въ лицейскихъ журналахъ.

О Корниловѣ сохранился въ «національныхъ пѣсняхъ» слѣдующій куплетъ:

Вотъ *Сибирякъ*.
Медвѣдь, протакъ,
Валяется въ постелѣ.

Корниловъ окончилъ курсъ Лицея 9 іюня 1817 года и былъ выпущенъ, съ чиномъ офицера гвардіи, въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ ¹⁾.

Октября 29 того же года Корниловъ поступилъ прапорщикомъ въ Лейбъ-Гвардію Московскій полкъ, въ которомъ прослужилъ до 1827 года.

Въ 1818 году, января 26, Корниловъ получилъ чинъ подпоручика; въ 1819 году, августа 24,—чинъ поручика; штабсъ-капитаномъ назначенъ въ 1822 году, іюля 20; капитаномъ— въ 1824 году, апрѣля 6-го.

Въ чинѣ капитана онъ былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи заговору 14 декабря. Однако, ему скоро удалось доказать свою непричастность къ этому возмущенію. Изъ свидѣтельскихъ показаній его однополчанъ Михаила Бестужева и Щепина-Ростовскаго обнаружилось только, что 12 декабря Корниловъ, бывши у Щепина-Ростовскаго, выражалъ намѣреніе не присягать новой присягѣ, но уже 14 числа, прочитавъ манифестъ, измѣнилъ свое мнѣніе и присягнулъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ, оказалось, что во время присяги Корниловъ находился при своей ротѣ и не возбуждалъ солдатъ къ неповиновенію, но старался, напротивъ, возстановлять порядокъ. Хотя Корниловъ о существованіи тайнаго общества ничего и не зналъ, тѣмъ не менѣе

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г., стр. 92.

онъ былъ арестованъ. По докладу же о немъ Слѣдственной Коммисіи Верховнаго Уголовнаго Суда, Высочайше повелѣно было оставить его въ полку.

Въ 1827 году, августа 22-го, Корниловъ былъ произведенъ въ полковники. Черезъ четыре дня, т. е. 26 августа 1827 года, Корниловъ былъ переведенъ въ Лейбъ-Гвардіи Измайловскій полкъ. Утвержденъ командиромъ 3-го баталіона этого полка въ 1831 году, декабря 22. Переводъ сей, говорится въ его формулярномъ спискѣ, дѣланъ былъ по волѣ высшаго начальства.

Наконецъ, 17 декабря 1832 года командиръ 3-го баталіона Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка полковникъ Корниловъ уволенъ былъ отъ службы, за болѣзнію, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

Александръ Алексѣевичъ Корниловъ былъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 степени съ алмазными украшеніями, также— Святой Анны 3 степени и имѣлъ медаль за турецкую войну 1828 и 1829 г.г. Орденъ Св. Анны 2-ой степ. пожалованъ ему 25 сентября 1828 г., а Св. Анны 3 степени—22 августа 1826 г.

О служебныхъ отличіяхъ Корнилова въ войнѣ съ турками 1828 и 1829 г.г., въ которой онъ принялъ участіе, мы можемъ привести слѣдующія свѣдѣнія изъ формуляра:

1828 года, апрѣля съ 3, въ походѣ изъ С.-Петербурга въ предѣлахъ Россіи іюля по 18 число, а съ сего числа, переправясь чрезъ рѣку Днѣстръ въ Бессарабію и пройдя оную того же іюля 31 числа, при переходѣ чрезъ рѣку Дунай, слѣдуя въ Турцію къ крѣпости Варнѣ; августа съ 28 при осадѣ сей крѣпости занималъ разные редуты для прикрытія батарей, а съ 1 по 29 число сентября— въ траншеяхъ и шанцахъ при производеніи траншейныхъ работъ и составленіи ближайшихъ резервовъ подъ безпрестанными непріятельскими пушечными и ружейными выстрѣлами; 25 сентября— въ дѣйствительномъ сраженіи при взятіи штурмомъ 1-го бастиона крѣпости Варны, гдѣ и раненъ пулею въ верхнюю часть носа и получилъ контузію пулею въ животъ, за что и награжденъ орденомъ Св. Анны 2-ой степени съ алмазами, отколъ 9 октября обратно, чрезъ завоеванныя турецкія владѣнія, къ рѣкѣ Дунаю и, перейдя оную 22 числа того же октября,—въ Россійскіе предѣлы; ноября съ 24 того же года сентября по 14 число 1829 года—на кантониръ квартирахъ Каменецъ-Подольской губерніи, въ городѣ Гайсинѣ и уѣздѣ онаго.

Къ этому времени относится письмо князя А. В. Мещерскаго ¹⁾ къ Я. К. Гроту изъ г. Тульчина, отъ 30 августа 1829 г., гдѣ мы находимъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ о Корниловѣ. Князь Мещерскій очень сочувственно отзывается о пріязненномъ отношеніи, которое оказалъ ему Корниловъ,

¹⁾ Князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, воспитанникъ V курса, вып. 1829 г., † въ 1901 г.

какъ своему младшему однокашнику. Вотъ что пишетъ Мещерскій: «Я недавно въ Польскомъ театрѣ сидѣлъ подлѣ полковника Корнилова, который изъ 1-го курса. Я его совсѣмъ не зналъ, когда онъ въ первый разъ заговорилъ со мною такъ дружески, что я удивился; прямо началъ объ мундирѣ (который я все еще ношу) и который онъ съ радостью узналъ.

«Въ минуту мы облизались и коротко познакомились; ты знаешь, что я въ эдакихъ связяхъ болѣе inflammable, нежели въ любви: я слышалъ отъ Мартыновой, что онъ такъ любитъ Лицей, говорить объ немъ съ такимъ восхищеніемъ (12 лѣтъ послѣ выпуска), что Мартынова и другія говорятъ: «Еслибъ у меня былъ сынъ, я не была бы спокойна, пока не знала бы, что онъ принятъ въ Лицей».—Вотъ какъ подѣйствовалъ панегирикъ Корнилова. Его даже не считали ослѣпленіемъ, пристрастіемъ; въ эдакомъ случаѣ и пристрастіе идетъ въ похвалу заведенія. Я *содержусь* къ Корнилову—какъ меньшей Лицейскій—къ старшему. Лѣта и служба не переиъняють этого содержанія, или отношенія» ¹⁾.

Далѣе въ формулярѣ говорится, что съ 14 сентября 1829 г., по предписанію, послѣдовавшему по командѣ отъ 12 сентября за № 1056 ²⁾, былъ командированъ для выбора рекрутъ на укомплектованіе Гвардіи по 94 набору, а по окончаніи онаго прибылъ къ полку въ С.-Петербургъ февраля 24 дня 1830 года. 1831 года, ноября 25-го, прибылъ къ дѣйствующимъ баталіонамъ на зимовыя квартиры Лифляндской губ., въ м. Бальдонъ ³⁾. 1832 года, января съ 24-го слѣдовалъ съ зимовыхъ квартиръ и прибылъ въ С.-Петербургъ 28 февраля того же года. 1826 года, августа 22, за отлично-усердную службу награжденъ орденомъ Св. Анны 3 степени. Объ этомъ награжденіи Яковлевъ писалъ Вольховскому: «Корниловъ щеголяетъ съ Анною въ петлицѣ; и она *придастъ еще болѣе* важности его массивной фигурѣ» ⁴⁾.

Всемилоствѣйше пожалованы денежныя награжденія: 1829 г., ноября 2, въ воздаяніе отличной службы и дѣятельнаго исполненія, не въ зачетъ полугодовое жалованье, на основаніи приказа, отданнаго по Отдѣльному Гвардейскому Корпусу 6 декабря 1829 года за № 100; за бытность въ благополучно оконченной войнѣ противъ турокъ—не въ зачетъ годовое жалованье 1830 года, августа 21; въ единовременное вспомошествованіе полугодовое жалованье, за псключеніемъ изъ оныхъ въ пользу инвалидовъ по 10 коп. съ рубля, — 540 рублей.

¹⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 425.

²⁾ Въ формулярѣ, составленномъ въ 1854 году, указанъ № 1036.

³⁾ Въ формулярѣ, составленномъ въ 1854 году, это мѣстечко названо не «Бальдонъ», а «Бильзе».

⁴⁾ Письмо это написано было Яковлевымъ 4 янв. 1826 г. Какимъ образомъ могъ Корниловъ щеголять въ этомъ орденѣ, который онъ получилъ только въ августѣ того года, остается непонятнымъ.

Высочайшими приказами въ числѣ прочихъ объявлены Высочайшія благоволенія: 1828 года, апрѣля 3,—за выступленіе въ походъ полковъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго и Финляндскаго; 1829 года, іюня 20,—за смотръ; 21-го— за ученіе Гвардейскаго Корпуса въ лагерѣ Каменецъ-Подольской губерніи подъ м. Тульчинымъ; 1830 года, апрѣля 25,—за смотръ Гвардейскаго корпуса; іюля 5-го—за смотръ же; 18-го—за маневры, произведенные 14, 15 и 17 числѣ того же мѣсяца; 25-го— за ученіе, бывшее 24 числа; августа 14-го—за отличное исполненіе возложенныхъ на него порученій; сентября 4-го— за маневры, произведенные 1, 2 и 3 числѣ въ окрестностяхъ Царскаго Села; 22-го—за парадъ полкамъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскому и Конному, по случаю празднованія столѣтія онымъ; 1831 г., мая 15,—за парадъ оставшимся въ С.-Петербургѣ войскамъ Гвардейскаго корпуса; іюля 7-го—за церковный парадъ; 15 и 16 числѣ—за ученіе; августа 22-го—за дѣятельность и усердіе, оказанное въ исполненіи всѣхъ распоряженій во время свирѣпствовавшей въ С.-Петербургѣ холеры, главнымъ начальствомъ принятымъ; 1832 г., февраля 28-го,—за вступленіе изъ похода въ С.-Петербургъ; мая 8-го—за парадъ, бывший Гвардейскому Корпусу; іюля 13-го— за ученіе, бывшее того же числа 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ; 17-го—за ученіе и маневры, бывшіе Гвардейскому Корпусу 21, 22, 23 и 25 числѣ, а 30-го—за парадъ ¹⁾).

Въ перепискѣ Энгельгардта съ его бывшими воспитанниками мы находимъ весьма мало свѣдѣній о Корниловѣ, между тѣмъ какъ о другихъ Энгельгардтъ упоминаетъ очень часто. Можетъ быть, это происходитъ оттого, что бывший директоръ Лицея мало интересовался Корниловымъ, хотя успѣхи его по службѣ были пріятны Энгельгардту.

Въ письмѣ къ Матюшкину отъ 10 сентября 1820 г. Энгельгардтъ, перечисляя тѣхъ воспитанниковъ, которые въ это время находились въ Петербургѣ, упоминаетъ о Корниловѣ. Хотя отзывъ этотъ ничего интереснаго не представляетъ,

¹⁾ Въ формулярѣ, о которомъ мы упоминаемъ, есть еще нѣсколько свѣдѣній о Корниловѣ: «Изъ дворянъ. У отца его въ Тверской губерніи 83 души крестьянъ. По выборамъ дворянства не служилъ. Всемилостивѣйшими рескриптами и похвальными листами отъ своего начальства удостоенъ не былъ. Нѣмецкому и французскому языкамъ (обучался) и математикѣ знаетъ. Былъ въ отпускахъ по домашнимъ обстоятельствамъ 1817 г.: декабря съ 7 на 28 дней; 1826 года: съ ноября мѣсяца на 1½ мѣсяца; 1827 г.: сентября съ 14 на 10 дней (по формуляру 1854 года—на 19 дней); 1827 г.: декабря съ 1 на два мѣсяца, а по окончаніи срока отерчено еще на 28 дней; 1830 года: октября съ 19 на 4 мѣсяца—былъ и на срокъ явился. Въ штрафахъ по суду и безъ суда никогда и ни за что не бывалъ. Высочайшимъ замѣчаніямъ и выговорамъ не подвергался. Ходостъ. Въ комплектъ при полку на лицо. Къ повышенію чинномъ и къ награжденію знакомъ отличія безпорочной службы достоинъ. Формуляръ подписалъ Командиръ полка Генераль-Майоръ Анненковъ. (Выписано изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка за 1832 г., по архиву № 12001).

но во всякомъ случаѣ онъ показываетъ то состояніе апатіи, въ которомъ находился Корниловъ. Это, такъ сказать, описаніе его времяпровожденія. «Корниловъ,—пишетъ Энгельгардтъ,—сидитъ дома въ тулупѣ безъ штановъ и трубку курить». Это не мѣшало, впрочемъ, Энгельгардту отдавать должное его успѣхамъ по службѣ, хотя въ словахъ порою слышится ироническая нотка. Такъ, напримеръ, когда въ 1827 году онъ былъ произведенъ въ полковники, то Энгельгардтъ писалъ Вольховскому отъ 30 сентября 1827 года: «Ты вѣрно уже знаешь, что у насъ два полковника: рыженскій Саврасикъ и Корниловъ. О послѣднемъ можно сказать: не родился пригожъ, а родился счастливый».

Мы выше уже познакомились съ походною жизнью Корнилова во время турецкой войны, замѣтимъ теперь, что 25 сентября 1828 г. Корниловъ при взятіи штурмомъ 1-го бастиона крѣпости Варны былъ раненъ пулею въ верхнюю часть носа и получилъ контузію пулею въ животъ, за что, какъ мы знаемъ, и награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степени съ алмазами (въ формулярѣ за 1832 годъ, по архиву № 12001, ошибочно указано, что онъ получилъ Св. Анну 4 степени съ алмазами). Въ письмѣ одного товарища къ Вольховскому отъ ноября 1829 г., въ которомъ въ шуточнѣйшій формѣ изображаются служебные успѣхи товарищей, мы читаемъ: «Корниловъ Гв. Полковникъ. Анны 2 ст. съ брилліантами; былъ подъ Варною и съ своимъ баталіономъ изъ первыхъ вступилъ въ крѣпость; получилъ двѣ легкія контузіи, одну, кажется, въ грудь, а другую въ носъ; къ счастью отъ сей послѣдней никакихъ слѣдовъ не видать; иначе Корниловъ вѣрно потребовалъ бы носъ Дельвига, который, если Вы помните, онъ купилъ въ Лицеѣ за двадцать хлѣбовъ».

Энгельгардтъ, въ свою очередь, сообщаетъ Вольховскому объ этомъ событіи въ жизни Корнилова въ письмѣ отъ 30 января 1829 года: «Корниловъ здѣсь, но еще не нашелъ времени явиться ко мнѣ и показать свой обстрѣленный носъ, въ который получилъ контузію отъ пули, къ счастью уже ослабѣвшей, такъ что мало ему повредила...» Далѣе въ этомъ письмѣ говорится о другихъ предметахъ, и только 5 февраля къ нему сдѣлана слѣдующая приписка: «Мое письмо залежалось; странно сказать, но нѣкогда было кончить и отправить. Между тѣмъ былъ у меня Корниловъ; контузія его не важна и я кромѣ Анны съ брилліантами не нашелъ въ немъ никакой перемѣны. Онъ и многорѣчивый Комовскій посылаютъ тебѣ много поклоновъ».

Наконецъ, отъ 25 февраля того же года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину о томъ же событіи изъ жизни Корнилова въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Корниловъ съ подстрѣленнымъ, но вылѣченнымъ носомъ и контузіею въ боку получилъ прямо Анну съ алмазами, съ коимъ у меня и явился».

Въ одномъ изъ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину, а именно отъ 22 января 1831 г., вкрадлась маленькая неточность. Онъ пишетъ: «Корниловъ полковникъ,

пошелъ бить поляковъ». Между тѣмъ это совершенно не вѣрно: Корниловъ, какъ это видно изъ его формулара, вовсе не участвовалъ въ подавленіи польскаго мятежа.

Когда Корниловъ выходилъ изъ военной службы въ отставку въ декабрѣ 1832 года, то уже за мѣсяць до этого, въ письмѣ отъ 24 ноября 1832 года, Энгельгардтъ писалъ Вольховскому: «Корниловъ выходитъ въ гражданскую службу и намѣренъ сѣсть на Сенаторскій стулъ, который, вѣроятно, скоро покинетъ отецъ его».

Объ этомъ же сообщалъ Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 23 октября 1832 года: «Нашъ Корниловъ сбрилъ усы, скинулъ эполеты и вышелъ къ статскимъ дѣламъ, въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, садится въ Сенатъ за Оберъ-Прокурорскій столъ и вѣроятно современемъ займетъ Сенаторской стулъ, на которомъ отецъ его состарѣлся».

Замѣтимъ здѣсь кстати, что это предсказаніе Энгельгардта сбылось.

Изъ письма Энгельгардта отъ 31 октября 1832 года, къ Матюшкину, мы узнаемъ, когда Корниловъ женился. Энгельгардтъ въ этомъ письмѣ писалъ слѣдующее: «Корниловъ во фракѣ, человѣкъ штатской и недавно женился». По словамъ М. А. Корфа, женою Корнилова была графиня Толстая.

17 декабря 1832 г. состоялся Высочайшій указъ объ увольненіи Корнилова, за болѣзнью, отъ службы, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

О выходѣ въ статскую службу Корнилова Энгельгардтъ извѣщалъ Вольховскаго въ письмѣ отъ 13 августа 1833 года, что — «Корниловъ во фракѣ».

Въ 1833 году, 30 января, Корниловъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы состоять для занятій при Министрѣ.

Въ 1834 году, 10 января, Корниловъ назначенъ состоять въ должности Кіевскаго Губернатора.

Объявлено Высочайшее благоволеніе за успѣшный и безнедоимочный приемъ на военную службу гражданъ и однодворцевъ Кіевской губерніи — 24 ноября 1834 года.

Всемилоостивѣйше назначенъ Кіевскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ — 13 января 1835 года.

Уволенъ отъ должности, съ причисленіемъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, 13 апрѣля 1835 года.

Всемилоостивѣйше уволенъ за границу въ отпускъ на годъ—22 апрѣля 1835 года.

Всемилоостивѣйше уволенъ вовсе отъ службы—26 мая 1836 года.

Въ письмѣ отъ 26 іюня 1836 года Энгельгардтъ писалъ Вольховскому: «Корниловъ гдѣ то въ Германіи».

Модестъ Андреевичъ Корфъ въ своемъ дневникѣ отъ 1839 года объясняетъ намъ причину выхода Корнилова въ отставку. Причиной ея были непріятности

Корнилова съ тогдашнимъ Генераль-Губернаторомъ Графомъ Левашовымъ, слѣдствіемъ чего былъ его выходъ въ отставку и отъѣздъ за границу. Корфъ прибавляетъ, что «въ прошломъ году (т. е. въ 1838 году) онъ (т. е. Корниловъ), однако, снова вступилъ на службу и теперь Тамбовскимъ Губернаторомъ» ¹⁾.

Въ 1837 году, апрѣля 27, Корниловъ Всемиловѣйше причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Всемиловѣйше повелѣно быть Вятскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ— 1 іюля 1837 года.

Объ этомъ назначеніи Корнилова Вятскимъ Губернаторомъ мы имѣемъ извѣстія въ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ 22 іюня 1837 г. Рассказывая въ письмѣ, что онъ и Корниловъ провожали до Кронштадта отъѣзжающаго за границу, для излѣченія болѣзни, Модеста Корфа, Яковлевъ прибавляетъ: «А прогосде Корниловъ скажу тебѣ, что онъ назначенъ въ Вятку Губернаторомъ и въ скоромъ времени уѣзжаетъ на воеводство».

Высочайше пожалованъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ— 22 августа 1837 года.

Всемиловѣйше назначенъ Тамбовскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ— 27 февраля 1838 г.

Всемиловѣйше пожалованъ орденомъ Св. Станислава 1-ой степени— 1 апрѣля 1838 года.

Объявлено Высочайшее благоволеніе за отлично-усердное содѣйствіе къ открытію Управленія Государственныхъ Имуществъ по Тамбовской губерніи.

За пониженіе цѣны противъ истекшаго трехлѣтія на содержаніе въ 1839 г. почтовыхъ и земскихъ лошадей по Вятской губ. объявлено Высочайшее благоволеніе—20 декабря 1838 года.

За успѣшное взысканіе податей и недоимокъ изъявлено особое Его Императорскаго Величества удовольствіе—22 марта 1839 года.

За успѣшное взысканіе податей объявлено Его Императорскаго Величества удовольствіе—29 сентября 1839 года.

За успѣшное совершеніе экстреннаго заготовленія винъ объявлено Монаршее благоволеніе—2 апрѣля 1840 года.

Всемиловѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 1 степени—11 апрѣля 1840 года.

За благоразумныя и основательныя мѣры при постигшемъ Тамбовскую губернію неурожаѣ удостоенъ Высочайшаго рескрипта съ изъявленіемъ совершеннаго Его Императорскаго Величества благоволенія—19 іюня 1840 года.

¹⁾ Изъ Дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 года (гл. II), «Русск. Стар.» 1904 г., т. СХVІІІ, іюнь, стр. 555.



Александръ Алексѣевичъ
КОРНИЛОВЪ.

За этотъ годъ мы имѣемъ письмо Энгельгардта отъ 22 января (1840 г.) къ Вольховскому, гдѣ онъ пишетъ ему о томъ, гдѣ и кто изъ его бывшихъ питомцевъ служитъ: «У Лонгинова по Коммисіи прошеній 9 человѣкъ нашихъ, у Киселева 4, и онъ все требуетъ еще.—Недавно еще онъ мнѣ о нашемъ Корниловѣ сказалъ: «Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ Губернаторовъ». А въ письмѣ отъ 2 сентября того же года Энгельгардтъ извѣщалъ Вольховскаго: «Корниловъ былъ здѣсь и опять уѣхалъ въ свою губернію; говорятъ, будто бы имѣлъ какія то непріятности съ Министерствомъ».

Несмотря на то, что 25 іюня 1841 года за отлично-усердную и полезную службу и особые труды по случаю неурожая хлѣба въ Тамбовской губерніи Корниловъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ орденомъ Св. Анны 1 степени съ Императорской короной, онъ все-таки перемѣнилъ еще разъ свою службу, вѣроятно, вслѣдствіе тѣхъ непріятностей, о которыхъ упоминалъ Энгельгардтъ.

Какъ отзывкъ отличной репутаціи Корнилова, какъ Губернатора, здѣсь будетъ уместнымъ привести письмо Энгельгардта отъ 14 апрѣля 1841 г., къ Матюшкину. Говоря о смерти Вольховскаго и о томъ, что эта смерть явилась слишкомъ рано, такъ какъ онъ могъ бы еще быть полезенъ на государственной службѣ, Энгельгардтъ добавляетъ: «подъ пару Губернатору Корнилову, о коемъ слава отличная».

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 14 день апрѣля 1843 года, Корниловъ назначенъ Членомъ Консультациі, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной.

Орденомъ Министра Юстиціи назначенъ членомъ Центрального Комитета, учрежденнаго для составленія правилъ спеціального размежеванія,—9 іюня 1843 года.

Исправлялъ должность Оберъ-Прокурора Межевого департамента Правительствующаго Сената—11 января 1845 года.

Высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ ревизовать судебныя мѣста Екатеринославской и Херсонской губерній и Таврической и Бессарабской областей — 31 января 1847 года по 10 марта 1848 года.

По случаю трехнедѣльнаго отпуска Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената исправлялъ его должность по 21 апрѣля 1848 года.

15 декабря 1848 года Высочайше произведенъ въ Тайные Совѣтники и назначенъ Сенаторомъ.

По росписанію Правительствующаго Сената на 1849 годъ назначенъ присутствовать въ 8-ой департаментъ Сената—24 декабря 1848 года.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно присутствовать въ Межевомъ департаментѣ—5 января 1850 года.

Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2-ой степени — 1 января 1853 года.

Высочайшимъ указомъ, объявленнымъ Министру Юстиціи 16 марта 1854 г., перемѣщенъ во 2-ой департаментъ Правительствующаго Сената.

По Высочайшему повелѣнію перемѣшенъ въ 1-ое отдѣленіе 3-го департамента Правительствующаго Сената 22 апрѣля 1855 года ¹⁾).

Кромѣ тѣхъ знаковъ отличія, о которыхъ мы уже упоминали, Корниловъ имѣлъ медаль въ память Турецкой кампаніи 1828—1829 г.г.

Жалованья Корниловъ получалъ 1715 рублей 52 коп. серебромъ, столовыхъ 1715 рублей 52 коп. серебромъ.

По формуляру онъ значится изъ дворянъ.

По формуляру Корнилова отъ 1854 г., у отца его въ Тверской губ. было 150 душъ крестьянъ.

Корниловъ былъ женатъ на графинѣ Софіи Дмитріевнѣ Толстой.

У жены въ Костромской губерніи, Дереходскаго уѣзда, было 300 душъ крестьянъ. Жена вѣроисповѣданія православнаго. Дѣтей у нихъ не было.

Что касается до лицейскихъ годовщинъ, то Корниловъ былъ довольно рѣдкимъ гостемъ на этихъ празднествахъ. Мы насчитали всего три годовщины, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Такъ, напримѣръ, Корниловъ былъ на сходкѣ 1831 г., праздновавшейся у Яковлева. На протоколѣ этой годовщины Корниловъ росписался своей лицейской ключкой—«Сибирякъ». Второй разъ онъ былъ на сходкѣ 1832 г., о которой сообщалъ Энгельгардтъ Матюшкину въ письмѣ отъ 23 октября 1832 г. Мы не имѣемъ данныхъ утверждать, былъ ли Корниловъ на сходкѣ 1844 г., но изъ одной сохранившейся записки видно, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ къ этому собранію. Наконецъ, при празднованіи сорокалѣтія Лицея въ 1851 г. сходка первокурсниковъ состоялась на квартирѣ у Корнилова, гдѣ собралось семь товарищей.

Корниловъ умеръ, находясь въ отпуску, 5 августа 1856 года.

Модестъ Андреевичъ Корфъ, его товарищъ, даетъ слѣдующую характеристику Корнилова: «Свѣтлая голова и хорошія дарованія. Въ Лицеѣ онъ лѣнился и притомъ вышелъ оттуда чрезвычайно молодъ; но послѣ самъ окончилъ свое образованіе и сдѣлался человѣкомъ очень путнымъ и полезнымъ» ²⁾).

¹⁾ Далѣе въ формулярѣ сообщаются свѣдѣнія о его отпускахъ и времени его отставокъ. Вотъ эти свѣдѣнія: «Въ 1835 году—заграницу на годъ, по окончаніи онаго былъ уволенъ вовсе отъ службы; съ 10 марта 1840 года—на 28 дней въ С.-Петербургъ, по истеченіи сего срока оставленъ Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ еще на нѣкоторое время, по дѣламъ службы, по 7 іюля того же года и съ 20 декабря 1842 года въ С.-Петербургъ, по истеченіи сего срока оставленъ еще на нѣкоторое время по дѣламъ службы; въ 1844 году—на 28 дней, а въ 1848 году—на 1 мѣсяць и 21 день,—являлся въ срокъ.—Былъ въ отставкѣ съ 1832 года, 17 декабря, по 20 января 1833 года, съ переименованіемъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники; 1836 года, съ 26 мая по 27 апрѣля 1837 года безъ награжденія чиномъ».

²⁾ Изъ Дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. II). «Русск. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, іюнь, стр. 555.

22.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ

БАКУНИНЪ.

Александръ Павловичъ Бакунинъ.

(Род. 1799 г., † 25 августа 1862 года).

«Человѣкъ съ порядочными формами, съ благороднымъ честолюбіемъ и съ охотою къ дѣлу».

Графъ М. А. Корфъ ¹⁾).

Бакунины—дворянскій родъ XVII вѣка, очевидно изъ выслужившихся подъячихъ, ведетъ свое происхожденіе будто бы отъ выѣхавшихъ изъ Венгріи на службу въ Москву, въ 1492 году, трехъ братьевъ. Между тѣмъ до Никифора—дьяка—прозваніе «Бакунинъ» совсѣмъ не встрѣчается въ документахъ у нихъ. Правнукъ Никифора, Михаилъ Ивановичъ, комендантъ въ Царицынѣ при Петрѣ I, а его сынъ, Василій Михайловичъ, уже служить въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ переводчикомъ, а потомъ членомъ; умеръ въ 1766 г. въ чинѣ Дѣйстви-тельнаго Статскаго Совѣтника. Василію Михайловичу Бакунину принадлежитъ оставшееся въ рукописи въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ «Описаніе Калмыцкихъ народовъ, особенно торгоутскаго». Во время Персидскаго похода Петра I Василій Михайловичъ Бакунинъ посланъ былъ привести отъ Аюки-Хана калмыковъ и описалъ подробно все ихъ продѣлки, имѣвшія цѣлью обмануть русскихъ. Какъ показаніе умнаго очевидца-наблюдателя, трудъ Бакунина представляетъ цѣнный историческій матеріалъ.—Два его сына, одноименные: Петръ Васильевичъ-большой ²⁾ и Петръ Васильевичъ-меньшой, были членами Иностран-

¹⁾ Изъ Дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (изд. 2). «Рус. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, июнь, стр. 551.

²⁾ Въ матеріалахъ для исторіи Академіи Наукъ говорится, что «Петръ Васильевичъ Бакунинъ воспитывался въ академической гимназіи, въ которую былъ принятъ 8 октября 1735 года (а не какъ у графа Д. А. Толстого)». Если это говорится о младшемъ братѣ, то выходитъ такая несообразность, что на второмъ году отъ рожденія онъ былъ отданъ въ академическую гимназію. Это былъ отецъ Павла Петровича Бакунина, племянникъ Дашковой. Если же эти свѣдѣнія относятся до Петра Васильевича Бакунина-большого, то онъ вполне правдоподобенъ, такъ какъ къ моменту поступленія въ гимназію ему былъ уже 11-й годъ отъ рожденія, но зато Павелъ Петровичъ Бакунинъ не могъ быть его сыномъ, такъ какъ тотъ не имѣлъ потомства.

ной Коллегии при Екатеринѣ II; старшій изъ нихъ родился въ 1724 году, умеръ въ 1782 г., а младшій родился 1734 г., а умеръ 16 мая 1786 года; послѣдній былъ, по вліянію своему, въ управленіи графа Панина соперникомъ Безбородко и оба они были близкими людьми Воронцовыхъ ¹⁾). Братья Бакунины не только не чуждались литературы, но владѣли литературнымъ языкомъ, какъ немногіе въ то время. — Третій братъ ихъ, Михаилъ Васильевичъ, былъ Вице-Президентомъ Камеръ-Коллегии и умеръ въ началѣ царствованія Александра I. Старшій Петръ Васильевичъ не оставилъ потомства, а младшій Петръ Васильевичъ отъ родственницы Воронцовыхъ оставилъ двухъ сыновей: 1) Модеста Петровича, Тайнаго Совѣтника, писателя по сельскому хозяйству, род. 1765 г., бывшаго главнымъ директоромъ школы практическаго земледѣлія и авторомъ руководства «Къ новому раздѣлу и обработыванію полей» (Петербургъ, 1800 г.)²⁾, и 2) Павла Петровича, родившагося 24 мая 1776 года и умершаго 24 декабря 1805 года. Съ 1796—98 г. онъ состоялъ директоромъ Императорской Академіи Наукъ и Россійской Академіи ³⁾). Въ маѣ 1796 г., какъ это видно изъ писемъ графа Ѳ. В. Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову, ходилъ слухъ, что П. Бакунинъ поступитъ на мѣсто Кочубея, т. е. ему весьма покровительствуетъ Марковъ ⁴⁾), а мѣсто Баку-

«Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ» сообщаютъ, что Петръ Васильевичъ Бакунинъ былъ въ царствованіе Петра III довѣреннымъ Секретаремъ Канцлера графа М. П. Воронцова, а въ царствованіе Екатерины II — Членомъ Коллегии Иностранныхъ Дѣлъ и правую рукою Канцлера А. А. Безбородко. (См. «Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ», т. III, стр. 177, и «Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи. По рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ», въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ 1885 г.).

¹⁾ См. письмо гр. Ростопчина къ графу Воронцову отъ 26 октября 1798 г. — «Русскій Архивъ» 1887 г., кн. 2, стр. 161. — Одинъ изъ нихъ (Бакуниныхъ) изображенъ разговаривающимъ съ Павломъ Петровичемъ на картинѣ, представляющей Екатерину Великую съ ея семействомъ и приближенными лицами. «Русскій Архивъ» 1881 г., кн. 1 (2), стр. 382.

Тургеневъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ доклада, сдѣланнаго Принцу Генриху Прусскому 25 августа 1780 года въ Нарвѣ, во время путешествія Принца къ Русскому Двору, гдѣ передается, что Безбородко, пользующійся большимъ довѣріемъ Императрицы, находится въ зависимости (*est dépendant*) отъ Бакунина и другъ графа Семена Воронцова. Бакунинъ, кромѣ того, былъ самымъ значительнымъ и самымъ ловкимъ сотрудникомъ графа Панина. («Остафьевскій Архивъ», т. IV, стр. 116 (№ 856), отъ 12 апрѣля 1840 г., Москва). Этотъ же Павинъ подарилъ Бакунину, Убри и Фонъ-Визину нѣсколько тысячъ крестьянъ. (Тамъ же, стр. 157).

²⁾ См. о немъ статью Б. Л. Модзалевскаго: «Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко». «Русская Старина» 1898 г., т. XCIV, апрѣль, стр. 85.

³⁾ Академикъ К. Веселовскій говоритъ, что Камеръ-Юнкеръ Павелъ Петровичъ Бакунинъ директорствовалъ въ Академіи Наукъ съ 1794 по 1798 г. См. статью «Послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ Академіи Наукъ». «Рус. Стар.» 1898 г., т. XCIII, февраль, стр. 227—245. См. также т. XCIV, май, стр. 236.

⁴⁾ А. И. Марковъ, бывшій пріятель и сослуживецъ Безбородко по Коллегии Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто Петра Васильевича Бакунина, сталъ руководителемъ Зубова. См. «Канцлеръ князь Безбородко», гл. XIV, ст. Н. И. Григоровича. «Рус. Арх.» 1876 г., № 12, стр. 456.

нина въ Академіи хотять отдать Хвостову, «плохому полту, челоувѣку грязному и нелѣпому» ¹⁾).

Павлу Петровичу Бакунину, при отъѣздѣ княгини Дашковой на два года за границу, была, въ ея отсутствіе, поручена Академія ²⁾).

У Павла Петровича былъ сынъ Александръ Павловичъ—лицейскъ.

Александръ Павловичъ Бакунинъ, сынъ Дѣйствительнаго камергера ³⁾, родился въ 1799 г. ⁴⁾.

Въ 1811 году, 8 августа, онъ держалъ экзаменъ въ Императорскій Царско-сельскій Лицей. Познанія его, выказанныя на этомъ экзаменѣ, подверглись слѣдующей оцѣнкѣ: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго и французскаго—онъ получилъ отмѣтку: «очень хорошо»; нѣмецкаго языка—отмѣчено было «неучился»; въ арифметикѣ—«хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ: «имѣеть понятія»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«имѣеть свѣдѣнія» ⁵⁾.

Въ отмѣткахъ профессоровъ и гувернеровъ мы встрѣчаемся со слѣдующими отзывами. За время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года Николай Кошанскій, профессоръ російскаго и латинскаго классовъ, въ своемъ списокѣ изъ 30 воспитанниковъ ставитъ его вторымъ и даетъ слѣдующій отзывъ о немъ: «Александръ Бакунинъ, при быстрой памяти, имѣеть довольно разсужденія, но его способности и прежде пріобрѣтенныя знанія, кажется, нѣсколько избавляютъ его отъ прилѣжанія; однакожъ успѣхи его особенно въ Латинскомъ блистательны».

За время съ 15 марта по 15 октября 1812 года Кошанскій въ своемъ списокѣ изъ 30-ти воспитанниковъ ставитъ его 21-мъ и говоритъ слѣдующее: «Александръ Бакунинъ, при быстрыхъ своихъ способностяхъ, имѣеть довольно разсужденія и прежде уже имъ пріобрѣтенныхъ, особенно въ Латинскомъ языкѣ знаній; его прилѣжаніе примѣтно увеличивается и успѣхи въ Латинскомъ очень хороши, въ Русскомъ хороши».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 года говоритъ о немъ слѣдующее:

¹⁾ См. «Вѣсти изъ Россіи въ Англію». «Рус. Арх.» 1876 г., стр. 403.

²⁾ См. письмо Бантышъ-Каменскаго къ князю Куракину отъ 23 августа 1794 г. «Рус. Арх.» 1876 г., № 12, стр. 394.

³⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. Стр. 29 въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г.

⁴⁾ Мы указываемъ этотъ годъ на основаніи отчета Мартына Пилецкаго-Урбановича отъ 19 ноября 1812 г., въ которомъ Бакунину значится 13 лѣтъ. Между тѣмъ по выпискѣ изъ книги формулярныхъ списковъ Л.-Гв. Финляндскаго полка за 1822 г., по архиву № 4644, ему значится 26 лѣтъ, и, слѣдовательно, годомъ его рожденія будетъ 1796 г.

⁵⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. Приложеніе къ стр. XI.

«Bakounine, beaucoup de moyens et assez de disposition pour les études, mais sa légèreté l'empêche de faire les progrès qu'on a droit d'attendre de lui, il ne s'est d'ailleurs que fort peu occupé de l'allemand avant d'entrer au Lycée».

Профессоръ французской литературы де-Будри отъ 18 ноября 1812 года дѣлить всѣхъ воспитанниковъ на четыре группы и ставить Бакунина во вторую группу, говоря о немъ слѣдующее:

«Bakounine. Il a fait des progrès du côté des principes, qu'il ignoroit absolument; mais il est toujours trop vif, et fait bien des fautes, qu'il éviteroit s'il pouvoit se fixer un peu plus».

Въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 года, Гауеншильдъ ставить его во второй отдѣлъ и даетъ такой отзывъ:

«Bacounin, je suis forcé de l'accuser toujours de la même légèreté. S'étant d'ailleurs peu occupé de la langue allemande, et n'ayant que peu de goût pour cette étude, elle ne peut que lui coûter de la peine; cependant lorsque je puis parvenir à l'exciter il fait à merveille, mes (?) ces moment ne se passent malheureusement que trop vite».

Мартынь Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царекосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Бакунинѣ: «Бакунинъ (Александръ) 13-ти лѣтъ. Не безъ дарованій и довольно добродушенъ, словохотенъ, смѣшливъ, пылокъ и живъ какъ живое серебро, оттого и неосмотрителенъ, нетерпѣливъ, переменчивъ, чувствителенъ съ гнѣвомъ и упрямствомъ, малѣйшая трудность его останавливаетъ, которую онъ могъ бы преодолѣть терпѣливостью еслибы имѣлъ ее. Начинаетъ болѣе прилѣжать къ ученію. Примѣчая свои ошибки, онъ охотно исправляется. Нельзя сказать чтобы нравственные его поступки были предосудительны. но они требуютъ прилѣжнаго наблюденія руководителей, пока благородныя качества, которыми онъ старается украшать себя, сдѣлаются собственными и постоянными свойствами его сердца»¹⁾.

Въ 1813 году мы имѣемъ собственноручный списокъ Кошанскаго отъ 9 іюля, въ которомъ онъ дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре рубрики: превосходныхъ, отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ. Бакунина онъ помѣщаетъ въ въ третью рубрику—хорошихъ—седьмымъ воспитанникомъ изъ общаго числа девяти учениковъ, входящихъ въ эту группу.

Съ 1 августа по 15 декабря 1813 года Кошанскій въ своемъ списокѣ двадцати девяти воспитанниковъ ставить Бакунина пятнадцатымъ и даетъ о немъ дословно тотъ же отзывъ, что былъ данъ имъ за время съ 15 марта по 15 октября 1812 года.

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г., стр. 26.

бегунуль, узнар, и носодулл.

1817. 8. Доне беманануул Ауге
Александр по Таргуну

Гувернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 года характеризуетъ Александра Бакунина слѣдующими словами: «*Пылкъ, скоръ, впрочемъ вѣжливъ, усерденъ, опрятенъ, признателенъ, очень прилѣженъ*».

Наконецъ, за время съ 1 ноября 1812 года по 1 января 1814 года профессоръ Иванъ Кайдановъ въ своей «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части Географіи, всеобщей и россійской Исторіи» даетъ слѣдующій отзывъ: «Александръ Бакунинъ. Прилѣженъ; дарованій и успѣховъ довольно хорошихъ; въ поведеніи кротокъ и добронравенъ». Изъ двадцати девяти воспитанниковъ онъ его ставитъ двадцатымъ.

Въ печатныхъ матеріалахъ, какъ кажется, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы Бакунинъ принималъ участіе въ литературныхъ шалостяхъ лицейстовъ. Намъ не приходилось встрѣчать его фамиліи подъ какимъ-либо стихотвореніемъ или прозаической статьей въ лицейскихъ журналахъ. И въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина мы не встрѣчаемъ поэтическихъ строкъ, обращенныхъ нашимъ гениальнымъ поэтомъ къ Александру Павловичу Бакунину, что не мѣшало Пушкину имѣть особенную симпатію къ этой фамиліи и обезсмертить ее въ своихъ стихахъ, но въ этихъ стихахъ воспѣвается не лицеистъ Бакунинъ, но его сестра, въ которую лицеисты были влюблены, и поэты воспѣвали ее въ своихъ легіяхъ.

Передъ самымъ выходомъ изъ Лицея Бакунинъ внесъ въ альбомъ Энгельгардта очень оригинальную записку: «вступилъ, узналъ, и полюбилъ. Александръ Бакунинъ. 1817. 8 Юня воспитанникъ Лицея» ¹⁾.

Бакунинъ окончилъ курсъ наукъ въ Лицеѣ 9 іюня 1817 года и поступилъ въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ ²⁾, съ чиномъ прапорщика, въ томъ же году 29 октября.

Въ продолженіе службы въ полку Бакунинъ получилъ нѣсколько военныхъ чиновъ, которые идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Онъ былъ назначенъ подпоручикомъ въ 1819 году, апрѣля 9, оставаясь въ Семеновскомъ полку. По Высочайшему приказу, въ 1820 г., февраля 9, назначенъ адъютантомъ къ генералу отъ-кавалеріи Раевскому. По письму Энгельгардта къ Матюшкину отъ 10 сентября 1820 г. мы узнаемъ, что Бакунинъ въ это время былъ въ Кіевѣ, сопутствуя, вѣроятно, генералу Раевскому. Изъ Семеновскаго полка Бакунинъ былъ переведенъ въ Лейбъ-Гвардіи Финляндскій полкъ въ 1821 г., января 24. Объ этомъ переводѣ сообщаетъ Матюшкину Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 12 февраля 1821 г.: «Бакунинъ по случаю Семеновской исторіи переведенъ въ Финляндскій полкъ; тамошніе молодые офицеры досадуютъ, потому что онъ имъ на голову са-

¹⁾ Списано мною изъ альбома Е. А. Энгельгардта, находящагося въ Императ. Публичной Библиотекѣ.

²⁾ И. Селезневъ: Матеріалы для исторіи Лицея, стр. 92.

дится, а чашенька его досадуетъ потому, что расходъ: — надобно новой воротникъ къ мундиру шить». Находясь въ Финляндскомъ полку, Бакунинъ получилъ чинъ поручика въ 1822 г., апрѣля 21, и, наконецъ, Высочайшимъ приказомъ 14 февраля 1823 г. былъ уволенъ отъ службы, по домашнимъ обстоятельствамъ, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Таковъ его военный формуляръ ¹⁾. Странно, что только въ 1829 г., письмомъ отъ 18 ноября, Энгельгардтъ увѣдомляетъ Матюшкина, что «Бакунинъ въ отставкѣ въ деревняхъ».

Въ перепискѣ Энгельгардта съ своими бывшими питомцами-первокурсниками разбросаны нѣкоторыя подробности о жизни Бакунина. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 22 декабря 1821 года мы встрѣчаемся съ слѣдующею туманною фразою: говоря о Ломоносовѣ, Энгельгардтъ пишетъ, что «Ломоносовъ отправляется въ Москву, можетъ быть послѣдуетъ примѣру Бакунина». Вѣроятно, въ это время Бакунинъ сваталъ себѣ невѣсту. Изъ письма отъ 14 января 1824 г. мы узнаемъ, что въ это время въ Москвѣ жили 6 бывшихъ воспитанниковъ перваго курса Лицея, а именно: Матюшкинъ, Пущинъ, Бакунинъ, Кюхельбекеръ, Яковлевъ, Данзасъ и Пальчиковъ (второго курса). О всѣхъ нихъ замѣчаетъ Энгельгардтъ: «народъ все хорошій, есть съ кѣмъ о Лицеѣ поговорить». Въ томъ же году, 24 января, Энгельгардтъ писалъ Матюшкину про своихъ бывшихъ питомцевъ, живущихъ въ Москвѣ: «Странно, что наши, въ Москвѣ живущіе лицейскіе ничего обо мнѣ не знаютъ! Данзасъ, съ которымъ я въ перепискѣ, кажется сообщалъ имъ свѣдѣнія обо мнѣ, также и Кюхельбекеръ, къ которому я недавно еще писалъ и отвѣтъ отъ него получилъ. Что касается до Пальчикова и Бакунина, то они или слишкомъ заняты государственными и собственными дѣлами или у нихъ чернилъ и бумаги не стало, но я отъ нихъ не только письма, но и постскриптумъ не видалъ, а потому и къ нимъ не писалъ».

Какъ мы только что видѣли, Бакунинъ въ 1824 году жилъ въ Москвѣ. Вѣроятно, въ это время онъ женился. Въ 1829 году мы его находимъ уже въ деревнѣ. Такъ, въ письмѣ къ Матюшкину отъ 18 ноября 1829 года Энгельгардтъ писалъ, что «Бакунинъ въ отставкѣ въ деревняхъ».

Одинъ изъ товарищей Вольховскаго сообщалъ ему въ ноябрѣ 1829 года: «Бакунинъ, Надворный Совѣтникъ, живетъ въ деревнѣ близъ Москвы; женатъ и, кажется, имѣетъ дѣтей». Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 22 января 1831 года писалъ: «Бакунинъ съ женою и дѣтищами погрузился въ сельскую

¹⁾ Въ формулярѣ, между прочимъ, значится, что онъ изъ дворянъ, въ походахъ не бывалъ, «по-російски, по-французски и по-нѣмецки, ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, алгебрѣ, исторіи, географіи, ситуаци, фортификаціи, физикѣ и рисовать умѣетъ»; въ штрафахъ и отпускахъ не бывалъ; холостъ. Формуляръ подписалъ генералъ-майоръ Крыжановскій. Выписано изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка за 1822 г., по архиву № 4644. Московское Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба.

жизнь; объ немъ ни слуху, ни духу». Въ томъ же (1831) году, 4 декабря, мы читаемъ въ письмѣ къ Матюшкину: «Бакунинъ въ деревнѣ съ женою, капусту садить». А въ слѣдующемъ году (1832), 28 мая, Энгельгардтъ оповѣщалъ Матюшкина, что «Бакунинъ живетъ въ деревнѣ. устриваетъ свои дѣла и размножаетъ родъ свой».

Изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 30 іюля 1833 года мы узнаемъ, что Бакунинъ съ кучею дѣтей живетъ въ деревнѣ, а 22 сентября 1832 г. Энгельгардтъ писалъ къ Вольховскому: «...У Бакунина куча дѣтей; живетъ въ деревнѣ и устриваетъ свои дѣла». Яковлевъ отъ 11 іюля 1835 года увѣдомлялъ Вольховскаго, что «Бакунинъ—овдовѣлъ. Хозяйничаетъ и заботится не о приобрѣтеніи почестей, а существеннаго». А въ письмѣ къ Вольховскому отъ ²⁷/₃₀ іюня 1836 г. Энгельгардтъ, перечисляя лицействова, отсутствующихъ изъ Петербурга, между прочимъ сообщаетъ, что «Бакунинъ въ Владимирѣ» ¹⁾.

Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 6 октября 1839 года жалуется Вольховскому, что онъ очень осиротѣлъ, что съ отъѣздомъ Фрица, т. е. Стевена, на воеводство въ Выборгъ (куда онъ былъ назначенъ Губернаторомъ) его посѣщаетъ только одинъ Комовскій, «прочіе первокурсные заняты: нѣкогда (Sic!) имъ думать объ отставномъ старомъ Директорѣ. Масловъ и Бакунинъ уже нѣсколько времени какъ прибыли сюда на службу, но я ихъ еще не видалъ. Надѣюсь увидѣть хоть на сходкѣ лицейской, если рѣшатся пріѣхать». Въ письмѣ отъ 15 мая 1840 года Энгельгардтъ сообщалъ Вольховскому, что изъ числа живущихъ въ Петербургѣ первокурсниковъ Бакунинъ не былъ еще у него, и Энгельгардтъ его не видѣлъ.

Отъ того же 1840 года (письмо отъ 2 сентября) Энгельгардтъ сообщалъ Вольховскому: «Бакунинъ Вице-Директоръ 1-го Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ, недавно получилъ какой то орденъ ²⁾ и по слухамъ дѣльной человекъ».

Письмо Энгельгардта къ Матюшкину отъ 12 сентября 1841 г. проникнуто тихою грустью о томъ, что его забыли все первокурсники, что они рѣдко его посѣщаютъ, что живущіе въ Петербургѣ Корфъ, Масловъ, Яковлевъ, Бакунинъ «слишкомъ заняты, нѣкогда (Sic!) о старомъ Директорѣ поминаютъ». Въ письмѣ къ Пушкину отъ 2 ноября того же года Энгельгардтъ, сообщая свѣдѣнія о служебномъ положеніи своихъ бывшихъ питомцевъ, упоминаетъ между прочимъ о Вице-Директорѣ Бакунинѣ. Нѣсколькими строками выше онъ пишетъ: «У Бакунина прелюбезная жена, гораздо милѣе его. Онъ все по прежнему глазами моргаетъ и спорить, однако дѣло свое вице-директорское отправляетъ хорошо и честно...» ³⁾.

¹⁾ Т. е. въ городѣ Владимирѣ.

²⁾ Это былъ орденъ Св. Анны 2 степени.

³⁾ Д. Ө. Кобеко: Императорскій Царскосельскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 444.

Наконецъ, Яковлевъ въ письмѣ отъ 25 января 1841 г. пишетъ Вольховскому: «О другихъ (первокурсникахъ) ничего не знаю, кромѣ Бакунина, который на дняхъ снова отправился въ разныя губерніи».

Изъ этой корреспонденціи Энгельгардта со своими бывшими учениками видно, какъ онъ интересовался ихъ судьбою и какъ онъ слѣдилъ за ними, куда бы судьба не кинула ихъ. Всѣ эти свѣдѣнія, разбросанныя въ его корреспонденціи съ первокурсниками, вполнѣ подтверждаютъ тѣ официальные данныя о службѣ Бакунина, которыя мы читаемъ въ его формулярномъ спискѣ.

Уволившись отъ военной службы 14 февраля 1823 года для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, Бакунинъ былъ опредѣленъ 26 мая 1823 года на службу въ Канцелярію Московскаго военнаго Генераль-Губернатора.

По словамъ В. И. Семевского (Политическая и общественная идея декабристовъ. Спб., 1909 г.), чиновникъ при Московскомъ Генераль-Губернаторѣ А. П. Бакунинъ былъ членомъ ложи соединенныхъ славянъ и принадлежалъ въ Москвѣ къ кружку декабриста И. И. Пущина. Шварценбергъ назвалъ его легкомысленнымъ и вообще человѣкомъ «невыгодныхъ качествъ». По словамъ В. И. Семевского, Бакунинъ, въ числѣ другихъ, привлекался къ слѣдствію по дѣламъ тайныхъ обществъ (стр. 304, 322).

Еще въ бытность его въ Петербургѣ онъ былъ членомъ петербургской масонской ложи. Членами этой ложи, по словамъ Д. Θ. Кобеко, были, кромѣ Бакунина, Дельвигъ и Кюхельбекеръ, а Пушкинъ въ это время былъ членомъ кишиневской ложи ¹⁾.

По указу Правительствующаго Сената 19 ноября 1823 года Бакунинъ переименованъ былъ въ Титулярные Совѣтники.

Въ 1825 году, 3 апрѣля, Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе Камеръ-Юнкера Двора Его Императорскаго Величества.

Въ 1827 году, 15 іюля, произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры, со старшинствомъ со времени выслуги лѣтъ, узаконенныхъ въ прежнемъ чинѣ.

Въ 1829 году, 19 іюля, по Именному Его Императорскаго Величества Указу, данному Правительствующему Сенату, Бакунинъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ Надворнаго Совѣтника.

Въ 1833 году, 31 января, дворянами Костромской губерніи избранъ, на трехлѣтіе, Почетнымъ Попечителемъ тамошней губернской гимназіи и утверждёнъ въ этомъ званіи Государемъ Императоромъ.

Въ 1834 году, 4 февраля, Высочайше утверждёнъ Членомъ Костромскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета.

¹⁾ Д. Θ. Кобеко: Императорскій Царскосельскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 182.

Въ 1835 году, 19 февраля, Бакунинъ уволенъ, по прошенію его, съ Высочайшаго соизволенія, отъ должности Попечителя Костромской гимназіи.

Въ 1835 году, 7 іюня, по предложенію Московскаго военнаго Генераль-Губернатора, Бакунину поручено отправлять должность Совѣтника въ Московскомъ Губернскомъ Правленіи.

Въ 1835 году, 14 августа, указомъ Правительствующаго Сената утвержденъ въ должности Совѣтника Московскаго Губернскаго Правленія, съ переименованіемъ въ Коллежскіе Ассесоры.

Въ 1835 году, 12 ноября, указомъ Правительствующаго Сената перемѣщенъ на вакансію Совѣтника Московской Палаты Уголовнаго Суда 2-го Департамента.

Произведенъ въ Надворные Совѣтники, со старшинствомъ отъ 25 іюля 1834 года.

Въ 1838 году, 4 февраля, за отлично-усердную службу объявлено Бакунину Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

Въ 1838 году, 16 апрѣля, по Высочайшему Его Императорскаго Величества указу, данному Правительствующему Сенату, Бакунинъ назначенъ Новгородскимъ Вице-Губернаторомъ.

Всемилоствѣйше пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники, со старшинствомъ со дня выслуги, т. е. съ 25 іюля 1837 года.

Въ 1839 году, 12 іюля, Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, за отлично-усердную и ревностную службу Бакунинъ Всемилоствѣйше пожалованъ въ Статскіе Совѣтники.

Въ 1839 году, 9 октября, Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, Бакунину повелѣно быть Вице-Директоромъ 1-го Департамента Государственныхъ Имуществъ, съ увольненіемъ отъ должности Новгородскаго Вице-Губернатора.

По случаю бывшаго въ 1839 году неурожая Бакунинъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 10 губерній для направленія дѣйствій мѣстныхъ начальствъ въ обезпеченіе продовольствія (емъ?) казенныхъ крестьянъ. При этомъ Бакунину вмѣнено было въ обязанность произвести ревзію Палатъ Государственныхъ Имуществъ и окружныхъ Управленій тѣхъ же губерній, за каковое исполненіе въ циркулярѣ отъ 24 іюля 1840 года по Министерству Государственныхъ Имуществъ объявлена благодарность Министра съ присовокупленіемъ, что объ отличномъ исполненіи возложеннаго порученія доведено до Высочайшаго свѣдѣнія. По окончаніи сего порученія возвратился и вступилъ въ настоящую должность 1840 года, 26 апрѣля.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію возложено управлять первымъ Департаментомъ Государственныхъ Имуществъ, каковое управленіе продолжалось съ 12 мая по 15 сентября 1840 года.

Въ 1840 году, 12 іюля, по положенію Комитета Министровъ за неуспѣнные труды и дѣятельность на пользу службы по званію Новгородскаго Вице-Губернатора и, сверхъ того, за благоразумныя и быстрыя распоряженія по обезпеченію продовольствія казенныхъ поселенъ въ 10 губерніяхъ Бакунинъ Всемило-стивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 степени, украшеннаго Императорскою короною.

Въ томъ же году, 22 августа, пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.

Въ 1840 году, 2 декабря, по приказанію Министра Государственныхъ Имуществъ Бакунинъ командированъ былъ въ губерніи: Московскую, Калужскую, Смоленскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Орловскую и Курскую, для направленія дѣйствій мѣстныхъ начальствъ къ успѣшному заготовленію въ тѣхъ губерніяхъ хлѣба.

По окончаніи сего порученія, въ 1841 году, 18 марта, Бакунинъ возвратился и вступилъ въ отправленіе занимаемой имъ должности Вице-Директора перваго Департамента Государственныхъ Имуществъ.

Во время службы Бакунина въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ Вице-Директоромъ къ нему обратился его товарищъ по курсу Владиміръ Дмитриевичъ Вольховскій съ просьбою посодѣйствовать ему въ полученіи мѣста Управляющаго Харьковскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма Бакунина къ Вольховскому отъ 2 мая 1840 года. Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что это письмо Бакунина къ Вольховскому является единственнымъ письмомъ, которое мы имѣемъ. Вотъ, что отвѣтилъ Бакунинъ на просьбу Вольховскаго:

«Любезнѣйшій Владиміръ Дмитриевичъ. Прибывъ въ Петербургъ при первой возможности передалъ я желаніе твое, но увы не могу сообщить тебѣ ничего удовлетворительнаго, ибо Харьковской Управляющій не выходитъ и на Харьковское мѣсто есть нѣсколько кандидатовъ, ожидающихъ сего мѣста нѣсколько времени; но въ дѣлахъ нашего управленія я полагалъ, что полученіе мѣста Управляющаго довольно легко, но увидѣвъ списокъ кандидатамъ и отличныя отмѣтки, сдѣланныя противу нѣкоторыхъ, убѣдился, что полученіе сихъ званій весьма затруднительно.

«Искренно сожалѣю, что первая попытка моя не удалась и особенно въ отношеніи къ тебѣ, добрый другъ и старый товарищъ, но дѣлать нечего съ невозможнымъ. Сообщаемыя тебѣ свѣдѣнія получилъ я по приказанію графа отъ Директора нашего перваго департамента.

«Поручая себя памяти твоей, прося обнять Ивана Васильевича, когда соединишься съ нимъ и прося обоихъ васъ сохранить мнѣ чувства стараго нашего товарищества, остаюсь душею тебѣ преданный—А. Бакунинъ».

14 апрѣля 1841 года, въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы, Всемилостивѣйше пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе тысяча восемьсотъ десятинъ земли.

Въ томъ же 1841 году, 21 іюля, по приказанію Министра, возложено было распоряженіе и надзоръ за приведеніемъ Архива перваго Департамента Государственныхъ Имуществъ въ порядокъ и совершенное устройство.

За успѣшное и быстрое исполненіе изъявлена Бакунину отъ Министра особая признательность—23 ноября того же 1841 года.

Согласно прошенію и вслѣдствіе отзыва Министра Государственныхъ Имуществъ о неимѣннй препятствія къ перемѣщенію Бакунина въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, онъ былъ причисленъ въ Вѣдомство сего Министерства 12 декабря 1841 года.

Въ томъ же 1841 году, 22 декабря, по Именному Высочайшему Указу Бакунинъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности Вице-Директора Перваго Департамента Государственныхъ Имуществъ.

Въ 1842 году Бакунинъ производилъ обозрѣніе присутственныхъ мѣстъ и учреждений вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Рязанской губерніи, каковое порученіе окончено удовлетворительно 22 декабря указаннаго года.

Немного ранѣе, а именно 16 декабря 1842 года Бакунину Всемилостивѣйше повелѣно быть въ должности Тверского Гражданскаго Губернатора (Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату того же года и числа).

Въ 1843 году, 10 марта, по Всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Бакунину Всемилостивѣйше пожаловано одновременно на обзаведеніе 3000 рублей серебромъ.

Въ томъ же году, августа 22, за выслугу, послѣ полученія знака отличія безпорочной службы XV-лѣтняго достоинства, еще V лѣтъ Бакунину Всемилостивѣйше пожалованъ на перемѣну прежняго новый знакъ, за XX лѣтъ.

По всеподданнѣйшему докладу Предсѣдателя Высочайше учрежденнаго Общества попечительнаго о тюрьмахъ Комитета Генераль-Адъютанта графа Бенкендорфа, Бакунинъ Высочайше утвержденъ въ званіи Вице-Президента Тверского попечительнаго о тюрьмахъ Комитета—въ томъ же году, 13 октября.

По всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ 6 день декабря 1843 года Бакунину Всемилостивѣйше пожаловано прибавочное, сверхъ полученнаго оклада, содержаніе по 2000 рублей серебромъ въ годъ, доколѣ онъ будетъ состоять въ должности Начальника Тверской губерніи.

Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 26 день марта 1844 года, Бакунинъ Всемилостивѣйше пожалованъ, въ награду усердной и полезной, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ засвидѣтельствованной, службы, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ.

По распоряженію Министра Внутренних Дѣлъ назначенъ Членомъ Высочайше учрежденнаго Комитета для преобразованія земской полиціи, при чемъ по Высочайшему повелѣнію выдано одновременно на путевыя издержки 3000 рублей серебромъ.

Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ 10 день апрѣля 1845 г., Бакунинъ утвержденъ Тверскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ.

По Высочайшему повелѣнію, за отлично-усердную и полезную службу Бакунину назначено съ 14 января 1846 года, вмѣсто производимаго добавочнаго жалованья 2000 рублей, по 4000 рублей серебромъ въ годъ.

Въ 1846 году, 27 декабря, по всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ Всемилостивѣйше пожалованъ Бакунину орденъ Св. Владимира 3 степени за отлично-усердную службу и особые труды.

За 1846 годъ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Бакунинѣ изъ переписки Плетнева съ Я. К. Гротомъ. Вотъ что пишетъ Плетневъ 7 сентября 1846 года Гроту:

«Тамъ (у князя Одоевскаго), между прочимъ была Бакунина, жена лицеиста 1-го выпуска. Онъ теперь Губернаторомъ въ Твери. Съ нею я долѣе всѣхъ разговаривалъ. Она мнѣ рассказывала о двухъ партіяхъ въ Твери. Одна держитъ сторону прежняго губернатора (Болоховскаго), а другая — ея мужа. Во главѣ первой былъ нашъ Невѣдомскій, который, какъ она сказала мнѣ, на дняхъ умеръ въ Москвѣ. Это меня поразило и несказанно опечалило. Я любилъ этого человѣка и его талантъ. Вторую партію защищаетъ агрономъ Шелеховъ ¹⁾, человѣкъ мною презираемый. Вышло изъ этого, что я не могъ войти въ партію ея мужа» ²⁾.

По всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Всемилостивѣйше пожаловано 1500 рублей серебромъ, безъ зачета, на покрытіе путевыхъ издержекъ по случаю прибытія въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы.

За дѣятельность и распорядительность при сборѣ въ 1848 году отпускныхъ воинскихъ чиновъ на дѣйствительную службу, а также при принятіи мѣръ въ обезпеченію оставшихся послѣ нихъ семействъ, въ числѣ прочихъ, дѣйствовавшихъ тоже по настоящему дѣлу въ разныхъ губерніяхъ, — объявлена Бакунину совершенная Его Императорскаго Величества признательность.

Высочайшимъ приказомъ 26 августа 1856 года, въ награду отлично-усердной службы Бакунинъ произведенъ въ Тайные Совѣтники.

¹⁾ Дмитрій Нотоповичъ, полковникъ, писатель по сельскому хозяйству, † въ 1854 г.

²⁾ Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Спб., 1896 г., т. 2. стр. 819.

Высочайшимъ приказомъ 11 апрѣля 1857 года за успѣшныя дѣйствія по взысканію податей въ 1856 году объявлено Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

Бакунинъ имѣлъ темно-бронзовую медаль на Владимірской лентѣ, учрежденную въ память войны 1853—1856 годовъ.

Въ 1857 году, 18 октября, Бакунинъ уволенъ отъ службы.

Далѣе въ формулярѣ Бакунина имѣются еще такія свѣдѣнія: въ походахъ не былъ, штрафованъ тоже не былъ. Былъ въ 1836 году въ отпускѣ на 28 дней и на срокъ явился. Былъ въ отставкѣ, безъ награжденія чиномъ, въ 1823 году, съ 14 февраля по 26 мая; съ 19 іюля 1829 года по 31 января 1833 года и въ 1835 году съ 19 февраля по 7 іюня. При второй отставкѣ награжденъ былъ чиномъ Надворнаго Совѣтника, который при вступленіи вновь на службу снятъ.

Бакунинъ изъ дворянъ Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, православнаго исповѣданія. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ имѣлъ родовое имѣніе въ 325 душъ крестьянъ, а въ Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда, благопріобрѣтенное имѣніе въ 470 душъ получилъ по завѣщанію (?); за женою было родовое имѣніе въ 180 душъ, а благопріобрѣтеннаго не было.

Бакунинъ получалъ жалованья въ годъ 1716 рублей, добавочнаго—4000 рублей и столовыхъ—1716 рублей серебромъ, а всего 7432 рубля серебромъ.

Бакунинъ былъ женатъ, первымъ бракомъ (23 іюля 1824 г.), на Аннѣ Борисовнѣ Зеленской ¹⁾, отъ которой имѣлъ дѣтей: сына Николая, родившагося въ 1828 году, 21 сентября (служилъ въ Лейбъ-Гвардіи Семеновскомъ полку штабсъ-капитаномъ), и дочерей: Татьяну, фрейлину Ихъ Императорскихъ Величествъ, родившуюся 1827 года, 3 февраля, и Екатерину, родившуюся въ 1833 г., 20 іюня. Вторымъ бракомъ онъ былъ женатъ на Маріи Александровнѣ Шулепниковой, отъ которой имѣлъ дочь Варвару, родившуюся 1838 года, 19 ноября. Жена и дѣти вѣроисповѣданія православнаго.

А. П. Бакунинъ умеръ 25 августа 1862 года, въ Ниццѣ ²⁾, уже будучи, какъ мы выше видѣли, въ отставкѣ, а не въ должности Тверскаго губернатора, какъ сказано въ книгѣ Д. Θ. Кобеко «Императорскій Царскосельскій Лицей» (Спб., 1911 г., стр. 504).

¹⁾ Она была племянницей Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына и воспитанницей его холостого брата Бориса Владиміровича Голицына.

²⁾ См. Памятную книжку Императорскаго Александровскаго Лицея на 1898—99 уч. годъ (Спб., 1899 г., стр. 164) и Памятную книжку лицействоваго изданія собранія курсовыхъ представителей Императорскаго Александровскаго Лицея (Спб., 1907 г., стр. 3). Въ Памятной книжкѣ Лицея на 1895—96 уч. г. (стр. 40) сказано, что Бакунинъ умеръ въ 1860 г.

Гораздо болѣе интересною біографіею самого Бакунина является біографіею его сестры Екатерины, которая была предметомъ любви и вдохновенія юныхъ лицействовъ. Пушкинъ, Илличевскій и др. пылали къ ней страстью и вдохновлялись этою любовью. Результатомъ такого увлеченія явились элегіи въ честь Бакуниной.

Екатерина Павловна Бакунина, впоследствии замужемъ за Полторацкимъ¹⁾, была фрейлиной Высочайшаго Двора. Это была, какъ говорить въ своей Запискѣ Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій, первая платоническая, истинно поэтическая любовь Пушкина. По словамъ Комовскаго, Бакунина «часто навѣщала брата своего и всегда прѣвѣжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, дивный станъ и очаровательное обращеніе произвели всеобщій восторгъ во всей лицейской молодежи. Пушкинъ съ чувствомъ пламеннаго юноши описалъ ея прелести въ стихотвореніи своемъ къ «Живописцу», которое очень удачно было положено на ноты лицейскимъ же товарищемъ его Яковлевымъ и постоянно пѣто до самаго выхода изъ заведенія»²⁾.

Лицейсты могли познакомиться съ Екатериной Павловной Бакуниной не только при посѣщеніяхъ ею своего брата въ Лицеѣ и во время лицейскихъ баловъ, но въ особенности во время прогулокъ въ Царскосельскихъ садахъ, такъ какъ мать Бакуниныхъ переѣхала со своею дочерью Екатериною въ Царское Село на постоянное жительство, чтобы быть вблизи мѣста воспитанія ея сына Александра. Если любовь лицействовъ къ прелестной Екатеринѣ Павловнѣ Бакуниной доставляла имъ поэтическое наслажденіе и сердечную утѣху, то зато присутствіе ея матери отравляло имъ жизнь, такъ какъ она умудрялась шпионить и слѣдить за тѣми романами, которые воспитанники читали въ Лицеѣ вопреки запрещенію, а, шпионя, она наушничала, въ видахъ охраненія своего сына отъ безнравственныхъ чтеній. Для этой цѣли она поселилась въ Царскомъ Селѣ и, какъ говорить графъ Корфъ въ своей Запискѣ, неослабно слѣдила за лектурами воспитанниковъ «для охраненія нравственности своего, впрочемъ совсѣмъ не цѣломудреннаго сына»³⁾.

Любовь Пушкина къ Екатеринѣ Павловнѣ Бакуниной была первою его любовью, затронувшею глубоко его сердце и вылившеюся въ элегіи: «Любовь одна — веселье жизни хладной...»⁴⁾. Справедливо говорить Майковъ, что въ этомъ элегическомъ стихотвореніи видѣнъ поворотъ Пушкина отъ чувственныхъ наслажденій къ болѣе высокимъ, идеальнымъ порывамъ. «Въ произведеніяхъ болѣе ранняго времени поэтъ изображаетъ любовь только съ матеріальной стороны, какъ чувственное на-

¹⁾ Александръ Александровичъ Полторацкій (род. 7 іюля 1792 г., † 13 марта 1855 г.) женился на Бакуниной въ 1834 г.—Бакунина умерла 7 декабря 1869 г. См. В. Л. Модзалевскій: Записки В. П. Зубкова. Спб., 1906 г., стр. 84—85.

²⁾ Записка С. Д. Комовскаго. Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 220.

³⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лиц. тов. и наст., стр. 229.

⁴⁾ Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. 8, стр. 56.

слаждене, — здѣсь же, напротивъ того, любви приданъ отгѣнокъ идеальный; такимъ образомъ разсматриваемая пѣса знаменуетъ собою новый фазисъ въ развитіи молодого творчества Пушкина; оно и понятно: до сихъ поръ только воображеніе юноши раздражалось образами женской красоты; теперь же затронуто было его сердце, и первая его любовь вызвала эти элегическія строки»¹⁾).

Это подтверждается дневникомъ Пушкина, какъ собственноручное свидѣтельство поэта о чувствахъ, которыя онъ тогда переживалъ. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ дневникѣ отъ 1815 года:

«Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,
Отрадой тихую, восторгомъ упивался...
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лѣтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вдругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

«Я счастливъ былъ!.. нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: поутру мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на свѣжнюю дорогу — ея не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!..

*Онъ нѣтъ любовь, но былъ печалень глазъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!*

Жуковский.

«Какъ она мила была! Какъ черное платье пристало къ милой Б.!»

«И какъ бы, — говоритъ Майковъ, — не довѣряя тайны своего сердца даже бумагѣ, Пушкинъ тщательно зачеркиваетъ написанную фамилію, оставляя только первую букву, а вмѣстѣ съ тѣмъ зачеркиваетъ и слѣдующія строки:

«Но я видѣлъ ее въ 8 часовъ... Ахъ, какое положеніе, какая мука!.. Но я былъ счастливъ 5 минутъ»²⁾).

Это чувство къ Бакуниной вылилось у Пушкина еще раньше въ другомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ «Слеза», записанномъ рукою А. Д. Иличевского въ его рукописномъ сборникѣ «Лицейская Антологія». Въ этомъ стихотвореніи, какъ

¹⁾ Комментаріи Майкова къ академическому изданію соч. Пушкина. 2-ое изданіе, т. I, Спб., 1900 г., стр. 281.

²⁾ Тамъ же, стр. 282—283. См. также сочиненія А. С. Пушкина подъ редакціей П. А. Ефремова, изданіе А. С. Суворина (1903 г., т. V, стр. 332). Мы исправили знаки препинанія по Ефремову, но оставили цифру 8, какъ у Майкова, у Ефремова же стоитъ 18. Последняя фраза приведена у Ефремова опять иначе:

«Но я не видѣлъ ее 18 часовъ — ахъ!..

«Какое положеніе, какая мука! Но я былъ счастливъ 5 минутъ».

Кто изъ этихъ двухъ извѣстныхъ комментаторовъ Пушкина правъ? Вѣдь оба читали рукопись!

извѣстно, гусарь спрашиваетъ автора, зачѣмъ онъ смотритъ грустно на дорогу, вѣдь онъ еще не провожалъ по ней своихъ друзей. Пушкинъ отвѣчаетъ:

«...Гусарь, ужь нѣтъ ея со мною!»
Вздохнулъ и замолчалъ.
Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокаль.
«Дитя, ты плачешь о дѣвицѣ;
Стыдись!» онъ закричалъ.
«Оставь, гусарь! Ахъ, сердцу больно!
«Ты, знать, не горевалъ:
«Увы, одной слезы довольно,
«Чтобъ отравить бокаль!»¹⁾

Къ Бакуниной относится стихотвореніе Пушкина «Къ живописцу»²⁾, которое вызвало отвѣтное стихотвореніе Илличевского «Отъ живописца». «Живописецъ», какъ извѣстно, былъ Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій, снабжавшій первокурсниковъ и ихъ журналы своими бойкими и злобными карриатурами.

Помимо карриатуръ, по вѣзмъ вѣроятіямъ, Илличевскій очень прилично рисовалъ. Поэтому Пушкинъ обращается въ своемъ стихотвореніи къ Илличевскому съ просьбою нарисовать Бакунину въ томъ видѣ, въ какомъ она ему (Пушкину) представляется.

Дитя харитъ и вдохновенья,
Въ порывѣ пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:
Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной,
И взоры самой красоты;
Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мую царицу окружи;
Прозрачны волны покрывала
Накинъ на трепетную грудь,

¹⁾ Стихотвореніе это приведено по рукописи, принадлежавшей Я. К. Гроту. См. 2-е академ. изданіе соч. Пушкина, комментар. Майкова, стр. 169.

²⁾ См. сочин. А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. 8, изд. А. С. Суворина, 1905 г., стр. 36.—Странно, что Ефремовъ въ своемъ комментариі къ этому стихотворенію полагаетъ, что стихотвореніе Пушкина «вызвано стихами Илличевского («Отъ живописца»)» и что будто бы такъ полагаетъ Гаевскій. Между тѣмъ Гаевскій ничего подобнаго не говоритъ, и перепуталъ самъ Ефремовъ: не стихотвореніе Пушкина вызвано стихотвореніемъ Илличевского, а наоборотъ—стихотвореніе Илличевского «Отъ живописца» вызвано стихотвореніемъ Пушкина «Къ живописцу».

Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть;
Представь мечту любви стыдливой—
И той, которую дышу,
Рукою любовника счастливой
Внизу я имя напишу ¹⁾.

На это, какъ извѣстно, Илличевскій отвѣтилъ Пушкину стихотвореніемъ «Отъ живописца», гдѣ онъ сравниваетъ Бакунину съ пастушкою, въ которой соединены черты харитъ и нимфъ; сравниваетъ ее съ царицей, которая по красотѣ является соперницей Еленѣ Прекрасной, но все напрасно, никакой образъ не можетъ сравниться съ нею...

...Ты божество предъ нимъ!
Нѣтъ! видно мысль одна дерзаетъ
Постичь красу твою:
Предъ совершенствомъ повергаетъ
Искусство кисть свою.
Амуръ всего удачнѣй пишетъ
Въ сердцахъ твой милый видъ,
А страсть, какой влюбленный дышетъ,
На вѣкъ его хранитъ ²⁾.

Эта любовь Пушкина къ Бакуниной можетъ быть прослѣжена въ цѣломъ рядѣ стихотвореній. Если любовь Пушкина вдохновила его поэзію и вылилась цѣлымъ рядомъ элегій, то, съ другой стороны, эти стихотворенія послужили поворотнымъ пунктомъ въ развитіи его поэтическаго дара.

По этимъ элегіямъ, по словамъ Анненкова (т. II, стр. 153), можно прослѣдить первыя проявленія самостоятельности, первыя попытки къ выходу изъ французскаго анакреонтическаго направленія.

Въ стихотвореніи «Мое завѣщаніе друзьямъ» Пушкинъ, собираясь умереть (конечно, не въ серьезъ), прощается со всѣми, кто ему дорогъ: съ друзьями, съ подругами молодыми...

...Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!
.....
Подайте гроздь Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ...

«Вѣтреному мудрецу» Пушкину онъ завѣщаетъ вмѣстѣ съ чашей

Увядшій миртовый вѣнецъ.
Друзья, вамъ сердце оставляю

¹⁾ Академич. изд. соч. А. С. Пушкина, изд. 2, т. 1, стр. 138.

²⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ.—«Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 382.

И память прошлыхъ красныхъ дней,
Моимъ подругамъ завѣщаю
Воспоминаніе ночей,
Утраченныхъ у ногъ Венеры,
Въ лѣсахъ веселья Цитеры.
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, ей!.. ¹⁾

Въ элегіи «Желаніе» ²⁾ Пушкинъ, оплакивая горестъ несчастной любви, съ наслажденіемъ дорожить своею тоскою:

...Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя! ³⁾

Когда Бакунина съ семействомъ покинула Царское Село, чтобы поселиться въ Петербургъ, то Пушкинъ въ элегіи «Осеннее утро» вспоминаетъ о тѣхъ счастливыхъ моментахъ, когда она была съ нимъ:

...Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясной;
У берега, на зелени луговъ,
Я не нашель чутъ видимыхъ слѣдовъ,
Нигдѣ не встрѣтилъ я прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее,—лишь гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ откликнулся вдали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной,
Его струи медлительно текли—
Не трепеталъ въ нихъ образъ несравненной.
Ужъ нѣтъ ея!.. До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою... ⁴⁾

Къ этому же отъѣзду Бакуниной можетъ быть приурочено стихотвореніе или элегія подъ заглавіемъ «Разлука» или «Уныніе»:

Мой милый другъ, разстался я съ тобою;
Душой уснувъ, безмолвно я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
Я все тебя, далекій другъ, ищу:

¹⁾ Т. е. Бакуниной.—Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. Майкова. 2-ое акад. изд., т. I, стр. 113 и 142.

²⁾ Въ спискѣ Московскаго Музея это заглавіе зачеркнуто и написано: «Уныніе». Комментаріи Ефремова, т. 8, стр. 60.

³⁾ Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. Майкова, т. I, стр. 206.

⁴⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. Майкова. 2-ое академическое изданіе, т. I, стр. 213 и 315.

Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ:
Задумаюсь—неволью призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ...

Это стихотвореніе Пушкина въ окончательной редакціи, но есть еще то же стихотвореніе въ болѣе ранней или первоначальной редакціи, болѣе пространное, чѣмъ приведенное выше. Вполнѣ соглашаясь съ комментаторами, что въ окончательной редакціи Пушкинъ очистилъ стихи отъ всѣхъ постороннихъ заимствованій и оставилъ только то, что принадлежитъ ему, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что и въ первоначальной редакціи Пушкинъ высказалъ, хотя и заимствовавъ тему, то, что отгвѣчало его любви къ Бакуниной, хотя бы и выраженное другимъ авторомъ, что соответствовало дѣйствительности въ данный моментъ. Поэтому мы позволимъ себѣ привести эту первоначальную редакцію стихотворенія «Уныніе», извѣстнаго подъ заглавіемъ «Разлука»:

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ,
И не несутъ забвенія фіаль.
О, милая! повсюду ты со мною!
Но я унылъ и втайнѣ я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною—
Я все тебя, прелестный другъ, ищу,
Засну ли я—лишь о тебѣ мечтаю.
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь—неволью призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сажу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О, вѣрная! грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе мое,
И слушая бряцаніе твое,
Пускай вздохнуть задумчивыя дѣвы¹⁾:

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, т. 8, стр. 61 и 62, и академ. (2-ое) изданіе соч. Пушкина, т. I, стр. 209 и 304—307.

О томъ, что Бакунина покинула Царское Село, мы находимъ намекъ у Дельвига въ письмѣ къ его теткѣ отъ 6 октября 1816 г.: «Садъ сътуетъ, не видя прелестныхъ петербургскихъ дамъ, которыя цѣлое лѣто жили въ Царскомъ Селѣ, и срываетъ съ себя зеленую одежду. Мы ходимъ подъ шумомъ опустошенныхъ деревьевъ и забавляемъ себя прошедшимъ и будущимъ. Тамъ мы по нѣскольку часовъ слушали громкую музыку гусарскаго полка, теперь все молчитъ и отвѣчаетъ своими грустными и пустынными видами нашему унылому сердцу» ¹⁾).

Эта любовь къ Бакуниной послужила для Пушкина источникомъ вдохновенія, и мы обязаны ей нѣсколькими поэтическими элегіями. Въ этихъ элегіяхъ мы слышимъ жалобы Пушкина на мученія любви, какъ, напримѣръ, въ стихотвореніи подъ заглавіемъ «Элегія»:

Счастливъ, кто въ страсти самъ себя
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ,
Кого луны туманный лучъ
Ведетъ въ полночи сладострастной,
Кому тихонько вѣрный ключъ
Отворить дверь его прекрасной!
Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увяль надежды ранній цвѣтъ,
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій.
Печально младость улетитъ,
И съ ней увянутъ жизни розы.
Но я, любовью позабытъ,
Любви не позабуду ль слезы? ²⁾

Къ этому прекрасному стихотворенію академикъ Л. Н. Майковъ даетъ слѣдующій комментарий: «Поэтическая мысль этого стихотворенія заключается въ противоположеніи между счастливою и несчастною любовью, а заключительныя строки его выражаютъ тотъ мотивъ просвѣтленія среди безысходной грусти, который составляетъ отличительную особенность элегій Пушкина».

Эти мученія любви всего лучше выражены въ элегіи, которая отмѣчена Пушкинымъ словомъ «Подражаніе», начинающейся словами:

Я видѣлъ смерть; она сидѣла
У тихаго порога моего ³⁾...

¹⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. «Современникъ» 1863 г., стр. 383.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. 2-ое академич. изданіе, т. I, стр. 212 и 314.

³⁾ Тамъ же, стр. 211.

Мы воспользуемся раннею редакціею этой элегіи, находящейся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, и приведемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ:

Я видѣлъ смерть, она въ молчаньи сѣла
У мирнаго порога моего.

Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездною для меня лежала,
Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!

А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ,
Прости! Минуло все... Ужъ гаснетъ пламень мой,
Схожу я въ хладную могилу
И смерти сумракъ роковой
Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!
А вы, друзья, когда лишенный силъ,
Едва дыша въ болѣзненномъ бореньи,
Скажу я вамъ: «О, други, я любилъ!»
И тихій духъ умретъ въ изнеможеньи,
Друзья мои, тогда, тогда пойдите къ ней:
Скажите: взять онъ вѣчной тьмой;
И, можетъ быть, объ участи моей
Она вздохнетъ надъ урной гробовою! ¹⁾

По рукописи Якушкина, эта элегія имѣетъ еще слѣдующій вариантъ:

А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
Предметомъ вѣчныхъ слезъ и горестей залогомъ,
Прости, все кончилось! безумный пламень мой
Теряетъ наконецъ мучительную силу:
Я быстро нисхожу въ отверстую могилу,
Съ послѣдней радостью, съ послѣднею тоской.

Элегія эта имѣетъ подзаглавіе «Подражаніе». Мы не касаемся здѣсь вопроса, откуда заимствовалъ Пушкинъ это стихотвореніе. Поэтому мы не касаемся здѣсь и комментарій по поводу этихъ заимствованій Анненковыхъ, Гаевскихъ, Майковыхъ, Ефремовыхъ и пр. Для насъ важно, откуда бы ни заимствовалъ Пуш-

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редакц. П. А. Ефремова, т. 8, стр. 63—65.

кинь эти стихи, только то, что они выражали его настроеніе, что въ нихъ откли-
калась его душа и что они выражали его отношенія къ Бакуниной.

Къ Бакуниной относится еще одно четверостишіе, которое помѣщается
какъ стихотвореніе отъ 1817 года. Между тѣмъ академикъ Майковъ помѣ-
щаетъ его между стихами, писанными Пушкинымъ въ 1816 году. Стихо-
твореніе это можетъ относиться къ отбѣзду Бакуниной изъ Царскаго Села. Пре-
лестныя элегіи, которыя вдохновили Пушкина, были, такъ сказать, интимною по-
эзіею его души или тою «Святая Святыхъ», которая недоступна для взоровъ по-
стороннихъ, между тѣмъ какъ въ нижеприводимомъ четверостишіи выражена офици-
ціально дань уваженія ея красотѣ. Вотъ это четверостишіе:

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй.
Подумавъ, я скажу все то же ¹⁾).

Есть еще другія элегіи, напримѣръ «Окно» (2-ое академическое изданіе,
т. I, стр. 200) и «Мѣсяцъ» (тамъ же, стр. 208). Въ первой изъ этихъ элегій
Пушкинъ говоритъ, что міръ для него опустѣлъ, что на все онъ взираетъ равно-
душно, что дышать уныніемъ—его удѣлъ. По словамъ новѣйшаго комментатора,
въ этой элегіи можно усмотрѣть нѣкоторыя чувства ревности Пушкина къ пред-
мету своего обожанія и покорность судьбѣ предъ своимъ счастливымъ соперникомъ.

Недавно, темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла;
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами путь.
«Я здѣсь!» шепнули торопливо,
И дѣва трепетною рукою
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотою...
«Счастливецъ», молвилъ я съ тоской,—
«Тебя веселье ждетъ одно!
«Когда жъ вечернею порою
«И мнѣ откроется окно?» ²⁾

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. 2-ое академическ. изданіе, т. I, стр. 245 и
365—366.

²⁾ Сочиненія Пушкина, подъ ред. Майкова. 2-ое академическое изданіе, т. I,
стр. 200—201 и 287—288.

Въ элегіи «Мѣсяць» Пушкинъ вопрошаетъ луну:

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь огня
Сіянье тусклое наводишь?

И Пушкинъ отвѣчаетъ на это:

Являемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустныя мечтанья,
Любви напрасныя страданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усиленныя желанья.
Летите прочь, воспомнанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужь не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный завѣсъ пронизало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу возлюбленной моей.
Почто, минуты, вы летѣли
Тогда столь быстрой чередой,
И тѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
Зачѣмъ ты, мѣсяць, укатился
И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
Зачѣмъ я съ милою простился?..

Послѣ словъ: «блѣдно озаряло красу возлюбленной моей» въ музейной рукописи находится слѣдующій вариантъ:

Что вы, восторги сладострастья,
Предъ тайной прелестью отрадъ
Прямой любви, прямого счастья?
Примчатся ль радости назадъ?

Академикъ Майковъ; комментируя этотъ вариантъ, очень справедливо замѣчаетъ, «что въ вышеприведенныхъ четырехъ строкахъ ясно высказывается мысль, особенно занимавшая поэта въ пору его платоническаго увлеченія Е. П. Бакуниной и дѣйствительно очень знаменательная для характеристики тогдашняго момента въ жизни его сердца, мысль о различіи между чувственною страстью и мечтательною любовью...» ¹⁾

¹⁾ Комментарій академика Майкова. 2-ое академич. изданіе, т. I, стр. 303.

Послѣ отбѣзда Бакуниной изъ Царскаго Села, когда Пушкинъ освободился, такъ сказать, отъ чаръ любви и вернулся къ дѣйствительной жизни, онъ обращается съ элегіей къ своимъ друзьямъ:

Опять я вашъ, о, юные друзья!..

Все тѣ же вы, но время ужь не то же:

Уже не вы душѣ всего дороже,

Ужъ я не тотъ ¹⁾).

Несмотря на это возвращеніе въ кругъ друзей, чары Бакуниной продолжали оказывать свое дѣйствіе на Пушкина, и чувства его вылились въ слѣдующей элегіи:

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
Что въ сердцѣ злыхъ страстей утомилъ гласъ мятежной,
Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
Страдальца довела до пристани надежной.

Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ,
Но мрачная любовь таилася во мнѣ,
Не угасалъ мой пламень страстный...
Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ,
Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзву лиру,
Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ,

Веселье, Вакха и Дельфиру...

Напрасно!.. Я молчалъ; усталая рука
Лежала томная на лирѣ непослушной.
Я все еще горѣлъ и въ грусти равнодушной
На игры младости взиралъ издалика...

Любовь, отрава нашихъ дней,
Вѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній!

Не сожигай души моей,
Огонь мучительныхъ желаній!

Летите, призраки!.. Амуръ, ужь я не твой!
Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
Брось одного меня въ безчувственной природѣ,
Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
Позволь еще заснуть и въ тягостныхъ цѣпяхъ
Мечтать о сладостной свободѣ! ²⁾

¹⁾ Академич. (2-ое) изданіе соч. А. С. Пушкина. Т. I, стр. 217.

²⁾ Сочиненія Пушкина. 2-ое академич. издан., стр. 223 и 224.

Въ 1817 году сила этой любви или юношеской привязанности значительно ослабла и является только как воспоминаніе. Въ стихотвореніи «Наслажденіе» Пушкинъ вспоминаетъ о своей любви, какъ о давнопрошедшемъ:

Въ неволѣ скучной увидаеть
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ,
И слѣдъ ея—печали слѣдъ.
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ.

Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ—мечталъ я—наслажденье,
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая
Волшебной, нѣжной красотой,
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.

Я вслѣдъ... но цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!..
Когда жъ, весельемъ окрыленной,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей? ¹⁾

Покидая Лицей, онъ вписалъ въ альбомъ Пущану стихотвореніе съ воспоминаніями о прожитой жизни въ Лицеѣ, гдѣ онъ говоритъ:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...

И, наконецъ, онъ прибавляетъ:

И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ, она прошла... ²⁾

Уже по выходѣ изъ Лицея мы встрѣчаемся съ послѣдними отголосками этой любви въ стихотвореніи «Къ ней» («Въ печальной праздности я лиру забы-

¹⁾ Академич. изданіе, стр. 202.

²⁾ Тамъ же, стр. 252.

валъ...»¹⁾). Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ вспоминаетъ о своей любви къ Е. П. Бакуниной:

На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки,
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки!

Но тутъ же онъ стряхиваетъ съ себя эти воспоминанія о своей первой серьезной любви, примиряется съ жизнью, и новая страсть заполняетъ его существованіе.

Душа проснулася, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова разцвѣло!²⁾

Несмотря на эту измѣну своей первой любви, Пушкинъ возвращается къ ней съ благодарнымъ воспоминаніемъ въ 4-й главѣ «Евгенія Онѣгина» въ концѣ 1824 года. Здѣсь мы читаемъ:

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета—
Какъ сонъ, забыты мной давно,
Но есть одна межъ ихъ толпою...
Я долго былъ плѣненъ одною...
Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?.. зачѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно³⁾.

Наконецъ, въ прибавленіи къ 8-й главѣ «Евгенія Онѣгина» находятя 4 измѣненные строфы, писанныя въ концѣ 1829 года. Въ нихъ Пушкинъ вспоминаетъ годы, проведенные имъ въ Лицеѣ, и тѣ минуты, когда впервые посѣтило его вдохновеніе, когда стала появляться муза. Онъ говоритъ:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ
.

¹⁾ У Майкова, стр. 262, 1817 г.

²⁾ Академическое изданіе (2-е) сочиненій Пушкина. Спб., 1900 г., т. I, стр. 262 и 396.

³⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редакц. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина. 1903 г., т. 4, «Евгеній Онѣгинъ», глава 4, стр. 95 и 96.

Когда въ забвеньи передъ класомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ.
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ¹⁾...

Эта любовь Пушкина къ Бакуниной окрылила его, вдохновила и дала толчокъ его таланту или гению, и муза поэзіи стала являться ему.

О первой любви Пушкина существуетъ прекрасная статья Валерія Брюсова въ изданіи сочиненій А. С. Пушкина подъ редакціей С. А. Венгерова (томъ I, стр. 284.—288).

При описаніи гражданской службы А. П. Бакунина мы пользовались свѣдѣніями изъ формулярнаго списка, любезно доставленнаго намъ 28 марта 1903 г., по порученію г. Тверского Вице-Губернатора, Архиваріусомъ Тверского Губернскаго Правленія. Въ этомъ дѣлѣ принималъ также доброе участіе Николай Николаевичъ Полторацкій. Всѣмъ указаннымъ лицамъ приношу мою глубокую благодарность.

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редакц. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина. 1903 г., т. 4, «Евгеній Онѣгинъ», стр. 255 и 256.

23.

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
МАЛИНОВСКІЙ.

Драгоценный материал о Малиновскомъ полученъ мною отъ его покойной дочери Софіи Ивановны, а потому я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ, въ знакъ моей признательности, посвятить біографическій очеркъ Ивана Васильевича Малиновскаго незабвенной для меня памяти

Софіи Ивановны
Штакеншнейдеръ,

рожденной Малиновской

(род. 13 апрѣля 1852 г.,
† 30 іюля 1907 года).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I.	
Генеалогія фамиліи Малиновскихъ.—Предки.—Авксентій Филипповичъ Малиновскій.—Θеодоръ Авксентьевичъ Малиновскій.	215—220
II.	
Василій Θеодоровичъ Малиновскій.—Служба въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.—Въ миссіи въ Лондонѣ (1789—1791).—Консульство въ Молдавіи (1800—1802).—Литературная дѣятельность по возвращеніи въ Петербургъ.—Назначеніе директоромъ Лицея (1811).	221—224
III.	
Иванъ Васильевичъ Малиновскій.—Первоначальное образованіе.—Поступленіе въ Лицей (8 августа 1811 г.).—Характеристика, сдѣланная Пилецкимъ.—Отзывы Гауеншильда, де-Будри, Кошанскаго, Чирикова, Кайданова.—Дружба съ Пушкинымъ.—Смерть отца.—Положеніе Малиновскаго въ Лицеѣ при новомъ начальствѣ.—Воспоминанія И. И. Пущина (случай съ гогель-могелемъ).—Поступокъ съ Кюхельбекеромъ.—9-е іюня 1817 года.—Стихи въ альбомѣ Е. А. Энгельгардту.—Стихи Илличевскаго къ Малиновскому.	225—243
IV.	
Иванъ Васильевичъ въ Лейбъ-Гвардіи Финляндскомъ полку (1817—1825).—Декабристъ Розенъ о военной службѣ Ивана Васильевича Малиновскаго.—Собственная записка Малиновскаго о томъ же.—Выходъ въ отставку.—Письмо Малиновскаго къ Вольховскому отъ 14 ноября 1826 г. о декабристѣ Розенѣ и его женѣ.—Характеристика Малиновскаго, сдѣланная Яковлевымъ въ письмѣ отъ 5 мая 1827 г.—Переписка Малиновскаго съ Вольховскимъ: письма отъ 10 и 13 января и 5 марта 1827 г., 24 сентября 1827 г., 1 іюня 1828 г., 16 іюля 1829 г., 22 января 1830 г., 1 марта 1830 г., 22 марта 1830 г., 3 мая 1830 г., 17 іюля 1831 г.—Отзывы о Малиновскомъ въ письмѣ Θ. X. Стевена отъ конца 1829 г. и Θ. Θ. Матюшкина отъ 12 ноября 1839 года.—Малиновскій—уѣздный предводитель дворянства.—Благодарные дворяне.—Энгельгардтъ о гражданской дѣятельности Малиновскаго.—Заботы о крестьянахъ.—Письма Корфа и Горчакова.—Малиновскій о своей гражданской дѣятельности: статья его въ «Русскомъ Мирѣ» 1871 г.—Отношенія къ Энгельгардту.—Переписка съ нимъ.—Письмо	

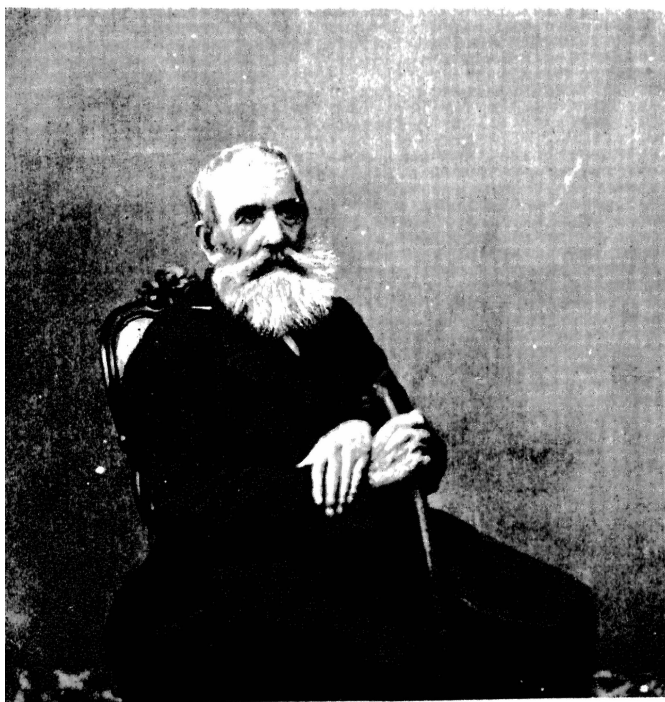
Энгельгардта къ Малиновскому отъ 26 сентября 1845 г. — Письма Энгельгардта къ Матюшкину. — Брошюра Малиновскаго подъ загла- вiемъ: «О жизни генераль-майора Вольховскаго». — Воспоминанiя Софiи Ивановны Штакеншнейдеръ. — Воспоминанiя декабриста Розена. — Письмо Н. С. Соханской - Кохановской къ М. В. Вольховской. — Кон- чина Малиновскаго — 10 февраля 1873 года.	СТР. 244—280
---	---

V.

Семья Ивана Васильевича отъ перваго брака. — Отъ втораго. — Сестра — Анна Васильевна Розенъ по Запискамъ мужа	281—299
--	---------

П Р И Л О Ж Е Н И Я:

I. Алексѣй Ѳеодоровичъ Малиновскiй	300—307
II. Павелъ Ѳеодоровичъ Малиновскiй	308—310
III. Андрей Аванасьевичъ Самборскiй	311—319



Иванъ Васильевичъ
МАЛИНОВСКІЙ.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій.

(Род. 1796 г., † 10 февраля 1873 г.).

I.

Генеалогія фамиліи Малиновскихъ.—Предки.—Авксентій Филипповичъ Малиновскій.—
Феодоръ Авксентьевичъ Малиновскій.

Прежде, чѣмъ говорить объ одномъ изъ «первенцевъ Лицея», надо сказать нѣсколько словъ о предкахъ нашего однокашника.

По увѣренію анонимнаго біографа отца лицеиста — Василя Феодоровича Малиновскаго ¹⁾, родъ Малиновскихъ принадлежалъ къ древнему руссiйскому дворянству. Изъ документовъ, говоритъ онъ, хранящихся въ семействѣ, видно, что еще въ 1041 г. фамилія эта, за примѣрные христіанскія добродѣтели пользовалась, по особой грамотѣ, титуломъ «Побожъ» ²⁾. Тѣмъ не менѣе отецъ и дѣдъ директора Лицея В. Ф. Малиновскаго были священниками въ Москвѣ ³⁾. Въ старину, въ особенности среди малороссiйскаго дворянства, не было въ диковину, что священнической санъ принимали дворяне.

¹⁾ См. Памятную книжку... Лицея на 1856—1857 г., стр. 129.

²⁾ Титулъ этотъ заимствованъ изъ Польскаго Гербовника, но съ тою разницею, что въ Гербовникѣ говорится о польской фамиліи Малиновскихъ, приуроченной или приписанной къ гербу «Побогъ», а не «Побожъ», и вовсе не упоминается въ немъ о русскихъ Малиновскихъ. См. Нѣсецкіи: Польскіи Гербовникъ (Niesiecki: Herbarz Polski), т. VI, стр. 327.

³⁾ Намъ неизвѣстно, былъ ли родственникомъ этимъ Малиновскимъ Московскій архіепископъ Платонъ Малиновскій, тѣмъ не менѣе мы приводимъ нѣкоторыя біографическія о немъ свѣдѣнія. Платонъ Малиновскій, архіепископъ Московскій, родомъ южанинъ, воспитанникъ Кіевской духовной академіи, префектъ Московской духовной академіи, защитникъ книги Ф. Лопатинскаго «Камень вѣры», за что и былъ привлеченъ при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ къ суду Тайной Канцеляріи въ 1732 г. и посланъ въ Камчатку, съ лишеніемъ сана и монашества, въ 1738 г. Возвращенный Императрицей Елизаветой, сперва былъ архіепископомъ Крутицкимъ, съ 1748 г.—Московскимъ и выказалъ себя дѣятельнымъ администраторомъ и проповѣдникомъ, умеръ въ 1754 г. («Большая Энциклопедія», подъ ред. Южакова. Спб., т. 15, стр. 250. О немъ же см. Н. Розанова: «Исторія Московскаго Епарх. Управленія», ч. 2, кн. I, и Филарета: «Обзоръ русской духовной литературы»).

Дѣдъ — священникъ и староста поповскій или благочинный, Авксентій Филипповичъ Малиновскій, былъ третьимъ священникомъ Московской Троицкой церкви, что въ Троицкой¹⁾. Поступилъ онъ священникомъ къ этой церкви въ 1721 г., какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Московской Духовной Консисторіи. Въ 1760 г., за преклонностью лѣтъ, по его прошенію, возведенъ въ священники, въ помощь ему, сынъ его Теодоръ Авксентьевичъ²⁾, съ наименованіемъ «Викарнаго». Самъ же онъ пробылъ настоятелемъ сей церкви до конца своей жизни; скончался, 67 лѣтъ отъ роду, 17 декабря 1765 г., прослуживъ при церкви 44 года; погребенъ въ придѣлѣ, подлѣ столба, на западной сторонѣ³⁾.

Сынъ его, Теодоръ Авксентьевичъ, родился 17 февраля 1738 г.⁴⁾. «По окончаніи наукъ въ Московской Академіи, при жизни еще отца своего (какъ мы уже видѣли), въ помощь ему, произведенъ во священника и посвященъ 1760 г., апрѣля 1 дня, митрополитомъ Тимоѳеемъ, съ назначеніемъ ему пробной проповѣди къ празднику Вознесенія Господни, изъ текста: *се Азъ послю обѣтованіе Отца Моего на вы*. По смерти отца, чрезъ пять лѣтъ, онъ заступилъ его мѣсто. Пастыръ просвѣщенный и ревностный вскорѣ обратилъ на себя вниманіе архипа-

¹⁾ Разумѣется—Слободѣ, близъ нынѣшняго митрополичьяго подворья на Само-тецѣ. «Рус. Арх.» 1896 г., кн. 8, стр. 466.—Довольно интересныя подробности объ этой мѣстности даетъ П. М. Снѣгиревъ въ своемъ Дневникѣ: «Изъ выписки писцовыхъ дѣлъ въ Межевомъ Архивѣ, изъ дѣла ямщиковъ 1621 г. открывается, что Переславскую ямщицью слободу на Поклонной горѣ населилъ царь Иванъ Васильевичъ, что Самотецкій прудъ назывался дворцовымъ; близъ него на Троицкой горѣ или у Св. Ивана Воина стоялъ кружечный дворъ. Въ Самотеку течетъ съ одной стороны Неглиная, а съ другой — Напрудная рѣчка». «Рус. Арх.» за 1903 г., 2, стр. 225.—Въ другомъ мѣстѣ П. И. Бартеневъ замѣчаетъ, что церковь эта находилась въ Сущевѣ (въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ подворьемъ Митрополита Платона). «Рус. Арх.» 1897 г., 12, стр. 509. — Письмо протоіерея Ѳ. А. Малиновскаго къ гр. Н. П. Шереметеву. «Рус. Арх.» 1898 г., кн. 3, стр. 428—429.

²⁾ По словамъ П. Бартенева, протоіерей Теодоръ Авксентьевичъ Малиновскій родомъ изъ Смоленска. «Рус. Арх.» 1896 г., кн. 8. «Изъ бумагъ и переписки гр. Н. П. Шереметева», стр. 466, въ примѣчаніи.

³⁾ Въ бытность мою въ Москвѣ въ 1907 году я не нашелъ въ этой церкви никакой могилы «подлѣ столба на западной сторонѣ», и никто уже не могъ указать мнѣ могилы свящ. Малиновскаго. Письменно запрошенный мною по этому поводу священникъ этой церкви даже не счелъ нужнымъ мнѣ отвѣтить что-либо.—Свѣдѣнія объ Авксентіи Филипповичѣ Малиновскомъ заимствованы изъ сочиненія свящ. Орлова: «Историческое описаніе Московской Троицкой церкви, что въ Троицкой, съ ея приходомъ» (Москва. 1844 г.). Въ своихъ извѣтахъ на Московское интеллигентное общество Снѣгиревъ, перечисляя членовъ мнимыхъ тайныхъ обществъ, замѣчаетъ, между прочимъ, что священникъ прихода Троицы, въ Троицкой, Иванъ Степановъ Орловъ, удостоенный особенной довѣренности Филарета, ведущій съ нимъ частую переписку, участвуетъ въ сихъ обществахъ (главою которыхъ считаетъ Митр. Филарета и Сперанскаго). Снѣгиревъ писалъ до 1837 г. («Рус. Арх.» 1901 г., 3, стр. 527).—Иванъ Михайловичъ Снѣгиревъ былъ прихожаниномъ этой церкви, живши въ собственномъ домикѣ на Троицкой ул. Этимъ можно объяснить извѣтъ его на священника этой церкви Орлова. См. Дневникъ П. М. Снѣгирева («Рус. Арх.» 1902 г.).

⁴⁾ См. Геннади, т. 2.

стыря. Въ 1773 году онъ уже упоминается Закащикомъ, что нынѣ благочинный, а въ 1776 г. упоминается подь симъ послѣднимъ наименованіемъ. Въ семь же году произведенъ онъ въ достоинство протоіерея архіепископомъ Платономъ и былъ потомъ въ разные времена награжденъ скуфьею, камплавкою и наперснымъ крестомъ. Ревностный служитель храма обогатилъ его великолѣпными украшеніями: расписаніе церкви, богатая ризница, частью сохранившаяся, есть его памятникъ; дорогія съ каменьями серебряныя ризы на нѣкоторыхъ иконахъ сдѣланы добычею врага въ 1812 году. Просвѣщенный пастыръ особенное имѣлъ попеченіе о назиданіи паствы своея; его духовныя наставленія и въ домашней бесѣдѣ, и въ тайнѣ исповѣди, растворяемы были благоразумною снисходительностію, кротостію, терпѣніемъ и искреннею доброжелательностію. Сими то свойствами пастыря просвѣщеннаго онъ приобрѣлъ уваженіе не только ввѣренной ему паствы, но и многихъ знаменитыхъ особъ, имѣвшихъ его своимъ духовнымъ наставникомъ. Но великія души въ сей жизни должны подвергнуться испытанію; тоже случилось и съ нимъ. Мрачная клевета низкихъ людей нашла себѣ путь къ архипастырю; зависть выставила враговъ, и сей достойный пастыръ долженъ былъ оставить паству, столь его любившую и столь имъ любимую; ревностный служитель церкви долженъ былъ оставить храмъ, великолѣпно имъ украшенный, при которомъ онъ родился и былъ воспитанъ, и въ которомъ служилъ слишкомъ 38 лѣтъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1798 года онъ перешелъ въ пресвитеры въ Благовѣщенскій соборъ и потомъ опредѣленъ настоятелемъ церкви Св. мученицы Татіаны, бывшей въ Московскомъ университетѣ¹⁾). Въ Татіанинскій церкви <съ тою же ревностію >

¹⁾ Въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за 1869 годъ (книга первая, январь — мартъ, стр. 44), въ статьѣ Н. Розанова о Татіанинскій церкви въ Московскомъ Университетѣ говорится, «что первымъ настоятелемъ этой церкви былъ протоіерей Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ Алексѣевъ» (Sic! — Малиновскій), который въ 1798 году «отъ Троицкой, въ Троицкой на Самотекъ церкви, переведенъ къ Благовѣщенскому собору, съ тѣмъ, чтобы ему быть и настоятелемъ Татіанинскій въ Университетѣ церкви». Если не предположить въ сообщеніи г. Розанова о томъ, что Ѳеодоръ Малиновскій назывался еще «Алексѣевъ», простой описки («Алексѣевъ» вмѣсто «Авксентьевъ»), то на основаніи даннаго указанія можно построить такую гипотезу: «Алексѣевъ» была дѣйствительная фамилія священника Ѳеодора Авксентьевича по кому-нибудь изъ предковъ, «Малиновскій» же было его прозвище или кличка. Въ напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» (1897 г., кн. 10, стр. 169) статьѣ подь заглавіемъ: «Изъ бумагъ графа Николая Петровича Шереметева» мы находимъ письмо (отъ августа 20 дня 1799 г.) съ подписью: «Старый Кусковскій іерей Алексѣй Ѳеодоровъ». Не былъ ли этотъ Кусковскій іерей братомъ священника Московскій Троицкой церкви Авксентія и не получилъ ли сынъ послѣдняго, Ѳеодоръ Авксентьевичъ, фамилію «Алексѣевъ» въ честь своего дяди, занимавшаго видное мѣсто въ имѣніи знатнаго вельможи, вниманіемъ котораго онъ пользовался? Признаніемъ въ лицѣ Кусковского іерея Алексѣя Ѳеодорова дяди Ѳеодора Авксентьевича объясняется знакомство дѣтей послѣдняго — Алексѣя и Павла Ѳеодоровичей съ Шереметевымъ, особенно если обратить вниманіе на то, что Алексѣй Малиновскій посту-

онъ преподавалъ наставленіе юношамъ, въ говоренныхъ имъ поученіяхъ и въ изъясненіи Воскресныхъ Евангелій. Въ 1809 г., при посѣщеніи Московскаго университета Государемъ Императоромъ, онъ имѣлъ счастье привѣтствовать его рѣчью и вскорѣ потомъ за отличное служеніе церкви награжденъ былъ орденомъ Св. Анны 2-го класса. Скончался 1811 года, іюля 3 дня, 73-хъ лѣтъ¹⁾, и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ. По кончинѣ его собраны и изданы въ свѣтъ въ 1813 году его *Избранныя поученія юношамъ*, говоренныя имъ въ университетской церкви, въ одной книгѣ, содержащей 22 назидательныя поученія и одну привѣтственную рѣчь²⁾. Но превосходнѣйшее наставленіе преподалъ

пилъ въ архивъ по протекціи Шереметева (и что онъ же съ братомъ Павломъ были дядьями (опекунами) молодого графа Шереметева). Въ примѣчаніи къ статьѣ Розанова указывается на «дѣло по описи о Благовѣщенскомъ соборѣ 1798 г., сентября 27, № 25». Въ этой же статьѣ указывается, что есть печатныя проповѣди Ѳ. А. Малиновскаго съ его біографіею. Къ сожалѣнію, этой біографіи не имѣется при книгѣ его проповѣдей и не было вовсе; по крайней мѣрѣ, въ экземплярѣ Публичной Библиотеки біографіи нѣтъ. Н. Г.

¹⁾ Поэтому неудивительно, что Геннадіи указалъ годъ его рожденія, но откуда онъ взялъ день и мѣсяцъ его рожденія—намъ неизвѣстно. Н. Г.

²⁾ Печатныя труды Ѳеодора Авксентьевича Малиновскаго слѣдующіе:

1. Слово о неразрывной связи истиннаго просвѣщенія съ благочестіемъ. Москва, 1797 года, 4°. Соп. 10618.

2. Избранныя поученія юношамъ, въ Императорскомъ Университетѣ воспитывающимся, говоренныя Университетской церкви Настоятелемъ, Благовѣщенскаго собора Пресвитеромъ, Протоіереемъ и ордена Св. Анны второго класса Кавалеромъ Ѳеодоромъ Малиновскимъ. Москва, въ Синодальной типографіи, 1813 года. 1—111 и 1—196. Посмертное изданіе. Въ этой же книжкѣ помѣщено: Слово надгробное протоіерею Ѳеодору Авксентьевичу Малиновскому (произнесенное 1811 года, іюля 6 дня, Георгіевскимъ, что на Красной Горкѣ, священникомъ Захаріемъ Іаковлевымъ), глава XXIV.

У Геннадіи (т. II) про «Историческое описаніе села Грузина» сказано, что это посмертное сочиненіе принадлежитъ Ѳеодору Авксентьевичу Малиновскому, протоіерею Благовѣщенскаго собора и настоятелю Татианинской при Университетѣ церкви, но это совершенно не вѣрно и не можетъ ему принадлежать, потому что въ заглавіи книги значится: «Собственныя наблюденія по 1816 годъ Грузинскаго соборнаго протоіерея Ѳеодора Малиновскаго» (возведенъ въ санъ протоіерея ноября 16 дня 1812 г.; см. также письмо къ нему Аракчеева изъ Шафгаузена, отъ 30 декабря 1813 г.), между тѣмъ какъ Ѳеодоръ Авксентьевичъ Малиновскій умеръ 3 іюля 1811 г. Указанное выше Геннадіи сочиненіе принадлежитъ протоіерею Грузинскаго собора, тоже Ѳеодору Малиновскому, біографическія свѣдѣнія о жизни котораго очень скудны. Объ этомъ сочиненіи протоіерея Ѳеодора Малиновскаго см. «Древняя и Новая Россія» 1875 г., т. II, № 6, стр. 181, ст. II. Отто: «Черты изъ жизни гр. Аракчеева». Полное его заглавіе слѣдующее: «Историческое описаніе села Грузина. собранное изъ достовѣрныхъ повѣствованій и собственныхъ наблюденій по 1816 годъ Грузинскаго собора протоіереемъ Ѳеодоромъ Малиновскимъ» (Москва. 1816 г., стр. 106). Объ этомъ см. подробнѣе ст. Н. А. Гастфрейндъ: «Библиографическая замѣтка о Ѳ. А. Малиновскомъ. (Поправка къ словарю Геннадіи)». «Литературный Вѣстникъ» 1903 г., т. V, кн. 4, стр. 478—481. Здѣсь впервые указано, на основаніи Грузинскаго церковнаго архива, что Ѳеодора Малиновскаго, священника Грузинской церкви, по отчеству звали Андреевичемъ. Н. Г.

онъ въ одномъ случаѣ, который въ свое время немногимъ могъ быть извѣстенъ, но который можетъ быть примѣромъ пастырской кротости и смиренія для всѣхъ пастырей и пасомыхъ. Когда онъ находился при университетской церкви, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, то двое молодыхъ людей изъ студентовъ согласились испытать своего наставника и дерзностные избрали для сего время проповѣди (исповѣди?). Приходить одинъ, и когда служитель Божій по нѣкоторыхъ вопросахъ (?) спросилъ его: не осуждалъ ли священниковъ? — Тотъ отвѣчаетъ: осуждалъ. — Замѣтивъ сію его готовность, служитель Божій еще вопрошаетъ его: кого же ты осуждалъ? Тотъ съ дерзостью отвѣчаетъ: васъ. — Христіанскій наставникъ кротко спрашиваетъ: за что же ты осуждалъ меня? Тотъ съ тою же дерзостью продолжаетъ: за то, что когда во время служенія въ церкви бываетъ большое собраніе, то вы при великомъ выходѣ протяжно возглашаете: всѣхъ васъ православныхъ христіанъ да помянетъ Господь Богъ и проч.; а когда народу мало, то говорите скоро; причемъ двукратно повторилъ и самыя слова. Наставникъ имѣлъ право съ важностью остановить дерзкаго или строго обличить буйнаго; нѣтъ, что же послѣдовало? Семидесятилѣтній старецъ, пастырь и учитель повергается на колѣна предъ юношею и у ногъ его въ слезахъ испрашиваетъ прощенія въ своемъ преступеніи! Молодой человѣкъ силится его поднять и, пораженный примѣромъ поучительнѣйшаго смиренія, самъ источаетъ обильныя слезы и, пріявши отъ сего живѣйшее наставленіе въ сердце свое, передаетъ оное въ несомнѣнное назиданіе и своему товарищу.

«Супруга Θεодора Авксентьевича, Анна Николаевна, скончалась въ 1778 г., 34-хъ лѣтъ ¹⁾).

«Почтеннѣйшаго отца достойнѣйшія дѣти: 1-й — тайный совѣтникъ сенаторъ и орденъ Св. князя Владиміра 2-ой степени и Св. Анны 1-го класса кавалеръ Алексѣй Θεодоровичъ ²⁾, 2-ой — дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Θεодоровичъ, скончавшійся въ 1814 году, и 3-ій — дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Павелъ Θεодоровичъ, — Малиновскіе, и дочери: Параскева, Елисавета и Наталья Θεодоровны, всѣ въ замужествѣ за гражданскими чиновниками, изъ которыхъ первая скончалась, а двѣ послѣднія вдовствуютъ ³⁾. — Елисавета была за надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Андреевичемъ Полянскимъ,

¹⁾ Она умерла 28 іюня, въ день рожденія графа Н. П. Шереметева. См. письмо Алексѣя Малиновскаго къ гр. Н. П. Шереметеву отъ 25 іюня 1803 г. «Рус. Арх.» 1898 г., кн. 3, стр. 428. Н. Г.

²⁾ Скончался 1840 г., ноября 30 дня, и положенъ въ Воскресенскомъ именуемомъ Новыи Іерусалимъ, монастырѣ. (Прим. священника Орлова).

³⁾ Т. е. вдовствовали, когда писалась книга священника Орлова въ 1844 году. Три брата Малиновскихъ въ 1810 г. внесли свой родъ въ дворянскую родословную книгу, начиная съ ихъ отца Θεодора Авксентьевича Малиновскаго, и не упоминаютъ о титулѣ «Побогъ», но оригинально то, что они въ родословной забыли о своихъ трехъ сестрахъ и не внесли ихъ вмѣстѣ съ собой. Н. Г.

а Наталія за надворнымъ же совѣтникомъ и Московскаго университета профессоромъ Сохацкимъ»¹⁾).

Сынъ протоіерея Малиновскаго—Василій Ѳеодоровичъ Малиновскій интересъ для насъ не только потому, что былъ отцомъ лицеиста, но и потому, въ особенности, что былъ первымъ директоромъ Лицея.

Ниже (на стр. 234) мы скажемъ, что Василій Ѳеодоровичъ Малиновскій погребенъ на Охтенскомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ. Здѣсь же приведемъ надпись съ его надгробнаго памятника, находящуюся въ книгѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича «Петербургскій Некрополь» (Спб. 1912 г. Подъ редакціей В. Сайтова. Томъ III (М—Р), стр. 26):

«Малиновскій, Василій Ѳеодоровичъ, ст. сов., соединился съ Творцомъ своимъ, Коего онъ всю жизнь искалъ познавать, на 49 году, 23 марта 1814, оставя шестерыхъ сиротъ и родныхъ, оплакивающихся его. Жена: Софья. Она соединяла въ себѣ всѣ добродѣтели доброй, нѣжной жены, матери, дочери и сестры, † 9 февраля 1812, на 40 г. (Георгіевское кладбище на Большой Охтѣ)».

¹⁾ Сообщаемыя свѣдѣнія о Ѳеодорѣ Малиновскомъ извлечены изъ книги священника Орлова подъ заглавіемъ: «А. Историческое описаніе Московской Троицкой церкви, что въ Троицкой, съ ея приходомъ. (Москва, 1844 г., стр. 92—96). Б. Очеркъ жизни протоіерея сей церкви и Кавалера Ѳеодора Авксентьевича Малиновскаго». О протоіерѣ Ѳеодорѣ Малиновскомъ упоминаетъ Архимандритъ Филаретъ въ своемъ «Обзорѣ русской духовной литературы», кн. I—II. Спб., 1884 г., изд. 3, стр. 403.

II.

Василій Ѳеодоровичъ Малиновскій.—Служба въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.—Въ миссіи въ Лондонѣ (1789—1791).—Консульство въ Молдавіи (1800—1802).—Литературная дѣятельность по возвращеніи въ Петербургъ.—Назначеніе директоромъ Лицея (1811).

Василій Ѳеодоровичъ родился въ 1765 году ¹⁾, окончилъ курсъ по философскому факультету Московскаго университета, поступилъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, въ Московскій архивъ ея, архивариусомъ, въ 1781 году. Обогащенный свѣдѣніями по части наукъ математическихъ и естественныхъ, владѣя иностранными языками и, въ особенности, англійскимъ, изучивъ въ совершенствѣ, подъ руководствомъ филолога Барсова, латинскій языкъ, на которомъ «прозою и стихами дѣлалъ сочиненія», онъ прямо попалъ въ кругъ образованнаго общества и «живо отпечатлѣвалъ на себѣ кипѣвшую въ то время въ Москвѣ умственную дѣятельность», тѣмъ болѣе, что старшій братъ его, Алексѣй ²⁾, приобрѣлъ уже въ то время извѣстность, былъ въ тѣсной дружбѣ съ Н. М. Карамзинымъ, а впоследствии былъ управляющимъ Московскимъ архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ 1783 году, т. е. черезъ два года, Василій Ѳеодоровичъ былъ сдѣланъ переводчикомъ въ Коллегіи; произведенный въ титулярные совѣтники, онъ былъ причисленъ къ нашей миссіи въ Лондонѣ, куда и отправился въ 1789 году.

¹⁾ Такъ какъ онъ умеръ 49 лѣтъ въ 1814 году, 23 марта. См. Памятную книжку Лицея на 1856—57 г., стр. 129 и 139. Въ цѣль настоящей замѣтки не входитъ біографія Василія Ѳеодоровича, а потому мы можемъ дать только поверхностный обзоръ его жизни.

Къ числу источниковъ для его біографіи принадлежатъ: 1) статья Н. Ф. Кошанскаго, но не подписанная имъ, въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., т. XIII, № 18, стр. 220—223; 2) «Русскій Инвалидъ» 1861 г., № 131. фельетонъ съ подписью: «Перваго курса лицеистъ»: «Въ память перваго директора Императорскаго Царско-сельскаго Лицея, В. Ѳ. Малиновскаго»; 3) «Атеней» 1859 г., № 8, статья Ивана Ивановича Пущина; 4) И. Селесневъ: «Историческій очеркъ Александровскаго Лицея», стр. 42—46; 5) Памятная книжка на 1856—1857 г., стр. 129—141 (гдѣ указаны ошибки Кошанскаго въ датахъ), біографія В. Ѳ. Малиновскаго; 6) См. также Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVIII, стр. 472.

²⁾ См. прилож. № 1.

Здѣсь онъ перевелъ книгу Гампльтона: «Отчетъ о пользѣ мануфактуръ», изданную имъ только въ 1807 году¹⁾. Въ 1791 году, по предположенію одного изъ его внуковъ²⁾, онъ вернулся въ Россію и женился на дочери протоіерея Самборскаго, Софьѣ Андреевнѣ³⁾. Вслѣдствіе знанія турецкаго языка, онъ былъ командированъ въ томъ же году въ дѣйствующую армію и принималъ участіе въ 1792 году въ конгрессѣ въ Яссахъ при заключеніи мира, за что былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго ассесора и оставленъ, до новаго назначенія, при Коллегіи. Не желая заискивать и воспользоваться своими связями, онъ остался безъ дѣятельности. Въ 1798 г. произведенъ въ надворные совѣтники, въ 1800 г.—въ коллежскіе совѣтники⁴⁾ и назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавію, гдѣ приобрѣлъ расположеніе мѣстнаго начальства, уваженіе частныхъ лицъ и получилъ фирманъ Султана Селима III-го за поддержаніе благопріятныхъ отношеній Молдавіи къ Россіи⁵⁾. Достоинъ замѣчанія, что Василій Теоодо-

¹⁾ Полное заглавіе этой книги у Геннади (т. II): «Отчетъ Генераль-Казначей А. Гамильтона, учиненный Американскимъ Штатамъ 1791 г. о пользѣ мануфактуръ, въ отношеніи оныхъ къ торговлѣ и земледѣлію». Пер. съ англ. рукописи. П. 1807. 8^о.

²⁾ Памятная книжка Лицея на 1856—57 г., стр. 132.

³⁾ Родилась 9 ноября 1772 года, † въ 1812 г.

⁴⁾ Въ книгѣ «Сенатскій Архивъ. I. Именные указы Императора Павла I. Спб. 1888 г.» находятся слѣдующія данныя о Малиновскихъ: 1) «надворные совѣтники Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Малиновскіе 1-ый и 2-ой указомъ Сенату отъ 9 мая 1800 года (въ Спб.) жалуются въ коллежскіе совѣтники» (стр. 615). Это были Василій и Алексѣй Теодоровичи. Въ томъ же Архивѣ находимъ еще два указа о Малиновскихъ: 2) «16-го апрѣля 1799 года. Спб. Указъ Нашему Сенату. Находившагося при покойномъ канцлерѣ князѣ Безбородко коллежскаго совѣтника Малиновскаго, по желанію его, отъ службы увольняя, Всемилостивѣйше повелѣваемъ получать имъ нынѣ жалованье изъ тѣхъ же мѣстъ производить ему въ пенсіонъ, по смерти. Павелъ» (214, л. 206, стр. 516) — и 3) указомъ отъ 27 декабря 1797 года Императоръ Павелъ назначилъ надворнаго совѣтника Малиновскаго членомъ въ эксконтной конторѣ по товарамъ (стр. 336). Послѣдніе два указа относятся, вѣроятно, къ Павлу Теодоровичу.

⁵⁾ По поводу пребыванія Василія Теодоровича въ Яссахъ Розень говоритъ слѣдующее: «Въ царствованіе Императора Павла былъ онъ (Малиновскій) назначенъ Консуломъ въ Яссы; нѣсколько лѣтъ исправлялъ эту должность такъ совѣстливо, такъ полезно, что жители Яссъ долго хранили память о примѣрномъ его безкорыстіи. По интригамъ въ столицѣ, по искательству грека, былъ онъ отозванъ черезъ пять лѣтъ, въ 1805 г. (Sic!) возвратился въ Петербургъ въ Иностранную Коллегію съ небольшимъ серебрянымъ кубкомъ, съ единственнымъ подаркомъ, который онъ согласился принять отъ признательныхъ жителей въ день выѣзда; между тѣмъ какъ Консулы, возвращаясь оттуда, вывозили столько денегъ и шелей турецкихъ, что покупали себѣ дома и помѣстья». См. Записки декабриста.—Грекъ, о которомъ упоминаетъ Розень, былъ Родофиникинъ, Константинъ Константиновичъ, род. въ 1760 г., ум. 30 мая 1838 г., дѣйствит. тайн. совѣтн., былъ нашимъ Консуломъ въ Сербіи, позднѣе въ теченіе продолжительнаго времени управлялъ въ С.-Петербургѣ Азіатскимъ департаментомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, затѣмъ былъ членомъ совѣта и, наконецъ, Директоромъ Государственнаго Архива. Болѣе подробно о немъ см. нашу статью «В. Д. Вольховскій», въ т. I «Товарищей Пушкина».

ровичъ Малиновскій, будучи генеральнымъ консуломъ въ Иссахъ, въ концѣ 1802 года прислалъ графу Кочубею «Записку объ освобожденіи рабовъ». И если, «по проекту автора, крестьяне освобождались безъ земельнаго надѣла и пользоваться прежнею землею они могли лишь на условіяхъ, заключенныхъ съ помѣщикомъ подъ контролемъ правительственной комиссіи», то, во всякомъ случаѣ, проектъ Василія Теодоровича Малиновскаго является весьма характернымъ для опредѣленія умственнаго кругозора автора, который рисуется намъ человѣкомъ передовымъ въ свое время¹⁾. По вступленіи на престолъ Императора Александра I-го, Малиновскій въ 1802 г., имѣя всего 37 лѣтъ отъ роду, пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ занялся литературными трудами, большая часть которыхъ осталась неизданною. Въ 1803 году напечаталъ разсужденіе «О мирѣ (Sic!) и войнѣ»²⁾. Въ томъ же году сталъ выпускать еженедѣльное періодическое изданіе «Осенніе вечера» (вышло всего 8 номеровъ)³⁾. Занимаясь изученіемъ еврейскаго языка, онъ, раньше основанія въ Россіи библейскихъ обществъ, перевелъ изъ Библии: «Книгу Бытія», книгу «Экклезіастъ», «Книгу Іова» и «Псалтирь», сохранившіяся въ рукописи⁴⁾. Мелкія сочиненія политическаго содержанія разбросаны въ разныхъ современныхъ ему журналахъ. Но, помимо служебной и ученой дѣятельности, онъ посвящалъ свое время богоугоднымъ и благотворительнымъ дѣламъ и былъ однимъ изъ первыхъ основателей и

¹⁾ См. В. П. Семеvскій: Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, т. I, стр. 430, 431 и 479.

²⁾ Такъ указано въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г. стр. 134. Въ «Спискѣ русскихъ анонимныхъ книгъ...» Г. Г. (Спб., 1874 г., стр. 37) указывается другой годъ, а именно: «Разсужденіе о мирѣ и войнѣ», сочин. В. М.; 2 ч.; Спб., въ тип. Губ. Правленія. 1798. 8. (Смирдинъ, 2196). Въ Обзорѣнн Шторха (I, № 481) и Соп. (9588) книга эта приведена съ полной фамиліей автора—В. Малиновскаго. У Геннади (т. II) указано только на 1803 г., другихъ изданій нѣтъ. По поводу «Разсужденія о мирѣ и войнѣ» авторъ фельетона: «Въ память перваго директора Императорскаго Царскосельскаго Лицея, В. Θ. Малиновскаго», подписавшійся «Перваго курса лицеистъ», говоритъ, что профессоръ Харьковскаго Университета Д. П. Коченовскій въ отчетѣ о своемъ путешествіи по Западной Европѣ въ 1858 и 1859 годахъ, изданномъ въ Харьковѣ въ 1861 году, описывая Лондонскія учебныя общества, между прочимъ замѣчаетъ о Малиновскомъ: «...мирному обществу я сообщилъ извлеченія изъ любопытнаго проекта вѣчнаго мира, написаннаго въ концѣ прошлаго вѣка русскимъ публицистомъ Василіемъ Малиновскимъ (см. его «Разсужденіе о мирѣ и войнѣ», изд. 1803 г.). Они напечатаны въ Herald of peace за іюль 1859 г. на стр. 71. Самая книга эта даже въ Россіи немногимъ извѣстна, а между тѣмъ заслуживаетъ вниманія по мыслямъ и чувствамъ, которыми проникнута». («Рус. Инвал.» 1861 г., № 131). См. также Памятную книжку Лицея на 1856—57 г., стр. 134, біографія Василія Теодоровича Малиновскаго.

³⁾ О нихъ подробнѣе у Геннади, т. I, 149, и т. II. - Н. Θ. Кошанскій («Сынъ Отечества» 1814 г., т. XIII, № 18, стр. 223) указываетъ на статью В. Θ. Малиновскаго: «Общій миръ», напечатанную въ «Сынѣ Отечества» 1813 г., въ 51 книгѣ, стр. 235.

⁴⁾ По словамъ барона А. Е. Розена, многія изъ этихъ рукописей хранились у его жены. Записки декабриста, стр. 145.

ревностныхъ сотрудниковъ филантропическаго комитета, за услуги коему былъ сдѣланъ директоромъ Дома Трудолюбія.

Въ 1805 году В. Θ. Малиновскій пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1806 году онъ получилъ орденъ Св. Владимира 4-ой степени, а въ 1811 году, въ іюлѣ, назначенъ директоромъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, на тридцатомъ году своей службы, 46-ти лѣтъ, которую началъ и продолжалъ непрерывно въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ ¹⁾. Вся черная, такъ сказать, работа по устройству Лицея, наборъ преподавателей и наставниковъ, согласованіе правилъ, предписаній и инструкцій съ живою дѣйствительностью, съ жизнью, пала на долю Малиновскаго.

Въ этотъ слабый біографическій очеркъ жизни его сына не входитъ разборъ дѣятельности Малиновскаго-отца, какъ директора Лицея, такъ какъ это завлекло бы насъ очень далеко. Къ тому же директоръ Малиновскій и Лицей такъ неразрывно связаны между собою, что если говорить объ одномъ, то нужно сказать и о другомъ, а это выходитъ изъ рамокъ нашей программы, а потому приступимъ къ жизнеописанію его сына.

¹⁾ Вотъ что говорить декабристъ баронъ А. Е. Розенъ въ своихъ Запискахъ: «Василій Феодоровичъ Малиновскій получилъ классическое образованіе въ университетѣ, путешествовалъ съ пользою и научною цѣлью по Германіи, Франціи и Англій. Онъ отлично зналъ новѣйшіе языки европейскіе и древніе: Евреевъ, Грековъ и Римлянъ. Чрезвычайная скромность и глубокая религіозность составляли отличительныя черты его характера...» Далѣе баронъ Розенъ продолжаетъ: «Товарищъ мой И. И. Пущинъ, воспитанникъ Лицея, въ позднѣйшихъ запискахъ своихъ, напечатанныхъ въ Атенѣхъ, въ Москвѣ, въ 1858 г. (ошибка Розена — въ 1859 г.), описывая день открытія Лицея, въ присутствіи Императора, выставилъ директора въ крайнемъ смущеніи. Малиновскій былъ необыкновенно смиренъ и проникнуть важностью церемоніи, въ первый разъ въ жизни говорилъ съ Государемъ и долженъ былъ произнести рѣчь, которая десятки разъ была переправлена предварительною цензурою; такъ мудрено ли, что онъ былъ смущенъ? и диво ли, что природа не дала ему голоса лихова баталіоннаго командира передъ фронтомъ? Безмѣрные и постоянные труды ослабили его зрѣніе, разстроили его здоровье. Въ 1812 г. лишился онъ домашняго своего счастья, примѣрной жены своей, а въ 1814 г., пробывъ слишкомъ два года Директоромъ, скончался на мѣстѣ должности, въ такой ѳбдности, что родной братъ похоронилъ его 23 марта». (Записки, стр. 147). Здѣсь Розенъ ошибается: Малиновскій не могъ быть похороненъ 23 марта, такъ какъ въ этотъ день умеръ. Тутъ мы можемъ прибавить, что по поводу этихъ же записокъ И. И. Пущина («Атеней» 1859 г., № 8. — Записки Пущина въ кн. Л. Н. Майкова. Спб., 1899 г., стр. 48) и, въ частности, того мѣста, гдѣ Пущинъ выставляетъ въ смѣшномъ видѣ директора В. Малиновскаго при открытіи Лицея, появилась въ 1861 г. отвѣдь въ «Русскомъ Инвалидѣ» (въ фельетонѣ № 131), подъ заглавіемъ: «Въ память перваго директора Императорскаго Царскосельскаго Лицея, В. Θ. Малиновскаго», съ подписью «Перваго курса лицействъ». Приведа много опроверженій разсказу И. Пущина, онъ оканчиваетъ статью свою лицейскимъ куплетомъ на Пущина:

А нашъ Жано
Мильонъ bons mots
Безъ умыслу ~~пускаетъ~~ *проговорит...*

т. е., что не все рассказываемое имъ слѣдуетъ принимать за правду, что онъ ради остраго слова, ради краснаго словца, не пожалѣетъ и родного отца.

III.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій ¹⁾.—Первоначальное образованіе.—Поступленіе въ Лицей (8 августа 1811 г.).—Характеристика, сдѣланная Пилецкимъ.—Отзвы Гауеншильда, де-Будри, Кошанскаго, Чирикова, Кайданова.—Дружба съ Пушкинымъ.—Смерть отца.—Положеніе Малиновскаго въ Лицеѣ при новомъ начальствѣ.—Воспоминанія И. И. Пущина (случай съ гогель-могелемъ).—Поступокъ съ Кюхельбекеромъ.—9-е іюня 1817 года.—Стихи въ альбомъ Е. А. Энгельгардту.—Стихи Илличевскаго къ Малиновскому.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій былъ по годамъ самымъ старшимъ изъ воспитанниковъ перваго курса, такъ какъ родился въ 1796 году ²⁾. Первоначальное образованіе, кромѣ домашняго, онъ получилъ въ 1-мъ уѣзномъ классѣ при С.-Петербургской гимназіи, «гдѣ обучался, при примѣрномъ поведеніи, съ прилежаніемъ и успѣхомъ: Россійской граматикѣ, Ариметикѣ, началамъ всемірной исторіи, Нѣмецкому и Французскому языкамъ», какъ это видно изъ просьбы при опредѣленіи его въ Лицей отъ 31 іюля 1811 года ³⁾.

¹⁾ Портретъ И. В. Малиновскаго доставленъ мнѣ его дочерью—С. И. Штакеншнейдеръ. Снимокъ же съ его рукописи взятъ изъ альбома Е. А. Энгельгардта.

²⁾ По формуляру его за 1849 годъ, выданному Харьковскимъ губернскимъ Предводителемъ дворянства графомъ В. Калистомъ, значится Малиновскому 53 года. Въ родословной же книгѣ годомъ его рожденія указанъ 1796 г. Наши указанія на 1796 г., какъ на годъ его рожденія, подтверждаются также выпискою изъ книги формулярныхъ списковъ Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка за 1824 г., по архиву № 6101, гдѣ сказано, что капитанъ И. В. Малиновскій—28 лѣтъ (Общій Архивъ Главнаго Штаба, въ Москвѣ, въ Лефортовѣ). Слѣдовательно, 28 лѣтъ ему было въ 1824 г., а потому это и доказываетъ, что онъ родился въ 1796 г. Л. Н. Майковъ въ примѣчаніяхъ къ академическому изданію сочиненій Пушкина (т. 1, изд. 2, Спб., 1900 г., стр. 66) указываетъ, что Малиновскій родился въ 1795 г. То же самое говоритъ и Я. К. Гротъ, замѣчающій, что по лѣтамъ Малиновскій былъ старшимъ изъ всѣхъ первокурсниковъ: ему при поступленіи въ Лицей уже было лѣтъ 16. («Старина Царскосельскаго Лицея». «Русск. Арх.» 1875 г., т. 1, а также: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 70).

³⁾ Матер. для исторіи Лицея, И. Селезнева, стр. X (примѣч. 19). Это была единственная въ то время гимназія; по словамъ академика Я. К. Грота, это—нынѣшняя 2-ая гимназія, въ Казанской (бывшей Мѣщанской) улицѣ. На этомъ мѣстѣ находилась она уже и тогда.—См. «Пушкинъ, его лицейск. товар. и наставники». Спб., 1899 года, стр. 55 (примѣчаніе 2).

Въ 1810 году мы находимъ его студентомъ при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и таковымъ онъ записанъ въ родословную книгу. Очень понятно, что отецъ его, служа въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и не предвидя своего назначенія директоромъ Лицея, опредѣлили своего сына въ Коллегію студентомъ. Но когда Василій Ѳеодоровичъ Малиновскій былъ назначенъ директоромъ Лицея, то онъ помѣстилъ своего сына въ Лицей, сознавая, что обученіе его было неважно; такъ какъ онъ обучался только въ 1-мъ уѣздномъ классѣ при гимназіи, т. е. это было, если мы не ошибаемся, что-то въ родѣ уѣзднаго училища или приготовительнаго класса при гимназіи.

На экзаменѣ въ Лицеѣ 8-го августа 1811 года Иванъ Малиновскій ¹⁾ получилъ слѣдующія отмѣтки: въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго и французскаго — «хорошо», нѣмецкаго — «не знаетъ»; въ ариѳметикѣ — «очень хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ — «хорошо»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и въ начальныхъ основаніяхъ исторіи — «хорошо». Странно, что при такомъ лингвистѣ-отцѣ сынъ не зналъ нѣмецкаго языка.

Еще до окончательнаго вступленія въ Лицей всѣ воспитанники перезнакомились между собою и сошлись болѣе или менѣе другъ съ другомъ, и въ особенности съ Иваномъ Малиновскимъ, во время неоднократныхъ ихъ сборовъ на квартирѣ директора Лицея, куда ихъ собирали сначала для снятія мѣрки, потомъ для примѣриванія платья, бѣлья, обуви, ботфортъ, сапогъ, шляпъ и проч. «Сынъ директора — Иванъ тутъ же былъ для насъ чѣмъ-то въ родѣ хозяина», говоритъ Пущинъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ ²⁾.

Къ сожалѣнію, объ ученическихъ годахъ Малиновскаго мы имѣемъ мало матеріаловъ.

Въ «Журналѣ о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея» ³⁾, составленномъ безграмотнымъ гувернеромъ Ильею Степановичемъ Пилецкимъ ⁴⁾, сказано о Малиновскомъ: «7-го числа Г. Профессоръ Гауеншильдъ донесъ Г. Инспектору, что всѣ воспитанники уроки свои того числа знали кромѣ его ⁵⁾. 15-го числа въ классѣ Г. Куницына когда объяснялъ онъ въ нравственномъ урокѣ гордость — то Г. Малиновскій сидя возлѣ меня указывалъ на Горчакова и Мясоѣдова, повторяя громко ихъ имена сказывая: вотъ они, вотъ они. Я здѣлалъ ему предосторожность (Sic!), что не должно лично никого осуждать, а разсматривать только самаго

¹⁾ И. Селезневъ, примѣч. къ стран. XI, въ приложеніи.

²⁾ Записки И. И. Пущина въ книгѣ Л. Н. Майкова: «Пушкинъ». Спб., 1899 года, стр. 45.

³⁾ За ноябрь 1812 г., подписанномъ 5 декабря того же года.

⁴⁾ Братъ Мартына Степановича Пилецкаго-Урбановича — мистика и единомышленника Татариновой.

⁵⁾ Противъ этого мѣста отмѣчено карандашемъ, вѣроятно, рукою директора: «Слѣдовало бы меня тотчасъ увѣдомить».

себя, послѣ чего онъ замолчалъ и весьма великое видно было на лицѣ его сожаленіе».

Въ отрывкѣ Пилецкаго бросается въ глаза прежде всего патріархальность быта начала XIX вѣка, а также наивность педагогическихъ пріемовъ: простой и немудрый гувернеръ Пилецкій, присутствуя на лекціи адъюнктъ-профессора нравственныхъ наукъ, по поводу ребяческой выходки воспитанника позволяетъ себѣ въ присутствіи этого адъюнктъ-профессора объяснять ученику неумѣстность его поступка и преподавать ему правила нравственности, что, казалось бы, всего ближе надлежало сдѣлать Куницыну, какъ преподавателю нравственныхъ наукъ.

Чтобы покончить съ Пилецкимъ, намъ надо остановиться на маленькомъ инцидентѣ лицейской жизни, на бурѣ въ стаканѣ воды, а именно на скандальчикѣ съ инспекторомъ Фроловымъ, случившемся 21 ноября 1812 года. Графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ такъ описываетъ его: «Степанъ Степановичъ Фроловъ, отставной артиллерія подполковникъ, не участвовавшій въ кампаніи 1812 года и все-таки претендовавшій на установленную въ память ея серебряную медаль, какими-то судьбами сдѣлался извѣстенъ графу Аракчееву и, по мощному его слову, безъ малѣйшихъ съ своей стороны правъ и предшествій, былъ опредѣленъ къ намъ, во второй уже половинѣ нашего курса, инспекторомъ классовъ и нравственности, а потомъ временно исправлялъ даже и должность директора. Съ претензіями на умъ, на познанія, съ надутою фигурою, не имѣя никакого достоинства и не малѣйшаго характера, притомъ отчаянный игрокъ, этотъ Фроловъ, послѣ назначенія директоромъ Е. А. Энгельгардта испавшій опять въ инспекторы и оставшійся до нашего выпуска, былъ однимъ изъ самыхъ типическихъ лицъ въ пошломъ сборищѣ нашихъ менторовъ. Передѣлавъ постепенно его грубую, но слабую солдатскую натуру на нашъ ладъ, возвысивъ его, такъ сказать, до себя: ибо, когда онъ обтерся немного въ нашемъ обществѣ, то не могъ не почувствовать, что каждый изъ насъ и умнѣ его и болѣе его знаетъ,—мы обратили его въ совершенное посмѣшище и издѣвались надъ нимъ открыто, ему самому въ лицо»¹⁾).

Объ этомъ Фроловѣ существовала даже цѣлая поэма. 21 ноября произошло столкновеніе воспитанниковъ съ инспекторомъ, которому они выговаривали, и въ томъ числѣ Пушкинъ, что онъ (Фроловъ) сдѣлалъ обиды нѣкоторымъ родителямъ воспитанниковъ, а также выговаривали, что онъ былъ причиною увольненія Иконникова, перваго по открытіи Лицея гувернера, который былъ, по словамъ Корфа, добръ, благороденъ, уменъ и образованнымъ человѣкомъ (стр. 242, тамъ же). Въ скандальчикѣ принялъ участіе и Малиновскій, хотя нужно сказать, что и большинство его товарищей принимало въ этомъ инцидентѣ участіе. Пилецкій пишетъ

¹⁾ Записки графа Корфа. Книга И. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 239 и 240.

про Малиновскаго: «При случившемся произшествіи принялъ довольно значительное участіе, даже съ негодованіемъ, утверждая, что Г. Мясоѣдовъ слышилъ какъ г. Инспекторъ и на его родителя шеть дурно говорилъ; — самъ же того не слышалъ. Многократно укорялъ Есакова и часто называлъ льстецомъ, что онъ не послѣдовалъ своимъ товаришамъ имѣя даже и причину; но Г. Есаковъ долго молчалъ и сносилъ все съ непоколебимымъ терпѣніемъ; наконецъ не могли ничемъ доказать его несправедливость, съ плачемъ пришелъ ко мнѣ прося совета (Sic!) что ему дѣлать и чемъ (Sic!) онъ можетъ утушить оказываемое ему негодованіе? Я сказалъ ему, что другого средства не знаю, кромѣ чтобы довести до свѣдѣнія Г. Директора; но онъ и на это не согласился повторяя со слезами, что наведетъ на себя тѣмъ большее роптаніе товарищей и огорчить Г. Директора, послѣ сего я совѣтовалъ ему на сторонѣ сказать: что если онъ не перестанетъ его поносить, то онъ явно принесетъ Г. Директору на него жалобу, и это подѣйствовало съ таковымъ успѣхомъ, что онъ (Sic!) съ 2-го числа сего мѣсяца (декабря) здѣлался друзьями»¹⁾.

Профессоръ нѣмецкой литературы Фридрихъ де-Гауеншильдъ, преподававшій свой предметъ на французскомъ языкѣ, даетъ отъ 31 марта 1812 года слѣдующій отзывъ о Малиновскомъ: «Très bon écolier, plein de dispositions, montrant beaucoup de zèle pour l'étude, et faisant beaucoup de progrès». («Очень хорошій ученикъ; полонъ благихъ намѣреній; показываетъ много рвенія къ ученію и очень сильно преуспѣваетъ»).

Профессоръ французской словесности де-Будри отъ 18 ноября 1812 года говоритъ въ своемъ второмъ рапортѣ (первый, къ сожалѣнію, не сохранился) о Малиновскомъ слѣдующее²⁾: «Il a fait des progrès sensibles et il en fera de plus grands encore; lorsqu'il aura acquis un peu plus de poids; alors il égalera la plupart de ceux qui sont avant lui». («Онъ сдѣлалъ замѣтные успѣхи и сдѣлаетъ еще большіе, когда онъ приобрететъ немного больше познаній, тогда онъ сравняется съ большинствомъ изъ тѣхъ, которые выше его»).

Наконецъ, во второмъ рапортѣ Гауеншильда, отъ 19 ноября 1812 года, мы читаемъ слѣдующее³⁾: «Malinofsky, ce bon écolier montre toujours les mêmes disposition(s), et a fait depuis beaucoup de progrès». («Малиновскій, этотъ хорошій ученикъ, выказываетъ всегда то же рвеніе; онъ съ тѣхъ поръ (т. е. съ 31 марта 1812 г., см. выше) сдѣлалъ большіе успѣхи»).

¹⁾ И. А. Шляпкинъ: Къ біографіи А. С. Пушкина. Спб., 1899 года, стр. 20 и 21.

²⁾ Въ своемъ рапортѣ де-Будри подраздѣляетъ воспитанниковъ на 4 отдѣленія и ставитъ Малиновскаго во второмъ отдѣленіи.

³⁾ Въ этомъ рапортѣ Гауеншильдъ подраздѣляетъ воспитанниковъ на 3 отдѣленія и, кромѣ того, выше ихъ ставитъ еще одно отдѣленіе, въ которое вошли воспитанники выше превосходныхъ (Classe de ceux qui excellent), хотя онъ замѣчаетъ, что особенно существенной разницы между этими двумя категоріями нѣтъ. Малиновскаго онъ помѣщаетъ между вторыми учениками перваго отдѣленія.

Мартынь Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ Директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Малиновскомъ: Малиновскій (Иванъ). 14 лѣтъ. Способности имѣеть и довольно старателенъ. Доброта сердца, искренность и чувствительность суть отличныя и весьма примѣтныя въ немъ свойства. Съ успѣхомъ старается укрощать свою пылкость, увлекающую его въ ошибки, въ которыхъ онъ признается съ раскаяніемъ. Обращеніе его, особенно съ товарищами, требуетъ еще утонченія. По живости своего нрава онъ любитъ свободу и веселость, но предается имъ часто безъ осторожности, любитъ также военныхъ. Выборъ хорошаго общества и благородныхъ людей, которые не во зло употребятъ ни его искренности, ни склонности къ свободной и веселой жизни, утвердить и усовершенствовать въ немъ расположенія. Впрочемъ, его добродушіе, хорошія правила, а современемъ и опытность, будутъ ему въ томъ вѣрными руководителями, чтобы склонность сія не препятствовала ему идти всегда безопаснымъ путемъ благонравія»¹⁾.

Въ списокѣ воспитанниковъ изъ класса Россійской и Латинской словесности профессора Николая Кошанскаго отъ 9 іюля 1813 года мы находимъ Малиновскаго предпоследнимъ въ числѣ отличныхъ воспитанниковъ (изъ всего числа девяти онъ 8-й). Классификація идетъ въ такомъ порядкѣ: сперва превосходные (5 воспитанниковъ), потомъ отличные (9 воспитанниковъ), затѣмъ хорошіе (9 воспитанниковъ) и, наконецъ, посредственные (7 воспитанниковъ).

Данныя для характеристики воспитанника Малиновскаго мы имѣемъ также въ отзывѣ гувернера Чирикова отъ 30 сентября 1813 года, подъ заглавіемъ: «Свойство и поведеніе воспитанниковъ Императорскаго Лицея», гдѣ онъ ставитъ Малиновскаго шестнадцатымъ ученикомъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Добросердеченъ, отъ *вспыльчивости* всѣми мѣрами старается воздерживаться, скромненъ, бережливъ, вѣжливъ, опрятенъ и весьма любитъ ученіе».

Если мы еще можемъ заподозрить отзывъ гувернера Чирикова въ желаніи подслужиться своему начальнику и поэтому дающему, на основаніи формулы: «какъ не порадовать родному человѣчку», благоприятный отзывъ о сынѣ директора, то отзывъ Кошанскаго является, какъ человѣка болѣе самостоятельнаго, болѣе безпристрастнымъ. Профессоръ Россійской и Латинской словесности Николай Кошанскій за время съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 года говоритъ²⁾: «Иванъ

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г., стр. 35.—Хотя Пилецкій-Урбановичъ и пишетъ въ своемъ отчетѣ, что въ 1812 г. Малиновскому было 14 лѣтъ, но это не вѣрно, такъ какъ онъ родился, какъ мы уже знаемъ, въ 1796 г. и ко времени составленія отчета Пилецкимъ ему было не 14, а 16 лѣтъ. Хотя столько же лѣтъ было и Маслову, но для Малиновскаго, какъ сына директора, были уменьшены года, чтобы не показать, что сынъ директора вышелъ изъ законнаго числа лѣтъ для поступленія въ Лицей.

²⁾ Въ списокѣ ставитъ Малиновскаго седьмымъ воспитанникомъ.

Малиновскій, имѣя счастливыя способности, особенно отличается понятливостью и размышленіемъ. Его рѣдкое прилѣжаніе не столько происходитъ отъ соревнованія, сколько отъ чувствованія собственной пользы и твердыми успѣхами подаетъ надежду, что скоро сравнится въ знаніи обоихъ съ первыми воспитанниками Лицея».

Тотъ же Кошанскій за время съ 15 марта по 15 октября 1812 г. ¹⁾ аттестуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Иванъ Малиновскій особенно отличается вниманіемъ и способностями. Его рѣдкое прилѣжаніе не столько происходитъ отъ соревнованія, сколько отъ чувствованія собственной пользы. Успѣхи его особенно въ Латинскомъ очень хороши».

Въ списокъ воспитанниковъ изъ Россійскаго и Латинскаго классовъ, съ показаніемъ ихъ способностей, прилежанія и успѣховъ съ 1 августа 1812 г. по 15 декабря 1813 г., Кошанскій ставитъ Малиновскаго десятымъ воспитанникомъ и дословно повторяетъ отзывъ за время съ 15 марта по 15 октября 1812 г.

Наконецъ, профессоръ историческихъ наукъ И. Кайдановъ за время съ 1 ноября 1812 года по 1 января 1814 года аттестуетъ его слѣдующими словами, причемъ ставитъ его въ списокъ десятымъ воспитанникомъ: «Особенному своему прилѣжанію одолженъ весьма хорошими успѣхами. Дарованій очень хорошихъ и въ поведеніи благодравенъ».

Какъ видно изъ воспоминаній Пуштина и изъ другихъ документовъ, Малиновскій былъ очень друженъ также и съ Пушкинымъ. Изъ стихотвореній Пушкина, относящихся до Малиновскаго, можно указать на 7-ую строфу «Пирующихъ студентовъ», написанныхъ Пушкинымъ въ Лицеѣ въ 1814 году:

А ты, повѣса изъ повѣсъ,
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзь,
Пріятель задушевный!
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ—
И пять давайте снова... ²⁾

Малиновскій, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ отзывовъ наставниковъ, хотя и отличался добродушіемъ, но отличался также вспыльчивостью и за эту пылкость нрава онъ получилъ среди товарищей кличку «казакъ», на что и намекаетъ Пушкинъ въ приведенныхъ выше стихахъ. Кличка «казакъ» была, вѣроятно, дана ему въ Лицеѣ, помимо его, такъ сказать, отваги и лихости, еще и за

¹⁾ Въ списокъ ставитъ Малиновскаго пятнадцатымъ воспитанникомъ.

²⁾ По академическому изданію сочиненій А. С. Пушкина, т. I, стр. 48.— Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редакціей П. А. Ефремова. Издан. А. С. Суворина. 1903 г., т. I, стр. 50.

его драчливость, такъ какъ онъ нерѣдко пускалъ въ ходъ свои кулаки, и мы находимъ въ «національныхъ пѣсняхъ» такой куплетъ:

Съ игрушкой кись
Кричить: лѣнись!
Я не хочу учиться;
Сосѣдъ *казака*,
Задавъ кулакъ,
Другимъ еще грозится.

Кличка «казака» осталась за нимъ на всю жизнь, и самъ онъ нерѣдко называлъ себя казакомъ въ дружескихъ письмахъ своихъ къ товарищу В. Д. Вольховскому. Пушкинъ вспомнилъ объ этой кличкѣ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи «19 октября» (1825 года;—«Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»):

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ ¹⁾,
Ты, нашъ *казака*, и пылкій, и незлобной,
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?

Мы вспомнили бѣ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы одну всѣ трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказъ!.. ²⁾

Въ 1814 году обрушилось первое серьезное горе на Малиновскаго—это смерть его отца 23 марта, и вмѣстѣ съ тѣмъ это было и горе Лицея, который былъ приведенъ въ строгій порядокъ, благодаря трудамъ усопшаго директора, и эта же кончина была горемъ и для первокурсниковъ, которые, будучи приняты въ семьѣ его, послѣ того какъ отпуски изъ Лицея были запрещены, потеряли въ немъ не только перваго директора Лицея, но и отца, принявшаго ихъ въ число своихъ дѣтей. Въ семьѣ директора Малиновскаго первокурсники нашли замѣну ихъ родной семьи, такъ что «семья его слилась съ семейю Лицейстовъ, и заботы отца равно изливались какъ на родныхъ его малютокъ, такъ и на постороннихъ, надзору его ввѣренныхъ, дѣтей... Предоставляя дѣтямъ извѣстную свободу въ обра-

¹⁾ Т. е. съ Пуцинымъ, посѣтившимъ поэта въ селѣ Михайловскомъ.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Литерат. Фонда, т. I, стр. 358. Исправлено по изданію А. С. Суворина. 1903 года: Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редакціей П. А. Ефремова, т. 2, стр. 42.—Академикъ Майковъ въ комментаріи къ I тому академическаго изданія Пушкина (стр. 283, 2 изд.), привелъ это стихотвореніе, объясняетъ, что въ немъ намекается на любовь лицейстовъ I курса къ Екатеринѣ Павловнѣ Бакуниной, сестрѣ ихъ товарища, въ которую были влюблены трое: Пушкинъ, Пуцинъ и Иличевскій. Между тѣмъ по смыслу этого отрывка, какъ онъ объясненъ въ изданіи Литературнаго Фонда П. О. Морозовымъ, выходитъ, что третьимъ былъ не Иличевскій, а Малиновскій. То же самое говорить и П. А. Ефремовъ.

шені, онъ никогда не окружалъ ихъ страхомъ, не дѣйствовалъ на нихъ угрозами и, прежде нежели приступалъ къ мѣрамъ строгости, старался привлечь къ себѣ молодое сердце кротостію, терпѣливостію, дружескимъ обращеніемъ. Обычай, обратившійся потомъ въ правило для учениковъ, часы досуга проводить въ семьѣ директора: бесѣдовать съ нимъ, читать, судить—въ ожиданіи его замѣчаній, наблюденій,—послужилъ для многихъ въ великую пользу... Въ этихъ-то бесѣдахъ повѣрялъ онъ отзывы гувернеровъ о дѣтяхъ, и унесъ съ собою въ могилу драгоценныя воспоминанія о характерныхъ чертахъ юности рѣзваго, заносчиваго, великодушнаго Пушкина, задумчиваго мечтателя — импровизатора Дельвига» ¹⁾ и о тѣхъ многихъ, замѣтимъ отъ себя, которые уже покоятся вѣчнымъ сномъ смерти въ разныхъ краяхъ необъятнаго нашего отечества. Ту нравственную связь, которую посѣялъ директоръ Малиновскій между собою и воспитанниками, получилъ уже въ созрѣвшемъ видѣ второй директоръ Лицея—Энгельгардтъ, котораго такъ краснорѣчиво охарактеризовалъ Дмитрій Ѳомичъ Кобеко въ своей замѣчательной рѣчи на Пушкинскомъ юбилеѣ.

Смерть директора Малиновскаго была невознаградимою потерю не только для его семьи, его сына, но и для всего Лицея. Не даромъ Кошанскій къ некрологу взялъ стихъ Горация (кн. 1, ода XX): «Multis ille bonis flebilis occidit» ²⁾.

«За гробомъ съ старшимъ сыномъ покойнаго, лицеистомъ Иваномъ Малиновскимъ ³⁾, шелъ объ руку Пушкинъ, для котораго Малиновскій былъ теперь ближе всѣхъ другихъ пріятелей и друзей». Чтобы понять эти слова слѣдуетъ вспомнить, что незадолго до своей смерти директоръ накрылъ, въ январѣ 1814 года, въ

¹⁾ Биографія В. Ѳ. Малиновскаго. Памятная книжка Лицея на 1856—1857 г., стр. 138 и 139.

²⁾ Въ данномъ случаѣ или Кошанскій, или составитель биографіи Малиновскаго, помѣщенной въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—1857 г., ошибаются. Приведенный стихъ находится не въ XX одѣ Горация, а въ XXIV. А. Фетъ въ своемъ переводѣ оды Горация на русскій языкъ данное мѣсто переводитъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ палъ, оплаканный вездѣ единогласно». Оды Квинта Горация Флакка, перев. съ латинск. А. Фета. Спб., 1856 г., стр. 25. Точный переводъ этого стиха Горация будетъ: «Онъ умеръ, достойный оплакиванія многими хорошими людьми».

³⁾ Въ бумагахъ Конференціи Лицея сохранился церемоніаль погребенія Малиновскаго: «На другой день смерти, въ 6 часовъ вечера, у тѣла покойнаго собрался весь Лицей. На рукахъ сослуживцевъ вынесенъ гробъ и поставленъ на дроги, которые и повезли его къ заставѣ; впереди ѣхалъ отрядъ драгунъ, за нимъ шелъ въ траурѣ швейцаръ, потомъ смотритель, за нимъ, въ сопровожденіи гувернеровъ и надзирателей, воспитанники, а передъ гробомъ духовенство съ пѣвчими. Чиновникъ съ двумя ассистентами несъ орденъ (Владимира 4 ст.). Четыре служителя веди лошадей и двое поддерживали гробъ, по сторонамъ котораго шли профессора и прочіе чиновники Лицея. У Царскосельской заставы протоіерей Музовской совершилъ молитву, и тѣло повезено въ Петербургъ въ сопровожденіи родныхъ. При отгѣваніи на Больше-Охтенскомъ кладбищѣ былъ графъ Разумовскій, всѣ служащіе и пять воспитанниковъ». «Историческій очеркъ Императорскаго Лицея», И. Селезнева, стр. 46.

одно воскресенье, нѣкоторыхъ воспитанниковъ (Пушкина, Дельвига, Горчакова, Броглио, Ломоносова и Гурьева) за чтеніемъ журналовъ профессоровъ и воспитателей съ отмѣтками объ успѣхахъ учениковъ и съ характеристикою каждаго. Журналы эти вытащилъ изъ запертаго шкафа, при посредствѣ подобранаго ключа, Гурьевъ и показалъ своимъ товарищамъ. Вотъ за этимъ то занятіемъ и засталъ ихъ Малиновскій. Онъ былъ сильно возмущенъ этимъ поступкомъ и сдѣлалъ строгое внушеніе, прочитавъ отзывы о каждомъ, данные преподавателями, и каждому высказалъ много горькихъ истинъ и въ томъ числѣ Пушкину. Онъ сказалъ ему, что за него ему больнѣе всего, потому что при своихъ прекрасныхъ природныхъ задаткахъ онъ могъ бы пойти очень далеко; что въ немъ есть признаки генія, еще въ большей степени, чѣмъ въ Горчаковѣ, о которомъ Николай Федоровичъ Копанскій отзывался, что замѣтилъ въ немъ «быстроту ума и нѣкоторыя черты генія». У Пушкина же, при всей его даровитости, успѣхи въ наукахъ далеко не превосходны, что ему слѣдуетъ помнить золотую пословицу: «корень ученія горекъ, да плоды его сладки». Эта отеческая отповѣдь такъ подѣйствовала на Пушкина, что въ продолженіе болѣе двухъ мѣсяцевъ профессора не могли нахвалиться его прилежаніемъ, усердіемъ и блестящими отвѣтами. И вотъ въ этотъ то благотворный для Пушкина моментъ умеръ директоръ Малиновскій. «Теперь же, когда угасъ навсегда чловѣкъ, въ рукахъ котораго была вся его дальнѣйшая судьба, ему сдавалось, что солнце на небесахъ мгновенно потухло и весь міръ охватила одна непроглядная тьма». Вотъ почему, помимо личныхъ симпатій къ Ивану Малиновскому, сынъ директора сталъ для Пушкина еще ближе.

«Когда дорогой имъ обоимъ прахъ стали опускаться въ мерзлую землю, бѣдный сынъ истерически разрыдался: «О, Боже, Боже! За что Ты такъ жестоко наказалъ меня». Ноги у него подкосились, и онъ готовъ былъ, кажется, ринуться стремглавъ вслѣдъ за отцемъ. Но твердая рука удержала его — рука Куницына, стоявшаго рядомъ съ нимъ, по другую сторону; убитый же духъ его молодой профессоръ старался поднять и оживить словами разума и вѣры: — «Не забудьте, другъ мой, что вы, какъ старшій братъ, теперь единственная опора вашей семьи. Утрата ваша безмѣрна; но роптать на Бога вамъ грѣшно: можете ли вы знать, для чего Онъ ниспослалъ вамъ это горькое испытаніе? Когда вы были еще малымъ ребенкомъ, вы не понимали вѣдь всѣхъ требованій вашего отца, но слѣпо повиновались ему, потому что вѣрили, что онъ дурному васъ не научить. Вѣрьте же, что и Всевышній Отецъ вашъ не даромъ причинилъ вамъ эту глубокую скорбь, что такъ нужно было.

«И рыданія безутѣшнаго сына понемногу утихли» ¹⁾).

¹⁾ «Отроческіе годы Пушкина». Биографическая повѣсть В. П. Авенариуса. Спб., 1891 года, стр. 263 и другія. Хотя это только повѣсть, но въ ней замѣчается бездна мелкихъ штриховъ, извлеченныхъ авторомъ изъ неизданныхъ документовъ,

Внучка директора Малиновскаго, дочь Ивана Васильевича ¹⁾, сообщила мнѣ трогательный эпизодъ, случившійся во время похоронъ: уже на кладбищѣ, когда опускали гробъ въ могилу для вѣчнаго упокоенія, то Пушкинъ первый подошелъ къ своему другу Ивану Малиновскому, чтобы его утѣшить въ его горѣ, и здѣсь, передъ незасыпанной еще могилой отца, они какъ бы поклялись въ вѣчной дружбѣ ²⁾.

Малиновскій похороненъ на Охтенскомъ кладбищѣ, у церкви Св. Духа, въ семейномъ склепѣ ³⁾. Мѣдный крестъ, наклоненный къ надломленной гранитной колоннѣ, поставленный усердіемъ осиротѣлыхъ дѣтей, указываетъ мѣсто земного упокоенія Василія Θεодоровича Малиновскаго. (См. стр. 220 настоящаго очерка).

Директоръ Малиновскій умеръ на 49 году отъ рожденія, не прослуживъ полныхъ трехъ лѣтъ въ Лицеѣ, оставивъ послѣ себя шестерыхъ сиротъ, изъ которыхъ старшій сынъ, воспитанникъ перваго курса Лицея, по 18 году, другіе два—малолѣтніе: Андрей (род. 1804 г.) ⁴⁾ и Осипъ или Іосифъ

а потому я и позволилъ себѣ здѣсь сдѣлать выписку изъ этого труда. Рѣчь Куницына, можетъ быть и апокрифическая, рисуешь его, однако, такъ, какъ онъ представляется читателю, знакомому съ его учебною и общественною дѣятельностью.

¹⁾ Софія Ивановна Штакеншнейдеръ.

²⁾ Сцена эта представляется очень правдоподобною. Хотя мы знаемъ, что воспитанниковъ Лицея не отпускали въ продолженіе всѣхъ шести лѣтъ ученія изъ стѣнъ заведенія, однако весьма возможно, что Пушкинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторые другіе воспитанники, попали на Охту. Какъ извѣстно, всѣ воспитанники и провожавшіе распрощались съ прахомъ своего любимаго директора у городской границы Царскаго Села—у Кузьминскихъ воротъ. Однако, въ церемониалѣ погребенія, сохранившемся въ бумагахъ Конференціи Лицея, говорится, что на Больше-Охтенскомъ кладбищѣ при погребеніи присутствовали пять воспитанниковъ; въ числѣ пяти могъ быть и Пушкинъ.

³⁾ О смерти Малиновскаго графъ Разумовскій донесъ всеподданнѣйшимъ докладомъ 7 мая 1814 года Государю въ Парижъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Особенныя заслуги Малиновскаго и долговременная безпорочная его служба въ другихъ должностяхъ побуждаютъ меня преклонить милосердіе Вашего Императорскаго Величества къ участи его дѣтей. Малиновскій находился въ службѣ 33 года и, пройдя оную въ вѣдомствѣ Коллеги Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ занималъ разныя немаловажныя должности, въ 1811 году опредѣленъ Директоромъ Лицея, оставаясь и при упомянутой Коллеги; онъ содѣйствовалъ учрежденію Лицея и, хотя не могъ еще видѣть плодовъ неусыпныхъ трудовъ своихъ, но положилъ прочное основаніе тому устройству, которое содѣлываетъ сіе заведеніе почти единственнымъ въ своемъ родѣ». «Историческій очеркъ Императорскаго Лицея», составленный И. Селезневъ. Сиб., 1861 г., стр. 45.

⁴⁾ Андрей Васильевичъ Малиновскій воспитывался въ Лицеѣ, вып. 1823 г., III курса, кончилъ съ большою золотою медалью, вышелъ въ офицеры гвардіи (Памятная кн. Лицея на 1898—99 г., стр. 167). За 14 декабря содержался подъ арестомъ на Охтѣ, былъ оправданъ, оставаясь въ гвардейской конной артиллеріи, участвовалъ въ турецкой войнѣ и больной возвратился въ Каменку, гдѣ находился подъ надзоромъ полиціи. (Записки Розена, стр. 400). Умеръ 25 мая 1851 г. въ Алушкѣ, въ отставкѣ. (Памятная кн. Лицея на 1898—99 г., стр. 167). Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Андрѣ мы имѣемъ въ перепискѣ Е. А. Энгельгардта и И. В. Малиновскаго съ Вольховскимъ. Такъ, въ письмѣ отъ 30 января 1829 г. Энгельгардтъ пишетъ: «Андрѣй (Sic!) Малиновскій поѣхалъ было въ отпускъ къ брату въ

Измумъ, но дорогою постигла его тяжкая нервическая лихорадка; братъ прискакалъ къ нему и засталъ его почти умирающимъ; однако стараніями его и привезеннаго съ собою врача перемогли болѣзнь; ему теперь уже лучше, но онъ еще такъ слабъ, что не въ состояніи прогнестн слова. Ты вѣроятно знаешь, что Иванъ выбранъ въ предводители дворянства своего уѣзда,—говорятъ, что онъ тамъ полезенъ».—Въ письмѣ отъ 5 сентября того же года Энгельгардтъ пишетъ: «Братъ его живъ еще, да плохо; ему врачи велѣли ѣхать на Кавказскіе воды, прошеніе о томъ было подано въ Генварѣ, а дозволеніе получено въ исходѣ августа, когда люди съ водъ возвращаются. Жаль Андрѣя Малиновскаго; онъ отличный человекъ, и вѣроятно пропадетъ».—Въ письмѣ П. Малиновскаго отъ 22 января 1830 года мы находимъ свѣдѣнія объ Андрѣ въ собственноручной припискѣ послѣдняго въ письмѣ брата къ Вольховскому. Вотъ что онъ пишетъ: «Почтеннѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ! Съ радостью думаю о возможности увидѣться вскорѣ съ тобою, и поздравить съ столь заслуженными знаками отличій. Когда въ 1828 году со скукою и горестью возвращался къ Дунаю, то въ будущемъ уѣзшалъ себя одною мыслью служить въ вашемъ корпусѣ. Но отправившись въ отпускъ къ брату, занемогъ бѣлою горячкою, воспаленіемъ въ мозгу и нервическою горячкою и до сихъ поръ не могу совершенно оправиться. Съ удовольствіемъ думаю, что не оставишь меня для будущей службы, статской или военной, совѣтами, которые много будетъ цѣнить Преданный тебѣ Андрей Малиновскій».—Въ письмѣ изъ Изюма, отъ 22 марта 1830 г., И. Малиновскій пишетъ Вольховскому о своемъ братѣ слѣдующее: «Ты сдѣлаешь христіанское дѣло для брата Андрея твоимъ пріѣздомъ;—состоятельства заѣли молодца,—и физика и психа все страдаетъ въ немъ».—Наконецъ, въ письмѣ изъ Изюма, отъ 3 мая того же юда, онъ сообщаетъ о братѣ слѣдующее: «А братъ Андрей не понимаю, что такое?—Бѣтъ, спитъ, цвѣтъ лица даже и дѣйствія съ тѣми, кого онъ нѣсколько уважаетъ или съ кѣмъ рѣже (,) рѣшительно таковы, что его больнымъ назвать нельзя.—Бѣдитъ верхомъ, чиститъ въ саду деревья—но ни съ кѣмъ ни слова. Главное испытаніе его уже кончилось, онъ подпоручикъ въ отставкѣ.—Письма же твоего читать нельзя было ему, ибо неудобопонятна слабая сторона за которую надо за него взяться». Въ письмѣ отъ 28 марта 1831 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Вольховскому: «Бѣдный Андрей Малиновскій очень плохъ; онъ былъ у меня на прошлой недѣлѣ и подалъ письменный рапортъ о томъ, что онъ опять не можетъ говорить, а когда я шутилъ думалъ вовлечь его въ разговоръ, то онъ, не говоря все ни слова, топнулъ ногой, надѣлъ свою шапку и вышелъ вонъ бѣгомъ. Положеніе его самое жалостное. Анна Андрѣевна на лѣто собирается ѣхать въ деревню; дай Богъ, чтобы Андрей согласился съ ней ѣхать».—Въ письмѣ отъ 8 юня 1831 г. Энгельгардтъ опять возвращается къ положенію Андрея и пишетъ Вольховскому слѣдующее: «Андрей Малиновскій все въ одинаковомъ положеніи; мы успѣли его склонить на поѣздку въ Крымъ, и имянно въ Симферополь; можетъ быть, что дорога, развлеченіе, чистый воздухъ и пребываніе тамъ, посреди совершенно новыхъ для него предметовъ и людей, подѣйствуетъ выгодно на него. Я поручилъ его тамъ брату нашего Стевена, и нѣкому г. Кеппену; оба люди образованные и добрые, которые охотно примутъ на себя попеченіе объ немъ. Онъ отправился на прошедшей недѣлѣ, съ надежнымъ старымъ слугою Анны Андрѣевны. Когда я сообщилъ ему извѣстіе о твоёмъ производствѣ, то онъ такъ раскохотался, что кончить не могъ: уже не знаю, зналъ ли это радости или другого чего нибудь; но спустя около получаса, онъ мнѣ сказалъ: «je suis bien aise de cet avancement». Въ слѣдующемъ году, въ письмѣ отъ 22 сентября 1832 г., Энгельгардтъ пишетъ: «Бѣдной Андрей все почти въ томъ же положеніи,—онъ теперь въ Крыму».—А въ письмѣ отъ 24 ноября того же года онъ замѣчаетъ: «Андрей въ Симферополѣ, но худо поправляется. Жаль Андрея!»—Въ письмѣ отъ 22 января 1840 г. Энгельгардтъ опять возвращается къ судьбѣ Андрея: «Отъ несчастнаго Андрѣя получилъ я недняхъ родъ письма—ясное доказательство совершеннаго умственнаго расстройства. Жаль бѣднаго Андрѣя, жаль и общества, лишившагося человекъ съ такими дарованіями».—Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ, отъ 2 сентября 1840 г.,—послѣднемъ

(род. 1896 г.)¹⁾ и зятѣмъ дочери: Елизавета — по 20 году (род. 1794 г.), Анна — по 15 году (род. 1799 г.) и 4-хъ-лѣтняя Марія (род. 1809 г.)²⁾.

«Ранняя смерть, — говоритъ Я. К. Гротъ, — перваго директора, уже въ мартѣ 1814 года, была истиннымъ несчастіемъ для новаго заведенія, хотя можетъ быть онъ и не вполне соотвѣтствовалъ своему назначенію». «В. Θ. Малиновскій, — пишетъ графъ Корфъ³⁾, — былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управления какою-нибудь частью, тѣмъ болѣе вышнимъ учебнымъ заведеніемъ. Значеніе свое онъ получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Афанасьевича Самборскаго⁴⁾, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучи-

письмъ дружеской переписки Энгельгардта съ В. Д. Вольховскимъ, — мы находимъ еще слѣдующія строки объ Андрѣ: «Андрѣю мой дружеской поклонъ, надѣюсь, что онъ мнѣ напишетъ предлинное письмо о своемъ поѣздѣ въ Крымъ и о своихъ занятіяхъ въ Каменкѣ».

¹⁾ Иосифъ Васильевичъ, вып. 1828 г., X курса благороднаго пансіона Императорскаго Царскосельскаго Лицея, кончилъ двѣнадцатымъ классомъ. О немъ мы также находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ перепискѣ Энгельгардта съ В. Д. Вольховскимъ. Въ письмѣ отъ 22 сентября 1832 г. Энгельгардтъ пишетъ, что И. Малиновскій пріѣзжалъ въ Петербургъ въ августѣ этого года: «прискакалъ въ надеждѣ остановить еще дурака брата Осиньку, но нашелъ его уже женатаго на какой-то полуполячкѣ, которая, кромѣ довольно дурной репутаціи, ничего не имѣетъ. Это совершенное сумашествіе!» Въ письмѣ же отъ 24 ноября 1832 г. Энгельгардтъ опять возвращается къ судьбѣ Осипа Малиновскаго и пишетъ Вольховскому слѣдующее: «Иванъ Малиновскій отслужилъ свое предводителское трехлѣтіе, выслужилъ себѣ владимирскій крестъ и нынѣ лѣтомъ прискакалъ сюда, чтобъ остановить сумасбродную свадьбу брата своего Осипа, но опоздалъ недѣлю и засталъ его ужъ женатаго на какой-то полуполячкѣ, которая принесла ему въ приданое свою довольно затасканную репутацію и болѣе ничего. — Иванъ уговорилъ брата съ нимъ поѣхать для пріисканія себѣ тамъ мѣста; они поѣхали, молодая жена осталась здѣсь и спустя одинъ мѣсяць получила извѣстіе о смерти своего мужа, который умеръ отъ гнилой нервической лихорадки».

²⁾ Свѣдѣнія о годахъ ихъ рожденія мы получили отъ покойнаго В. В. фонъ-Руммеля, сердечная доброта котораго и готовность служить своими познаніями была извѣстна всѣмъ, обращавшимся къ нему. «Изъ семейства Василя Θεодоровича Малиновскаго, говоритъ Розенъ, три сына и три дочери остались-бы въ совершенномъ сиротствѣ, если-бы не имѣли любящихъ покровителей въ родномъ дядѣ со стороны отца — Павлѣ Θεодоровичѣ Малиновскомъ и въ родной теткѣ со стороны матери — Аннѣ Андреевнѣ Самборской, которые всѣми средствами обезпечивали нужды ихъ довольствомъ, даже роскошью, и замѣняли имъ любящихъ родителей». Семейство В. Θ. Малиновскаго послѣ его смерти получило, сверхъ единовременной выдачи изъ суммъ Лицея годового оклада жалованья, тотъ же окладъ (2600 руб.) изъ Государственнаго Казначейства въ пенсіонъ. «Историческій очеркъ Лицея», И. Селезнева, стр. 46. Дальнѣйшія подробности о Павлѣ Θεодоровичѣ Малиновскомъ см. въ приложеніи къ сему очерку № 2 (стр. 308—310).

³⁾ Записки графа М. А. Корфа въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 223.

⁴⁾ О немъ см. приложеніе къ настоящему очерку № 3 (стр. 311—319).

теля и духовника Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей наконецъ духовника Великой Княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ Эрцгерцогомъ Палатиномъ Венгерскимъ. Есть, впрочемъ, вся вѣроятность думать что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря Сперанскаго, который издавна былъ очень близокъ къ Самборскимъ ¹⁾ и въ ихъ домѣ впервые познакомился съ тою, которая послѣ сдѣлалась его женою: сиротою бѣднаго англійскаго пастора Стивенса».

«Несмотря, — говоритъ Я. К. Гротъ, — на нѣкоторые недостатки, Малиновскій былъ человѣкъ просвѣщенный и честный: потерявъ его черезъ два съ небольшимъ года послѣ своего основанія, лицей вдругъ осиротѣлъ, и начались его невзгоды» ²⁾.

По смерти директора въ жизни Лицея наступило, какъ извѣстно, междуцарствіе. Одно время исправлялъ должность директора Гауеншильдъ, имѣвшій привычку вѣчно жевать лакрицу.

Вотъ какъ его описываетъ графъ Корфъ: «...Гауеншильдъ былъ, можетъ быть, столь же хорошій профессоръ, сколько онъ былъ дурнымъ учителемъ и еще худшимъ директоромъ. Родомъ изъ Австріи, онъ не нравился намъ уже потому, что былъ *нѣмецъ* и очень смѣшно изъяснялся по-русски. Сверхъ того, при довольно заносчивомъ нравѣ, онъ былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный». Доказательствомъ общей къ нему ненависти служить слѣдующая пѣсня:

Въ лицейской залѣ тишина,
Диковинка межъ нами:
Друзья, къ намъ лѣзетъ сатана
Съ лакрицей за зубами.
Друзья, сберегитесь гурьбой,
Дружнѣ въ руки палку,
Лакрицу сплюснемъ за щекой,
Дадимъ австрійцу свалку.

¹⁾ Отецъ М. М. Сперанскаго жилъ въ селѣ Черкутинѣ, владѣльцемъ котораго былъ князь Н. И. Салтыковъ, главный воспитатель Великихъ Князей, а Самборскій былъ у нихъ законоучителемъ. Самборскій, посѣщая вмѣстѣ съ Черкутинскимъ владѣльцемъ княземъ Салтыковымъ домъ отца Сперанскаго, зналъ Мишу уже съ дѣтства. (Баронъ Корфъ: Жизнь Сперанскаго. Т. I, стр. 19).

²⁾ См. Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 года, стр. 38, статья: Царскосельскій Лицей.—Малиновскій умѣлъ возбудить дѣятельность своихъ помощниковъ: Копанскій, Кайдановъ и Куницынъ приступили къ изготовленію въ печать своихъ трудовъ. Библиотека и физическій кабинетъ были основаны также Малиновскимъ; первая уже имѣла въ 1812 году книгъ свыше 800 томовъ, на другой же годъ основанія Лицея возникъ пансіонъ, устройство котораго и составленіе инструкцій должностнымъ лицамъ пансіона было дѣломъ Малиновскаго. За два мѣсяца до своей смерти Малиновскій открылъ пансіонъ и былъ, такимъ образомъ, и въ немъ начинателемъ. «Историческій очеркъ Императ. Лицея», составл. И. Селезневымъ, стр. 44.

И кто послѣдній въ классахъ вретъ,
Не зная вѣкъ урока,
«Побѣда!» первый заоретъ,
На нѣмца грянувъ съ бока ¹⁾).

Это директорство Гауеншильда отозвалось сейчасъ же и на Иванѣ Малиновскомъ. Если при отцѣ, какъ сынъ директора, онъ пользовался покровительствомъ педагогическаго персонала, хотя и самъ по себѣ былъ особенно симпатичною личностью, то при новомъ начальствѣ за свой горячій, необузданный нравъ, который вездѣ проявлялся задоромъ, онъ поплатился очень скоро.

Серьезная исторія случилась съ гогель-могелемъ. Шалость эта могла бы принять серьезный характеръ и могла имѣть пагубныя послѣдствія для Пушкина, Малиновскаго и Пушина. Предоставимъ слово Пушину, какъ инициатору этой шалости, такъ и описателю этого случая въ своихъ запискахъ:

«Мы, т. е. я, Малиновскій и Пушкинъ затѣяли выпить гогель-могелю. Я досталъ бутылку рому, добыли яицъ, натолкли сахару, и началась работа у кипящаго самовара. Разумѣется, кромѣ насъ, были и другіе участники въ этой вечерней парущкѣ, но они остались за кулисами по дѣлу, а въ сущности одинъ изъ нихъ, именно Тырковъ, въ которомъ черезъ чуръ подѣйствовалъ ромъ, былъ причиною, по которой дежурный гувернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное оживленіе, шумливость, бѣготню. Сказалъ инспектору. Тотъ, послѣ ужина, всмотрѣлся въ молодую свою команду и увидѣлъ что то взвинченное. Тутъ же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дѣло, и что мы одни виноваты. Исправлявшій тогда должность директора профессоръ Гауеншильдъ донесъ министру. Графъ Разумовскій пріѣхалъ изъ Петербурга, вызвалъ насъ изъ класса и сдѣлалъ намъ формальный, строгій выговоръ. Этимъ не кончилось,—дѣло поступило на рѣшеніе конференціи. Конференція постановила слѣдующее: 1) двѣ недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы; 2) смѣстить насъ на послѣднія мѣста за столомъ, гдѣ мы сидѣли по поведенію, и 3) занести фамиліи наши, съ прописаніемъ виновности и приговора, въ Черную книгу, которая должна была имѣть вліяніе при выпускѣ. Первый пунктъ приговора былъ выполненъ буквально. Второй смягчался по усмотрѣнію начальства: насъ, по истеченіи нѣкотораго времени, постепенно подвигали опять вверхъ. При этомъ Пушкинъ сказалъ:

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе.

«На этомъ концѣ раздавалось кушанье дежурнымъ гувернеромъ. Третій пунктъ, самый важный, остался безъ всякихъ послѣдствій. Когда при разсужденіяхъ

¹⁾ Записки графа Корфа въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ»... Спб., 1899 г., стр. 230.

конференціи о выпускѣ, представлена была директору Энгельгардту Черная эта книга, гдѣ мы трое только и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать своимъ сочленамъ, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще имѣть вліяніе и на всю будущность молодыхъ людей послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ согласились съ его мнѣніемъ, и дѣло было сдано въ архивъ...

«По случаю гогель-могея Пушкинъ экспромтомъ въ подражаніе стихамъ И. И. Дмитріева ¹⁾»:

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ, и проч.

сказалъ:

Мы недавно отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали
И Ѳому прогнали вонъ...

«(Остальныхъ строфъ, — говоритъ Пущинъ, — не помню: этому слишкомъ сорокъ лѣтъ). Ѳома былъ дидька, который купилъ намъ ромъ. Мы кой-какъ вознаградили его за потерю мѣста. Предполагается, что пѣсню поетъ Малиновскій, но его фамиліи не вломаешь въ стихъ. Баронъ — для рифмы, означаетъ Дельвига. Были и каррикатуры, на которыхъ изъ-подъ стола выглядывали фигуры тѣхъ, кого намъ удалось скрыть.

«Вообще это пустое событіе (которымъ, разумѣется, нельзя было похвастать) надѣлало тогда много шуму и огорчило нашихъ родныхъ, благодаря премудрому распоряженію начальства. Все могло кончиться домашнимъ порядкомъ, еслибы Гауеншильдъ и инспекторъ Фроловъ не вздумали формальнымъ образомъ донести министру» ²⁾.

Еще разъ «казакъ» Малиновскій отличился, почти наканунѣ выпуска, такую шалостью, которая выходила изъ границъ допустимаго.

Къ подобной шалости, довольно неприличной, гдѣ замѣшанъ Малиновскій, слѣдуетъ отнести довольно дикій эпизодъ съ Кюхельбекеромъ. Недостойная шутка эта приписывается Викторомъ Павловичемъ Гаевскимъ (въ его статьѣ: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія». «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII,

¹⁾ И. И. Пущинъ ошибается, замѣчаетъ Л. Н. Майковъ, приводимые имъ стихи принадлежатъ не Дмитріеву, а Д. В. Давыдову и составляютъ начало его инакреонтической оды: «Мудрость».

²⁾ Записки И. И. Пущина. Въ книгѣ Л. Майкова: «Пушкинъ». Спб., 1899 г., стр. 57—60. — См. И. А. Шляпкинъ: Къ біографіи Пушкина (документы), стр. 23—24, отношеніе Министра Народнаго Просвѣщенія гр. А. Разумовскаго, № 2842. Спб., сентября 22 дня 1814 года.

стр. 149) тихому и сонному Дельвигу, между тѣмъ какъ авторомъ этой недостойной шутки былъ нашъ «казакъ», хотя и не злобивый, но слишкомъ пылкій. Въ одинъ не прекрасный для Кюхельбекера день (въ маѣ 1817 г.), за обѣдомъ, Малиновскій вылилъ Кюхельбекеру на голову тарелку супу. «Кюхельбекеръ, — говоритъ Гаевскій, — былъ выведенъ этимъ изъ терпѣнія, выбѣжалъ изъ-за стола въ садъ и бросился въ прудъ, чтобы утопиться». Объ этомъ возникло цѣлое официальное дѣло за № 462, 1817 года, которое я тщетно ищу, такъ какъ оно пропало, его нѣтъ въ лицейскомъ архивѣ. Можетъ быть, оно найдется среди бумагъ г. Гаевского когда-нибудь. Что Кюхельбекера обидѣлъ не Дельвигъ, но Малиновскій, видно изъ собственныхъ словъ Вильгельма Карловича, который въ своемъ дневникѣ 1842 года, писанномъ въ Сибири на поселеніи, подъ 29-мъ мая записалъ: «Въ Маѣ 1817 года напрімѣръ моя ссора съ Малиновскимъ и горячка, слѣдствіе этой ссоры, да побѣгъ изъ больницы въ прудъ Александровскаго сада, гдѣ я чуть не утонулъ» ¹⁾). Что же касается до того, что г. Гаевскій не зналъ объ этомъ, объясняется тѣмъ, что строки эти напечатаны были въ 1891 г., а Викторъ Павловичъ Гаевскій умеръ въ 1888 году.

Иванъ Малиновскій не принималъ участія въ той кипучей литературной и поэтической дѣятельности, которою по праву могутъ гордиться первокурсники и которая представляла собою то благотворное сѣмя, которое потомъ дало столь удивительный плодъ. Почему Малиновскій не принималъ участія ни въ прозѣ, ни въ стихахъ въ различныхъ литературныхъ лицейскихъ журналахъ, намъ неизвѣстно, но думается, что онъ былъ, какъ старшій, болѣе серьезенъ и считалъ, вѣроятно, поэтическую дѣятельность ниже своего достоинства. Вѣдь и Пушкинъ — умъ аналитическій и воодушевленный задачами о политическомъ переустройствѣ — тоже не принималъ участія въ поэзіи (за исключеніемъ двухъ-трехъ бездѣлокъ).

Тѣмъ не менѣе товарищи, любя его, посвящали ему плоды своихъ музъ. Такъ, напрімѣръ, Илличевскій обратился къ нему съ стихотвореніемъ подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ Малиновскому». Вотъ это стихотвореніе:

Мой другъ! въ пути сей жизни Богу
 Послать угодно было намъ
 Двѣ милыхъ спутницы въ дорогу
 И двѣ помощницы трудамъ.

* *
 *

Одна влечетъ насъ за собою,
 Мы отъ прелестной ни на часть,
 Другая нѣжною рукою
 Въ пути поддерживаетъ насъ.

* *
 *

¹⁾ «Рус. Стар.» 1891 г., октябрь, т. LXXII, стр. 94.

Съ одной мы дѣлимъ радость нашу,
Съ другой несемъ печалей гнетъ;
Одна намъ леть веселье въ чашу,
Другая утѣшенье бѣдъ.

* *
* *

Когда жъ усталымъ намъ положить
Судьба окончить трудный путь,
Одна намъ мягкій одръ разложить,
А та пособить взоръ сомкнуть.

* *
* *

Одна надъ свѣжею могилой
Посадить кусть минутныхъ розъ,
Другая—кипарись унылой,
И окропить росю слезъ.

* *
* *

Веди ты съ ними дни златые,
Будь надъ тобой ихъ вѣрный кровъ.
Кто жъ эти существа благіе?
Ихъ имя: *Дружба* и *Любовь*.

Илличевскій ¹⁾).

9-го іюня 1817 года былъ назначенъ торжественный актъ объ окончаніи курса наукъ первенцами Лицея, и здѣсь впервые были пропѣты стихи Дельвига <Шесть лѣтъ» ²⁾):

«Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны».

Малиновскій при выходѣ изъ Лицея внесъ и свою лепту въ альбомъ Энгельгардта. Какъ извѣстно, директоромъ Лицея Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ была заведена книга (октаво), въ которую подъ извѣстною буквою, соотвѣтствовавшей фамиліи ученика, вписывалось каждымъ воспитанникомъ что-либо на память директору.

¹⁾ См. К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I курса, собранныя Академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб., 1911 г., стр. 168.

²⁾ Какъ жаль, что эти стихи не поются болѣе въ Лицеѣ при выпускахъ. Ихъ прекратили пѣть съ V-го курса, т. е. съ 1830 г., какъ это видно изъ письма Е. А. Энгельгардта къ Матюшкину. Въ продолженіе моего шестилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ я ни разу не слышалъ ихъ и ознакомился съ ними только на Пушкинскомъ юбилеѣ.

Одни вписывали только имя и фамилию (годъ и число), но большинство оставляло довольно обширныя описанія своихъ чувствъ признательности къ директору, воспоминаній счастливо проведеннаго времени подъ его начальствомъ и пожеланій ему всякихъ благъ.

Также и Иванъ Малиновскій оставилъ въ этомъ альбомѣ Энгельгардту не только нѣсколько строкъ, но даже цѣлую страницу, къ нашему крайнему изумленію, стиховъ. Какъ извѣстно, Малиновскій не участвовалъ въ поэтической, хотя и школьной, дѣятельности лицействовъ и въ этой ребяческой литературѣ и поэзіи онъ не оставилъ своихъ слѣдовъ, какі другіе его товарищи, выработавшіе изъ себя поэтовъ. Если Малиновскій, при всеобщемъ стихокропаніи и писалъ, можетъ быть, стихи, то это, вѣроятно, отдѣльныя строки въ лицейскихъ, такъ называемыхъ «національныхъ пѣняхъ», которыя составлялись всѣмъ классомъ сообща и гдѣ каждый вносилъ свою лепту въ видѣ отдѣльнаго стиха. Однако, онъ не былъ чужды той литературной среды, въ которой лицейсты вращались въ Царскомъ Селѣ. Такъ, Пличевскій въ письмѣ къ Фуссу отъ 20-го марта 1816 года, говоря о надеждѣ лицействовъ увидѣть въ стѣнахъ родного Лицея Карамзина, сообщаетъ: «надежда наша основана не на пустомъ: онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется; онъ знаетъ также и Малиновскаго» ¹⁾. По словамъ А. О. Смирновой, кромѣ семейства Карамзиныхъ, въ Царскомъ Селѣ былъ еще домъ Совѣтника Придворнаго Департамента Графа Толстого, женатаго на Протасовой, подругѣ Воейковой, Александры Андреевны; этотъ домъ былъ центромъ лицействовъ, и, слѣдовательно, его посѣщалъ и Малиновскій ²⁾. Но эти два умственныхъ центра не имѣли вліянія на Малиновскаго въ смыслѣ развитія въ немъ литературныхъ или поэтическихъ наклонностей.

Поэтому тѣмъ болѣе поразительно, что, выходя изъ Лицея, онъ вписываетъ въ альбомъ директора на память о себѣ стихотворное признаніе въ размѣрѣ цѣлой страницы. Такъ какъ въ Лицеѣ, а потомъ въ жизни, онъ не писалъ стиховъ, то это первое и послѣднее его стихотвореніе является, можно думать, единственнымъ его стихотвореніемъ.

Въ виду этого мы приводимъ его цѣликомъ, какъ бы оно ни было неудовлетворительно по формѣ, но не по чувству. Изъ французской его приписки можно было бы заключить, что стихи эти не его, но выхвачены имъ для случая изъ другихъ стиховъ или товарищей, или современныхъ ему поэтовъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ досуга прослѣдить, откуда стихи эти заимствованы, если наша догадка вѣрна.

¹⁾ «Рус. Арх.» 1864 г., стр. 966. Здѣсь идетъ рѣчь о воспитанникѣ Малиновскомъ, такъ какъ отецъ его умеръ въ 1814 году. — См. также Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 69.

²⁾ Изъ записокъ А. О. Смирновой. «Рус. Арх.» 1895 г., кн. 7, стр. 331.

Вотъ это стихотвореніе:

Невозмогу забыть я сладостныхъ часовъ,
Которы (Sic!), какъ струи золотыя, пробѣгали,
Въ которы чуждъ я былъ и окуки и печали:
Непозабуду я приятства вечеровъ,
Въ бесѣдахъ дружбы проведенныхъ,
Или мечтаніямъ безмолвнымъ посвященныхъ,
И тихой музыки волшебной, сладкой звукъ,
Кѣмъ часто преношусь въ страны воображенья,
Останется въ душѣ—и средь ужасныхъ мукъ
Мнѣ будетъ голосомъ любви и утѣшенья.

Когдаже увлеченъ
Волною бурной жизни,
И буду удаленъ
Отъ васъ и отъ отчизны:
Какъ мѣсто между васъ
Займетъ другой щастливой—
Ужель, въ приятной часъ
Веселости игривой
Невспомните меня
Вы мыслью хладною? (!)
Ужель, съ разлуки дня
И сердцемъ и душою
Я буду одинокъ?..

Быть можетъ! Грустна мысль!.. Но прочь отъ насъ
мечтанья

Примите отъ души нелъстивыя желанья,
Чтобъ жизни вашей токъ
Печали немутили
И что-бы всякой часъ
Вы такъ щастливы были
Какъ я былъ среди васъ.

Je prends mon bien, par tout —où je le trouve.

Иванъ Малиновскоій.

8 Іюля 1817 года. Царское Село.

IV.

Иванъ Васильевичъ въ Лейбъ-Гвардіи Финляндскомъ полку (1817 — 1825). — декабристъ Розенъ о военной службѣ Ивана Васильевича Малиновскаго. — Собственная записка Малиновскаго о томъ же. — Выходъ въ отставку. — Письмо Малиновскаго къ Вольховскому отъ 14 ноября 1826 г. о декабристѣ Розенѣ и его женѣ. — Характеристика Малиновскаго, сдѣланная Яковлевымъ въ письмѣ отъ 5 мая 1827 г. — Переписка Малиновскаго съ Вольховскимъ: письма отъ 10 и 13 января и 5 марта 1827 г., 24 сентября 1827 г., 1 июня 1828 г., 16 июля 1829 г., 22 января 1830 г., 1 марта 1830 г., 22 марта 1830 г., 3 мая 1830 г., 17 июля 1831 г. — Отзвы о Малиновскомъ въ письмѣ Э. Х. Стевена отъ конца 1829 г. и Э. Э. Матюшкина отъ 12 ноября 1839 года. — Далиновскій — уѣздный предводитель дворянства. — Благодарные дворяне. — Энгельгардтъ о гражданской дѣятельности Малиновскаго. — Заботы о крестьянахъ. — Письмо Корфа и Горчакова. — Малиновскій о своей гражданской дѣятельности: статья его въ «Русскомъ Мирѣ» 1871 г. — Отношенія къ Энгельгардту. — Переписка съ нимъ. — Письмо Энгельгардта къ Малиновскому отъ 26 сентября 1845 г. — Письма Энгельгардта къ Матюшкину. — Брошюра Малиновскаго подъ заглавіемъ: «О жизни генераль-майора Вольховскаго». — Воспоминанія Софіи Ивановны Штакеншнейдеръ. — Воспоминанія декабриста Розена. — Письмо Н. С. Соханской - Кохановской къ М. В. Вольховской. — Кончина Малиновскаго — 10 февраля 1873 года.

Иванъ Малиновскій былъ выпущенъ изъ Лицея для поступленія въ военную службу, съ чиномъ офицера гвардіи и опредѣлился въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, куда и поступилъ 29 октября 1817 года съ чиномъ прапорщика.

Служебный формуляръ его не великъ и не многословенъ: онъ обнимаетъ всего 8 лѣтъ военной службы и представляется въ слѣдующемъ видѣ: произведенъ въ подпоручики 26 января 1818 г. ¹⁾; въ поручики — 20 апрѣля того же года; въ штабсъ-капитаны — 1 января 1822 года; въ капитаны — 7 августа 1823 года

¹⁾ Письма директора Лицея Энгельгардта къ первокурснику Матюшкину, между прочимъ, знакомятъ насъ съ воспитанниками перваго курса Лицея въ разные періоды ихъ жизни за стѣнами заведенія. Такъ, о Малиновскомъ онъ сообщаетъ отъ 20 декабря 1817 года, что Малиновскій, провожая товарища (Есакова), заѣхалъ къ нему, старому директору, въ Царское, что «военные наши (т. е. поступившіе въ военную службу, въ томъ числѣ и Малиновскій) послѣ пятимѣсячнаго фрунтоваго курса наэонецъ попали въ офицеры», а также, что Малиновскій (который только-что поступилъ въ Финляндскій полкъ) при первомъ караулѣ «такъ простудился, что слегъ и по нынѣ (т. е. до 20 декабря) еще не могъ порядочно оправиться».

и, наконецъ, при увольненіи отъ службы изъ Финляндскаго полка былъ награжденъ, по Высочайшему приказу, чиномъ полковника—26 марта 1825 года ¹⁾. По выпискѣ же изъ книги формулярныхъ списковъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка за 1824 г. (по архиву № 6101, за подписью генералъ-майора Крыжановскаго), значится, что онъ былъ въ отпуску въ 1818 г. «августа со 2-го на пять недѣль и на срокъ явился», въ штрахахъ не бывалъ, холостъ, въ комплектѣ находится при полку, къ повышенію чиномъ достоинъ. Далѣе мы находимъ въ формулярѣ, что онъ изучалъ слѣдующіе языки: россійскій, нѣмецкій, французскій и латинскій и науки: физику, математику, исторію всеобщую и россійскую, логику, нравственную философію, право естественное, географію, статистику, артиллерию, фортификацію, Законъ Божій и Священную Исторію. Здѣсь же мы натываемся на слѣдующій курьезъ: формуляръ сообщаетъ: «въ походахъ не бывалъ», между тѣмъ извѣстно, что онъ принималъ участіе съ Финляндскимъ полкомъ въ походѣ всей гвардіи въ 1821 г. Говоря о походѣ гвардейскаго корпуса въ 1821 году, баронъ Андрей Евгеньевичъ Розенъ, однокашникъ Малиновскаго по Финляндскому полку, замѣчаетъ о немъ: «Здѣсь (въ жидовскомъ мѣстечкѣ Креславлѣ) стоялъ я на одной квартирѣ съ штабсъ-капитаномъ И. В. Малиновскимъ и познакомился съ нимъ короче. Въ столицѣ офицеры выдаются только на ученьяхъ въ службѣ; на посадѣ и на стоянкахъ видались мы чаще и сошлись ближе. Онъ... отличался необыкновенною свѣтскою любезностью и былъ тогда душою и сердцемъ славный товарищъ. Среди развлеченій походныхъ, шумной забавы кутежа и картежной игры, никогда не покидало его чувство религиозное. Въ то время сомнѣній и безвѣрія я никого не встрѣчалъ, кто съ такою искренностью, съ такою горячностью молился Богу, какъ онъ» ²⁾.

О полковой жизни Малиновскаго мы находимъ свѣдѣнія въ собственноручной его запискѣ, любезно приставной мнѣ его дочерью—Софіею Ивановною Штакеншнейдеръ и найденной ею въ числѣ бумагъ отца ³⁾. Вотъ замѣтка Малиновскаго:

«На объявленіе припечатанное этого года, въ № 117 Русскаго Инвалида, честь имѣеть отозваться отставной полковникъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Иванъ Васильевъ Малиновскій.

¹⁾ Ростковскій: Исторія Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка. Спб., 1881 г., отд. 2 и 3, прилож. 6, стр. 67.

²⁾ Записки декабриста, стр. 22 (упоминается о немъ также и на стр. 26).

³⁾ Была ли эта записка гдѣ-либо напечатана, намъ неизвѣстно. На этой запискѣ не обозначенъ годъ, когда Малиновскій ее написалъ, точно также не указанъ и годъ, къ которому относится № 117 «Русскаго Инвалида». Изъ содержанія самой статьи мы узнаемъ, что Малиновскому въ то время, когда онъ писалъ записку, было 77 лѣтъ, а мы знаемъ, что 77 лѣтъ ему было въ 1873 году, а такъ какъ онъ указываетъ, что объявленіе въ № 117 «Русскаго Инвалида» было напечатано въ томъ году, когда онъ писалъ свою статью, то нужно предположить, что и № 177 «Русскаго Инвалида» относится къ 1873 году.

«Поступилъ въ полкъ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, перваго курса, имѣю указъ объ отставкѣ за подписью генераль-фельдмаршала Графа Сакена, № 1258 отъ 29 сентября 1826 года; формулярный списокъ мой въ лейб-гвардіи Финляндскомъ полку, 23 апрѣля 1825 года о кратковременной службѣ моей находится при дѣлахъ полка, а отрядныя воспоминанія остаются при мнѣ:— какъ среди столичной суеты и развлеченій мы правдиво, искренно, дружественно въ полку поживали. Побудительною причиною моей отставки, кромѣ домашнихъ обстоятельствъ было постановленіе, что при повышеніи въ предстоящій мнѣ чинъ полковника я долженъ былъ перейти въ другой гвардейскій полкъ, невѣдомый мнѣ по своему корпоративному духу. Позволяю себѣ объяснить на какомъ основаніи были мы взаимно ознакомлены съ полкомъ: бывши отъ 1818 до 1822 г. въ чинѣ поручика, одновременно командовалъ, на законномъ основаніи, сколько за прошествіемъ 47 (лѣтъ) могу припомнить ¹⁾, болѣе чѣмъ шестью ротами; а любя службу и всѣмъ сердцемъ нашего неподражаемаго Русскаго солдата одушевлялся имъ, образовывалъ, одушевлялъ его, охранялъ его довольство и здоровье, и вотъ когда при содѣйствіи благомыслящихъ сослуживцевъ началъ развивать науку жизни въ особенности при выступленіи въ походъ въ 1821 году противъ Италіянскихъ Карбонаріевъ и мы пѣвали:

«Такъ на Альпахъ вспомннули
Какъ Россійскіе Орлы
Ихъ съ Суворовымъ пугнули
Были всеѣ усмирены».

«А полкъ не бывши въ дѣлѣ возвратился въ Петербургъ, во время переходовъ, командуя 3-ею Егерскою ротою, въ матеріальномъ смыслѣ дѣлилъ съ нею все; а въ труднѣйшіе переходы бралъ ранецъ, ружье, а иной разъ трехдневный сухарный провіантъ и довелъ ее до того, что бывало спросишь: обгонимъ мы 2-ую Егерскую роту? и единодушный отвѣтъ—ручаемся за успѣхъ; такъ шагали впередъ въ разные переходы и дошли до того, что на послѣднемъ, подъ Петергофомъ, обогнали первую Карабинерную роту и пришли въ д. Бабыи-Гоны ротный штабъ. Трудно мнѣ теперь на кого нибудь сослаться въ удостовѣреніе сказаннаго, равно и о томъ что въ 1817 году, когда я пошелъ въ 1-ый разъ въ караулъ во временный Сената Департаментъ, то за старшаго унтеръ-офицера былъ юнкеръ

¹⁾ Фразеологія Малиновскаго вообще туманна, и стилемъ онъ никогда не отличался. Онъ говоритъ, что въ 1818—1822 г.г. онъ командовалъ болѣе, чѣмъ шестью ротами и что этому прошло уже 47 лѣтъ. Если понять это буквально, то выйдетъ, что онъ писалъ эту замѣтку въ 1865 г. (1818+47=1865). Но это совершенно не вѣрно, потому что эта статья, какъ мы доказали, написана была въ 1873 г., слѣдовательно, это было не 47, а 55 лѣтъ тому назадъ (1873—1818). Такимъ образомъ, это или описка автора, или переписчика, такъ какъ мы пользовались копіею, присланною С. Ив. Штакенштейндеръ.

А. С. Вяткинъ¹⁾), недавно умершій въ чинѣ Генералъ-отъ-Инфантеріи. Въ офицерскомъ кругу мы находили въ товарищѣ, по общему заключенію, готовность всегда собою жертвовать для полка. — На всѣхъ этихъ данныхъ основывалась рѣшимость, не переходить Полковникомъ въ другой мнѣ незнакомый полкъ, которому никакихъ задатковъ не давалъ; а не одни эполеты должны были меня поддерживать—и скоро ли бы убѣдилъ новыхъ сослуживцевъ, что я ихъ оправдаю, факты по моему правилу лучшее средство къ убѣжденію. Живо припоминаю, какъ достойный нашъ полковой командиръ В. Н. Шеншинъ убѣждалъ меня не выходить въ отставку²⁾), но я ему обѣщалъ оправдать себя службою по выборамъ дворянства и предоставляю на общее заключеніе, по ниже изложенному, сбылось ли мое предчувствіе и оправдалъ ли я мое обѣщаніе? Въ 47-лѣтней отставкѣ, не простыло у меня сердце къ утѣшенію встрѣчать дисциплинированное войско. Въ войну 53 и 54 годовъ, когда живучи на Восточной Кавказской дорогѣ, вблизи города Изюма, извѣстнаго въ оно время оплота, противу нашествія татаръ, я не одну дивизію при переходѣ черезъ с. Каменку, мѣсто моего жительства, проводилъ съ хлѣбомъ-солью, за что получилъ два раза Монаршее благоволеніе; мы одушевлялись патріотическими впечатлѣніями и надеждами.

«На воротахъ Цареграда
Обновить Олеговъ щитъ».

«Финляндцы умѣютъ поддерживать духъ и связь полка до того, что бывалъ почтенъ посѣщеніями солдатиковъ однополчанъ, идущихъ для заработковъ на югъ обширнаго нашего отечества, да и съ туземными однополчанами жили по землячески. Въ мои 77 лѣтъ уже неподъемный (?) послѣдній разъ 22 года тому назадъ былъ въ Петербургѣ, за то утѣшаюсь счастливыми встрѣчами отъ наѣзжающихъ къ намъ въ уѣздъ въ г. Славянскъ, на всѣмъ извѣстныхъ минеральныхъ водахъ, открытыя мною какъ уѣзднымъ предводителемъ въ 1836 году.

«Тамъ встрѣтились и горячо, дружески обнялись съ бывшимъ однополчаниномъ нынѣ Генералъ-Лейтенантомъ Д. Н. Бѣлявцевымъ; онъ бывши полковымъ адъютантомъ, а поступая во фронтъ, могъ выждать вакантную роту, и принялъ отъ меня 3-ю Егерскую, при чемъ я ему предрекъ: «пуля въ дуль, у тебя крестъ на груди». Такъ и сбылось. При тѣхъ же минеральныхъ водахъ уврачевалъ сердце обновленіемъ старыхъ связей въ 1870 году съ Генералъ-Лейтенантомъ А. Н. Марининымъ, отъ 80-ти лѣтній старецъ герой временъ формировація полка, прислалъ

¹⁾ Александръ Сергѣевичъ Вяткинъ. См. Краткій очеркъ исторіи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, А. Марина. Спб., 1846 г., ч. II, стр. 125. (Ibid. его портретъ).

²⁾ «У насъ хранится портретъ Шеншина съ надписью его, уговаривающею отца не бросать службу», замѣчаетъ Софія Иваковна Штакеншнейдеръ.

нѣ съ теплою надписью своего сочиненія книги: «Краткій очеркъ исторіи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка». Спб. 1846 г. ¹⁾). Несомнѣнно, что она украшаетъ полковую бібліотеку, а въ случаѣ надобности готовъ прислать полку въ даръ; тамъ на 32 страницѣ описано, какъ черезъ подвигъ Финляндевъ Казанскій Соборъ украшается жезломъ Маршала Даву. А въ этомъ году онъ же прислалъ мнѣ книгу: «Русскіе богатыри», которая дышетъ солдатскою поэзіей; въ исторіи же полка вполнѣ оправдываются способности и горячая привязанность къ полку автора, собравшаго въ краткомъ очеркѣ блистательные подвиги полка и представившаго достаточно достойнѣйшихъ личностей, съ ихъ портретами и краткими ихъ біографіями, которыя одушевляють каждого, сроднившася съ Лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ. Въ 1872 году отъ 18 февраля получилъ письмо отъ Генераль-Лейтенанта Бозена ²⁾ съ его походными записками 1855—56 г.г., а онъ былъ въ 1821 г. подпоручикомъ командуемой мною роты, и прислалъ мнѣ свой портретъ послѣ состоявшаго ручнаго возложенія на него Государемъ Императоромъ ордена 3-й степени Побѣдоносца Св. Георгія, въ дубликатъ къ имѣвшемуся у него 4-й степени за штурмъ Карса, гдѣ онъ съ перваго приступа овладѣлъ съ частію командуемой имъ дивизіи, предназначеннымъ для него къ штурму бастиона, оставался на всю ночь подъ крѣпостными выстрѣлами, и уже на другой день славный Н. Н. Муравьевъ-Карскій-Скуторскій довершилъ побѣду. Вотъ какіи были между нами Финляндцами связи, онъ въ этомъ же письмѣ утѣшаетъ меня, что христіанскимъ примѣромъ моимъ научился молиться Богу и передъ штурмомъ Карса, укрѣпившись молитвой, былъ охрaненъ отъ пораженія и не терялъ присутствія духа въ должныхъ распоряженіяхъ.

¹⁾ Его біографія въ этой же книжкѣ, ч. II, стр. 154—155. Тамъ портретъ Аполлона Никифоровича Марина. Его братъ, Сергій Никифоровичъ, переводчикъ Меропы и домашній поэтъ у Александра Льв. Нарышкина, вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Гераковымъ. (Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. III, гл. X, стр. 147). Нѣсколько стихотвореній Сергія Марина приведено въ книгѣ его брата. Ихъ отецъ, Никифоръ Михайловичъ Маринъ, былъ двоюродный братъ Петра Тимоѣевича Бурцова—дяди Петра Ивановича Бартенева, издателя «Русскаго Архива». (См. письма Петра Степановича Молчанова къ князю Александру Борисовичу Куракину. «Рус. Арх.» 1893 г., кн. 12, стр. 524, и примѣчаніе тамъ же П. Бартенева).—О С. Н. Маринѣ см. статью А. В. Смирнова въ «Литературномъ Вѣстникѣ» 1903 г., кн. 6, т. VI, стр. 142; здѣсь и его портретъ. Былъ еще третій братъ—Евгеній Никифоровичъ Маринъ, род. 1778 г., † 1843 г.—О немъ см. Сборникъ біографій кавалергардовъ. 1762—1801. Подъ редакцію С. Панчулидзева. Спб., 1904 г., стр. 426—428, статья А. Голубіевскаго.

²⁾ Можетъ быть фамилія эта перепутана въ рукописи, которою я пользовался. Это генераль-лейтенантъ Базинъ, начальникъ всей резервной дивизіи Кавказской арміи при штурмѣ Карса, когда главнокомандующимъ былъ Н. Н. Муравьевъ. Объ этомъ Базинѣ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ Кавказца» подполковникъ И. И. Дроздовъ. «Русскій Архивъ» 1896 г., кн. 10, стр. 256, 258, 259, 265 и 270.

«И Богу благодареніе: такими то впечатлѣніими живеть на 77 году отставной Финляндець И. В. Малиновскій, котораго редакторъ газеты Русскій Миръ ¹⁾ по случаю празднованія 19 октября 1871 года 60-ти лѣтняго юбилея Царско-сельскаго Лицея, побудилъ отозваться въ № 82 отъ 24 ноября 1871 года слѣдующимъ образомъ въ самомъ концѣ: Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей (Пушкинъ). Онъ сотворилъ Финляндскій полкъ, одушевилъ его, даровавъ Шефа, Е. В. В. К. К(онстантина) П(авловича). Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда, село Каменка, отставной полковникъ Иванъ Васильевичъ Малиновскій».

Событія 14 декабря 1825 г. косвенно задѣли и Малиновскаго, хотя онъ лично не принималъ никакого участія въ этомъ шутовскомъ заговорѣ.

Къ воспоминаніямъ Розена о декабрьскомъ бунтѣ мы можемъ прибавить еще нѣкоторыя подробности, которыя мы находимъ въ письмахъ Малиновскаго къ Вольховскому. Изъ этихъ писемъ оказывается, что, когда несчастье обрушилось на семью Розена, то тогда въ Петербургѣ былъ Малиновскій, который хлопоталъ и утѣшалъ свою сестру—Анну Васильевну Розенъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, онъ проживалъ у Стевена, котораго въ дружественномъ кружкѣ звали Фрицемъ ²⁾. Вотъ что онъ пишетъ Вольховскому отъ 14 ноября 1826 г.: «Съ конца сентября въ Петербургѣ у Фрица живу и оживаю,—отъ всѣхъ впечатлѣній дня—сестра какъ не крѣпится и свиданіями съ мужемъ еженедѣльными поддерживается,—но малютка захворалъ, отъ чего и мы всѣ носъ повѣсили» ³⁾. Далѣе онъ продолжаетъ: «Про несчастнаго Розена, благословившаго сына въ Петропавловской—ничего нѣтъ лучшаго въ ожиданіи какъ слово Царское: «*Я тебя не забуду*», и скорѣйшее начало его 6 лѣтняго срока... Я живу въ ожиданіи какъ поѣдетъ сестра ей *сопутствовать*,—по отправленіи мужа, на что жены имѣютъ Царское позволеніе».

Какъ видно изъ письма Малиновскаго отъ 5 марта 1827 г., онъ пріѣхалъ къ себѣ въ деревню ⁴⁾ и ожидалъ тетюшку и сестру Анну Васильевну, которую предполагалъ сопровождать въ Сибирь. «Баронъ мой,—пишетъ онъ,—кажется на пути, сколько могъ заключить изъ послѣдняго письма ихъ отъ 8 февраля, а

¹⁾ Объ этой замѣткѣ въ «Русскомъ Мирѣ» будетъ упомянуто ниже.

²⁾ Какъ это видно, напр., изъ письма Е. А. Энгельгардта къ Вольховскому отъ 15 іюля 1839 г.

³⁾ Объ этомъ же удрученномъ состояніи духа Малиновскаго, вслѣдствіе катастрофы 14 декабря, мы имѣемъ еще свѣдѣнія въ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ 4 января 1826 г., гдѣ онъ пишетъ: «Малиновскаго давно не видалъ,—онъ здоровъ, не совсемъ веселъ, по причинѣ, которая должна быть тебѣ слишкомъ извѣстна. Долго ли онъ у насъ пробудетъ и того не знаю».

⁴⁾ Петръ Ѳеодоровичъ Саврасовъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 22 февраля 1827 г. сообщаетъ: «Малиновской отправился въ деревню—мы его проводили до Царскаго Села».

18 января я его у Сукина видилъ». Въ томъ же письмѣ онъ упоминаетъ о сынѣ Розена, замѣчая: «А какой племянникъ у меня Евгений (Энка)—реветъ по львиному».

Письмомъ Малиновскаго отъ 14 ноября 1826 г. начинается рядъ его писемъ къ Вольховскому. Нѣкоторыя изъ нихъ уже использованы нами въ жизнеописаніи В. Д. Вольховскаго. Всѣ эти письма, кромѣ того, что написаны отвратительнымъ почеркомъ, грѣшатъ еще своеобразнымъ стилемъ, запутанною фразеологіей и туманностью мысли и выраженія, и эти свойства эпистолярнаго стиля Малиновскаго были извѣстны его товарищамъ и бывшему директору его, Энгельгардту, который даже упоминаетъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Вольховскому. Все это подтверждается, на примѣръ, письмомъ Яковлева отъ 5 мая 1827 г. къ Вольховскому, въ которомъ ярко обрисовываются эти дефекты эпистолярнаго стиля Малиновскаго: «Третьяго дня получилъ я письмо отъ Малиновскаго. Лихой! Жаль, что по старому пишетъ на барабанѣ, трудно читать его каллиграфію, а не худо бы ему наблюдать отолщеніе (?), т. е. писать почетче—если иногда не разберешь его замысловатости, по крайней разберешь, что написано. А самъ пѣвалъ еще: *прилѣжнѣе буквальность извольте замѣчать!*¹⁾ Да что жъ онъ пишетъ скажешь ты. Во 1-хъ проситъ, чтобы Тырковъ (написано: «Тыркусъ») отсрочилъ ему долгъ. Послѣ идетъ матерія о злѣ и грабежѣ во всѣхъ судахъ, о несправедливостяхъ и проситъ тебя сообщить ему нѣкоторыя свѣденія по питейной части, потомъ бранить рыжого²⁾, обезьяну³⁾, что не пишутъ къ нему, хоть и знаютъ его адресъ. Наконецъ изъ P. S. выписываю слово въ слово его заключеніе. *Прошу тебя сыграемъ комедь, а мнѣ польза. Набери побольше адресовъ на имя нашихъ въ Собственную Канцелярію, по Министерствамъ, по особеннымъ порученіямъ—я васъ буду тѣшить моими похождениями, да и мнѣ давайте ново-*

1) Это стихъ изъ лицейскихъ «національныхъ пѣсенъ»:

«Читали ль Россіяды
Вы новый переводъ?
Прилежнѣе буквальность
Извольте замѣчать».

Онъ написанъ на учителя каллиграфіи Калинича, поступившаго въ Лицей изъ придворныхъ пѣвчихъ и умершаго въ 1851 г. «Трудно,—говоритъ графъ Корфъ,—вообразить себѣ высокопарнѣйшаго, болѣе отвлеченнаго въ своихъ фразахъ, глушца и невѣжду». (Записки графа Корфа, стр. 235 у Я. К. Грота,—и біографія Калинича въ Памятной книжкѣ Лицея за 1856 г.).

2) Подъ «рыжимъ» былъ извѣстенъ въ дружескомъ кругу ихъ товарищъ Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ.

3) Подъ «обезьяной» можно подразумѣвать Пушкина, хотя его прозвищемъ было «французъ», но на протоколѣ лицейской годовщины 1828 г. собственною рукою Пушкина къ этой кличкѣ было прибавлено: «смѣсь обѣзаны (Sic!) съ тигромъ»,

стей. На дняхъ пишу отвѣтъ, въ которомъ будетъ по принадлежности включенъ и твой адресъ» ¹⁾).

То же самое говорить и И. И. Пущинъ въ письмѣ къ самому Малиновскому отъ 2 марта 1839 г., изъ Сибири, писанномъ рукою М. Юшневской (изъ Петровскаго Завода): «На досугъ возьми за твое орлиное перо, вспоминай и пиши свои іероглифы, которыхъ я не оставлю, пока не разберу со всѣми ихъ тайнами» ²⁾).

И, дѣйствительно, въ приведенныхъ письмахъ очень мѣтко схвачена слабая сторона эпистолярныхъ способностей Малиновскаго. Всѣ его письма, всѣ его бумаги и даже статья, напечатанная въ газетѣ, отличаются туманностью выражений, недосказанностью мыслей и прочими недостатками яснаго изложенія, такъ что во многихъ мѣстахъ приходится отгадывать, что онъ хотѣлъ сказать, какъ это мы увидимъ ниже въ образчикахъ его писанія. Мы приведемъ здѣсь эти письма, какъ характеризующія взаимныя отношенія товарищей и наполненные бездною мелкихъ чертъ для характеристики ихъ.

Въ письмѣ отъ 14 ноября 1826 г. изъ Петербурга Малиновскій пишетъ Вольховскому слѣдующее: «Или онъ въ плѣну, или убитъ, или раненъ, — вотъ что повторяется при имени Sapientiae въ кругу любящихъ его. — Разувьрь ихъ! Пользуюсь симъ случаемъ, чрезъ Льва Пушкина, которой ѣдетъ съ тѣмъ, чтобъ какъ можно быть впереди — вѣрно будетъ вѣрнѣйшимъ вручителемъ при моемъ мараніи прилагаемыхъ двухъ писемъ тебѣ...

«Найдешь-ли тамъ тѣхъ, кого я видалъ — Шевича въ день отравленія изъ Пб. Бримера артиллериста на водахъ — Ермолаева (зачеркнуто) и наконецъ будетъ Мишель ³⁾ — скажи ему, что хотя все по старому въ домѣ, но видимо отецъ *участнѣе*, Jeannot хотя недалеко въ Шлис., но его лишены видать, а утѣшены чрезъ старика Коменд. извѣстіями о его здоровьѣ.

«Перо валится изъ рукъ отъ несносной тоски — писать. Братъ пошелъ на зиму со 2-ю легкою въ Пелу. — Произвели ниже его многихъ за отличіе, — и

¹⁾ Объ этой же неудобочитаемости писемъ Малиновскаго мы находимъ нѣсколько словъ въ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ 22 июня 1837 года: «Ивану Васильевичу, — пишетъ Яковлевъ, — дай Богъ здоровье за его хлопоты и какъ предводителя и какъ помѣщика! Я виноватъ передъ нимъ. Писалъ онъ ко мнѣ года полтора тому назадъ, вскорѣ послѣ 19 или даже прежде 19 октября 1836, писалъ и мечталъ и такъ записался, что я не совсѣмъ разобралъ письмо. Собирался отвѣчать, однако жъ отлагалъ и до сихъ поръ остался въ бездѣйствіи, а ужъ теперь и совѣстно стало. Лишь бы свидѣться, тотчасъ помиримся. Онъ закричитъ, забранитъ, я представлю Индѣйскаго пѣтуха — и мировая сдѣлана».

²⁾ К. Я. Гротъ: Изъ Лицейской Старины. «Историч. Вѣстн.» 1905 г., т. 101 августъ, стр. 437.

³⁾ Это — Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, а «Jeannot» — лицейская кличка Ивана Ивановича Пущина.

онъ неравнодушенъ, что ни вины, ни спасибо не сказали за его 7 мѣсячн. арестъ. Твоего брата отыскивалъ, и не находилъ, — встрѣтился, взялъ слово съ нимъ увидѣтся и больше недѣли все ожидаю.—Онъ представленъ, послѣ смотра Бистрома Карла и на дняхъ въ приказахъ.—Писавши я не по почтѣ все какъ то странно; и съ намѣреніемъ не могъ бы сдѣлать тебѣ, очищенному отъ несправедливыхъ подозрѣній никакого вреда ¹⁾ и себѣ далекаго отъ подозрѣній; все же сказавши наши Лицейскіе не могу быть спокоенъ, хотя все, вѣрой и правдой служа по своимъ департаментамъ и ротамъ, живы, здоровы, иногда выдаемъ, утѣшаемъ воспоминаніями и надеждою... Андрюша ничѣмъ не надѣется избавиться отъ гнетущаго его подозрѣнія, какъ всегдашнюю усердную службою—о переходѣ куда или новомъ направленіи службы никакого нѣтъ средства!..

«Примеръ вѣрно поинтересуется знать о моихъ сердечныхъ обстоятельствахъ. Скажи ему, что все сердце отдано на состраданіе сестры, ея малютки—мужа—(Sic!) и на утѣшеніе почтенной тетиньки. Послѣ этого проси и его забыть о моихъ романческихъ разказахъ, что можетъ быть онъ исполнилъ до моей прозбы—послѣ впечатлѣній, кои встрѣтилъ со дня разлуки нашей.—А ему какъ достойнѣйшему Ёстонскому рыцарю, отъ сердца съ тобою вмѣстѣ—желаю успѣха.—Газета напоминаетъ публикѣ о вашихъ подвигахъ: «*да они за Араксомъ уже!*» чего стоило ни слова; но будьте довольны и тѣмъ, что при появленіи отбитыхъ вами знаменъ въ столицѣ вспомнили, что рускіе гдѣ-то далеко воюютъ съ Персами. Вотъ каковы современники; чего же ждать отъ потомства!—Вѣрно забудетъ и о томъ, что славной на поприщѣ разврата отставной N былъ нынѣшнее лѣто на горячихъ; но у него въ свѣжей памяти тяжкихъ походовъ рассказы Бримера—и я утѣшаюсь тѣмъ, что достойнѣйшая Sapientia на хребтѣ снѣжномъ, въ знойныхъ степяхъ найдеть людей, съ кѣмъ отвести сердце.—Пожми ему отъ меня руку.—Да возьмите въ руки Левушку, утѣшите отчаеннаго отца—..... и..... разуверьте, что не одно Кахетинское вино составляетъ прелесть вашихъ грозныхъ странъ.—Хотѣлъ бы видѣть тебя какъ ты дѣйствуешь со всегда невольню выражающеюся на лицѣ твоемъ филантропіею. Конецъ педанству, уступаю перо Фрицу.

P. S.: «У Пушина въ письмѣ 50 р.—Лошадь твоя еще не продана.—Пиши, что надо для тебя дѣлать, сдѣлать, переслать». (NB. Подписи Малиновскаго нѣтъ, а дальше идетъ приписка другой руки).

«Если вы разберете письмо M—го, то узнаете à peu près что мы здѣсь дѣлаемъ; но о васъ, любезнѣйшій Вольховскій, ни духу, ни слуху; это насъ тѣмъ болѣе беспокоитъ, что по всеѣмъ нашимъ расчетамъ мы уже давно могли имѣть отъ васъ извѣстія.—Вы же въ странѣ далекой, дикой и противъ непріятели весьма отважнаго,—какъ намъ о васъ не заботиться? Пишите, пишите поскорѣе.—Брата вашего

¹⁾ Намекъ на арестъ Вольховскаго по поводу заговора декабристовъ.

и съ разлуки съ вами только одинъ разъ видѣлъ, но впрочемъ знаю, что онъ здоровъ.— При первой встрѣчѣ заставлю его къ вамъ писать и при удобномъ случаѣ доставлю къ вамъ его письмо, и нѣсколько болѣе строчекъ отъ меня, чѣмъ я сегодня успѣлъ къ вамъ написать.—Будьте здоровы и счастливы.

«Отъ всего сердца вашъ Стевенъ (неясно).

P. S.: «По требованію симъ свидѣтельствую, что Малиновскій достойный вашъ наслѣдникъ комнаты.—Кавказъ вылѣчилъ его въ корень; онъ обѣщается и впередъ не грѣшить».

Продолженіемъ этого письма служатъ письма Малиновскаго отъ 10 и 13 января 1827 г. и отъ 5 марта того же года, когда Малиновскій уже пріѣхалъ къ себѣ въ имѣніе. Въ этихъ письмахъ мы находимъ нѣкоторыя подробности о Розенѣ, Пущинѣ, Левѣ Пушкинѣ и разныхъ знакомыхъ и товарищахъ Малиновскаго. Въ нихъ же отражаются тѣ душевныя тревоженія, которыя переживалъ Малиновскій вслѣдствіе судьбы своей сестры—Розенъ и своего зятя. Поэтому намъ думается, что эти письма могутъ представить интересъ для читателей, которые ознакомятся съ личностью Малиновскаго не по разсказамъ, а по собственноручнымъ его письмамъ. Вотъ что писалъ Малиновскій въ письмѣ отъ 10 января 1827 г.:

«Вотъ какъ все переѣнилось съ 14 ноября—теперь 1827 г. января 10—и меня мои же (?) отсылаютъ въ деревню, но съ надеждою, что не лишень средствъ служить семейству.—Неужели предписано мнѣ тѣмъ и ограничить кругъ дѣйствія!—еслибъ братъ былъ счастливѣе въ службѣ, я бы смирился въ должности засѣдателя или совѣтника; но съ нимъ все по старому.—Благодарю тебя за его память въ письмѣ къ Дельвигу; у него все ладно; Левъ Пушкинъ до сихъ поръ не уѣхалъ еще, но съ Оперманомъ кажется отправится.—Яковлевъ пишетъ тебѣ біографію каждаго изъ насъ. — Досадно мнѣ, что брата твоего даже не встрѣчалъ съ тѣхъ поръ; онъ былъ съ батальономъ въ деревнѣ — пришелъ къ 6 с. м. на парадъ, за стужею отказавъ, до 15^о мороза съ недѣлю. Кавалерію осматрѣлъ Государь, а пѣхота ожидаетъ. Надѣясь на это обстоятельство не унываю залучить брата твоего и посажу писать; чрезъ Музовскаго сына знаю, что онъ здоровъ и служить счастливо.—Лошадь твоя еще не продана. — И совѣстно сообщать тебѣ какъ бы о собственныхъ неисправностяхъ, но право какой то непонятной эгоизмъ или лучше сказать столбнякъ отъ грусти.—Съ кѣмъ участь рѣшена, о тѣхъ полная дань сожалѣнія, хотя и лютейшаго, но за симъ надежда; а кого еще испытуетъ несчастіе—нѣтъ силъ переносить.—Нельзя ли какъ нибудь вытребовать Андриуша къ вамъ къ кому, при комъ самъ знаешь.—А онъ не только согласенъ, счастливъ будетъ хотя съ переходомъ въ другой полкъ—сегодня о томъ съ нимъ толковалъ, напиши ему твой совѣтъ и скажи какъ дѣйствовать ты думалъ бы. Розенъ братъ изъ кадетъ также думаетъ къ вамъ въ Нижегород.

Драгунс. — Только почти несбыточнымъ считаю, ибо затрудняются въ переводѣ къ вамъ хотя нашлись бы охотники.— Скажи Бримеру мой усердной поклонъ— каково онъ дѣйствуетъ? и что его здоровье? На этой недѣли можетъ быть уѣду, а на той страницѣ напишу тебѣ про брата Константина завтра».

«13 Генваря. Сю минуту отъ Егора Антон.—Совринька ¹⁾ былъ также и общалъ прислать письмо. Брата видѣлъ,—здоровъ и прилагаю отъ него письмо. Сколько умѣлъ и успѣлъ распросить про службу его,—хорошо. Изъ людей съ кѣмъ обращается про знакомыхъ мнѣ далъ ему понятіе, какъ они на мои глаза.— Стевену мѣсто оставляю, а у меня куплена кибитка—ѣду; пиши отвѣтъ въ г. Изюмъ».

Далѣе слѣдуетъ приписка Стевена о разныхъ дѣловыхъ и денежныхъ расчетахъ съ Вольховскимъ, не интересныхъ въ данномъ случаѣ.

Письмо Малиновскаго къ В. Д. Вольховскому отъ 5 марта 1827 г.:

«Марта 5—1827. С. Каменка. — На канунѣ отъѣзда моего изъ Питера получилъ твое письмо, добрѣйшій Вольховской.—Ты хлопчешь о томъ, чтобъ я не взбѣдился на сосѣдную войну—нѣтъ au bon Mol... (NB. не разобрать), т. е. дураку назначено вѣрно судьбою кончить вѣкъ свой на винокуркѣ или въ свиномъ хлеву... Иванъ не знаю гдѣ,—посланное мною чрезъ Ан. Ив. чугунное распятіе къ нему дошло, здѣсь уже о томъ знаю. — Письмо это получишь чрезъ маіора Серпуховскаго Уланскаго полка (Антонъ Иванов. Цехановичъ), онъ прожилъ у меня сутки за грязью.

«Я писалъ изъ Питера къ тебѣ столько, что и надоѣлъ можетъ быть,—но надо было замѣнить (?) время проводимое съ Иваномъ достойно (?). Наконецъ въ Фрицѣ нашелъ много отрады — теперь ничего не знаю подобнаго или на конѣ или со счетами въ рукахъ — стараюсь елико ума и возможности есть непрочитаться — на щетъ человѣчества. — А если строгъ, то всегда начинаю съ себя — и никакъ не сомнѣваюсь въ успѣхѣ—доказать, что мое пребываніе не послужило бы имъ, крестьянамъ во вредъ.

«Не знаю, такъ имъ говорю, гдѣ Богъ привелъ доживать. — Жениться и хочется и чешится, да разсудокъ не велить.—Да что тебя занимать дрязгами, ты у подножія Марсова престола;—скажи если можно, что нибудь собственно для меня въ г. Изюмъ Харьковской или Слобод. Украин. Губерн. У меня нѣтъ охоты писать никому какъ же (?) иначе писать какъ не говорить (?), а сказать развѣ одно поклонись Мишелю, — Бримеру, — и Мореншильдъ ²⁾ Финляндскаго полка, родичу чрезъ Розена, ѣдущему для обученія вашего Корпуса военно-мирнымъ эволюціямъ,—не оставь его, онъ молодъ.

¹⁾ Вѣроятно, Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ.

²⁾ Племянникъ декабриста Розена.

«Увы какъ тяжело житьъ всёгда въ подобныхъ обстоятельствахъ,—ни надеждъ, ни утрады (Sic!)—скука, скука—тоска и больше ничего,—я тебѣ это повторяю какъ въ свободную минуту, а то въ дѣятельности какъ маятникъ.— На всегда тебѣ вѣрный И. Малиновскій.

«Коновницу (Sic!) если нужно можешь сказать, что я его сестру замужнюю встрѣтилъ предъ отъѣздомъ изъ Питера, похожа на здоровую... Прости мой другъ,—будь здоровъ,—будь всегда Суворочкой. Безъ толку написалъ, да спѣшу и глазъ болить».

На оборотѣ еще приписано: «Картузъ табаку если доведется, отдай или Бримеру (онъ доброй малой) или самъ знаешь, съ кѣмъ разкуришь».

По выходѣ въ отставку Иванъ Васильевичъ переѣхалъ въ свое родовое имѣніе Каменку, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда, при селѣ Стратилатовкѣ, куда прибылъ и началъ свою дѣятельность 10 мая 1825 г. ¹⁾ Здѣсь слишкомъ 40 лѣтъ своей жизни онъ отдалъ на служеніе дворянству и крестьянскому обездоленному люду своего уѣзда.

Свое житіе въ родовомъ имѣніи и хлопоты свои по хозяйству и службѣ по дворянскимъ выборамъ Малиновскій описываетъ въ письмахъ своихъ къ В. Д. Вольховскому, но всё эти хлопоты не мѣшали ему интересоваться войною на Кавказѣ, судьбою Вольховскаго и другихъ знакомыхъ и товарищей. Такъ, въ письмѣ отъ 24 сентября 1827 г. изъ с. Каменки, «близъ г. Изюма», онъ пишетъ Вольховскому:

«Можешь вообразить съ какимъ удовольствіемъ пожралъ строки твои, гдѣ ты упоминаешь, что здоровъ и невредимъ среди страны знойной, окруженной опасностями; и ты съ Мишелемъ—ахъ друзья горька участь тѣхъ, коихъ любезные сердцу страдаютъ. Ничего и ничего Анна Ивановна и сестра А. В. ²⁾ повторяютъ въ каждомъ письмѣ. — А ваши побѣды—послѣдняя Абасъ-Абада возвѣшены (Sic!) и намъ газетою.—Егоръ Антоновичъ недавно писалъ здоровъ но все по старому. Мишка ³⁾ писалъ о наградахъ нашимъ по Комисіи составленія законовъ—отрадно знать, но не смягчаетъ (?) горькой участи.—Но справедливость водворяется пріѣздами ревизоровъ,—бдительность Государя одушевляетъ на щастливѣйшую эпоху.—Такъ тупо перо, что моими вамъ благопожеланіями кончаю. Вашъ И. М.

P. S.: «Бримеру мой поклонъ.—Ожидаю Андрюшу въ отпускъ,—онъ даже хочеть въ отставку обошли 2 раза.—Самъ здѣсь сражаюсь съ безпорядкомъ и налетѣвшую (Sic!) на душу саранчею».

¹⁾ Какъ сообщаетъ его сынъ Антонъ Ивановичъ въ письмахъ къ академику Я. К. Гроту. См. К. Я. Гротъ: Изъ Лицейской старины. «Историч. Вѣстн.» 1905 г., т. СІ, августъ, стр. 426.

²⁾ Анна Васильевна Розенъ, сестра Малиновскаго.

³⁾ Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ.

Въ письмѣ отъ 1 іюня, безъ обозначенія года, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ 1828 г., мы читаемъ:

«Нѣтъ охоты писать къ тебѣ, любезной Вольховской, на четвертое письмо мое не получаю здѣсь и одного отвѣта, но какже не поздравить тебя съ щастливымъ окончаніемъ войны и лестными наградами. — Пиши мнѣ что нибудь симъ и живу. Наши въ походѣ и братъ писалъ мнѣ изъ Витебска, но здоровье его худо. Саврасовъ и Корниловъ кланялись чрезъ него отставному полковнику. А онъ почти такой же горе хозяинъ, какъ былъ служивымъ, съ тою разницею, что нѣтъ благоговенія Вожьяго на мои труды, а семья большая на рукахъ— всю деревню кормилъ хлѣбомъ зиму,—а скотъ соломой.

«А теперь у насъ неприятель горькой—саранча! Повѣришь ли, что служба отдохъ, или въ ней можно забыть, что живешь на щетъ другихъ!

«Не знаю про что начать порядкомъ—скажи прежде всего про Мишеля—офицеръ—у меня перо прыгало отъ радости когда поздравлялъ сестеръ его, съ Дельвигомъ встрѣтился въ Харьковѣ, онъ пріѣхалъ для слѣдствія надъ Провіантскимъ чиновникомъ ¹⁾, а я депутатомъ для разкладки Земскихъ повинностей.— Не знаю такъ ли онъ будетъ доволенъ своимъ назначеніемъ какъ мнѣ было лестно мое на первомъ шагу службы по выбору узнать всю важность оной и могущую произойдти пользу отъ дворянскаго усердія къ Государственнымъ и собственнымъ выгодамъ. Хотя подъ руководствомъ единственнаго, примѣрнаго Предводит. Губ. нашего нечего было ломать головы, но как... лода (?) и моего есть.—Мы поднесли адресъ Губернатору, а вицъ Губ. Паскевичу Степанъ Ѳеодоровичъ (?). А губерн. Грибовской, что въ Комитетѣ раненыхъ былъ секретаремъ такой J..... (?). О щастливомъ окончаніи кампаніи слышалъ г. Котляревскаго—и онъ видѣвшись съ Красовскимъ—сказывалъ, что везетъ Тамерлана саблю, а на пожалованные 100/т. ищетъ купить имѣніе.—Скажи мнѣ, что Бримернъ (?) артилеристъ встрѣчался ли тебѣ?—Коновницыну не знаю помнитъ ли обо мнѣ, скажи, что какъ сестра Ан. Вас. признательна Его матушкѣ.—У насъ дома все по старому съ тѣми же воздыханіями, кромѣ малютки Евгенія, которой отводитъ временемъ отъ сердца грусть.—А я здѣсь одинъ и признаюсь, что хотѣлъ бы посвататься съ саблюю; но покинуть немногославное, но многотрудное поприще не рѣшаюсь;—видѣлъ людей, которые начинали оставлять обыкновение наживаться воровствомъ—отлучился въ Питеръ на ¹/₂ года и снова все по старому, но годъ моего хозяйства—иногда даетъ мнѣ въ пожинѣ (?) сердечное утѣшеніе.—Желаю тебѣ по твоимъ добродѣтелямъ Sapientia щастія, пріѣзжай женись, да селись гдѣ нибудь въ сосѣдствѣ—ты заслужилъ отдохъ, а я бы пошелъ заслуживать щастіе, что былъ въ Лицеѣ.—

¹⁾ См. ст. В. П. Гаевского о Дельвигѣ въ «Современникѣ» 1853 г., № 5, май, стр. 21 (критика).

Поклонись кругомъ веѣмъ знакомымъ Мореншильдѣ кавалеру Анны — скажи, чтобы слалъ мнѣ шапку мою— Артиллеристъ Розенъ изъ Сумъ пошелъ въ походъ и мы съ нимъ видѣлись.—Е(горъ) А(нтоновичъ) писалъ сегодня—Пушкинъ говорили будто бы поѣхалъ воспѣвать славу на Дунаѣ — а мы оремъ, сѣемъ, да жнемъ,—но худо жить безъ надежды. Твой И. М.».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 16 іюля, безъ обозначенія года, но, должно быть, отъ 1829 г., изъ Харькова, Малиновскій сообщаетъ свѣдѣнія о своей дѣятельности по слѣдствію въ кочевьѣ по порученію ревизора сенатора Горголія, а также о своихъ первыхъ шагахъ въ должности уѣзднаго предводителя:

«Письмо это получишь ты, Суворочка, чрезъ Каверина, мы съ нимъ встрѣтились въ Харьковѣ и онъ вѣрно передастъ болѣе словесно нежели умѣю сказать тебѣ письменно.—Кромѣ того, что съ завтнешняго дня пускаюсь, изъ карьеры слѣдователя по испорученію здѣсь находящагося ревизора Горголія—въ должности Предводителя и съ такого порученія почитаю, что не каждому въ свой куретъ достанется. Да и не желаю потому что безъ помощи Божіей трудно кому бъ то ни было успѣть. Сегодня побѣда ваша въ разбитіи 50 т. арміи при Мелодьоза (?) въ городѣ циркулируетъ. — Воображаю содѣйствіе скотовъ братцевъ¹⁾. Мишель ничего не пишетъ и ничего не говоритъ?—пріѣзжайте къ намъ оба, всѣ честные служивые отдохнуть послѣ побѣдъ вашихъ въ Каменку въ отпускъ.—Ты найдешь знакомыхъ тебѣ, о которыхъ спасибо тебѣ такъ внимательно въ каждомъ письмѣ вспоминаешь,—и они тебя всѣ помнятъ—если хочешь малютку розенчика выучу Sapientia. А я ихъ всѣхъ ожидаю,—въ семь мѣсяцъ.—Повѣрь мнѣ, что твоей участи завидовать должно въ отставкѣ, отъ лихорадки вѣрно грѣлся бы кахетинскимъ или кумысомъ, гогель-могель съ жеребачимъ (?) яйцомъ бы здѣлалъ потому что самъ нонче женскаго пола не употребляю;—а здѣсь подколодной сутяжнической Макеавелизмъ. Я былъ на кочевьѣ слѣдователемъ по назначенію Сенатора ревизора Горголія—для разысканія злоупотребленія—и какъ знаешь нашу козачью натуру тѣломъ и душою предался—открылъ доказалъ *a priori et a posteriore*, онъ уѣдетъ и я въ награду съ другими ожидаю на орѣхи.—Въ Мартѣ на 13 дней былъ въ Питерѣ хлопоталъ о братѣ—онъ хвораетъ или правда поправляется хворалъ—и съ 28 дневнымъ отпускомъ проживаетъ при 3-хъ о болезни его свидѣтельствахъ 8-ой мѣсяцъ, спитъ, а то бы написалъ.—Но Богъ милостивъ постав... (?) его на ноги.—За себя на славу вѣры, Царя и Отечества.—Твой братъ теперь съ тобою знаю чрезъ Каверина—да не отклонится отъ тебя.—Андрея мнѣ жаль, жаль,—что его золотая 1-ая медаль, что его способности едва

¹⁾ «Скотообратцами» называли себя первокурсники въ шутку въ воспоминаніе одной каррикатуры въ ихъ рукописныхъ журналахъ, гдѣ они изображены въ видѣ животныхъ. Но о какомъ содѣйствіи «скотообратцевъ» говоритъ Малиновскій—не понято.

не похоронилъ его 3 недѣли безъ слова лежалъ—въ нервической горячкѣ и воспаленіемъ въ мозгу.—Финляндской оф. Нумерсъ—пусть вспомнитъ меня твоимъ участіемъ.—Написалъ и скажу тебѣ, что давно не было подъ перомъ такого стила.—Нашихъ въ Питерѣ видѣлъ 7.

«Прости, мой другъ, Богъ съ тобою, живи и слався, а Лицейская душа возрадуется. —Твой весь и совѣтъ И. Малиновскій».

Мы имѣемъ еще нѣсколько писемъ Малиновскаго къ Вольховскому изъ с. Каменки. Въ этихъ письмахъ Малиновскій проситъ Вольховскаго заѣхать къ нему въ Каменку; если бы эта поѣздка не состоялась, то онъ проектируетъ самъ побывать въ Воронежѣ, куда Вольховскій пріѣзжалъ, какъ мы знаемъ, повидаться съ отцомъ и ожидать рѣшенія своей участи по поводу оставленія имъ Кавказа. Какъ видно изъ писемъ, Вольховскій не могъ попасть въ Каменку, а Малиновскій не попалъ въ Воронежъ вслѣдствіе разлива рѣкъ. Помимо этого, письма Малиновскаго интересны еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ разбросаны мелкія подробности о его житіи въ деревнѣ, о его дѣятельности, какъ уѣзднаго предводителя дворянства и, наконецъ, въ нихъ находятся свѣдѣнія о судьбѣ его сестры—баронессы Розентъ п тѣхъ треволненіяхъ, которыя испытывало все семейство по поводу несчастія Анны Васильевны.

Въ письмѣ отъ 22 января 1830 г. (по нашему предположенію) онъ пишетъ: «Любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ! Суворочка и Sapientia! Еслибъ ты не отгадалъ, что Малиновской тотъ же Лицейской козакъ, то вѣрно не родилась бы у тебя щастливая мысль своротить на г. Изюмъ въ Село Каменку 7 верстъ по большой дорогѣ.—Мы все кромѣ Дяди и брата Осипа въ деревнѣ и ты будешь первымъ Лицейскимъ гостемъ, какъ я радъ буду принять тебя для того, чтобы отдать откровенной отчетъ моихъ дѣяній Sapientiae.

«Твое письмо доставлено было ко мнѣ съ фольянтною почтою блеснуль твоей почеркъ и я отъ радости, что ты бывши въ отпуску не проѣдешь меня, о чемъ уже зналъ чрезъ проѣзжихъ съ Кавказа, поцѣловаль ручку моей дамы въ кадрили-французѣ.—Пріѣзжай! 3 длинныхъ недѣли до половины феврала постараюсь сократить исполненіемъ возложенныхъ на меня порученій—буду дома или въ Изюмѣ спрости Предводительской дворець и ты найдешь съ тѣми же живыми чувствами, но при весьма крутыхъ, отъ усердія къ исполненію должности, обстоятельствахъ отъ души тебѣ преданнаго И. Малиновскаго.

«Ты ничего не пишешь, у кого ты въ Воронежѣ у кого изъ родныхъ и съ братомъ ли Гренадеромъ? До приѣзда скажи еще слово—жить съ надеждою утѣшно, но ожиданіе томительно—Приѣзжай скорѣ».

Въ письмѣ отъ 1 марта 1830 г. онъ пишетъ ¹⁾:

¹⁾ Помѣта: «Отвѣт. 11-го марта».

«Второе письмо твое, любезнѣйшій Вольховской, получилъ и виноватъ, что послѣднюю почту не успѣлъ отвѣтить; но за то сегодня же въ доказательство, что если твои обстоятельства не допускаютъ тебя приѣхать прежде 2 мѣвъ, то если получу недѣли на двѣ отпуска приѣду къ тебѣ,—безъ отлагательства,—И какъ боюсь, чтобы не упустить почту—ради сего позволенія—то за снѣмъ и прости. Твой И. Малиновскій».

P. S.: «На всякой случай пиши, ибо позволеніе придетъ съ отвѣтомъ твоимъ—и скажи будешь ли ты въ Воронежѣ? Очень, очень желаю тебя видѣть.

«Вообрази, Анна Васильевна ѣдетъ непременно къ мужу, а дитя остается!»¹⁾

Въ письмѣ отъ 22 марта 1830 г., изъ Изюма, мы читаемъ:

«Послѣднее письмо твое вознаградило меня за 180 верстъ путешествія и замѣнило свиданіе съ тобою;—рѣпки воротили меня.—Еслибъ не по обязанности службы опасался, чтобы не засѣсть въ Воронежѣ, то я бы воды не побоялся.—Итакъ увидится (Sic!) должно намъ, но когда и гдѣ не знаю,—до совершеннаго возстановленія сообщенія.

«Если ты сверхъ обязанности неоставлять Батюшку еще рапортуешься больнымъ, то стало быть тебѣ нельзя и отъѣхать;—а что ты не ворочаешься на Кавказъ я радъ,—ибо видѣлъ проѣздомъ чрезъ Харьковъ Нумерса и онъ пояснилъ мнѣ твои обстоятельства—но душевно желалъ бы тебя самого видѣть, слышать и даже осязать бакины.

«Ты сдѣлаешь христіанское дѣло для брата Андрея твоимъ приѣздомъ; обстоятельства заѣли молодца,—и физика и психа все страдаетъ въ немъ, нельзя ли разговѣвшись прикатить ты поемѣешься, если скажу, что тебѣ легче—служба по выборамъ дворянъ хуже службы (присяжной) или по собственному выбору,—дьявольская отвѣтственность и бездна порученій.—Всѣмъ домою благодаримъ тебя за память твою—и я Твой навсегда И. Малиновскій».

P. S.: «А у насъ все не по людски (:) поднимаются обыкновенно изъ холодныхъ странъ въ теплыя,—а сестра А. В. отъ тепла къ холоду и путешествіе далѣе не отлагаетъ, какъ до лѣтней дороги.—Ты бы ее засталъ на мѣстѣ и мы бы отправили имъ по спасибу»²⁾.

Наконецъ, въ письмѣ отъ 3 мая 1830 г. мы находимъ нѣкоторыя подробности о сестрѣ Малиновскаго, о которой, впрочемъ, было упомянуто въ біографіи Вольховскаго:

«Знаешь ли что послѣднее письмо твое, любезной Вольховской, еще сильнѣе заставило почувствовать мою неудачу обнять тебя въ Воронежѣ.—Ты былъ всегда

¹⁾ Адресъ: «Его Высокоблагородію Милостивому Государю Владимиру Дмитриевичу Вольховскому. Въ Воронежѣ».

²⁾ Адресъ: «Его Высокоблагородію Милостивому Государю Владимиру Дмитриевичу Вольховскому. Въ г. Воронежѣ. Грузинскаго Корпуса Г-ну Оберъ-Квартирмистру».

христианиномъ, но теперь побѣдоносной, ибо не чуждаешься выражснїя твоихъ правилъ основанныхъ на священномъ писанїи.—Токмо нещастїе и опытъ ежечасно утверждать должны насъ, что кромѣ Бога—ложно спасенїе или надежды.—Этотъ общїй Комендантъ Фельдмаршалъ надъ Фельдмаршалами ничего безъ причины не производитъ—испытанїя черствы, но я выражусь словами одного офицера М., стоявшаго на Лахтѣ за Стар. Деревн. подъ Петерб.—*что горькаго не весь сосудъ!*

«А то что не отвѣчалъ двѣ почты съ ряду на твое истинно дорогое для меня письмо, можешь вообразить, что не даромъ взялъ на себя титулъ предводителя чѣмъ труднѣе тѣмъ болѣе у меня упрямства.—Знаешь ли, что меня утѣшаетъ, что про захавшаго въ глушь Козака могутъ сказать со временемъ наши Першіе (?) и старые Линеяне, служащіе при Министрахъ, что мы того не ожидали. И тогда скажу самъ себѣ исполать те.—А то здѣсь въ пять лѣтъ нашель очень мало людей, съ искреннымъ участїемъ; на щеть чего 30 лѣтнее северное мое поприще такъ сильно избаловало.—Радъ душевно, что ты вырвался изъ душнаго юга.—Пиши подробно гдѣ ты будешь?..

«Ты былъ щастливъ, что послѣ многихъ лѣтъ встрѣтилъ вмѣстѣ съ родными день праздника; а мы въ нашемъ горе боялись встрѣтися взорами. Зайди взглянуть въ Москвѣ, въ домѣ Сенатора Малиновскаго скажутъ, когда будутъ и гдѣ остановились? всѣ кромѣ брата и меня, ѣдутъ провожать Анну Вас. къ мужу до Москвы.—Взгляни и разгадай чѣмъ можно еще уменьшить всю горечь горя!—

«Пиши адресъ—я съ тобою потворяю (вѣроятно: повторяю?) языкъ братства, не оставлю безъ отвѣта. Твой И. Малиновскїй».

Дружеская переписка Малиновскаго съ Вольховскимъ по имѣющимся у насъ письмамъ кончается въ 1831 г., по крайней мѣрѣ въ архивѣ Вольховскаго послѣднее письмо Малиновскаго обозначено 17 іюля 1831 г., изъ Изюма, и адресовано въ дѣйствующую армію противъ польскихъ мятежниковъ. Вотъ что Малиновскїй писалъ:

«Долго надумывалъ о твоемъ адресѣ и наконецъ пускаю письмо—въ главную квартиру на имя Его Превосходительства Суворочки.—Будь здоровъ—прежде живъ—а мы сами не безъ войны—холера. Братъ въ Крыму на морскихъ ваннахъ; а мой еще до холеры Петербургск. поднимались въ Каменку.—Здѣсь труднѣе служить нежели въ арміи—и желалъ бы, чтобъ ты приѣхалъ повѣрить мой дѣла.—Много бѣдъ вдругъ, но Великъ Богъ Русскихъ—Спаси Царя и народъ православной. Твой И. Малиновскїй.

P. S.: «День почты и прости рапсодію» ¹⁾.

¹⁾ Адресъ: «Его Превосходительству Милостивому Государю Владимиру Дмитриевичу Вольховскому. Въ Главную Квартиру дѣйствующей Арміи, для доставленїя гдѣ находится. Черезъ Брестъ Литовскїй».

Для характеристики житія Малиновскаго въ деревнѣ мы имѣемъ нѣсколько писемъ его товарищей къ В. Д. Вольховскому.

Одинъ изъ корреспондентовъ Вольховскаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, его товарищъ Стевень, сообщаетъ ему свѣдѣнія о товарищахъ и подробности ихъ житія-бытія. Мы думаемъ, что это Стевень, на основаніи того, что онъ обращается къ Вольховскому на «вы». Эта форма обращенія является характерною въ письмахъ Стевена, между тѣмъ какъ всѣ остальные товарищи обращаются къ нему на «ты». Впрочемъ, письма съ характеристиками товарищей писалъ Вольховскому также и Яковлевъ.

Письмо Стевена отъ конца 1829 г. даетъ намъ слѣдующую характеристику Малиновскаго за это время: «Малиновскій живетъ по прежнему въ деревнѣ; былъ недавно сильно боленъ горячкою, но теперь поправляется. Анна Андрѣвна и сестра его также въ деревнѣ, равно какъ и братъ его Андрей, который во время похода заболѣлъ нервическою горячкою и по нынѣ еще не въ состояніи исправлять свою должность».

Другой корреспондентъ Вольховскаго, Θ. (†) Матюшкинъ, сообщаетъ, съ своей стороны, нѣкоторыя игривыя свѣдѣнія о Малиновскомъ. Такъ, въ письмѣ отъ 12 ноября 1839 г., изъ Севастополя, Матюшкинъ пишетъ Вольховскому: «Ты какъ будто тужишь Владимиръ Дмитріевичъ.—Благодари Бога, что еще съ молодю достигъ спокойной гавани. Не будь какъ я; все въ море, въ море, а Ваше житейское море, хуже нашего, ваши подводные каменья, буря и теченія опаснѣе нашихъ.—Отъ своихъ я посѣделъ, а что ты теперь не знаю. Но потерпѣлся и ты не менѣ моего. Смотри на Ваничку, ему и теперь еще въ голову блажь входитъ: «какая есть въ Каменькѣ юница, дѣвица—если будешь умной, я за тебя (?) постою»,—видно онъ щастливъ въ деревнѣ, въ семействѣ и меня сманиваетъ... Кланяюсь супругамъ вашимъ—твою Ину не видалъ; но Ваничкину держалъ на рукахъ или какъ Иванъ Васильевичъ скажетъ, сподобился держать на рукахъ въ послѣднюю бытность мою въ Каменькѣ. Прощайте, братцы, не жалуйтесь на свою судьбу, есть много нашихъ, которые несчастливѣе васъ и въ томъ числѣ вашъ Матюшкинъ бездомный».

Изъ приведенныхъ выше писемъ товарищей Малиновскаго мы извлекли кой-какія свѣдѣнія о Малиновскомъ. Съ другой стороны мы имѣемъ нѣсколько писемъ И. И. Пуцина изъ Сибири къ Малиновскому.

Эти письма интересны для насъ еще въ томъ отношеніи, что они показываютъ намъ, какъ сильны были товарищескія связи воспитанниковъ 1 курса, что даже въ тундрахъ Сибири Пуцинъ интересуется судьбою своихъ товарищей въ Россіи, интересуется ихъ служебной и жизненной карьерой, семейнымъ ихъ бытомъ и дѣлится съ Малиновскимъ своими воспоминаніями о Лицеѣ. Эти строки мы позволимъ себѣ привести здѣсь. Такъ, въ письмѣ отъ 20 іюня 1838 года, писан-

номъ рукою Юшневской, мы читаемъ слѣдующее: «Въ день воспоминаній лицейскихъ я получилъ письмо твое отъ 8 апрѣля, любезный другъ Малиновскій. Ты вѣрно не забылъ 9 іюня и, глядя на чугунное кольцо, которому минуло 21 годъ, мысленно соединился со всѣми товарищами, друзьями нашей юности. Теперь мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ повторить слова Дельвига, который тогда намъ провѣщалъ: *Судьба на вѣчную разлуку, быть можетъ, породнила насъ.* Увѣренность въ дружбѣ неизмѣнной смягчаетъ горечь непреложнаго исполненія этого пророчества. Мы разны и между тѣмъ вмѣстѣ; взаимность чувствъ не знаетъ разлуки. Побесѣдовалъ я мысленно съ прежними однокашниками, почтилъ благодарностью тѣхъ, которые попеченіями услаждали первые годы нашей жизни, и въ душѣ пожелалъ вамъ и имъ всѣхъ радостныхъ ощущеній. Съ грустью посѣтилъ, гдѣ покоится прахъ людей, намъ близкихъ и невозвратимыхъ. Ты меня пзвинишь, любезный другъ, что я, можетъ быть, невольнымъ образомъ передаю тебѣ мрачность моихъ мыслей. Самыя пріятныя впечатлѣнія въ воспоминаніи имѣютъ этотъ отпечатокъ. И кто жъ меня пойметъ, если не ты, добрый Иванъ? Прошу тебя на досугѣ поговорить мнѣ побольше и поподробнѣе о нашихъ чугунникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ для меня совершенно исчезли, а все хочется знать. Года два тому назадъ почтенный Егоръ Антоновичъ писалъ мнѣ обо всѣхъ *по алфавитному списку*, съ тѣхъ поръ уже много перемѣнъ. Изрѣдка утѣшаетъ меня старыи нашъ директоръ необыкновенно милыми письмами. Отъ искренняго сердца ему спасибо. Хлопоты домашнія и занятія не мѣшаютъ ему радовать меня; надобно быть здѣсь, чтобы вполне оцѣнить дружеское вниманіе, за которое истинно не умѣю быть довольно благодарнымъ...» ¹⁾

Письма эти завлекли насъ немного далеко, и мы опередили событія. Вернемся же назадъ.

По выбору дворянства, въ 1832 году, 1-го генваря, Малиновскій поступилъ въ должность Предводителя Дворянства Изюмскаго уѣзда ²⁾.

Во время прохожденія сей должности, въ воздаяніе усердія и трудовъ по прекращенію «болѣзни холеры» въ 1830 и 1831 годахъ ³⁾, Всемилостивѣйше пожалованъ, въ 6-ой день іюня 1831 года, кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-ой степени.

¹⁾ К. Я. Гротъ: Изъ лицейской старины. «Историч. Вѣстн.» 1905 г., т. 101. августъ, стр. 436—437.

²⁾ Въ приводимыхъ нами здѣсь свѣдѣніяхъ о службѣ П. В. Малиновскаго мы пользуемся формулярнымъ спискомъ Малиновскаго, выданнымъ (по 1849 г.) Харьковскимъ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ, за подписью Губернскаго Предводителя Дворянства Графа Капниста.

³⁾ Это кажущееся противорѣчіе формулярнаго списка Малиновскаго устраняется, если предположить, что онъ раньше того былъ исполняющимъ обязанности Предводителя Дворянства.

Вторично избранъ въ должность Предводителя Дворянства Изюмскаго уѣзда на трехлѣтіе съ 1-го января 1835 года по 1-ое января 1838 года.

Находясь въ этой должности, удостоенъ, въ 16-ый день января 1837 года, Монаршей благодарности за чувство вѣрноподданническаго усердія, засвидѣтельствовавшаго угощеніемъ въ день восшествія Его Императорскаго Величества на престолъ—20 ноября 1836 года, въ своемъ домѣ, всѣхъ принятыхъ на службу рекрутъ общаго набора 1836 года во 2 рекрутскомъ присутствіи, учрежденномъ въ г. Изюмъ подъ его предсѣдательствомъ.

Въ 26 день іюля 1837 года былъ избранъ отъ губерніи депутатомъ въ столичный городъ Москву повергнуть къ стопамъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы вѣрноподданническую просьбу осчастливить Высочайшимъ Ея Величества присутствіемъ изготовляемый дворянствомъ въ г. Харьковѣ балъ, вслѣдствіе чего объявлено Монаршее Ея Императорскаго Величества благоволеніе дворянству черезъ сію же депутацію, а по осчастливленію Ея Величествомъ дворянскаго бала, за отличное устройство онаго, при отъѣздѣ изъ г. Харькова, объявлено дворянству, въ томъ числѣ и ему (Малиновскому), Монаршее благоволеніе.

Въ 12 день августа 1837 года Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Николаевичъ во время пребыванія своего въ г. Харьковѣ, осчастлививъ того числа Высочайшимъ присутствіемъ балъ дворянства Харьковской губерніи, соизволилъ объявить личную благодарность за оный всему дворянству губерніи, въ томъ числѣ и Малиновскій удостоенъ такового (?).

29 сентября 1837 года дворянство Изюмскаго уѣзда, въ общемъ собраніи для выборовъ въ губернскомъ городѣ Харьковѣ, приговоромъ, единогласно принятымъ посредствомъ баллотированія и подписаннымъ какъ губернскимъ, такъ и уѣздными предводителями дворянства, въ залѣ собранія, изъявило Малиновскому пестинную признательность и сердечную благодарность за всѣ дѣйствія и труды, которые всегда съ примѣрнымъ самоотверженіемъ и съ благороднѣйшею цѣлью для пользы общей, въ теченіе двухъ трехлѣтій въ должности уѣзднаго предводителя дворянства, дѣятельно выполняемы были.

По выбору дворянства поступилъ посредникомъ по спеціальному размежеванію черезполосныхъ земель въ 1-мъ участкѣ Изюмскаго уѣзда—1840 года, 18 декабря.

Отъ оной должности уволенъ 1843 года, 3 сентября.

Вновь избранъ въ должность предводителя дворянства Изюмскаго уѣзда на трехлѣтіе—1849 года, 2 октября ¹⁾.

¹⁾ См. также «Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго дворянства», Л. Ильяшевича—предводителя дворянства Зміевского уѣзда. Харьковъ. 1885 г. Здѣсь, на стр. 6 (приложенія), указаны только года: 1828, 1834 и 1849—года избранія Малинов-

По окончаніи службѣ Малиновскаго три трехлѣтія Изюмскимъ предводителемъ дворянства ¹⁾, дворянство избрало его на 4-ое трехлѣтіе, но онъ отказался. По этому случаю состоялось благодарственное и очень интересное постановление дворянства, находящееся въ числѣ бумагъ Малиновскаго. Было составлено постановление отъ всѣхъ губернскихъ собраній за подписомъ всѣхъ дворянъ, Губернатора и Генераль-Губернатора, гдѣ было сказано, что такъ какъ Малиновскій не пожелалъ болѣе принять эту должность, несмотря на усильными просьбы дворянъ, то они, пользуясь 123 статью I тома Свода Законовъ правомъ, благороднымъ сословіемъ предоставленнымъ, изъявлять благодарныя свои чувства лицамъ, оправдавшимъ вполнѣ на службѣ довѣріе и надежды дворянъ, ихъ избравшихъ,—единодушно постановили выразить: «Господину Предводителю Изюмскаго уѣзднаго Дворянства Гвардіи Полковнику и Кавалеру Ивану Васильевичу Малиновскому, что онъ, въ званіи Предводителя, былъ постояннымъ точнымъ, строгимъ исполнителемъ законовъ, неусыпнымъ блюстителемъ правды, усерднымъ покровителемъ вдовъ и сиротъ, ревностнымъ ходатаемъ во всѣхъ закономъ дозволенныхъ случаяхъ, благимъ миротворцемъ въ семействахъ и что память этихъ достойнѣйшихъ порывовъ ко благу общему вѣзана въ сердцахъ дворянъ и никогда не можетъ быть изглажена».

Это единодушное постановление дворянства показываетъ намъ, что Малиновскій не только руководствовался въ жизни девизомъ Лицея: «для общей пользы», но и примѣнялъ его на практикѣ, а потому онъ съ честью несъ обязанности предводителя, возложенныя на него дворянствомъ.

Энгельгардтъ ²⁾ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 3-го января 1830 года пишетъ: «Отъ Ивана Малиновскаго сегодня имѣлъ письмо; онъ дворянскій предводитель въ Изюмскомъ уѣздѣ и хлопотъ полонъ ротъ». То же самое въ письмѣ отъ 6-го февраля 1830 года, но съ прибавленіемъ слѣдующихъ характеристи-

скаго въ предв. двор. Изюмск. у. Эти свѣдѣнія также не вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что писалъ самъ Малиновскій въ № 82 «Русскаго Міра» за 1871 г., какъ мы увидимъ ниже.

¹⁾ «Во время служенія въ должности предводителя Малиновскій,—какъ значится въ его формулярѣ, — былъ въ отпуску въ 1835 году съ 1-го мая по 1-ое сентября къ Кавказскимъ Минеральнымъ водамъ для поправленія здоровья и на срокъ явился 1837 года былъ уволенъ съ 31 октября по 15-ое декабря, воспользовавшись отпускомъ съ 5-го ноября, прибылъ 25 и вступилъ въ должность 26 ноября и находился посредникомъ на 4 мѣсяца съ 22 декабря 1842 года и прибылъ на срокъ».

²⁾ Уже въ письмѣ отъ 18 ноября 1829 года онъ сообщаетъ, что Малиновскій избранъ въ предводители дворянства. То же самое сообщаетъ Энгельгардтъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 5 сентября 1829 г., что «Иванъ Малиновскій въ Изюмѣ предводитель дворянства; имъ тамъ очень довольны». Хотя эти даты и не вполнѣ совпадаютъ съ данными его формуляра, но нужно предположить, что Малиновскій раньше, чѣмъ быть утвержденнымъ въ предводительской должности, исполнялъ уже нѣсколько лѣтъ обязанности предводителя дворянства.

ческихъ строкъ: «...и, какъ слышно, очень много тамъ дѣлаетъ добра: у меня на дняхъ былъ мужичекъ тамошній и говорилъ про Ивана Василча; ну душа радуется, какъ онъ тамъ при рекрутшинѣ стоялъ за бѣдныхъ и грызся съ богачами и съ чиновниками, которые за нихъ стояли».

Въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1830 года Энгельгардтъ сообщаетъ: «Малиновскій дворянскимъ предводителемъ въ Изюмскомъ уѣздѣ и, какъ слышно, дѣлаетъ тамъ чудеса; весело слышать, какъ объ немъ отзываются». Въ письмѣ же отъ 22-го генваря 1831 года мы читаемъ: «Малиновскій... всеми любимъ и уважаемъ; онъ особливо при холерѣ оказалъ важныя услуги». Отъ 18 марта 1831 года Энгельгардтъ пишетъ: «Нашъ Иванъ Малиновскій въ качествѣ дворянскаго предводителя особенно отличался своими благоразумными распоряженіями и дѣятельностью во время холеры въ Малороссіи. Онъ, говорятъ, представленъ къ какому то кресту» (т. е. къ ордену Св. Владимира 4-ой степени; о томъ же говорится въ письмахъ отъ 4-го декабря 1831 года и 21 іюля 1832 года).

Въ письмѣ же къ Вольховскому отъ 22 сентября 1832 года Энгельгардтъ пишетъ: «Малиновскій въ званіи предводителя дворянства Изюмскаго выслужилъ себѣ владимирскій крестъ, но — соскучась безуспѣшными хлопотами службы, опять принялся за свое хозяйство».

Михайлъ Лукьяновичъ Яковлевъ, переписывавшійся съ Малиновскимъ, сообщаетъ Пушкину отъ 23 іюля 1831 г.: «Третьяго дня получилъ я письмо отъ Малиновскаго. Онъ, какъ ты знаешь, Изюмской Дворянской Предводитель; хлопочетъ и съ дворянами и съ своими собственными крестьянами. Завтра пишу ему предлинное письмо, потому что онъ требуетъ большихъ подробностей о всѣхъ нашихъ» ¹⁾).

И среди помѣщиковъ того времени Малиновскій является пріятнымъ исключеніемъ: онъ такъ заботился о своемъ крестьянинѣ, что бѣдныхъ въ деревнѣ у него не было, у всякаго былъ скотъ и хата, обсаженная фруктовыми деревьями. Въ деревнѣ была хорошо устроенная больница и школа, поэтому въ Каменгѣ почти все крестьяне были грамотными. Пѣвчіе его церкви славились въ околоткѣ, ихъ приглашали вездѣ; регентъ учился въ Петербургѣ. Поэтому не удивительно, что онъ съ радостью вступилъ въ члены комитета объ освобожденіи крестьянъ, и, такимъ образомъ, ему привелось увидѣть народъ неугнетеннымъ...

«И рабство, падшее по манію Царя...»

Характеристикой взглядовъ Малиновскаго на униженныхъ и оскорбленныхъ можетъ служить письмо его отъ 19 ноября 1872 года (за годъ до своей

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Переписка. Подъ редакціей В. И. Саитова. Спб., 1908 г., т. 2, стр. 288, письмо № 578.

смерти) къ Комовскому, гдѣ онъ оканчиваетъ письмо такъ: «Прости, мой другъ, долженъ кончить: ѣду надавить все пружины къ преодоленію (преоборенію) неправды, хотя въ чужомъ дѣлѣ; эта страсть съ офицерства росла во мнѣ съ годами. Уже поднялъ два дѣла туда—къ вамъ...

«Сейчасъ поручилъ составить списокъ нуждающимся крестьянамъ, а нищихъ у насъ нѣтъ, и раздамъ имъ изъ собираемаго капитала, при отпискѣ имъ отъ каждаго робера въ ералашъ по 4; играемъ по $\frac{1}{4}$ коп.; за карты новыя вычитается, а игранныя долго намъ служатъ. Заведп-ка и ты это: съ міру по ниткѣ, бѣдному рубаха. И больные приняты въ уваженіе, сторонніе не исключаются изъ помощи, а въ особенности переселенцы, жпвуціе на большой дорогѣ...»¹⁾.

Неудивительно поэтому, что память о немъ сохранилась среди жителей Харьковской губерніи и перенеслась, такъ сказать, на его дѣтей. Вотъ что мнѣ пишетъ дочь его, Софія Ивановна Штакеншнейдеръ: «Мнѣ послѣ замужества черезъ 25 лѣтъ пришлось вернуться въ Харьковъ и, благодаря моему сходству съ отцомъ, нѣсколько разъ ко мнѣ въ церкви подходили и спрашивали: «Вы дочь Ивана Васильевича?» и начинались благодарныя воспоминанія. Въ Изюмѣ еще до сихъ поръ дворянскій домъ въ томъ видѣ, какъ отецъ построилъ, и больничная церковь, имъ построенная».

«Могу прибавить еще,—говоритъ она въ другомъ письмѣ,—что отца моего называли въ уѣздѣ «Защитникомъ вдовъ и сиротъ». Онъ былъ глубоко религіозный человекъ, для себя былъ болѣе чѣмъ расчетливъ, но много помогаль нуждающимся. Построилъ великолѣпную церковь въ деревнѣ, а также поставилъ иконостасъ въ Святогорскомъ монастырѣ, въ Успенской пустынѣ».

Вѣрную характеристику Малиновскаго даетъ графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ въ письмѣ къ нему отъ 8 апрѣля 1835 года, гдѣ, между прочимъ, пишетъ: «На прочія твои провинціальныя жалобы отвѣчать ничего не умѣю; вижу только въ нихъ, что нашъ милый энтузіастъ Ванюша все тотъ же, думающій болѣе о другихъ, чѣмъ о себѣ, и стремящійся вездѣ къ лучшему и забывающій поговорку Наполеона: *que le mieux est l'ennemi du bien*»²⁾.

¹⁾ См. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Я. К. Грота. Спб., 1899 года, стр. 286 и 287, а также К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб., 1911 г., письмо И. В. Малиновскаго къ Комовскому (стр. 88—91).

²⁾ Приводимъ это письмо графа Корфа полностью, не ручаясь за орфографію и знаки препинанія, такъ какъ оно получено нами въ копіи. Подлинникъ хранится у Павла Ивановича Малиновскаго:

«Петербургъ. 18 апрѣля 1835 года. Послѣднее письмо твое, любезный другъ Иванъ Васильевичъ, совсемъ меня пристыдило: сыну моему Владиміру третьяго дня минуло 4 мѣсяца, а ты и не знаешь о его существованіи, и не знаешь по моему винѣ, т. е. отъ безконечнаго молчанія, чему впрочемъ при участіи дѣни, главнѣйшею причиною перемѣна моей службъ, а съ нею вмѣстѣ новій, несравненно об-

Другой товарищъ Малиновскаго, князь Горчаковъ, въ письмѣ отъ 23 іюня

пирвѣйшій и важнѣйшій кругъ занятій, новыя люди, новыя хлопоты перваго знакомства съ дѣлами и съ чиновниками. Государь назначилъ меня въ эту должность совѣтъ для меня неожиданно, въ тотъ же вечеръ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и повторю тебѣ что сказалъ Ему: «Государь! Вы поставили меня на такую высоту, что я боюсь чтобы у меня не закружилась голова: не отъ спѣси или само-надѣянности, а отъ недостатка знаній и дарованій». Я не буду говорить тебѣ о Его отвѣтѣ и... тотъ (? вѣроятно — о томъ) что я слышалъ въ этой бесѣдѣ, ибо не съ тѣмъ и началъ эту матерію, а единственно для того чтобы указать тебѣ трудную точку на которую я теперь... ибо сказанное Государю поистинѣ тогда думалъ и теперь думаю: важность и святость моихъ обязанностей меня устрашаютъ. Предшественники мои были люди посѣдѣлые въ дѣлахъ, опытные, знающіе Россію, а я противъ ихъ новичекъ, въ которомъ одни добрыя намѣренія не могутъ замѣнить всего ему недостающаго. Между тѣмъ дѣлаю, что только умѣю и могу по чистой совѣсти и силамъ. Дѣлать добро *частное* въ этой должности менѣе случая, нежели въ моей прежней, но поприще добра *общественнаго* обширно и необъятно. Дай только Богъ умѣнія.

«Возвращаясь къ семейству, скажу тебѣ, что мой новорожденный мальчикъ презрительный, совѣтъ здоровый и веселый. Машурка моя непрестанно имъ занята и вмѣстѣ съ нимъ растетъ. Но жена моя послѣ родовъ выдержала жестокою продолжительную болѣзнь, нарывъ на груди, который хотя и прошелъ, но здоровье сильно пострадало. Это насъ заставляетъ помышлять о поѣздкѣ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Ревель, на что у меня теперь болѣе возможности, ибо Государственный Совѣтъ имѣетъ лѣтомъ каникулы. Маменькино здоровье все постарому, т. е. очень плохо, но и она и мы такъ уже свыклись съ этими постоянными однообразными страданіями, что считаемъ себя счастливыми когда они не принимаютъ другого характера. Прочія всѣ живутъ по старому; счастливица по службѣ брата Николая, который все еще Штабсъ-Капитанъ, украсили къ празднику 3-мъ Станиславомъ: лицейскихъ нашихъ вижу рѣдко, кромѣ Яковлева и Илличевскаго; послѣдній вянетъ очевидно и тѣломъ и духомъ, и ты едва-ли бы его узналъ; недавно и какъ-то на короткѣ (?) сподобился 2 писемъ отъ Вольховскаго, презумительныхъ. если вздумаешь, что они писаны за нѣсколько тысячъ верстъ: представь, въ первомъ онъ поздравляетъ меня въ *шести* строкахъ съ новымъ назначеніемъ, а 2-мъ въ *восьми* строкахъ сообщаетъ просьбу своей сестры, о пенсіи. Ни слова ни о женѣ, ни о себѣ, это или слѣшкомъ утонченная дипломатичность или лѣнь, превосходящая мою, ибо я по крайней мѣрѣ, когда примусь за перо не могу уже кончить. Съ Мечниковымъ видѣлся на праздникахъ и исполнилъ твое порученіе какъ могъ, надѣюсь любезный другъ, что зная мои неизмѣнныя чувства, ты въ шутку только написалъ, что совѣстишься мнѣ сообщать свои просьбы, дай Богъ только силъ, а за стараніемъ и готовностью дѣло не станетъ. О разводѣ (?) Департаментовъ Сената здѣсь и помину нѣтъ и это не дипломатическая увертка съ моей стороны, а сущая истина. Это доказываетъ только что наши новости къ Вамъ немного поздно (доходятъ?) именно объ этомъ думали и писали въ 1811 году; но съ тѣхъ поръ едва-ли кто предлагалъ или помышлялъ. На прочія твои провинціальныя жалобы отвѣчать ничего не умѣю, вижу только въ нихъ, что нашъ милый энтузіастъ Ванюша все тотъ же, думающій болѣе о другихъ, чѣмъ о себѣ, и стремящійся вездѣ къ лучшему и забывающій поговорку Наполеона: *que le mieux est l'ennemi du bien*. Желаю чтобы онъ, т. е. Ванюша, столь же мало измѣнился въ своихъ чувствахъ и къ здѣшнимъ вѣрнымъ друзьямъ и товарищамъ, въ числѣ которыхъ изъ первыхъ по взаимной дружбѣ конечно есмь азъ—Модестъ.

«Цѣлую ручки твоѣя женьушкѣ, жена моя поручаетъ себя ея памяти. Ты не пишешь ни слова о *будущихъ* вашихъ надеждахъ.

«Ты уже знаешь изъ газетъ, что, Государь облачилъ меня къ Свѣтлому празднику Анненскою лентою».

1861 года писать ему, между прочимъ, слѣдующее¹⁾: «На ту службу, на которую ты себя посвятилъ, я смотрю какъ на приносящую самую существенную пользу Государю и отечеству, хотя она менѣ звучитъ. Чѣмъ болѣе умственныхъ силы будутъ развиваться внутри Имперіи, тѣмъ вѣрнѣ Россія наша укрѣпится и разовьется въ благоденствіи. Дай Богъ тебѣ силы и здоровья продолжать. Братская мысль моя будетъ тебѣ всегда сопутствовать».

Наконецъ, мы имѣемъ собственноручное «сиггiculum vitae» Малиновскаго напечатанное имъ въ газетѣ «Русскій Миръ», № 82, за 1871 годъ, по поводу замѣтки, помѣщенной въ этой газетѣ въ № 48 того же года²⁾. Вотъ что напеча-

¹⁾ Приводимъ письмо князя Горчакова также съ копіи (подлинникъ у Павла Ивановича Малиновскаго), интересное еще и потому, что, какъ извѣстно, Горчаковъ рѣдко писалъ собственноручно, а диктовалъ:

«С.-Петербургъ. 23 Іюня 1861 года. Любезный другъ Иванъ Васильевичъ. Сердечно обрадованъ былъ твоимъ письмомъ отъ 4 Іюня и немедленно сообщилъ ходящимся здѣсь лицейстамъ: Матюшкину, Корфу и двумъ Данзасамъ (Борисъ Карловичъ, хотя не того курса, совершенно нашъ по чувствамъ). Какъ ты, и я вѣрнѣ старой дружбѣ и старымъ воспоминаніямъ. Исповѣдь свою ты могъ высказать съ чистымъ сердцемъ и спокойной совѣстью. На ту службу, на которую ты себя посвятилъ, я смотрю какъ на приносящую самую существенную пользу Государю и Отечеству, хотя она менѣ звучитъ. Чѣмъ болѣе умственныхъ силы будутъ развиваться внутри Имперіи, тѣмъ вѣрнѣ Россія наша укрѣпится и разовьется въ благоденствіи. Дай Богъ тебѣ силы и здоровья продолжать. Братская мысль моя будетъ тебѣ всегда сопутствовать. Моей исповѣди тебѣ не посылаю, но прошу принять старую фигуру мою въ прилагаемой карточкѣ. Если не покажусь тебѣ красивъ, то твоя вина, зачѣмъ ты не далъ случая показаться тебѣ до истеченія болѣе 40-лѣтней разлуки. Благодаря Бога, духъ бодръ и не унываетъ, голова свѣжа, но физическія силы истощаются. Времена трудныя, какъ всѣ переходныя. Будущность Россіи огромна, путь не легокъ; но я надѣюсь, что достигнемъ цѣли, и въ этой надеждѣ укрѣпляется меня вблизи дознанная великая душа Государя и пламенная любовь Его къ своей Россіи.

«Что до меня касается, стараюсь исполнить долгъ свой и если болѣе не успѣваю сдѣлать, то не вина воли или недостатка преданности, а развѣ разумѣнія. О Бродіо ничего не знаю, кажется онъ не въ живыхъ. Тѣло Егора Антоновича еще съ нами, но духа его нѣтъ болѣе, лѣта совершенно уничтожили память. Онъ живетъ на дачѣ у дочери свой Савень, спокойно, но безъ сознанія, и когда изрѣдка случается мнѣ бывать у него, онъ всякій разъ спрашиваетъ: зачѣмъ я въ Петербургѣ?

«Сынъ твой (Антонъ Ивановичъ, воспитанникъ Лицея XXI курса, скончался въ Москвѣ 6 апрѣля 1904 года) очень мнѣ понравился. Я готовъ былъ принять его въ Министерство, но онъ ускользнулъ изъ рукъ моихъ на Амуръ, что ему впрочемъ не повредило. Лучшимъ доказательствомъ, что начальство имъ довольно и цѣнить его, служить то, что онъ отправляется или даже отправленъ уже съ довѣренной миссіею отъ непосредственнаго своего начальства въ Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ я его сильно рекомендовалъ нашему посланнику.

«Прощай, да сохранить тебя Господь! Пожалуйста увѣдомь меня словомъ о полученіи сего письма. Горчаковъ».

²⁾ Вотъ эта замѣтка («Русскій Миръ» 1871 года, № 48. 20 октября. Страница 1-ая, гранка 4-ая, внизу): «Вчера, 19 октября, былъ день Лицейской годов-

тано въ № 82 газеты «Русскій Миръ» (отъ 24 ноября 1871 года, страница 1-я гранка 3-я и 4-я):

«Мы получили слѣдующее письмо отъ И. В. Малиновскаго, воспитанника перваго выпуска Александровскаго (Sic!) Лицея, въ отвѣтъ на нашу замѣтку о немъ, по поводу лицейской годовщины (см. «Русскій Миръ», № 48):

«М. Г. Въ № 48 издаваемой вами газеты «Русскій Миръ», по случаю шестидесятилѣтняго юбилея Царскосельскаго Лицея, послѣ краткаго и точнаго историческаго очерка о немъ, вы упомянули и обо мнѣ, какъ воспитанникѣ перваго курса, что живу въ трудахъ по хозяйству; въ настоящее время при моемъ 75-лѣтнн такъ оно и есть, ибо люблю агрономію, люблю воспроизводить. Но я не измѣнилъ нашему лицейскому девизу «для общей пользы». Служилъ въ гвардіи почти девять лѣтъ; по отставкѣ былъ избираемъ въ уѣздные предводители въ 1825—1835 и 1850 годахъ и прослужилъ полные три курса; за что на губернскихъ собраніяхъ дворянства получилъ, при общей баллотировкѣ, теплыя благодарности, засвидѣтельствованныя дворянствомъ официальнымъ порядкомъ. Затѣмъ былъ посредникомъ черезполоснаго размежеванія, депутатомъ дворянства полный курсъ; отъ начала до конца былъ членомъ комитета объ освобожденіи крестьянъ и окончательнo былъ трехлѣтній курсъ губернскимъ гласнымъ. А какъ недуги семидесятитрехлѣтня (Sic!) моего не допустили меня продолжать службу, то просилъ увольненія; вслѣдствіе чего Изюмскій избирательный съѣздъ землевладельцевъ 12 февраля 1868 года постановилъ: единодушно выразить искреннѣйшую благодарность за слишкомъ сорокалѣтнюю полезную мою дѣятельность, во всѣхъ интересахъ уѣзда.

«Такой отчетъ, по девизу нашего Лицея, считалъ священнымъ долгомъ изложить для оправданія себя, что моя жизнь, съ Божіею помощію, была не безплодна въ моемъ пятидесятилѣтнемъ общественномъ быту, и посильно служа отечеству, постоянно чту память основателя Царскосельскаго Лицея Александра Благословеннаго. Воспитанникъ перваго курса Царскосельскаго Лицея И. В. Малиновскій. 8-го ноября 1871 года. Село Каменка».

Участвуя въ дни молодости съ Пушкинымъ въ товарищескихъ проказахъ (какъ, на примѣръ, въ исторіи съ гогель-могелемъ), Малиновскій сохранилъ и за

щины и вмѣстѣ съ тѣмъ день перваго шестидесятилѣтня со дня открытія Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея. Лицей открытъ 19 октября 1811 года. Первый же выпускъ изъ этого заведенія былъ 9 іюня 1817 года. Кромѣ Государственнаго канцлера князя Горчакова и члена Государственнаго Совѣта барона М. А. Корфа, изъ другихъ воспитанниковъ перваго курса Лицея, еще живущихъ на свѣтъ, слѣдуетъ указать на Ивана Васильевича Малиновскаго, помѣщика Харьковской губерніи, живущаго въ полномъ здравіи, памяти и постоянно въ трудахъ по хозяйству близъ города Изюма, въ помѣстьи своемъ въ с. Каменкѣ».

стѣнами Лицея теплое чувство къ своему гениальному товарищу, и Пушкинъ въ свою очередь помнилъ своего друга—«казака пылкаго и незлобнаго» и съ чувствомъ сердечной дружбы сошелъ въ могилу, вспоминая двухъ друзей своихъ — Малиновскаго и Пущина. Послѣдними словами Пушкина на смертномъ одрѣ были: «Какъ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго¹⁾: мнѣ бы легче было умирать»²⁾).

О стихотвореніяхъ Пушкина, относящихся къ Малиновскому, я уже говорилъ въ началѣ статьи. Ихъ не много. Точно также не нашлось у семейства Малиновскаго писемъ Пушкина. Помню,—пишетъ Софія Ивановна Штакенштейндеръ,—разсказъ отца, что его огорчали доходившія до него извѣстія о безвѣрїи Пушкина и на вопросъ отца о его религіозномъ состояніи Пушкинъ отвѣчалъ ему, написавъ стихи свои «Мадонна».

Стихотвореніе «Мадонна» (Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда, т. II, стр. 95) комментаторами относилось къ невѣстѣ (въ то время) Пушкина—Гончаровой, поэтому мнѣ кажется непонятнымъ, почему Пушкинъ прислалъ его своему другу въ знакъ исцѣленія отъ безвѣрія, тѣмъ болѣе, что чудесный сонетъ этотъ написанъ 8-го іюля 1830 года, а поэтъ, если и страдалъ безвѣріемъ, то только въ дни юности, страдая, такъ сказать, болѣзнию вѣка. Слѣдовательно, подобное раскаяніе со стороны Пушкина только въ 1830 году было бы слишкомъ позднимъ.

«Съ Пушкинымъ, — говоритъ Софія Ивановна, — мой отецъ былъ очень друженъ, но писемъ не нашла, кромѣ письма Ивана Ивановича и Михаила Ивановича³⁾, очень дружескихъ, къ моей матери (т. е. Екатеринѣ Ѳедосѣевнѣ Зинкевичѣ), когда она сдѣлалась невѣстою отца. И хотя Пущины намъ, дѣтямъ отъ второго брака, не родня, но всегда къ намъ относились и относятся, какъ добрые родныя».

Другою сердечною привязанностью Малиновскаго былъ директоръ Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, такъ незаслуженно оклеветанный Н. И. Гречемъ. По крайней мѣрѣ, въ своихъ письмахъ къ лицеистамъ, какъ перваго, такъ и послѣдующихъ курсовъ, Энгельгардтъ является идеальной личностью, душевнымъ человѣкомъ; онъ слѣдитъ за жизнью своихъ первокурсниковъ съ любовью и заботливостью отца, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ; ихъ горе, ихъ радость дѣлаются и для него горемъ, и для него радостью. Въ особенности онъ любилъ Матюшкина, и переписка его съ нимъ является неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній о всѣхъ первокурсникахъ. Такъ, по поводу пожара въ Лицеѣ 12 мая 1820 года

¹⁾ Къ біографіи Пушкина. М. Семеvскій. «Русскій Вѣстникъ» 1869 г., ноябрь. стр. 102, безъ послѣднихъ словъ.

²⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицеійскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 70. Было напечатано въ «Русск. Архивѣ» 1875 года.

³⁾ Т. е. Пущинныхъ.

Энгельгардтъ въ письмѣ своемъ отъ 10 сентября 1820 года къ Матюшкину, между прочимъ, сообщаетъ: «...Два дни послѣ того (т. е. пожара) прѣехали Вольховской, Пущинъ, Комовской, Малиновской, Саврасовъ; мы обняли другъ-друга и молча, со слезами, обѣщали другъ другу, что дружба наша и любовь къ старому Лицею не исчезнутъ, какъ онъ».

Но еще раньше, въ письмѣ отъ 9 марта 1818 года; онъ пишетъ: «Вчера былъ день —праздникъ хоть куда: прилетѣли вдругъ двой сани съ колокольчиками, остановились у дверей моихъ; гляжу выльзаютъ наши москвичи: Горчаковъ, Малиновской, Ломоносовъ... И радоваться, и спрашивать, и отвѣчать, и не слушать ни вопросовъ, ни отвѣтовъ; они здоровы и очень много тебѣ (т. е. Матюшкину) кланяются. День мы провели вмѣстѣ и очень весело; вечеромъ они поѣхали и я съ ними сѣлъ и поѣхалъ въ городъ къ Малиновскому и просидѣли до двухъ часовъ ночи, болтали да калякали, да толковали и про старину, и про будущность. На утро я съ ними распростился. Жаль, что нельзя вѣкъ свой съ лицейскими своими провести; я съ ними только и живу».

Въ письмѣ отъ 24 января 1839 года онъ пишетъ: «У меня былъ лицейской обѣдикъ. Суворчикъ (лицейское прозвище Вольховскаго), Корфъ, Стевень и Малиновской съ женами (это-первая его жена, сестра Пущина), Комовской одинъ безродной. Много толковали про старину, поминали и тебя и всѣ тебѣ шлютъ однокашническіе поклоны. Малиновской пожилъ здѣсь шесть недѣль и завтра отправляется во свояси. Онъ крѣпко постарѣлъ, а жена у него помолодѣла».

Въ письмѣ отъ 12 сентября 1841 года онъ жалуется, что «Малиновской иногда пишетъ», а въ письмѣ отъ 7-го января 1845 года онъ говоритъ: «Письмо отъ отсутствующаго—также праздникъ; спасибо, отдаленные не забываютъ: Горчаковъ, Ломоносовъ, Малиновской, Бакунинъ, кромѣ отъѣзда къ 19 октября, иногда радуютъ меня письмецомъ. Спасибо имъ за то!»

Неаккуратность Малиновскаго въ письменныхъ сношеніяхъ его съ Энгельгардтомъ можно объяснить смертью его жены (къ сожалѣнію, точнаго года кончины ея я не знаю). Но изъ отвѣтнаго письма Энгельгардта къ Малиновскому отъ 26 сентября 1845 года видно, что Малиновскій писалъ ему, вѣроятно, въ томъ же году, о своей женитьбѣ на племянницѣ Вольховскаго—Екатеринѣ Фодосѣевнѣ Зинкевичъ.

Отвѣтное письмо Энгельгардта къ Малиновскому настолько интересно, что я позволяю себѣ привести его цѣликомъ. Вотъ оно¹⁾: «С.-Петербургъ. Сентября 26-го 1845 г.—Спасибо Тебѣ мой доброй Иванъ, за Твое послѣднее письмо (безъ числа) которое меня очень порадовало доброю вѣстью о благомъ дѣлѣ

¹⁾ Письмо это имѣется у меня въ копіи, поэтому не ручаюсь за вѣрность орфографіи.

тобою предпринимается. Поздравляю Тебя отъ всего сердца и посылаю Тебѣ мое благословеніе: да жить Вамъ мирно и согласно и любно, какъ жили и живемъ мы со своею старухою. Вотъ уже 45 лѣтъ мы неразлучно вмѣстѣ и все еще ожидаемъ первой ссоры, перваго хотя бы малѣйшаго несогласія. Да будетъ и у Васъ такъ. Аминь! Холостая жизнь, не жизнь; а съ доброю подругою жизнь—рай земной, есть съ кѣмъ жить, для кого жить. — Кланяйся сердечно своей Катенькѣ и попроси ее чтобы она меня по Вольховскому и по Тебѣ хоть немножко полюбила, а мы со старухою уже полюбили ее по Тебѣ. — Когда же свадьба? Напиши заблаговременно, чтобы мы могли и здѣсь поспраздновать этотъ добрый день и посвятить Вашей будущности дружескій заздравный кубокъ.

«У Пушиныхъ я давно не былъ и не знаю воротился ли уже кто изъ нихъ всѣхъ разлѣхавшихся. Я все это время провелъ въ новой скорби, ухаживалъ за моимъ умирающимъ другомъ Графомъ Канкринимъ и на прошедшей недѣлѣ похоронилъ его. Познакомились мы тому лѣтъ пятьдесятъ, а въ послѣдніе 20 лѣтъ и каждую субботу у него обѣдалъ и проводилъ вечеръ въ его кабинетѣ. Его не стало—долго будетъ для меня суббота, осиротѣвшій грустный день, а ихъ и безъ того у меня много. Жить уже довольно скучно, а переживать мало-по-малу всѣхъ кого любилъ, для кого жилъ... (вѣроятно не дописано).

«За присланную рапортичку о испанскомъ лнѣ спасибо. Она пойдетъ въ люди въ первомъ № газеты и будетъ первый окликъ изъ Вашей лѣнливой страны. Неужели нѣтъ у Васъ тамъ никого, кто бы пожертвовалъ иногда часикомъ или двумя для общепользнаго опытнаго сообщенія о Вашемъ тамошнемъ сельскомъ бытѣ. Заставляй, понукай, а между прочимъ сговори кое-кого чтобы выписали себѣ изъ редакціи нѣсколько экземпляровъ алфавитнаго *указателя* всѣхъ статей Земледѣльческой Газеты за всѣ 10 лѣтъ, тамъ найдутъ они множество полезнаго въ сельскомъ быту. За это мы съ нихъ возьмемъ 1 руб. с., который идетъ въ пользу бѣдной круглой сироты нашего лицеиста Реймерса ¹⁾, не оставившаго ей ничего кромѣ этого полезнаго своего труда. Помоги благоугождному дѣлу.

«Подходить наше 19 октября и не знаю еще *идтъ* мы соберемся и *кто* явится на завѣтное сердечное собраніе, которое, жаль сказать! съ каждымъ годомъ становится малочисленнѣе. Кто въ отлучкѣ, кому недосугъ, за инымъ дѣломъ, за званымъ обѣдомъ, за преферансомъ и т. п. Жаль, очень жаль, если этотъ обычай доброй старины прекратится.

«У меня теперь гоститъ старая лицейская знакомка M-lle Russau ²⁾ (?), которая крѣпко наказала Тебѣ кланяться и отъ всего сердца пожелать Тебѣ вся-

¹⁾ Реймерсъ, Алексѣи Евстафѣевичъ, кончилъ курсъ съ серебряною медалью, V курса, вып. 1829 г. Дальнѣйшихъ подробностей у насъ не имѣется.

²⁾ Или Ruffau.

каго земнаго щастія при вступленіи въ новый періодъ жизни, въ который она не попала и тоскуетъ въ одиночествѣ.

«Лицейскихъ вѣстей кажется нѣтъ никакихъ. Послѣ 19-го я не примину Тебя извѣстить о исходѣ и о томъ что можетъ быть тамъ узнаю. Модеста ожидаютъ вскорѣ сюда. Стевень все еще рѣпу кушаетъ въ своей деревнѣ въ Финляндіи. Погода теперь у насъ сдѣлалась такая осень: холодъ, вѣтеръ, туманъ, дождь, за городомъ уже было три, четыре мороза. У меня въ садикѣ все еще зелено и въ цвѣту, какъ бы на послѣднее прощаніе, а въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ топоръ новаго хозяина начнетъ распоряжаться и вмѣсто моихъ деревьевъ и кустовъ взбирать груды кирпича и извести. Грустно, тѣмъ болѣе грустно, что я и по сю пору еще не могъ найти себѣ пріюта съ садикомъ.

«Порученіе Твое Терентьеву не примину исполнить. Что касается до Фотія, то и (Sic!) не видалъ его, не могу Тебѣ сказать когда удастся мнѣ предварить его о предназначенной ему эпиталаміи (?)¹⁾. Когда же придетъ она, то я и нарочно къ нему съ нею заберусь.

«А между тѣмъ вотъ уже 4-я страница моей болтовни, и Ты бѣдный влюбленный долженъ ее читать вмѣсто того, чтобы съ своею Катенькой бесѣдовать и потолковать о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ — виноватъ. Есть за мною тотъ грѣшокъ, что заговариваюсь долгонько съ челоуѣкомъ, котораго люблю. — Да вотъ и кончу: кланяйся отъ меня своей Катенькѣ, говори Ей иногда обо мнѣ и поговори какъ нибудь чтобы она хотя не много полюбила Твоего стараго неизмѣннаго друга директора Егора Антоновича. Не забудь меня увѣдомить о днѣ назначенномъ для свадьбы, хоть и нельзя мнѣ быть у Тебя, однако непремѣнно хочу въ этотъ день попраснодовать Тебя: авось не подѣдитъ ли Фрицко — онъ поможетъ. — Прощай!»²⁾

Дружественная связь Малиновскаго съ своимъ старымъ директоромъ Энгельгардтомъ не прерывалась во всю жизнь и мы можемъ прослѣдить почти шагъ за шагомъ всю жизнь первокурсниковъ, и въ томъ числѣ Малиновскаго, по письмамъ Энгельгардта къ Магюшкину. Такъ, въ письмѣ отъ 20 декабря 1817 года, озаглавленномъ Энгельгардтомъ: «Блаженное Царское Село», онъ сообщаетъ, что Малиновскій, провожая своего товарища въ Варшаву, былъ въ Царскомъ у него.

¹⁾ «ері» — на, по поводу, относительно, «thalamos» — брачная постель, женитьба, — пѣснь по поводу брака, съ восхваленіемъ двухъ новобрачныхъ. Фотій Петровичъ Калиничъ (род. въ 1788 г., ум. 15 сент. 1851 г.) — воспитатель Лицея. Въ 1845 г. Калиничъ, будучи 57 лѣтъ отъ роду, женился на дѣвицѣ Александрѣ Тихоновнѣ (рожденной Вѣликовой, дочери учителя придворной пѣвческой капеллы). Вотъ чѣмъ объясняются слова Е. А. Энгельгардта. О Калиничѣ есть біографія въ Памятной книжкѣ Лицея на 1856—57 г., стр. 170—184.

²⁾ Подлинное письмо хранится у Павла Ивановича Малиновскаго. Фрицко — это Стевень.

По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ былъ въ числѣ 8 ветерановъ, пріѣхавшихъ на трехъ тройкахъ къ старому директору, чтобы провести старый годъ и встрѣтить съ нимъ новый—1818 годъ, оставивъ «веселья, танцы и маскарады столицы» (письмо отъ 1 января 1818 г.).

Въ письмѣ отъ 9-го февраля 1821 года Энгельгардтъ сообщаетъ, что накануне (8 февраля) дня рожденія «директорши», т. е. его жены, пріѣхалъ нечаянно Яковлевъ изъ Москвы; сейчасъ же были собраны бывшіе въ Петербургѣ первокурсники-«чугунники» (отъ чугунныхъ колець, розданныхъ при выпускѣ Энгельгардтомъ) и въ ихъ числѣ Малиновскій, и всѣ они весело провели время.

Отъ 21 іюня 1821 года Энгельгардтъ сообщаетъ, что «Пушкинъ, Саврасовъ и Малиновскій пошли въ походъ, противъ кого — еще не извѣстно». Это тотъ знаменитый походъ гвардіи послѣ исторіи Семеновскаго полка, который былъ предпринятъ для удаленія гвардіи изъ столицы, только ради военной прогулки, какъ полицейской и нравственной мѣры. Походъ этотъ послужилъ, вопреки ожиданіямъ инициаторовъ его, только для болѣе тѣснаго сближенія и сплоченія революціонныхъ элементовъ гвардіи и къ вербовкѣ членовъ тайныхъ обществъ, такъ какъ ни непріятели, ни войны не предвидѣлось.

Послѣ довольно продолжительнаго промежутка времени, въ письмѣ отъ 25 февраля 1829 года, Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что «Малиновскій очень нечаянно вчера вечеромъ упалъ въ мою комнату; онъ за какими-то дѣлами пріѣхалъ сюда на нѣсколько лишь дней. Не мало не перемѣнился, тотъ-же басъ, тотъ же доброй малой и тотъ же пустобай».

Отъ 29 ноября 1833 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину радостную вѣсть, что Вольховскій женится на Машѣ Малиновской, и по случаю этой радости онъ созвалъ къ себѣ живущихъ въ Петербургѣ воспитанниковъ своихъ: Стевена, Комовскаго, Малиновскаго, Корфа, Яковлева, Илличевскаго и Корнилова, — «хоть немного нашихъ, да есть, съ кѣмъ сердце отогрѣтъ».

Отъ 24 ноября 1836 года, въ письмѣ, полномъ грусти о неудавшейся сходкѣ по поводу лицейской годовщины и 25-ти-лѣтія со дня выхода ихъ изъ Лицея, онъ пишетъ: «Ты безъ сомнѣнія знаешь, что у Суворчика дочь и у Изюмскаго предводителя дворянства тоже». Сѣтуя о неудавшейся сходкѣ 19 октября, онъ замѣчаетъ: «Еслибъ были здѣсь Матюшкинъ, Малиновской, Вольховской, Корниловъ, то они бы подмогли Стевену и Комовскому устроить сходку лицейскаго 25-лѣтія». Какъ извѣстно, сходка эта состоялась, но только въ средѣ первокурсниковъ, а Энгельгардтъ предполагалъ созвать нѣсколько курсовъ вмѣстѣ, на что многіе, и въ томъ числѣ Пушкинъ, не согласились.

6 іюля 1838 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «Малиновскій пишетъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ думаетъ пріѣхать сюда, себя показать и на людей посмотреть. По сію пору однако еще его не видать». Ожиданіе это оправдалось

(письмо отъ 24 января 1839 года): «Малиновской пожилъ здѣсь шесть недѣль и завтра отправляется во-своа си. Онъ крѣпко постарѣлъ, а жена у него помолодѣла»¹⁾).

Такимъ образомъ, по однимъ письмамъ Энгельгардта къ Матюшкину можно прослѣдить за всѣми фазисами жизни Малиновскаго.

Иванъ Васильевичъ Малпновскій не чуждъ былъ и литературы: онъ написалъ біографическій очеркъ жизни своего товарища и зятя Вольховскаго, подъ заглавіемъ: «О жизни Генераль-Маіора Вольховскаго. Харьковъ. Въ университетской типографіи. 1844 года»²⁾).

По поводу этой брошюры Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину отъ 8 августа 1844 года: «Иванъ Малиновской поручилъ мнѣ раздѣть тѣмъ изъ бывшихъ тутъ шестилѣтнихъ однокашниковъ, которые еще въ великосвѣтскомъ быту не остыли, не раздицелись, составленную имъ маленькую біографію незабвеннаго нашего товарища Вольховскаго.

«Во исполненіе сего порученія препровождается при семъ экземпляръ къ бывшему Federnelke, лицейскому пустыннику, Матюшко и проч., что нынѣ флота капитанъ Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ, которой хотя и давно давнымъ совѣмъ отсталъ отъ прежняго директора-друга, однако вѣроятно хранить еще въ сердцѣ память о добромъ нашемъ Лицеѣ и съ удовольствіемъ прочтетъ это возпоминаніе о бывомъ щастливомъ вѣкѣ Лицейскомъ — авось вспомнить при томъ и объ отставномъ старомъ Егоръ Антонычѣ».

Это дружеское, шутливое письмо, согрѣтое сердечною любовью къ своему любимому ученику, имѣетъ еще въ заголовкѣ слѣдующій эпитафій изъ кантаты барона Дельвига: «Шесть лѣтъ прмчалось, какъ мечтанье...»

Кромѣ лицейство-однокурсниковъ, Энгельгардтъ раздалъ эту брошюру еще и другимъ лицамъ. Такъ, изъ «Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ» (Спб., 1896 года, т. II, стр. 359) мы узнаемъ, что Плетневъ получилъ два экземпляра: одинъ для себя, другой для Грота, въ подарокъ отъ Энгельгардта (см. также письмо Плетнева отъ 18 ноября 1844 года)³⁾.

¹⁾ Письма Энгельгардта къ Матюшкину составляютъ собственность извѣстной коллекціи рукописей и рисунковъ Павла Яковлевича Дашкова, къ просвѣщенному содѣйствію котораго прибѣгали всѣ издатели и ученые. За дозволеніе воспользоваться этими письмами я приношу моему покойному однокашнику глубокую благодарность.

²⁾ На внутренней сторонѣ заглавнаго листа напечатано: «Извлечено изъ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей съ разрѣшенія Господина Харьковскаго Гражданскаго и Военнаго Губернатора города Харькова, Генераль-Маіора Муханова».

³⁾ За полученіе этой брошюры Гротъ благодарилъ письмомъ отъ 23 ноября 1844 года (см. тамъ же, стр. 362). Плетневъ помѣстилъ рецензію объ этомъ трудѣ Малиновскаго въ «Современникѣ» 1844 года, т. XXXVII, которая перепечатана въ его «Сочиненіяхъ», т. II, стр. 472.

Мы заимствуемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой брошюрѣ изъ статьи К. Я. Грота «Изъ лицейской старины» («Историческій Вѣстникъ» за 1905 годъ, т. 101, июль, стр. 92). Вотъ что говоритъ К. Я. Гротъ: «Эта брошюра: «О жизни генераль-маіора

Объ этой же брошюрѣ упоминаетъ также Иванъ Ивановичъ Пушкинъ въ письмѣ изъ Сибири: «Вальховскаго біографію мнѣ прислалъ Малиновскій давно. Спасибо ему, что онъ напечаталъ, но напрасно тутъ слишкомъ много казеннаго формуляра. Я и послѣ смерти доброй моей Марьи не перестаю писать къ Малиновскому и къ его сыну. Кажется, мальчикъ умный и способный. Что-то его ждетъ впереди?»¹⁾

Иванъ Васильевичъ Малиновскій былъ не только въ дружбѣ со своими товарищами-однокурсниками, какъ это мы видимъ по дружескимъ письмамъ къ нему графа Корфа и князя Горчакова, но онъ былъ даже съ нѣкоторыми изъ нихъ въ родственныхъ связяхъ. Такъ, въ первомъ бракѣ онъ былъ женатъ (съ 1834 г.) на Маріи Ивановнѣ Пушиной, сестрѣ товарища-декабриста Ивана Ивановича Пушина; сестра же Малиновскаго, Марія Васильевна, была замужемъ за его товарищемъ Владиміромъ Дмитріевичемъ Вольховскимъ. Другая сестра Малиновскаго— Анна Васильевна была замужемъ за барономъ Андреемъ Евгеніевичемъ Розеномъ—декабристомъ. Наконецъ, во-второмъ бракѣ Иванъ Васильевичъ Малиновскій былъ женатъ на племянницѣ Владиміра Дмитріевича Вольховскаго—Екатериинѣ Федосѣевнѣ Зинкевичъ.

Софія Ивановна Штакеншнейдеръ сообщаетъ мнѣ еще слѣдующія свѣдѣнія о своемъ отцѣ: «Отецъ получилъ въ наслѣдство имѣніе съ долгами; но все выплатилъ и раздѣлился поровну съ сестрами, отдавъ великолѣпный домъ съ усадьбою и всѣ дорогія семейныя вещи младшей сестрѣ Маріи Васильевнѣ Вольховской; но на его долю приходилось около 3000 десятинъ земли незаложенной»²⁾.

Вальховскаго, Харьковъ, 1844 г.), съ виньеткой, изображающей могилу его (23 стр., in-8°, извлечена изъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»), ...сохранилась и имѣетъ автографическую надпись: «Лицейскому Гроту, для его лицейскаго архива отъ Егора Антоныча». Въ бумагахъ отца находится еще экземпляръ этой брошюры, полученный имъ отъ сына автора, А. И. Малиновскаго, съ вычеркнутой надписью («Н. И. Ознобишину отъ однополчанина-издателя И. Малиновскаго») и съ отмѣткой отца, подъ заглавіемъ: «Составилъ товарищъ его по лицу и зять Ив. Вас. Малиновскій». Кромѣ того, имѣется еще рукописный экземпляръ этой біографіи, съ маленькими отличіями, подписанный «Х—ъ»—рукой лицеиста У выпуска фонъ-дербъ-Ховена, очевидно собиравшаго лицейскія воспоминанія и впоследствии передавашаго кое-что изъ нихъ Я. К. Гроту.

¹⁾ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Я. К. Грота. Спб., 1899 г., стр. 178. Письмо П. И. Пушина къ директору Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардту отъ 26-го февраля 1845 года (Ялуторовскъ). О рецензіи П. А. Плетнева см. въ нашей статьѣ о Вольховскомъ. Объ Антонѣ Ивановичѣ Малиновскомъ см. ниже.

²⁾ По формуляру, имѣніе состояло «Изюмскаго уѣзда, при селѣ Стратилатовкѣ, Каменка тожъ, крестьянъ мужского пола ревизскихъ 147 душъ, земли удобной и неудобной съ лѣсомъ въ Чернещинской дачѣ 1650 дес. 789 кв. саж. и въ благопріобрѣтенномъ имѣніи того же уѣзда въ дачѣ села Стратилатова, въ коей земли было 170 дес. 1740 кв. саж.». Теперь (13 (26) октября 1905 г. «Новое Время» № 10636) имѣніе это «принадлежитъ его сыну, Павлу Ивановичу Малиновскому. Въ немъ числится 826 дес. 1238 саж., оцѣнено въ 63.818 р. 35 коп.» Въ письмѣ

«Значить мы росли въ довольствѣ, но всегда вспоминаю съ благодарностію, не только мы не знали роскоши, но до смѣшнаго боялись этого для насъ. Намъ дѣлали жесткія постели и послѣ 6-ти лѣтъ не тонкое бѣлье, чтобы мы не были нѣженки. Себѣ отецъ во всемъ отказывалъ, но для всякаго нуждающагося готовъ былъ отдать послѣднее. Долговъ страшно боялся и всегда говорилъ, что Банки опасная вещь, что какъ мухи на сладкое въ банки попадаютъ и не вылазятъ, такъ и для людей это опасно: пойдутъ, но не выльзутъ».

Когда В. Д. Вольховскій послѣ отставки поселился въ имѣніи жены, то И. В. Малиновскій выстроилъ себѣ другой домъ, такъ что ихъ усадьбы стояли рядомъ.

Въ подтвержденіе словъ С. И. Штакеншнейдеръ приведемъ еще выдержки изъ Записокъ декабриста барона Андрея Евгеньевича Розена, который подъ конецъ жизни также жилъ въ Каменкѣ. Но раньше этого онъ посѣтилъ Каменку дважды: въ первый разъ—ѣдучи изъ Сибири на Кавказъ, а во второй—возвращаясь изъ Кавказа на свою родину, въ Прибалтійскія губерніи.

«Второе радостное свиданіе съ родными,—говоритъ Розенъ,—было свиданіе съ Иваномъ Васильевичемъ Малиновскимъ; мы застали брата, преисполненнаго любви, въ большихъ хлопотахъ съ предводительскимъ секретаремъ своимъ Адарюковымъ; подорожная была у него въ карманѣ, чтобы ѣхать къ намъ на встрѣчу

отъ 23 октября 1832 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «Малиновскій, отслуживъ трехлѣтіе дворянскимъ предводителемъ и выслуживъ Владимира 4-го, хлопочетъ теперь объ устроеніи имѣнія. Дядя умеръ недавно отъ холеры; это бы не бѣда, да то плохо, что не оставилъ духовной, а потому все его имѣніе достается Московскому брату, которой уже самъ собою богатъ, а нашему ничего». Отъ 30 іюля 1833 года: «Малиновскій споритъ съ дядею о наследствѣ». Дядя этотъ, Павелъ Θεодоровичъ Малиновскій, умеръ 9-го сентября 1832 года, былъ директоромъ Ассигнаціоннаго банка и съ 1809 года находился въ отставкѣ. Лѣтомъ онъ проживалъ въ своемъ имѣніи «Бѣлозерка», находившемся между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ (примѣчаніе В. И. Сайтова къ письмамъ Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу). Московскій же братъ это—Алексій Θεодоровичъ Малиновскій, директоръ Архива.

Имѣніе Малиновскихъ, Стратилатовка или Каменка, принадлежало ихъ дѣду съ материнской стороны, священнику Самборскому, которому оно было пожаловано Павломъ I. Поэтому мы позволимъ себѣ сдѣлать догадку, что, собственно, Малиновскіе не были харьковскими дворянами, но приписались къ изюмскому дворянству по полученіи имѣнія дѣда (указъ о пожалованіи Павломъ имѣнія Самборскому находится въ книгѣ: «Сенатскій Архивъ. I. Именные указы Императора Павла I». Спб., 1888 года).

Указаніе на книгу «Сенатскій Архивъ» я получилъ отъ уважаемаго Предсѣдателя Пушкинскаго Лицейскаго Общества, Члена Государственнаго Совѣта Дмитрія Ѳомича Кобеко. Мнѣ пріятно засвидѣтельствовать, что Д. Ѳ. любезно предоставилъ мнѣ воспользоваться нѣкоторыми рѣдкими книгами его обширной библіотеки, а также не отказалъ мнѣ своими совѣтами и указаніями, столь драгоценными для меня и моего труда. Поэтому я приношу мою глубочайшую признательность и благодарность Дмитрію Ѳомичу Кобеко.

до Саратова. Добрая и умная жена его Марія Ивановна, урожденная Пушина, родная сестра моего товарища, согрѣла насъ сердечною любовью—только и слышно было: располагайте нами и домою (стр. 326 и 327. Слѣдовательно, въ 1837 г. она была жива).

«Три дня отдыхали мы въ Каменкѣ, бѣдная жена моя ужасно кашляла. Костыли мои не позволяли мнѣ много ходить. Крестьяне не нуждались, обильная жатва видна была въ огромныхъ скирдахъ. Посѣтилъ больницу, гдѣ засталъ повара Алексѣя, который въ былое время часто кормилъ меня самыми вкусными обѣдами у Анны Андреевны¹⁾,—поваръ страдалъ послѣдніи недѣли своей жизни отъ водяной въ головѣ.—При больницѣ была хорошая деревенская аптека и свѣдущій фельдшеръ; этотъ порядокъ поддерживался со временъ Андрея Афанасьевича Самборскаго, который постоянно заботился объ истинномъ благѣ крестьянъ. Судъ стариковъ, по приговору коего наказывали провинившихся, водился отъ его времени. Тетка наша Анна Андреевна, въ память отца своего, выстроила въ селѣ церковь по плану Софійскаго собора въ Царскомъ Селѣ. Служба Божественная въ Каменкѣ совершалась съ особымъ благоговѣніемъ; хоръ пѣвчихъ имѣлъ отличные голоса. Дружески увидѣлись, дружески разстались²⁾.

«...Въ Каменкѣ,—продолжаетъ Розенъ-декабристъ,—я прожилъ шесть счастливыхъ недѣль: дѣти мои поправились здоровьемъ, три семейства (:) моего шурина³⁾, моего свояка⁴⁾, мое жили въ огромномъ домѣ, душою дома была наша добрѣйшая тетка Анна Андреевна Самборская. Я видѣлъ Каменку въ полной красотѣ ея; мѣстность дѣйствительно хороша.

«Навѣстилъ памятные мѣста и заведенія временъ А. А. Самборскаго — часовню, больницу, бесѣлку въ сторожевомъ лѣсу; молился въ новой церкви, бла-

¹⁾ Самборской.

²⁾ Записки, стр. 327. Построить каменную церковь въ своемъ имѣніи Стратилатовкѣ было всегдашнимъ желаніемъ Андрея Афанасьевича Самборскаго, равно какъ и помѣстить въ ней образа и утварь дворцовой церкви великой княгини Александры Павловны Палатины Венгерской, дарованныя ему, по ея смерти, Императоромъ Александромъ I. Образы эти писаны художникомъ Боровиковскимъ. Послѣ смерти Самборскаго, дочь его Анна Андреевна (род. 4 сент. 1770 г.) и внукъ Иванъ Васильевичъ Малиновскій выполнили его желаніе и построили, въ память его, каменный трехпрестольный храмъ во имя Софіи Премудрости Божіей (главный придѣлъ), а два другіе—въ честь Рождества Пресвятой Богородицы и Св. вел.-муч. Андрея Стратилата. Анна Андреевна подвергала себя разнымъ лишеніямъ для сбереженія денегъ на постройку и украшеніе церкви, а племянникъ ея, Иванъ Васильевичъ, съ христіанскимъ рвеніемъ наблюдалъ за постройкою и украшеніемъ храма, и когда прекрасный храмъ былъ оконченъ и освященъ, то завелъ въ немъ такой порядокъ и благочиніе, какіе рѣдко встрѣчаются въ нашихъ церквяхъ; онъ же поддерживалъ все заведенное дѣдомъ его въ деревенскомъ хозяйствѣ. См. «О жизни протоіерея А. А. Самборскаго». Спб., 1888 г., стр. 14, 15 и 19. Вѣроятно, эта брошюра написана декабристомъ Розенюмъ.

³⁾ И. В. Малиновскій.

⁴⁾ В. Д. Вольховскій.

голѣпной, гдѣ служба, пѣніе и усердіе богомольцевъ невольно располагаютъ душу къ молитвѣ. Типична, порядокъ въ церкви безпримѣрны и введены стараніями шурина моего Ивана Васильевича Малиновскаго по системѣ исправнаго ротнаго командира; впоследствии порядокъ этотъ вошелъ въ привычку прихода, и скажу, что нигдѣ, ни въ столицахъ, ни въ деревняхъ, не находилъ такого благоговѣнія прихожанъ во время Божественной службы. — Въ крестьянскихъ хатахъ видимъ опрятность и довольство, хотя это было въ маѣ мѣсяцѣ (1839 г.), когда запасы истощены бывають. Съ Вольховскимъ ѣздилъ въ лѣсъ Черненинскій или Чепельскій хуторъ, принадлежащій къ Каменкѣ, находящійся въ 30 верстахъ отсюда. Тамъ мы пробыли два дня, и хотя самый лѣсъ не доставлялъ намъ особеннаго удовольствія, мѣстами онъ порядкомъ пострадалъ отъ порубки старинныхъ управителей и отъ пожара, но бесѣды Вольховскаго въ маленькомъ домикѣ, гдѣ мы ночевали, для меня памятны; въ нихъ отражались— смиреніе христіанское и добродѣтель гражданина» ¹⁾).

Кстати, здѣсь будетъ не бесполезно ознакомиться съ совершенно своеобразнымъ взглядомъ Ивана Васильевича Малиновскаго по поводу народнаго гимна. О взглядѣ этомъ упоминаетъ мимоходомъ Н. С. Соханская-Кохановская въ своихъ письмахъ ²⁾ къ Маріи Васильевнѣ Вольховской, сестрѣ Малиновскаго. «И небо и земля, и возвеличенныя мученичествомъ христіанскія сердца, — говоритъ она, — все оглашается совокупнымъ моленіемъ: «Спаси, Господи, люди Твоя». Я совершенно согласна съ покойнымъ Иваномъ Васильевичемъ (Малиновскимъ) ³⁾, что Русскій народный гимнъ именно долженъ быть *этотъ*, а не дѣланнй и передѣланнй «Боже, Царя храни». И въ «Спаси Господи» есть царь, да еще благовѣрный государь; но прежде всего есть *люди*; на нихъ призывается благословеніе Господне, и затѣмъ испрашивается побѣда на сопротивные, и охраненіе всего знаменіемъ креста. Это самый великій народный христіанскій гимнъ, пѣснь Богу нашему, во всѣ дни торжествъ и бѣдъ народныхъ...»

Съ этой точки зрѣнія все это безспорно. Но нельзя не согласиться, что въ этомъ разсужденіи проглядываютъ отголоски 14 декабря и эпохи мракобѣсыя ⁴⁾ съ стриженными барышнями, нашими Теруанъ де-Мирекурами, ходившими просвѣщать «людіе». Идея народнаго гимна есть прославленіе Царя, какъ представителя Россіи и его народа, а потому гимнъ и не долженъ быть просто народнымъ, да еще христіанскимъ гимномъ, приложимымъ ко всякому народу, гдѣ только

¹⁾ Записки, стр. 398.

²⁾ «Рус. Арх.» 1900 г., I, стр. 108. «Изъ писемъ Н. С. Соханской (Кохановской)».

³⁾ Было напечатано — «Кирѣвскимъ», но исправлено въ № 4 «Рус. Арх.» 1900 г., стр. 655, съ добавленіемъ, что и «Кирѣвскій» отъ такой мысли не отказался бы» (?).

⁴⁾ Письмо Соханской въѣдъ отъ 15 сентября 1876 г.

мимоходомъ упоминается о благовѣрномъ государѣ. Наконецъ, бравурный мотивъ молитвы «Спаси, Господи», гдѣ испрашивается побѣда воинству, никогда не затмить величественной мелодіи, вдохновенныхъ аккордовъ гимна «Боже, Царя храни». Если эта мысль, т. е. замѣна гимна молитвою, пришла въ голову Ивану Васильевичу Малиновскому, то, навѣрное, его бывший директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ назвалъ бы его еще разъ «пустобай».

По словамъ дочери, Малиновскій «умеръ совершенно сознательно, стараясь мужественно скрыть свои страданія, чтобы мать и нашь не тревожить. У него было воспаленіе легкихъ и прохворалъ всего 6-ть дней. Самъ пожелалъ приобщиться, лежалъ совѣмъ безсильный, но для причастія всталъ и на ногахъ принялъ Святое Причастіе. Со вѣмъ простился, всѣхъ благословилъ и умеръ окруженный всею многочисленною семьею. Завѣщалъ главное дружбу семьѣ, которое его благословеніе и держится свято»¹⁾).

Иванъ Васильевичъ Малиновскій умеръ 10-го февраля 1873 г., въ чинѣ отставнаго гвардіи полковника, проживъ 77 лѣтъ (къ сожалѣнію, день рожденія мнѣ неизвѣстенъ).

Въ заключеніе приведемъ отзывъ о Малиновскомъ, который дѣлаетъ графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ въ своемъ Дневникѣ за 1839 г. (гл. 2): «Иванъ Васильевичъ Малиновскій, вспыльчивый, вообще совершенно эксцентрическій (Sic!), но самый благородный и добрый малый. Началъ и продолжалъ службу въ гвардейскомъ Финляндскомъ полку, и, дослужившись до капитана, вышелъ въ отставку полковникомъ еще въ прошлое царствованіе, въ 1825 г. Онъ переселился въ деревню, въ Харьковскую губернію, гдѣ былъ два трехлѣтія уѣзднымъ предводителемъ дворянства, женился на дочери сенатора Пущина и теперь постоянно живетъ въ своей деревнѣ»²⁾).

¹⁾ Письмо Софіи Ивановны Штакеншнейдеръ ко мнѣ отъ 13 октября 1899 г.

²⁾ «Рус. Стар.» за 1904 г., т. 118, июнь, стр. 550.

V.

Семья Ивана Васильевича отъ перваго брака.—Отъ втораго.—Сестра—Анна Васильевна Розень по Запискамъ мужа

Мы привели выше собственноручную замѣтку Малиновскаго, напечатанную въ газетѣ «Русскій Миръ». Газета замѣтила, что онъ «живетъ въ трудахъ по хозяйству». На это Иванъ Васильевичъ отвѣчаетъ: «Въ настоящее время при моемъ 75-ти-лѣтїи такъ оно и есть, ибо люблю агрономїю, люблю воспроизводить». Исходя изъ этого понятїя и расширяя его рамки, можно сказать, что воспроизводить—это есть вызываніе творческихъ силъ жизни, несеніе плода, плодovitость. Это то, что Эмиль Золя проповѣдовалъ въ концѣ XIX вѣка и что осуществилъ Малиновскій, создавъ семью, давшую большое число потомковъ. «Плодovitость,—говоритъ Золя,—самый могущественный рычагъ для созданїя будущности человѣчества. Въ ней заключается великая эволюціонная идея прогресса»... «Трудъ—душа всего міра въ его вѣчномъ процессѣ творчества. И появленіе на свѣтъ новаго существа есть трудъ; трудъ цѣлой жпзни, проведенной правильно и разумно, безъ нелѣпаго извращенїя природныхъ наклонностей». Это такой же трудъ, какъ и ритмическое движеніе, уносящее нашъ міръ къ его конечной цѣли, являющееся также одною изъ формъ труда. Требуется, однако, еще одно условіе, чтобы трудъ этотъ былъ цѣлесообразенъ, — это есть дружба, чтобы всѣ члены семьи, всѣ потомки одного рода были дружны между собою. Малиновскій говорилъ, «что въ дружбѣ вся наша сила», и, по завѣту своего родоначальника, всѣ члены многолюдной семьи Малиновскаго отличаются, какъ и въ старину, крѣпкою между собою дружбою.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій отъ перваго брака, съ Марїею Ивановною Пушиной, имѣлъ сына: (I) Антона Ивановича (род. 9 іюля 1838 г.), кончившаго курсъ Императорскаго Александровскаго Лицея въ 1856 году (XXI-й курсъ), съ серебряною медалью, д. с. с. и члена Московской Судебной Палаты, пользовавшагося большимъ уваженіемъ. Онъ умеръ 6 апрѣля 1904 года. Вотъ некрологъ, которымъ его почтилъ редакторъ «Русскаго Архива» Петръ Ивановичъ Баргеновъ: «Московское образованное общество понесло чувствительную утрату

въ лицѣ члена здѣшней Судебной Палаты, Антонія Ивановича Малиновскаго скончавшагося 6 апрѣля нынѣшняго года ¹⁾ на 66-мъ году возраста (онъ родился 10 іюля 1838 года) ²⁾. Это родной внукъ перваго Директора Царско-сельскаго Лицея и правнукъ знаменитаго священника Самборскаго, сумѣвшаго внушить къ себѣ общее уваженіе въ Россіи и въ чужихъ краяхъ (онъ былъ духовникомъ несчастной эрцгерцогини Александры Павловны). Отъ нихъ Антоній Ивановичъ унаслѣдовалъ высокія преданія добра, живого благочестія и здраваго просвѣщенія. Отецъ его, Иванъ Васильевичъ — любимый товарищъ А. С. Пушкина, который воспоминалъ про него на смертномъ одрѣ своемъ. По матери своей, Марьѣ Ивановнѣ, былъ онъ племянникомъ другаго Пушкинскаго товарища, декабриста Ивана Ивановича Пущина, человѣка необыкновенныхъ достоинствъ, имя котораго тоже называлъ, прощаясь съ жизнью, великій поэтъ. Покойный Антоній Ивановичъ всю жизнь оставался вѣренъ святымъ завѣтамъ родной семьи. Намъ мало знакомо служебное его поприще; но, конечно, и въ судебномъ вѣдомствѣ останется онъ незабвеннымъ, какъ искреннѣйшій другъ правды. Милая намъ тѣнь да приметъ въ этихъ строкахъ сердечную дань сочувствія къ

«Душѣ прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Высокихъ думъ и простоты».

П. Б.» ³⁾.

Антонъ Ивановичъ былъ женатъ на княжнѣ Надеждѣ Григорьевнѣ Долгорукой ⁴⁾. У нихъ четверо дѣтей:

- | | | |
|-----|--------------------------------|---|
| 1) | } Близнецы: { | Марія, умершая ребенкомъ. |
| 2) | | Надежда, замужемъ за Гв. Полковникомъ Михаиломъ Павловичемъ Ганенфельдтѣмъ. |
| 3) | Екатерина, дѣвица. | |
| 4) | Варвара, скончалась ребенкомъ. | |

¹⁾ Т. е. 1904 года.

²⁾ По нашимъ свѣдѣніямъ—9-го іюля 1838 года; свѣдѣнія эти сообщены намъ его сестрою, Софією Ивановною Штакенштейндеръ.

³⁾ «Рус. Арх.» 1904 г., кн. 5-я, стр. 168.

⁴⁾ Надеждою Григорьевною Малиновскою сообщены выдержки изъ дневника ея отца, князя Г. А. Долгорукова, подъ заглавіемъ: «Крымская война» («Рус. Арх.» 1900 г., 3, стр. 451—460). Князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукинъ былъ женатъ на Надеждѣ Григорьевнѣ, ур. гр. Чернышевой, сестра которой, Вѣра Григорьевна, была за графомъ Паленомъ (Ibid., 4, стр. 655). Ея перу принадлежитъ замѣтка подъ заглавіемъ: «О декабристѣ графѣ Захаріи Григорьевичѣ Чернышевѣ». («Рус. Арх.» 1903 г., 1, стр. 42). По поводу этой замѣтки сдѣлана поправка графомъ И. Чернышевымъ-Кругликовымъ. («Рус. Арх.» 1903, 4, стр. 615).—Н. Г. Малиновская (рожденная княжна Долгорукова) скончалась 29 іюля 1910 г., въ имѣннйи своей—селѣ «Подольно», Орловской губ., и тамъ же и похоронена 1 августа.

Отъ второго брака, съ Екатериною Федосѣвною Зинкевичъ:

II) Марія Ивановна (род. 24 сентября 1840 г.), замужемъ за Владиміромъ Андреевичемъ Штакеншнейдеръ, юристомъ, консультантомъ при отдѣленіи Государственнаго Банка въ Харьковѣ, а также—участникъ всѣхъ мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ. Владиміръ Андреевичъ воспитывался въ Лицеѣ, принадлежитъ къ 31 курсу, но выбылъ изъ Лицея до окончанія курса, вслѣдствіе большой склонности къ частымъ заболѣваніямъ дыхательныхъ путей. До настоящей должности былъ чиновникомъ по судебной части при Харьковскомъ Акцизномъ Управленіи ¹⁾. У нихъ дочери: 1) Екатерина, 2) Софія и 3) Наталія. Былъ еще сынъ, умершій въ шестилѣтнемъ возрастѣ ²⁾.

III) Павелъ Ивановичъ, род. 6 ноября 1847 года, земскій начальникъ, живетъ въ родовомъ имѣніи Каменкѣ и поддерживаетъ всѣ семейныя традиции; пользуется въ уѣздѣ любовью и уваженіемъ. Женатъ на Вѣрѣ Петровнѣ Эйснеръ. У нихъ дѣти: 1) Ольга, 2) Иванъ, 3) Борисъ, 4) Петръ, 5) Екатерина, 6) Марія и 7) Андрей.

IV) Надежда Ивановна, род. 29 марта 1850 года, вдова, была замужемъ за Порфиріемъ Николаевичемъ Купчиновымъ, класная дама Нижегородскаго Института. У нихъ дѣти: 1) Николай Порфиріевичъ, штабсъ-ротмистръ Изюмскаго Драгунскаго полка и адъютантъ въ кадрахъ въ Борисоглѣбскѣ; 2) Софія Порфиріевна, имѣетъ пансіонъ въ Кіевѣ, который считается первымъ при гимназіяхъ; 3) Иванъ Порфиріевичъ, окончилъ Императорскій Александровскій Лицейъ въ 1897 году (LIII-й курсъ), земскій начальникъ Волоколамскаго уѣзда. Женатъ на Маріи Валентиновнѣ Голубевой, дочери лицеиста Валентина Яковлевича Голубева, XXXI-го курса.

V) Софія Ивановна, род. 13 апрѣля 1852 г., была замужемъ за Адрианомъ Андреевичемъ Штакеншнейдеръ, членомъ Харьковской Судебной Палаты, скончалась 30 іюля 1907 г., въ гор. Славянскѣ, и погребена 2 августа въ с. Каменкѣ, Изюмскаго уѣзда.

VI) Сергѣй Ивановичъ, род. 7 октября 1854 года, умеръ въ дѣтствѣ.

VII) Вѣра Ивановна, род. (?), замужемъ за барономъ Альфредомъ Карловичемъ Корфъ. У нихъ дѣти: 1) Екатерина, 2) Елизавета, 3) Николай и 4) Вѣра.

Такимъ образомъ, у Ивана Васильевича Малиновскаго было семь человѣкъ дѣтей и 21 человѣкъ внуковъ и внучатъ.

Если я позволилъ себѣ привести этотъ переченьъ дѣтей и внуковъ, любезно сообщенный мнѣ Софією Ивановною и только дополненный мною датами о рожденіи, то потому, въ особенности, что свѣдѣнія эти драгоцѣнны для будущаго

¹⁾ «XXXI курсъ Императорскаго Александровскаго Лицея черезъ 25 лѣтъ послѣ выпуска. 1871—1896 г.» Спб., 1896 г., стр. 64—66.

²⁾ Ibid., стр. 64.

составители дворянских родословій вообще и для генеалогіи рода Малиновскихъ въ частности. Эти свѣдѣнія могутъ быть полезны для составителей генеалогій, требующихъ столько трудовъ и хлопотъ у насъ, при общемъ равнодушіи россіянъ, на что еще недавно указывалось въ газетахъ со словъ Первоприсутствовавшаго въ Департаментъ Герольдіи Сенатора Д. Г. Анучина ¹⁾.

«Опорою гибнущимъ, слабымъ, больнымъ
Мы будемъ въ тюрьмѣ ненавистой,
И рукъ не положимъ, пока не свершимъ
Объта любви безкорыстной!..»

Некрасовъ.

Одна изъ сестеръ Ивана Васильевича, Анна Васильевна, въ замужествѣ баронесса Розенъ, является настолько замѣчательною личностью, какъ жена декабриста, что мы позволимъ остановиться на краткомъ обзорѣ ея страдальческой жизни. Въ основу описанія ея жизненнаго пути лягутъ записки ея мужа.

«Въ концѣ августа 1822 года сослуживецъ мой, И. В. Малиновскій, — говоритъ Розенъ, — ввелъ меня въ кругъ своего семейства, только-что возвратившагося изъ Ревеля съ морского купанья. Три сестры его, круглыя сиротки, жили тогда въ домѣ дяди своего со стороны отца, П. Θ. Малиновскаго, подъ крыломъ единственной тетки своей, со стороны матери, Анны Андреевны Самборской. Я радъ былъ познакомиться въ такомъ домѣ, имѣть вѣсти объ отцѣ моемъ, съ которымъ онъ часто видался въ Ревелѣ, и хотя тогда не имѣлъ никакого намѣренія жениться, но средняя сестра Анна своимъ лицомъ, наружностью, голосомъ, одеждою, скромнымъ обхожденіемъ, вызвала во мнѣ чувство безотчетное. Съ перваго дня знакомства тайный голосъ нашептывалъ мнѣ, что она должна быть моею

¹⁾ См. «Новое Время» 15 (27) февраля 1900 г., № 8610, — перепечатка изъ Симферопольской газеты «Салгирь».

Мы можемъ указать здѣсь на нѣсколько лицъ, носящихъ фамилію Малиновскихъ. Находятся-ли эти лица въ родствѣ съ нашими Малиновскими, намъ неизвѣстно; по всѣмъ вѣроятіямъ, это просто однофамильцы ихъ. Такъ, напр., Василій Ивановичъ Демуть-Малиновскій (род. въ 1799 г., ум. въ 1846 г.), извѣстный скульпторъ. — Другой Малиновскій, домашній учитель, держалъ экзамень изъ латинскаго языка у Снѣгирева 17 ноября 1834 г. («Рус. Арх.» 1902 г., 9, стр. 40). — Кроме того, у того же Снѣгирева, въ его дневникѣ, мы находимъ очень много подробностей о другомъ Малиновскомъ, начальныя буквы имени и отчества котораго: Н. П. Онъ былъ секретаремъ у преосвященнаго Августина. (См. Дневникъ Ивана Михайловича Снѣгирева. «Рус. Арх.» 1902 г., 7: отъ 15 февраля 1824 г. — стр. 390; марта 3 — стр. 396; апрѣля 28 — стр. 399; «Рус. Арх.» 1902 г., кн. 8: отъ 31 января 1825 г. — стр. 562; «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 2, стр. 224). — Наконецъ, мы уже указали, что существовалъ священникъ въ Грузинѣ Θεодоръ Андреевичъ Малиновскій, которому Геннадіи приписалъ сочиненіе Θεодора Авксентьевича Малиновскаго. Объ этомъ священникѣ Θεодорѣ Андреевичѣ Малиновскомъ см. статью Н. А. Гастфрейндъ: «Библиографическая замѣтка о Θ. А. Малиновскомъ» — поправка къ словарю Геннадіи. «Литературный Вѣстникъ» 1903 г., т. V, кн. 4, стр. 478—481.

женою, что только съ нею буду счастливъ... (стр. 38). Мысль о женитьбѣ не покидала меня; выборъ былъ мною сдѣланъ, но какъ было приступить, когда я не имѣлъ независимаго собственнаго состоянія. Со всею любовью, со всеми лучшими намѣреніями, я не могъ предложить моей избранной никакихъ удобствъ жизни; не знаю, гордость ли или чувство независимости, не позволяли думать о томъ, что бы жена питала мужа. Къ счастью моему избранная моя была круглая сирота... (стр. 45). Близкая связь моя со старшимъ племянникомъ Петра (?) Федоровича — И. В. Малиновскимъ, моимъ сослуживцемъ, придавала мнѣ надежду на успѣхи, и я уже имѣлъ на то согласіе моихъ родителей... (стр. 49). Такъ наступилъ 1825 г. съ надеждами и ожиданіями. 14 февраля рѣшился я просить руки Анны Васильевны Малиновской. Получивъ впередъ согласіе дяди и тетки, замѣнявшихъ ей отца и мать, я обратился самъ къ избранной мною. Помню, что это было въ субботу вечеромъ: мы сидѣли въ кабинетѣ дяди; я заранѣе затвердилъ рѣчь съ предложеніемъ, которую забылъ въ эту торжественную минуту, и просто и кратко съ чистымъ сердцемъ предложилъ ей мою любовь и дружбу, которыя донинѣ, при пересмотрѣ моихъ записокъ, свято хранилъ въ продолженіе 45-ти лѣтъ, невѣста моя также свято сдержала данное мнѣ слово. Полученное согласіе исполнило меня счастіемъ, я почувствовалъ въ себѣ новыя силы... 19 февраля 1825 года совершенно было обрученіе протоіереемъ Н. В. Музовскимъ. Съ невѣстою моею былъ я соединенъ не однимъ обручальнымъ кольцомъ, но единопущіемъ въ нашихъ желаніяхъ и взглядахъ на жизнь. Въ тотъ вечеръ мы долго бесѣдовали наединѣ; казалось, что уже вѣкъ были знакомы, душа откровенно слилась съ душою, и слезы полились обильно у меня, и дыханіе замирало; невѣста смутилась. Я былъ не изъ числа жениховъ театральныхъ, преклоняющихъ колѣна свои предъ невѣстою, лобызających ручки и ножки, и рассыпающихся въ клятвахъ любви и вѣрности. Нервы мои не выдержали прилива сильныхъ душевныхъ ощущеній, они разразились въ слезахъ и рыданіяхъ, а изъ слыхавшихъ это въ смежной комнатѣ, чрезъ годъ спустя, по моему осужденію въ ссылку, приписывали это внутреннему упреку или раскаянію:—они взрывовъ истиннаго счастья не знали?.. Приѣхавъ въ Петербургъ (онъ уѣзжалъ въ Прибалтійскій край для испрошенія родительскаго благословенія), заѣхалъ сперва въ казармы къ И. В. Малиновскому, и вручилъ ему пакетъ въ синей бумагѣ съ четырьмя тысячами рублей, за выкупленный мой вексель по картежному проигрышу; съ тѣхъ поръ до сегодня Богъ миловалъ и помогалъ прожить безъ долговъ... Свиданіе съ невѣстою было чистою радостью обоюдною: я передалъ ей скромный подарокъ мой—колечко и шелковую матерію. Кажется, что никогда и нигдѣ женихъ, въ моихъ обстоятельствахъ, не дарилъ такъ мало, и что никогда невѣста не была такъ довольна, какъ моя.— Зато я былъ женихъ безъ долговъ!.. (стр. 50—52). 19 апрѣля 1825 года совершенно было мое бракосочетаніе въ полковой церкви въ присутствіи всѣхъ

офицеровъ. Полковые пѣвчіе, освѣщеніе полковой церкви, и всей ограды полковаго госпиталя, придавали всему больше торжественности. Посажеными съ моей стороны были М. С. Перскій и М. Ф. Тулубьева, а со стороны невѣсты П. Ё. Малиновскій и Н. Ф. Плещеева. Они съ шаферами проводили насъ до новой хорошо убранной квартиры въ 3-й Линіи между Среднимъ проспектомъ и Малою Невюю. Поднесли чаю, шампанскаго и конфекты, пили за здоровье новобрачныхъ, и разѣхались.—Я тотчасъ, надѣлъ старый, рабочій скюртукъ мой, и былъ съ женою какъ будто всегда жили вмѣстѣ. На третій день обѣдали у насъ всѣ офицеры полка. Послѣ обѣда Н. И. Гречъ смѣшилъ всѣхъ... (стр. 55). Въ четвертый день послѣ свадьбы назначено было дѣлать обычные визиты; но ночью показался Ладожскій ледъ на Невѣ, мостъ былъ разведенъ, на что мы съ женою нисколько не пеняли. Наше маленькое хозяйство было хорошо устроено, прислуга была усерднѣйшая, требованія наши были скромны, мы имѣли одно желаніе взаимнаго счастья. По окончаніи визитовъ, продолжавшихся три дня, мы принимали посѣщенія, а когда черезъ двѣ недѣли окончился срокъ моего отпуска, мы переехали въ Ораніенбаумъ къ моей учебной командѣ» (стр. 56). Эта идиллія продолжалась до 14 декабря. Жена Розена не покидала его въ эту трагическую минуту его жизни...

Стоя на посту съ своими солдатами, баронъ Розенъ получилъ записку отъ жены. Записка эта была найдена при арестѣ его Микулинымъ и дала поводъ къ слѣдующему комическому эпизоду. На запискѣ стояло: «sois tranquille, cher ami, Dieu me soutient, ménage-toi». «Микулинъ возразилъ мнѣ, что это невозможно, или что жена моя не умѣетъ писать по-французски, потому что ясно видно, что не женщина къ мужчинѣ, а наоборотъ мужчина пишетъ къ женщинѣ.—«Не берусь быть судьей, въ какой степени жена моя знаетъ французскій языкъ, но ручаюсь, что въ этой запискѣ нѣтъ ошибки грамматической».—«Помилуйте да какъ же она пишетъ въ мужскомъ родѣ tranquille два l и e!»—«На счастье мое подошелъ адъютантъ Государя Полковникъ В. А. Перовскій и прервалъ неприятный споръ, сказавъ ученому грамматикѣ: «Cessez donc, mon cher, vous dites des bêtises» (стр. 105).

Если въ крѣпости Розенъ могъ во всякое время представить себѣ присутствіе жены, не только черты лица ея, но даже всѣ движенія, и слышать голосъ, и мысленно бесѣдовалъ съ нею (стр. 115), то и она не покидала своего мужа, прислала ему бѣлья, подушку (стр. 110); ѣздила смотрѣть на него хоть издали и переписывалась съ нимъ. Эту любовь къ узнику раздѣляли и слуги. Возвращаясь изъ бани, баронъ Розенъ на обратномъ пути замѣтилъ возлѣ караула слугу своего Михаила, который странными движеніями лица, рукъ и ногъ выражалъ свою радость и свою преданность. «Здорова ли Анна Васильевна?» «Слава Богу, онѣ сейчасъ были въ церкви и идутъ назадъ по аллеѣ».—«Я прибавилъ шагу и уви-

дѣлъ, какъ она, покрытая зеленымъ вуалемъ, шла тихими шагами на разстояніи двухъ сотъ сажень отъ меня: хотѣлъ къ ней броситься; но ея положеніе при послѣднихъ мѣсяцахъ беременности и отвѣтственность моего конвоя удержали меня; рукою посылалъ ей поцѣлуй и пошелъ въ свой казематъ» (стр. 126).

Вскорѣ Розень увидѣлся съ своей женою. 13 мая, въ седьмомъ часу утра,— продолжаетъ онъ въ своихъ Запискахъ,— разбудилъ меня Плаць-Адъютантъ Николаевъ. Изъ корридора слышался его голосъ,—онъ велѣлъ призвать цырульника.—Вставайте скорѣе А. Е.! Что такое? Опять въ комисію?—Нѣтъ, въ домѣ коменданта ожидаетъ Васъ радость: Ваша супруга пріѣхала на свиданіе.—Въ мигъ я одѣлся, не хотѣлъ дожидаться бородобрѣя. Мы вышли, и теплый душистый воздухъ упоилъ и освѣжилъ меня. У поворота поклонился мнѣ слуга мой Михайло; на площадкѣ стояла карета моя, и какъ только кучеръ Василій завидѣлъ меня, то ударилъ по воронымъ конямъ и лихо представилъ ихъ, объѣхавъ вокругъ меня.—Въ покояхъ коменданта обнялъ я мою Annette, она была въ глубокомъ траурѣ по кончинѣ матери моей. Видъ ея, слова и голосъ радовали и утѣшали. При нашемъ свиданіи присутствовалъ все время комендантъ крѣпости, отчего бесѣда наша не могла быть искреннею, и касалась только родныхъ и домашнихъ отношеній.—По посредничеству В. В. Левашова, жена моя получила Высочайшее соизволеніе на свиданіе со мною; приближалось время ея разрѣшенія отъ бремени, и она желала чтобы мы еще разъ могли благословить другъ друга. Она передала всѣ подробности о послѣднихъ часахъ жизни моей матери, скончавшейся 18 марта, въ тотъ самый день, когда предчувствіе все мнѣ сообщило въ тотъ же самый часъ.—Я всячески старался успокоить жену на счетъ ожидающей меня участи; часъ промчался быстро; комендантъ не могъ продлить свиданіе, и мы должны были разстаться;—не легко было и это второе разставаніе. Съ особенными чувствами возвратился я въ мой 13-й номеръ; я былъ спокойнѣе, увидѣвъ добрую жену мою, получивъ болѣе надежды, что она съ упованіемъ и съ вѣрою перенесетъ разлуку, и предстоящее ей близкое разрѣшеніе.—Чаще и громче напѣвалъ я пѣсни, и на яву, и во снѣ продолжалъ бесѣды душевныя. На третій день получилъ я письмо отъ нея, въ которомъ увѣдомила, что свиданіе укрѣпило ее. Помню только, что я передалъ ей при комендантѣ послѣднія слова, слышанныя мною отъ Императора; старался по возможности успокоить ее, что было мнѣ не трудно: потому что въ эти минуты свиданія я забылъ гдѣ я былъ; не видѣлъ я коменданта, не слышалъ курантовъ крѣпостныхъ часовъ, не думалъ о предстоящемъ мнѣ жребіи: я былъ какъ дома, я былъ счастливъ... (стр. 130 и 131).

«Черезъ недѣлю послѣ исполненія приговора ¹⁾, племянникъ мой, А. И. Мореншилдьтъ, получилъ позволеніе со мною увидѣться и проститься. Свиданіе было

¹⁾ 13 іюля 1826 г.

въ комендантскомъ домѣ въ присутствіи Плацъ-Адъютанта. Благородный мой сослуживецъ, родственникъ и свадебный шаферъ, съ любящею душою утѣшалъ меня на счетъ жены моей, и правдиво передалъ мнѣ, что она извѣщена о постигшей меня участи, и съ христіанскою покорностію переноситъ это несчастіе, что здоровье ее и сына посредственно, что она спрашиваетъ меня о моихъ нуждахъ въ дорогу и надѣется сама меня увидѣть. Черезъ два дня прислала мнѣ жена одежду и бѣлье, а 25 іюля пріѣхала сама съ сыномъ.— Не умѣю выразить чувствъ моихъ при этомъ свиданіи: моя Annett'a, хотя въ слезахъ, но крѣпкая упованіемъ, твердая въ вѣрѣ и любви къ Богу, спрашивала о времени и о мѣстѣ нашего соединенія. Сынъ мой шестинедѣльный лежалъ на диванѣ, и какъ будто желая утѣшить насъ, улыбаясь то губами, то голубыми глазками. Возлѣ него стояла Марія Николаевна Смитъ, впослѣдствіи г-жа Паскаль, давнишняя подруга жены моей, которая опасаясь худыхъ послѣдствій отъ свиданія для матери, бывшей вмѣстѣ и кормилицей, согласилась проводить ее подъ видомъ няньки.— Я упрасивалъ жену не думать о скоромъ слѣдованіи за мною, чтобы она выждала время, когда сынъ мой укрѣпится и будетъ на ногахъ, когда извѣщу о новомъ пребываніи моемъ; она безмолвно благословила меня образомъ, къ нему заклеены были тысяча рублей, а потому я не принялъ его: тогда были деньги для меня бесполезны. Я просилъ только заказать для меня плащъ изъ сѣраго толстаго сукна, подбитый тонкою клеенкою; одежда эта очень мнѣ пригодилась послѣ въ дождь и холодъ. Еще просилъ я навѣщать вдову и дочь Рылѣва.— Назначенный часъ свиданія прошелъ, мы разстались въ полной надеждѣ на свиданіе, гдѣ и когда бы то ни было. Особенно благословилъ сына младенца». (Ibid., стр. 200—201).

Уѣзжая съ фельдъегеремъ изъ крѣпости, Розень замѣчаетъ: «Свѣтъ луны и ярко горящихъ звѣздъ освѣщаль нашу дорогу, тихую рысью переѣхали Неву. Я все глядѣлъ на сторону Васильевскаго Острова, благословлялъ жену и сына. Я зналъ, что жена въ эту минуту стояла на молитвѣ; она, извѣщая отца моего о моей отправкѣ и припоминая эту свѣтлую звѣздную ночь, написала ему слова Паскаля:—«Il n'y a rien de plus beau dans le monde que le ciel étoilé et le sentiment du devoir dans le coeur de l'homme». (Ibid., стр. 205).

Послѣ многихъ и долгихъ хлопотъ у Дибича и Бенкендорфа было разрѣшено баронессѣ Аннѣ Васильевнѣ Розень ѣхать въ Сибирь къ мужу, но съ условіемъ оставить сына въ Россіи. Условіе это поставило ее въ крайне трагическое положеніе: тетка Самборская, по дряхлости лѣтъ, не могла взять на себя заботу о воспитаніи ребенка, чужимъ отдавать его было немислимо, но въ эту критическую минуту явилась на помощь достойная сестра ея Марія Васильевна Малиновская, взявшая ребенка на свое попеченіе. Сборы были недолги. Собрались все ѣхать изъ имѣнія въ Москву, чтобы оттуда матери уѣхать въ Сибирь, а сыну съ теткою въ Петербургъ. Въ Москвѣ Анна Васильевна нашла радушный пріемъ у

родныхъ осужденныхъ товарищей ея мужа: Екатеры Михайловны Нарышкиной, впослѣдствіи княгини Голицыной, у всѣхъ графинь Чернышевыхъ, сестеръ Александры Григорьевны Муравьевой. Въ особенности графиня Вѣра Григорьевна (впослѣдствіи графиня Паленъ) и Наталья Григорьевна (впослѣдствіи жена Н. Н. Муравьева-Карскаго) хотѣли раздѣлить съ нею злосчастную судьбу ея.

«Не беру на себя подробно описать послѣдній день, проведенный матерью съ сыномъ,—говорить Андрей Евгеньевичъ Розенъ; маленькій Евгеній былъ мальчикъ чувствительный, умный и послушный: мать уже давно приготовила его къ предстоящей разлукѣ, общала свиданіе и возвращеніе. Изъ прощающихся съ нею въ послѣднія минуты случился тутъ предъ самымъ отъѣздомъ хорошій и близкій знакомецъ съ юныхъ лѣтъ, первый воспитанникъ перваго выпуска изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ В. Д. Вольховскій. Жена моя не хотѣла уѣхать первая, посадила сына въ карету и благословила его: когда тронулась карета, она сѣла въ свою коляску и изъ тѣхъ же воротъ повернула въ противную сторону». Но здѣсь случилась задержка: коляска сломалась, и ей пришлось вернуться назадъ. Этотъ случай былъ замѣченъ Вольховскимъ, и онъ позаботился о починкѣ экипажа, который и былъ готовъ черезъ три часа. «Можно себѣ представить, какъ эти три часа показались безконечными для бѣдной матери: въ первую минуту она хотѣла послать воротить карету, но одумалась, припомнивъ взаимную борьбу перваго разставанія. В. Д. Вольховскій, въ которомъ она тогда не могла предугадать будущаго брата и отца для своего сына, проводилъ ее послѣдній, а далѣе провожалъ ее Господь» (стр. 242—244).

Наравнѣ съ другими женами декабристовъ она предприняла великій подвигъ христіанской любви къ ближнему—подвигъ этотъ былъ вполнѣ оцѣненъ рыцарскимъ характеромъ Императора Николая Павловича, который выразился про женъ декабристовъ, что «*c'était un trait de dévouement digne de respect, d'autant plus qu'on voyait si souvent le contraire*» (это былъ знакъ преданности, достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что такъ часто видимъ противное)¹⁾.

Устроивъ судьбу сына, отдавъ его на руки своей сестрѣ Марьѣ Васильевнѣ, впослѣдствіи вышедшей замужъ за В. Д. Вольховскаго, жена Розена, послѣ многихъ мытарствъ и хлопотъ, уѣхала къ мужу въ Сибирь (17 іюня 1830 года) и застала бы его еще въ Читѣ, но была задержана на станціи Степной цѣлыя три недѣли страшнымъ наводненіемъ (стр. 242—245 и слѣд.). Въ Иркутскѣ она пріѣхала 31 іюля, и хотя ей не дѣлали такихъ препятствій, какъ княгинѣ Трубецкой, однако и отъ нея потребовали письменное отреченіе отъ всѣхъ правъ со-

¹⁾ Записки барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. «Русская Старина» 1900 г., т. СІІІ, іюль, стр. 55.

стоянія. Августа 4 поставили коляску на парусную лодку и пустились по Байкалу, но поднялась буря и качала ее до 7-го, а потому не могли пристать къ берегу у Посольскаго монастыря. Въ 9-ти верстахъ отъ монастыря оказался заливъ, въ который и вошли. Анна Васильевна и попутчики отслужили въ монастырѣ благодарственный молебенъ. На станціи Степной ихъ застигло разлитіе рѣкъ: Селенги и Уды. Десять дней жила она въ бѣдной деревушкѣ въ амбарѣ; вода стала опускаться, но жена Розена должна была оставить свою коляску, переправиться нѣсколько верстъ на лодкѣ и съ трудомъ и съ опасностью добралась до слѣдующей станціи. Слуга оставался при коляскѣ, она съ служанкою сѣла въ перекладную телѣгу и мчалась далѣе, мчалась потому, что Сибирскіе почтовые кони иначе не возять. Наконецъ, 27 августа она догнала партію своего мужа, и вотъ какъ описываетъ Розенъ ихъ встрѣчу: «Услышавъ почтовый колокольчикъ и стукъ телѣги по мостику, выглянулъ изъ юрты и увидѣлъ даму въ зеленомъ вуалѣ. Въ мгновеніе накинулъ на себя сюртукъ и побѣжалъ на встрѣчу. Н. А. Бестужевъ пустился за мною съ моимъ галстухомъ, но не догналъ; впереди пикетъ часовыхъ бросился остановить меня, но я пробѣжалъ стрѣлою: въ нѣсколько десятковъ саженей отъ цѣпи часовыхъ остановилась тройка, и съ телѣги я поднялъ и посадилъ мою добрую и кроткую и измученную Annette. — Часовые остановились; въ первую минуту я предался безотчетной радости, море было по колѣно, но куда вести жену? она едва могла двигаться послѣ такой ѣзды и такихъ душевныхъ ощущеній. Къ счастью пришелъ тотчасъ Плацъ-Адъютантъ Розенбергъ, который увѣдомилъ, что получилъ предписаніе отъ коменданта помѣстить меня съ женою въ крестьянской избѣ и приставить часового. — Вопросы и отвѣты о сынѣ и родныхъ длились нѣсколько часовъ.

«Мнѣ надобно было отпустить ужинъ товарищамъ, жену уговорилъ зайти къ Е. П. Нарышкиной. Лишь только приблизился къ юртамъ, какимъ восторгомъ встрѣтили меня; товарищи были счастливы моимъ счастьемъ, обнимали меня; Якубовичъ цѣловалъ мои руки, Якушкинъ вскочилъ въ лихорадкѣ, онъ ожидалъ свою жену вмѣстѣ съ моею, каждый по своему изъявлялъ свое участіе. Меня не допустили до кухни, другіе исправляли мою обязанность. Я хотѣлъ угостить жену артельною кашею, но Давыдовъ предупредилъ меня и изъ своей Смоленской крупы на бульонѣ сварилъ для нея такую кашицу, какую лучший поваръ вкуснѣе не сварить» (стр. 246).

Оставалось еще четыре перехода до новаго мѣста заточенія — Петровскаго Завода, и Розенъ упросилъ жену ѣхать впередъ, чтобы присесть квартиру для себя и для прислуги и запастись всѣмъ необходимымъ на первое время (стр. 252). По прибытіи на мѣсто, въ нововыстроенную тюрьму въ Петровскомъ Заводѣ, оказавшюся гораздо хуже Читинской, къ тому же безъ оконъ, женатые заключенные были посажены въ 1-е и 12-е отдѣленія, какъ крайнія.

«Жены,—говорить Л. Е. Розень,—нисколько не колебались раздѣлить заточеніе съ мужьями, что запрещено было въ Читѣ по случаю тѣснаго и общаго помѣщенія; а здѣсь комнатка была отдѣльная для каждаго. Въ нашемъ отдѣленіи жили Трубецкая, Нарышкина, Фонтъ-Визина и жена моя. С. П. Трубецкой говорилъ часто, «на что намъ окно, когда у насъ четыре солнца» (стр. 253). Каждый убиралъ свою келью по своему вкусу и по своимъ средствамъ. Общая кухня находилась посреди тюремнаго двора въ отдѣльномъ строеніи. «Съ женою, — говоритъ Розень, — жилъ я уединеннѣе прочихъ товарищей, оттого что были у насъ постоянныя занятія, всѣ наши часы были распредѣлены, даже для прогулки вдоль стѣны частокола. Жена моя почти каждый день въ 10 часовъ утра ходила на свою квартиру для устройства небольшого хозяйства: въ небольшомъ ящикѣ съ крышкою поварь приносилъ ежедневно намъ обѣдъ въ караульную, откуда часовой доставлялъ въ нашъ корридоръ: въ печи мы грѣли кушанье и сами убирали и выметали нашу келью. Жена моя понынѣ, по прошествіи съ того времени сорока лѣтъ ¹⁾, съ восхищеніемъ припоминаетъ свою жизнь въ Петровской тюрьмѣ» (стр. 255—256).

Проживъ годъ въ новой тюрьмѣ, Розень долженъ былъ разстаться съ женой, по случаю приближенія родовъ. Она наняла другую квартиру. «Тоскливо и грустно было намъ разставаться,—говорить Розень.—За недѣлю до разрѣшенія жены отъ бремени, мнѣ позволено было оставаться при ней; на квартирѣ находился при мнѣ часовой, который смѣнялся чрезъ сутки и провожалъ меня, какъ нянька, когда изъ квартиры выходилъ я на работу и на мельницу. 5-го сентября родился второй сынъ мой Кондратій: съ любовью принялъ сына на руки: впослѣдствіи очень часто, когда родились еще три сына и дочь, терзала меня грустная мысль о будущности ихъ. Съ того времени я далъ себѣ слово употребить все стараніе, чтобы самому воспитать дѣтей и указать путь, по коему человѣкъ независимо отъ гражданскихъ отношеній могъ быть счастливымъ и полезнымъ во всякомъ сословіи и во всякомъ мѣстѣ. Добрѣйшая жена моя, уже по рожденіи перваго сына доказала, что вполне умѣла быть вмѣстѣ и матерью и кормилицею и нянькою; она одна выполняла три должности, какъ водится въ народѣ у самыхъ бѣдныхъ людей, но и у нихъ есть бабушки, и тетушки, и сестрицы, но у нея ихъ не было въ Петровскомъ. Лишь только мать поправилась силами, то осталась одна, я долженъ былъ возвратиться въ тюрьму, откуда только дважды въ недѣлю имѣлъ позволеніе навѣщать ее на нѣсколько часовъ. Это время было тягостно» (стр. 258).

Декабристъ поэтъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій написалъ

¹⁾ Т. е. въ 1870 году, когда были изданы въ Лейпцигѣ, Дункеромъ и Гумблотомъ, Записки барона Андрея Евгеньевича Розена.

маленькому Кондратию въ Петровской тюрьмѣ въ 1832 году «Колыбельянку»¹⁾:

Спи, мой младенецъ
Милый мой Атіѣ,
Сладко усни!
Пусть къ изголовью
Ангель Хранитель
Тихо слетитъ.

* *
*

Вотъ онъ незримый
Люльку качаетъ,
Крылышкомъ мирный
Сонъ навѣваетъ.

* *
*

Атіѣ, мой Атіѣ
Вѣянье крыльевъ
Слышитъ сквозь сонъ;
Сладко онъ дышетъ,
Сладкой улыбкой
Вскрылись уста.

* *
*

Ангель-Хранитель
Люльку качаетъ,
Крылышкомъ тихо
Сонъ навѣваетъ ¹⁾).

Въ 1832 году (11 іюля) наступилъ срокъ окончанія тюремной жизни и выѣзда на поселеніе. Родственники жены Розена просили о поселеніи семьи Розена въ Курганѣ, въ Тобольской губерніи. Такъ какъ Анна Васильевна ожидала разрѣшенія отъ бремени въ концѣ августа, то мужъ уговорилъ ее выѣхать раньше въ Иркутскъ (см. стр. 265). Уѣхала она 3-го числа и безъ остановки достигла Байкала. Плаваніе по Байкалу было самое бѣдственное: ихъ качало нѣсколько дней; сынъ захворалъ; западное молоко, взятое съ берега, прокисло; варенаго младенецъ не принималъ; съ трудомъ поили его отваромъ изъ рисовыхъ крупъ; наконецъ, онъ не сталъ принимать никакой пищи, — мать была въ отчаяніи. На пятый ²⁾ день достигли берега. «Жена моя,—говоритъ Розенъ,—донинѣ съ во-

¹⁾ Полное собраніе стихотвореній князя А. П. Одоевскаго (декабриста). Собралъ баронъ Андрей Евгеньевичъ Розенъ. Спб., 1883 г., стр. 41 и 42. Въ стихѣ «Кондратій» въ стихѣ употреблено сокращенное—«Атіѣ».

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ—семь дней (стр. 272).

сторгомъ выражаетъ чувство блаженства, припоминая, когда она ступила на землю, когда сынъ ея больной, измученный, голодный, освѣжившись свѣжимъ молокомъ, уснулъ сладко; а она, сидя возлѣ него на полу, еще качалась всѣмъ тѣломъ, какъ на морѣ, и благодарила Бога за спасеніе сына» (стр. 266).

Тѣ же мытарства пришлось пережить на Байкалѣ и барону Розену, когда онъ ѣхалъ къ женѣ, но его качало цѣлыхъ десять дней (стр. 272). «Радость свиданія была невыразима и мы общали другъ другу, — говоритъ Розень, — впредь самовольно не разлучаться; въ чертахъ лица жены прочелъ я болѣзнь сына...»

Во время разлуки съ мужемъ и болѣзни сына Анна Васильевна была осыпана ласками и вниманіемъ Пр. М. Муравьевой, мужъ которой, Александръ Николаевичъ Муравьевъ I-й, былъ городничимъ въ Иркутскѣ, и родной ея сестры—княжны Варвары Михайловны Шаховской, которая была защитницею всѣхъ узниковъ въ Читѣ (стр. 273). На поселеніи въ Курганѣ у Розена, кромѣ двухъ сыновей, рожденныхъ въ Сибири, родился еще сынъ и дочь. «Воспитаніе и обученіе дѣтей начинались отъ самой колыбели; примѣрная мать была ихъ кормилицею, нянькою вторымъ Провидѣніемъ. Еще не умѣли говорить, а мать ихъ понимала» (стр. 307)¹⁾.

Въ 1836 году, 22 декабря, Розень упалъ и повредилъ себѣ ногу, такъ что лишенъ былъ возможности ходить. Въ заботахъ о будущности жены и дѣтей, Розень воспользовался проѣздомъ Цесаревича Александра Николаевича въ 1837 г. черезъ Курганъ и просилъ за жену и дѣтей, чтобы они не были покинуты и забыты, когда его не будетъ съ ними (стр. 312). Когда Наслѣдникъ Цесаревичъ передалъ просьбу декабристовъ объ освобожденіи ихъ и о возвращеніи на родину, то Государь выразился, что этимъ господамъ путь въ Россію ведетъ черезъ Кавказъ, и Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ назначить ихъ рядовыми въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ и немедленно отправить на службу (стр. 316). Начались сборы и продажа и раздача вещей. Всего болѣе было жалъ разстаться съ подаркомъ свояченицы—Маріи Васильевны Вольховской, съ «фортопiano» (стр. 317). 6-го сентября 1837 года они выѣхали въ Тифлисъ съ проводникомъ-надзирателемъ, проѣхали Челябинскъ, Саратовъ, гдѣ Розень встрѣтилъ брата своего Юлія, женатаго на А. А. Кравской. Хотя прямая дорога въ Грузію вела изъ Саратова черезъ Царицынъ и Камышинъ въ Астрахань, но имъ хотѣлось побывать на родинѣ жены, а потому изъ Саратовской губерніи повернули въ Тамбовскую и достигли Воронежа, гдѣ молились у раки Святителя Митрофана. Изъ Воронежа

¹⁾ «Тутъ (т. е. въ Курганѣ),—говоритъ С. А. Юрьевичъ,—также видѣлъ Розена, котораго зналъ прежде; онъ также здѣсь съ женою своею и дѣтьми, но этотъ носить печаль на лицѣ: у него дѣти, и о нихъ онъ много думаетъ. Они крестьяне». («Дорожные письма С. А. Юрьевича во время путешествія по Россіи Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ 1837 году». «Рус. Арх.» 1887 г., кн. 4, стр. 466.—О Юрьевичѣ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Розень, стр. 312 и 458; они были товарищами по кадетскому корпусу).

поѣхали въ Харьковъ. Чугуевскій почтосодержатель не хотѣлъ давать лошадей за то, что подорожная была изъ Кургана до Тифлиса. «Онъ былъ, — говоритъ Розенъ, — единственный почтосодержатель, который зналъ немного географію Россіи, что почтовый трактъ изъ Сибири въ Грузію вель не чрезъ Воронежъ и Харьковъ» (стр. 326).

Прогостивъ у шурина своего, И. В. Малиновскаго, въ Каменкѣ, три дня, семейство Розена поѣхало дальше. Приѣхавъ въ Тифлисъ, они помѣстились въ гостиницѣ, а не у свояка — начальника штаба В. Д. Вольховскаго, не потому, что Розенъ былъ рядовой, а потому, чтобы не навлечь неудовольствія на Вольховскаго, въ виду примѣра съ генераломъ Н. Н. Раевскимъ, который за приглашеніе декабриста рядового З. Г. Чернышева на обѣдъ былъ посаженъ на гауптвахту. Впрочемъ, Розенъ предлагалъ женѣ поселиться у родныхъ, но она возразила: «Я все дѣлила съ тобою, мы вмѣстѣ были въ тюрьмѣ, почему же теперь разставаться на нѣсколько дней!» (стр. 341).

Въ Тифлисъ ихъ встрѣтили Анна Андреевна Самборская и Марія Васильевна Вольховская съ мужемъ своимъ и дѣтьми. Здѣсь Розенъ прижала къ груди своей сына Евгенія, воспитывавшагося у Вольховскихъ. Прогостивъ въ Тифлисъ четыре дня, уѣхали далѣе, до мѣста назначенія, въ селеніе Бѣлый Ключъ, въ 50-ти верстахъ отъ Тифлиса, штабъ-квартира Мингрельскаго, тогда Егерскаго полка. Благодаря свояку, они нашли предназначенный имъ отдѣльный домъ омеблированный и освѣщеннымъ (стр. 348).

Болѣзненное состояніе Розена, его костыли освобождали отъ всякой службы; но за порогъ дома онъ выходилъ не иначе, какъ въ форменной солдатской шинели. «Учебныя занятія мои, — говоритъ Розенъ, — увеличились со времени соединенія моего со старшимъ сыномъ; ему былъ 12-й годъ, по стараніямъ свояченицы моей онъ сдѣлалъ большіе успѣхи во многихъ научныхъ предметахъ, а съ тѣхъ поръ какъ она вышла замужъ, какъ кругъ ея жизни расширился по обязанностямъ супруги и матери, сынъ мой имѣлъ постояннаго учителя, который чрезъ два года былъ замѣненъ другимъ наставникомъ; они оба, каждый по своему передавали ему познанія и приложили стараніе къ его воспитанію. Теперь по нѣкоторымъ предметамъ пришлось мнѣ самому учиться и приготовиться наканунѣ къ слѣдующему на другой день уроку. Младшіе дѣти начинали учиться, такъ что время мое было распредѣлено съ утра до вечера, и каждый день показывался мнѣ днемъ слишкомъ короткимъ.—Жена моя опасно заболѣла въ Бѣломъ Ключѣ; вѣроятно болѣзнь накопилась отъ утомленій и заботъ во время дальняго пути въ худое время года; но вѣра, сила воли, воздержаніе и умѣренность въ пищѣ, скоро поправили разстроенное здоровье. Во время болѣзни она отняла отъ груди дочь, которая безъ этой груди вѣроятно не выдержала бы такого путешествія» (стр. 350).

Здѣсь, въ Вѣломъ Ключѣ, Розенъ получилъ вѣсть объ увольненіи Вольховскаго, который предполагалъ выждать выздоровленія своей жены и весною оставить Кавказъ. Розенъ уже собирался купить себѣ домикъ, въ которомъ жили, чтобы перестроить его весною. «Странно,—говоритъ онъ,—случается въ жизни,—лишь только что исполнилось желаніе—быть ближе къ роднымъ, чтобы обѣ сестры были вмѣстѣ, какъ вдругъ чрезъ три недѣли поразила насъ вѣсть о новой разлукѣ» (стр. 355).

Но вѣсть эта была пріятная: Розена перевели, по Высочайшему повелѣнію, въ Пятигорскъ, чтобы доставить ему всѣ средства къ излеченію. Онъ былъ переведенъ въ 3-й Кавказскій Линейный баталіонъ. 18 марта достигли Пятигорска (стр. 369). Черезъ мѣсяць пріѣхали родные изъ Тифлиса, такъ какъ В. Д. Вольховскому необходимо было пользоваться водами для подкрѣпленія здоровья, которое много потерпѣло отъ постоянного труда и писанія; случалось ему саживать за письменнымъ столомъ до обморока (стр. 371).

Въ Пятигорскѣ Розенъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы по разстроенному здоровью и о позволеніи ему окончить дни на родинѣ. 10 января 1839 года послѣдовало Всемилостивѣйшее увольненіе, о которомъ шурина его, И. В. Малиновскій, сообщилъ Розену, получивъ эту вѣсть отъ начальника III-го отдѣленія А. Н. Мордвинова (стр. 385).

«Добрѣйшая жена моя,—говоритъ Розенъ,—была совершенно счастлива, но мы не могли подняться тотчасъ въ дальнюю дорогу по двумъ причинамъ: — была распутица, и жена моя въ началѣ апрѣля ожидала своего разрѣшенія отъ бремени» (стр. 386). Наконецъ, 3-го апрѣля родилась дочь Софья, которая уже 10-го числа умерла отъ коклюша, которымъ также страдалъ его второй сынъ, Кондратій, чуть не умершій. 1-го мая они выѣхали въ Россію. По дорогѣ они остановились на родинѣ жены, въ Каменкѣ, гдѣ встрѣтили свояка Вольховскаго, жившаго въ отставкѣ, шурина И. В. Малиновскаго, тетку Анну Андреевну Самборскую, гдѣ пробыли шесть недѣль (см. на стр. 400 нѣсколько интересныхъ строкъ о крестьянахъ). Наконецъ, достигли они до мѣста родины Розена—Ментака, собственнаго помѣстья брата его Отто (стр. 448). Не желая быть въ тягость роднымъ и желая имѣть свой уголь, онъ получилъ отъ брата другой домъ для себя въ замкѣ Эцъ, по сосѣдству съ Левве (стр. 450). Здѣсь онъ занялся хозяйствомъ, но уже 3-го апрѣля 1841 года, съ разрѣшенія губернатора, переселился въ Большую Солдину, по сосѣдству съ Нарвою, «гдѣ жена и дѣти... могли имѣть по близости свою православную церковь».

На новомъ мѣстѣ пришлось начинать все сызнова. Домикъ былъ съ ветхою крышею, скотный дворъ полуразвалившійся, конюшня, сарай и баня—все выказывало разрушеніе; внутри домика было не лучше. Крестьяне были разорены. Розенъ принялся за постройку. «Въ двѣ недѣли была выстроена новая баня: пока

мы жили,—говорить Розенъ,—въ старомъ домѣ, гдѣ не только вѣтеръ продувалъ сквозь щелки, но дождь пробивалъ крышу и потолокъ.—7-го мая жена моя благополучно родила пятого сына Андрея, и черезъ двѣ недѣли перемѣстилъ я мать съ новорожденнымъ, съ дочерью и съ сестрою въ новую баню, а съ учениками кочевалъ я въ старомъ домѣ изъ одной комнаты въ другую, наконецъ въ сѣни...» (стр. 454).

Такъ жили Розены на родинѣ. Въ 1843 году ихъ посѣтила А. А. Самборская и вдова В. Д. Вольховскаго. Старшій сынъ его Евгеній промѣнялъ училище Правовѣдѣнія на Уланскую шапку. Въ 1845 году умеръ младшій сынъ Андрей, много общавшій. Въ 1846 году два сына поступили въ дворянскій полкъ (стр. 460—461). Въ 1851 году двое сыновей его были выпущены въ офицеры въ артиллерію, вмѣстѣ въ одну батарею. «За недѣлю до ихъ выпуска данъ былъ указъ Правительствующему Сенату о возведеніи ихъ въ дворянское достоинство, съ измѣненіемъ послѣдняго слога родового прозвища» (Розе или Розеновъ?). Это даетъ поводъ отцу высказать нѣсколько пикантныхъ мыслей (стр. 463). Въ 1853 году младшій сынъ Владиміръ произведенъ въ офицеры въ конную артиллерію, и всѣ трое уѣхали въ Литву.

На этомъ мы покончимъ съ Записками Розена. Намъ не интересовала драма жизни самого декабриста, но страдальческая жизнь его жены Анны Васильевны, подвигъ которой, какъ и другихъ женъ декабристовъ, дѣлившихъ съ мужьями ихъ участь, никогда не забудется въ жизни русской женщины. Декабристъ Александръ Петровичъ Бѣляевъ говоритъ по поводу женъ декабристовъ: «Кто, кромѣ Всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя ангелоподобныя существа! Слава и краса вашего пола! Слава страны, васъ произрастившей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности такихъ чудныхъ, идеальныхъ женъ! Вы стали, по истинѣ, образцомъ самоотверженія, мужества, твердости, при всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши!»

Декабристъ князь Александръ Ивановичъ Одоевскій всего лучше выразилъ чувства благоговѣнія предъ подвигомъ женъ декабристовъ въ слѣдующемъ вдохновенномъ стихотвореніи:

«Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
 Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
 Но прежде свой небесный духъ одѣли
 Въ прозрачныя земныя пелены.
 И вѣстники благія Провидѣнья
 Явились, какъ дочери земли,
 И узникамъ съ улыбкой утѣшеня
 Любовь и миръ душевный принесли.



«И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медь отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта;
Въ затворникахъ печали все уснули
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрыва своего».

Помилованный въ 1855 году Императоромъ Александромъ II, Розенъ перѣхалъ въ имѣніе жены, въ село Викнино, близъ города Изюма, гдѣ устроилъ сельскую школу, въ которой самъ преподавалъ, открылъ на собственный счетъ крестьянскій банкъ, а послѣ освобожденія крестьянъ состоялъ мировымъ посредникомъ. Умеръ тамъ же 19-го апрѣля 1884 года.

Прежде, чѣмъ кончить, мы обязаны замѣтить, что Розена чуть не убили неизвѣстные злоумышленники съ 4-го на 5-е сентября 1881 года¹⁾. Въ этотъ трагическій моментъ жизни дряхлаго старика Розена его спасительницею явилась его больная жена, подруга его страдальческаго существованія. «Когда моя добрая жена, — говоритъ Розенъ, — сопутница всей моей подвижной и страдальческой жизни, теперь почти вполнѣ лишившаяся слуха, услышала, изъ четвертой комнаты отъ ея спальни, мой послѣдній крикъ и позвонила въ большой колокольчикъ. Выйдя со свѣчей, съ больною, обвязанною ногою, изъ спальни, она встрѣтила одного изъ убійцъ, который, отворотивъ отъ нея свое лицо, выскочилъ въ окно. Она ясно увидѣла фуражку и одежду молодого человѣка, съ ружьемъ въ рукахъ; потомъ съ подбѣжавшею прислугою нашли меня на полу бездыханнымъ, съ веревкою вокругъ шеи, обтянутой въ два круга, надъ кончикомъ теплаго одѣяла» (Ibid., стр. 215).

Когда объ этомъ событіи ея сестра, Марія Васильевна Вольховская, уведомила своего друга—Н. С. Соханскую-Кохановскую, то эта послѣдняя въ отвѣтъ написала ей слѣдующее письмо²⁾: «Печальное и страшное происшествіе, писанное въ вашемъ письмѣ, не было для меня новостью. Я уже знала о немъ; узнала очень нездоровую, лежа въ постель... Боже мой, Боже мой! Ученый міръ не вѣритъ чудесамъ Евангелія, а это спасеніе не чудо? На такомъ далекомъ разстояніи, спящей, больной, отяжелѣнной глухотою и разными повязками на головѣ, вдругъ среди ночи услышать задушаемый крикъ мужа и едва имѣть силы передвинуться черезъ комнату, и все-таки этимъ безсиліемъ и беспомощностью спасти того, кто

¹⁾ См. Полное собраніе стихотв. князя Александра Ивановича Одоевскаго. Спб., 1883 г., послѣсловіе Г. Данилевскаго, стр. 212—216.

²⁾ Отъ 22 сентября 1881 г.—«Рус. Арх.» 1900 г., I, стр. 125.

былъ совершенно въ рукахъ убійцы и не откуда не могъ ожидать помощи. Знаете ли, моя неоцѣненная, этотъ недомыслимый чудодѣйственный подвигъ жены Господь какъ будто даровалъ ей въ вѣнецъ завершенія всей ея преданной, самоотверженной жизни жены, великой и благодатной помощницы мужа? Не смѣешь сказать въ молитвенномъ смиреніи: да благословить ее Господь Богъ, потому что рука видимаго Господня благоволенія и благословляющей силы Его почилъ на ней. Эта великая радость должна окрасить поздніе дни ея, дни спасенія, въ немощахъ нестарѣющею силою святой супружеской любви. Въ эту самую минуту мнѣ захотѣлось написать къ нимъ, къ блаженнымъ супругамъ, какъ будто вновь дарованнымъ другъ другу. Право, хорошо, когда сидишь одна: не выболтаешься какъ на людяхъ; а мысль и чувство, себѣ невѣдомо, созрѣваютъ въ душѣ и явятся въ стройномъ словѣ. Знаете ли? Я все это время покушалась послать ваше описаніе въ «Южный Край», и исполню. Если подобныя событія нашей общественной жизни будутъ проходить такъ себѣ, что мы въ первую минуту возбудимся, а затѣмъ и дѣлу молчокъ, то вѣдь насъ всѣхъ одинокихъ передуршатъ какъ цыплятъ. Чѣмъ ограждена наша безопасность? Развѣ только тѣмъ, что на мѣсто происшествія явится не только становой, а еще урядникъ—смотрѣть въ пустой слѣдъ? Но въ этомъ дѣлѣ и слѣдъ то, кажется, не совсѣмъ пустъ. Узнать отъ ночнаго сторожа, кто его спаивалъ, кто угощалъ. По чѣму приглашенію онъ безъ спроса отправился на цѣлую ночь пьянствовать въ Каменкѣ, и кто съ нимъ былъ и пилъ въ шинкѣ? И затѣмъ поддевка и фуражка не на всякомъ мужикѣ, и ружья тоже у кого есть? Все это можно дознать!»

По поводу смерти баронессы Анны Васильевны Розенъ Соханская-Кохановская пишетъ ея сестрѣ—Маріи Васильевнѣ Вольховской: «Моя сердечная, моя дорогая! Вчера вечеромъ я получила ваше письмо ¹⁾ и первое, неудержимое, неосознательное слово было: слава Богу! И истинно, не должно ли воздать слава въ вышнихъ Богу, что Онъ благоизволилъ принять ее отъ терзаній, заботъ, болѣзней, всѣхъ этихъ мелочныхъ жизненныхъ попеченій, удручавшихъ ее, въ свѣтъ своей славы? Мы тому вѣруемъ упованіемъ непостыдной любви. Она ли не любила, не терпѣла, не благоговѣла предъ судьбами Промысла, руководившаго ею въ такой долгой и почти исключительной жизни? Слава Богу, жизнь кончилась тихо и въ тишинѣ ночи, полной ангельскихъ воспѣваній: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!» И будемъ ли мы сомнѣваться, что миръ и благоволеніе Божіе не сошли на удрученную душу почившей, отошедшей отъ насъ въ тотъ свѣтлый день, когда Самъ-Богъ-Слово сошелъ къ

¹⁾ О смерти баронессы А. В. Розенъ, сестры Вольховской и жены барона А. Е. Розена-декабриста; письмо отъ 22 сентября 1881 г.—Приводимое въ настоящемъ мѣстѣ письмо Соханской о смерти баронессы А. В. Розенъ помѣчено: «1884. Января 2». См. «Рус. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 138 и 139.

намъ на землю въ плоти и крови нашей, чтобы даровать нашимъ душамъ именно эти небесныя блага мира и Отческаго благоволенія Бога, сущаго въ небесахъ и призирающаго на землю съ Его несповѣдимую любовью. Вы осиротѣли, вотъ ваша печаль! Что дѣлать! Но сиротство наше не можетъ быть продолжительно. Мы всѣ устремлены къ одному, намъ неизбежному рубежу. И чѣмъ больше тамъ намъ милыхъ и близкихъ, переступать рубежъ, кажется, и легче, и желаннѣе... Какъ принялъ и принимаетъ свою великую, невосполнимую потерю б. Розенъ? Девятый день Анны Васильевны я не забыла и помянула молитвенной любовью ея блаженную душу»¹).

¹) О декабристѣ Розенѣ см. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей...», Д. Д. Языкова. Выпускъ IV, стр. 76 и 77 (приложеніе къ «Историческому Вѣстнику» 1888 г.), гдѣ приведена библиографія.—См. также «Жены декабристовъ», М. М. Хина. «Историческій Вѣстникъ» 1884 г., декабрь, т. XVIII, стр. 676—678.

Алексѣй Теоодоровичъ Малиновскій.

(Род. 2 марта 1762 г., † въ 1840 г.).

Алексѣй Теоодоровичъ Малиновскій родился въ Москвѣ 2 марта 1762 г.¹⁾, умеръ въ 1840 г., 26 ноября, тамъ же. Жилъ сначала на Мясницкой улицѣ, въ собственномъ домѣ, гдѣ впоследствии была контора Бутэнопа, а нынѣ Липгардта²⁾, пока не выдалъ свою единственную дочь за князя Ростислава Алексѣевича Долгорукаго³⁾. Тогда онъ вмѣстѣ съ женою переселился въ тотъ каменный флигель при архивѣ (на Хохловкѣ, близъ Ивановскаго монастыря, въ Колпашномъ переулкѣ), гдѣ жили и умерли его предѣстники-исторіографы: Миллеръ и Н. И. Бантышъ-Каменскій⁴⁾. Жена Алексѣя Теоодоровича, Анна Петровна, рожденная

¹⁾ Дневникъ Ивана Михайловича Снѣгирева. 1823 г. («Рус. Арх.» 1902 г., № 6, стр. 181).

²⁾ Объ этомъ см. «Московскую Старину», Мартынова («Рус. Арх.» за 1878 г., кн. 2, стр. 159). То же самое говоритъ П. И. Баргеновъ, но добавляетъ, что Малиновскій на Мясницкой купилъ себѣ цѣлую усадьбу, принадлежавшую графу П. И. Панину, куда въ XVIII в. къ Панину прѣзжалъ Потемкинъ уговаривать принять начальство надъ войсками, укрощавшими Пугачевщину. («Рус. Арх.» 1904 г., 2, стр. 248—249). А Константинъ Булгаковъ въ письмѣ отъ 11 октября 1826 г. пишетъ брату, что Малиновскій «торговалъ домъ Лукьяна Яковлевича, давалъ 40, а тотъ просилъ 55 тысячъ. Куда дешево! Такой бы домъ здѣсь 200 тысячъ». («Рус. Арх.» 1903 г., 7, стр. 441).

³⁾ См. Россійск. Родословн. кн., ч. 1, 1854 г. Спб., № 456, стр. 89.—А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 4 ноября 1829 г. («Рус. Арх.» 1901 г., кн. 11, стр. 369) выставляетъ дочь Малиновскаго Екатерину Алексѣевну въ комическомъ свѣтѣ. Въ другомъ письмѣ, отъ 28 ноября 1830 г. («Рус. Арх.» 1901 г., кн. 12, стр. 541), сообщаетъ невѣрный слухъ о помолвкѣ ея съ Бакунинымъ.

⁴⁾ По этому поводу А. Я. Булгаковъ пишетъ къ брату: «Этотъ кашей (Малиновскій) продалъ свой домъ подъ церковь реформатскую и хочетъ жить gratis и для того переѣзжаетъ въ тотъ флигель, который занималъ покойный Каменскій на время послѣ Московскаго пожара 1812 г. Другой флигель, гдѣ живетъ Шульцова вдова, также беретъ себѣ... Начальнику квартира не положена въ Архивѣ, а этотъ кашей стѣсняетъ бѣдняковъ, чтобы тысячи три положить себѣ въ карманъ, тогда какъ самъ мнѣ теперь сказалъ, что далъ за дочь на полмилліона приданого».—Въ началѣ этого письма Булгаковъ такъ отзывается о Малиновскомъ: «Сейчасъ былъ у меня кислосладкій М—й. Не люблю я иезуитскую эту харю. Вообрази, что онъ вы-

Исленьева¹⁾), дочь генералъ-лейтенанта Петра Алексѣевича Исленьева, воспитывалась у знаменитой княгини Е. Р. Дашковой, рожденной Воронцовой²⁾).

Заслуги А. Θ. велики: онъ издалъ три фоліанта грамотъ и договоровъ³⁾), былъ предсѣдателемъ общества исторіи и древностей россійскихъ, почетнымъ чле-

говяеть изъ казеннаго флигеля бѣдную Шульць, которой графъ Нессельроде позволить тамъ жить». (Письмо А. Я. Булгакова къ брату. Москва, 8 февраля 1833 г.—«Рус. Арх.» за 1902 г., кн. 3, стр. 510).—Въ письмѣ же отъ 13 февраля 1833 г. А. Я. Булгаковъ пишетъ брату изъ Спб.: «Малиновскій продалъ домъ Реформатской церкви, но не совсѣмъ, какъ мнѣ Блудовъ сказывалъ: послѣ этого сторѣлъ флигель, а церковь приискала другой домъ. Прогналъ Шульцову вдову, Богъ и наказалъ». («Русск. Арх.» 1904 г., № 2, стр. 248).—Тотъ же Булгаковъ въ перепискѣ съ братомъ приводитъ и другой случай недоброжелательнаго отношенія А. Θ. Малиновскаго къ семействамъ лицъ, служащихъ въ Архивѣ. Послѣ смерти Калайдовича, Малиновскій «не хотѣлъ представить о пенсіи женѣ, оставшейся съ 4 ребятами въ нищетѣ», изъ-за того, что Калайдовичу при жизни выпросилъ пенсіонъ кн. Дм. Вл. Голицынъ. (Письмо А. Я. Булгакова къ брату. Москва, 20 апрѣля 1832 г.—«Рус. Арх.» за 1902 г., кн. 2, стр. 282).

Несмотря на столь рѣзкіе отзывы, мы находимъ въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ и должную дань дѣятельности Малиновскаго, какъ начальника Архива. Такъ, въ письмѣ К. Я. Булгакова къ брату изъ Спб., отъ 20 декабря 1822 г., мы читаемъ: «О передѣлкѣ Архивскаго дома писалъ мнѣ Малиновскій. Хорошо сдѣлалъ, что сохранилъ древнюю его наружность. Она идетъ къ Архиву». («Рус. Арх.» 1903 г., 3, стр. 329).

¹⁾ По словамъ А. Я. Булгакова, А. П. Малиновская была посаженною матерью у невѣсты Пушкина—Гончаровой. Посаженымъ отцомъ былъ Пв. Ал. Нарышкинъ. Со стороны Пушкина посаженными были Вяземскій и гр. Потемкина. Письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 18 февраля 1831 г. («Рус. Арх.» за 1902 г., кн. 1, стр. 53).

²⁾ Записки гр. М. Д. Бутурлина. «Рус. Арх.» 1897 г., кн. 3, стр. 439.—А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 27 ноября 1826 г. роняетъ намекъ объ отношеніяхъ А. Θ. Малиновскаго къ своему тестю: «М—скій взялъ у тестя своего въ управленіе шестьсотъ душъ съ тѣмъ, что будетъ ему выдавать по 6 тысячъ въ годъ; въ первый годъ далъ 4 тысячи, а тамъ ни гроша. Вотъ ихъ любовь, т. е. поповская, предпочитающая деньги всему!» («Рус. Арх.» за 1901 г., кн. 7, стр. 423). Подъ «М—скимъ» Булгаковъ имѣетъ въ виду А. Θ. Малиновскаго.

³⁾ А. Θ. принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи второй части государственныхъ грамотъ графомъ Румянцевымъ. Послѣдній очень уважалъ Малиновскаго и въ письмахъ дѣлился съ нимъ своими учеными радостями и огорченіями. (См. письма Румянцева къ Малиновскому, стр. 8—9, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21). Въ одномъ письмѣ Румянцевъ, между прочимъ, пишетъ: «Лишень былъ удовольствія лично пользоваться пріятнѣйшею и въ нѣкоторомъ отношеніи наставительною для меня бесѣдою, утѣшающею мысленно, что и въ самомъ отдаленіи отъ васъ имѣю въ васъ усерднѣйшаго и дѣятельнѣйшаго сотрудника своего по тому предмету, который наиболѣе меня занимаетъ. Я только тогда и богатымъ себѣ кажусь, когда вы хвалите то, что я прибрѣтаю». (Е. Барсовъ: Графъ Н. П. Румянцевъ. «Древняя и Новая Россія» за 1877 г., т. II, № 5, стр. 8—9, 17). Гр. Н. П. Румянцевъ въ письмѣ своемъ 2 сентября 1822 г. къ археологу А. И. Ермолаеву упоминаетъ о Малиновскомъ, что, «благодѣтельствуя Румянцеву, онъ перешлетъ ему хорошій списокъ съ той надписи на иконѣ изъ Успенскаго собора, которую желалъ имѣть Ермолаевъ». («Рус. Ст.» 1904 г., февраль, т. 117, стр. 476). Ср. «Переписка государственнаго канцлера гр. Н. П. Румянцева съ московскими учеными», изд. Е. В. Барсовымъ въ «Чтеніяхъ Московск. Общества исторіи и древностей россійскихъ». 1882 г., кн. 1, стр. 232 и 233.—Точно также и К. Я. Булгаковъ отдастъ справедливость научнымъ трудамъ Малиновскаго. См. письмо отъ 20 декабря 1821 г. («Рус. Арх.» 1903 г., 1, стр. 93)

номъ Московскаго университета, членомъ оружейной палаты. По просьбѣ графа Н. П. Шереметева, съ которымъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ¹⁾, написалъ уставъ Шереметевскаго страннопріимнаго дома²⁾. Послѣ смерти графа Н. П. Шереметева, А. Θ. вмѣстѣ съ братомъ Павломъ былъ однимъ изъ дядекъ у его малолѣтняго сына, затѣмъ былъ директоромъ страннопріимнаго дома. Приблизительно въ 1814 году назначенъ начальникомъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и сенаторомъ⁴⁾.

О службѣ А. Θ. въ Архивѣ находимъ указанія въ перепискѣ А. Я. Булгакова съ братомъ. Малиновскаго въ Архивѣ не любили, несмотря на все его привѣтливое обращеніе⁵⁾. А любезность Малиновскаго въ обращеніи была очень большая. Недаромъ же Булгаковъ называетъ его: «нашъ сахаръ Малиновскій»⁶⁾. Находясь на службѣ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, онъ и содержаніе получалъ значительное⁷⁾.

А. Θ. Малиновскій былъ не чуждъ освободительныхъ стремленій, поднятыхъ съ высоты престола, и съ своей стороны внесъ долю участія въ попыткахъ Александровской эпохи къ освобожденію крестьянъ. Какъ ни оригинально его предложеніе, оно все же заслуживаетъ вниманія, какъ мнѣніе человѣка передового

¹⁾ См. письма гр. Шереметева къ А. Θ. Малиновскому. («Рус. Арх.» за 1896 г., кн. 7, стр. 329, 331; кн. 8, стр. 468, 486, 487, 489, 495—500). Также письма А. Θ. Малиновскаго къ гр. Н. П. Шереметеву. («Рус. Арх.» за 1897 г., кн. 12, стр. 509—515).

²⁾ Примѣчанія барона Ф. Бюллера къ письмамъ кн. М. А. Оболенскаго къ В. А. Полънову. («Рус. Арх.» за 1882 годъ, кн. 11, стр. 257).—Между прочимъ въ куполѣ страннопріимнаго дома помѣщены стихи Малиновскаго. («Рус. Арх.» 1898 г., кн. 3, стр. 428—429).

³⁾ О назначеніи А. Θ. Малиновскаго въ Архивъ сообщаетъ А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 22 сентября 1814 г., причемъ добавляетъ: «qui en outre a reçu le 3-me Wladimir, dont la croix lui pend jusqu'au ventre». («Рус. Арх.» 1900 г., кн. 7, стр. 320).— По словамъ Ивана Михайловича Снѣгирева, Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1823 году помѣщался по близости отъ Воспитательнаго Дома, въ домѣ Юргенсона, у Троицы на Хохловкѣ. Дневникъ И. М. Снѣгирева 1823 г. («Рус. Арх.» 1902 г., 6).

⁴⁾ По поводу сенаторства А. Θ. Малиновскаго А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 26 іюня 1829 года сообщаетъ, что «сенаторы на него (Малиновскаго) недовольны: они прикованы, а онъ себѣ гуляетъ между сенатомъ и архивомъ и получаетъ звѣзды». («Рус. Арх.» 1901 г., кн. 11, стр. 328. См. также «Рус. Арх.» 1902 г., кн. 11, стр. 348).

⁵⁾ Письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 4 апрѣля 1829 г. («Рус. Арх.» 1901 г., кн. 11, стр. 302). Хотя эта нелюбовь не мѣшала имъ выгравировать въ свое время портретъ Малиновскаго, о чемъ мы находимъ слѣдующія строки въ письмѣ К. Я. Булгакова къ брату изъ Петербурга отъ 22 марта 1821 г.: «Малиновскій мнѣ прислалъ свой эстампъ при весьма нѣжномъ письмѣ. Стало его опять полюбили чиновники, что выгравировали его». («Рус. Арх.» 1902 г., 12, стр. 512).

⁶⁾ Письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 8 апрѣля 1826 г. («Рус. Арх.» за 1901 г., кн. 10, стр. 141).

⁷⁾ По словамъ А. Я. Булгакова, жалованье А. Θ. Малиновскаго состояло тысячъ изъ двадцати, но и это казалось ему недостаточнымъ. Письмо отъ 30 мая 1824 г. («Рус. Арх.» 1901 г., кн. 5, стр. 60—61).

того времени. А. Θ. Малиновскій предлагалъ объявить свободными всѣхъ обоого пола дѣтей, рожденныхъ послѣ 1812 года, въ ознаменованіе заслугъ, оказанныхъ крестьянами въ Отечественную войну. «Новые граждане,—говорилъ онъ,—возрастутъ въ понятіяхъ о своей свободѣ, приучатся ею пользоваться безъ нарушенія общежительныхъ отношеній, и такимъ образомъ свобода не чувствительно укоренится въ Россіи. А помѣщики, удержавъ за собою написанныхъ по 7-й реввізіи крестьянъ и оставшихся при прежнихъ правахъ своихъ, будутъ примѣняться къ принятымъ для сего государственнымъ мѣрамъ и придумаютъ заранѣе способы для удержанія свободного потомства крестьянъ на земляхъ своихъ»¹⁾.

Въ новое царствованіе А. Θ. постигла опала: одну за другой лишился онъ своихъ должностей. А. Я. Булгаковъ дѣлаетъ предположеніе, что опала постигла, быть можетъ, за сношеніе съ Аракчеевымъ²⁾. По сообщенію же П. И. Бартенева, Малиновскій былъ уволенъ въ 1826 г. отъ должности смотрителя страннопріимнаго дома вслѣдствіе вздорнаго доноса³⁾. Доносъ не оправдался, что дало возможность Малиновскому обратиться съ краснорѣчивымъ письмомъ къ Государю въ іюлѣ 1826 г. Оказывается, что какой-то инвалидъ Медвѣдевъ на допросѣ о Московскихъ злоумышленникахъ показалъ, будто Малиновскій «совѣщается по ночамъ истребить Императорскую фамилію»⁴⁾.

Октября 3-го дня 1826 года оберъ-полиціймейстеромъ Шульгинымъ 2-мъ

¹⁾ Статья Н. Дубровина: «Послѣ Отечественной войны». («Рус. Стар.» 1904 г., т. СХVІІІ, май, стр. 255 и 256.

²⁾ Малиновскій и въ новое царствованіе продолжалъ поддерживать прежнія близкія отношенія съ Аракчеевымъ. Послѣ опалы у Аракчеева остался небольшой кружокъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ находились М. М. Волынскій, Малиновскій, Апрѣлевы, Бухмейеры и др. Съ Малиновскимъ Аракчеевъ совѣтуется относительно надписи на воздвигаемомъ имъ памятникѣ Императору Александру І. (Отто: Черты изъ жизни Аракчеева. «Древняя и Новая Россія» за 1875 г., т. III, № 10, стр. 172, 174, 183). Малиновскій изъ своей Клинской деревни Седякина часто ѣздилъ въ Аракчееву, который такъ полюбилъ его, что выражалъ намѣреніе сдѣлать своей наслѣдницей единственную дочь Малиновскаго. Сія послѣдняя,—говоритъ Бартенева,—будучи вдовою князя Ростислава Алексѣевича Долгорукаго, передавала намъ, какъ тяжело ей, тогда молоденькой дѣвушкѣ, бывало у Аракчеева: каждое блюдо за обѣдомъ предварительно давалось комнатной собачкѣ, чтобы увѣриться, что оно не отравлено.

Изъ переписки братьевъ Булгаковыхъ также видно, что Малиновскій велъ дѣятельную переписку съ Аракчеевымъ и очень заботился о томъ, чтобы его письма достигали до Аракчеева. Такъ, когда одно изъ его писемъ было утеряно, онъ обратился къ А. Я. Булгакову съ просьбою отыскать письмо. По этому случаю А. Я. Булгаковъ писалъ въ Петербургъ своему брату К. Я., который въ письмѣ отъ 25 мая 1834 г. отвѣчалъ брату слѣдующее: «Не знаю, гдѣ отыскивать письмо Малиновскаго къ Аракчееву, развѣ на томъ свѣтѣ; однако же, справлюсь только, какъ онъ его послалъ, прямо ли черезъ Чудово? Постараюсь разобратъ. Видно, ему не хочется, чтобы его поздравленія читали другіе». («Русск. Арх.» 1904 г., кн. 3, стр. 421).

³⁾ На должность смотрителя хотѣлъ попасть А. Булгаковъ, но не былъ выбранъ. Объ этомъ велась переписка между братьями Булгаковыми: письмо К. Я. Булгакова къ брату отъ 11 октября 1826 г. («Рус. Арх.» 1903 г., 7, стр. 441).

⁴⁾ Тамъ же.

была разослана повѣстка отъ имени генераль-губернатора ко всѣмъ дворянамъ о выборѣ на мѣсто уволеннаго Малиновскаго новаго главнаго смотрителя надъ страннопріимнымъ домомъ графа Шереметева ¹⁾).

По Архиву былъ данъ въ товарищи А. Я. Булгаковъ ²⁾, который имѣлъ въ виду самъ занять мѣсто Директора, что подтверждается письмомъ его къ брату ³⁾. Мы имѣемъ нѣсколько писемъ братьевъ Булгаковыхъ по поводу желанія А. Я. Булгакова занять мѣсто Малиновскаго. Такъ, въ письмѣ отъ 1-го января 1829 г. К. Я. Булгаковъ пишетъ: «Что новый годъ! Да коли въ немъ не будетъ ничего новаго? Коли Малиновскій не вздумаетъ оставить Архивъ? Коли! мало-ли ихъ сколько! Такъ и принесетъ новый годъ, какъ говаривалъ покойный Фирсовъ, ровно ничего» ⁴⁾. Эта мысль не оставляетъ К. Я. и въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 10 января того же года, гдѣ мы читаемъ: «Я бы все хотѣлъ мѣста архивнаго, потому что ты любишь этого рода занятія; впрочемъ ежели бы и согласиться на сенаторство, то я полагаю положить условіемъ числиться въ Коллегіи съ тѣмъ, чтобы замѣнить Малиновскаго, который всетаки оставитъ же архивъ. Не вѣкъ ему тамъ быть, да какъ не будетъ имѣть тебя помощникомъ, то надобно будетъ самому заниматься или ввѣриться другому, при которомъ не такъ пойдетъ. Для перваго онъ, кажется, слишкомъ облѣнился, а во второмъ случаѣ дурно пойдетъ; такъ въ правѣ будутъ ему сказать, что лучше заниматься однимъ Сенатомъ. Между тѣмъ бы получилъ ты новое жалованье, которое бы и тогда натурально осталось при тебѣ... (стр. 318). Не разсудишь ли также сказать мимоходомъ Мали-

¹⁾ До выборовъ предлагали занять мѣсто Малиновскаго тестю А. Я. Булгакова — князю Хованскому, но онъ отказался, найдя неприличнымъ сенатору зависѣть отъ молодого офицерчика, каковъ Шереметевъ. (Письмо отъ 20 октября 1826 г. — «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 7, стр. 403). Баллотировкой былъ выбранъ коллежскій ассесоръ Сергій Васильевичъ Шереметевъ. (Письмо А. Я. Булгакова отъ 8 октября 1826 г. — «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 7, стр. 406—407).

²⁾ О своихъ отношеніяхъ къ Малиновскому А. Я. Булгаковъ пишетъ въ письмѣ къ брату отъ 6 декабря 1826 г.: «Помощникомъ Малиновскаго я точно быть не хочу: у него надменный нравъ; станетъ важничать, а я хочу ему быть равнымъ». («Рус. Арх.» 1901 г., кн. 7, стр. 428—430). Булгакова очень цѣнилъ Н. П. Румянцевъ. Малиновскій послѣ смерти графа передалъ Булгакову, согласно волѣ покойника, Собраніе государственныхъ грамотъ, напечатанныхъ на иждивеніе Румянцева, для собственной его (Булгакова) бібліотеки. (Письмо А. Я. Булгакова къ брату. Москва. 25 генваря 1832 г. «Рус. Арх.» за 1902 г., кн. 2, стр. 272).

³⁾ Въ письмѣ къ брату отъ 25 іюня 1829 г. А. Я. Булгаковъ говоритъ: «Малиновскій и здѣсь странно поступилъ: мнѣ сдалъ письменно и официально Архивъ, между тѣмъ велѣлъ всѣ пакеты, въ Архивъ поступающіе, отправлять къ нему въ Подмосковную». («Рус. Арх.» 1901 г., кн. 11, стр. 327—328). Когда Булгаковъ уходилъ изъ Архива, то чиновники поднесли ему солонку; по этому поводу его братъ, К. Я. Булгаковъ, въ письмѣ отъ 21 сентября 1832 г. пишетъ ему: «Не удивляюсь благодарности архивскихъ чиновниковъ. Имъ теперь жутко будетъ съ однимъ Малиновскимъ, я не знаю только, можно ли принять даже и солонку безъ дозволенія начальства». («Рус. Арх.» 1904 г., 1, стр. 88).

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., 10, стр. 315.

новскому, что хочешь оставить архивъ? Что онъ отвѣчать будетъ? Не скажетъ ли и онъ тоже? Можетъ быть, не дастъ ли это ему мысль самому оставить? Только не говори, какія твои намѣренія, ни подъ какимъ видомъ¹⁾.

Наконецъ, здѣсь же мы находимъ отзывъ графа Нессельроде, высказанный имъ К. Я. Булгакову: «Vous savez combien j'aime votre frère, combien je désirerais le voir à la place de Malinowsky, mais que faire s'il ne veut pas s'en aller? Je ne peux pas le lui proposer, malgré que vous savez aussi (это между нами) que ce n'est pas mon homme, je ne l'aime pas. Voici deux idées que j'ai pour votre frère. La première serait d'obtenir qu'il soit fait sénateur».

Мысль занять мѣсто Малиновскаго не была покинута А. Я. Булгаковымъ и въ 1831 г. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ К. Я. Булгакова изъ Спб., отъ 13 октября 1831 г., мы читаемъ: «Мойте и чистите архивъ, конопатьте начальника (т. е. А. Ѳ. Малиновскаго). Объ немъ говорить, что очень сталъ дряхлѣть²⁾. Какъ извѣстно, желанія братьевъ Булгаковыхъ не сбылись, и Малиновскій оставался начальникомъ Архива до своей смерти.

О кончинѣ Малиновскаго сообщаетъ князь Оболенскій въ письмѣ отъ 28 ноября 1840 года: «Начальникъ нашъ почтенный А. Ѳ. Малиновскій скончался во вторникъ, въ 10 часовъ вечера³⁾. Кончина его была спокойная. Онъ до послѣднихъ минутъ своей жизни сохранялъ память и перешелъ изъ здѣшней жизни въ вѣчную безъ страданій, тихо, — онъ умеръ, какъ погасаетъ догорѣвшая лампада⁴⁾. А въ другомъ письмѣ онъ сообщаетъ, что Малиновскій по духовному завѣщанію назначилъ въ даръ Московскому Архиву много книгъ и портфелей съ историческими актами. Анна Петровна Малиновская пожелала представить при письмѣ своемъ Вице-Канцлеру подробныя опися всему даримому⁵⁾.

Малиновскій зналъ Архивъ, какъ свой кабинетъ, и любилъ безъ памяти, считая его «какъ будто своею колыбелью и могилой». Вигель въ немногихъ словахъ характеризуетъ своего бывшаго начальника: «Онъ былъ, безъ примѣси, русскаго и духовнаго происхожденія, ибо протоіерей, отецъ его, находился тогда законоучителемъ въ Московскомъ университетѣ... Г. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостью, но еще болѣе имѣлъ претензію на свѣтскую любезность⁶⁾. Въ некро-

1) «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 10, стр. 319.

2) «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 12, стр. 579.

3) Священникъ Орловъ сообщаетъ, что Малиновскій умеръ 30 ноября 1840 г. и погребенъ въ Воскресенскомъ, именуемомъ Новымъ Іерусалимъ, монастырѣ. Намъ кажется, что это сообщеніе не совсемъ вѣрно: нельзя предположить, чтобы Оболенскій не зналъ, когда его начальникъ умеръ. Изъ письма же Оболенскаго выходитъ, что Малиновскій умеръ раньше 28 ноября.

4) «Рус. Арх.» 1882 г., кн. 11, стр. 256.

5) Письмо отъ 15 марта 1841 г. («Рус. Арх.» за 1882 г., кн. 11, стр. 252).

6) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. Т. I, гл. XVI, стр. 163—164. Изд. «Рус. Арх.».

логъ А. Θ., между прочимъ, сказано: «А. Θ. Малиновскій думалъ, будто драгоценности архивскія потеряютъ свою цѣну, если сдѣлаются слишкомъ извѣстныя, а потому неохотно допуская пользоваться ими»¹⁾. Относительно этого мы находимъ нѣсколько колкихъ замѣчаній въ письмахъ А. И. Тургенева²⁾.

А. Θ. не былъ чужимъ въ семьѣ просвѣщенныхъ людей своего времени. Какъ мы уже видѣли, онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Н. М. Карамзинымъ. Въ такихъ же отношеніяхъ находился и съ В. А. Жуковскимъ. Послѣднему, между прочимъ, поручалъ доставлять ему русскіе переводы драмъ Августа Коцебу, а этотъ раздавалъ работу А. П. Елагиной и ея сестрамъ. Такимъ образомъ, съ поправками Жуковского появился въ печати весь театръ Коцебу³⁾. Бывалъ и у В. Л. Пушкина⁴⁾.

Относительно литературныхъ трудовъ Алексѣя Теодоровича находимъ указанія у Н. Сущкова въ его «Московскомъ Университет. благородномъ пансіонѣ»: «А. Θ. составилъ, между прочимъ, историко-дипломатическое сочиненіе о Крымѣ, описаніе «мастерской оружейной палаты», изслѣдованіе о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ Гольштинскимъ Герцогствомъ, описаніе Москвы (трудъ не конченный). Кроме этого, онъ собиралъ біографическія свѣдѣнія о героѣ 1612 г. князѣ Д. М. Пожарскомъ, написалъ театральную піесу «Старинныя Святки», нисколько не устарѣвшія, и перевелъ двѣ, въ числѣ прочихъ, драмы изъ лучшихъ произведеній Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе»⁵⁾ и «Вѣдность и благородство души»⁶⁾.

Въ 1821 г. Малиновскій послалъ графу Аракчееву свое сочиненіе: «Извѣстіе о прежде бывшемъ царскомъ хозяйствѣ въ селѣ Измайловскомъ»⁷⁾.

¹⁾ Примѣч. Н. П. Барсукова къ письмамъ М. П. Погодина къ С. П. Шевыреву. («Рус. Арх.» за 1882 г., кн. 3, стр. 113—114).

²⁾ См. «Остафьевскій Архивъ», т. IV, стр. 5, письма №№ 797 и 798; стр. 18, № 807, за 1837 г.; стр. 90, № 838, за 1840 г.; стр. 120, № 859.

³⁾ П. Бартеньевъ: «Авдотья Петровна Елагина». («Рус. Арх.» за 1877 г., кн. 8, стр. 487). С. П. Жихаревъ объ этомъ фактѣ сообщаетъ иначе. Въ своихъ запискахъ онъ говоритъ, что А. Θ. Малиновскій—авторъ «Старинныхъ Святковъ» и издатель театральнахъ пьесъ Коцебу, переводить которыя заставлялъ молодыхъ людей, служащихъ въ Архивѣ. (Записки С. П. Жихарева, стр. 40).

⁴⁾ Письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 13 мая 1821 г. («Рус. Арх.» за 1901 г., кн. 1, стр. 88). Также Малиновскій былъ знакомъ съ обоими братьями Булгаковыми, какъ это видно изъ ихъ переписки. (См., напр., «Рус. Арх.» 1902 г., 4, стр. 597; «Рус. Арх.» 1902 г., 11, стр. 348). А. Θ. Малиновскій былъ въ хорошихъ, пріятельскихъ и дѣловыхъ сношеніяхъ съ И. М. Снѣгиревымъ, что видно изъ многихъ мѣстъ его дневника, гдѣ разсѣяно много мелкихъ чертъ для характеристики Малиновскаго. («Рус. Арх.» 1902 г., №№ 6, 7, 8).

⁵⁾ По поводу перевода этой комедіи А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 29 апрѣля 1829 г. пишетъ: «Комедію Коцебу «Ненависть къ людямъ» перевелъ Малиновскій, не знающій ни слова по-нѣмецки. Это ташенспилерская штука». («Рус. Арх.» 1901 г., кн. 11, стр. 317).

⁶⁾ Н. Сущковъ: «Московскій университетскій благородный пансіонъ». Москва, 1858 г., стр. 10.

⁷⁾ Отто: «Черты изъ жизни графа Аракчеева». («Древняя и Новая Россія» за 1875 г., т. III, № 10, стр. 168, примѣч. I).

Кромѣ того, Алексѣю Феодоровичу еще принадлежатъ «Биографическія свѣдѣнія о первомъ въ Россіи канцлерѣ, бояринѣ Афанасіи Лаврентьевичѣ Ордынѣ-Нащокинѣ»¹⁾. По поводу соединенія Царства Польскаго съ Россіей при Императорѣ Александрѣ I А. Ѳ. составилъ для Императора любопытную статью объ этомъ предметѣ²⁾. По его инициативѣ и подъ его руководствомъ служившіе въ Архивѣ юноши переводили на русскій языкъ разныя сочиненія. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится огромный рукописный томъ подъ заглавіемъ: «Дипломатическія статьи изъ всеобщаго Робинстонова словаря, переведеннаго при Московскомъ архивѣ служащими благородными юношами въ 1802, 1803, 1804 и 1805 г. г. подъ надзираніемъ статскаго совѣтника Алексѣя Малиновскаго»³⁾.

Время Малиновскаго было временемъ сильнаго подъема русской историко-археологической науки. Центромъ этого движенія былъ Московскій главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Здѣсь, главнымъ образомъ, разрѣшались сомнѣнія и недоумѣнія, отсюда исходили новости науки, здѣсь провѣрялись и, такъ сказать, выдерживали пробу лучшіе труды историческіе. Карамзинъ, приготовивъ ко второму изданію первый томъ своей исторіи, прислалъ въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на разсмотрѣніе. Одни замѣчанія Малиновскаго на этотъ трудъ сдѣланы въ виду цензурной предосторожности. Такъ, наприм., напечатано: «Государю Императору Александру Самодержцу всея Россіи». Малиновскій замѣчаетъ: «Не лучше-ли придержаться формы?» Напечатано: «Святому Преображенію». — Малиновскій поправилъ: «Преображенію Господню». Другія направлены къ точности и ясности выраженій. Напечатано: «Разболѣлся глазами». Поправлено: «Разболѣлись глаза». Напечатано: «что Ангелъ Божественный». Поправлено: «Будто Ангелъ, ниспосланный съ неба». Наконецъ, иныя замѣчанія относятся къ содержанію текста и предлагаютъ новыя мысли и объясненія. Напечатано, наприм., что слово «ключъ» употреблено здѣсь въ смыслѣ человѣка, но Малиновскій замѣчаетъ, что оно употреблено здѣсь въ смыслѣ весла, поворачивающагося на уключинѣ. Напечатано, что слово «обручъ» значитъ то же, что «кольцо», но обручъ, замѣчаетъ Малиновскій, не значитъ кольцо, а принадлежитъ къ числу защитительныхъ оружій. Въ подобномъ родѣ было много сдѣлано имъ замѣчаній «относительно птицы изюка, имени Персенавля» и т. п.⁴⁾.

¹⁾ Находится въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1833 годъ, ч. VI, стр. 178—179. Хмыровъ: «Царь Алексѣй Михайловичъ». («Древняя и Новая Россія» за 1875 г., № 11, стр. 198, прим.).

²⁾ Первольфъ: «Александръ I и славяне». («Древняя и Новая Россія» за 1877 г., т. III, № 12, стр. 329).

³⁾ В. Стоюнинъ: «Изъ исторіи воспитанія въ Россіи». («Древняя и Новая Россія» за 1878 г., т. I, № 1, стр. 79).

⁴⁾ Е. Барсовъ: «Графъ Н. П. Румянцевъ». («Древняя и Новая Россія» за 1877 г., т. II, № 5, стр. 21—22).

Павелъ Теоодоровичъ Малиновскій.

Павелъ Теоодоровичъ Малиновскій былъ младшій изъ трехъ братьевъ. Въ молодости онъ находился на службѣ при Фельдмаршалѣ Салтыковѣ, участвовалъ при взятіи штурмомъ Очакова и красивою и пріятною наружностью обратилъ на себя вниманіе Императрицы Екатерины и Потемкина. По гражданской службѣ производство его въ чины шло такъ быстро, что онъ, имѣя съ небольшимъ тридцать лѣтъ отъ роду, былъ уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ директоромъ Государственнаго ассигнаціоннаго банка. Особенно благоволилъ къ нему и питалъ неограниченную довѣренность графъ Н. П. Шереметевъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи взялъ съ него честное слово заботиться о его малолѣтнемъ сынѣ, назначивъ его вмѣстѣ съ Донауровымъ душеприказчикомъ и попечителемъ или опекуномъ ¹⁾ къ малолѣтнему единственному сыну своему, графу Дмитрію Николаевичу.

По кончинѣ завѣщателя, П. Т. оставилъ службу государственную, вышелъ въ отставку и посвятилъ себя юному питомцу, съ которымъ жилъ неотлучно, до его совершеннолѣтія, въ огромныхъ палатахъ на Фонтанкѣ. Большая отвѣтственность, всегдашняя принужденность, церемонность быть въ чужомъ домѣ хозяиномъ—все это тяготило его, хотя и получалъ щедрое возмездіе деньгами и дарами, пока, по достиженіи совершеннолѣтія питомца въ 1824 г., онъ не переѣхалъ жить въ собственный домъ свой на Шестилавочной улицѣ (теперешняя Надеждинская) на зиму, а на лѣто переѣзжалъ на красивую дачу свою въ Вѣлзеркѣ, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, гдѣ впоследствии, по стараніямъ Великаго Князя Михаила Павловича, устроена больница для Гвардейской Кирасирской дивизіи ²⁾.

По поводу отношеній П. Т. къ Шереметеву мы можемъ прибавить еще слѣдующія замѣтки: Павелъ Теоодоровичъ какъ бы наблюдалъ за воспитаніемъ

¹⁾ Здѣсь Розень, Записками котораго мы пользуемся, ошибается; онъ не былъ опекуномъ. Съ его подписью выходили въ свѣтъ ассигнаціи, замѣненные въ слѣдовавшемъ царствованіи депозитными билетами. Записки Розена-декабриста.

²⁾ Записки декабриста Розена, стр. 48 и 49.

малолѣтняго графа Д. Н. Шереметева. Ему было прибавлено къ жалованью въ семь тысячъ еще по пяти тысячъ въ годъ. Тогда же, 18 февраля 1817 года, попечитель Михаилъ Донауровъ находилъ нужнымъ выдавать графу карманныхъ денегъ по шести тысячъ рублей въ треть, на что Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Павелъ Ѳеодоровичъ Малиновскій возразилъ, что этого мало, а требуется десять тысячъ рублей въ треть, что и было удовлетворено главнымъ опекуномъ Дмитріемъ Трошинскимъ 13 ноября 1817 года. Въ 1820 году, февраля 9 дня, графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ назначилъ пенсію Павлу Ѳеодоровичу Малиновскому по двѣнадцати тысячъ рублей въ годъ, по третямъ года, по прошествіи каждой ¹⁾).

«Въ Курганѣ, — говоритъ Розенъ, — вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ, узнали мы о кончинѣ дяди жены моей и благодѣтеля нашего Павла Ѳеодоровича Малиновскаго: онъ проводилъ лѣто на роскошной дачѣ своей, въ Бѣлозеркѣ, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ; осенью появилась въ тѣхъ мѣстахъ холера, и онъ сдѣлался жертвою 9 сентября 1832 года. Ни единой не было родственной руки при немъ, чтобы закрыть ему глаза; послѣдней услуги этой ожидалъ онъ отъ меня и отъ жены моей, о чемъ часто прежде мнѣ говаривалъ; но мы были далеко; прочіе родные были въ Украинѣ. Значительное наслѣдство дяди досталось брату его Сенатору Алексѣю Ѳеодоровичу Малиновскому и тремъ братьямъ жены моей ²⁾).

«Духовное завѣщаніе его, которое онъ давалъ мнѣ читать въ 1825 г., было подписано шестью свидѣтелями изъ важныхъ лицъ; одною статьею завѣщанія онъ отказалъ женѣ моей значительную часть изъ благопріобрѣтеннаго своего имущества; но никто не нашелъ этого акта, и некому было отыскивать копію или мѣсто явки. У меня осталась благодарность за доброе его намѣреніе и за доказанную мнѣ любовь и довѣренность» ³⁾).

Немного въ иномъ свѣтѣ рисуетъ намъ кончину Павла Малиновскаго Е. А. Энгельгардтъ, въ письмѣ къ Вольховскому отъ 22 сентября 1832 г., гдѣ онъ пишетъ: «Дядя ихъ (т. е. Малиновскихъ) на прошедшей недѣлѣ умеръ отъ холеры, до которой допился. Царство ему Небесное, жаль что онъ, вѣроятно, не оста-

¹⁾ «Рус. Арх.» 1899 г., 9, стр. 32 и 34.

²⁾ По этому поводу Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 13 августа 1833 г. сообщаетъ В. Д. Вольховскому, что «Малиновскій хлопочетъ съ дядею (т. е. съ А. Ѳ. Малиновскимъ) о наслѣдствѣ». А въ письмѣ отъ 5 ноября того же года онъ пишетъ: «Бѣдный Иванъ хлопочетъ съ Бѣлозеркою, которую, по смерти одного дяди, другой дядя, Московскій Сенаторъ, навязалъ на него. Радъ-бы продать это безталанное имѣніе, да то бѣда, что для продажи нуженъ покушникъ, а на Бѣлозерку едва-ли таковой найдется, не смотря на то, что по безразчетливости покойнаго владѣльца въ этотъ клочекъ земли вбиты сотни тысячъ рублей. Вообще при этомъ раздѣлѣ наслѣдства, который для прекращенія безконечныхъ споровъ конченъ посредствомъ жеребья, госпожа фортуна очень не благопріятствовала Ивану».

³⁾ Записки декабриста Розена, стр. 296 и 297.

вилъ духовнаго завѣщанія, по которому бы остатки его имѣнія достались нашимъ Малиновскимъ, вмѣсто того, что теперь по закону наследуетъ братъ, безъ того уже богатый». Въ примѣчаніи же къ письму отъ 24 ноября того же года Энгельгардтъ замѣчаетъ: «Дядя Малиновскій въ Бѣлозеркѣ умеръ; это бы не бѣда, да то плохо, что не сдѣлалъ духовной и потому все его наследство идетъ брату въ Москвѣ, который и безъ того богатъ, а нашимъ ничего».

О смерти П. Малиновскаго сообщаетъ также К. Я. Булгаковъ своему брату въ письмѣ изъ С.-Петербурга отъ 13 сентября 1832 г.: «Твой Малиновскій будетъ въ горѣ: его братъ Павелъ умеръ. Я узналъ по карточкѣ, которую и ко мнѣ прислали. Я его послѣдній разъ видѣлъ въ Вѣнѣ почти тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ былъ тамъ съ Самборскимъ»¹⁾.

П. Θ. Малиновскій погребенъ на Георгіевскомъ кладбищѣ на Большой Охтѣ, въ С.-Петербургѣ. Въ книгѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича «Петербургскій Некрополь» (Спб. 1912 г. Подъ редакціей В. Савтова. Томъ III (М-Р), стр. 27) приводится слѣдующая надпись съ его надгробнаго памятника:

«Малиновскій, Павелъ Ѳеодоровичъ, д. ст. сов., Царю, отчизнѣ, правдѣ другъ, сердобольвѣйшій сострадатель, запечатлѣлъ въ сердцахъ признательныхъ завѣтъ подражанія, † 9 сентября 1832, на 66 г., на мызѣ Бѣлозеркѣ, даръ его воспитанника графа Шереметева (Георгіевское кладбище на Большой Охтѣ)».

¹⁾ «Рус. Арх.» 1904 г., I, стр. 87.

Андрей Аванасьевичъ Самборскій.

(Род. 1 августа 1732 г., ум. 5 октября 1815 г.).

Андрей Аванасьевичъ Самборскій род. 1-го августа 1732 года, въ деревнѣ Сыровоткѣ, Ахтырскаго уѣзда, нынѣшней Харьковской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ и землевладѣльцемъ¹⁾. Обучался въ Бѣлгородской семинаріи, затѣмъ кончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи и былъ посланъ въ Англію причетникомъ вмѣстѣ съ священникомъ іеромонахомъ Ефремомъ Дьяковскимъ. Молодымъ причетникамъ, отправляемымъ къ миссиі въ Лондонъ, ставилось въ обязанность изучать агрономію для того, чтобы, по мысли Императрицы Екатерины II, они могли, пріѣхавъ въ Россію и получивъ мѣста сельскихъ священниковъ, распространять среди народа идеи рациональнаго земледѣлія.

Въ Англіи Самборскій занялъ мѣсто причетника при Русской посольской церкви. Желая занять мѣсто священника при посольствѣ, Самборскій обратился въ Святѣйшій Синодъ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

«Въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ нижайшее довошеніе:

«Я нижайшій обучался латинскому языку прежде въ Бѣлгородской семинаріи, а потомъ въ академіи Кіевской... отправленъ я нижайшій, вмѣстѣ съ Священникомъ Іеромонахомъ Ефремомъ Дьяковскимъ къ Греко-россійской въ Лондонѣ церкви *церковникомъ*, гдѣ и понынѣ при должности своей состою. И во всю мою бытность здѣсь всевозможное прилагахъ попеченіе и нынѣ прилагаю къ совершеннѣйшему изученію особливо греческаго и притомъ англійскаго языковъ, того ради, принялъ смѣлость просить соизволить посвятить меня нижайшаго къ здѣшней Греко-россійской церкви священникомъ и святительское благословеніе, по примѣру *Варфоломея Косого и Стефана Ивановскаго* (которые также, какъ и я, были здѣсь церковниками) на законное мнѣ сочетаніе нижайшему бра-

¹⁾ П. И. Бартеневъ въ статьѣ о происхожденіи Гоголя замѣчаетъ: «Малороссійское духовенство съ его особенностями, какъ черное, такъ и бѣлое еще ждетъ изученія. Представителями послѣдняго были А. А. Самборскій и Яковъ Васильевичъ Смирновъ (занимавшійся въ Лондонѣ даже и дѣлами дипломатическими). Во всякомъ случаѣ оно значительно разнится отъ духовенства Великороссійскаго». (Рус. Арх.» 1902 г., № 4, стр. 705).

комъ, если здѣсь, то съ *англійскою дѣвицею*, введши ее напередъ въ законъ православной нашей церкви. А понеже для бракосочетанія неотмѣнно нуженъ священникъ, какъ то и для *бракосочетанія* покойнаго Священника Стефана Ивановскаго, отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода присланъ былъ *Протоіерей*, того ради Вашему Высокоосвятѣйшеству я съ покорностью представляю, что безъ дальнихъ Святѣйшему Синоду затрудненій и казенныхъ убытковъ бракосочетаніе то надлежащимъ христіанскимъ порядкомъ совершить можно по близости отъ Лондона въ *Амстердамъ*, всегда находящимся при *Греческой вольной* церкви священникомъ... Греческаго языка хотя я еще совершенно и не знаю, однако церковное Богослуженіе на ономъ безъ нужды отправлять могу, сверхъ того англійскаго языка, который крайне нуженъ для англичановъ, воспріявшихъ нашей православныя церкви законъ, нѣсколько разумѣю... Церковникъ Андрей Самборскій. 1767 года, апр. 3 дня»¹⁾.

Но Синодъ раньше того сдѣлалъ запросъ Новгородскому и Тверскому Архіереямъ, не имѣютъ ли они какихъ-либо кандидатовъ для занятія мѣста священника въ Лондонѣ. По полученіи отъ нихъ отвѣтовъ, что таковыхъ у нихъ нѣтъ, Синодъ увѣдомилъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ отъ 6 марта 1768 года, что на назначеніе Самборскаго согласенъ, но что рукоположеніе Самборскаго должно быть въ Петербургѣ и что на проѣздъ его потребна извѣстная сумма денегъ. Въ виду этого, «Святѣйшій Синодъ полагается на благоразсмотрѣніе оной Коллегіи, упоая, что надлежащее объ ономъ опредѣленіе въ той Коллегіи послѣдуетъ непродолжительно и когда на сіе Святѣйшій Синодъ отъ той Коллегіи согласное увѣдомленіе имѣть будетъ, тогда и дѣйствительное какъ о вступленіи помянутому Самборскому въ бракъ, такъ и о пріѣздѣ въ С.-Петербургъ опредѣленіе учинено будетъ».

На это Коллегія отвѣтила 13 ноября 1768 года, «что на проѣздъ церковника опредѣлено перевезти изъ Коллегіи по прежнему примѣру сто пятьдесятъ рублевъ».

Получивъ увѣдомленіе изъ Коллегіи, Св. Синодъ послалъ 24 ноября 1768 г. указъ Самборскому, въ которомъ, между прочимъ, извѣщаетъ о переводѣ денегъ и прибавляетъ, что ему «разрѣшается повѣнчаться съ англійскою дѣвицею въ Амстердамѣ, которую раньше привести въ Греко-Россійскую вѣру».

Въ Лондонѣ 6 мая 1769 года²⁾ Самборскій женился на англичанкѣ, при-

¹⁾ Изъ прошлаго Россійской Православной церкви въ Лондонѣ (по рукописямъ архива Св. Синода). См. кн. Протоіер. А. П. Мальцева: «Къ XV-лѣтію Св. Князь-Владимірскаго братства въ Берлинѣ. 1890—1905 г.», ч. I. Берлинъ, 1906 г., стр. 372—373.

²⁾ Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «О жизни протоіеря А. А. Самборскаго» — Спб. 1888 г. (Матеріалы для біографіи) — указано, что онъ женился 2 мая 1768 г. Авторъ ошибается, потому что указъ Св. Синода о дозволеніи Самборскому вступить въ бракъ помѣченъ 24 ноября 1768 г.

нявшей православіе, Елизаветъ Петровнѣ Фильдингъ¹⁾), для которой перевелъ катехизисъ и приобрѣлъ (перевелъ?) рукописную книгу всѣхъ богослуженій греко-россійской церкви на англійскомъ языкѣ²⁾).

Женившись на англичанкѣ, Самборскій пріѣхалъ въ Петербургъ 3 іюля 1769 года и отъ Коллегіи былъ посланъ въ Синодъ, а оттуда къ Члену Синода, С.-Петербургскому Архіепископу, для посвященія во священники, о чемъ послѣ долженъ «объявить Св. Синоду надлежащимъ рапортомъ, при которомъ его, Самборскаго, велѣно было представить».

Самборскій былъ посвященъ 6 сентября въ діаконы, а 8 сентября въ Казанской церкви—во священники; послѣ посвященія Самборскій былъ уволенъ въ Бѣлогородъ для свиданія съ родственниками на 29 дней.

Передъ отъѣздомъ въ Лондонъ, Самборскому была дана инструкція³⁾, какъ ему въ Лондонѣ поступать, и кромѣ того былъ данъ новый антиминосъ для Лондонской церкви. Съ Самборскимъ уѣхалъ въ Лондонъ новый причетникъ — изъ пѣвческой капеллы Василій Базилевичъ.

Въ автобіографическихъ воспоминаніяхъ священника Смирнова мы находимъ еще нѣкоторыя интересныя подробности о сборахъ Самборскаго въ Лондонъ. Предъ отправленіемъ въ Лондонъ, на родинѣ, въ Харьковѣ, протоіерей Самборскій выбралъ нѣсколько учениковъ для отправленія причетнической должности въ Лондонской церкви и для обученія въ Англіи земледѣлю. По дорогѣ изъ Харькова въ Петербургъ, въ Москвѣ, Самборскій перемѣнилъ ихъ украинскія фамиліи. Такъ, Прокоповича назвалъ Прокофьевымъ, Флавицкаго — Флавіановымъ, Ляницкаго—Смирновымъ. Смирновымъ же сталъ называться по пріѣздѣ въ Англію и братъ послѣдняго, впоследствии священникъ посольской церкви въ Лондонѣ⁴⁾).

Въ Лондонѣ Самборскій оставался до 1782 года, оказывая содѣйствіе и помощь молодымъ соотечественникамъ, изучавшимъ агрономію⁵⁾. Изъ Англіи онъ вывезъ въ Россію усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины, сѣ-

¹⁾ Въ брошюрѣ священника Стеллецкаго: «Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель Императора Александра I»—Кіевъ, 1896 г. (82)—сказано, что Самборскій повѣчанъ въ Лондонѣ 6 мая 1769 г. случившимся на то время въ Лондонѣ греческимъ іеромонахомъ Серафимомъ (стр. 5). Такимъ образомъ, опредѣленіе Синода о томъ, чтобы ему вѣнчаться въ Амстердамѣ, осталось не исполненнымъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, наслѣдники не издали ее до сихъ поръ.

³⁾ Инструкцію эту мы здѣсь не приводимъ, ее можно найти въ книгѣ протоіерея А. Мальцева: «Въ XV-лѣтію Св. Князь-Владимірскаго братства въ Берлинѣ. 1890—1905 г.», ч. I. Берлинъ, 1906 г., стр. 375—378.

⁴⁾ «Автобіографическое показаніе священника Якова Ивановича Смирнова». («Рус. Арх.» 1879 г., № 3, стр. 355—356).

⁵⁾ «Я никогда не забуду его (Самборскаго) дружбы и особливо одолженій, оказанныхъ мнѣ въ Лондонѣ»,—писалъ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ къ своему сыну Константину, встрѣтившемуся съ Самборскимъ за границей, и приглашаетъ о Самборскаго при проѣздѣ черезъ Москву остановиться у него. («Рус. Арх.» 1898 г. кн. 2, стр. 199).

мена, домашнихъ птицъ, даже свиней, «такъ что еще и по нынѣ, — по словамъ декабриста Розена, — земледѣльческія общества и учебныя фермы съ благодарностью вспоминаютъ его заслуги по части сельскаго хозяйства».

Въ 1782 году Самборскій назначенъ былъ сопровождать Великаго Князя Павла и его супругу въ путешествіи по Европѣ, въ качествѣ ихъ духовника. За путешествіе былъ награжденъ драгоценнымъ наперснымъ крестомъ, который нынѣ вѣланъ въ дарохранилищницу церкви его родового имѣнія Стратилатовки или Каменки. Въ 1784 году былъ назначенъ законоучителемъ и преподавателемъ англійскаго языка къ Великимъ Князьямъ Александру и Константину и княжнамъ Александрѣ, Еленѣ и Маріи¹⁾.

Нѣкоторые историки²⁾ несправедливо обвиняютъ Самборскаго въ томъ, что онъ не сумѣлъ сообщить своему царственному ученику, будущему Императору Россіи, истиннаго пониманія духа православной церкви. Шильдеръ по этому поводу замѣчаетъ, что «Самборскій стоялъ на высотѣ своего призванія быть духовнымъ наставникомъ будущаго самодержца»³⁾.

Въ 1788 году Самборскій былъ назначенъ первымъ протоіереемъ Софійскаго собора⁴⁾. Здѣсь вѣнчалась въ 1791 г. его дочь Софія съ Василіемъ Θεодоровичемъ Малиновскимъ, будущимъ директоромъ Лицея⁵⁾.

За труды по обученію Закону Божію и англійскому языку Великихъ Князей Самборскій былъ награжденъ 4 марта 1797 года пожалованіемъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе имѣнія Стратилатовки⁶⁾. Въ 1797 году, при

¹⁾ Письма Самборскаго (объ исправленіи характера Александра Павловича) къ графу Н. И. Салтыкову. («Рус. Стар.» 1896 г., т. LXXXIII, ноябрь, стр. 451—456).

²⁾ Е. П. Ковалевскій: Графъ Блудовъ и его время. Спб., 1866, стр. 59. — Морозкинъ: Иезуиты въ Россіи. 1870 г., ч. 2, стр. 20. — В. К. Надлеръ: Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. Спб., 1886 г., т. I, стр. 12.

³⁾ Шильдеръ: Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Спб., 1898 г., т. IV, стр. 43.

⁴⁾ Софійскій соборъ, подъ Царскимъ Селомъ, построенъ по плану архитектора Старова и является копіей Константинопольской Софіи. Пушкаревъ, IV, 60.

⁵⁾ Это родство Малиновскаго съ Самборскимъ послужило началомъ карьеры всѣхъ трехъ братьевъ Малиновскихъ, такъ какъ, кромѣ покровительства Высочайшихъ Особъ, Самборскій пользовался дружбою и покровительствомъ Аракчеева и въ теченіе многихъ лѣтъ былъ лицомъ близкимъ къ нему, какъ это видно изъ письма графа М. А. Корфа къ А. Ѳ. Вычкову отъ 29 января 1862 г. («Рус. Арх.» 1902 г., 112, январь, стр. 165—167). Этимъ покровительствомъ и этою дружбою съ Аракчеевымъ объясняется блистательная карьера родственниковъ Самборскаго Малиновскихъ, изъ которыхъ зять его, Василій Θεодоровичъ, былъ директоромъ Лицея, другой братъ — Алексѣй, бывший самъ впоследствии въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Аракчеевымъ, кончилъ жизнь сенаторомъ и директоромъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; не менѣе быстро шель по службѣ и третій братъ — Павелъ Θεодоровичъ, который, имѣя съ небольшимъ тридцать лѣтъ отъ роду, былъ уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и директоромъ государственнаго ассигнаціоннаго банка.

⁶⁾ Указъ Императора Павла I (4 марта 1797 г., Павловскъ): «Указъ Нашему Сенату. Софійскому Протоіерею Самбурскому (Sic!) въ награжденіе трудовъ

учрежденіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства (1797 — 1803 г.г.), Самборскій былъ выбранъ въ члены оной и ему порученъ главный надзоръ надъ учрежденною тогда же близъ Царскаго Села школою земледѣлія, которою онъ управлялъ до 1799 года и гдѣ онъ и жилъ¹⁾.

Въ каталогѣ Rossica (№ 422) Иосифа Баера и К^o (Joseph Baer) (въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ) находится указаніе на слѣдующее сочиненіе Самборскаго: «Положеніе практической школы земледѣлія и сельскаго хозяйства. Въ Санктпетербургѣ. 1792 г. — Планы, служащіе къ объясненію положенія практической школы земледѣлія и сельскаго хозяйства. 20 гравюръ на мѣди и въ краскахъ»²⁾). Кромѣ того, можно еще указать на слѣдующее его сочиненіе: «Описаніе практическаго англійскаго земледѣлія, собранное изъ разныхъ англійскихъ писателей». (М. 1781 г.).

его въ преподаваніи наставленія въ Законѣ Божіемъ любезнымъ дѣтямъ Нашимъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы ему въ вѣчное и потомственное владѣніе пятьсотъ душъ, повелѣвая Сенату, назнача оныя, изготовить жалованную грамоту и поднести къ Нашему подписанію. Павелъ». («Сенатскій Архивъ». I. Именные указы Императора Павла I.—Спб., 1888 г., стр. 127).—Въ росписи деревнямъ, назначеннымъ къ отдачѣ въ число пожалованныхъ душъ, мы читаемъ: «5-го апрѣля 1797 г. Протоіерею Андрею Самборскому 500 душъ—Слободско-Украинской губерніи, Изюмскаго уѣзда, въ слободѣ Стратилатовкѣ, Каменка тожъ, оставшейся въ казенномъ вѣдомствѣ послѣ полковника Краснокутскаго и именуемой выморочною, изъ пяти-сотъ восьмидесяти трехъ душъ. Съ принадлежащею по дачамъ на число душъ землею, лѣсами, рыбными ловлями, мельницами и со всѣми угодьями и съ присоединеніемъ состоящаго въ смежности той слободы казеннымъ Захарьевскимъ лѣсомъ, простирающимся на тысячу двѣсти двадцать четыре десятины съ саженьями» (ibid, стр. 237).—Слободско-Украинская губ. (нынѣ Харьковская) вмѣстѣ съ Черниговскою и Полтавскою носили официальное названіе: «Малороссійскій край», главное начальство надъ которымъ было ввѣрено Малороссійскому военному губернатору. Названіе «Малороссійскій край» было устранено въ 1835 г., съ переименованіемъ Малороссійскаго военнаго губернатора въ генералъ-губернатора Черниговскаго, Полтавскаго и Слободско-Украинскаго. (См. «Рус. Стар.» 1903, т. СХV, октябрь, стр. 169).

1) В. И. Вешняковъ: «Экспедиція Государственнаго Хозяйства (1797—1803)». («Рус. Стар.» 1901 г., октябрь, т. СVІІІ). Къ сожалѣнію, на стр. 202 вкралась ошибка: сказано, что Самборскій былъ протоіереемъ Софійскаго собора въ Павловскѣ, слѣдуетъ же—въ Царскомъ Селѣ. Кромѣ того, В. И. Вешняковъ такъ опредѣляетъ мѣстоположеніе участка земли, отведеннаго школѣ для производства опытовъ: «Для производства опытовъ,—читаемъ мы здѣсь («Рус. Стар.» 1901 г., ноябрь, стр. 403),—школѣ былъ отведенъ изъ вѣдомства царскосельской конторы участокъ земли въ 152 дес. 1170 кв. саж. въ 24-хъ верстахъ отъ Петербурга, близъ города Павловска, между деревн. Тярлевою, домою протопресвитера Самборскаго и Московскою дорогою». Здѣсь что-то напутано у почтеннаго В. И. Вешнякова. Нужно: между деревн. Тярлево, домою Самборскаго (или иначе домою Малиновскаго, гдѣ была школа) и Павловскимъ шоссе. Очень можетъ быть, что по этому шоссе можно было выѣхать на Московскую дорогу.—О дѣятельности Самборскаго, какъ завѣдующаго школой, еще см. статью В. И. Часловскаго: «Первая земледѣльческая школа въ Россіи (1797—1803)». (Журн. «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», ч. СV, отд. 2).—Самборскаго въ Экспедиціи и школѣ замѣнялъ камергеръ Бакунинъ.

2) Названный экземпляръ интересенъ тѣмъ, что на оборотѣ первой таблицы находится латинское посвященіе Андрея Самборскаго пастору евангелической церкви въ Будапештѣ Самуилу Іешедіку (Jeschedik); экземпляръ стоитъ 120 марокъ.

Въ 1794 году умерла жена Самборскаго. Въ 1799 году онъ былъ назначенъ духовникомъ Александры Павловны Палатины Венгерской¹⁾. Здѣсь, на чужбинѣ, Самборскій съ дочерью Анной Андреевной были единственными друзьями молодой царской дочери, брошенной среди семейства и круга, холоднаго къ ней или враждебнаго, отчасти изъ фанатизма латинскаго, отчасти изъ зависти къ влиянію ея очаровательной наружности (особенно много доставалось ей отъ свекрови)²⁾. Послѣ смерти Великой Княгини, при ея погребеніи Самборскому пришлось выдержать цѣлую борьбу изъ-за того, чтобы похоронить дочь русскаго Императора по обряду греко-россійской церкви и съ подобающимъ ея сану благолѣпіемъ³⁾.

¹⁾ Вѣсти изъ Россіи въ Англію. Письмо графа Ф. В. Растопчина къ графу С. Р. Воронцову отъ 25 іюля 1799 года. («Рус. Арх.» 1876 г., кн. 9, стр. 84). Въ Памятникахъ Новой Русск. Исторіи (II, стр. 47—67), изданныхъ Кашперовымъ, подъ редакціей Н. Н. Майкова, В. П. Ламанскій напечаталъ записку Самборскаго о пребываніи Великой Княгини Александры Павловны въ Угрии (1799—1801), «которая заслуживаетъ общей извѣстности, какъ важный официальный документъ и достовѣрное свидѣтельство очевидца», говоритъ П. Барсуковъ въ Указателѣ къ Дневнику Храповицкаго, стр. 338.

²⁾ Воспоминанія гр. Блудовой. («Рус. Арх.» 1879 г., 12, стр. 484—485). Между прочимъ, Самборскаго гр. Блудова характеризуетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Батюшку (ея, гр. Блудовой) вѣнчалъ священникъ весьма умный, образованный и почтенный, Самборскій, бывшій духовникомъ Великой Княгини Александры Павловны, во время ея замужества за эрцгерцогомъ Иосифомъ, Палатиномъ Венгерскимъ». Далѣе гр. Блудова продолжаетъ: «Магушка слышала отъ Самборскаго, что преслѣдованія мачихи эрцгерцога доходили до смѣшныхъ мелочей. Случилось, между прочимъ, что на одинъ народный спектакль Александра Павловна пріѣхала въ ложу, по обычаю, въ брилліантахъ; но брилліанты ея были гораздо болѣе цѣнные и лучше отдѣланные, нежели ея свекрови. Въ залѣ глаза всѣхъ были устремлены на нее съ ласковымъ удивленіемъ. Малодушная свекровь запретила ей надѣвать брилліанты въ театръ; она кротко повиновалась. Но въ слѣдующій разъ, когда она вошла въ ложу съ одними только цвѣтами въ волосахъ, вмѣсто діадемы, ея юная красота была ослѣпительнѣе драгоцѣнныхъ каменьевъ, и шопотъ сдержаннаго удивленія прощель въ публикѣ. Вѣдной Александрѣ Павловнѣ пришлось вынести еще несприятности и за это. Словомъ, повторялась, въ дѣйствительности для нея, басня волшебныхъ сказокъ о злой мачихѣ и прекрасной царевнѣ. Несмотря на любовь мужа, она была такъ притѣсняема и несчастна, что Самборскій (не имѣя возможности писать о ней даже съ курьеромъ), рѣшился отправить дочь свою Анну Андреевну съ фельд-егеремъ на перекладной въ Петербургъ, дабы довести до свѣдѣнія Императора Павла о тяжкомъ положеніи Великой Княгини. Когда Самборская пріѣхала, она уже не застала Павла I въ живыхъ, а вскорѣ и Александра Павловна скончалась, разрѣшившись преждевременно отъ бремени, вслѣдствіе, какъ думали Самборскіе, всѣхъ огорченій и преслѣдованій, которыхъ она была жертвою. За ней такой былъ плохой уходъ, что она умерла одна, безъ сидѣлки, и когда вошли въ ея комнату, нашли ее мертвой съ рукою на колокольчикѣ, которымъ у нея не достало силъ позвонить. Это послѣднее обстоятельство было мнѣ подтверждено графиней Ревай, которая при ней была фрейлиной и до глубокой старости (когда я познакомилась съ ней) сохранила къ Александрѣ Павловнѣ благоговѣйную преданность и, ради ея, любила всѣхъ русскихъ и старалась сближаться съ ними».

³⁾ Объ этой борьбѣ подробнѣе см. Е. П. Карновичъ: Александра Павловна. («Древняя и Новая Россія» за 1879 г., т. I, № 4, стр. 297—302).

Изъ Австро-Венгріи¹⁾ Андрей Аѳанасьевичъ поѣхалъ путешествовать по славянскимъ землямъ, былъ въ Черногоріи, Архипелагѣ, на Аѳонской горѣ, въ Константинополѣ, затѣмъ вернулся въ свое имѣніе въ Стратилатовку. Въ деревнѣ онъ всячески старался, по словамъ Розена, о нравственномъ и вещественномъ преобразованіи крестьянскаго быта. Выписалъ хорошаго доктора, устроилъ больницу и спасъ жителей отъ страшно распространившейся сифилитической болѣзни. Завелъ школу, хозяйство на иностранный ладъ, сырницу и проч. Проживъ въ деревнѣ нѣсколько лѣтъ, онъ съѣздилъ въ Крымъ для лѣченія и, наконецъ, возвратился въ Петербургъ²⁾ и жилъ на углу Лигейной и Дворцовой (бывшей Гагаринской, нынѣ Французской) набережной, въ собственномъ домѣ, который теперь принадлежитъ Артиллерійскому вѣдомству³⁾. Здѣсь у него была устроена домовая церковь и здѣсь онъ принималъ съ радушіемъ пріѣзжавшихъ къ нему изъ провинціи. Въ домѣ его родился С. М. Муравьевъ-Апостоль, когда родители его прибыли въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Многимъ землякамъ и знакомымъ изъ всѣхъ состояній и сословіи открывалъ онъ поприще: такъ, М. М. Сперанскому⁴⁾ и Н. М. Лонгинову. Когда онъ продалъ домъ свой, то Императоръ Александръ предложилъ ему квартиру въ Михайловскомъ замкѣ⁵⁾.

За два года до смерти Самборскій не вставалъ уже съ постели и его пере-

¹⁾ А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ отцу изъ Вѣны отъ 12 апрѣля н. с. 1803 г. сообщаетъ, что говѣлъ и исповѣдывался у Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, который весьма почитаетъ отца Булгакова. И за границею Самборскій и семейство его остались русскими, какъ это видно изъ описанія обѣда, на которомъ присутствовали А. Я. Булгаковъ: «Онъ (Самборскій) насъ славно накормилъ; видно, дочь его вмѣшалась въ стряпанье, ибо были славныя русскія и англійскія блюда». («Рус. Арх.» 1898 г., кн. 9, стр. 128—129 и 134).

²⁾ Я. И. Булгаковъ въ письмѣ къ сыну, К. Я., отъ 30 октября 1805 г., сообщая о рескриптѣ, бывшемъ на имя Самборскаго, замѣчаетъ: «Но куда сей Самборскій дѣвался? Я о немъ совсѣмъ не слышу съ отъѣзда его изъ Вѣны, хотя оттуда онъ и собирался въ Москву и хотѣлъ у меня жить. Малиновскій у меня обѣдалъ и сказывалъ, что вчера съ получилъ отъ Самборскаго письмо изъ Петербурга. Ergo вопросъ сей рѣшенъ». Рескриптъ въ томъ же письмѣ Я. И. Булгаковъ приводитъ въ такомъ видѣ: «Отецъ Протоіерей Самборскій! съ того времени, какъ возложена была на Васъ должность наставника Закону Божію при Мнѣ, а равно и исполненіе всѣхъ по званію Вашему отправляемыхъ должностей съ отличностью, обратило вниманіе Мое, въ знакъ коего справедливымъ нахожу всемилостивѣйше пожаловать Васъ брилліантовыми знаками ордена Св. Анны, которые, препроводя при семь, пребываю къ Вамъ благосклонный...» («Рус. Арх.» 1898 г., кн. 5, стр. 63).

³⁾ Въ честь Самборскаго переулокъ, находящійся около того дома, гдѣ онъ жилъ, и ведущій отъ Французской набер. (бывшей Гагаринской) къ Шпалерной улицѣ, названъ Самбурскимъ.

⁴⁾ См. подробнѣе Жизнь графа Сперанскаго, барона М. А. Корфа. Спб., 1861 г., т. I, стр. 9, 67 и пр.

⁵⁾ Вѣроятно, Розенъ ошибается, говоря на стр. 17, что Самборскій «получилъ казенную квартиру въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ нынѣ Артиллерійская Академія».

возили на дачу Александрово¹⁾), близъ Павловска, устроенную имъ для Великаго Князя Александра Павловича по тексту нравоучительной сказки Екатерины II: «Царевичъ Хлоръ и роза безъ шиповъ». Здѣсь были: «храмъ розы безъ шиповъ, каменная глыба—символь Наказа, храмъ Цереры и пещера мудрой нимфы — Эгерии»²⁾). Умеръ Самборскій 5 октября 1815 года, на 84 году жизни (а не на 76, какъ говоритъ Розенъ). Отпѣваніе тѣла было совершено Митрополитомъ Амвросіемъ, съ многочисленнымъ духовенствомъ, въ церкви Симеона Богопріимца въ Петербургѣ³⁾). Некрологъ его напечатанъ въ «Le Conservateur Impartial № 83, vendredi, le 15 octobre 1815», извлеченъ изъ «Poste du Nord». Погребенъ Самборскій на Охтѣ, въ фамильномъ склепѣ, вмѣстѣ съ супругою, дочерью Софіею и зятемъ В. Малиновскимъ.

Дѣтей у Самборскаго было: Анна—родилась 4 сентября 1770 г., Софія— 9 ноября 1772 г., сыновья: Александръ—родился въ 1776 году и умеръ отъ чахотки на дорогѣ въ Россію изъ Англии, въ Датскомъ городѣ Эльсинорѣ, на 22 году жизни,—и Исаія—въ 1799 г., умеръ на 4 году жизни⁴⁾).

О Самборскомъ баронъ Розенъ говоритъ, что онъ по образованію и понятіямъ своимъ опередилъ своихъ современниковъ на цѣлое столѣтіе, хотя часть православнаго духовенства соблазнялась тѣмъ, что онъ брилъ бороду и внѣ службы носилъ сюртукъ и круглую шляпу, брилліантовый крестъ на Андреевской лентѣ и Анненскую звѣзду, украшенную алмазами (см. Записки декабриста, стр. 47 и 48)⁵⁾).

Объ интересѣ Самборскаго къ сельскому хозяйству можетъ дать понятіе письмо его къ князю Безбородко слѣдующаго содержанія: «А какъ я въ пере-

¹⁾ Въ 1810 году въ Харьковѣ вторично (въ первый разъ въ 1793 г.) была издана поэма Джунковскаго подъ заглавіемъ: «Александрово, увеселительный садъ е. и. в. благовѣрнаго государя и великаго князя А. П.» Къ изданію приложены три гравюры. На гравюрѣ заглавнаго листа поэмы представленъ А. А. Самборскій въ крестьянской одеждѣ; онъ повѣсилъ на суку вѣтвистаго дерева свой наперсный крестъ и орденъ Св. Анны и, взявшись за плугъ, въ который впряжены два вола, пахаетъ землю—аллегорическое изображеніе его воспитательной дѣятельности. Надъ нимъ паритъ голубь, и яркое солнце освѣщаетъ вдаль, на горѣ, храмъ Фелицы, надъ жертвенникомъ коего курится виміамъ. А. А. Самборскій, дѣйствительно, пахалъ на Александровской дачѣ, и плугъ его, представленный на картинкѣ (грав. Jean Neid вѣнѣ), хранится въ принадлежавшемъ ему селѣ Каменкѣ въ особу устроенной для него бесѣдкѣ. Шильдеръ: Императоръ Александръ I. Спб., 1898 г., т. IV, стр. 61—62 и примѣч. 112.

²⁾ Е. Шумигорскій: Императрица Марія Феодоровна, гл. 9.

³⁾ Стеллецкій: Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель Императора Александра I. Кіевъ, 1896 г., стр. 80.

⁴⁾ О другихъ подробностяхъ отсылаемъ къ брошюрѣ: «О жизни протоіерея А. А. Самборскаго». Спб. 1888 г. (Матеріалы для біографіи).—О Самборскомъ см. также: «Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель Императора Александра I», составилъ священникъ Н. Стеллецкій; Н. К. Шильдеръ: «Императоръ Александръ I и Императоръ Павелъ I».

⁵⁾ И. Барсуковъ въ примѣч. къ Дневнику Храповицкаго (Москва, 1901 г., стр. 49) сообщаетъ о ссорѣ Самборскаго (называетъ: «Самбургскій») съ митрополитомъ, причемъ добавляетъ, что протоіерей Самборскій бороды не носилъ.

ѣздахъ моихъ повстрѣчался съ земледѣльческими работами, коиъ я доселѣ одну только зналъ поверхность, то я нашелъ необходимо нужнымъ испытать всю практику здѣшняго съ тѣмъ, чтобы съ большою точностъю могъ я аппликовать правила, пріобрѣтенныя мною въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, къ здѣшнему климату, и съ увѣреніемъ теперь могу вамъ сказать, что во всѣхъ мѣстахъ Имперіи Россійской можно завести доброе и весьма прибыточное государству хозяйство. О нынѣшнемъ Россійскомъ доношу вамъ, что оно есть въ самомъ бѣднѣишемъ состояніи. Крестьяне вообще не разумѣютъ никакого порядка; слѣдственно теряютъ они по крайней мѣрѣ третью часть времени, которое, по долговременной здѣшней зимѣ, должно быть весьма дорого. Теряютъ они почти половину хлѣба, а при томъ весьма изнуряютъ и свои силы и своихъ скотовъ, что и причиняетъ наиболѣе чувствительнѣйшій вредъ государству. Я ѣздилъ такожь и въ Херсонъ, дабы узнать, какого рода хозяйство тамъ можно завести. О семъ мѣстѣ долженъ я сказать, что оно изобилуетъ благословенною зимою. Подвигъ сей я для того теперь сдѣлалъ, что когда я, по возвращеніи изъ Англіи вступлю въ должность и практику, то мнѣ невозможно будетъ тогда отлучаться¹⁾.

«Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить то, что говоритъ Е. С. Шуми-горскій въ своей біографіи Императрицы Маріи Ѳеодоровны (гл. XI): «Самборскій былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; но ни знакомство съ философскими сочиненіями энциклопедистовъ, ни долгое пребываніе за границей не подорвали въ немъ глубокой вѣры въ чистоту православнаго ученія и любви къ своему народу»²⁾.

¹⁾ Изъ бумагъ князя Безбородко. Письмо священника Андрея Аванасьевича Самборскаго. Москва. 1783 г., сентября 9.

²⁾ «Рус. Арх.» за 1896 г., кн. 7, стр. 311—312.

24.

КОНСТАНТИНЪ КАРЛОВИЧЪ
ДАНЗА СЪ.



Константинъ Карловичъ
ДАНЗАСЪ.

Константинъ Карловичъ Данзасъ.

(Род. въ 1801 г.. ум. 3 февр. 1870 г.).

«...Товарищъ и другъ Пушкина, его секундантъ на дуэли... одинъ изъ рѣдкихъ людей, высокой честности, беззаботнаго характера, остраго и наблюдательнаго ума...»

Некрологъ Данзаса въ «Иллюстриров. Газетѣ» 1870 г., т. 25, № 7.

Константинъ Карловичъ Данзасъ, сынъ генераль-маіора¹⁾, изъ дворянъ Курляндской губерніи, лютеранскаго вѣроисповѣданія, род. въ 1801 г.²⁾ Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ и прибылъ въ Лицей частнымъ образомъ, вмѣстѣ съ Вольховскимъ, Ломоносовымъ, Матюшкинымъ и Ржевокимъ³⁾. О принятіи его въ Лицей ходатайствовала графиня Софія Владиміровна Строганова, сестра князей Дмитрія и Бориса Вла-

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. (Стр. 29 въ Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея на 1856—57 г.г.). Вѣроятно, это тотъ генераль-маіоръ Данзасъ, который въ ноябрѣ 1800 г. былъ шефомъ Гренадерскаго полка (рапортовалъ о побѣтѣ вн. Гедройцъ). См. Бѣглецы въ царствованіе Императора Павла въ 1800 г.—Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. («Рус. Стар.» 1890 г., т. LXVI, апрѣль, стр. 139).

²⁾ Этого года указывается на основаніи сообщенія Татьяны Борисовны Данзасъ, родной племянницы Константина Карловича. Этотъ же годъ вытекаетъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя приводитъ въ своемъ Отчетѣ Мартынъ Пилецкій-Урбановичъ, который считаетъ въ 1812 г. Данзасу 11 лѣтъ. Къ этому же году приходитъ и авторъ некролога въ «Иллюстрированной Газетѣ» за 1870 г. (т. 25, № 7), такъ какъ онъ говоритъ, что Данзасъ умеръ 69 лѣтъ отъ роду († 3 февраля 1870 г.). Между тѣмъ по формулярному списку Данзаса, приведенному въ судномъ дѣлѣ Пушкина (см. «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г.», П. М. фонъ-Кауфмана. Спб., 1900 г., стр. 65), значително, что онъ кончилъ курсъ Лицея въ 1817 г. девятнадцати лѣтъ отъ роду. Это же самое (окончаніе курса Лицея Данзасомъ 19 лѣтъ отъ роду) повторяется и въ некрологѣ его, напечатанномъ въ «Иллюстрированной Газетѣ». Если признать вѣрность этого указанія, то тогда годомъ его рожденія будетъ не 1801, а 1798 г. Здѣсь, кстати, можно замѣтить, что въ формулярѣ военно-суднаго дѣла Данзасъ значится вѣроисповѣданія лютеранскаго, между тѣмъ въ Отчетѣ Мартына Пилецкаго-Урбановича говорится, что онъ католическаго вѣроисповѣданія.

³⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи... Спб., 1899 г., стр. 31. Между тѣмъ въ Матеріалахъ для исторіи Лицея (примѣч. 19, стр. X) Данзасъ не упоминается, что онъ пріѣхалъ въ Лицей вмѣстѣ съ этими товарищами.

диміровичей Голицыныхъ. 8 августа 1811 года онъ держалъ экзаменъ въ Царскосельскій Лицей и выдержалъ его блистательно, судя по тѣмъ отмѣткамъ, которыя онъ получилъ. Въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго — «хорошо», французскаго и нѣмецкаго — «очень хорошо»¹⁾, въ ариметикѣ и познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ — «хорошо»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи — «очень хорошо»²⁾.

Столь блистательно выдержанный экзаменъ открылъ ему доступъ въ стѣны Царскосельскаго Лицея. Въ продолженіе лицейскаго курса наукъ Данзасъ не поддержалъ свою репутацію, столь блистательно выказанную имъ на вступительномъ экзаменѣ въ Лицей, и числился все время почти въ числѣ послѣднихъ учениковъ. Изъ сохранившихся отмѣтокъ профессоровъ и преподавателей мы можемъ привести слѣдующіе отзывы о немъ.

Такъ, профессоръ россійской и латинской словесности Н. Кошанскій въ своемъ спискѣ воспитанниковъ съ показаніемъ ихъ способностей, успѣховъ и прилежанія съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. пишетъ о Данзасѣ слѣдующее: «Константинъ Данзасъ, кажется, мало имѣетъ способностей, или онъ перемѣнчивъ; онъ не можетъ идти ровнымъ шагомъ, прилѣжаніе его зависитъ совершенно отъ глазъ надзирателей; онъ не имѣетъ ни столько соревнованія, чтобы сравняться съ другими, ни столько разсудительности, чтобы чувствовать пользу, почему и успѣхи его малы и слабы. Кажется онъ затрудняется еще и тѣмъ, къ несчастію, что не хорошо понимаетъ по-русски»³⁾.

Тотъ же Кошанскій въ спискѣ отъ 15 марта по 15 октября 1812 года ставитъ Данзаса послѣднимъ воспитанникомъ, т. е. тридцатымъ, и дѣлаетъ такую характеристику: «Константинъ Данзасъ, или вовсе не имѣетъ способностей или если и имѣетъ, то онъ еще не развились въ немъ, и сокрыты подъ спудомъ. Прилѣжаніе его совершенно зависитъ отъ надзора: ибо всѣ средства для возбужденія онаго, какъ то: ни похвала, ни стыдъ предъ товарищами, ни убѣжденіе въ пользѣ знаній не дѣйствуютъ на него какъ будто на *дикаго*. Успѣхи его могли бы сдѣлать честь искусству наставника».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ въ своемъ отзывѣ отъ 31 марта 1812 г. даетъ отмѣтки о воспитанникахъ въ алфавитномъ порядкѣ ихъ фамилій: «Danzas. Il est trop borné ou trop paresseux pour faire de grands progrès. Je ne désespère cependant pas de vouloir le corriger».

¹⁾ Профессоръ де-Будри, братъ знаменитаго Марата, говоритъ, какъ мы видимъ ниже, что Данзасъ французскаго происхожденія и что онъ въ дѣтствѣ говорилъ только по-французски (поэтому неудивительно, что на экзаменѣ изъ французскаго языка онъ получилъ отмѣтку — «очень хорошо»; впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что изъ нѣмецкаго Данзасъ получилъ ту же отмѣтку).

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева, стр. XI.

³⁾ Въ спискѣ ставитъ его девятымъ.

Профессоръ французскаго языка де-Будри отъ 18 ноября 1812 г. ставитъ Данзаса въ четвертый разрядъ воспитанниковъ, т. е. плохихъ, и говоритъ о немъ: «Danzas: François de naissance, et n'ayant jamais parlé que François, il devoit être au desous de la plupart de ses condisciples; mais il n'a ni ambition, ni crainte, pas un côté faible par où l'on puisse le prendre: il en est au même point que le premier jour».

Профессоръ Гауеншильдъ отъ 19 ноября 1812 г. ставитъ Данзаса также въ числѣ плохихъ воспитанниковъ, въ послѣдній (третій) разрядъ, на одну доску съ Пушкинымъ и Броглю, и пишетъ о немъ: «Danzas, borné et paresseux comme il est, il reste toujours sur le même degré sans donner beaucoup d'espérance».

Мартынъ Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г. г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Данзасѣ: «Данзасъ (Константинъ) (католическаго исповѣданія) 11 лѣтъ. Нельзя сказать, чтобы не имѣлъ способностей, но свойственная ему мѣшкатность, вялость, неловкость, а притомъ и лѣность, дѣлаютъ ихъ безплодными. Онъ требуетъ неуспѣшнаго понужденія и поощренія къ ученію; гнѣвъ, грубъ, нерадивъ, не признателенъ и не опрятенъ, не столько по намѣренію сколько по дурному воспитанію, впрочемъ въ немъ довольно простосердечія; онъ началъ немножко исправляться какъ въ прилѣжаніи; такъ и въ обращеніи. Особенно примѣтна въ немъ художественная способность и подражательность; вообще онъ болѣе механикъ и потому къ наукамъ, требующимъ умственныхъ силъ, онъ мало оказываетъ охоты и способности»¹⁾.

Николай Кошанскій отъ 9 іюля 1813 г. помѣщаетъ Данзаса седьмымъ воспитанникомъ, т. е. послѣднимъ, въ рубрикѣ посредственныхъ.

Губернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 г. аттестуетъ Данзаса слѣдующимъ образомъ: «Злобенъ, дерзокъ, нерадивъ, неопрятенъ, впрочемъ усерденъ и довольно прилѣженъ», и въ своемъ спискѣ помѣщаетъ Данзаса послѣднимъ.

Наконецъ, мы имѣемъ отзывъ профессора историческихъ наукъ И. Кайданова съ 1 ноября 1812 г. по 1 января 1814 г. Кайдановъ ставитъ Данзаса послѣднимъ, послѣ Ржевскаго и Броглю, и дѣлаетъ имъ общую характеристику, гдѣ говоритъ: «Дарованій посредственныхъ; успѣховъ малыхъ, поведенія хорошаго».

Что касается до жизни Данзаса въ Лицеѣ, то намъ почти ничего не извѣстно. Онъ принималъ участіе въ литературныхъ шалостяхъ лицейстовъ и участвовалъ, какъ кажется, только въ одномъ журналѣ «Лицейскій Мудрецъ», выходившемъ неправильно (въ теченіе трехъ лѣтъ) съ 1813 до конца 1816 г. Здѣсь, на оберткѣ, мы встрѣчаемся съ такою надписью: «Печатать дозволяется. Цензоръ Баронъ Дельвигъ. Въ типографіи К. Данзаса», т. е. Дельвигъ просматривалъ всѣ статьи, а Данзасъ какъ бы печаталъ ихъ, т. е. переписывалъ каллиграфически.

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г., стр. 31.

По воспоминаніямъ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, издателями журнала «Лицейскій Мудрецъ» были Данзасъ и Дельвицъ. Со словъ того же Матюшкина Я. К. Гротъ говоритъ, что «почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во второмъ уже номерѣ онъ бранитъ своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что если это будетъ продолжаться, «если,—говоритъ онъ,—ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ: то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣлаетесь. Подумайте. — Онъ не будетъ издавать журнала? — Хуже. — Онъ натретъ ядомъ листочки Лицейскаго Мудреца?—Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою г. Гезеля» (т. е. Кюхельбекера)¹⁾. О другихъ подробностяхъ, сообщаемыхъ Гротомъ по поводу журнала «Лицейскій Мудрецъ», упомянуто нами въ біографическомъ очеркѣ Корсакова.

Изданіе «Лицейскаго Мудреца», хотя и возвышало Данзаса среди другихъ товарищей, тѣмъ не менѣе онъ подвергался насмѣшкамъ своихъ товарищей, участвовавшихъ въ лицейской журнальной дѣятельности. Онъ былъ извѣстенъ подъ кличкой «Медвѣдь», и таковымъ его изображали въ карриатурахъ. Такъ, напримѣръ, въ № 2 «Лицейскаго Мудреца» за 1815 г. находится карриатура, изображающая медвѣдя, осаждаемаго четырьмя нападающими на него лицами: налѣво внизу—Броглю, выше его —Корниловъ, по правую сторону—Мартыновъ и ниже его, съ ружьемъ, — Комовскій. Въ этомъ же номерѣ «Лицейскаго Мудреца» находится также стихотвореніе подъ заглавіемъ «Мудрецъ», одну строфу котораго, относящуюся къ Данзасу, мы приведемъ здѣсь:

«Умомъ былъ простъ, глупенекъ былъ душою,
Но онъ любилъ журналы издавать.
Увы! какъ намъ его не вспоминать?
Онъ одой всѣхъ смѣшилъ одною.
И рано Генію конецъ!
Друзья! восплачемъ надъ могилой,
Онъ былъ медвѣдь,—но мишка милой,
Бѣдный мудрецъ!»²⁾

Къ лицейской жизни Данзаса относится одна замѣтка гувернера, гдѣ упоминается, между прочимъ, фамилія Данзаса. Мы приводили уже эту замѣтку въ біографическомъ очеркѣ Корсакова, здѣсь повторимъ только, что нѣсколько воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ былъ Данзасъ, во время прогулки отставали

¹⁾ Я. К. Гротъ: Царскосельскій Лицей. Сборникъ Сяладчина. 1874 г., стр. 353. См. его же: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 36.

²⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 273, а карриатура— на стр. 277. «Медвѣдь»—лицейское прозвище Данзаса.

отъ своихъ товарищей и, идя мимо дворца, разсматривали пойманныхъ бабочекъ и производили шумъ. Это не укрылось отъ гувернера Ильи Степановича Пилецкаго, который требовалъ, чтобы они сохраняли тишину и наблюдали порядокъ, но, какъ говоритъ составитель этой замѣтки, слова и увѣщанія гувернера Пилецкаго «нимало не имѣли на нихъ дѣйствія»¹⁾.

Что Данзасъ былъ лѣнивъ и плохо велъ себя въ Лицеѣ, а потому занималъ послѣднее мѣсто, вспоминалось Пушкину, когда онъ писалъ свое «19 октября» (1825 года):

... Садитесь, какъ вы сѣдились тамъ,
Когда мѣста, въ тѣни святаго крова,
Отличіе предписывало намъ.

Т. е. они сѣдились за столъ въ порядкѣ полученныхъ ими балловъ за поведение, вслѣдствіе чего Вольховскій всегда сѣдѣлъ первымъ, и потому Пушкинъ говоритъ въ этомъ стихотвореніи:

Спартанскою душой плѣвняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховскій сѣдетъ первой
Послѣднимъ я, иль Брогльо, иль Данзасъ²⁾.

Шалости Данзаса въ бытность его въ Лицеѣ дали поводъ помѣстить замѣтку о нихъ въ рукописномъ журналѣ «Лицейскій Мудрецъ». Въ этомъ журналѣ, подъ заглавіемъ «Лицейскія древности», приведена выписка, въ которой гувернеръ Мейеръ жалуется на Дельвига и Данзаса за то, что первый за столомъ бросилъ большой кусокъ хлѣба въ тарелку послѣдняго и когда наставникъ вмѣшался въ ихъ ссору, то они оба обошлись съ нимъ грубо³⁾.

Имя Данзаса попало въ такъ называемыя лицейскія «національныя пѣсни», которыя, какъ извѣстно, составлялись цѣлымъ классомъ. Въ этихъ «пѣсняхъ» до него относится слѣдующій куплетъ:

«Съ гнѣвнымъ пламенемъ во взорѣ
Данзасъ почталонъ въ Ижорѣ,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!»

Здѣсь можно прибавить, что комната, занимавшаяся Данзасомъ въ Лицеѣ, значилась подъ № 29 и выходила въ ограду, т. е. въ лицейскій садикъ⁴⁾.

¹⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 87.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, подъ редакціей П. А. Ефремова, т. 2, стр. 39. Изд. А. С. Суворина. 1903 г.

³⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 227, а также см. Пушкинскій Лицей, К. Я. Грота. Спб., 1911 г., стр. 299—300.

⁴⁾ Ibid., стр. 286.

Данзасъ окончилъ курсъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ въ 1817 г. и былъ выпущенъ офицеромъ въ армію. Выпустили его въ офицеры арміи потому, что онъ плохо учился и былъ въ числѣ послѣднихъ своего курса, а потому и не могъ быть опредѣленъ въ гвардію.

По выходѣ изъ Лицея онъ поступилъ въ Инженерный корпусъ ¹⁾).

О службѣ Данзаса въ арміи мы можемъ воспользоваться тѣми данными, которыя находятся въ его формулярномъ спискѣ ²⁾). Формуляръ говоритъ, что Данзасъ въ службу вступилъ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея прапорщикомъ—1817 года, ноября 7 дня, въ Инженерный корпусъ; отъ роду тогда имѣлъ 19 лѣтъ (?); въ 5 піонерный баталіонъ переведенъ въ 1818 г., декабря 7. Къ оному прибылъ 1819 г., марта 3 ³⁾). Подпоручикомъ назначенъ въ 1819 г., апрѣля 26, съ переводомъ въ 3 піонерный баталіонъ. Къ оному прибылъ 1819 г., мая 27. Затѣмъ поступилъ въ 6 піонерный баталіонъ въ 1820 г., мая 20 ⁴⁾). Къ оному прибылъ 1820 г., іюля 14. Произведенъ поручикомъ въ 1823 г., декабря 2, въ томъ же баталіонѣ ⁵⁾). Откомандированъ въ Отдѣльный Кавказскій корпусъ съ ротой для укомплектованія 8 піонернаго баталіона—1827 г., февраля 25.

Во время нахождения Данзаса на Кавказѣ онъ принялъ участіе въ нашей войнѣ съ Персіей и въ 1827 г. находился въ походѣ противъ персовъ: съ 6 августа—въ слѣдованіи въ предѣлы Персіи, въ отрядѣ генераль-лейтенанта Красовскаго въ крѣпость Бунбурту ⁶⁾); съ 16 сентября—при осадѣ, а 20 сентября—при взятіи этой крѣпости; съ 23 сентября—при осадѣ крѣпости Эривани и 1

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г., стр. 92 (См. Памятную книжку Лицея на 1856 — 57 г.). Селезневъ почему-то пишетъ, что онъ поступилъ въ Инженерную школу.

²⁾ Выписано изъ книги формулярныхъ списковъ за 1854 г., по архиву № 16873. Общій Архивъ Главнаго Штаба, въ Москвѣ, въ Лефортовѣ. Формуляръ подписалъ управляющій Комиссією генераль-майоръ Княжнинъ 2. Въ дальнѣйшемъ указаніи на этотъ формуляръ мы будемъ его свѣрять съ формуляромъ, подписаннымъ Командиромъ С.-Петербургской команды по Инженерной части инженеръ-подполковникомъ Д. Брюнольдъ и помѣщенномъ въ прекрасномъ изданіи Петра Михайловича Кауфмана подъ заглавіемъ: «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г.» Спб. 1900 г.

³⁾ Въ формулярѣ военно-суднаго дѣла—марта 30.

⁴⁾ Въ формулярѣ Данзаса, находящемся въ военно-судномъ дѣлѣ о немъ (Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ, П. М. Кауфмана, стр. 67), ошибочно указано, что въ 6 піонерный баталіонъ Данзасъ назначенъ 10 мая, между тѣмъ какъ по формуляру за 1854 г. (по Арх. № 16873. Общій Архивъ Главнаго Штаба, въ Москвѣ, въ Лефортовѣ), а также въ указѣ, выданномъ въ Петербургѣ іюня 19-го 1857 г., за № 5236, показано 20 мая.

⁵⁾ Когда Данзасъ былъ поручикомъ, то піонерный баталіонъ квартировалъ въ Бендерахъ. См. «Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди». Замятка на статью П. Бартенева «Пушкинъ въ Южной Россіи». («Рус. Арх.» 1866 г., стр. 1489).

⁶⁾ Въ указѣ объ отставкѣ сказано: «въ крѣпости Бурбуртѣ», а въ формулярѣ Данзаса при военно-судномъ дѣлѣ значится: «къ крѣпости Бардаръ-Абаду».

октября—при взятіи оной; съ 6 октября—въ слѣдованіи по Персіи до г. Тавриза и оттуда обратно въ предѣлы Россіи. За персидскую войну Данзасъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ (1827 г., мая 28 дня); за взятіе крѣпости Эривани награжденъ чиномъ штабсъ-капитана (1828 г., янв. 1), съ оставленіемъ въ 8 піонерномъ баталіонѣ, а также получилъ установленную за персидскую войну серебряную медаль и, сверхъ того, за понесенныя труды въ персидскую кампанію награжденъ не въ зачетъ годовымъ жалованьемъ (1828 г., мая 23 дня).

Въ 1828 г., апрѣля 1¹⁾, мы находимъ Данзаса въ 7 піонерномъ баталіонѣ, а 24 апрѣля того же года мы находимъ его въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Оттоманской Порты. Здѣсь онъ находился при построеніи мостовъ и наведеніи понтоновъ при рѣкѣ Прутѣ у селенія Фальчи; 2 мая—въ слѣдованіи чрезъ княжества Молдавію и Валахію къ крѣпости Браилову, а 6 мая — при осадѣ оной; 3 іюня находился въ сраженіи. Въ этомъ сраженіи, подъ стѣнами крѣпости Браиловъ, Данзасъ былъ раненъ ружейною пулею въ лѣвое плечо выше ключицы, навывлетъ, съ раздробленіемъ нижняго угла лопаточной кости. Для пользованія этой раны находился «въ госпиталяхъ во временно учрежденномъ близъ крѣпости Браилова въ селѣ Веситурѣ и Фокшанскомъ»²⁾. Въ 1829 г., 12 мая³⁾,—въ войскахъ подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Ротта при укрѣпленіи позиціи при м. Козлуджи-мѣль-Эксарнъ-утляръ⁴⁾; 28 и 29 мая — въ движеніи сихъ войскъ на соединеніе съ главными силами арміи; 3-го⁵⁾ — при разбитіи верховнаго визиря въ сраженіи при с. Кулевчи, въ движеніи войскъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Редигера (Ридигера) къ селу Эклистенъ-Бульць⁶⁾; съ 7 іюня⁷⁾— въ позиціи арміи передъ Шумлою; 29 іюля—при разбитіи фуражировъ

¹⁾ Въ формулярѣ, помѣщенномъ въ книгѣ «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ» (стр. 69), сказано, что Данзасъ переведенъ въ 7 піонерный баталіонъ генваря 17-го 1828 г. и къ оному прибылъ 1 апрѣля того же года.

²⁾ Въ формулярѣ военно-суднаго дѣла написано: «въ селѣ Версатурѣ и впослѣдствіи въ Фюшландскомъ Военномъ Госпиталѣ».

³⁾ Въ формулярѣ военно-суднаго дѣла находится еще слѣдующая подробность, что «съ 3 іюля 1828 г. по 1 мая 1829 г. и того же года съ 12 мая».

⁴⁾ Въ указѣ объ отставкѣ значится: «Казлуджи-Мѣль-Эксарнъ-утляръ», а въ формулярѣ военно-суднаго дѣла мы читаемъ: «при мѣстечкѣ Козлуджи и селѣ Эски-Арнаутъ-Ларь».

⁵⁾ Слѣдуетъ 30 мая, какъ и сказано въ формулярѣ при военно-судномъ дѣлѣ, между тѣмъ эта ошибка (3 мая) находится и въ указѣ объ отставкѣ.

⁶⁾ А въ формулярѣ военно-суднаго дѣла значится: «къ селу Эски-Астамбульць».

⁷⁾ Въ формулярѣ при военно-судномъ дѣлѣ сказано: «7 іюля», и всѣ слѣдующія числа относятся до іюля мѣсяца, между тѣмъ какъ въ указѣ Данзаса объ отставкѣ и въ формулярѣ изъ Московскаго отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба, который положенъ въ основу нашей статьи, мѣсяцы перепутаны: такъ, наприм., послѣ 7 іюня идетъ 29 іюля; затѣмъ—2 іюня и 5 іюля, потомъ—6 іюня и 10 іюля.

и отраженіи вылазки, изъ крѣпости Шумлы сдѣланной; съ 2 іюня постоянно въ авангардѣ въ движеніи арміи къ рѣкѣ Камчику; 5 іюля — при наведеніи понтоновъ подъ ружейнымъ огнемъ чрезъ рѣку Камчикъ у села Дальемассы ¹⁾ и взятіи прибрежныхъ укрѣпленій; съ 6 іюня — при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго лагеря Каприкиди ²⁾, при проходѣ чрезъ Балканскія горы; 10 іюля — при разбитіи Турецкихъ войскъ авангардомъ подъ начальствомъ генераль-маіора Жарова, при спускѣ съ Балканъ въ долину противъ села Копорокъ ³⁾, 13 іюля — при разбитіи Корпуса Ибрагима Паши при городѣ Айдолъ ⁴⁾ и при взятіи штурмомъ онаго; 15 іюля — при занятіи авангардомъ города Корно-Воти (Корнобата); 31 іюля — въ сраженіи при городѣ Сливно и взятіи онаго; 8 августа — при занятіи второстепеннаго города Турецкой Имперіи Адрианополя; по возвращеніи въ городъ Сливно на зимовые квартиры, уволенъ, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, въ Россію для излѣченія раны, полученной при взятіи крѣпости Браилова, съ оставленіемъ при немъ жалованья и прогонныхъ денегъ въ оба пути.

За отличіе въ сраженіи противъ турокъ Данзасъ получилъ золотую полусаблю съ надписью «за храбрость» — 1828 г., іюня 3 ⁵⁾; въ числѣ прочихъ штабъ-и оберъ-офицеровъ удостоился получить Высочайшее благоволеніе; въ 1829 г., августа 30, награжденъ чиномъ капитана съ оставленіемъ въ 7 піонерномъ баталіонѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ серебряную медаль въ память этой войны.

За понесенные въ войнѣ противъ турокъ труды награжденъ, не въ зачетъ, годовымъ жалованьемъ — 1829 г., сентября 21. По представленію Комитета, Высочайше учрежденнаго въ 18 день августа 1814 г., медицинскимъ департаментомъ признанъ посредственно раненымъ и съ Высочайшаго повелѣнія получилъ, сверхъ опредѣленнаго жалованья, пенсіонъ по 600 руб. въ годъ съ 15 ноября 1830 года.

По переименованіи 7 піонернаго баталіона въ 3 резервный саперный баталіонъ 1829 г., октября 29 ⁶⁾, Данзасъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Директору строительнаго департамента по морской части въ 1833 г., іюня 25 ⁷⁾.

Въ 1835 г., 28 марта, за усердную службу Всемилостивѣйше пожалованъ подаркомъ — брилліантовымъ перстнемъ; въ 1836 г., 28 января, пожалованъ въ подполковники въ томъ же баталіонѣ; въ 1838 г., 14 февраля, переведенъ въ

¹⁾ Въ формулярѣ при военно-судномъ дѣлѣ Камчикъ названъ «Камчакъ», а село Дальемассы названо «Чалымолы».

²⁾ Въ формулярѣ при военно-судномъ дѣлѣ сказано: «при селѣ Киприкіюй».

³⁾ Въ формулярѣ при военно-судномъ дѣлѣ — «село Капоракъ».

⁴⁾ Въ формулярѣ при военно-судномъ дѣлѣ написано: «при городѣ Айдокъ».

⁵⁾ Въ указѣ объ отставкѣ сказано: «30 іюня».

⁶⁾ Въ формулярѣ при военно-судномъ дѣлѣ (стр. 69) вмѣсто 29 октября, какъ въ двухъ нашихъ спискахъ, указано 25 октября.

⁷⁾ Также ошибочно указано 5 іюня вмѣсто 25.

С.-Петербургскую Инженерную команду, куда и прибылъ 2 марта; въ 1838 г., 15 мая, переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, куда и прибылъ 1 ноября того же года ¹⁾). Причиной его перевода на Кавказъ была какая-то ссора съ начальникомъ, какъ объ этомъ упоминается въ некрологѣ, напечатанномъ въ «Иллюстрированной Газетѣ» за 1870 годъ, т. 25, № 7.

Въ 1838 г. Данзасъ находился, подъ командою начальника прибрежной Черноморской линіи генераль-лейтенанта Раевского, въ экспедиціи для занятія трехъ пунктовъ на восточномъ берегу Чернаго моря; съ 1 по 19 ноября — въ движеніи отряда чрезъ земли Негухайцевъ, отъ Новороссійска въ Анапу и обратно и во второмъ движеніи чрезъ Анапу въ станицу Джематею и въ бывшихъ при этомъ перестрѣлкахъ съ непріателемъ.

Въ 1839 г., апрѣля 28, Данзасъ былъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Раевского, на восточномъ берегу Чернаго моря при амбаркаціи войскъ въ Лиманѣ; 3 мая—при вылазкѣ у устья рѣки Субаши въ жаркомъ дѣлѣ при занятіи этого пункта; съ сего числа по 30 мая—во время укрѣпленія лагеря и приуготовленія работы къ возведенію укрѣпленія; въ перестрѣлкѣ съ 4 по 9 мая при устройствѣ засѣкъ; 29 числа — при занятіи высоты, раздѣляющей долины рѣкъ Шахъ и Субаши, и въ дѣлѣ при занятіи высотъ лѣваго берега рѣки Шахъ; съ 3 мая по 5 іюля — при возведеніи форта Головина въ перестрѣлкахъ, происходившихъ во все время въ передовой цѣпи; іюля 6—при амбаркаціи у форта Головинскаго и 7 — при высадкѣ войскъ у устья рѣки Пеедане, въ дѣлѣ при занятіи этого пункта; въ перестрѣлкѣ 8 и 9 при устройствѣ засѣки; съ 10 іюля по 3 августа—у работы при возведеніи форта Лазарева, въ перестрѣлкахъ, происходившихъ во все это время; 31 августа —у амбаркаціи войскъ при фортѣ Лазарева и высадкѣ ихъ; 4 сентября — при крѣпости Анапѣ; сентября 11 — въ движеніи изъ Анапы къ вершинѣ рѣки Милаго; съ 12 сентября по 9 октября — при возведеніи укрѣпленія Раевского и перестрѣлкѣ; 26 и 27 сентября, 2 и 8 октября—при слѣдованіи колоннъ съ строительными матеріалами и съѣтными припасами къ Николаевской станицѣ и обратно; съ 19 по 22 октября—въ движеніи

¹⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ Гр. Ив. Филипповъ отзывается о Данзасѣ, что это былъ «отличный боевой офицеръ, свѣтски образованный, но крайне лѣнливый и къ сожалѣнію, притворявшійся гоуэ» («Рус. Арх.» 1884 г., кн. I, стр. 205).— О пребываніи Данзаса въ Тенгинскомъ полку рассказываетъ Е. И. Козубскій, что «полковникъ Данзасъ, другъ и секунданта Пушкина, переведенный изъ-за какой-то ссоры съ начальникомъ въ 1839 г. въ Тенгинскій полкъ, квартировавшій въ станицѣ Ивановской, выхлопоталъ Лермонтову назначеніе въ одну изъ ротъ своего баталіона (12 Мушкатерную роту), но только 31 декабря 1840 г., приказомъ по полку за № 365, былъ зачисленъ на лицо». «Къ біографіи Лермонтова» (его участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ). («Рус. Арх.» 1901 г., 3, стр. 509). По формуляру, какъ мы выше видѣли, Данзасъ переведенъ въ Тенгинскій полкъ не въ 1839 году, какъ говоритъ Е. И. Козубскій, но въ 1838 г., 15 мая, а прибылъ въ полкъ 1 ноября того же года.

отряда обратно изъ мѣсть къ станицѣ Витязевой и оттуда къ Черноморію, по день возвращенія на квартиры.

За экспедицію противъ горцевъ въ 1839 г. Данзасъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 2 степени—1840 г., апрѣля 1, и таковымъ же орденомъ 2 степени, Императорскою короною украшеннымъ, — сентября 28 того же года. Въ началѣ 1840 г. въ воздаяніе отлично-усердной службы и особыхъ трудовъ, перенесенныхъ въ войнѣ съ горцами въ 1839 году, Высочайше дарована, въ числѣ прочихъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, убавка одного года къ выслугѣ ордена Св. Георгія 4 класса.

Въ 1841 г., 11 іюля, Данзасъ назначенъ состоять по арміи съ оставленіемъ при С.-Петербургской Коммиссаріатской Коммисіи. Въ указѣ Данзаса отъ 19 іюня 1857 г. за № 5236 значится: «По распоряженію начальства прикомандированъ къ Тенгинскому пѣхотному полку 24 сентября 1841 г. для участвованія въ экспедиціи противу горскихъ народовъ». Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ 14 день сентября 1842 г., Данзасу объявлено Высочайшее благоволеніе за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ (1842 г., сентября 21 дня). Высочайшимъ приказомъ Данзасъ произведенъ, за отличіе по службѣ, въ полковники—1844 г., марта 21, при той же Коммисіи. Наконецъ, въ 1847 г., апрѣля 21 ¹⁾, Бсемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст. ²⁾.

Въ 1854 г. ³⁾ мы находимъ полковника Данзаса чиновникомъ для пору-

¹⁾ Въ указѣ объ отставкѣ сказано: «августа 21».

²⁾ Для интересующихся другими подробностями формуляра Данзаса мы можемъ прибавить, что онъ былъ въ отпускахъ 1823 г., октября 15 дня, на 28 дней и на срокъ явился. Съ разрѣшенія Главнокомандующаго армію, уволенъ изъ Турціи въ Россію для излѣченія полученной имъ раны при штурмѣ крѣпости Браилова, съ оставленіемъ при немъ жалованья и выдачею прогонныхъ денегъ въ оба пути, съ 25 февраля 1830 г., въ какомъ отпуску и находился по 22 февраля 1833 г. Во время этого отпуска Данзасъ, будучи въ Петербургѣ, встрѣтился съ Пушкинымъ, о чемъ и упоминаетъ авторъ статьи, напечатанной въ «Рус. Арх.» 1888 г. (кн. 7, стр. 307), что нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы Пушкина, когда онъ проживалъ въ Царскомъ Селѣ, Пушкинъ отлучился въ Петербургъ и встрѣтился съ К. К. Данзасомъ и сталъ кутить. Если мы обратимся къ «хронологической канвѣ» А. К. Грота, то узнаемъ, что 18 февраля 1831 г. была свадьба Пушкина, въ Москвѣ; въ апрѣлѣ 1831 г. Пушкинъ проситъ Плетнева нанять ему квартиру въ Царскомъ Селѣ. (Соч. А. С. Пушкина, изд. Литерат. Фонда, т. VII, стр. 266, № 282). Наконецъ, 25 мая Пушкинъ переселился въ Царское Село, гдѣ прожилъ до 22 октября. Такимъ образомъ, замѣтка эта въ «Рус. Арх.» вполне правдоподобна.—Въ 1840 г. Данзасъ имѣлъ отпускъ съ 20 января на 4 мѣсяца, просрочилъ 6 мѣсяцевъ и 10 дней, о причинахъ просрочки никакихъ законныхъ доказательствъ не представилъ, какъ говоритъ формуляръ, а возвратился онъ 1 декабря того же года. Въ штрафъ по суду и подъ слѣдствіемъ не бывалъ. Состоялъ въ комплектѣ. Аттестовался достойнымъ. Случаямъ, лишающимъ права на полученіе знака отличія безпорочной службы, за время служенія въ Коммиссаріатѣ не подвергался. Холостъ. Имѣнія за нимъ никакого нѣтъ.

³⁾ Въ некрологѣ Данзаса, помѣщенномъ въ «Иллюстрированной Газетѣ» за 1870 г., т. 25, № 7, ошибочно указано, что Данзасъ былъ сдѣланъ чиновникомъ для порученій въ С.-Петербургской Коммиссаріатской Коммисіи въ 1856 г.

ченій въ С.-Петербургской Коммиссаріатской Коммиссіи, состоящимъ по арміи. Жалованья онъ получалъ въ годъ 502 руб. 50 коп. и квартирныхъ 142 руб. 85 коп., всего 645 руб. 35 коп.

По Высочайшему повелѣнію, Данзасъ въ 1855 г., апрѣля 27, былъ командированъ въ распоряженіе командующаго войсками, въ Финляндіи расположенными; отправленъ 14, а прибылъ 25 мая того же года. По Высочайшему повелѣнію, 1856 г., іюня 30, отчисленъ и обращенъ попрежнему чиновникомъ для порученія въ С.-Петербургскую Коммиссію, съ состояніемъ по армейской пѣхотѣ.

Въ 1856 г., августа 26, награжденъ бронзовою свѣтлою медалью на Андреевской лентѣ въ память войны 1853, 54, 55 и 56 г.г.

Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ 16 день декабря 1856 г., полковникъ Данзасъ 1-й, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генераль-майоры, съ увольненіемъ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полного жалованья по восьмисотъ шестидесяти рублей серебромъ въ годъ, съ производствомъ въ С.-Петербургѣ¹⁾.

Данзасъ, по словамъ знавшихъ его, былъ весельчакъ по натурѣ, имѣлъ совершенно французскій складъ ума, любилъ острить и сыпать каламбурами; вообще онъ въ полномъ смыслѣ былъ *bon-vivant*. Состоя вѣчнымъ полковникомъ, онъ только за нѣсколько лѣтъ до смерти, при выходѣ въ отставку, получилъ чинъ генерала, вслѣдствіе того, что онъ въ мирное время относился къ службѣ благодушно, индифферентно и даже черезчуръ безопасно; хотя его всѣ любили, даже его начальники, но хода по службѣ не давали.

Умеръ Данзасъ 3 февраля 1870 года.

Данзасъ жилъ и умеръ въ бѣдности, безъ семьи, не имѣя и не наживъ никакого состоянія, пренебрегая постоянно благами жизни, житейскими расчетами. Ею и хоронилъ на счетъ казны. Открытый, прямолинейный характеръ, соединенный съ саркастическимъ взглядомъ на людей и вещи, не далъ ему возможности составить, какъ говорится, себѣ карьеру. Нѣсколько разъ ему даже предлагались разные теплыя и хлѣбныя мѣста, но онъ постоянно отказывался отъ нихъ, говоря, что чувствуетъ себя неспособнымъ занимать такія мѣста.

Въ бытность Данзаса, проѣздомъ, въ Петербургъ онъ принималъ участіе въ празднованіи лицейскихъ годовщинъ 19 октября. Такъ, напримѣръ, изъ протоколовъ лицейскихъ годовщинъ видно, что Данзасъ присутствовалъ на лицейской сходкѣ въ 1831 г., такъ какъ мы имѣемъ его подпись подъ протоколомъ. Этотъ протоколъ всѣ присутствующіе подписали своими лицейскими кличками, такъ: «Дьячекъ Морданъ» (Корфъ), «Лиса-Смола» (Комовскій), «Олесенька» (Илли-

¹⁾ Указъ объ отставкѣ, на который мы ссылаемся въ этомъ жизнеописаніи Данзаса, выданъ ему 19 іюня 1857 г., за № 5236.

чевскій), «Сибирякъ» (Корниловъ), «Шведъ» (Стевень), «Паясъ» (Яковлевъ) и «Осада Данцига» (Данзасъ). Эта кличка Данзаса объясняется, вѣрно, тѣмъ, что въ одномъ изъ лицейскихъ журналовъ была помѣщена статья Данзаса подъ такимъ заглавіемъ. На этой годовщинѣ Пушкина не было, потому что онъ не нашелъ квартиры Яковлева; краткій протоколъ этой годовщины писанъ красивымъ почеркомъ Яковлева¹⁾.

Въ 1832 г. лицейская сходка состоялась на квартирѣ у женатаго брата Илличевскаго. Объ этой сходкѣ писалъ Матюшкину Е. А. Энгельгардтъ отъ 23 октября; тутъ были: Корфъ, Комовскій, Корниловъ, Стевень, Пушкинъ, Яковлевъ, Илличевскій, Данзасъ,—всего 8 человекъ.

Данзасъ принималъ также участие въ празднованіи годовщины 1834 г., происходившемъ у Яковлева; кромѣ Данзаса, были слѣдующія лица: Матюшкинъ, баронъ Корфъ, Комовскій, Стевень, Яковлевъ, Пушкинъ.

На лицейской годовщинѣ 1836 г. мы находимъ Данзаса; въ протоколѣ этой годовщины, писанномъ Пушенинымъ и Яковлевымъ, находятся слѣдующія подписи присутствовавшихъ: Юдинъ, Мясоѣдовъ, Гревеницъ, Яковлевъ, Мартыновъ, Корфъ, Пушкинъ, Илличевскій, Комовскій, Стевень и Данзасъ. Это было празднованіе двадцатипятилѣтія Лицея.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ К. Я. Гротомъ въ его статьѣ: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него», Данзасъ послѣ 1836 г. не принималъ участія въ лицейскихъ сходкахъ вплоть до 1844 г.; однако Д. Ө. Кобеко, на основаніи письма Энгельгардта къ Пушину отъ 23 октября 1843 г., перечисляетъ слѣдующихъ участниковъ пирушки этого года: Корфъ, Масловъ, Корниловъ, Комовскій, «бразиліанецъ» Ломоносовъ и Константинъ Данзасъ²⁾. К. Я. Гротъ совершенно не упоминаетъ о годовщинѣ 1843 года.

Что же касается годовщины 19 октября 1844 г., то мы узнаемъ о ней изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 7 января 1845 г., гдѣ онъ пишетъ: «Къ 19 октября я получилъ оклики изъ Бразиліи, изъ Стутгардта, изъ Иркутска, изъ Лондона, отсюда, гдѣ лишь есть наши Лицейскіе. Къ сожалѣнію наличные здѣсь не такъ живо цѣнили этотъ сердечной день; несмотря на заблаговременное приглашеніе, изъ всѣхъ первокурсныхъ явились только — Стевень, Комовской и Данзасъ, а прочіе — жаль, очень жаль, что сердечное Лицейство такъ остываетъ въ великосвѣтскомъ быту!»

Данзасъ присутствовалъ на лицейской годовщинѣ, когда праздновалось сорокалѣтіе Лицея—въ 1851 г. Въ протоколѣ этой сходки имѣются подписи

¹⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 83 и 301.

²⁾ См. Императорскій Царскосельскій Лицей, Д. Ө. Кобеко. Спб., 1911 г., стр. 458—459.

слѣдующихъ присутствовавшихъ товарищей: Яковлева, Комовскаго, Маслова, Матюшкина, Данзаса, Корфа и Корнилова¹⁾.

Судьба Данзаса интересовала его товарищей и его стараго директора Е. А. Энгельгардта. Въ письмѣ отъ 22 марта 1828 г. Энгельгардтъ сообщаетъ В. Д. Вольховскому слѣдующее: «Константина Данзаса я было не узналъ; молодецъ молодцомъ; то ли дѣло военная лямка; исправить хоть кого». А 19 октября того же года Энгельгардтъ сообщаетъ Вольховскому: «Нашихъ лицейскихъ челоуѣкъ пятнадцать въ расходѣ противъ турокъ; по сію пору Богъ миловалъ, всѣ цѣлы, кромѣ Константина Данзаса, который былъ крѣпко раненъ пулею въ плечо, однако вылѣчился». 25 февраля 1829 г. Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину сообщаетъ ему: «Данзасъ рыжій, который впрочемъ уже теперь сдѣлался темно-бурымъ, недавно получилъ къ своему Владимиру съ бантомъ еще золотую шпагу за храбрость». Въ томъ же 1829 г., отъ 18 ноября, старый директоръ сообщаетъ Матюшкину: «Данзасъ въ георгіевскомъ крестѣ, но съ разстрѣленнымъ плечомъ». Въ этомъ случаѣ Энгельгардтъ ошибся: никакого Георгіевскаго креста Данзасъ не имѣлъ.

Одинъ изъ товарищей писалъ В. Д. Вольховскому въ ноябрѣ 1829 г. слѣдующее о Данзасѣ: «Былъ противъ турокъ, но *идтъ* и *чѣмъ* онъ теперь, о томъ я никакихъ свѣдѣній не имѣю. Подъ Браиловымъ онъ отличился и получилъ, если не ошибаюсь, шпагу за храбрость».

7 апрѣля 1830 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «Данзасъ въ двухъ крестахъ и въ золотой шпагѣ, но съ тяжелою раною въ плечѣ; теперь поѣхалъ на Кавказъ лѣчиться; ему обѣщано перевести его въ гвардію».

22 января 1831 г. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Данзасъ съ прострѣленнымъ плечомъ и контузіею въ ногѣ, въ двухъ крестахъ, былъ здѣсь и на сихъ дняхъ отправился въ армію».

1831 годъ былъ несчастенъ для семейства Данзасовъ: въ этомъ году скончался ихъ отецъ, и Энгельгардтъ сообщаетъ интересную подробность, что старикъ хлопоталъ постоянно о своихъ сыновьяхъ. Въ письмѣ отъ 8 іюня 1831 г., къ Вольховскому, Энгельгардтъ пишетъ слѣдующее: «На прошедшей недѣлѣ мы схоронили отца Данзаса, это потеря весьма не великая для общества, но кромѣ Бориса²⁾, она весьма чувствительна для прочихъ сыновей его, о которыхъ онъ

¹⁾ При описаніи годовщинъ мы пользовались статьями Я. К. Грота, К. Я. Грота и Гаевскаго. Я. К. Гротъ пользовался протоколами, хранившимися у Яковлева, послѣдній изъ нихъ отъ 1851 г., а Гаевскій описываетъ празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время. См. статью Гаевскаго «О лицейскихъ годовщинахъ по поводу пятидесятилѣтняго юбилея Лицея въ 1861 г.» («Отечественныя Записки» 1861 г., т. 139, стр. 29—41). К. Я. Гротъ въ своей статьѣ: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него» (Спб., 1910 г.) приводитъ болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ его отецъ.

²⁾ Борисъ Карловичъ Данзасъ, II курса.

съ утра до вечера хлопоталь, и много выхлопатываль. Они теперь истинно осиротѣли. Борисъ по полученіи извѣстія о его болѣзни, прискакаль сюда, но уже его не засталъ. Борисъ произведенъ изъ отставныхъ коллежскихъ совѣтниковъ въ служащіе и получилъ на свою Анну Императорскую корону».

Въ 1837 году, какъ извѣстно, состоялась дуэль Пушкина съ барономъ Дантесомъ-Геккереномъ, столь печально окончившаяся для Пушкина и лишившая Россію ея гениальнѣйшаго поэта.

Въ этой дуэли принималъ участіе и Константинъ Карловичъ Данзасъ, какъ секундантъ Пушкина. Формуляръ Данзаса совершенно умалчиваетъ объ этомъ печальномъ эпизодѣ его жизни, поэтому мы воспользуемся подлиннымъ военно-суднымъ дѣломъ 1837 г., возникшимъ по поводу этой дуэли, и, не рассказывая вновь всю эту исторію, остановимся только на тѣхъ собственноручныхъ документахъ, которые принадлежатъ Данзасу. Впрочемъ, въ этихъ собственноручныхъ письмахъ Данзаса будетъ описана дуэль въ самыхъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ.

Въ числѣ этихъ собственноручныхъ писемъ, попавшихъ въ военно-судное дѣло, мы находимъ письмо Данзаса къ князю Петру Андреевичу Вяземскому отъ 6 февраля 1837 г.

Князь Вяземскій, не удовольствовавшись письмомъ секунданта Дантеса¹⁾, обратился за тѣми же свѣдѣніями о дуэли Пушкина къ Данзасу, и вотъ что отвѣтилъ Данзасъ князю Вяземскому:

«Милостивый Государь

Князь Петръ Андрѣевичъ

«Письмо къ вамъ Г-на Д'Аршіака, о несчастномъ происшествіи которому я былъ свидѣтелемъ я читаль.—Г. Д'Аршіакъ просить Васъ предложить мнѣ засвидѣтельствовать показанья его о семъ предметѣ. Истинна требуетъ чтобы я не пропустилъ безъ замѣчанья нѣкоторыя невѣрности въ рассказѣ Г. Д'Аршіака.

«Г. Д'Аршіакъ объяснивъ, что первый выстрѣлъ былъ со стороны Г-на Геккерена, и что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ упалъ раненый продолжаетъ: (les témoins s'approchèrent, il se releva sur son seant et dit, «attendez». L'arme qu'il tenait à la main se trouvant couverte de neige, el (il) in (en) prit un

¹⁾ «Достоинъ вниманія, — говоритъ г. Ефремовъ въ своей статьѣ объ А. С. Пушкинѣ, — что, по какой-то странной необъяснимой случайности, Пушкинъ отиѣтилъ въ своей записной книжкѣ день приѣзда д'Антеса (d'Anthès) въ Петербургъ. Лучшей товарищъ Пушкина и, впоследствии, его секундантъ Константинъ Карловичъ Данзасъ въ первый разъ встрѣтилъ д'Антеса и познакомился съ нимъ за общимъ столомъ въ ресторанѣ у Дюме, гдѣ Пушкинъ и будущій его убійца сидѣли рядомъ». («Рус. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, май, стр. 90).

autre. J'aurais pu établir une réclamation, un signe du Ba (r): George de Heckeren m'en empêcha). Слова Алек. Сергѣев. когда онъ поднялся, опершись лѣвою рукою были слѣдующія: «Attendez, je me sens assez de force pour donner mon coup.»—Тогда дѣйствительно я подалъ ему пистолетъ въ обмѣнъ того который былъ у него въ рукѣ и стволъ котораго набился снѣгомъ, при паденіи раненаго, но я не могу оставить безъ возраженія заключенія Г-на Д'Аршіака будто бы онъ имѣлъ право оспаривать обмѣнъ пистолета и былъ удержанъ въ томъ знакомъ со стороны Г-на Геккерена. Обмѣнъ пистолета не могъ подать поводу, во время поединка ни къ какому спору. — По условію каждый изъ противниковъ имѣлъ право выстрѣлить, пистолеты были съ пистонами, слѣдовательно осѣчки быть не могло; снѣгъ забившійся въ дуло пистолета А. С. усилилъ бы только ударъ выстрѣла, а не отвратилъ бы его; никакого знака ни со стороны Г-на Д'Аршіака ни со стороны Г-на Геккерена подано не было. Что до меня касается я считаю оскорбительнымъ для памяти Пушкина предположеніе будто онъ стрѣлялъ въ противника своего съ преимуществами на которыя не имѣлъ права.—Еще разъ повторяю что никакого сомнѣнія противъ правильности обмѣна пистолета сказано не было, еслибъ оно могло возродиться то Г-нъ Д'Аршіакъ обязанъ бы былъ объявить возраженіе свое, и не останавливаться знакомъ будто отъ Г-на Геккерена поданнымъ; къ тому же сей послѣдній не иначе могъ бы узнать намѣреніе Г-на Д'Аршіака какъ тогда, когда бы и оно было выражено словами; но онъ ихъ не произнесъ. Я отдаю полную справедливость бодрости духа показанной во время поединка Г-мъ Геккереномъ,—но рѣшительно опровергаю чтобы онъ произвольно подвергнулся опасности которую бы онъ могъ отъ себя устранить. Не отъ него зависѣло не уклониться отъ удара своего противника послѣ того, какъ онъ свой нанесъ.

«Для истинны разсказа прибавлю также замѣчаніе на это выраженіе: (Immobile depuis qu'il avait tiré le B-on de Heckeren était blessé et tomba de son côté).

«Противники шли другъ на друга грудь, когда Пушкинъ упалъ то Г. Геккернъ сдѣлалъ движеніе къ нему; послѣ словъ же Пушкина, что онъ хочетъ стрѣлять, онъ возвратился на свое мѣсто, ставъ бокомъ и прикрывъ грудь свою правою рукою: По всѣмъ другимъ обстоятельствамъ я свидѣтельствую истинну показаній Г-на Д'Аршіака.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью, имѣю честь быть Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорный слуга К. Данзасъ. Февраля 6-го дня 1837 года»¹⁾.

Какъ извѣстно, секунданта Пушкина—Константинъ Карловичъ Данзасъ—былъ привлеченъ къ отвѣтственности за участіе въ дуэли въ роли секунданта.

¹⁾ П. Кауфманъ: Дуэль Пушкина съ Дантесомъ Геккереномъ. Подлинное военно-судное дѣло 1837 г. Спб., 1900 г., стр. 54—55 и 122—123.

Поэтому 3 февраля 1837 г. полковникъ Галаховъ, какъ слѣдователь, обратился къ инженеръ-подполковнику Данзасу съ запросомъ, дѣйствительно ли онъ находился секундантомъ при семъ поединкѣ, когда и гдѣ оный происходилъ, какія лица и кто именно, кромѣ него, находились свидѣтелями при ономъ и, кромѣ секундантовъ, не знали ли еще кто либо изъ постороннихъ лицъ о имѣющей быть между поручикомъ Геккереномъ и Камеръ-Юнкеромъ Пушкинымъ дуэли, и какъ велика прикосновенность ихъ по сему предмету?

На это отъ 3 февраля 1837 г. Данзасъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

«Въ слѣдствіе предписанія Вашего Высокоблагородія честь имѣю донести, что я точно былъ секундантомъ со стороны Камергера (?) Пушкина, при дуэли, произшедшей между имъ и Лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго полка Порутчикомъ Геккереномъ, 27 января въ 5-мъ часу пополудни за Комендантской дачей. Кромѣ меня п Секретаря Французскаго Посольства Виконта Д'Аршіака, бывшій секундантомъ у Порутчика Геккерена, при дуэли никто не находился, и сколько мнѣ извѣстно кромѣ присутствующихъ, знали объ ней одинъ только Министръ Нидерландскаго двора Баронъ Геккернъ: но такъ какъ я узналъ о дуэли въ тотъ же самый день, и имѣлъ переговоры съ Виконтомъ Д'Аршіакомъ только касательно условій самой дуэли, то мнѣ и не извѣстна мѣра ихъ прикосновенности по сему предмету. Подполковникъ Данзасъ»¹⁾).

Наконецъ, 11 февраля, въ присутствіи Коммисіи Военнаго Суда, учрежденной при Лейбъ-Гвардіи Конномъ полку, подсудимый инженеръ-подполковникъ Данзасъ былъ вновь допрашиваемъ. Аудиторъ Масловъ составилъ слѣдующій вопросный пунктъ:

«Въ объясненіи данномъ Вами военно-судной Коммисіи 9 числа февраля между прочимъ прописываетъ что Камергеръ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Пушкинъ 27 числа Генваря по прочтеніи у графа Д'Аршіака собственноручной копіи съ письма писаннаго имъ къ Министру Нидерландскаго Двора объяснилъ всѣ причины неудовольствія, но не пояснили какія именно, а посему Коммисія въ дополненіе вышесказаннаго Вашего объясненія, просить объяснить противу сего подробно все (Sic!) тѣ причины которые Господина Пушкина были неудовольствіемъ».

На этотъ вопросъ мы имѣемъ слѣдующій отвѣтъ Данзаса:

«Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ началъ объясненіе свое у Г. Д'Аршіака слѣдующимъ: получивъ письма отъ неизвѣстнаго, въ коихъ онъ виновникомъ почиталъ Нидерландскаго Посланника, и узнавъ о распространившихся въ свѣтѣ нелѣпыхъ слухахъ касающихся до чести жены его, онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ вызвалъ на дуэль Г-на Порутчика Геккерена на котораго публика указывала; но когда

¹⁾ Ibid., стр. 28.

Г-нъ Геккеринъ предложилъ жениться на свояченицѣ Пушкина, тогда отступивъ отъ поединка, онъ однакожь непремѣннымъ условіемъ требовалъ отъ Г-на Геккерена чтобъ не было никакихъ сношеній между двумя семействами. Не взирая на сіе Г. Геккерены даже послѣ свадьбы, не переставали дерзкимъ обхожденіемъ съ женою его, съ которою встрѣчались только въ свѣтѣ, давать поводъ къ усиленію мнѣнія поносительнаго какъ для его чести такъ и для чести его жены. Дабы положить сему конецъ онъ написалъ 26 января письмо къ Нидерландскому Посланнику, бывшее причиною вызова Г. Геккерена. За симъ Пушкинъ собственно для моего свѣденія прочелъ и самое письмо которое вѣроятно было уже извѣстно секундтанту Г. Геккерена. Все сіе узналъ я 27 января, когда мы были у Г. Д'Аршіака. Болѣе же я ничего не прежде не послѣ отъ Пушкина не слышалъ. Другихъ же доказательствъ къ подтвержденію и отъ него не потребовалъ, потому что знавъ его всегда за человѣка справедливаго (Sic!) я словамъ его повѣрилъ».

Въ концѣ отвѣта находится слѣдующая приписка:

«Къ сему объясненію Инженеръ-Подполковникъ Данзасъ руку приложилъ»¹⁾.

14 февраля 1837 г. Данзасъ обращается къ Презусу при Военно-Судной Коммисіи Флигель-Адъютанту Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Полковнику Бреверну съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Камергеръ Князь Петръ Андрѣевичъ Вяземскій отдалъ мнѣ нынѣ въ мое распоряженіе Копію съ письма Пушкина къ Г-ну Д'Аршіаку, писанную рукою сего послѣдняго и оставленную имъ у Князя Вяземскаго вмѣстѣ съ письмомъ о всемъ происходившемъ во время дуэли. Содержаніе сего письма ясно доказываетъ, что утромъ въ самый день поединка Пушкинъ не имѣлъ еще секунданта²⁾). Полагая что сіе можетъ служить къ подтвержденію показаній моихъ, что я предварительно до встрѣчи съ Пушкинымъ 27 января ни о чемъ не зналъ, я считаю необходимымъ представить сію копію въ Военно-судную комиссію для свѣденія. Къ поясненію обстоятельствъ, касающихся до выбора секунданта со стороны Пушкина прибавлю я еще о сказанномъ мнѣ Г. Д'Аршіакомъ послѣ дуэли; т. е. что Пушкинъ наканунѣ несчастнаго дня у Графини Разумовской на балѣ предложилъ г-ну Мегенсу находящемуся при Англійскомъ Посольствѣ быть свидѣтелемъ съ его стороны, но что сей послѣдній отказался. Соображая нынѣ предложеніе Пушкина Г-ну Мегенсу, письмо его къ г. Д'Аршіаку и нѣкоторыя темныя выраженія

¹⁾ Ibid., стр. 62—63.

²⁾ Это показаніе Данзаса подтверждается также частнымъ письмомъ князя Вяземскаго къ Булгакову отъ 9 февраля 1837 г., въ которомъ онъ пишетъ: «Въ день дуэли нечаянно попалъ онъ (Пушкинъ) на улицѣ на стараго товарища Лицейскаго Данзаса, съ которымъ онъ былъ всегда отменно друженъ, не говоря ему ни слова, посадилъ въ свои сани и повезъ къ д'Аршіаку. Спустя два часа, они были уже за Черной Рѣчкой, близъ Комендантской дачи. Пушкинъ, ѣхавъ туда съ Данзасомъ, былъ покоенъ, ясенъ и даже веселъ». («Рус. Арх.» 1879 г., 6, стр. 249).

въ его разговорѣ со мною, когда мы ѣхали на мѣсто поединка, я не иначе могу пояснить намѣренія покойнаго, какъ тѣмъ, что по извѣстному мнѣ и веѣмъ знавшимъ его коротко, высокому благородству души его, онъ не хотѣлъ вовлечь въ отвѣтственность по своему собственному дѣлу, никого изъ соотечественниковъ; и только тогда, когда вынужденъ былъ къ тому противниками, онъ рѣшился, наконецъ, искать меня, какъ товарища и друга съ дѣтства, на самоотверженіе котораго онъ имѣлъ болѣе права считать. Послѣ всего что я услыпалъ у Г. Д'Аршіака изъ словъ Пушкина, хотя вызовъ былъ со стороны Г. Геккерна, я не могъ не почитать избравшаго меня въ свидѣтели тяжко оскорбленнымъ въ томъ что человекъ цѣнить дороже всего въ мірѣ: въ чести жены и собственной; оставить его въ семь положеіи показалось мнѣ невозможнымъ, я рѣшился принять на себя обязанность Секунданта. Подполковникъ Данзасъ»¹⁾).

Мы не станемъ касаться всего хода этого дѣла и ограничимся только сентенціей Военнаго Суда въ отношеніи Данзаса. Сентенція эта гласитъ: «Подсудимаго Подполковника Данзаса хотя онъ и объясняетъ Коммисіи, что при изъясненіи согласія быть посредникомъ при выше объясненномъ произшествіи, спрашивалъ Секунданта съ противной стороны Д'Аршіака, не имѣетъ ли средства къ примиренію ссорящихся миролюбно, который отозвался, что нѣтъ никакихъ, но какъ онъ поступилъ не по точной силѣ 142-го воинскаго Артикула и не донесъ заблаговременно Начальству о предпринимаемомъ ими зломъ умыслѣ и тѣмъ допустилъ совершиться дуэли и самому убійству, которое отклонить еще были способы, то его Данзаса по долгу вѣрноподданнаго не исполнившаго своей обязанности, по силѣ 140-го воинскаго Артикула повѣсить»²⁾).

Это опредѣленіе Суда, прежде чѣмъ получить свою санкцію, должно было пройти черезъ разныя инстанціи. Интересно, какъ видоизмѣнялась эта сентенція по мѣрѣ своего движенія. Прежде всего она была послана къ Командиру Кавалергардскаго Ея Величества полка Свиты Его Величества Генераль-Маіору Гринвальду, который о Данзасѣ подалъ слѣдующее мнѣніе: «Подполковника же Данзаса, коему предстоялъ еще случай прекратить такую дуэль донесеніемъ по Начальству, чего онъ не исполнилъ и тѣмъ допустилъ совершиться оной и самому убійству,—хотя и слѣдовало бы подвергнуть его равному наказанію, но принимая во уваженіе долговременную и безпорочную сего штабъ-офицера службу, бытность его въ походахъ и полученную во время сраженія противу турокъ пулеу рану, не лишая его дворянства, по лишеніи орденовъ и золотой полусабли, съ надписью за храбрость, разжаловать въ рядовые впредь до выслути съ опредѣленіемъ въ Армейскіе полки»³⁾).

¹⁾ П. Кауфманъ: Дуэль Пушкина съ Дантесомъ. Спб., 1900 г., стр. 78—79.

²⁾ Ibid., стр. 134.

³⁾ Ibid., стр. 135—136.

Командующій 1 Гвардейской Кирасирской Бригадой Генераль-Маіоръ баронъ Мейендорфъ полагалъ, что «подсудимый же Подполковникъ Данзасъ судя по важности дѣла, въ которое онъ вмѣшался, справедливо заслуживалъ бы понести опредѣленное закономъ наказаніе, но принимая въ уваженіе, что онъ вовлеченъ былъ въ сіе сколько изъ уваженія къ Пушкину, съ копмъ, по собственному его чистосердечному предъ судомъ сознанию, имѣлъ товарищество и дружбу съ дѣтства, также то, что онъ прежде служилъ безпорочно, былъ въ походахъ и получилъ рану, полагаетъ: выдержать въ крѣпости въ Казематѣ шесть мѣсяцевъ съ строгимъ послѣ того подтвержденіемъ, чтобы при подобныхъ случаяхъ ссору старался прекратить миролюбно» ¹⁾).

Начальникъ Гвардейской Кирасирской Дивизіи Генераль-Адъютантъ графъ Апраксинъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Инженеръ-Подполковника Данзаса, который ввѣденъ (Sic!) былъ въ сіе дѣло внезапно и который имѣлъ надеждою и первымъ желаніемъ помирить противниковъ, равно принимая въ соображеніе его девятнадцатилѣтнюю службу, нахождение въ войнахъ съ Персіанами и Турками и полученную имъ въ сей послѣдней рану, полагаетъ достаточнымъ, не лишая кровію его заслуженныхъ почестей, продержатъ въ крѣпости четырь (e) мѣсяца и потомъ обратить попрежнему на службу» ²⁾).

Командиръ Гвардейскаго Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса Генераль-Лейтенантъ Кноррингъ 1-ый въ своемъ мнѣніи говорить:

«Что же касается до находившагося при ономъ поединкѣ со стороны Пушкина Секундантомъ Инженеръ - Подполковника Данзаса, который оказывается виновнымъ въ недонесеніи о томъ начальству; то за сіе на основаніи статьи 354 помянутаго свода, хотя онъ также подлежитъ строгому наказанію, но въ уваженіе того, что онъ предварительно не зналъ объ ономъ поединкѣ и увлеченъ былъ къ тому 27 Генваря Пушкинымъ нечаянно, притомъ намѣреніе его было примирить соперниковъ, въ чемъ однако жъ съ Д'Аршіакомъ они не успѣли; равно и въ уваженіе его девятнадцатилѣтней отличной и безпорочной службы, бытія въ походахъ и сраженіяхъ противъ Персіанъ и Турокъ и полученной раны, онъ Генераль-Лейтенантъ Кноррингъ согласно съ мнѣніемъ Начальника Дивизіи Генераль-Адъютанта Графа Апраксина полагаетъ општрафовать его Данзаса съ содержаніемъ въ крѣпости четырь (Sic!) мѣсяца на Гауптвахтѣ и потомъ обратить по прежнему на службу» ³⁾).

Наконецъ, Командующій Отдѣльнымъ Гвардейскимъ Корпусомъ Генераль-Адъютантъ Бистромъ, признавая виновнымъ Подполковника Данзаса: во-1-хъ— «въ неприятіи подлежащихъ мѣръ: или къ примиренію враждующихъ, или къ

¹⁾ Ibid., стр. 136.

²⁾ Ibid., стр. 137.

³⁾ Ibid., стр. 138.

отвращенію предположеній дуэли», хотя онъ, несмотря на краткость времени, и могъ бы помѣшать этой дуэли, чѣму обязывалъ его и самый законъ, «тѣмъ болѣе, что секундантъ со стороны Геккерена отрицалъ уже возможность примиренія враждующихъ,—и во-2-хъ, въ противозаконномъ соглашеніи быть секундантомъ», высказываетъ о Данзасѣ слѣдующее мнѣніе: «Принимая во уваженіе немаловре- мѣнную усердную его службу и отличную нравственность, о которой свидѣтель- ствуется въ Кондуитномъ его спискѣ, равно: бытность въ походахъ и неоднократ- ныхъ сраженіяхъ, полученную при штурмѣ крѣпости Браилова рану пулею въ лѣвое плечо на вылетъ съ раздробленіемъ кости и заслуженныя имъ храбростію знаки отличія, осмѣливается ходатайствовать МОНАРШАГО милосердія съ тѣмъ дабы: вмѣнивъ ему Данзасу въ наказаніе, бытность подъ судомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости—на гауптвахтѣ четыре мѣсяца и послѣ того обратить попрежнему на службу»¹⁾).

16 марта 1837 г. состоялось опредѣленіе Генераль-Аудиторіата, въ кото- ромъ о Данзасѣ значится слѣдующее:

«Подсудимый подполковникъ Данзасъ виновенъ въ противузаконномъ со- гласіи по убѣжденію покойнаго Пушкина, быть при дуэлѣ со стороны его Секун- дантомъ и въ непринятіи всѣхъ зависящихъ мѣръ къ отвращенію сей дуэли. Хотя онъ Данзасъ за поступки сіи на основаніи свода уголовныхъ законовъ Тома 15-го статьи 354, какъ участникъ совершившагося на дуэлѣ убійства, подлежалъ бы лишенію чиновъ, но Генераль-Аудиторіатъ усматривая изъ дѣла, что онъ вовле- ченъ былъ въ сіе посредничество внезапно, и будучи съ дѣтства другомъ Пуш- кина, не имѣлъ силъ отказать ему въ принятіи просимаго участія; сверхъ того принимая во уваженіе немаловременную и усердную его службу и отличную нрав- ственность, засвидѣтельствованную Начальствомъ, равно бытность въ походахъ и многократныхъ сраженіяхъ, полученную при штурмѣ крѣпости Браилова рану пулею въ лѣвое плечо на вылетъ съ раздробленіемъ кости и заслуженныя имъ храбростію знаки отличія, достаточнымъ полагаетъ: вмѣнивъ ему Данзасу въ на- казаніе бытность подъ судомъ и арестомъ, выдержать сверхъ того подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца и послѣ того обратить по прежнему на службу»²⁾).

18-го же марта послѣдовала ВЫСОЧАЙШАЯ резолюція: «Быть по сему, но рядоваго Геккерена, какъ не русскаго подданнаго, выслать съ жандармомъ за границу, отобравъ офицерскіе патенты»³⁾).

19-го марта Штабъ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса увѣдомилъ Аудитор- скій Департаментъ Военнаго Министерства, что Высочайшая конfirmaція приве-

¹⁾ Ibid., стр. 139.

²⁾ Ibid., стр. 144.

³⁾ Ibid., стр. 154.

дена въ дѣйствительное исполненіе и что подсудимый, по объявленіи ему означенной конфирмаціи, отправленъ къ коменданту С.-Петербургской крѣпости для выдержанія его подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ два мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы по минованіи сего срока обращенъ онъ былъ попрежнему на службу въ свое вѣдомство.

20-го марта того же года, за № 11, состоялся приказъ по инженерному корпусу, гдѣ излагается вся суть военно-суднаго дѣла и заключеніе Генераль-Аудиторіата, удостоенное Высочайшей конфирмаціи, о чемъ и объявлено было по инженерному корпусу. Приказъ этотъ подписанъ, за отсутствіемъ Его Императорскаго Высочества, Начальникомъ Штаба Генераль-Адъютантомъ Геруа ¹⁾.

Здѣсь будетъ интересно привести нѣкоторыя свѣдѣнія изъ кондуктнаго списка Данзаса, составленнаго 10 февраля 1837 г. командиромъ команды инженеръ-подполковникомъ Де-Брюнолдомъ. Списокъ этотъ находился въ военно-судномъ дѣлѣ и помѣщенъ въ книгѣ П. фонъ-Кауфмана: «Дуэль Пушкина съ Дантесомъ» (Спб., 1900 г., стр. 70—71): «Въ штрафахъ по суду и безъ суда не былъ, холостъ; состоитъ при командѣ сверхъ комплекта; всегда аттестовался и нынѣ достоинъ повышенія чиномъ и знака отличія безпорочной службы; по выборамъ дворянства не служилъ; отчетности, какія до него касались, представлялъ къ срочному времени; жалобамъ не подвергался».

Данзасъ просидѣлъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ въ крѣпости съ 19 марта по 19 мая 1837 года ²⁾.

Дружеская услуга, оказанная Данзасомъ Пушкину, заставила Пушкина на смертномъ своемъ одрѣ вспомнить о немъ и ходатайствовать за Данзаса передъ Государемъ. Князь Вяземскій въ письмѣ къ А. Я. Булгакову отъ 5 февраля 1837 г., описывая поединокъ Пушкина, говоритъ: «Ардтъ сказалъ Пушкину: «ѣду къ Государю; не прикажете ли, что сказать ему?»—«Скажите,—отвѣчалъ Пушкинъ,— что умираю и прошу у него прощенія за себя и за Данзаса» ³⁾. И когда Ардтъ возвратился, то первымъ вопросомъ Пушкина было: «Простилъ ли Царь моего Данзаса?»—и на довольно успокоительный отвѣтъ Ардта Пушкинъ изъяснилъ снова преданность и благодарность Государю» ⁴⁾.

Князь Вяземскій въ томъ же письмѣ къ А. Я. Булгакову даетъ еще слѣдующую трогательную подробность о послѣднихъ минутахъ жизни Пушкина. Вяземскій пишетъ, что Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ Пушкинъ къ Геккерену, спросилъ его: не поручить ли онъ ему чего-нибудь, въ

¹⁾ «Рус. Стар.» 1899 г., т. 98, май, стр. 246.

²⁾ «Рус. Стар.» 1880 г., т. 29, октябрь, стр. 430. Статья В. В. Никольскаго: «Дантесъ Геккернъ».

³⁾ «Рус. Арх.» 1879 г., кн. 6, стр. 244.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1879 г., кн. 6, стр. 245.

случаѣ смерти, касательно Геккерена? «Гребую,—отвѣчалъ онъ ему,—чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ...»¹⁾

То же самое сообщаетъ Анна Николаевна Венивитинова (род. 14 января 1782 г., † 24 сентября 1841 г.) въ письмѣ къ Сергѣю Львовичу Пушкину отъ 8 апрѣля 1837 г. Она пишетъ, что она не рѣшалась сообщить въ первомъ письмѣ то, что узнала отъ Софіи Николаевны Карамзиной о послѣднихъ минутахъ жизни Пушкина: «Danzass, qui était son second, lui disait qu'il était prêt à le venger, de celui qui l'a frappé. «Non, non», répondit-il «paix, paix». Voilà dans quelle disposition il a quitte la vie»²⁾.

Составитель некролога Данзаса въ «Иллюстрированной Газетѣ» за 1870 г., т. 25, № 7, сообщаетъ, между прочимъ, что Пушкинъ, умирая, отдалъ Данзасу на память съ своей руки кольцо, съ которымъ секундантъ поэта и не разставался до послѣднихъ минутъ своей жизни.

П. И. Бартеневъ въ своихъ замѣткахъ «О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ Пушкина» передаетъ, что Пушкинъ, привезенный послѣ дуэли домой, пожелалъ остаться только съ Данзасомъ и продиктовалъ ему свои денежные долги. Вѣроятно, въ этотъ промежутокъ времени, онъ уничтожилъ нѣкоторыя свои рукописи³⁾.

¹⁾ «Рус. Арх.» 1879 г., кн. 6, стр. 245 и 246. Вяземскій проситъ передать копию съ письма Солнцову, Матвѣю Михайловичу, женатому на родной теткѣ Пушкина, Елизаветѣ Львовнѣ.

²⁾ Пушкинъ и его современники. Спб., 1908 г., вып. 8, ст. Б. Л. Модзалевскаго: Изъ бумагъ С. Л. Пушкина (письма къ нему разныхъ лицъ 1836—1837 г.г.), стр. 67.

³⁾ «Рус. Арх.» 1908 г., кн. 10, стр. 293.

25.

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
РЖЕВСКІЙ.

Николай Григорьевич Ржевскій.

(Род. въ 1800 г. ¹⁾, † въ 1817 г.).

Родясь какъ всякій человѣкъ,
Жизнь отдалъ праздности, труда какъ зла страшился,
Былъ съ утра до ночи, подъ вечеръ спать ложился;
Вставъ, снова былъ да пилъ, и такъ провелъ весь вѣкъ.
Счастливецъ! на себя онъ злобы не навлекъ;
Кто впрочемъ изъ людей былъ вовсе безъ порока?
И онъ писалъ стихи, къ несчастію безъ прока.
Эпитафія-акростихъ.

Биографическія свѣдѣнія о Ржевскомъ весьма скудны: смерть похитила его изъ семьи друзей почти на порогѣ его общественной жизни. Вотъ то небольшое, что сохранилось о немъ.

Николай Ржевскій — сынъ дѣйствительнаго Камергера ²⁾). Отецъ его, Григорій Павловичъ, былъ женатъ на графинѣ Маріи Михайловнѣ Каменской, дочери фельд-маршала графа М. Ѳ. Каменскаго ³⁾ и жены его графини Анны Павловны; по словамъ гр. А. Д. Влудовой, дочь Каменскихъ была несчастна въ замужествѣ ⁴⁾. По всѣмъ вѣроятіямъ, это была его вторая супруга, а первая была Марія Семеновна Корсакова, какъ это видно изъ письма Бантышъ-Каменскаго къ кн. Куракину, которому онъ пишетъ: «Камергеръ Ржевскій женился на Корсаковой дочери, Марьѣ Семеновнѣ. Свадьба огромная была и блистательна экипажами. Но такова ли будетъ ихъ жизнь» ⁵⁾).

¹⁾ Такъ какъ Мартынъ Пилецкій въ своемъ рапортѣ, поланномъ имъ 19 ноября 1812 г., говоритъ, что онъ 12 лѣтъ отъ роду.

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, П. Селезнева. 1856 г. Въ Памятной книгѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856—1857 г. Спб., 1856 г., стр. 29.

³⁾ См. письмо фельдмаршала графа Каменскаго отъ 20 генваря 1808 г. изъ г. Орла къ дочери, въ статьѣ: «Письма графа М. Ѳ. Каменскаго къ сыну его гр. Ник. М. Каменскому». («Рус. Арх.» 1868 г., стр. 1508).

⁴⁾ См. Воспоминанія гр. А. Д. Влудовой. («Рус. Арх.» 1889 г., кн. 1, стр. 87).

⁵⁾ Письма Бантышъ-Каменскаго къ кн. Куракину. 10 іюля 1794 г. («Рус. Арх.» 1876 г., № 12, стр. 392).

Если основываться на этомъ письмѣ Вантышъ-Каменскаго и допустить, что свадьба Ржевскаго съ Корсаковой была въ 1794 г., то слѣдуетъ признать, что лицеистъ Ржевскій родился отъ этого брака Григорія Павловича Ржевскаго съ Марією Семеновною Корсаковой, а не отъ брака отца съ графинею Марією Михайловною Каменскою (дочерью фельдмаршала). Если предположить, что лицеистъ Ржевскій родился отъ второй жены отца, рожденной графини Каменскою, съ которой отецъ былъ уже въ бракѣ, судя по письму фельдмаршала, въ 1808 г., то ему ко времени поступления въ Лицей—въ 1811 году—могло исполниться всего лишь около трехъ лѣтъ. Между тѣмъ какъ ребенокъ отъ брака Ржевскаго съ Корсаковой могъ имѣть въ 1811 г. возрастъ вполне подходящий для поступления въ Лицей.

Что случилось съ первою его женою—намъ неизвѣстно: умерла ли она или была въ разводѣ съ нимъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату—отъ 18 января 1827 г.—А. Я. Булгаковъ сообщаетъ: «Закревскій выхлопоталъ Ржевской, которая въ нищетѣ, пенсіонъ и оказалъ ей тѣмъ великое благодѣяніе» ¹⁾. По всеѣмъ вѣроятіямъ, эта Ржевская не дочь фельдмаршала, человекъ богатого; всего скорѣе, это можетъ быть первая жена Ржевскаго—Марія Семеновна Корсакова, если не попросту однофамилица.

Что касается отца Ржевскаго, Григорія Павловича, то съ нимъ, кажется, былъ друженъ князь Долгоруковъ. Приведемъ здѣсь то, что пишетъ князь И. М. Долгоруковъ въ своемъ «Капицѣ» подъ 29 августа:

«День знаменитаго побоища, на которомъ я былъ секундантомъ. Вспомнимъ рыцаря такого незабвеннаго сраженія или единоборства.

«Григорій Павловичъ, сынъ брата родного моего дяди, Степана Матвѣевича, слѣдовательно, мы находились въ самомъ ближнемъ сватовствѣ (свойствѣ). Мы были сверстники, однихъ почти лѣтъ, и очень дружны въ ребячествѣ, какъ обыкновенно это вездѣ бываетъ. Онъ зналъ мои амуры, я его, и мы другъ другу помогали. Въ домѣ Ржевскаго ежедневно видались: мы думали, что связи нашей не будетъ конца: но едва разстались, какъ уже и не сходились нигдѣ; мы служили сперва въ гвардіи въ одномъ полку: онъ былъ сержантъ, а я офицеръ. Во время караула и дежурства, несмотря на приязнь, я поднималъ носокъ передъ нимъ и послѣ вмѣстѣ хохотали надъ моимъ донкихотствомъ. Долгое время мы обитали въ одномъ домѣ въ полку, когда я еще былъ холостъ; живучи въ Питерѣ, мы вмѣстѣ играли комедіи у Бороздиной и тутъ-то, по случаю ссоры между Ржевскимъ и Даниловымъ, нашего же полка унтеръ-офицеромъ, я принужденъ былъ выѣхать секундантомъ съ его стороны. Молчановъ былъ съ другой. Драка продолжалась съ четверть часа, бились рыцари на шпагахъ. Ржевскаго ранили въ руку, но, слава

¹⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 9, стр. 8.

Богу, рана зажила недѣль въ шесть безъ опасныхъ послѣдствій и, къ крайнему счастью нашему, сошла съ рукъ имъ и намъ благополучно. Тогда подобныя проказы наказывались и довольно строго. Я не могъ отказаться отъ сей услуги Ржевскому, несмотря на все ея опасности, потому что въ близкомъ былъ съ нимъ свойствѣ, да и жили вмѣстѣ. Послѣ этого поединка и театровъ Бороздиной, гдѣ стоящій былъ вулканъ всякихъ происшествій, я разстался съ Ржевскимъ, и не имѣлъ уже случая иначе съ нимъ видѣться, какъ нечаянно и по встрѣчѣ. Мы живали въ разныхъ мѣстахъ, видались рѣдко, и такъ теперь охолодѣли взаимно одинъ къ другому, что и признаковъ не осталось старой нашей свычки. Болѣе всего я люблю напоминать теперь нашъ образъ жизни полковой: оба мы были небогаты, и не могли большихъ дѣлать издержекъ; слѣдовательно, хозяйство наше неблестательно; доводилось иногда прѣѣзжать домой ночевать не ужинавши, а ѣсть хотѣлось: дома нечего, да и не на что готовить. Денегъ чистыхъ мало, но кредитъ всегда хорошъ. Мы у итальянцевъ ходящихъ всегда могли брать въ долгъ прихотныя вещи, какъ-то: помаду, духи, шоколадъ, горчицу французскую: одна она годилась къ столовой приправѣ. И такъ, когда бывало пройметъ насъ голодъ, мы велимъ, какъ водится, собрать на столъ, разложить салфетки, подадутъ два прибора и поетавятъ намъ банку горчицы, которую мы оба съ хлѣбомъ уберемъ до самаго дна, и на завтра передъ своей братіей безбожно хвастаемъ, что мы ужинали у себя, полѣнясь ѣхать въ гости. Все мило, что о молодости ни вспомнишь, даже и до столь глупаго фанфаронства» ¹⁾).

Первоначальное образованіе Ржевскій получилъ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ. Какъ извѣстно, въ Лицей были выбраны нѣкоторые лучшіе ученики изъ этого пансіона, но официально явились всего два: Масловъ и Яковлевъ; остальные пятеро, а именно: Вольховскій, Данзасъ, Ломоносовъ, Матюшкинъ и Ржевскій прибыли для экзамена въ Лицей частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ ²⁾).

Ржевскій держалъ вступительный экзаменъ въ Императорскій Царскосельскій Лицей 12 августа 1811 г. Отмѣтки его на экзаменѣ слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго—«довольно хорошо»; французскаго—«очень слабо»; нѣмецкаго—«очень хорошо»; изъ ариеметики—«хорошо»; изъ физики или познанія общихъ свойствъ тѣлъ—«имѣетъ понятія»; изъ начальныхъ основаній географіи и исторіи—«имѣетъ достаточное понятіе» ³⁾).

¹⁾ Капище моего сердца,—соч. вн. Ив. Мих. Долгорукаго. Москва, 1874 г., стр. 242—243.

²⁾ См. Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 31, статья: Царскосельскій Лицей. Напечатана первоначально подъ заглавіемъ: «Первенцы Лицея и его преданія» въ сборникѣ «Складчина» 1874 г., стр. 345 и 346. См. также Матеріалы для исторіи Лицея, прим. 19, стр. IX и X.

³⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. См. прилож. къ стр. XI.

Такимъ образомъ, Ржевскій поступилъ въ Лицей. Что касается до успѣшности или малоуспѣшности прохожденія имъ курса въ Лицеѣ, то нѣкоторыя понятія объ этомъ даютъ отмѣтки профессоровъ, преподавателей и гувернера,—отмѣтки, сохранившіяся въ архивѣ Лицея.

Николай Кошанскій, профессоръ русской и латинской словесности, съ 23-го октября 1811 г. по 15-е марта 1812 г. аттестуетъ Ржевскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Николай Ржевскій. Его способности только-что выходятъ изъ дѣтства и понятливость только-что начинаетъ развиваться. Его прилѣжаніе совершенно зависитъ отъ надзора, ибо ни соревнованіе, ни честолюбіе, ни собственная польза ему не извѣстны — успѣхи его изрядны». Тотъ же Кошанскій за время съ 15-го марта по 15-е октября 1812 года даетъ слѣдующій отзывъ (подписанъ 20-го ноября): «Николай Ржевскій, недавно началъ показывать, что способности его выходятъ изъ дѣтства и понятливость уже начинаетъ развиваться. Его прилѣжаніе увеличивается и кажется соревнованіе и польза становятся ему извѣстны. Успѣхи его въ обоихъ языкахъ хороши». Такая же характеристика дается и въ отзывѣ Кошанскаго отъ 1 августа по 15 декабря 1813 г.

Фридрихъ Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 года говоритъ о немъ: «Rjefsky. Il est trop enfant, et trop distrait pour faire de bien grand progrès, l'on doit espérer qu'il en fera d'avantage dès que son âge le permettra, et qu'il sera plus appliqué».

Отъ профессора де-Будри дошелъ до насъ второй его рапортъ объ успѣхахъ воспитанниковъ (первый же не дошелъ), помѣченный 18 ноября 1812 г. Здѣсь онъ дѣлитъ воспитанниковъ на четыре степени и помѣщаетъ Ржевскаго пятымъ въ четвертую степень: «Rjefsky. Toujours au même point; mais aussi son âge est bien différent de celui de la plupart des autres. Du temps et de la patience; voilà le remède».

Мартынъ Пилецкій въ своемъ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ гг. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Ржевскомъ: «Ржевскій (Николай). 12-ти лѣтъ. Дарованія есть, но по молодости его они еще не довольно примѣтны въ успѣхахъ, по сей же причинѣ онъ невнимателенъ къ своей пользѣ, рѣзовъ, и кромѣ дѣтскихъ, невинныхъ ошибокъ ничего предосудительнаго въ немъ не видно; напротивъ, онъ весьма кротокъ и любезенъ, послушенъ безъ малѣйшаго прекословія, чувствителенъ безъ гнѣва, нѣженъ, вѣжливъ и чистосердеченъ» ¹⁾.

Тотъ же Гауеншильдъ въ своемъ рапортѣ отъ 19 ноября 1812 г. подраздѣляетъ воспитанниковъ на три категоріи, а выше ставитъ, въ отдѣльной группѣ, превосходныхъ. Ржевскій попалъ въ третью категорію, но зато первымъ. О немъ

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г., стр. 36.

профессоръ отзывается такъ: «Rjefsky, il est toujours trop enfant pour faire les progrès, qu'il pourroit faire peut-être dans une ou deux années d'ici».

Въ томъ же 1812 году, за время съ 6-го по 30-е ноября, имѣется отчетъ о воспитанникахъ Лицея, составленный безграмотнымъ гувернеромъ Ильею Пилецкимъ. Среди разныхъ описаній шалостей и дурачествъ дѣтей мы находимъ маленькій эпизодъ съ Ржевскимъ, рисующій намъ эту шалость, хотя и не язвительную, но кончившуюся раскаяніемъ, самонаказаніемъ и наивною просьбою о прощеніи у Директора. Вотъ какъ описываетъ этотъ случай гувернеръ Пилецкій: «Ржевскій. Вель себя хорошо, участія въ случившемся произшествіи никакого не бралъ, а 22-го числа былъ обличенъ въ томъ, что изъ комнаты Г. Пушкина безъ вѣдома взялъ яблоко (Sic!), что показываетъ дѣтское лакомство. Претерпѣвъ за сіе многія отъ товарищей своихъ насмѣшки, а особливо отъ Мясоѣдова, Гурьева и Дельвиха, отъ чего онъ весьма печалился и не обѣдалъ, а 24-го числа за обѣдомъ просилъ у Г. Директора въ семь его поступкѣ прощенія»¹⁾.

Профессоръ Николай Кошанскій въ своемъ спискѣ воспитанниковъ отъ 9-го іюля 1813 г. подраздѣляетъ ихъ на четыре группы и помѣщаетъ Николая Ржевскаго въ 4-ю группу—«посредственныхъ» (вторымъ).

Профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кайдановъ въ своемъ отзывѣ съ 1-го ноября 1812 г. по 1-е генваря 1814 года помѣщаетъ Ржевскаго предпоследнимъ въ спискѣ и трехъ послѣднихъ по списку: Броглію, Ржевскаго и Данзаса объединяетъ въ одну группу общею характеристикою, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «дарованій посредственныхъ; успѣховъ малыхъ. Поведенія хорошаго».

Наконецъ, лицейскій гувернеръ Чириковъ въ своемъ спискѣ отъ 30-го сентября 1813 г. о свойствахъ и поведеніи воспитанниковъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику Ржевскаго: «Николай Ржевскій. *Запальчивъ, упрямъ*; однако же старается всячески отъ того воздерживаться. Впрочемъ, искрененъ, вѣжливъ, опрятенъ и довольно прилѣженъ».

Такимъ образомъ, изъ этихъ отмѣтокъ можно заключить, что Ржевскій былъ мальчикъ очень конный, мало развитой, очень лѣнивый, и что ученюе ему доставалось съ трудомъ. Объ этой лѣности вспоминаетъ въ своихъ «Запискахъ» графъ Модестъ Корфъ: «Ржевскій—малый добрый и не глупый, но съ которымъ въ лѣности могъ спорить развѣ только Дельвицъ». Изъ-за этой лѣности его не переносилъ профессоръ исторіи Кайдановъ, о которомъ М. Корфъ говоритъ: «Другая странность у него (т. е. у Кайданова) была, что, обращаясь къ кому-нибудь изъ насъ, онъ слово «господинъ» всегда ставилъ послѣ фамилии: Корфъ господинъ, Пушкинъ господинъ, и т. д. Сверхъ того, обходясь очень вѣжливо съ порядочными

¹⁾ См. брошюру Н. А. Шляпкина: «1799—1899. Къ біографіи А. С. Пушкина». Спб., 1899 г., стр. 20.

воспитанниками, онъ немилосердно ругалъ плохихъ, особенно лѣнтяя Ржевскаго, котораго терпѣть не могъ. Не проходило лекціи, гдѣ бы ему не доставалось такъ: «Ржевскій господинъ, животина господинъ, скотина господинъ», и все это съ самымъ малороссійскимъ выговоромъ и интонаціею»¹⁾).

Несмотря на свое дѣтство или, лучше сказать, малое физическое развитіе и лѣнность, Ржевскій примкнулъ къ тому тѣсному кружку лицейство́въ, которые составили родъ литературнаго братства, издавали журналы, писали статьи и стихи для этихъ недолговѣчныхъ журналовъ. Намъ неизвѣстно, что писалъ—въ прозѣ ли, въ стихахъ ли—Ржевскій и въ какихъ лицейскихъ журналахъ до 1813 года онъ участвовалъ. Въ 1813 году четверо лицейство́въ, а именно: Данзасъ, Корсаковъ, Мартыновъ и Ржевскій, стали издавать журналъ подъ заглавіемъ: «Лицейскій Мудрецъ». На оберткѣ его значилось: «Печатать позволяется. Цензоръ баронъ Дельвицъ. Въ типографіи К. Данзаса»,—т. е. журналъ каллиграфически переписывался Данзасомъ и просматривался Дельвигомъ. Въ журналѣ Корсакову принадлежали стихотворенія и статьи отъ редакціи, а Иличевскій снабжалъ его карикатурами, по большей части на Кюхельбекера, и эпиграммами на товарищей, въ особенности на того же несчастнаго Кюхельбекера и на Мясоѣдова, отличавшагося анекдотическою ограниченностью²⁾).

Что писалъ Ржевскій, какія помѣщалъ онъ стихотворенія или какую прозу, намъ неизвѣстно. По словамъ Модеста Корфа, Ржевскій «писывалъ иногда кой-какіе стишонки». Какъ бы ни были плохи эти «стишонки», но въ нихъ сказывается литературная закваска по мѣсту его первоначальнаго воспитанія въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ было «сильно развито литературное направленіе»³⁾).

Какъ бы то ни было, но Ржевскій все же писывалъ иногда кой-какіе «стишонки». Далѣе Корфъ говоритъ: «На него былъ сочиненъ у насъ, заживо, слѣдующая эпитафія-акростихъ:

Родясь какъ всякій человекъ,
Жизнь отдалъ праздности, труда какъ зла страшился,
Ѣлъ съ утра до ночи, подъ вечеръ спать ложился;
Вставъ, снова Ѣлъ да пилъ, и такъ провелъ весь вѣкъ.
Счастливецъ! на себя онъ злобы не навлекъ;
Кто впрочемъ изъ людей былъ вовсе безъ порока?
И онъ писалъ стихи, къ несчастію безъ прока.

«Кому принадлежалъ этотъ акростихъ, не помню, но едва ли онъ имѣлъ законнаго отца: такія піесы, равно какъ и то, что мы называли «національными пѣ-

¹⁾ См. Я. К. Гротъ: Пушкинъ..., стр. 227.

²⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія.—«Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, Спб., стр. 144.

³⁾ См. Я. К. Гротъ: Пушкинъ..., стр. 31.

снями», импровизировались у насъ обыкновенно изустно цѣлою толпою, и уже потомъ ихъ кто-нибудь записывалъ для памяти¹⁾.

Къ сожалѣнію, стихотворенія Ржевскаго намъ неизвѣстны.

Нынѣ К. Я. Гротъ издалъ разныя произведенія первокурсниковъ и, между прочимъ журналъ «Лицейскій Мудрецъ», отдѣльною книгою (К. Я. Гротъ. Пушкинскій Лицей (1811 — 1817). Бумаги I-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб., 1911 г.). Къ сожалѣнію, и теперь эти лицейскіе журналы мало разъясняютъ вопросъ, кому изъ воспитанниковъ принадлежитъ то или другое литературное произведеніе, такъ какъ въ нихъ вся проза и стихи въ большинствѣ случаевъ являются анонимными и лишь по какимъ-либо догадкамъ можно приписать кому-нибудь изъ воспитанниковъ I-го курса то или другое произведеніе. Конечно, современники и первенцы Лицея могли бы дать точныя указанія, кто изъ товарищей написалъ ту или другую статью, то или другое стихотвореніе, но, къ сожалѣнію, они этого не сдѣлали. Поэтому намъ приходится прибѣгать къ другимъ доказательствамъ, какъ-то: къ лицейскимъ кличкамъ первокурсниковъ и товарищескимъ характеристикамъ, чтобы узнать, о комъ идетъ рѣчь. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ куплетовъ лицейскихъ «національныхъ пѣсень» упоминается кличка «Кись», римующаяся съ «лѣнись», а такъ какъ въ Лицеѣ лѣнностью отличался, кромѣ Дельвига, Ржевскій, то Яковъ Карловичъ Гротъ вполне резонно относитъ этотъ куплетъ къ Ржевскому. Въ этомъ куплетѣ мы читаемъ:

«Съ игрушкой *кись*,
Кричитъ: *лѣнись*!
Я не хочу учиться...»

Далѣе идетъ куплетъ о «казакѣ», т. е. о Малиновскомъ.

Въ сочиненіяхъ Пушкина нѣтъ никакихъ, относящихся до Ржевскаго, стихотвореній и писемъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что онъ не былъ особенно друженъ съ Пушкинымъ, а также раннею смертію самого Ржевскаго.

Ржевскій окончилъ курсъ наукъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, вмѣстѣ съ другими, 9 июня 1817 года и выпущенъ былъ съ «чиномъ офицера арміи», т. е., другими словами, долженъ былъ, согласно парагр. 2 Высочайшаго рескрипта отъ 19 мая 1817 г., на имя кн. А. Н. Голицына, во второмъ кадетскомъ корпусѣ научиться фронтовой службѣ и затѣмъ поступить офицеромъ въ армейскій полкъ. Ржевскій опредѣлился въ Изюмскій Гусарскій полкъ²⁾.

Но не долго прожилъ Ржевскій на свѣтѣ по выходѣ изъ Лицея: осенью 1817 года онъ скончался. Модестъ Корфъ въ своемъ дневникѣ отъ 1839 года

¹⁾ Записка графа М. А. Корфа. См. въ книгѣ Я. К. Грота: Пушкинъ..., стр. 227.

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, стр. 88, 89 и 93.

характеризуетъ Ржевскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ Лицеѣ былъ мальчикомъ не глупымъ, но примѣрнымъ лѣнтяемъ и совершенно ничему не учился. Карьера его была очень коротка. Бывъ выпущенъ изъ Лицея прапорщикомъ въ армію, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и первый изъ насъ перешелъ къ вѣчному покою» ¹⁾).

Вотъ что писалъ директоръ Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ своему бывшему питомцу Федору Федоровичу Матюшкину отъ 20 декабря 1817 года: «...Военные наши послѣ пятимѣсячнаго ²⁾ фронтного курса, наконецъ, попали въ офицеры, а бѣдной Ржевскій и до этого не дожиль, онъ умеръ отъ гнилой нервной горячки. Гробъ его понесли 6 изъ бывшихъ его товарищей».

¹⁾ «Рус. Стар.» 1904 г., т. СХVІІІ, июнь, стр. 555—556.

²⁾ Слѣдовательно, они окончили обученіе фронту въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а Ржевскій умеръ до ноябрю мѣсяца.

26.

ПАВЕЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
МЯСОЪДОВЪ.



Павелъ Николаевичъ
МЯСОѢДОВЪ.

Павель Николаевичъ Мясоѣдовъ.

(Род. въ 1799 г., † 3 ноября 1868 г.).

Павель Николаевичъ Мясоѣдовъ, сынъ статскаго совѣтника ¹⁾, родился въ 1799 г. ²⁾, первоначальное образование получилъ въ частномъ пансіонѣ коллежскаго совѣтника Жакена ³⁾ и держалъ экзаменъ для поступленія въ только-что открытый Лицей 12 августа 1811 г. На экзаменѣ онъ получилъ слѣдующія отмѣтки: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго — «очень хорошо», французскаго — «хорошо», нѣмецкаго — «не знаетъ», въ ариметикѣ — «очень хорошо», въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ — «хорошо», въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи — «очень хорошо» ⁴⁾.

На основаніи этихъ отмѣтокъ онъ былъ принятъ въ Императорскій Царско-сельскій Лицей ⁵⁾. За время шестилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ мы имѣемъ отзывы профессоровъ и гувернеровъ.

Кюшанскій съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года даетъ слѣдующую характеристику Мясоѣдова: «Павель Мясоѣдовъ, не столько счастливъ

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. Въ Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея на 1856—57 г., стр. 29. Отецъ нашего лицеиста былъ Николай Федоровичъ Мясоѣдовъ, проживавъ въ С.-Петербургѣ и служивъ въ 1803 и послѣдующихъ годахъ въ должности Оберъ-Секретаря Правительствующаго Сената. (Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ изъ Тульскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія 4 іюня 1907 г., за № 580, за что я приношу глубокую благодарность господину Депутату Дворянства Н. Рудневу, а также Секретарю Дворянства М. Черемиснову).

²⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ Мартыномъ Пилецкимъ-Урбановичемъ въ своемъ отчетѣ отъ 19 ноября 1812 г., о которомъ скажемъ ниже. Между тѣмъ въ указѣ, выданномъ Мясоѣдову изъ Главной Квартиры въ г. Могилевѣ на Днѣпрѣ, отъ 26 іюня 1823 г. за № 157, подписанномъ Главнокомандующимъ 1-ой арміей Графомъ Сакеномъ, значитъ, что «Предъ-явитель сего, Корнетъ Павель Николаевъ сынъ Мясоѣдовъ, 23 лѣтъ...». Слѣдовательно, на основаніи данныхъ этого указа, годомъ его рожденія можно считать 1800-ый г.

³⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева, примѣч. 19, стр. X.

⁴⁾ Ibid., прилож. къ стр. XI.

⁵⁾ Въ Лицеѣ Мясоѣдовъ занималъ комнату № 41, окнами въ садъ.

способностями, но его прилѣжаніе замѣняетъ многое. Онъ чувствуетъ свою пользу и старателенъ. Успѣхи его изрядны». Въ списокѣ ставитъ его девятнадцатымъ; всѣхъ въ списокѣ тридцать.

Тотъ же Кошанскій за время съ 15 марта по 15 октября 1812 г. ставитъ Мясоѣдова въ своемъ списокѣ двадцать четвертымъ ученикомъ и замѣчаетъ: «Павель Мясоѣдовъ, не слишкомъ счастливъ способностями; но его прилѣжаніе замѣняетъ многое, онъ чувствуетъ свою пользу и старателенъ. Успѣхи его въ обоихъ языкахъ (т. е. въ русскомъ и латинскомъ) изрядны».

Гауеншильдъ, профессоръ нѣмецкаго языка, отъ 31 марта 1812 г. говоритъ о немъ слѣдующее: «Messaidoff. Je ne peut lui supposer que de bien faibles moyens, il n'a encore fait que très peu de progrès, mais il faut espérer qu'il en fera davantage, dès qu'il cessera de croire à son infaillibilité».

Профессоръ французской литературы де-Будри отъ 18 ноября 1812 года ставитъ Мясоѣдова въ четвертый разрядъ, т. е. плохихъ воспитанниковъ и пишетъ: «Miasoiédof. S'il s'est un peu corrigé de sa suffisance, on ne le remarque pas encore bien sensiblement dans ses progrès; cependant ses fautes, en écrivant, sont moins grossières; mais du côtés du jugement, il faut encore attendre».

Гауеншильдъ въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г., ставитъ Мясоѣдова въ третью категорію—самыхъ слабыхъ воспитанниковъ—и говорить о немъ: «Messaidoff, trop de prevention, et trop peu de moyens».

Мартынъ Пилецкій въ своемъ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г. г. воспитанниковъ Императорскаго Царекосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Мясоѣдовѣ: «Мясоѣдовъ (Павель). 13-ти лѣтъ. Способности его весьма ограничены; слабого понятія, слабой памяти, самолюбивъ, докучливъ, пылокъ, несмотря на то, онъ съ трудомъ удостовѣрялся въ своихъ недостаткахъ; теперь чѣмъ болѣе познаетъ ихъ, тѣмъ болѣе теряетъ самолюбія, и тѣмъ болѣе старается награждать слабыя свои способности прилѣжаніемъ, покорностію и усердіемъ»¹⁾.

Николай Кошанскій въ списокѣ воспитанниковъ изъ класса російской и латинской словесности отъ 9 іюля 1813 г. помѣщаетъ Мясоѣдова въ число посредственныхъ,—ихъ всего семь человѣкъ; они распределены въ порядкѣ ихъ успѣховъ; Мясоѣдовъ значится пятымъ.

Въ списокѣ отъ 30 сентября 1813 г. гувернеръ Чириковъ даетъ слѣдующую характеристику Мясоѣдова (въ списокѣ ставитъ двадцать пятымъ изъ двадцати девяти воспитанниковъ): «*Весьма самолюбивъ, горячъ (,) привязчивъ, грубъ (,) насмѣшливъ; впрочемъ признателенъ (,) услужливъ (,) прилѣженъ. Также весьма лежкомысленъ*».

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 34.

Наконецъ, профессоръ историческихъ наукъ И. Кайдановъ за время съ 1-го ноября 1812 г. по 1 января 1814 г. даетъ слѣдующій отзывъ о Мясоѣдовѣ, приче́мъ ставитъ его двадцать шестымъ изъ двадцати девяти воспитанниковъ: «Дарованій посредственныхъ и успѣховъ не великихъ. Причиною сего, какъ кажется (,) есть разсѣянность его. Требуется великаго о немъ старанія».

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ отзывовъ Мясоѣдовъ является, по своимъ способностямъ и ученію, однимъ изъ послѣднихъ учениковъ¹⁾.

Эта малоуспѣшность и неспособность Мясоѣдова не укрылась отъ вниманія болѣе развитыхъ товарищей. Поэтому, когда въ средѣ лицейстовъ возникла литературная дѣятельность, и стали появляться рукописные журналы, то въ нихъ Мясоѣдовъ явился мишенью всѣхъ остротъ, наравнѣ съ Кюхельбекеромъ. Въ издававшемся съ 1813 по 1816 г. журналѣ «Лицейскій Мудрецъ» мы находимъ бездну остротъ и каррикатуръ на Мясоѣдова. Анекдотическая ограниченность Мясоѣдова, по словамъ В. Гаевского, возбуждала беспощадныя насмѣшки, и Дельвигъ по этой причинѣ совѣтовалъ Мясоѣдову праздновать свои именины въ день «Усѣкновения Главы»²⁾. Въ иллюстраціяхъ Илличевского Мясоѣдовъ изображался обыкновенно съ ослиною головою на человѣческомъ тѣлѣ³⁾. Въ журналѣ «Лицейскій Мудрецъ» Мясоѣдовъ фигурируетъ подѣ кличкою «Мясожорова»; здѣсь помѣщались ядовитые сарказмы и издѣвательства на счетъ его ума и характера. Въ смѣси этого журнала въ формѣ письма къ другу разсказана ссора воспитанниковъ въ видѣ борьбы двухъ монархій; въ именахъ ихъ легко узнать фамиліи Кюхельбекера и Мясоѣдова.

«Тебѣ извѣстно, — говорится тутъ, — что въ сосѣдствѣ у насъ находится длинная полоса земли, называемая *Бехелькюкериада*, производящая великій торгъ мерзвѣйшими стихами и, что еще страшнѣе, имѣющая страшнѣйшую артиллерію. Въ сосѣдствѣ сей монархіи находилось государство, называемое *Осло-Доясомтъвъ*, которое извѣстно по значительному торгу лорнетами, цѣпочками и проч. Последняя монархія, желая унижить первую, напала съ великимъ крикомъ на провинцію Бехелькюкериады, но зато сія послѣдняя отмстила ужаснѣйшимъ образомъ: она преслѣдовала непріятеля и, несмотря на всѣ усилія королевства *Рейема* (т. е. гувернера Мейера), разбила его совершенно при мѣстечкахъ *Щекъ*, *Спинтъ* и проч. и проч. Казалось, что сами пораженіями война кончилась; но въ книгѣ судебъ было написано, что еще должны были трепетать и зубы и ребра... Снова начались сраженія, но по большей части они кончились въ пользу королевства

¹⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 71. Старина Царскосельскаго Лицея.

²⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ. («Современникъ» 1863 г., т. 97, стр. 145).

³⁾ Также и всѣ товарищи изображались въ каррикатурахъ Илличевского съ головами различныхъ животныхъ; отсюда и произошла кличка «скотобратцы».)

Осло-Доясомѣва... Наконецъ вся Индія пришла въ движеніе, и съ трудомъ укротили бѣшенство сихъ двухъ монархій, столь долго возмущающихъ спокойствіе Индіи. Присовокупляю при семь рисункъ, въ которомъ каждая монархія является съ своими атрибутами»¹⁾.

Въ томъ же «Лицейскомъ Мудрецѣ», въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Исповѣдь Мясожорова», т. е. Мясоѣдова, найденной будто бы въ бумагахъ умершаго священника, этотъ воспитанникъ представленъ глупымъ говорунуемъ, любящимъ болтать по-французски, и ему приписанъ стихъ, приводимый въ извѣстномъ анекдотѣ: «Блеснулъ на западѣ румяный царь природы...», на что будто бы священникъ возражаетъ: «Ошибка, ошибка: на востокѣ, а не на западѣ»: востекаю — отіогъ»²⁾.

«Особенно,—замѣчаетъ Гаевскій,—доставалось М-ву (Мясоѣдову) по поводу сочиненія его о восходѣ солнца», сочиненія, о которомъ говоритъ г. Бартенева въ біографіи Пушкина, начинающагося выраженіемъ: «Блеснулъ на западѣ румяный царь природы». Къ сожалѣнію, по поводу этой замѣтки г. Гаевского слѣдуетъ сказать, что П. И. Бартенева въ своей классической біографіи Пушкина не цитируетъ этотъ злосчастный стихъ—«Блеснулъ на западѣ румяный царь природы», а приводитъ совершенно другой стихъ, а именно: «Грядетъ съ заката царь природы».

Какъ бы то ни было, мы приведемъ здѣсь выдержку, относящуюся до этого анекдота, изъ біографіи Пушкина, написанной П. И. Бартенева и на которую указываетъ г. Гаевскій. Г. Бартенева говоритъ объ этомъ слѣдующее:

«Ученики подавали Кошанскому свои сочиненія не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, обычай можетъ быть перенесенный изъ Московскаго Университетскаго пансіона, въ которомъ Кошанскій учился и, кажется, нѣкоторое время былъ преподавателемъ. Объ этихъ стихотворныхъ упражненіяхъ въ классѣ сохранился забавный анекдотъ. Профессоръ задалъ въ классѣ написать сочиненіе на тему: Восходъ солнца. Всѣ ученики написали, кто какъ умѣлъ и подали профессору свои листки и тетрадки. Остановка была за однимъ ученикомъ, который никакъ не могъ совладѣть съ трудною темою; у него было написана только одна фразою (Sic!): «Грядетъ съ заката царь природы». Онъ сталъ просить Пушкина помочь ему. «Изволь», отвѣчалъ Пушкинъ и, въ одну минуту прибавивъ къ приведенному началу слѣдующіе три стиха:

И изумленные народы
Не знаютъ, что начать,
Ложиться спать или вставать,

¹⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 271.

²⁾ Ibid., стр. 272.

подалъ листокъ профессору» (См. «Москвитянинъ» 1853 г., № 4, стр. 107, въ смѣси; невѣрно перепечатано изъ «Лучей»¹⁾).

Далѣе г. Гаевскій говоритъ, что стихъ: «Блеснулъ на западѣ румяный царь природы» вызвалъ остроумную аниграмму Илличевского, которая долго приписывалась Пушкину. По поводу этого неудачнаго стиха и была помѣщена злая статья на стихотворца въ «Лицейскомъ Мудрецѣ». «Справедливость требуетъ однакожь замѣтить, — говоритъ Гаевскій, — что знаменитая фраза не принадлежитъ Мясоѣдову, а была некстати похищена имъ у А. П. Буниной. Въ собраніи ея произведеній, изданныхъ въ 1809 г. подъ заглавіемъ: «Неопытная муза», находимъ (стр. 30) элегію *Сумерки*, начинающуюся стихомъ: «Блеснулъ на западѣ румяный царь природы», навлекшимъ гоненіе на неразборчиваго похитителя»²⁾).

Намъ неизвѣстно стихотвореніе Мясоѣдова, о которомъ упоминаетъ Гаевскій. Преданіе говоритъ, что оно было написано на тему «Восходъ солнца». И было ли это описаніе восхода солнца—еще вопросъ. Что касается до злополучнаго стиха «Блеснулъ на западѣ румяный царь природы», стихъ этотъ, какъ мы выше видѣли, заимствованъ Мясоѣдовымъ у поэтессы Анны Буниной и, какъ видно, относится къ закату солнца. Очень возможно, что остряки Лицея, не сообразивъ намѣренія Мясоѣдова, подняли его на смѣхъ и высмѣяли стихъ только за то, что солнце могло блеснуть на западѣ, а не на востокѣ, какъ будто бы оно не можетъ блеснуть при закатѣ на западѣ.

Вотъ эта элегія Буниной, изъ которой Мясоѣдовъ заимствовалъ свой злосчастный стихъ:

«Блеснулъ на западѣ румяный царь природы,
Скагился въ океанъ — и загорѣлись воды. —
Почій отъ подвиговъ! Усни, сокрывшись въ понты!
Усни!.. и не мѣшай мечтамъ ко мнѣ спуститься!
Пусть юная Аврора веселится,
Рисуя перстомъ горизонтъ,
И къ утру свѣжія готовитъ розы;
Тогда, какъ добрый чародѣй,
Разсыпавъ макъ, отретъ несчастныхъ слезы,
Тогда отдамся я мечтѣ своей».

Въ «Лицейскомъ Мудрецѣ» большинство стиховъ и прозы является выпущиваніемъ товарищей и наставниковъ. Въ числѣ воспитанниковъ, которые выпущивали своихъ товарищей, первое мѣсто принадлежало Илличевскому, нѣкоторые

¹⁾ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи. П. Бартенева. Гл. 2, стр. 17. Перепечатано изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1854 г., № 77 (71) и 118.

²⁾ В. Гаевскій: Пушкинъ въ Лицеѣ..., стр. 145.

эпиграммы котораго не утратили своей соли и до сихъ поръ. Въ «Лицейскомъ же Мудрецѣ» мы находимъ такъ называемыя «національныя пѣсни», въ составленіи которыхъ принимали участіе многіе воспитанники. Среди этихъ «національныхъ» лицейскихъ пѣсней находится куплетъ, относящійся до Мясоедова. Вотъ онъ:

«Поль протекціей бояровъ
Будеть юнкеромъ гусаровъ.
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли».

Вѣроятно, Мясоедовъ обладалъ огромнымъ носомъ, потому что въ «національныхъ пѣсняхъ» въ лицейскихъ журналахъ очень часто упоминается объ его носѣ. Такъ, напримѣръ, въ «Описаніи паясовъ» мы читаемъ:

«
А Мясоедовъ вальсируетъ
И носъ возноситъ къ небесамъ » ¹⁾.

Въ «національныхъ пѣсняхъ» Мясоедовъ извѣстенъ подъ кличкою: «Меринось», а также «Поль» — по его имени. Вѣроятно, онъ былъ большимъ любителемъ вальса, такъ какъ «національныя пѣсни» опять упоминаютъ о танцахъ и его носѣ.

«А Меринось,
Поднявши носъ,
Безъ пары вальсируетъ » ²⁾.

Въ лицейскихъ журналахъ мы уже встрѣчались съ разными статьями о Мясоедовѣ по поводу ссоры между нимъ и Кюхельбекеромъ. Эти статьи перваго номера «Лицейскаго Мудреца» за 1815 г. были снабжены Илличевскимъ карриатурами; одной изъ первыхъ карриатуръ была иллюстрація къ ссорѣ двухъ товарищей. Въ ней изображенъ гувернеръ Мейеръ, разнимающій дерущихся — Кюхельбекера и Мясоедова, при чемъ Кюхельбекеръ нападалъ, а Мясоедовъ съ ослиной головою сидѣлъ на полу и держался за фалду гувернера.

Въ другой карриатурѣ также изображается сцена, гдѣ гувернеръ Мейеръ сѣчетъ Мясоедова, держа его за ослиныя уши, а другой воспитанникъ съ ужасомъ подглядываетъ изъ-за колонны.

Въ номерѣ второмъ «Лицейскаго Мудреца» за 1815 г. находится слѣдующее стихотвореніе на Мясоедова:

«Мясинъ! жилъ собой ты столько,
Какъ гусарскій твой жилеть».

¹⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей (1811 — 1817). Бумаги 1-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб., 1911 г., стр. 213.

²⁾ Ibid., стр. 225.

Я люблю тебя, но только...
Коль тебя со мною нѣтъ...
Ласковѣи тебя и слаще
Не знавалъ бы сроду я;
Только еслибъ, другъ мой, чаще
Ты отвѣдывалъ дубья!»¹⁾

Въ томъ же номерѣ, въ отдѣлѣ «Смѣсь», рассказывается приключеніе, случившееся съ Мясоѣдовымъ. Повѣствователь описываетъ свою прогулку по аллеѣ Александровскаго парка въ Царскомъ Селѣ. Вдругъ онъ слышитъ топотъ коня и крики: «Держи, держи» и видитъ чудо: мчащуюся лошадь и на ней верхомъ сидящаго осла и къ тому же вислоухаго. Вотъ какъ описанъ этотъ эпизодъ въ «Лицейскомъ Мудрецѣ»: «Но гдѣ найду слова, могущія описать положеніе несчастнаго осла:—Голова его была у лошадиной..., но посмотрите лучше на рисунокъ и вы увидите состояніе головы его. —Куча комаровъ летала въ воздухѣ и вѣрно для того, чтобы отмахивать сѣдока своего отъ нихъ, борзый конь хлесталъ безъ милосердія бѣднаго осла по мордѣ, а ноги его, кривыя ноги,—готовы были составить дугу для рысака!—Право, любезные читатели, мнѣ чрезвычайно стало жалко, только не могу вамъ сказать кого: осла или лошади?»

«Я помню, что, когда меня учили миѳологіи, то говорили мнѣ, что нѣкогда люди и лошади составляли одно тѣло, т. е. были въ древности Кентавры; но чтобы осель и лошадь были одно животное, того, мнѣ помнится, не читалъ; но не менѣе того я возвратился домой, будучи увѣренъ, что лошадь умнѣ осла».

Въ приложенномъ рисункѣ изображена скачущая лошадь и на ней Мясоѣдовъ, причѣмъ его голова касалась крупа лошади, а ноги обнимали шею. У Мясоѣдова голова изображена ослиной, рядомъ съ лошадыю бѣжить его товарищъ Комовскій, съ другой стороны съ удивленіемъ смотритъ садовникъ Лялинъ²⁾.

Въ номерѣ 4-мъ «Лицейскаго Мудреца» приведена «Исповѣдь Мясожорова», т. е. Мясоѣдова:

«*Попъ*. Приблизься, чадо мое, рцы ми, кая суть прегрѣшенія твоя? но заранѣ обезоблеки главу твою изъ сей главной (т. е. головной) власеницы.

«*Мясож.* Не могу, батюшка...

«*Попъ*. Кая причина есть, яко не возможеши снять его? Почтеніе да побудить тя. Видишь ли ты, какое тутъ страшилище.

«*Мясож.* Тѣлесный недостатокъ.

«*Попъ*. Разумѣю... ты шелудивая овца въ стадѣ; стань отъ меня поодаль, да не прильпнетъ ко мнѣ язва твоя. Рцы мнѣ...

¹⁾ Ibid., стр. 271.

²⁾ Ibid., стр. 275—276.

«*Мясож*. Батюшка, меня называют глупымъ; это еще можно стерпѣть, но меня называют осломъ, да и паршивымъ. Это меня чрезвычайно трогаетъ. Всѣ говорили, говорятъ и, вѣроятно, говорить будутъ, что я чрезвычайно глупъ, однакожь я этого не примѣчаю и сошлюсь на моихъ товарищей.—Скажу вамъ, что у меня есть привычка со всѣми встрѣчными и поперечными заводить знакомство, а злонамѣренные люди сказали, будто бы мой курсъ поднимается въ то время, когда мои знакомые приѣзжаютъ. Говоря съ кѣмъ-нибудь, я начну съ учтивости, продолжаю съ глупостью, дохожу до грубости, кончаю подлостью и униженіемъ. — Не могу вамъ, батюшка, сказать, сколько было сравненій для меня обидныхъ. — Меня сравнивали съ пузырькомъ, который надутъ былъ воздухомъ, и много съ чѣмъ. Говорятъ, будто у меня есть привычка говорить о томъ, чего не понимаю, дѣлать то, чего не знаю, туда совать носъ, куда меня не спрашиваютъ. Также меня обвиняютъ въ томъ, что я, не зная французскаго языка, болтаю на немъ. Со мной случился анекдотъ, надъ которымъ очень много смѣялись, хотя я не находилъ въ немъ ничего смѣшного.—Одинъ изъ моихъ пріятелей встрѣтился со мною на прогулкѣ: это было во время поста; надо было мнѣ говѣть,—я ему сказалъ: Pardon mes péchés; онъ мнѣ поклонился, а я ему сказалъ: je vous en fais mes complimens. Всѣ зачали смѣяться, а я, съ спѣсью поднявъ носъ, совершенно не донималъ причины этого смѣху.

«*Понъ*. И сіе преестественно возмечта безумецъ гордыню и вознесе рогъ свой.

«*Мясож*. Ахъ, батюшка, мнѣ его отшибли, но повѣрите-ли не только надо мной насмѣхаются, но и надъ моими стихами и прозой; но въ доказательство несправедливости общаго мнѣнія я вамъ прочту одно мѣсто изъ моихъ сочиненій:

«Блеснулъ на западѣ румяный царь природы...

«*Понъ*. Ошибка, ошибка; на востоцѣ, а не на западѣ. Возтекаю ориог.

«*Мясож*. Но чтобъ окончить достойно исповѣдь, то я пожелаю вамъ чегонибудь. Я не педаантъ и не школьникъ.

«*Понъ* (про себя). А безумецъ.

«*Мясож*. Да протечетъ ваша жизнь, какъ ручеекъ журчащій тихо по камешкамъ, да будете вы какъ алая, розоваго цвѣта роза.

«*Понъ*. Я роза?.. Вонъ, вонъ, вонъ!»

Въ другомъ журналѣ тогдашняго времени, подъ заглавіемъ «Мудрецъ-Поэтъ» или «Лицейская Антологія», среди шуточныхъ стихотвореній въ «Смѣси» находятся, подъ 1813 г., «Паясы». Въ этомъ же журналѣ находится очень интересный отдѣлъ подъ рубрикой: «Вопросы и отвѣты». Такъ, на примѣръ, по поводу ословъ мы находимъ слѣдующій вопросъ:

«Скажи мнѣ, почему козламъ Зевсъ роги далъ?
Осламъ же длинныя онъ уши привязалъ?»

Отвѣтъ: «Чтобъ люди глупыми козловъ не называли;
И чтобъ отъ глупости ослы насъ не бодали»¹⁾.

Наконецъ, въ томъ же журналѣ находится стихотвореніе подъ заглавіемъ: «На рожденіе носа носовъ», съ подзаголовкомъ (6 августа 1814 г.). Это стихотвореніе также относится къ Мясоѣдову. Приведемъ изъ него два куплета:

«Когда въ день моего рожденья
Судьба-судьбинушка моя,
Для смѣха иль увеселенья
Гостямъ, а можетъ для себя
(Не вѣдаю ея желаній,
А не люблю писать гаданій),
На мой большой и круглый носъ.
Какъ пирамиду Сезостриса,
Поставила, горой возвыся,
Не знаю что, — лишь цѣлый возъ

* *
* *

Я чувствую и воздыхаю!
Подъ тяжестью такой крихчу,
Грозя судьбинѣ восклицаю:
Послушай-ка, что я скажу:
Когда ты такъ немилосерда,
И (на) такія шутки щедра:
То я, дружочекъ, удружу! —
Размою спиртомъ пирамиду
И въ вѣшную тебѣ обиду
Носъ полотенцемъ обяжу»²⁾.

Въ 1817 г. Мясоѣдовъ кончилъ Лицей съ чиномъ офицера арміи и поступилъ въ Оренбургскій уланскій полкъ³⁾. Приказъ о производствѣ его въ корнеты вышелъ 29 октября 1817 г.⁴⁾

15 ноября 1818 г. Павелъ Николаевичъ Мясоѣдовъ обратился къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Ibid., стр. 312.

²⁾ Ibid., стр. 316.

³⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, П. Селезнева. 1856 г. Въ Памятн. книжкѣ Лицея на 1856—1857 г., стр. 92.

⁴⁾ См. «Русск. Инвалидъ» 8 ноября 1817 г. Приведесть у Д. Ф. Кобеко: Императорскій Царскосельскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 133.

«Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ Самодержецъ Всероссійскій Государь Всемиловитѣйшій.

Проситъ Оренбургскаго уланскаго полка Корнетъ Павелъ Николаевъ Мясоѣдовъ о нижеслѣдующемъ:

Ваше Императорское Величество 1817 года Высочайше повелѣтъ соизволилъ «окончившихъ курсъ наукъ въ Лицеѣ воспитанниковъ, пожелавшихъ изъ нихъ поступить въ военную службу, опредѣлить въ оную согласно удостоенія конференціи перваго разряда въ гвардію, а втораго въ армію офицерами по полкамъ, а пожелавшихъ изъ нихъ продолжать Статскую службу, тѣмъ дать чины: 1-го разряда Титулярныхъ Совѣтниковъ (,) а 2-го разряда Коллежскихъ Секретарей». По силѣ онаго я имѣя тогда ревностное желаніе къ военной службѣ, опредѣленъ по желанію моему въ означенной полкъ Корнетомъ и готовился продолжать оную во всю мою жизнь; но приключившаяся (я) мнѣ болѣзнь въ груди, которая ослабила здоровье и къ тому жъ и отъ разбитія правой ноги при паденіи съ лошади усилила болѣзнь и сдѣлала меня совершенно неспособнымъ къ фронтальной службѣ; а потому представляя при семъ о болѣзни моей пользующаго меня въ оной Консультантъ-Хирурга Еллинскаго свидѣтельство прошу:

«Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и меня именованнаго отъ воинской службы для опредѣленія къ Статскимъ дѣламъ уволить, въ сравненіе съ сверстниками моими изъ Лицея выпущенными чиномъ Коллежскаго Секретаря.

«Всемиловитѣйшій Государь! прошу Вашего Императорскаго Величества, о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Ноября 15 дня 1818 года. Къ подацію надлежитъ по командѣ. Сіе прошеніе съ сочиненія просителя переписывалъ копіистъ Савва Лазаревъ. Къ сему прошенію по пунктамъ Корнетъ Павелъ Мясоѣдовъ руку приложилъ»¹⁾.

Высочайшимъ приказомъ 8 февраля 1819 года Мясоѣдовъ уволенъ отъ службы, за болѣзнию, поручикомъ.

Не удовольствовавшись чиномъ поручика, Мясоѣдовъ пожелалъ поступить на службу въ Министерство Юстиціи и переименоваться въ гражданскій чинъ. По этому поводу въ лицейскомъ архивѣ хранится слѣдующая переписка.

7-го октября 1819 года И. Θ. Журавлевъ обратился къ В. М. Попову съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь Василій Михайловичъ. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство приказать выправиться и меня увѣдомить: въ какомъ разрядѣ

¹⁾ Выписано изъ дѣла 1 стола 2 отдѣленія Инспекторскаго Департамента, 1819 г., Св. 213—182, № 212.

состоялъ при выпускѣ въ 1817 году изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея Павелъ Мясоѣдовъ, поступившій, согласно изъявленному имъ желанію, въ военную службу Корнетомъ; и буде бы онъ пожелалъ тогда вступить въ статекую службу, то по разряду, въ которомъ онъ, по удостоенію Конференціи Лицея, состоялъ, какимъ чиномъ былъ бы награжденъ?

«Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга И. Журавлевъ».

Р. С.: «И какъ означенный Мясоѣдовъ, бывъ принять въ военную службу Корнетомъ, нынѣ отъ оной за болѣзнію уволенъ Поручикомъ, то имѣетъ ли онъ право получить Статскій чинъ, присвоенный 2-му разряду, буде онъ дѣйствительно въ ономъ состоялъ».

На это письмо В. М. Поповъ отвѣтилъ И. О. Журавлеву слѣдующимъ письмомъ отъ 9 октября 1819 года за № 124:

«Въ отвѣтъ на письмо Вашего Превосходительства отъ 7-го сего октября, о томъ, въ какомъ разрядѣ состоялъ при выпускѣ изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея Павелъ Мясоѣдовъ, поступившій въ военную службу, и какимъ чиномъ былъ бы онъ награжденъ, еслибъ пожелалъ тогда вступить въ статекую службу, честь имѣю сообщить слѣдующее объясненіе.

«Воспитанники Лицея, поступающіе въ гражданскую службу, по Высочайше утвержденнымъ правиламъ, получаютъ чины 9-го, 10, 12 и 14 классовъ, сообразно степени ихъ успѣховъ, и также похвальнаго поведенія и добронравія. Все сіе разбирается Конференціею Лицея и въ окончательномъ экзаменѣ, и по разсмотрѣнію ея опредѣляется, какой именно классъ каждому изъ нихъ по достоинству присвоенъ быть можетъ.

«При выпускѣ въ 1817 году воспитанниковъ изъ Лицея, Конференція признала всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, кои пожелали тогда вступить въ гражданскую службу, принадлежащими токмо къ двумъ первымъ разрядамъ изъ числа четырехъ вышепоименованныхъ, то есть однихъ къ полученію чина 9-го, а другихъ къ чину 10 класса. Воспитанникъ же Павелъ Мясоѣдовъ, пожелавшій поступить въ военную службу, причисленъ былъ ко второму разряду тѣхъ, кои также назначались къ службѣ военной.

«Въ семъ состоятъ все, что мнѣ извѣстно по сему дѣлу. Сравненія между тѣми и другими дѣлать вовсе не удобно; ибо назначавшіеся въ военную службу воспитанники не были поставлены въ одномъ спискѣ съ поступавшими въ гражданскую. А потому и не возможно опредѣлять теперь, къ которому разряду кто изъ нихъ могъ бы причисленъ быть при выпускѣ, еслибъ выбралъ тогда другаго рода службу; послѣ же нахождения въ оной, всякое уравненіе и еще затруднительнѣе.

«Сообщая Вамъ, Милостивый Государь мой, всѣ сіи свѣденія, въ повеленіе

того обстоятельства, которое вамъ угодно было отъ меня узнать, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга». Подлинное подписалъ: «Василій Поповъ». Вѣрно: «Столоначальникъ В. Митуричъ».

27 октября 1819 года, за № 8842, Министръ Юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій обратился къ князю А. Н. Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь мой Князь Александръ Николаевичъ. Уволенный за болѣзнію отъ воинской службы съ награжденіемъ чина Поручика, Павелъ Мясоѣдовъ, подалъ ко мнѣ прошеніе, объ опредѣленіи его въ Департаментъ ввѣреннаго мнѣ Министерства Юстиціи съ переименованіемъ въ Коллежскіе Секретари, въ сравненіе съ его сверстниками, такъ какъ онъ, бывъ выпущенъ въ 1817 году изъ воспитанниковъ Царско-сельскаго Лицея, по желанію его поступить въ военную службу, согласно удостоенію Конференціи Лицея, яко состоявшій во 2-мъ разрядѣ, опредѣленъ въ армію офицеромъ, а пожелавшіе тогда вступить въ статскую службу изъ 2-го же разряда, получили чины Коллежскихъ Секретарей.

«Я покорѣйше прошу Ваше Сіятельство сообщить мнѣ ваше мнѣніе: имѣетъ ли Мясоѣдовъ право, по выпускѣ его изъ 2-го разряда въ военную службу, нынѣ при вступленіи въ гражданскую, воспользоваться чиномъ Коллежскаго Секретаря, присвоеннымъ означенному разряду?»

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорѣйшій слуга Князь Д. Лобановъ-Ростовскій».

При этомъ письмѣ была заготовлена докладная записка слѣдующаго содержания:

«Г. Министръ Юстиціи отношеніемъ своимъ отъ 27 минувшаго октября проситъ увѣдомленія Вашего Сіятельства: имѣетъ ли право уволенный за болѣзнію отъ воинской службы съ награжденіемъ чина Поручика Мясоѣдовъ, при опредѣленіи его нынѣ на службу въ Департаментъ Министерства Юстиціи, быть переименованъ, согласно поданному имъ прошенію, въ Коллежскіе Секретари, во уваженіе того, что онъ выпущенъ въ 1817 году изъ 2 разряда воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, въ военную службу, съ чиномъ офицера, а пожелавшіе тогда поступить въ статскую службу изъ воспитанниковъ второго же разряда получили чины Коллежскихъ Секретарей.

«Справка: Отношеніемъ отъ 7 минувшаго октября Г. Директоръ Департамента Министерства Юстиціи требовалъ по сему же предмету мнѣніе отъ Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія, который въ отвѣтъ на то сообщилъ ему, что воспитанники Лицея, поступающіе при выпускѣ изъ онаго въ Гражданскую службу по Высочайше утвержденнымъ правиламъ получаютъ чины 9, 10, 12 и 14 классовъ; воспитанникъ же Мясоѣдовъ былъ причисленъ ко второму разряду тѣмъ; кои назначались въ военную службу, и кои не были поставлены

въ одномъ спискѣ съ пожелавшими поступить въ Статскую службу, причисленными тогда конференціею къ двумъ токмо первымъ разрядамъ, т. е. къ полученію чиновъ 9 и 10 классовъ: а посему и невозможно опредѣлять теперь, къ которому разряду кто изъ нихъ могъ бы причисленъ быть, естьлибъ при выпускѣ выбралъ тогда другой родъ службы; послѣ же нахождения въ оной всякое уравненіе еще затруднительнѣе».

Въ отвѣтъ на письмо Министра Юстиціи имѣется бумага изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія отъ 8 ноября 1819 года за № 3409 слѣдующаго содержания:

«Господину Министру Юстиціи. Отвѣтъ на № 8842.—На отношеніе Вашего Сіятельства отъ 27 минувшаго октября, коимъ изволите требовать моего мнѣнія, имѣетъ ли право Поручикъ Мясоѣдовъ при поступленіи въ Гражданскую службу, получить чинъ Коллежскаго Секретаря, по уваженію того, что онъ при выпускѣ изъ Царскосельскаго Лицея былъ причисленъ къ воспитанникамъ втораго разряда, честь имѣю отвѣтствовать, что воспитанники сего Лицея при выпускѣ изъ онаго, согласно Высочайше утвержденнымъ правиламъ, могутъ быть раздѣляемы: посвящающіе себя Гражданской службѣ, на четыре разряда, по коимъ и получаютъ они чины 9, 10, 12 и 14 классовъ; желающіе же поступить въ воинскую службу имѣютъ токмо два разряда, и принимаются съ чиномъ офицеровъ, удостоенные 1 разряда въ Гвардію, а 2 въ Армію. Таковое удостоеніе воспитанниковъ къ тому или другому разряду дѣлается токмо при выпускѣ ихъ по надлежащемъ испытаніи каждаго въ томъ родѣ наукъ, для которыхъ кто изъ нихъ себя готовилъ. А какъ Мясоѣдовъ готовилъ себя къ военной службѣ, и не былъ при выпускѣ причисленъ къ одному изъ помянутыхъ четырехъ разрядовъ службы Гражданской, то и нельзя нынѣ причислять его ни къ которому изъ разрядовъ службы. Самаго испытанія выпущенному однажды изъ Лицея чиновнику и назначенія его къ тому или другому разряду, каковыя по установленію производятся токмо при выпускѣ, невозможно уже возобновлять; но каждый выпущенный идетъ по линіи службы своей, сообразно общему для служащихъ установленному порядку». Подлинное подписали: «Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князь Александръ Голицынъ; Директоръ Василій Поповъ». Вѣрно: «Столоначальникъ В. Митуричъ».

Въ 1821 г., января 14, Мясоѣдовъ снова принятъ на службу Прaporщикомъ въ Переяславскій Конно-Егерскій полкъ, изъ котораго переведенъ въ Гродненскій Гусарскій полкъ, съ переименованіемъ въ Корнеты,—1822 г., іюня 25.

Далѣе въ указѣ говорится слѣдующее: «Въ походахъ, домовыхъ отпускахъ, въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ. Холостъ; къ повышенію аттестованъ достойнымъ, а сего 1823 г. Апрѣля въ 16 день, по Высочайшему Его Император-

скаго Величества приказу, уволенъ отъ службы, за болѣзнію, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ повышеніемъ чина» ¹⁾).

Нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до Мясоѣдова, мы можемъ найти въ дружеской перепискѣ директора Лицея Е. А. Энгельгардта съ своими воспитанниками. Такъ, напр., въ письмѣ къ Матюшкину отъ 7 августа 1817 г. Энгельгардтъ пишетъ: «Мясоѣдовъ дурачится и глушитъ какъ и прежде; вскорѣ послѣ пожалованія его въ офицеры поссорился и подрался онъ съ какимъ-то писаремъ, за что просидѣлъ подъ арестомъ двѣ недѣли. Разумѣется, что Мясоѣдовъ не иначе дерется, какъ кулаками». Въ письмѣ отъ 9 марта того же года Энгельгардтъ, перечисляя своихъ воспитанниковъ, которые ему пишутъ изъ разныхъ городовъ, указываетъ, что Мясоѣдовъ пишетъ изъ Новгорода,—вѣроятно, тамъ стоялъ его полкъ. Въ письмѣ отъ 10 сентября 1820 г. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Пресловутый Мясоѣдовъ, оставя поприще воинской своей славы, обратился къ почтенной Θεемидѣ, онъ дежуритъ въ Канцеляріи Министра Юстиціи».

Мясоѣдовъ женился на дочери Мансурова. Это былъ Алексѣй Сергѣевичъ Мансуровъ, дворянинъ Тульской губ., а дочь его—дѣвица Надежда Алексѣевна.

Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 28 февраля 1824 г., къ Матюшкину, по поводу этого брака замѣчаетъ слѣдующее: «Мясоѣдова съ невѣстою поздравляю, но невѣсту, кажется, не съ чѣмъ поздравить». Въ письмѣ отъ 18 ноября 1829 г. Энгельгардтъ, перечисляя Матюшкину товарищей его, раздѣхавшихся по разнымъ сторонамъ, замѣчаетъ: «Мясоѣдовъ гдѣ то». Въ письмѣ одного изъ товарищей къ Вольховскому, въ ноябрѣ того же года, мы находимъ: «Мясоѣдовъ въ Тулѣ; поставилъ себѣ за долгъ всѣхъ черезъ сей городъ проѣзжающихъ лицейскихъ у заставы встрѣчать шампанскимъ». Въ письмѣ отъ 22 января 1831 г., сообщая Матюшкину о смерти Дельвига, Энгельгардтъ замѣчаетъ, что изъ трехъ первыхъ курсовъ уже 15 человекъ похоронено, а если прибавить сюда Кюхельбекера и Пущина, то будетъ 17 покойниковъ изъ 78 воспитанниковъ. «Это много!—и большею частію отличные парни: Корсаковъ, Загряжской, Чарнышъ, Бѣлуха, Подлиневъ, Молчановъ, Дельвигъ и проч., а Мясоѣдовъ и ухомъ не ведетъ, — здравствуетъ, да пируетъ; да и вообще по свѣту бродятъ множество такихъ, изъ коихъ бы дюжину и двѣ можно отдать въ обмѣнъ за одного изъ тѣхъ. Видно, что уже такъ сужено и ряжено».

Несмотря на такой нелестный отзывъ Энгельгардта о Мясоѣдовѣ, послѣдній, какъ кажется, былъ все-таки отзывчивымъ человѣкомъ, не забывающимъ своихъ

¹⁾ «Во свидѣтельство чего, по Высочайше предоставленному мнѣ уполномочію, данъ сей указъ корнету Мясоѣдову, за моимъ подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати. При Главной Квартирѣ г. Могилева, на Днѣпрѣ. 1823 г. іюня 26 дня № 157». Подлинный подписали: «Генераль-отъ-Инфантеріи Главнокомандующій 1-ю Армією, Графъ Сакенъ, Дежурный Генераль Алдекопъ». Приложена печать.

друзей и въ несчастіи. Такъ, напр., Пушкинъ въ письмѣ къ Энгельгардту отъ 14 марта 1830 г., изъ Читы, между прочимъ, сообщалъ: «Вообразите, что отъ Мясоѣдова получилъ годъ тому назадъ письмо—признаюсь никогда не ожидалъ, но тѣмъ не менѣ былъ очень радъ»¹⁾).

Въ письмѣ отъ 24 ноября 1836 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, между прочими новостями, что «Мясоѣдовъ былъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ): вездѣ вралъ, лгалъ и хвасталъ своимъ богатствомъ, вліяніемъ и проч., все тотъ же». Объ этомъ приѣздѣ Мясоѣдова въ Петербургъ сообщаетъ также Яковлевъ Вольховскому въ письмѣ отъ 24 ноября 1836 г.

Мясоѣдовъ присутствовалъ на лицейскомъ праздникѣ 19 октября и проявилъ кипучую дѣятельность. «Прежде всего надо сказать тебѣ, — пишетъ Яковлевъ Вольховскому, — что къ этому времени приѣзжалъ въ Петербургъ изъ деревни Мясоѣдовъ и натворилъ много чудесъ. Онъ вытащилъ изъ норы Гревеница, который никогда не являлся къ намъ на праздникъ и отыскалъ Мартынова, словомъ дѣйствовалъ мастерски. Всѣхъ насъ въ сборѣ было 11 человекъ: Юдинъ, Мясоѣдовъ, Гревеницъ, Яковлевъ, Мартыновъ, Корфъ, Пушкинъ, Иличевскій, Комовскій, Стевенъ, Данзасъ».

По поводу этого же приѣзда Мясоѣдова въ С.-Петербургъ есть также нѣкоторыя свѣдѣнія въ письмѣ М. А. Корфа отъ 17 февраля 1837 года къ Вольховскому. Вотъ что онъ пишетъ: «Въ исходѣ осени посѣтилъ насъ Мясоѣдовъ, тотъ же лицейскій Мясоѣдовъ, и разразился надъ нами пышнымъ обѣдомъ: тутъ я встрѣтился съ Комовскимъ и Мартыновымъ, съ которыми вижу обыкновенно только въ день 19 октября, все еще празднуемый, но почти уже по одному преданію, безъ прежнихъ заветныхъ пѣсень, безъ многихъ милыхъ нашему сердцу, и,—будемъ откровенны,—безъ прежняго радушія: судьба и обстоятельства слишкомъ раскидали и разрознили насъ,—чтобы струны далекой молодости звучали и отдавались также согласно, какъ бывало прежде».

Объ этомъ же пребываніи Мясоѣдова въ Петербургѣ упоминаетъ и Пушкинъ, въ письмѣ къ Модесту Корфу отъ 14 октября 1836 г. Пушкинъ пишетъ: «Завтра, вѣроятно, увидимся у Мясоѣдова»²⁾). Изъ этого видно, что 15 октября товарищи собирались у Мясоѣдова; вѣроятно, на тотъ пышный обѣдъ, о которомъ въ предыдущемъ письмѣ упоминаетъ М. Корфъ.

Яковлевъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 22 іюня 1837 г. сообщаетъ, что Мясоѣдовъ и рѣ этомъ году также былъ въ Петербургѣ: «... и позабылъ было о приѣзжемъ. Мясоѣдовъ здѣсь. Онъ пустился на спекуляціи. Отправилъ онъ сюда

¹⁾ К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей, стр. 100.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. Литерат. Фонда. Спб., 1887 г. Письма. Т. VII, стр. 410.

овесъ и пшеницу и думаетъ выгодно продать. Покамѣсть результата его предположеній не вижу, но желаю, чтобы ему посчастливилось».

Мясоѣдовъ послѣ Министерства Юстиціи вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ; кажется, въ Тульской губерніи¹⁾.

Въ деревнѣ онъ жилъ въ 1851 г., какъ это видно изъ протокола лицейской годовщины 19 октября этого года, когда праздновалось сорокалѣтіе Лицея.

Здѣсь будетъ уместно привести характеристику Мясоѣдова, сдѣланную въ 1839 г. графомъ Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ въ своемъ Дневникѣ²⁾: «Павель Николаевичъ Мясоѣдовъ служилъ въ армейскихъ гусарахъ, кажется, до поручиковъ или штабсъ-ротмистровъ и вышелъ въ отставку, тому назадъ лѣтъ пятнадцать или болѣе. Женатъ на побочной дочери богатаго помѣщика Мансурова и съ пропасью дѣтей живетъ въ деревнѣ верстахъ въ двадцати отъ Тулы».

Намъ ничего неизвѣстно о томъ; что жена Мясоѣдова, Надежда Алексѣевна, рожденная Мансурова, была побочною дочерью богатаго помѣщика Алексѣя Сергѣевича Мансурова, какъ объ этомъ говоритъ графъ Корфъ. Поэтому мы оставляемъ эти свѣдѣнія на совѣсти Корфа. Что же касается до многочисленнаго потомства Мясоѣдова, то въ этомъ отношеніи графъ Корфъ совершенно правъ: изъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ Тульскимъ Дворянскимъ Депутатскимъ Собраніемъ, видно, что у Мясоѣдова было семь человѣкъ дѣтей: сыновья: Александръ, Константинъ, Николай и Алексѣй и дочери: Марія, Екатерина и Ольга; но гдѣ въ настоящее время находятся вышепоименованныя дѣти Павла Николаевича Мясоѣдова—Депутатскому Собранію неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что за ними въ предѣлахъ Тульской губерніи никакой недвижимой собственности въ настоящее время не состоитъ и они, еще въ 1868 г., по просьбѣ отца ихъ, Павла Николаевича Мясоѣдова, перечислены въ дворянскую родословную книгу С.-Петербургской губерніи.

Письмомъ отъ 15 января 1912 года Григорій Александровичъ Тройницкій (XXV курса) сообщаетъ мнѣ, что въ Петербургѣ живетъ дочь Павла Николаевича Мясоѣдова—Варвара Павловна Федоровичъ. О ней Тульскому Дворянскому Собранію, какъ видно изъ вышеприведенной выписки, ничего не извѣстно, потому что она является дочерью Мясоѣдова отъ второго брака. Эта же дочь говорила Г. А. Тройницкому, что ея отецъ служилъ не въ Оренбургскомъ Уланскомъ полку, а въ Гродненскомъ Гусарскомъ, въ отставку вышелъ поручикомъ и нигдѣ послѣ не служилъ. Свѣдѣнія, сообщенныя г-жею Федоровичъ, не отвѣчаютъ тѣмъ даннымъ, которыя мы привели въ этомъ очеркѣ на основаніи подлинныхъ документовъ.

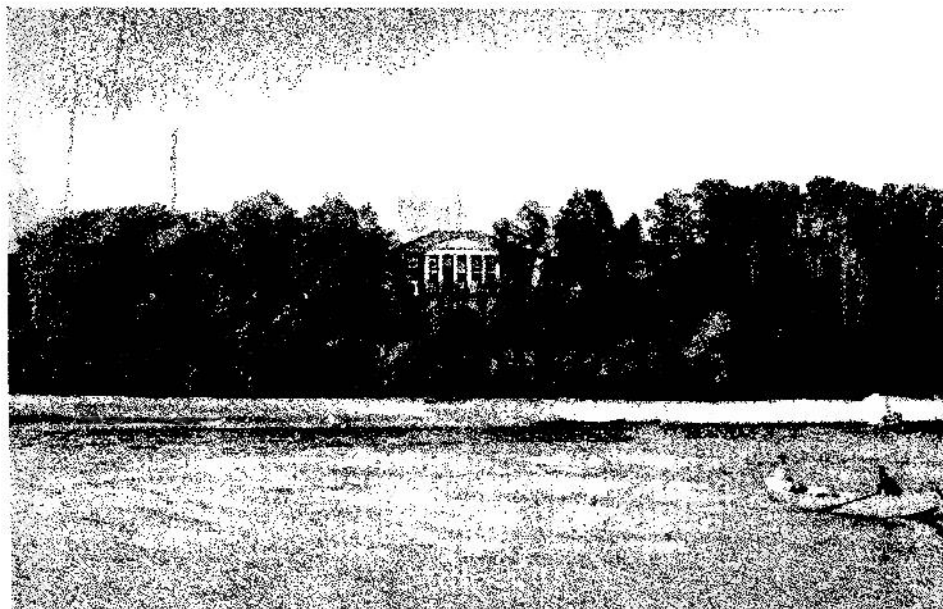
¹⁾ Я. К. Гротъ: Старина Царскосельскаго Лицея. («Рус. Арх.» 1875 г., стр. 479—480). Его же: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 71.

²⁾ «Рус. Стар.» 1904 г., т. 118, іюнь, стр. 550.

Мясоѣдовъ умеръ 3 ноября 1868 г., какъ это значитъ на фотографической карточкѣ его, находящейся въ Лусеана, и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ. Кажется, могила-памятникъ его не сохранилась до нашего времени. По крайней мѣрѣ, Владиміръ Ивановичъ Саитовъ не сообщаетъ никакихъ указаній на памятникъ Мясоѣдова въ книгѣ Великаго Князя Николая Михайловича о петербургскихъ кладбищахъ (въ томъ числѣ и о Смоленскомъ), подъ названіемъ: «Петербургскій Некрополь» (Т. III (М-Р). Спб., 1912 г.).

27.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ
ТЫРКОВЪ.



Усадьба «Вережа» на р. Волховъ (Новгород. уѣзда), принадлежащая наслѣдникамъ
В. А. Тыркова.

Александръ Дмитріевичъ Тырковъ.

(Род. въ 1799 г., † 7 ноября 1843 г.).

Александръ Дмитріевичъ Тырковъ, сынъ капитана ¹⁾, изъ дворянъ Новгородской губ., родился въ 1799 году ²⁾, первоначальное образованіе получилъ въ частномъ институтѣ протоіерея Камскаго ³⁾. Въ Лицейъ Тырковъ поступилъ въ 1811 г. За него хлопоталъ Министръ Юстиціи Г. Р. Державинъ. Вступительный экзаменъ Тырковъ держалъ 12 августа, причемъ отмѣтки его на этомъ экзаменѣ были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго — «очень хорошо», французскаго — «изрядно», нѣмецкаго — «не знаетъ», въ ариметикѣ — «хорошо», въ физикѣ — «довольно знаетъ» и въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи «хорошо» ⁴⁾.

Успѣхи Тыркова въ продолженіе пребыванія въ Лицеѣ отмѣчены слѣдующими отзывами профессоровъ и гувернеровъ. Профессоръ російскаго и латинскаго классовъ Н. Кошанскій съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. аттестуетъ его такъ: «Александръ Тырковъ, не столько счастливъ своими способностями, ко-

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, П. Селезнева. 1856 г., стр. 29. Дмитрій Алексѣевичъ Тырковъ, отецъ лицеиста, былъ женатъ на Аннѣ Ефимовнѣ Путятиной. У нея была сестра, Марія Ефимовна, за Назимовымъ и братъ Василій Ефимовичъ Путятинъ. Свѣдѣнія эти сообщены намъ роднымъ внукомъ Дмитрія Алексѣевича — Владиміромъ Алексѣевичемъ Тырковымъ, за что мы и приносимъ ему нашу глубочайшую благодарность.

²⁾ По формулярному списку, составленному въ 1821 г., онъ значится 22-хъ лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно, годомъ рожденія является 1799 годъ, что вполне совпадаетъ со свѣдѣніями, указываемыми надзирателемъ по учебной части Мартыномъ Пилецкимъ-Урбановичемъ въ его отчетѣ отъ 19 ноября 1812 г. о поведеніи и свойствахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, въ которомъ Тыркову считается 13 лѣтъ. На плитѣ же надъ его могилой написано, что онъ родился 4 ноября 1800 года. Несмотря на это, мы все-таки придерживаемся указаній Пилецкаго и формулярнаго списка.

³⁾ Селезневъ, примѣчаніе 19, стр. X.

⁴⁾ Ibid., прилож. къ стр. XI.

торыя старается замѣнить прилѣжаніемъ. Однакожъ успѣхи его посредственны». (Въ списокѣ ставить его шестнадцатымъ).

Съ 15 марта по 15 октября того же 1812 г. Кошанскій ставитъ Тыркова въ списокѣ двадцать седьмымъ и пишетъ почти то же, что и выше: «Александръ Тырковъ, кажется, не совсѣмъ счастливъ способностями, которыя старается замѣнить прилѣжаніемъ и вниманіемъ. Однакожъ успѣхи его посредственны».

Гауеншильдъ отъ 1812 г. даетъ о немъ такой отзывъ: «Tyrkoff. Très peu de moyens, et aussi peu d'application».

Профессоръ де-Будри отъ 18 ноября 1812 г. помѣщаетъ Тыркова въ послѣдній (четвертый) разрядъ по успѣхамъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Tyrkof. Il est toujours extrêmement retardé; cependant il sait toujours assez bien les dialogues qu'il apprend par coeur et fait moins de fautes, en écrivant, ce qui me rend l'espoir que j'avois perdu».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ отъ 19 ноября 1812 года ставитъ его въ третью (послѣднюю) категорію по успѣхамъ и всѣхъ воспитанниковъ, вошедшихъ въ эту категорію, располагаетъ въ такомъ порядкѣ (причемъ въ двухъ случаяхъ подъ однимъ номеромъ помѣщаетъ нѣсколькихъ воспитанниковъ): 1—Ржевскій, 2—Костенскій, 3—Пушкинъ, Броглю и Данзасъ, 4—Тырковъ, Мясоедовъ, Гурьевъ и 5—Дельвицъ. При этомъ говоритъ о Тырковѣ слѣдующее: «Tyrkoff, tout aussi peu de moyens, que d'application».

Мартынъ Пилецкій въ своемъ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г. г. воспитанниковъ Императорскаго Паркосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Тырковѣ: «Тырковъ (Александръ). 13-ти лѣтъ. Чувствуя слабыя свои дарованія, онъ сдѣлался весьма старательнымъ и прилѣжнымъ, хотя, при всемъ томъ, успѣхи мѣдленны. Довольно благонаравенъ, кротокъ, усерденъ, опрятенъ. Случающіяся угрюмость, упрямство, гнѣвъ и самая даже молчаливость съ застѣнчивостью, неловкость его и нерасторопность происходятъ болѣе отъ недостатка въ воспитаніи и образованіи; оттого и выражается онъ несвязно, сбивчиво и болѣе механически, нежели по размышленію. Впрочемъ, онъ указываетъ искреннее желаніе образоваться и постоянное, неослабное прилѣжаніе подаетъ надежду, что изъ него выйдетъ современемъ, по крайней мѣрѣ, полезной и доброй человѣкъ»¹⁾.

Профессоръ Кошанскій отъ 9 іюля 1813 г. помѣщаетъ Тыркова четвертымъ ученикомъ въ числѣ посредственныхъ.

Профессоръ историческихъ наукъ И. Кайдановъ въ вѣдомости отъ 1-го ноября 1812 г. по 1-ое генваря 1814 г. ставитъ Тыркова двадцать пятымъ ученикомъ и замѣчаетъ: «Дарованій и успѣховъ посредственныхъ. Поведенія хорошаго».

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г., стр. 37.

Наконецъ, гувернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 г. даетъ слѣдующій о немъ отзывъ: «Простосердеченъ, усерденъ, опрятенъ, кротокъ, прилѣженъ, послушенъ, но въ тѣлодвиженіяхъ и словахъ нѣсколько *грубъ*».

Основываясь на этихъ отзывахъ, академикъ Гротъ дѣлаетъ ужь очень суровую оцѣнку Тыркова. Онъ пишетъ: «Всѣхъ ниже по способностямъ и ученію были: Мартыновъ, Тырковъ, Броліо и Мясоѣдовъ»¹⁾).

Съ именемъ Тыркова въ бытность его въ Лицеѣ²⁾ связана исторія о гогельмогелѣ. Подробностей этого происшествія мы здѣсь не приводимъ, такъ какъ онѣ указаны въ біографіи Малиновскаго; для насъ здѣсь интересно только то, что Тырковъ послужилъ невольной причиной обнаруженія этой шалости. Какъ извѣстно изъ Записокъ И. И. Пущина, въ этой исторіи принимали участіе Пущинъ, Малиновскій и Пушкинъ. «Разумѣется, — говоритъ Пущинъ, — кромѣ насъ, были и другіе участники въ этой вечерней пирушкѣ, но они остались за кулисами по дѣлу, а въ сущности одинъ изъ нихъ, именно Тырковъ, въ которомъ черезъ чуръ подѣйствовалъ ромъ, былъ причиной, по которой дежурный гувернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное оживленіе, шумливость, бѣготню»³⁾).

9 июня 1817 г. Тырковъ вмѣстѣ съ другими кончилъ курсъ Царскосельскаго Лицея и былъ выпущенъ въ Сѣверскій Конно-Егерскій армейскій полкъ прапорщикомъ⁴⁾, куда и явился въ томъ же году октября 29 дня.

Служба его въ полку не была долгой, въ формулярѣ⁵⁾ мы находимъ слѣдующія о ней свѣдѣнія: «въ походахъ не бывалъ, въ штрафахъ не бывалъ, состоитъ въ комплектѣ при полку, къ повышенію чиномъ достоинъ, былъ въ отпускахъ въ 1818 г. на три мѣсяца, въ 1820 г. на три мѣсяца и на срокъ явился, по-россійски читать и писать умѣетъ и ариѣметикѣ знаетъ, въ поручики произведенъ въ 1820 г. 28 мая, Высочайшимъ приказомъ 21 февраля 1822 г. уволенъ отъ службы за болѣзнію штабъ-капитаномъ, холостъ».

О дальнѣйшей судьбѣ Тыркова мы можемъ извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія изъ переписки директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта съ бывшими учениками перваго курса. Такъ, напримѣръ, изъ письма Энгельгардта къ Кюхель-

¹⁾ Пушкинъ, его лицейск. товар. и наставн. Спб., 1899 г., стр. 71. Въ статьѣ: «Старина Царскосельскаго Лицея», напечатанной первоначально въ «Рус. Арх.» 1875 и 1876 г. г.

²⁾ Кстати отмѣтимъ здѣсь, что въ Лицеѣ Тырковъ занималъ комнату подъ № 32, выходившую въ ограду лицейскаго сада, по воспоминаніямъ Малиновскаго. (Я. К. Гротъ: Пушкинъ..., стр. 286).

³⁾ Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ. См. кн. Л. Майкова: Пушкинъ. Спб., 1899 г., стр. 57.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г., стр. 92.

⁵⁾ Выписано изъ книги формулярн. списковъ Сѣверскаго Конно-Егерскаго полка за 1821 г., по архиву № 3989. Формуляръ подписанъ полковникъ Лепарскій. (Общій Архивъ Главнаго Штаба, въ Москвѣ, въ Лефортовѣ).

бекеру отъ 14 сентября 1823 г. мы узнаемъ о Тырковѣ за этотъ годъ слѣдующее: «Отставной штабсъ-ротмистръ Тырковъ живетъ домкомъ на Васильевскомъ острову: у него и куры и гуси, и утки и весь домашній обиходъ заведенъ» ¹⁾). Въ письмѣ Энгельгардта къ О. О. Матюшкину отъ 25 февраля 1829 г. мы находимъ слѣдующее мѣсто, относящееся до Тыркова: 24 февраля Малиновскій, приѣхавъ нечаянно къ Энгельгардту, «засталъ у меня,—говорить Егоръ Антоновичъ,—Тыркова, который пришолъ *бочкомъ* — просить, чтобы я нарисовалъ ему планъ п фасады и сочинилъ смѣту и описаніе новаго дома, который намѣренъ построить въ своей водчинѣ. Я ему на первый случай назначилъ *только две* комнаты дѣтскихъ, но въ случаѣ потребности можно приобщить еще одну изъ прилежащихъ. И для меня назначена вверху комнатка...»

Въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину, которое мы только-что привели, неспроста сказано, что къ нему пришелъ Тырковъ «бочкомъ». Это былъ маленькій дефектъ Тыркова, замѣченный еще въ Лицеѣ, гдѣ онъ ходилъ не прямо, какъ все люди, а *все бочкомъ, бочкомъ*. Нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ недостатокъ Тыркова былъ замѣченъ его товарищами-шалунами, и лицейскіе пѣты сочинили по этому поводу куплеты. Въ одной изъ «національныхъ пѣсенъ», сочинявшихся, какъ извѣстно, сообща всеми лицеистами, существуетъ такой куплетъ на Тыркова:

«Танцуетъ здѣсь
 Quadrille Française,
 Впередъ бочкомъ на балъ,
 А Шишкинъ князь,
 Надъ нимъ смѣясь,
 На флейтахъ скачетъ въ залъ».

Въ другомъ куплетѣ тѣхъ же «національныхъ пѣсенъ» мы находимъ еще слѣдующія, довольно неудачныя вирши:

«Помогли Тыркову чорты (?),
 Вездѣ ноль онъ и четвертый (?),
 Все, все нули,
 Ай люли, люли, люли!»

Въ неизданномъ стихотвореніи Корсакова подъ заглавіемъ «Ich schwitze» тоже находится намекъ на этотъ дефектъ Тыркова. Вотъ эта строфа стихотворенія Корсакова:

«Если посмотришь на людей,
 На взглядъ орды, трусишки въ дѣлѣ,
 Гдѣ обѣщанія друзей?

¹⁾ «Рус. Стар.» 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 374. Намъ непонятно, почему Энгельгардтъ называетъ Тыркова штабсъ-ротмистромъ, тогда какъ въ формулярѣ сказано, что онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ штабсъ-капитана.

У всѣхъ семь пятницъ на недѣлѣ.
Гдѣ, гдѣ французъ? съ земли долой!
Но лишь сошлись при Австерлицѣ,
Всѣ стороной, бочкомъ домой.
Ich schwitze.

Подробный комментарий на это стихотворение сдѣланъ нами въ биографіи Корсакова и потому не повторяемъ его; здѣсь же замѣтимъ, что стихъ «всѣ стороной, бочкомъ домой» намекаетъ на манеру Тыркова; выраженіе «бочкомъ» чисто лицейскаго изобрѣтенія и происхожденія, возникло оно изъ наблюденій надъ привычкой Тыркова ходить бочкомъ, а не прямо.

Кромѣ этой странности, у Тыркова было еще пристрастіе къ одному французскому выраженію, имъ особенно любимому, а именно: «Ma foi». Объ этомъ выраженіи упоминаетъ Кюхельбекеръ въ письмѣ къ Комовскому отъ 17 февраля 1823 г. изъ своего села Закупа. Въ письмѣ Кюхельбекеръ, между прочимъ, пишетъ Комовскому: «Ma foi!»—какъ говаривалъ товарищъ нашъ Тырковъ»¹⁾.

Въ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ 4 января 1826 г. мы находимъ извѣстіе, что «Тырковъ укатилъ въ свои помѣстья, но скоро возвратится».

Въ письмѣ Энгельгардта отъ 18 ноября 1829 г. сообщается Матюшкину, что онъ, т. е. Энгельгардтъ, предполагалъ 19 октября, въ день годовщины, предложить товарищамъ Матюшкина написать ему коллективное письмо, «но эта сходка по какому-то недоразумѣнію не сошлась». Вслѣдствіе этого товарищи раздѣлились и обѣдали двумя группами. Такъ, у Тыркова собралось три человѣка, а у Дельвига четыре, такъ что Энгельгардтъ не зналъ, куда ѣхать, и оставался дома.

Здѣсь кстати можно упомянуть, что лицейскія годовщины праздновались то у одного, то у другого изъ воспитанниковъ перваго курса Лицея: сперва у А. Д. Тыркова, потомъ у М. Л. Яковлева. Изъ сохранившихся протоколовъ лицейскихъ годовщинъ интересенъ протоколъ 1828 г., собственноручно писанный Пушкинымъ: «Собралися на пепелище скотобратца курнофеіуса Тыркова, по прозванію кирпичнаго бруса, 8 человѣкъ скотобратцевъ»²⁾.

Кличка «кирпичный брусъ» была дана Тыркову за его тѣлосложеніе и цвѣтъ лица. М. Корфъ объясняетъ названіе «кирпичный брусъ» тѣмъ, что у Тыркова цвѣтъ лица былъ какой то смугло-бурый. Въ этой сходкѣ принимали участіе слѣдующія лица: Дельвигъ, Иличевскій, Яковлевъ, Корфъ, Стевень, Тырковъ, Комовскій и Пушкинъ. Протоколъ этотъ интересенъ во многихъ отно-

¹⁾ Я. К. Гротъ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 257.

²⁾ «Скотобратцами» называли себя въ шутку воспитанники перваго курса Лицея вслѣдствіе того, что въ ихъ рукописномъ журналѣ «Лицейскій Мудрецъ» были помѣщены каррикатуры, изображавшія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ видѣ животныхъ.

шеніяхъ. Между прочимъ, въ немъ воспитанники названы лицейскими кличками, которыми они и подписались.

Въ этомъ же протоколѣ говорится: «Олосенька (т. е. Алексѣй Илличевскій) въ видѣ тамбуръ-мажора утѣпаль собравшихся; Тырковіусъ безмолвствоваль» ¹⁾).

Приведенное выше выраженіе «Курнофеіусъ», которымъ Пушкинъ назвалъ Тыркова, означаетъ, какъ объ этомъ говоритъ Модестъ Корфъ, что Тырковъ былъ курносимъ. Такая форма носа не осталась незамѣченною его товарищами и обезсмертена въ «національныхъ тѣсняхъ» слѣдующими стихами:

«Курносый Кепъ
Грядеть, какъ Фебъ,
И поправляетъ роги;
Рыжакъ ²⁾ Кабудъ
Съ слезами въ судъ
Передвигаетъ ноги».

Какъ извѣстно, у Тыркова, по выходѣ изъ Лицея, очень часто первокурсники собирались для празднованія лицейскихъ годовщинъ 19 октября. Уже въ Лицеѣ проявлялась эта любовь его къ собранію вокругъ себя своихъ товарищей и стремленіе къ объединенію ихъ въ тѣсную семью. Въ лицейскихъ журналахъ и въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ мы находимъ указанія на это. Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи «Описаніе паясовъ» ³⁾:

«Здѣсь надъ паясами главою
Поставленъ безъ царя Тырковъ:
Являетъ всѣмъ примѣръ собою
И у него паясамъ кровь.
Министръ въ Лицеѣ преизвѣстный
Есть Яковлевъ комедіантъ,
Поэтъ Олесинка извѣстный
У Тырко-Синуса Драбантъ».

Подъ «Олесинкой», какъ извѣстно, подразумѣвается Илличевскій. Кромѣ кличекъ Тыркова: «тыркусъ», «тырковіусъ», «курносый кепъ» (что значитъ «кепъ», намъ неизвѣстно, какъ и Константину Яковлевичу Гроту), его называли еще «курнофеіусъ» и «кирпичный брусъ». Въ смѣси журнала «Мудрецъ-Поэтъ» или «Лицейская Антологія» въ стихотвореніи 1813 г., подъ

¹⁾ Лицейскія годовщины, въ книгѣ Я. К. Грота: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 81—82, а также: Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время, В. Гаевскаго. («Отечественныя Записки» 1861 г., т. СХХХІХ, стр. 29—41).

²⁾ Вѣроятно, Саврасовъ.

³⁾ См. К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей. Спб., 1911 г., стр. 212.

заглавіемъ «Паясы», мы находимъ перечень всѣхъ этихъ шуточныхъ кличекъ. Вотъ они:

«Паясы! Тыркусъ брусъ кирпичной
Надъ вами сдѣланъ головой,
За нимъ весь штабъ его отличной:
Италианецъ—Графъ съ лѣвшею ¹⁾);
Мишукъ—паясъ первостепенный,
Гераковъ—Глинка—музыкантъ
И скоморохъ—комедіантъ ²⁾).
Оллеса ³⁾ съ коробомъ, безсмѣнный
У Тырки-Синуса драбантъ.
Смотрите—вотъ и наша птичка,
Вотъ проповѣдница—лисичка... ⁴⁾
Костенскій же со славой тамъ
Съ Ерышей-Гришею толкуеть,
А Мясоѣдовъ вальсируетъ
И носъ возноситъ къ небесамъ;
А тамъ высокій и рогатый,
Какъ башня, Масловъ возстаеть,
При немъ Суворочка ⁵⁾ идетъ
Баяцынка черноусатый... ⁶⁾».

Въ шуточномъ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ ноября 1829 года объ «отставныхъ» товарищахъ мы читаемъ: «Тырковъ. Новгородскій помѣщикъ, лѣтомъ живеть въ деревнѣ, гдѣ строить огромный домъ и разводить садъ, а къ зимѣ является сюда, гдѣ, молча, угащиваетъ пріятелей хорошими обѣдами и винами».

Въ письмѣ къ Матюшкину отъ 7 апрѣля 1830 г. Энгельгардтъ пишетъ: «Тырковъ строить у себя въ деревнѣ новый домъ по моему плану и подъ моимъ руководствомъ, а нынѣшняго лѣта станемъ разводить и садъ». Наконецъ, въ письмѣ къ нему же отъ 22 января 1831 г. Энгельгардтъ сообщаетъ слѣдующее: «Тырковъ, какъ и прежде, зимнимъ путемъ пріѣзжаетъ сюда съ большимъ обозомъ мерзлыхъ гусей и другихъ жизненныхъ припасовъ, и какъ съѣсть ихъ, то отправляется опять въ деревню, гдѣ по сдѣланному мною плану строить домъ и и разводить садъ».

Въ письмѣ Яковлева къ Вольховскому отъ 24 ноября 1836 г. Яковлевъ сообщаетъ, что «Тырковъ, по словамъ его любезнаго брата, совсѣмъ рехнулся.

¹⁾ Гр. Брогліо.

²⁾ Яковлевъ.

³⁾ Иллйчевскій.

⁴⁾ Комовскій.

⁵⁾ Вольховскій.

⁶⁾ См. К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей, стр. 313—314.

Онъ сидитъ запершись въ комнатѣ, вырѣзываетъ бумажки и пускаетъ ихъ на произволъ вѣтра».

Модестъ Корфъ въ своемъ Дневникѣ дѣлаетъ слѣдующую характеристику Тыркова: «Александръ Дмитріевичъ Тырковъ былъ выпущенъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ, но не долго пробылъ на службѣ и поселился въ Новгородской своей деревнѣ, кажется, отставнымъ поручикомъ. Тамъ спустя нѣсколько лѣтъ, въ которыя мы видывали его наѣздомъ въ Петербургѣ, ему вздумалось еще сойти съ ума и скоро послѣ того онъ умеръ»¹⁾.

Собирая біографическія свѣдѣнія о Тырковѣ, мы обратились къ Новгородскому Губернскому Предводителю дворянства, князю Васильчикову, о сообщеніи намъ нѣкоторыхъ свѣдѣній объ А. Д. Тырковѣ, имѣющихся въ мѣтномъ архивѣ Новгородскаго депутатскаго дворянскаго собранія. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ о дворянствѣ рода г. г. Тырковыхъ не нашлось никакихъ свѣдѣній, относящихся до Александра Дмитріевича Тыркова, о чемъ князь Васильчиковъ любезно и сообщилъ намъ. Въ томъ же письмѣ²⁾ князь Васильчиковъ прибавляетъ: «Изъ разсказовъ родственныхъ г. Тыркова узналъ лишь то, что онъ проживалъ въ имѣніи своего брата, у с. Вергежа на рѣкѣ Волховѣ, Новгородскаго уѣзда, гдѣ и умеръ душевно-больнымъ».

По словамъ его племянника, Владиміра Алексѣевича Тыркова, у Александра Дмитріевича было имѣніе въ 18 верстахъ отъ Любани. Называлось оно «Апракинъ Боръ» и состояло изъ 7000 десятинъ. Въ этомъ имѣніи онъ, кажется, и строилъ домъ по плану, какъ мы видѣли выше, Энгельгардта, но ему не пришлось въ немъ жить, такъ какъ онъ заболѣлъ психически, и братъ взялъ его въ свое имѣніе въ с. Вергежѣ на рѣкѣ Волховѣ, въ 13 верстахъ отъ станціи Волховъ. Имѣніе же Александра Дмитріевича послѣ его смерти было куплено г. Стобеусомъ.

Александръ Дмитріевичъ Тырковъ умеръ 7 ноября 1843 г., какъ значится на его могильной плитѣ; погребенъ въ Соснинской Пристаніи на кладбищѣ при церкви во имя Св. Николая Чудотворца, Новгородской губерніи и уѣзда, Спасско-Полиетской волости, станція Спасская Полисть.

Братъ лицеиста, коллежскій ассесоръ Алексѣй Дмитріевичъ Тырковъ, былъ Новгородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. О немъ есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ печатныхъ источникахъ. Такъ, на примѣръ, о немъ упоминается въ статьѣ: «Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева» (изъ разсказа отставнаго штабъ-капитана Евгенія Михайловича Романовича), напечатанной въ «Рус. Арх.» 1868 г. (стр. 288), и тамъ же (стр. 951 — 958) въ статьѣ Алексѣя

¹⁾ Изъ Дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. II). («Рус. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, іюнь, стр. 551).

²⁾ Письмо отъ 22 мая 1898 г. за № 316.

Платоновича Бровцына: «Опроверженіе разсказа о кончинѣ графа Аракчеева» (что Алексѣй Дмитріевичъ Тырковъ взялъ ключи отъ стола Аракчеева и потомъ запечаталъ,—стр. 956) ¹⁾).

У Межова упоминается ошибочно объ Александрѣ Дмитріевичѣ Тырковѣ, что будто бы онъ написалъ статью: «Изъ Аракчеевской переписки 1805—1833 г.» («Вѣстникъ Европы» 1870 г.). Между тѣмъ это собраніе писемъ подписано двумя буквами: «М. М.» и кончается оно письмомъ А. Тыркова, т. е. Алексѣя Дмитріевича Тыркова, Новгородскаго уѣзднаго предводителя дворянства,— о присутствіи его при крещеніи Великаго Князя въ 1831 г. Межовъ же или, лучше сказать, дѣвчонки и мальчишки, составлявшіе для него каталогъ въ Публичной Библіотекѣ, приняли подпись подъ послѣднимъ письмомъ за имя автора статьи, такъ какъ этимъ письмомъ кончалась статья.

А. Тырковъ участвовалъ въ депутаціи мѣстнаго дворянства, отправленной къ Императору Николаю I послѣ усмиренія бунта военныхъ поселянъ въ іюнѣ 1831 г., съ изъявленіемъ чувствъ признательности за возстановленіе спокойствія и съ принесеніемъ поздравленій съ рожденіемъ сына—Великаго Князя Николая; депутація представлялась въ Царскомъ Селѣ 22 августа 1831 г. ²⁾).

Вѣроятно, объ этомъ же Тырковѣ упоминается, какъ объ уѣздномъ судѣ изъ помѣщиковъ, по поводу одного дѣла, разбиравашагося въ Новгородскомъ уѣздномъ судѣ 29 октября 1827 г. ³⁾).

Въ запискахъ И. А. Никотина упоминается объ одномъ Тырковѣ, бывшемъ чиновникомъ особыхъ порученій при В. И. Назимовѣ, которому онъ приходился племянникомъ ⁴⁾).

Фамилія Тырковыхъ встрѣчается уже въ указѣ отъ 20 января 1716 г., гдѣ мы читаемъ, что для надзора за домами и деревнями генераль-адъютанта Ягужинскаго были назначены: «изъ дворянъ Благинъ и Тырковъ» ⁵⁾).

У Алексѣя и Александра Дмитріевичей была еще сестра Варвара Дмитріевна, бывшая замужемъ за княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, братомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія.

Нѣкоторыми свѣдѣніями объ Александрѣ Дмитріевичѣ Тырковѣ мы обязаны Владиміру Алексѣевичу Тыркову, который скончался 30 апрѣля 1912 года. Вотъ

¹⁾ По словамъ его сына, Владиміра Алексѣевича, отецъ его завѣдывалъ дѣлами графа Аракчеева; поэтому онъ и запечаталъ, по смерти Аракчеева, его бумаги не только какъ уѣздный предводитель дворянства, но и какъ ближайшій къ Аракчееву человекъ.

²⁾ «Рус. Стар.» 1873 г., т. VIII, стр. 411—414.

³⁾ «Рус. Стар.» 1899 г., т. IC, августъ, стр. 322—324.

⁴⁾ «Рус. Стар.» 1902 г., т. CXI, июль, стр. 62.

⁵⁾ Бантышъ-Каменскій: «Обзоръ», I, 258—259; М. Семевскій: «Царица: Праксыва», 2 изд., 83.—См. ст. А. А. Голомбѣвскаго: «Сотрудникъ Петра Великаго II. И. Ягужинскій». («Рус. Арх.» 1903 г., 7, стр. 378).

что говоритъ некрологъ его, напечатанный въ «Новомъ Времени» отъ 1 (14) мая 1912 г., № 12979: «Въ ночь на 30 апрѣля скончался послѣ кратковременной болѣзни на 78 году жизни д. с. с. Владиміръ Алексѣевичъ Тырковъ. Покойный получилъ образованіе въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія. Одного выпуска съ нимъ были такіе государственные дѣятели, какъ покойные министръ юстиціи Н. А. Манасѣинъ, сенаторы В. И. Бартеневъ, Н. Г. Принтцъ, В. А. Половцевъ. Покойный принималъ участіе въ осуществленіи великихъ реформъ Императора Александра II сначала въ должности мирового посредника перваго призыва, затѣмъ гласнымъ новгородскаго уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній и почетнымъ мировымъ судьей, былъ судебнымъ слѣдователемъ и мировымъ судьей гор. Петербурга. Послѣдующую службу онъ провелъ въ министерствѣ финансовъ. Связь его съ столичнымъ мировымъ съѣздомъ не прерывается до конца его дней. При учрежденіи въ Петербургѣ общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ литейно-рождественскаго отдѣла. Въ теченіе долгихъ лѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ обществѣ попеченія о слѣпыхъ. На своей родинѣ онъ на собранныя имъ пожертвованія построилъ хорошій каменный храмъ. При его энергичномъ содѣйствіи было открыто нѣсколько школъ; для одной изъ нихъ онъ пожертвовалъ участокъ земли изъ своей родовой усадьбы; онъ же учредилъ въ Новгородскомъ уѣздѣ чудовское сельско-хозяйственное общество».

28.

Графъ СИЛЬВЕРІЙ ФРАНЦЕВИЧЪ

БРОГЛІО

Шевалье де-Касальборгоне.



Графъ БРОГЛЮ.

Графъ Сильверій Францевичъ Броглио

Шевалье де-Касальборгоне.

(Род. 20 іюня 1799 г. (новаго стиля), † въ Греціи между 1822—1825 г.г.).

«И ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее—завѣса!»

Пушкинъ: «Пирующіе студенты».

Когда-то Петръ Великій искалъ на Западѣ людей образованныхъ, людей съ техническимъ образованіемъ, чтобы ими поднять умственный кругозоръ своихъ подданныхъ. Затѣмъ Россія стала наводняться не только людьми съ техническимъ образованіемъ, но зачастую людьми, которые искали въ Россіи легкой наживы, такъ называемыми авантюристами. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ извѣстный Казанова, хотя человекъкъ безспорно талантливый. Французская революція наслала въ Россію еще новую толпу авантюристовъ изъ разныхъ слоевъ французскаго общества, по преимуществу толпу высшаго круга: тутъ были короли, маршалы, придворные, дворяне и разночинцы, которые не только появлялись въ ней въ видѣ метеоровъ, но оставались въ Россіи жить, если не навсегда, то на продолжительное время. Къ числу такихъ авантюристовъ долженъ быть причисленъ итальянскій отпрыскъ древней фамиліи графовъ Бролья Шевалье де-Касальборгоне (отъ фамильнаго замка Castel Borgone).

Родъ графовъ Бролья, происходящій, какъ мы увидимъ ниже, изъ итальянскаго города Кіери, уже въ древнія времена раздѣлился на двѣ отрасли: одна часть ихъ осталась въ Италіи, другая же часть переселилась во Францію, гдѣ они занимали выдающіяся должности и достигли званія маршаловъ, герцоговъ и князей Священной Римской Имперіи.

Колыбелью рода Бролья былъ, какъ мы увидимъ ниже, городъ Кіери въ Ломбардіи, управлявшійся семью дворянскими аристократическими фамиліями: Вальби, Грибальденги, Мерленги, Альбизани (или Кости), Меркандильи, Бенци и

Пилоли. Когда въ 1347 году намѣстникъ императора маркграфъ Монферратъ одержалъ блестящую побѣду надъ республикою Кіери, то, само собой разумѣется, послѣ этого городъ, а, слѣдовательно, и правяція имъ 7 дворянскихъ семей, утратили въ значительной степени свое вліяніе и власть. Особенно много потеряла при этомъ, утративъ свое бывшее значеніе, фамилія Гримальди, о которой въ мѣстныхъ документахъ упоминается ранѣе 1254 года и отдѣльные представители которой носили разныя фамиліи, по мѣстожительству отдѣльныхъ семей, какъ то: де-Гримальденгисъ, де-Брольи, де-Булліо, де-Моффа.

Все они, не исключая семьи де-Брольп, вымерли, такъ что къ 1500 году изъ нихъ не осталось никого въ живыхъ. Родоначальникомъ князей де-Брольи былъ Мартинъ Брольи де-Гримальденгисъ (1436 — 1437). Его внукъ, Піетро де-Брольи, приобрѣлъ ленное имѣніе Сангенъ и часть пастбищъ Броліо и Кіери. Сынъ его Бернардинъ и внукъ Амедей были камергерами герцоговъ Савойскихъ; сынъ же послѣдняго, Франсуа-Мари, первый поступилъ на службу, сперва въ Савоѣ, въ качествѣ камергера и капитана; получивъ отъ герцога 11-го ноября 1643 г., въ награду, графство Ревель, въ Пьемонтѣ, онъ въ 1644 году перешелъ на службу во Францію.

Нѣкоторые изъ этихъ французскихъ Брольи бывали и живали въ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ, переселившіеся въ Россію, отличились на ратномъ полѣ. Хотя насъ не интересуетъ судьба французской отрасли семейства Брольи, намъ, однако, кажется, что здѣсь будетъ вполне уместнымъ упомянуть въ общихъ чертахъ о генеалогіи французской вѣтви, изъ которой нѣкоторыя лица состояли на русской службѣ.

Мы уже выше сказали, что Франсуа-Мари графъ де-Броль-Ревель былъ приглашенъ вступить на французскую службу королю по рекомендаціи герцога Даркурта (d'Harcourt). Послѣ осады города Кони, въ которомъ графъ Броль былъ губернаторомъ, онъ перешелъ, съ согласія Туринскаго двора, на службу Франціи и командовалъ сперва итальянскимъ кавалерійскимъ полкомъ, шефомъ котораго былъ кардиналъ Мазарини. Въ 1652 году онъ былъ принятъ во французское подданство и былъ убитъ въ 1656 году, при осадѣ Валенсіи (Valence sur le Rhône)¹⁾. Сынъ его, Викторъ-Маврикій (Victor-Maurice) графъ Броль, съ 1724 года былъ французскимъ маршаломъ. Франсуа-Мари графъ де-Броль, сынъ Виктора-Маврикія, былъ посланникомъ въ Англіи въ 1724 году, а въ 1734 году былъ

¹⁾ Въ Исторической хронологіи города Кіери г-на Тессіоре (du-Tessiore) въ числѣ замѣчательныхъ гражданъ этого города указывается капитанъ Франческо Брольа, сдѣлавшійся потомъ родоначальникомъ французской отрасли герцоговъ Брольи. Хронологія прибавляетъ, что Франческо Брольа отличился на службѣ у короля Эммануила I и затѣмъ у кардинала Маврикія Савойскаго и графа Даркурта. Переидя на службу во Францію, онъ былъ, между прочимъ, губернаторомъ Бастиліи и намѣстникомъ Фландріи; умеръ 2 іюля 1656 г., въ Валенсіи.

назначенъ французскимъ маршаломъ. Будучи главнокомандующимъ въ Италіи и Германіи, онъ одержалъ побѣды при Гуастала (Guastalla) и Сальке (Salcay) и былъ пожалованъ званіемъ герцога, а его земли въ 1742 году были признаны наследственнымъ герцогствомъ. Его старшій сынъ, Викторъ-Франсуа герцогъ де-Броль, одержалъ побѣду при Бергенѣ, и въ награду за его службу императоръ пожаловалъ ему и всѣмъ его потомкамъ титулъ князя Священной Римской Имперіи въ 1759 году, а маршаломъ Франціи онъ былъ назначенъ въ 1762 году.

Этотъ Викторъ-Франсуа герцогъ де-Броль во время революціи пріѣхалъ въ Россію, и императоръ Павелъ принялъ его въ русскую службу. Здѣсь его стали называть: «Дюкъ де-Броглю». По этому поводу состоялся слѣдующій приказъ: «1797 г. октября 30. Высочайшимъ приказомъ 26 октября въ гор. Гатчинѣ французской королевской службы генераль-фельдмаршалъ Дюкъ де-Броглю принятъ въ російскую императорскую службу въ томъ же генераль-фельдмаршалскомъ чинѣ (№ 87)» ¹⁾. Онъ былъ въ числѣ роялистовъ, бѣжавшихъ въ Россію съ Людовикомъ XVIII-мъ ²⁾.

По Grande Encyclopédie (стр. 106, т. VIII) это былъ Викторъ-Франсуа герцогъ де-Броль, родившійся 19 октября 1718 года, ум. 30 мая 1804 года, перешедшій на службу въ Россію въ 1799 году ³⁾ (какъ мы видѣли выше, это совершенно невѣрная дата). Онъ былъ женатъ дважды: первый разъ на Marie Anne du Bois de Villers 2 мая 1736 г. и второй разъ — на Louise Augustine Selbigothon de Crozat de Thiers 11 августа 1752 г. Отъ первой жены онъ имѣлъ четверыхъ дѣтей, отъ второй — девятирехъ. Объ одной изъ дочерей его мы скажемъ ниже.

Братъ маршала (предыдущаго), Шарль-Франсуа графъ де-Броль, представитель третьяго колѣна этого рода, родился 20 августа 1709 года, умеръ 6 августа 1781 года. Былъ французскимъ посланникомъ въ Польшѣ около 1758 года. «Отличавшійся горячностью и заносчивостью», онъ едва не поссорилъ кабинеты Петербургскій и Версальскій и былъ отозванъ. Противъ него былъ король Августъ, графъ Брюль, а также дочь Польскаго короля, супруга дофина ⁴⁾.

Его сынъ интересенъ намъ тѣмъ, что онъ былъ позже на русской службѣ. Этотъ сынъ — Фердинандъ-Франсуа графъ Броль — род. въ Парижѣ 30 января 1768 года. Назначенъ драгунскимъ капитаномъ 26 апрѣля 1788 г. Получилъ

¹⁾ «Рус. Стар.» 1874 г., кн. XI, стр. 786.

²⁾ См. «Людовикъ XVIII въ Россіи», ст. Д. Рябикина. «Рус. Арх.» 1877 г., кн. 9, стр. 50. А также: «Къ исторіи вторичнаго пребыванія въ Митавѣ французскаго короля Людовика XVIII», Е. Чешихина. «Рус. Арх.» 1888 г., кн. 7, стр. 269.

³⁾ Вѣроятно, о немъ упоминаетъ Вантышъ-Каменскій въ письмѣ къ князю Куракину отъ 25 августа 1792 г., что Брольо разбилъ принца Гогенлоге. См. «Рус. Арх.» 1876 г., кн. 11, стр. 273.

⁴⁾ Записки гр. А. Р. Воронцова. «Рус. Арх.» 1883 г., кн. 1, стр. 256.

отъ короля разрѣшеніе продолжать свое образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ, почему посѣтилъ университеты въ Геттингенѣ и Лейпцигѣ, гдѣ его и застала революція. Онъ вернулся во Францію, къ войску, подъ королевскія знамена и сдѣлалъ походъ 1792 г., какъ капитанъ генеральнаго штаба, причемъ 11 сентября того же года произведенъ былъ въ кавалерійскіе полковники. Съ этимъ чиномъ онъ перешелъ на службу въ Россію 21 апрѣля 1795 г., подъ начальство Суворова и князя Рѣпина. Въ Персидскую войну онъ командовалъ Кинбурнскимъ полкомъ. Получивъ, 12 января 1798 г., чинъ генералъ-маіора, онъ командовалъ (il commanda en chef) Ямбургскимъ кирасирскимъ полкомъ въ Польшѣ и на границѣ Грузіи (Géorgie).

Въ русскомъ формулярѣ объ этомъ графѣ Броль сказано слѣдующее: «Генералъ-Маіоръ графъ Фердинандъ Карловичъ де-Броль, 30 лѣтъ, французской нации, изъ дворянъ, принятъ изъ французской службы полковникомъ 1795 г. апрѣля 21 въ софейской (Софійскій) Карабинерный, что нынѣ Кирасирскій (полкъ) 1795 г. апрѣля 21. Всемилостивѣйше пожалованъ Генералъ-Маіоромъ и Шефомъ 1798 г. генваря 12 въ Ямбургскій кирасирскій полкъ, назначенъ командиромъ сего полка—1798 г. іюля 25. Во время службы своей въ походахъ и у дѣлъ противъ непріятеля гдѣ и когда былъ: въ 1796 г. въ Персіи. Грамотѣ по-російски, по-французски и по-нѣмецки умѣетъ. Холоствъ. Въ комплектѣ по подку».

Приказомъ 2 октября 1798 года де-Броль отставленъ отъ службы и изъ полка выключенъ (2-го ноября 1798 г.). «По Всемилостивѣйше подносимому отъ Военной Коллегіи докладу 18 сентября 1801 г. Высочайше повелѣно производить положенное жалованье». (Извлечено изъ майскаго списка мѣсячнаго рапорта Брольи за 1798 г., отъ 1-го іюня. № 163. Г. Житомиръ).

Вступивъ на службу во Франціи 4 іюня 1814 года, съ званіемъ *maréchal de camp*, соотвѣтствующимъ чину генералъ-майора, онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Людовика 25 сентября 1815 года, а затѣмъ послѣдовательно кавалеромъ, офицеромъ и командоромъ ордена Почетнаго Легіона—21 февраля 1816 г., 18 мая 1820 г. и 1 мая 1821 г. Онъ командовалъ нѣсколькими *Subdivisions militaires* въ департаментѣ Шарантъ (Charente) съ 25 октября 1815 г. по 21 апрѣля 1820 г., затѣмъ 2-ю *Subdivision de la 20 division militaire* (Lot et Garonne) по 5-ое іюля 1821 г. и, наконецъ, la 2-e *Subdivision de la 18-e division militaire* (Aube) по іюнь 1822 г. Въ 1823 г., 2 октября, командовалъ la 3-e *Subdivision de la 7 division*, находившеюся въ департаментѣ Haut-Alpes, и былъ назначенъ 21 апрѣля 1825 года командовать la 2-e *Subdivision de la 20-e division militaire à Agen* ¹⁾.

¹⁾ См. *Histoire généalogique et Héraldique des Pairs de France...* par M. le Chevalier de Courcelles. Paris. 1826. Broglie p. p. 93—94. См. также: *Histoire généalogique et chronologique de la Maison Royale de France etc.* Par le P. Anselme, Augustin Déchaussé: continuée par M. Du Fourny. Tom 7.

Мы упомянули о маршалѣ Викторѣ-Франсуа герцогѣ де-Броль, что у него было отъ первой жены четверо дѣтей, отъ второй—девять человекъ дѣтей. Изъ этихъ 13 дѣтей только двое оставили послѣ себя потомство: 1) Карль-Людвигъ-Викторъ, представитель старшей линіи. Его сынъ, Ахилль-Карль-Леонсъ герцогъ Броль, князь Священной Римской Имперіи, родился 1 декабря 1785 года; женился въ 1816 г., на дочери знаменитой Сталь—Альбертинѣ, овдовѣлъ 22 сентября 1838 г. и умеръ 25 января 1870 года. Его сынъ, Альбертъ, родившійся 13 июня 1821 г., извѣстенъ своимъ первокласснымъ литературнымъ талантомъ, былъ министромъ въ июльской монархіи ¹⁾, и 2) Августъ-Иосифъ князь де-Броль-Ревель, представитель младшей линіи.

Фамилія Броль встрѣчается часто въ русской исторической литературѣ, въ историческихъ журналахъ и запискахъ современниковъ. Вигель, Бантышъ-Каменскій, братья Булгаковы упоминаютъ фамилію Броль. Такъ, напримѣръ, Бантышъ-Каменскій въ письмѣ къ князю Куракину, отъ 16 мая 1795 г., упоминаетъ о слѣдующемъ фактѣ, гдѣ фигурируетъ одинъ изъ этихъ Броль. Вотъ что онъ пишетъ: «7 мая (1795 г.) въ петербургскомъ театрѣ произошла нехорошая исторія. Французъ полковникъ нашей службы и кавалеръ Саксъ, поссорясь съ гвардіи офицеромъ кн. Щербатовымъ (меньшимъ сыномъ кн. Григоріи Алексѣевича), ударилъ нашего въ рожу. Сей, имѣя палку въ рукахъ, раскрылъ ему лобъ до крови. За француза вступились французъ Брольо и англичанинъ Макартней; но оберъ-полицеймейстеръ, всѣхъ забравъ подъ стражу, донесъ Государынѣ. Тотчасъ сіе послѣдовало рѣшеніе: Кн. Щербатова выпустить, а чужестранцевъ выслать за границу, которые въ ту же ночь въ кибиткахъ выпровожены» ²⁾.

Во время эмиграціи послѣ французской революціи много представителей французской знати переселилось въ Россію. Кристина въ письмѣ къ княжнѣ Туркестановой упоминаетъ о принцахъ Бролио, объ Эммануэлѣ, о Ланжеронѣ, «которые не измѣнились и никогда не выходили изъ прямой колѣи, имѣли въ виду только своего короля, свою честь и свою даму, а потому и не примкнули къ Наполеону» ³⁾.

Въ это же время пріѣхала въ Россію княгиня Броль-Ревель ⁴⁾, невѣстка

¹⁾ О немъ упоминается въ воспоминаніяхъ А. П. Бутенева. «Рус. Арх.» 1883 г., кн. 1, стр. 21. Далѣе Бутеневъ упоминаетъ, что жена барона Николаи была урожденная княжна Броль. Баронъ Николаи былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. При князѣ Ливенѣ онъ былъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ, потомъ болѣе 20 лѣтъ посланникомъ въ Копенгагенѣ, а затѣмъ—не у дѣль. Къ сожалѣнію, Бутеневъ не сообщаетъ болѣе подробныхъ генеалогическихъ свѣдѣній о женѣ Николаи. См. тамъ же, стр. 25 и 27.

²⁾ «Рус. Арх.» 1876 г., кн. 12, стр. 409.

³⁾ Письмо Кристины къ княжнѣ Туркестановой отъ 27 августа 1814 года. «Рус. Арх.» 1882 г., кн. II, стр. 434.

⁴⁾ Эти свѣдѣнія заимствованы изъ частнаго письма ко мнѣ герцога Броль отъ 13 января 1899 г.; я коснусь его ниже.

(belle-fille) маршала, и была принята очень радушно императрицей Елизаветой Алексѣвной, супругою императора Александра I-го.

Добродѣтель и доброта Елизаветы Алексѣвны была всеѣмъ извѣстна, и ее воспѣлъ Пушкинъ:

« . . . Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененной душой,
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой —
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа».

Съ княгиней Броль-Ревель пріѣхали ея сыновья, которые поступили въ русскую армію. Благодаря милостямъ императрицы, они, кажется, были зачислены въ Семеновскій полкъ.

И, дѣйствительно, мы находимъ въ періодъ съ 1801 по 1820 годъ ротными командирами Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Бролио: 1) въ 1812 г. — подъ Бородинымъ 2-ой гренадерской роты штабсъ-капитанъ князь де-Бролио-Ревель; 2) въ 1813 году — подъ Кульмомъ 2 гренадерской роты капитанъ князь Бролио ¹⁾).

Въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля (часть 2-ая, гл. 3-я, стр. 33) упоминается объ убитомъ въ войнѣ съ французами Бролио (какого — намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно).

Среди всеѣхъ этихъ Бролио является очень интересною и громкою личностью графиня Анна Петровна Бролио, рожденная Левашова, вдова князя Александра Юрьевича Трубецкого ²⁾. «Эта женщина, — говоритъ Фердинандъ Кристинъ, — въ продолженіе долгаго времени была слишкомъ извѣстна Москвѣ подъ именемъ графини Анны Петровны» ³⁾).

Она была въ родствѣ съ женою князя П. А. Вяземскаго, которая приходилась ей племянницей по первому мужу. Жила въ Москвѣ, на Кудринской-Садовой, въ большомъ домѣ, нынѣ Добрынской, дворъ котораго выходитъ въ Георгіевскій переулокъ. Пушкинъ встрѣчался съ нею въ Москвѣ.

Какъ кажется, вторичное замужество Анны Петровны съ графомъ Броль было несчастливо. Это подтверждается письмомъ Александра Яковлевича Булга-

¹⁾ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій полкъ въ царствованіе Императоровъ Павла и Александра I-го, генер.-лейт. П. П. Карцова. «Рус. Стар.» 1883 г., т. XXXVIII, май, стр. 321.

²⁾ За которымъ была въ первомъ бракѣ, до 1805 года.

³⁾ Notice sur Ferdinand Christin par M-r de Wigaiel (tiré de ses Mémoires). «Рус. Арх.» 1883 г., т. 3, стр. 814.

кова изъ Москвы къ его брату отъ 29 августа 1808 года. Булгаковъ пишетъ. «Третьяго дня обѣдалъ я на званомъ обѣдѣ у Бролио: молодой голышъ, который женился на вдовѣ князя Трубецкаго; ты ее видаль въ Марфинѣ; она родня графу Ивану Петровичу (Салтыкову) покойному и бойкая особа» ¹⁾.

Этотъ «голышъ» оказался вполне дрянною личностью: онъ обобралъ свою жену, увезъ все ея серебро и уже въ 1815 году очутился въ Парижѣ, гдѣ и кутилъ на награбленные деньги своей жены, постоянно вымогая присылку новыхъ субсидій. Жена его, графиня Анна Петровна, едва сводила концы съ концами, лавируя между вымогательствами своего мужа и обязанностями свѣтской женщины, вынужденная, по своему происхожденію и занимаемому ею въ аристократическихъ кругахъ Москвы положенію, жить открыто. Ею интересовались многіе и въ томъ числѣ княжна Варвара Ильинична Туркестанова. Изъ замѣчательной переписки княжны Туркестановой съ Кристинымъ мы узнаемъ нѣкоторыя подробности о семейномъ положеніи графини Бролио. На вопросъ княжны Туркестановой: что случилось съ графомъ Бролио? Кристинъ отвѣчаетъ ей въ письмѣ отъ 26 августа 1815 года: «Vous me demandez ce qu'est devenu le comte de Broglie; il est resté à Paris, où selon toute apparence il aura nagé entre deux eaux. Selon que son caractère l'y porte. Le tems nous apprendra ce qu'il en résultera pour lui; il a emporté tout l'argent qu'il a pu et il ne cesse d'en demander encore; sa pauvre femme travaille plus que ses forces ne le lui permettent pour faire face à tout et réparer les anciennes brèches» ²⁾.

Если судить по письмамъ Булгакова, Тургенева и другихъ, то можно заключить, что графиня Бролио въ Москвѣ вела открытый образъ жизни. Такъ, напримѣръ, А. И. Булгаковъ сообщалъ своей дочери, что онъ присутствовалъ на спектаклѣ у графини Бролио ³⁾.

Въ свою очередь, Тургеневъ сообщаетъ князю Вяземскому, что онъ обѣдалъ 16 ноября 1836 г. у гр. Бролио ⁴⁾.

Отъ 4 июня 1840 года Тургеневъ извѣщаетъ князя Вяземскаго: «Сегодня обѣдаю съ Мятлевымъ у Бролио» ⁵⁾.

Отношенія графини Анны Петровны къ Кристину были «притчею во языцѣхъ» для всей тогдашней Москвы, хотя въ этихъ отношеніяхъ не было ничего предосудительнаго и все это была одна только свѣтская клевета.

¹⁾ «Рус. Арх.» 1899 г., т. 9, стр. 69.

²⁾ Стр. 244. Изъ этой переписки мы можемъ указать на слѣдующія страницы: «Рус. Арх.» 1883 г., кн. I, стр. 497, 504, 506; № 2—508, 515, 521, 523, 543, 554; № 3—581, 586, 593, 601; № 4—608, 614, 627, 649.

³⁾ См. его письмо изъ Сокольниковъ отъ 19 іюля 1834 г.—«Рус. Арх.» 1906 г., кн. 7, стр. 428 и 430.

⁴⁾ «Остафьевскій Архивъ», т. III, стр. 362, письмо № 791.

⁵⁾ «Остафьевскій Архивъ», т. IV, стр. 118, письмо № 858.

Графиня Анна Петровна была такъ расположена къ Крестину, что взяла на себя хлопоты устроить для него на его деньги домъ въ Москвѣ. Сообщая объ этомъ княжнѣ Варварѣ Туркестановой, Крестинъ замѣчаетъ: «...c'est pourtant cette Virginie contre laquelle on se déchaîne à l'envie et dont on a essayé par mille moyens de me détacher, tandis que je ne voit en elle qu'une amitié constante que rien ne fatigue ni ne détourne de son objet, un coeur d'or et des vertus qui la mettent à mes yeux bien au-dessus des ses détracteurs; jamais peut-être il n'y eut une âme plus véritablement généreuse et dépouillée des petitesse qui paraissent si souvent dans le caractère des ces femmes qui se croient de droit de la déprécier» ¹⁾).

Такимъ образомъ, связи разныхъ членовъ семейства Бролио съ Россіею были немаловажны. Какъ мы уже видѣли, одни изъ нихъ пользовались, какъ эмигранты, расположеніемъ Императрицы, чтобы пристроить своихъ дѣтей въ Россіи, другіе пріѣзжали въ Россію, чтобы послужить ей на полѣ брани, третьи заключали брачные союзы и, обобравъ своихъ женъ, уѣзжали въ Парижъ. Но и живущіе во Франціи пользовались подходящимъ случаемъ, чтобы напомнить о себѣ. Такъ, на примѣръ, въ бытность Императора Александра I-го въ 1818 году въ Парижѣ, ему представлялся 10 октября, въ числѣ другихъ, принцъ Бролио ²⁾).

Но, кромѣ этихъ представленій на мѣстѣ, представители этой фамилиі пріѣзжали и въ Россію. Такъ, на примѣръ, въ 1826 году на коронаціи Императора Николая I-го въ свитѣ маршала Мармона былъ герцогъ Броль, генералъ французской службы, занимавшій первое мѣсто въ свитѣ французскаго посла. На годичномъ торжественномъ собраніи въ Университетѣ 20-го мая 1826 г. среди этого многолюднаго собранія былъ и Дюкъ Бролио. Очень интересны разсужденія Никитенки по поводу впечатлѣнія, произведеннаго на него личною герцога Бролио: «Прекрасный мужчина. Черты лица его благородны и выразительны, движенія граціозны и непринужденны. Глядя на него, я понялъ, какъ далеки отъ своего образца наши подражатели французскаго стили въ обращеніи. Они перенимаютъ внѣшніе приемы и думаютъ, что въ этомъ все. Между тѣмъ имъ прежде всего слѣдовало бы проникнуться тѣмъ духомъ гуманности и общительности, какимъ преисполнены французы, а приемы явились бы уже сами собой, вмѣстѣ съ внутренней граціей, безъ которой не бываетъ внѣшней» ³⁾).

Наконецъ, я русскіе интересовались семьею Бролио. Это видно изъ письма Константина Яковлевича Булгакова къ брату отъ 30 іюля 1835 г., гдѣ онъ со-

¹⁾ Письма Крестина. «Рус. Архивъ» 1883 г., т. III, стр. 722.

²⁾ Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. «Рус. Стар.» 1897 г., т. XCII, декабрь, стр. 542.

³⁾ Дневникъ профессора А. В. Никитенко. «Рус. Стар.» 1889 г., т. LXI, февраль, стр. 310.

общаетъ ему о покушеніи на короля и его дѣтей. Говоря объ убитыхъ и раненыхъ, К. Я. Булгаковъ замѣчаетъ: « И Броліо получилъ контузію » ¹⁾).

Конечно, если бы братья Булгаковы не знали бы этого Броліо, то нечего было бы сообщать, что онъ контуженъ.

Мы старались упомянуть здѣсь о тѣхъ членахъ семейства Брольо, которые имѣли какое-либо отношеніе къ Россіи и, въ особенности, которые жили и служили ей и имена которыхъ занесены на страницы историческихъ журналовъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти лица были въ очень отдаленномъ родствѣ съ лицестомъ Броліо.

Лицействъ Броліо принадлежалъ къ той отрасли семейства, которая осталась въ Италіи при отдѣленіи другой ея вѣтви въ 1646 году и переселеніи ея во Францію ²⁾).

Это подтверждается еще письмомъ, полученнымъ нами отъ герцога де-Броль 13 января 1899 г., съ содержаніемъ котораго мы познакомимъ читателя ниже, а также и тѣмъ, что лицействъ Броліо былъ подданнымъ не французскаго короля, но короля Сардиніи.

Какимъ образомъ попалъ представитель итальянской отрасли графовъ Броль въ Россію? По этому вопросу даетъ намъ объясненіе герцогъ Броль, представитель нынѣшняго рода французской отрасли семейства Броль, который въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 13 января (по нов. стилю) 1899 года пишетъ слѣдующее:

« Принцесса де-Броль-Ревель, невѣстка маршала, была принята во время эмиграціи съ особенною милостію Ея Величествомъ Императрицею, супругою Александра I-го, и сыновья принцессы Броль служили въ русской арміи. Она воспользовалась этимъ Августѣйшимъ благоволеніемъ, чтобы выписать въ Россію и рекомендовать также милостивому вниманію Императрицы отрасль нашей фамиліи, которая отличалась отъ нашей и осталась въ Пьемонтѣ (колыбели рода Броліо) и которая была, повидимому, довольно бѣдна ».

По мнѣнію герцога Броль, принцесса Броль-Ревель ³⁾, вернувшись во Францію, не поддерживала никакихъ сношеній съ этою отраслью ихъ рода.

По поводу послѣднихъ словъ слѣдуетъ замѣтить, что неудовольствіе невѣстки маршала своимъ протезомъ объясняется измѣной молодого Бролья принципу роаялизма, измѣной своему монарху, какъ мы скажемъ про то ниже.

Невѣстка маршала рекомендовала итальянскихъ своихъ родственниковъ Шевалье де-Касальборгоне Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и Импе-

¹⁾ «Рус. Арх.» 1904 г., стр. 582.

²⁾ Франсуа-Мари графъ де-Ревель перешелъ, какъ мы выше уже видѣли, на службу во Францію въ 1644 году, а въ 1652 году перешелъ во французское подданство.

³⁾ Княжна Варвара Ильинична Туркестанова сообщаетъ Кристіану, въ письмѣ отъ 1-го ноября 1818 года, что она встрѣтилась въ Брюсселѣ съ своей знакомой — княгиней де-Броль-Ревель (стр. 72). Это, вѣроятно, та княгиня, о которой сказано выше.

ратору Александру I-му, подъ фамиліей графовъ Брольа, хотя безспорно знала, что хотя они и принадлежали къ роду Брольа, но, какъ младшая линія этого рода, уже потеряли право на титулъ графовъ де-Касальборгоне и назывались только Шевалье, какъ это мы увидимъ ниже при обзорѣніи родословія рода Брольа.

Какъ отецъ лицеиста, такъ и самъ Сильверій—лицеистъ— писались и назывались графами Брольо, д'Блая, впрочемъ, довольно странную для итальянца ошибку въ своей фамилии. Такъ, лицеистъ называетъ себя не графомъ Брольа, но вездѣ Брольо, а въ документахъ Лицея онъ называется уже попросту графъ Броглю. Эти документы не считаются съ итальянскимъ произношеніемъ, по которому буква «g» передъ «l» не произносится, поэтому фамилія эта читается «Брольо» или, какъ мы выше сказали, правильнѣе «Брольа». Но всего курьезнѣе, что самъ Сильверій въ альбомѣ Директора Лицея, Егора Антоновича Энгельгардта, подписанъ по-русски: «Броглю».

Мы упомянули выше, что родъ Брольа происходитъ изъ мѣстечка Кіери. Вотъ нѣкоторые свѣдѣнія объ этой колыбели рода Брольа.

Колыбелью этого древняго рода, процвѣтающаго донинѣ во Франціи, была древняя республика и городъ Карреа (Carea, Carium) въ Ломбардіи, о которыхъ упоминаетъ Плиніи Старшій. Республикѣ этой было нѣкогда подвластно до 40 городовъ; во главѣ ея управленія стояли представители аристократическихъ семей, по преимуществу члены семи дворянскихъ фамилій: Бальби, Грибальденги, Мерленги, Альбизани (или Кости), Меркандильи, Бенци и Пилоли. По повелѣнію Императора Фридриха I городъ былъ преданъ сожженію; въ 1300 году онъ былъ переименованъ въ Кіери (Chieri), а въ 1347 году, послѣ блестящей побѣды, одержанной императорскимъ намѣстникомъ маркграфомъ Монферратъ, былъ вынужденъ сдаться, но сохранилъ власть надъ 9 городами, съ титуломъ «графство»¹⁾.

По другимъ источникамъ исторія этого рода представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Родъ графовъ Брольа—одинъ изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ въ Европѣ. Родиной этой фамилии была Италія. Брольа были въ числѣ семи благородныхъ семействъ, основавшихъ республику и городъ Кіерь (Quiers) въ Ломбардіи, потомъ Кіери (Chieri) въ Пьемонтѣ—мѣсто погребенія Кавура²⁾. Первоначально

¹⁾ За сообщеніе этихъ свѣдѣній приношу мою глубокую благодарность Г-ну Ф. Кветчу изъ Майнца, автору интересной книги объ «Исторіи почтъ на Среднемъ Рейнѣ» («Geschichte des Verkehrswesens am Mittelrhein. Von den ältesten Zeiten bis zum Ausgang des achtzehnten Jahrhunderts. Nach den Quellen bearbeitet von Franz H. Quetsch». Freiburg im Breisgau. 1891 г.).

²⁾ Въ древности это Carea Potentia, нынѣ городъ въ провинціи и въ округѣ Турина, на желѣзной дорогѣ Туринъ-Кіери (Chieri). Городъ славится своимъ древнимъ соборомъ Санта-Марія де-ла-Скала. Это самый большой соборъ изъ построенныхъ въ 1405 г. въ Пьемонтѣ. Въ мѣстечкѣ Сантена—могила Кавура. Въ городѣ насчитывается болѣе 12 тысячъ жителей, есть Лицей, гимназіи, театръ, много фабрикъ—суконныя, бума-

это семейство носило фамилію Гримальди (Gribaldi) и происходило отъ Амори Гримальди (Amori Gribaldi), съ 950 г. Родословіе этого семенства можетъ быть прослѣжено въ восходящемъ порядкѣ вплоть до Губерта Брольа въ 1254 году. Въ 1350 году Жанъ Брольа былъ подестою города Кіера. Около 1390 года Франсуа Брольа былъ владѣтелемъ Асиза ¹⁾; за свою храбрость и талантливость онъ былъ извѣстенъ подъ кличкою «Капитанъ Брольа». Въ 1450 г. родъ графовъ Брольа раздѣлился на двѣ части: графы Брольа Касальборгоне (Casalborgone) остались въ Италіи и потомки ихъ еще въ 1858 г. жили въ Кіери, а другая отрасль этого семейства переселилась въ 1646 г. во Францію.

Городъ Кіери расположенъ на предгорьяхъ Турина и является конечною станціею на вѣтви желѣзной дороги Туринъ—Трафарелло—Кіери, на протяженіи 22 километровъ; городъ этотъ также соединенъ съ Туриномъ очень живописною проѣзжею дорогою въ 15 километровъ, которая, начинаясь отъ Мадонна-дель-Пелены, идетъ до Кіери, пересѣкая Реалье и деревню, называемую Пино-Торинези. Древній городъ Кіери, въ настоящее время богатѣющій отъ торговли, былъ цвѣтущимъ уже въ средніе вѣка, отъ которыхъ остались остатки стѣнъ и башенъ, а также руины двухъ замковъ; изъ нихъ Лярошета находится въ равнинѣ, а другой—Мира — находится на возвышенности. Въ Кіери находится площадь, нѣсколько дворцовъ и церквей, между которыми замѣчательна Дуомо или каедральная церковь, построенная въ началѣ XI вѣка. Эта церковь была перестроена въ 1400 г. и подвергалась передѣлкамъ и украшеніямъ. Теперь она является національнымъ памятникомъ. Всего больше обращаетъ на себя вниманіе Баптистерія или крестильни, современная основанію церкви; затѣмъ четырехугольная колокольня и фасадъ; внутренность ея—въ видѣ латинскаго креста, имѣетъ 75 метровъ длины, на 27 ширины; въ ней нѣсколько алтарей, украшенныхъ картинами Монкальво и Караваджіо, нѣсколько новѣйшихъ фресокъ Андрея Кастальди и Родольфа Моргари. Кромѣ того, въ ней находятся нѣсколько памятниковъ, подъ которыми погребены графъ Жанъ-Баптистъ Богино и графъ Просперъ и Цезарь Бальбо. Кромѣ собора, въ Кіери существуетъ еще церковь Св. Доминика отъ 13 вѣка и церковь Св. Филиппа, построенная по планамъ Ювара; эти церкви имѣютъ нѣсколько художественныхъ произведеній: такъ, въ первой мы находимъ нѣсколько замѣчательныхъ картинъ Монкальво, а во второй—нѣсколько картинъ художниковъ Легнанино (изъ Мплана) и Бомона. Кромѣ того, въ Кіери находится много над-

гопрядильныхъ, а также процвѣтаетъ производство шелковыхъ тканей. Это былъ епископскій городъ. Въ XI столѣтіи городъ освободился отъ власти епископовъ и сдѣлался республикою. Императоръ Фридрихъ I возвратилъ городъ епископамъ, но въ XVI столѣтіи республика Кіери подпала подъ власть Савойи.

¹⁾ Assisi—городъ и резиденція епископовъ въ провинціи Перуджіа, у подножія горы Аси и Субасіо, родина Св. Франциска (1182 г.), основавшаго здѣсь монастырь Convento sacro.

писей (inscriptions), много интересных съ исторической точки зрѣнія зданій и дворцовъ. Около церкви Св. Доминика находится монастырь, который подвергался осадѣ во время войнъ, происходившихъ въ Туринѣ съ 1427 по 1434 г. Изъ новѣйшихъ построекъ обращаютъ на себя вниманіе триумфальныя ворота, выстроенныя въ 1580 году герцогу Эмануилу Филеберу, и кладбище съ прекрасными скульптурами, открытое недавно. Кіери имѣетъ еще нѣсколько благотворительныхъ учрежденій; въ окрестностяхъ Сантена находится могила Кавура ¹⁾).

Въ этой могущественной и свободной общинѣ, по праву носившей названіе республики Кіера, наполнявшей своимъ именемъ и своею славою исторію Пьемонта, въ особенности 13 и 14 столѣтій, была колыбель рода Брольа. Здѣсь же былъ и ихъ родовой замокъ Касальборгоне, отъ котораго младшія линіи получили свои прозвища (фамиліи).

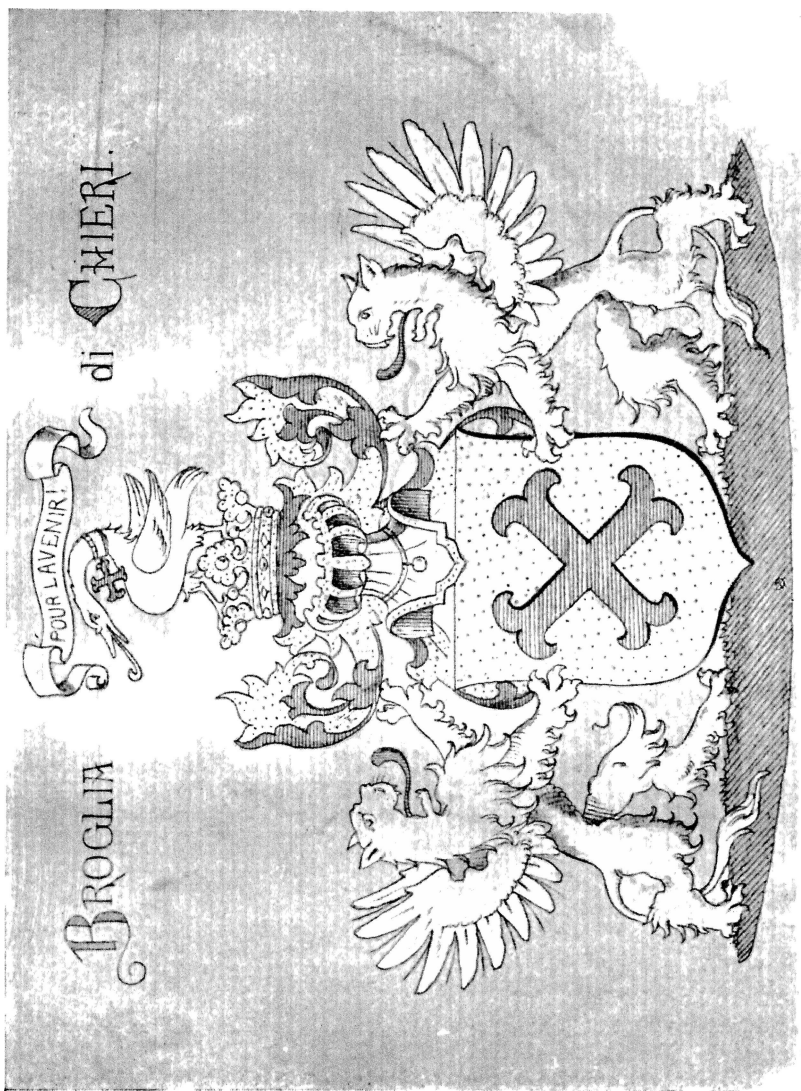
Въ республикѣ Кіери съ древнѣйшихъ временъ возникло очень могущественное военное дворянство, которое и держало въ своихъ рукахъ бразды правленія. Это дворянство дѣлилось на двѣ части: на дворянъ Дальберго, такъ названныхъ вслѣдствіе укрѣпленныхъ, защищенныхъ домовъ, въ которыхъ они жили, и на дворянъ, не жившихъ въ укрѣпленныхъ домахъ, къ которымъ принадлежали всѣ остальные. Какъ тѣ, такъ и другіе слились въ 1533 г. въ одно дворянское сословіе. Такой альберго или осписъ (hospice) ²⁾, «защищенный домъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ семействъ: такъ, домъ Грибальденги (Gribaldenghi) состоялъ изъ нѣсколькихъ семействъ Грибальда; точно также были дома, принадлежавшіе семействамъ Брольа, Моффа, Булли. Всѣ эти семейства уже вымерли».

Признакомъ древняго дворянскаго рода семействъ Брольа является тотъ фактъ, что уже въ 14 и 15 вѣкѣ почти всѣ представители мужского рода были кавалерами мальтійскаго ордена. Такимъ образомъ, эти семейства являлись какъ бы разсадникомъ (un vivier) мальтійскихъ рыцарей. Семейство Брольа имѣло слѣдующій гербъ: золотой Андреевскій крестъ на голубомъ фонѣ. Рыцарскій шлемъ украшенъ готовымъ къ отлету серебрянымъ лебедемъ съ золотымъ клювомъ, обнимающимъ Андреевскій крестъ герба. На немъ слѣдующая надпись: «Для будущаго» (Pour l'avenir) ³⁾.

¹⁾ Исаія: Туринъ и его окрестности. 1911 г., стр. 182—184.

²⁾ Слово «альберго» означаетъ гостиницу, страннопримный домъ, по-французски это будетъ hospice, т. е. больница, но въ тѣ времена не существовало ни гостиницъ, ни больницъ, поэтому подъ словомъ «альберго» нужно понимать домъ для странниковъ, каковыя были учреждаемы орденами Іоаннитовъ и Тамплиеровъ, выдѣлявшими изъ своей среды часть братьевъ для ухода за странниками и для защиты ихъ. Семейства Брольа имѣли такіе дома. Въ 1256 г. вдова Вильгельма Брольа основала въ г. Кіери монастырь для женщинъ въ честь Святой Маріи. (См. Histoire généalogique et chronologique de la Maison Royale de France. Par le P. Anselme Augustin Déchaussé: continuée par M. Du Fourny. Tom 7).

³⁾ Болѣе подробное описаніе герба мы дадимъ ниже, при изображеніи герба.



Указавъ выше мѣсто родины семейства Брольа, перейдемъ теперь къ генеалогіи ихъ рода.

Благодаря любезности Итальянскаго генеральнаго консула въ С.-Петербургѣ, Альфреда Федоровича Мюзера, которому приношу мою искреннѣйшую благодарность ¹⁾, я могъ воспользоваться любезнымъ содѣйствіемъ вполне компетентнаго человѣка для изысканій въ Туринскомъ государственномъ архивѣ, весьма, впрочемъ, недоступномъ для иностранца, а также ознакомиться съ печатнымъ матеріаломъ по исторіи и генеалогіи итальянскихъ знатныхъ родовъ. Итальянскій Королевскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ маркизъ Санъ-Джульяно (San-Giuliano) рекомендовалъ мнѣ (письмо его отъ 31 мая (13 іюня) и 2^а (15) декабря 1910 года за №№ 316 и 640) извѣстнаго въ Туринѣ адвоката господина Альберта Оливьери (Sig. Avvocato Alberto Olivieri).

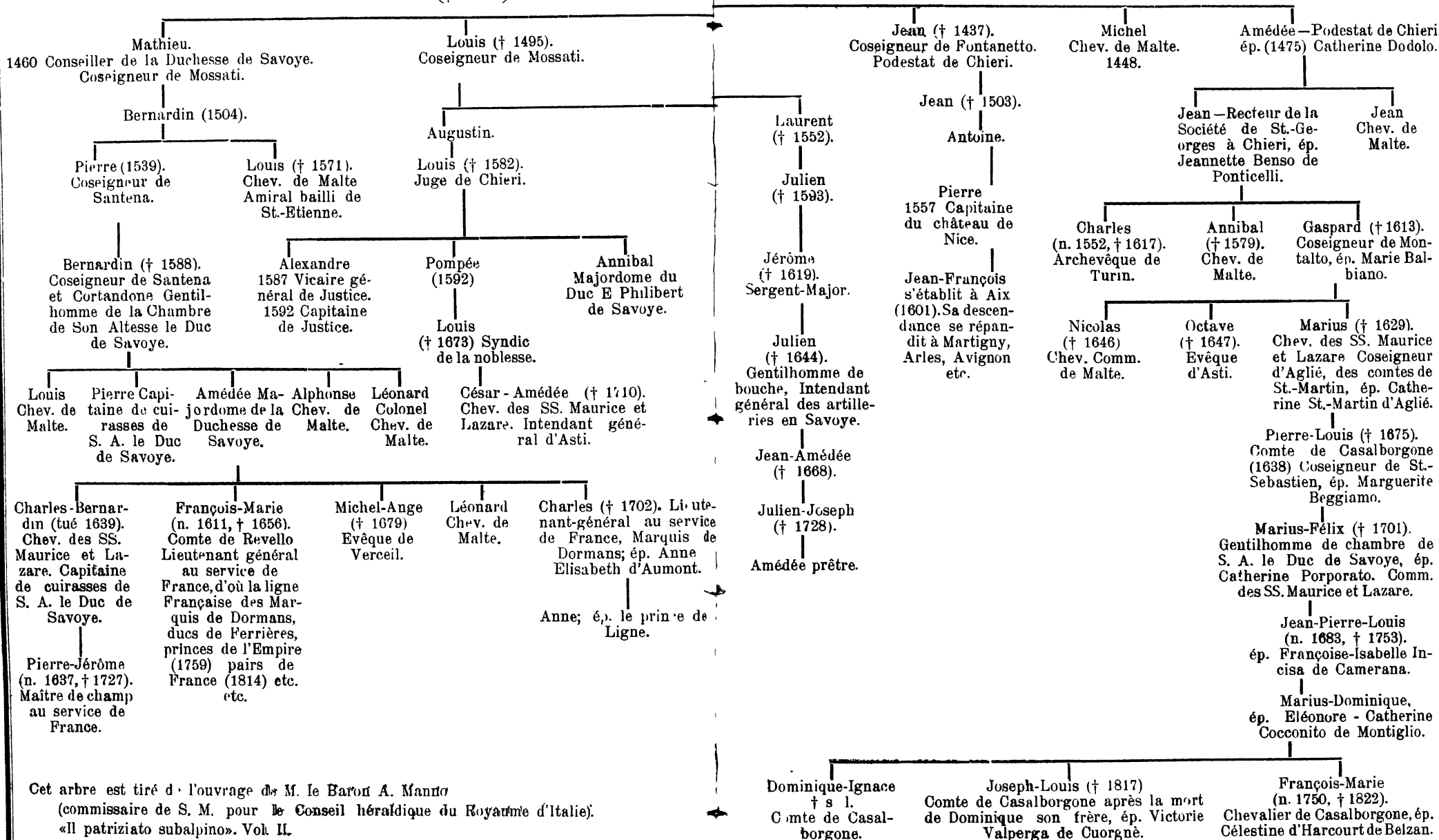
Насколько компетентенъ и извѣстенъ г. Оливьери, показываетъ копія письма, отъ 16 ноября 1910 г. (Sezione 1-a) за № 5665, Директора Государственнаго Архива въ Туринѣ г. Галиано д'Альяно (Galleani d'Agliano), который писалъ префекту провинці Турина, что г. Оливьери является знатокомъ въ подобныхъ «изысканіяхъ по части геральдики и генеалогіи дворянскихъ фамилій и биографическихъ замѣтокъ и по части работъ въ архивахъ муниципальных, парохіальныхъ, нотаріальныхъ» и т. д. Однимъ словомъ, трудно было найти лучшаго и болѣе компетентнаго человѣка, чѣмъ г. Оливьери. И, дѣйствительно, въ бытность мою въ Туринѣ въ маѣ 1911 г. я вынесъ изъ личнаго знакомства съ г. Оливьери самое лучшее впечатлѣніе. Онъ не отказался перевести для меня и разъяснить мнѣ много спорныхъ вопросовъ, возникшихъ при составленіи этого биографическаго очерка; ему же я обязанъ составленіемъ генеалогической таблицы рода Брольа, на основаніи книги комиссара Его Величества въ Герольдическомъ Совѣтѣ Королевства Италіи г. барона А. Мано: «Патриціи Приальпійскіе» (Il patriziato Subalpino, vol. II, page 416). Впрочемъ, объ этомъ сочиненіи упоминалъ уже Директоръ Государственнаго Архива въ Туринѣ (Archivio di Stato in Torino) г. Галиано д'Альяно. Кромѣ вышеприведеннаго сочиненія, г. д'Альяно указываетъ еще на сочиненіе Казалиса «Биографическій словарь» (Casalis: Dizionario Biografia) и на сочиненіе Ангіуса «Исторія дворянскихъ семей Савойской монархіи» (Angius: Storia della Famiglie Nobili della Monarchia di Savoia. Torino, Typ. Fontana. 1853, al vol. 3-e, page 626). За г. Оливьери остается заслуга систематизаціи и извлеченія изъ книги барона Мано всей генеалогіи семейства Брольа.

Вотъ эта генеалогія итальянской вѣтви Брольа.

¹⁾ Хотя впоследствии—въ 1913 году—онъ и отказалъ мнѣ почему-то въ наведеніи справокъ въ Римѣ о графѣ Маріусѣ Брольа, бывшемъ полномочнымъ посланникомъ въ Петербургѣ,

Ardizzone-noble d'hospice
Melanino
Simondone (1360) Co
Jean († 1437) Podestat et, ensuite, re

à Chieri (1263 *)
(1320).
seigneur de Fontanassi.
cteur de Chieri Seigneur d'Arignano **).



Cet arbre est tiré de l'ouvrage de M. le Baron A. Manno (commissaire de S. M. pour le Conseil héraldique du Royaume d'Italie). «Il patriziato subalpino». Vol II.

*) В Исторической Хронологии гор. Кieri г-на Tesciore (du Tesciore) подь 1313 г. гдѣ и былъ отправленъ въ августѣ мѣсяцѣ того же года.
**) Подь 1400 г., 13 июня, въ Хронологии упоминается одинъ Брольа—Cecchino, вла сообщаетъ о существованіи еще одного Брольа изъ фамиліи Гривальденги (Gribaldenghi). заглавчъ преобразователемъ Туринскаго университета, переведеннаго въ Кieri вслѣдствіе

упомянуть одинъ Брольа—Бенедетто, бывшій подестою и ректоромъ (Rettore) въ Кieri, дѣтель Ассиза и Перуза, родившійся въ Кieri. Подь 1415 г. Историческая Хронология Онъ былъ совѣтникомъ банка въ Кieri (судная казна или ломбардъ) въ 1427 г.; былъ свирѣпствовавшей въ то время морской язвы.

Изъ всей этой обширной генеалогіи семейства Брольа насъ интересуеъ только потомство Мариуса-Доминика (Marius-Dominique), женатаго на Элеоноръ-Катеринѣ Коконито де-Монтильо (Eleonore-Catherine Cocconito de-Montiglio). У него, какъ мы видимъ, было три сына: Доминикъ-Игнатій графъ Касальборгоне, умершій очень рано, послѣ смерти котораго графскій титулъ перешелъ къ слѣдующему брату—Иосифу-Людovicу (ум. 1817 г.), женатому на Викторіи Вальперга де-Куорне (Victorie Valperga de-Cuorné).

У Иосифа-Людovicа былъ сынъ Мариусъ (Marius) (род. 1796 г., † 1857 г.), генераль-лейтенантъ Сардинской арміи (lieutenant-général de l'armée Sarde), военный министръ; былъ одно время полномочнымъ посланникомъ (ambassadeur extraordinaire) въ С.-Петербургѣ, затѣмъ былъ Сенаторомъ Королевства Италіи. Онъ былъ женатъ на Евфросиніи Лоди Северисъ де-Буроло (Euphrosine Lodi Severis de-Burolo). У нихъ былъ сынъ Карлъ-Феликсъ (Charles-Felix), родившійся въ 1826 г. и умершій въ 1891 году, былъ капитаномъ кавалеріи и женатъ былъ на Аннѣ делля Вилля де-Вилластелоне (Anne della Villa de Villastelone). Отъ этого брака были сынъ и дочь: сынъ Мариусъ-Карлъ (Marius Charles), родившійся въ 1863 г. и умершій въ 1896 г., безъ потомства, и дочь Клементина (Clémentine), родившаяся въ 1859 г. и умершая въ 1888 г., была замужемъ за Шевалье Константиномъ Морозцо делля Рокка (Chevalier Constantin Morozzo della Rocca), генераль-лейтенантомъ (lieutenant-général) Итальянской арміи.

Третій сынъ Мариуса-Доминика, Франсуа-Мари (François-Marie), родившійся въ 1750 г. и умершій въ 1822 г., уже не пользовался графскимъ титуломъ, а назывался только Шевалье де-Касальборгоне. Онъ былъ женатъ на Селестинѣ д'Аркуръ де-Бельзанъ (Célestine d'Harcourt de Belzan).

Вотъ отъ этого-то Франсуа-Мари Шевалье де-Касальборгоне и происходитъ нашъ лицейскъ, графъ Брогліо. Отецъ нашего лицейста, Франсуа-Мари, не пользовался уже графскимъ титуломъ—титуломъ графа Касальборгоне, потому что былъ младшимъ (cadet) сыномъ, а по законамъ Королевства Пьемонтскаго только старшій (l'ainé) изъ сыновей имѣлъ право на графскій титулъ. Поэтому Франсуа-Мари, какъ младшій, имѣлъ титулъ только «Шевалье де-Касальборгоне». Вѣроятно, для краткости папаша и сынокъ назывались въ Россіи графами Брольо (правильнѣе было бы Брольа), а незнаніе итальянскаго произношенія исказило въ Россіи ихъ фамилію въ «Брогліо».

Жизнь папаша, Франсуа-Мари, была бурно проведена среди сраженій изъ-за интересовъ чуждыхъ ему и на службѣ у разныхъ государствъ. Такъ, родившійся въ Касальборгоне въ 1750 г., онъ уже въ октябрѣ 1767 г. былъ, съ соизволенія Короля Сардинскаго, назначенъ прапорщикомъ (enseigne) въ Аквитанскій полкъ (Regiment d'Aquitaine); въ 1768 г., въ январѣ, мы застаемъ его въ томъ же

полку въ чинѣ подпоручика (sous-lieutenant); въ 1769 г. онъ принялъ участіе въ Корсиканской войнѣ и сражался противъ Паскаля Паоли (Pasquale Paoli); въ октябрѣ 1772 г., по рекомендаціи графини Прованской, былъ назначенъ сверхштатнымъ капитаномъ въ Королевскій Итальянскій полкъ (dans le regiment Royal-Italien), съ общаніемъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ онъ будетъ произведенъ въ полковники. Затѣмъ на Корсикѣ онъ былъ адъютантомъ у графа Марбефа (aide-de-camp du Comte de Marboeuf). Въ 1777 г. Франсуа Мари былъ назначенъ въ томъ же полку капитаномъ. Въ 1778 г. онъ очутился въ Бретани, гдѣ въ чинѣ маіора былъ адъютантомъ при Бретанской арміи (adjutant-major-général de l'armée de Bretagne). Въ 1780 г. былъ пожалованъ подполковникомъ въ Королевскій Итальянскій полкъ (Colonel en second du Royal-Italien). Въ томъ же году онъ перекочевалъ въ Америку, гдѣ принялъ участіе въ войнѣ и поддерживалъ интересы англо-американской партіи. Здѣсь, въ Санъ-Доминго, въ форть Дофинъ, у него родился первенецъ въ 1787 г. Послѣ Французской и Пьемонтской революціи онъ пріѣхалъ въ Россію и вступилъ въ русскую армію на службу.

Хотя Франсуа-Мари имѣлъ за собою извѣстную боевую дѣятельность, однако, это не объясняетъ намъ, почему онъ былъ принятъ въ русскую военную службу. По всемъ вѣроятіямъ, кромѣ своей боевой дѣятельности въ прошломъ, онъ имѣлъ еще сильную протекцію въ Россіи. Кому же онъ обязанъ, если не вызовомъ въ Россію, то вліятельной рекомендаціею? Въ письмѣ ко мнѣ герцогъ Броль, представитель французской отрасли этого семейства, объясняетъ, какъ мы уже выше видѣли, появленіе Франсуа-Мари рекомендаціею и хлопотами невѣстки маршала Франціи герцога Броль передъ Императрицей Елизаветой Алексѣевной и Императоромъ Александромъ I.

У Франсуа-Мари Шевалье де-Касальборгоне было четыре сына и двѣ дочери. Перенецъ, Фредерикъ-Доминикъ (Frédéric-Dominique), родился 30 сентября 1787 г. въ форть Дофинъ (Fort Dauphin), въ Санъ-Доминго, въ Америкѣ; 2) Исидоръ, родился въ Кіери, ум. въ Россіи; 3) Сильверій, родился въ Кіери, въ 1799 г., 20 іюня, —лицействъ; 4) Ладиславъ (Ladislas), родился въ Кіери въ 1800 году, умеръ въ Россіи, въ молодыхъ годахъ. Что касается дочерей, то дочь Селестина родилась въ Кіери, а Элеонора родилась въ Венеціи. Франсуа-Мари былъ командоромъ ордена Св. Маврікія и Лазаря и умеръ въ Туринѣ 21 ноября 1822 года.

Теперь обратимся къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются о нашемъ лицействѣ графѣ Сильверіи Брольа Шевалье де-Касальборгоне.

Сильверій Францевичъ Броглю былъ сыномъ иностраннаго графа, какъ сказано въ «Матеріалахъ для исторіи Лицея» ¹⁾. Графъ Сильверій Францевичъ Броглю

¹⁾ Собраны И. Селезневимъ. 1856 г., стр. 29. См. Памяти. книжку Лицея на 1856—57 г.

Шевалье де-Касальборгоне родился, какъ совершенно вѣрно сообщилъ намъ г. Альбертъ Оливьери, въ гор. Кіери 20 іюня 1799 г. ¹⁾

Въ 1811 г., при открытіи Царскосельскаго Лицея, Сильверій держалъ экзамень 8 августа для поступленія въ Лицей. Отмѣтки его на этомъ экзаменѣ были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго—«знаетъ довольно», французскаго—«слабъ» ²⁾, нѣмецкаго—«не учился», въ ариметикѣ—«хорошо», въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ—«довольно хорошо», а въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи сказано: «имѣеть свѣдѣнія» ³⁾. Такимъ образомъ, Сильверій поступилъ въ Лицей.

По ученію онъ былъ почти послѣднимъ изъ своего курса. Я. К. Гротъ говоритъ, что «всѣхъ ниже по способностямъ и ученію были: Мартыновъ, Тырковъ, Броліо и Мясоѣдовъ». Даже Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи на 19 октября 1825 г. — «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...» — ставитъ Броліо на одно изъ послѣднихъ мѣстъ, онъ говоритъ:

«Пускай опять Вольховской сядетъ первой,
Послѣднимъ я, иль Брогльо, иль Данзасъ...»

И, дѣйствительно, по отмѣткамъ своимъ Сильверій считался однимъ изъ послѣднихъ воспитанниковъ въ Лицеѣ.

Копанскій за время съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Графъ Сильвестръ Брольо не можетъ хвалиться ни памятью, ни понятливостью; почему и его прилѣжаніе нерѣдко остается, къ несчастію, тщетнымъ. Успѣховъ отъ него, если и могутъ быть, должно ожидать современнымъ. Главный недостатокъ въ немъ тотъ, что онъ, по причинѣ послѣдности, какъ то не увѣренъ всегда въ своемъ знаніи». Несмотря на такой отзывъ, Копанскій ставитъ его въ своемъ списокѣ четвертымъ воспитанникомъ изъ тридцати.

Въ слѣдующемъ отзывѣ, за время отъ 15 марта по 15 октября 1812 г., Копанскій ставитъ Броліо двадцать девятымъ воспитанникомъ изъ тридцати и даетъ почти тотъ же отзывъ: «Графъ Сильвестръ Брольо, не можетъ похвалиться ни памятью, ни понятливостью; почему и его прилѣжаніе, къ несчастію, не рѣдко, остается тщетнымъ. Успѣховъ отъ него, если и могутъ быть, развѣ со временемъ ожидать должно. Главный недостатокъ въ немъ тотъ, что онъ, не имѣя способностей, хочетъ показать быстроту оныхъ: всегда торопится въ отвѣтахъ и никогда почти не отвѣчаетъ того, что должно».

¹⁾ Между тѣмъ раньше г. Оливьери Итальянское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ мнѣ сообщило, что, по его порученію, были наведены справки въ спискахъ о родившихся въ двухъ приходскихъ церквахъ г. Кіери и въ этихъ спискахъ не было найдено записи о рожденіи Сильверія.

²⁾ Это неудивительно, потому что онъ былъ итальянскимъ уроженцемъ.

³⁾ Памятная книжка Лицея на 1856—57 г., приложение къ стр. XI.

Гауеншильдъ, профессоръ нѣмецкой литературы, въ своемъ отчетѣ отъ 31 марта 1812 г. помѣщаетъ воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ и говорить о Броглио слѣдующее: «Broglico (Sic!) (C.). La nature ne l'a point favorisé. Il n'a pas même assez de mémoire pour pouvoir répéter ce qu'on vient de lui expliquer. Il paroît qu'il ne s'est occupé que très peu de ma partie, et il n'a pas l'air de vouloir s'en occuper par la suite».

Профессоръ французской литературы де-Вудри отъ 18 ноября 1812 г. ставитъ Броглио въ послѣднюю, четвертую, рубрику и говорить о немъ слѣдующее: «Broglio (Comte de). Même nonchalance, même ignorance; et ce qui désole, c'est qu'il a l'air de faire attention, et ne sait jamais de quoi l'on parle».

Гауеншильдъ въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г., помѣщаетъ Броглио въ послѣднюю, третью, категорію и дѣлаетъ такую отмѣтку: «Broglio, c'est un bon enfant, et si la nature avoit voulu lui accorder les facultés nécessaires, il seroit peut-être devenu un bon etudiant; mais avec ce manque total de moyens il n'y a guère apparence qu'il fera des progrès dans aucune science».

Мартынъ Пилецкій въ своемъ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Броглио: «Графъ Броглио (Сильверій) (католическаго исповѣданія) 13 лѣтъ. Весьма ограниченныя дарованія, слабая память, крайнее упрямство и чувствительность съ гнѣвомъ, который не есть дѣйствіе вспыльчивости, составляютъ теперь важнѣйшіе его недостатки, но онъ признателенъ, чувствуетъ свои ошибки, даже оплакиваетъ ихъ, всѣми силами старается о своемъ исправленіи и съ нѣкоторымъ успѣхомъ, подавая хорошую надежду. Ласковыя увѣщанія столь же трогаютъ его сердце, сколько напротивъ раздражаютъ его упреки или насмѣшки. Впрочемъ онъ довольно простосердеченъ, опрятенъ и прилѣженъ»¹⁾.

Въ собственноручномъ спискѣ Кошанскаго отъ 9 іюля 1813 года Броглио помѣщенъ въ четвертомъ отдѣлѣ—пооредственныхъ учениковъ, гдѣ онъ фигурируетъ послѣднимъ изъ числа шести воспитанниковъ.

Въ послѣднемъ отчетѣ Кошанскаго по російской и латинской словесности, съ 1 августа по 15 декабря 1813 г., мы находимъ дословно тотъ же отзывъ, какой Кошанскій далъ за время съ 15 марта по 15 октября 1812 г.

Гувернеръ Чириковъ въ своемъ отзывѣ отъ 30 сентября 1813 г. аттестуетъ Броглио слѣдующимъ образомъ: «Графъ Сильвестръ Броглио. Упрямъ, впрочемъ добросердеченъ, усерденъ, опрятенъ, очень прилѣженъ». Въ спискѣ ставитъ предъ послѣднимъ, двадцать восьмымъ воспитанникомъ.

Наконецъ, адъюнктъ-профессоръ Кайдановъ въ своей «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 26.

Лицея по части географіи, всеобщей и російской исторіи отъ 1 ноября 1812 г. по 1 Января 1814 г.» даетъ коллективный отзывъ о Броглио, Ржевскомъ и Данзасѣ слѣдующаго содержанія: «Дарованій посредственныхъ; успѣховъ малыхъ. Поведенія хорошаго».

Изъ лицейскихъ событій, съ которыми связано воспоминаніе о Сильверіи, можно упомянуть о слѣдующей шалости, о которой упомянулъ Императоръ Александръ директору Лицея Энгельгардту по поводу того, что Пушкинъ поцѣловалъ фрейлину княжну Волконскую вмѣсто ея горничной Наташи. Какъ извѣстно, Волконская пожаловалась своему брату П. М. Волконскому, а тотъ—Государю. На другой день Государь, увидя Энгельгардта, сказалъ ему: «Что жъ это будетъ—твои воспитанники не только снимаютъ черезъ заборъ мои наливныя яблоки, бьютъ сторожей, садовника Лямина, но теперь ужъ не дадутъ проходу фрейлинамъ жены моеи» ¹⁾).

Намекъ, сдѣланный Александромъ I насчетъ кражи яблокъ, имѣлъ фактическое основаніе: нѣкоторыми воспитанниками была однажды предпринята цѣлая экспедиція, во главѣ которой стоялъ Сильверій; ватага пощипала нѣсколько яблокъ въ царскомъ саду, потрепала также и садовниковъ, которые у нихъ отнимали яблоки.

Въ лицейскихъ литературныхъ журналахъ Сильверій не принималъ никакого участія, не интересуясь, вѣроятно, этимъ времяпровожденіемъ и не владѣя бойко русскою рѣчью. По всѣмъ вѣроятіямъ, Пушкинъ не былъ особенно съ нимъ друженъ и, какъ справедливо полагаетъ академикъ Л. Н. Майковъ, «бесѣдами съ Галlichemъ Броль едва ли могъ живо интересоваться» ²⁾. Поэтому Майковъ совершенно вѣрно говоритъ, что Броглио въ Пушкинское стихотвореніе: «Пирующіе студенты» «попалъ нѣсколько случайно». Какъ бы то ни было, Пушкинъ обезмертилъ Сильверія въ этомъ стихотвореніи:

«И ты, красавецъ молодой,
Сіятельный поѣвса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее — завѣса!
Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пѣнистый стаканъ:
На все благословляю!» ³⁾

¹⁾ Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ, въ книгѣ Л. Майкова: Пушкинъ Сиб., 1899 г., стр. 63.

²⁾ См. Академическое изданіе сочиненій А. С. Пушкина, т. I, изд. 2, Спб., 1900 г., примѣч. къ стр. 63; *ibidem*, стр. 47 (текстъ).

³⁾ Академикъ Гротъ въ рѣчи своей въ Лицеѣ, по поводу пятидесятилѣтня смерти Пушкина (рѣчь эта вошла въ брошюру подъ заглавіемъ «29 января 1887 г. и прочее»), отнесъ это мѣсто къ князю Горчакову, согласно съ указаніями П. А. Ефремова въ Глазуновскомъ изданіи Пушкина, но уже П. О. Морозовъ въ изданіи

Баронъ Корфъ, вѣроятно, какъ прозаикъ, дастъ намъ совершенно другой обликъ Брогліо: «Личность нашего графа не имѣла ничего интереснаго. Крайне ограниченный въ способностяхъ, притомъ порядочный повѣса и очень вспыльчивый, онъ сталъ при выпускѣ, помнится, послѣднимъ и отличался только тѣмъ, что былъ косоглазъ и лѣвша» ¹⁾).

Этотъ отзывъ Корфа какъ-то не вяжется съ портретомъ, который нарисовалъ намъ Пушкинъ въ «Пирующихъ студентахъ».

Но этотъ отзывъ Корфа вполне гармонируетъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ «національныхъ пѣсняхъ». И, дѣйствительно, въ этихъ «національныхъ пѣсняхъ» мы находимъ нѣкоторые намеки о графѣ Брогліо (Шевалье де-Касальборгоне). Въ одномъ изъ куплетовъ этихъ «національныхъ пѣсенъ» былъ, напримѣръ, отмѣченъ физическій недостатокъ Сильверія—его косоглазіе, и вотъ, что мы читаемъ въ немъ:

«...Косой Маркизь,
Взойдя въ капризь,
Со птичникомъ бушуетъ» ²⁾).

Въ этихъ же «національныхъ пѣсняхъ» шалуны увѣковѣчили свои ссоры и распри. Если Сильверій не прочь былъ бушевать съ птичникомъ, то и на него ополчались товарищи и задѣвали его. На графа Сильверія, какъ видно по этимъ же пѣснямъ, нападалъ, напримѣръ, С. Д. Комовскій, который носилъ между товарищами кличку «Лиса». Поэтому въ «національныхъ пѣсняхъ» сохранился слѣдующій куплетъ:

«Когда Лиса
Глядитъ съ коса
И графа задираетъ...»

Къ нему же относится еще такой куплетъ:

«Графу нѣтъ большой заботы
Будь хоть юнкеръ онъ пѣхоты,
Ай нули» etc.

сочиненій Пушкина Литературнаго Фонда указалъ, что это мѣсто въ стихотвореніи относится къ графу Сильверію Брогліо. Академикъ Гротъ замѣчаетъ: «едва ли могъ Пушкинъ назвать Горчакова повѣсою, тогда какъ это названіе очень шло къ Брольо». См. Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейск. товар. и наставчики». Спб., 1899 г., стр. 267.

¹⁾ Записки графа Корфа. Тамъ же, стр. 253.

²⁾ Въ этомъ куплетѣ, какъ видно, говорится о столкновеніи Брогліо съ «птичникомъ». Если онъ не одно лицо съ садовникомъ Ляминимъ, о чемъ выговаривалъ Александръ I Энгельгардту, то слѣдуетъ предположить, что буйная ватага лицейской молодежи во главѣ съ Брогліо дѣлала набѣги и на птичный дворъ.

Въ стихотвореніи 1813 г. подъ заглавіемъ: «Паясы» мы находимъ одинъ стихъ, относящійся къ Сильверію Брогліо. Описывая паясовъ и во главѣ ихъ Тыркова, авторъ перечисляетъ затѣмъ весь, такъ сказать, его штабъ:

«За нимъ весь штабъ его отличной:
Италианецъ—Графъ съ лѣвшею...» ¹⁾

Какъ мы уже упомянули, въ стихотвореніи на 19 октября 1825 г.—«Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...»—Пушкинъ мимоходомъ упомянулъ о Сильверіи. Этимъ и ограничились воспоминанія Пушкина о своемъ товарищѣ, хотя С. Д. Комовскій и говоритъ что въ этомъ стихотвореніи была строфа, выкинутая при окончательной отдѣлкѣ стихотворенія, гдѣ упоминались Брогліо вмѣстѣ съ Комовскимъ:

«Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе».

Въ біографіи Комовскаго мы разобрали эти стихи и тамъ же привели отзывъ П. А. Ефремова, который доказалъ, что эта строфа выдумана Комовскимъ, чтобы имѣть возможность помѣстить въ стихи Пушкина и свою фамилію, и что этой строфы не было въ стихотвореніи «19 октября», а взята она изъ «Гаврилады» Пушкина, написанной въ 1822 году въ Кишиневѣ, причемъ въ стихи вставлены имена Брогліо и Комовскаго ²⁾.

Графъ Модестъ Корфъ въ своей Запискѣ упоминаетъ, что «по возстановленіи Бурбоновъ, ему (Брогліо) ...прислали фамильный орденъ лиліи, который онъ и носилъ въ лицейскомъ мундирѣ...» ³⁾. Но это совершенно невѣрно.

Графу Брольо, въ бытность его въ Лицеѣ, братъ привезъ Мальтійскій орденъ и сообщилъ, что на ношеніе его Министръ изъявилъ согласіе. И, дѣйствительно, 13 августа 1815 г. послѣдовало официальное разрѣшеніе отъ графа Разумовскаго.

Объ этомъ имѣется «дѣло» въ лицейскомъ архивѣ ⁴⁾.

Къ сожалѣнію, И. Селезневъ—авторъ «Матеріаловъ для исторіи Лицея», впервые указавшій на это «дѣло», не избѣгнулъ нѣкоторыхъ ошибокъ, какъ и гр. Корфъ, въ отношеніи Брогліо. Такъ, Селезневъ совершенно невѣрно указываетъ на 13 августа 1815 года, какъ на дату дозволенія носить графу Брогліо

¹⁾ См. Е. Я. Гротъ: «Пушкинскій Лицей». Спб., 1911 г., стр. 225, 226, 228 и 313.

²⁾ См. сочиненія А. С. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. Спб., 1905 г., т. VIII, стр. 223. По поводу этого замѣчанія Ефремова мы уже упомянули въ біографическомъ очеркѣ о Комовскомъ и высказали наши взгляды на мнѣніе Е. Я. Грота, приведенное въ его книгѣ: «Пушкинскій Лицей» (Спб., 1911 г., стр. 7).

³⁾ Записки графа Корфа въ книгѣ Я. Грота: Пушкинъ..., стр. 253.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева, стр. 104. См. Памятн. книжку Лицея на 1856—57 г.

Венчануе рѣнѣ нѣнѣ? емпанѣ
Курбегейс
Грнѣ

1847. 8 Января Сургеа.

Мальтійскій крестъ. Дѣло же обстояло слѣдующимъ образомъ. Отношеніемъ отъ 8 апрѣля 1815 года Конференція Императорскаго Царскосельскаго Лицея обратилась къ Министру Народнаго Просвѣщенія за слѣдующимъ разъясненіемъ. «Графъ Брогліо доставилъ брату своему воспитаннику Лицея Графу Брогліо Мальтійскій крестъ для ношенія, объявивъ при томъ, что онъ имѣлъ честь испросить на то согласіе Вашего Сіятельства. Конференція, не имѣя на то особеннаго Вашего Сіятельства повелѣнія, честь имѣетъ представить о томъ Вашему Сіятельству, прося по сему случаю предписанія». Подписаль: «Въ должности Директора Профессоръ Гауеншильдъ». Скрѣпилъ: «Въ должности Конференцъ-Секретаря, Адъюнктъ-Профессоръ Кайдановъ».

На это Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Конференцію Императорскаго Царскосельскаго Лицея отъ 13 апрѣля 1815 года за № 1027: «На представленіе Конференціи № 42, отвѣтствую, что можно воспитаннику Лицея Графу Броглю позволить носить знакъ Ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго». Подписаль: «Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Алексѣй Разумовскій». Бумага эта получена въ Лицеѣ 18 апрѣля 1815 года и занесена въ входящій журналъ подъ № 23 ¹⁾).

Передъ окончаніемъ курса въ Лицеѣ Сильверій занесъ въ альбомъ Энгельгардта, на память о себѣ, среди другихъ записей своихъ товарищей, слѣдующую строку, написанную имъ собственноручно по-русски: «Вспомните хоть по етои (Sic!) строкѣ Сильверія Брогліо. 1817. 8 Іюня Лицей» ²⁾).

Сильверій кончилъ курсъ въ Лицеѣ 9 іюня 1817 года и «назначенъ къ производству въ армейскіе офицеры ³⁾ и потомъ въ отставку, для отбытія на родину, во Францію» ⁴⁾). Это упоминаніе, что Сильверій выѣхалъ на родину во Францію, было прічпною, что всѣ, кто писалъ о немъ, считали его французомъ,

¹⁾ За сообщеніе этихъ свѣдѣній изъ лицейскаго архива я приношу глубокую благодарность секретарю Лицея Александру Александровичу Рубецъ, лицейсту XIX-го курса (выпуска 1903 года), который со всегдашней своей отзывчивостью идетъ на встрѣчу литературнымъ запросамъ.

²⁾ Списано мною изъ альбома Е. А. Энгельгардта, находящагося въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

³⁾ Это производство было, такъ сказать, предсказано его товарищами въ одномъ изъ куплетовъ «національныхъ пѣсенъ», которыхъ составлялись, какъ извѣстно, всѣмъ классомъ. Въ этихъ «національныхъ пѣсняхъ» мы читаемъ:

«Графу (т. е. Брогліо) нѣтъ большой заботы,
Будь хоть юнкеръ онъ пѣхоты,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!»

В. Гасвскій: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 396.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 г. См. Памятную книжку Лицея на 1856—57 г., стр. 93.

а между тѣмъ, какъ мы уже видѣли выше, это совершенно невѣрно. Вслѣдствіе этого же И. И. Пущинъ въ своихъ Запискахъ (стр. 63) говоритъ, что «графъ Сильвестръ Брогліо, теперь сенаторъ Наполеона III», но тутъ же дѣлаетъ выноску и въ примѣчаніи пишетъ: «это свѣдѣніе о Брогліо оказалось несправедливымъ: онъ былъ избранъ французскими филеленами въ начальники и убитъ въ Греціи въ 1829 г.»¹⁾

Графъ Корфъ въ своихъ Запискахъ пишетъ о Сильверіи: «Изъ Лицея онъ никогда не выѣзжалъ и оставался съ нами до общаго выпуска, при которомъ вышелъ офицеромъ арміи. Тогда онъ уѣхалъ во Францію, но перомъ никогда не былъ и, вѣроятно, вскорѣ послѣ того умеръ: ибо никто съ тѣхъ поръ ничего о немъ не слыхалъ»²⁾.

Изъ Дневника графа Корфа за 1839 г., помимо того, что мы знаемъ уже изъ его Записокъ, можно извлечь еще о Сильверіи, что онъ «никогда въ русской службѣ не служилъ, скоро послѣ выпуска уѣхалъ во Францію и болѣе оттуда не возвращался, прекративъ и всѣ сношенія съ прежними товарищами»³⁾.

Въ Государственномъ Архивѣ сохранилось письмо Сардинскаго посланника графа Котти де-Брусаско отъ 1 июля (19 июня) 1817 г. къ графу Нессельроде, изъ котораго мы видимъ, что графъ Сильверій Брогліо былъ подданнымъ Сардинскаго Короля. Сардинскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ графъ Котти де-Брусаско отправилъ графа Брогліо съ депешами къ своему Двору. По этому поводу онъ обратился съ письмомъ къ графу Нессельроде, чтобы Брогліо выдали паспортъ. Вотъ это письмо:

«Je soussigné Lieutenant-Colonel et adjudant-général au service de S. M. le Roi de Sardaigne desirant expédier M-r le C^{te} Silverius de Broglie sujet du Roi son maitre à sa cour avec des dépêches, prie S. E. M. le Comte de-Nesselrode de vouloir bien lui faire expédier à cet effet un passeport de courier.

«Si les formalités de la publication sur la gazette causoit quelque empechement le soussigné se chargeroit volontiers du cautionnement nécessaire; et il sai-

¹⁾ Показаніе это, говоритъ Димитрій Ѳомичъ Кобеко, кажется ошибочно. Въ войнѣ за независимость Греціи принялъ участіе и былъ въ 1827 г. убитъ графъ Андрей-Максимиліанъ Брогліо. Hoefcr. Nouvelle biographie générale. P. 1863. VII, 481. Д. Ѳ. Кобеко: «Шесть упраздненныхъ мѣстъ», стр. 7. Къ нашему глубокому сожалѣнію, замѣтка глубокоуважаемаго Димитрія Ѳомича Кобеко не вѣрна: какъ мы увидимъ ниже, Сильверій, дѣйствительно, принималъ участіе въ греческомъ возстаніи и умеръ въ Греціи.

²⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ..., стр. 253.

³⁾ Изъ Дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г., гл. 2. «Рус. Старина» 1904 г., т. 118, июнь, стр. 550.

sit avec empressement cette occasion de réitérer à S. E. Monsieur le Secrétaire d'état l'assurance de sa très-haute considération.

Le Comte Cotti de Brussasco.

St. Pétersbourg le 1 Juillet (19 Juin) 1817» ¹⁾.

Паспортъ за № 863 былъ выданъ 20 июня 1817 г.

Какъ мы выше видѣли, Сильверій, произведенный въ Лицеѣ въ первый военный чинъ — подпоручика, былъ уволенъ въ отставку и отправился будто бы на родину—во Францію. Но это совершенно невѣрно: какъ мы уже сказали выше, родина Сильверія была не Франція, но вообще Италия, а въ частности Пьемонтъ, окрестности Турина, замокъ Касальборгоне. Поэтому было бы интересно прослѣдить его жизнь въ Пьемонтѣ въ продолженіе тѣхъ семи лѣтъ, что онъ находился на родинѣ. Свѣдѣній этихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ въ русскихъ матеріалахъ, и не только его современники, но даже и его товарищи по Лицею ничего не знали о его дальнѣйшей судьбѣ. Мы уже выше приводили сбивчивое и невѣрное свѣдѣніе о Сильверіи въ перепискѣ между его лицейскими товарищами. Поэтому оставалось искать матеріаловъ о его жизни на его родинѣ, въ Туринѣ, въ тамошнихъ государственныхъ архивахъ, среди книгъ о Пьемонтѣ, историческихъ описаній дворянскихъ и патриціанскихъ родовъ королевства Савойскаго и пр. Всѣ эти хлопоты были блестяще выполнены г. Альбертомъ Оливьери, которому исторія Лицея будетъ обязана признательностью за его труды по изслѣдованію жизни Сильверія на родинѣ. Съ своей же стороны, я могу выразить еще разъ г. Альберту Оливьери глубокую благодарность за столь безкорыстный и хлопотливый трудъ о личности, впрочемъ, слишкомъ ничтожной. И, дѣйствительно, г. Оливьери писалъ мнѣ:

«Вы почтили меня порученіемъ собрать въ нашихъ государственныхъ архивахъ матеріалы, касающіеся Сильверія Бролья де-Касальборгоне и его фамиліи. Задача, возложенная вами на меня, была очень легка въ отношеніи генеалогіи Бролья, но она является совершенно иною въ отношеніи Сильверія».

На родинѣ Сильверій не игралъ никакой выдающейся роли. Онъ провелъ семь лѣтъ на родинѣ вдали отъ Турина въ средѣ низшаго офицерства, въ чинѣ подпоручика Сардинской арміи, въ полку Монферата, куда поступилъ 4 сентября

¹⁾ Переводъ: «Я, нижеподписавшійся, подполковникъ и генералъ-адъютантъ на службѣ Его Величества Короля Сардиніи, желая отправить Г-на Графа Сильверія де-Брольи, подданнаго Короля—его Повелителя, къ своему Двору съ депешами, прошу Его Превосходительство Графа де-Нессельроде не отказать по этому случаю выдать ему паспортъ курьера.

«Если формальности публикаціи въ газетѣ причинили бы какія-нибудь задержки, то нижеподписавшійся охотно принялъ бы на себя необходимое поручительство; и съ поспѣшностью пользуется этимъ случаемъ, чтобы повторить Его Превосходительству г-ну Статсъ-Секретарю увѣреніе въ очень высокомъ уваженіи.

«Графъ Котти де-Брусаско».

1817 года. Но если онъ не сдѣлалъ ничего выдающагося для того, чтобы исторія записала его имя на своихъ страницахъ, то зато онъ запятналъ свое имя на родинѣ измѣной своему монарху. Онъ явился въ Пьемонтѣ предтечею нашихъ декабристовъ и первую жертвою либеральнаго освободительнаго движенія, предтечею Пущина и Кюхельбекера, какъ жертвъ либеральнаго направленія, изъяснаго изъ семьи Лицея трехъ одуроченныхъ юношей, насвистанныхъ либеральными профессорами и прессою ¹⁾).

Прослуживъ въ строю до 1821 года, Сильверій и его братъ Фредерикъ-Доминикъ примкнули къ либеральному направленію и были замѣшаны въ заговоръ. По всѣмъ вѣроятіямъ, нашъ Сильверій былъ увлеченъ въ заговоръ своимъ братомъ. Поэтому здѣсь уместно будетъ привести нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о немъ.

Фредерикъ-Доминикъ (Frédéric-Dominique) родился 30 сентября 1787 г. въ фортѣ Дофинъ (Fort-Dauphin), въ Санъ-Доминго, въ Америкѣ, гдѣ отецъ его принималъ участіе въ войнѣ со стороны англо-американцевъ. Фредерикъ былъ въ чинѣ капитана во французской арміи (если онъ былъ капитаномъ во французской арміи, т. е. въ Америкѣ, въ Санъ-Доминго, а отецъ на сторонѣ англо-американцевъ, то выходитъ, что они оба были во враждебныхъ арміяхъ, сражаясь другъ противъ друга). Фредерикъ былъ командоромъ ордена Св. Маврикія и Лазаря. Вѣроятно, это былъ онъ, который привозилъ въ Россію Мальтійскій крестъ своему брату Сильверію. Вернувшись на родину въ Италію, Фредерикъ поступилъ поручикомъ въ Сардинскую армію—29 сентября 1814 года, въ полкъ Монферата, т. е. въ тотъ же полкъ, въ который вступилъ въ 1817 году его братъ Сильверій. Но странно, что Фредерикъ вступилъ въ полкъ на своей родинѣ съ пониженіемъ въ чинѣ: будучи уже капитаномъ, его берутъ поручикомъ. Но въ слѣдующемъ 1815 году, 20-го іюня, онъ произведенъ капитаномъ въ томъ же полку. Въ томъ же (1815) году онъ совершаетъ Савойскій походъ (a fait la campagne de

¹⁾ Нѣкоторые участники декабрьскаго возмущенія въ Россіи въ 1825 году были весьма освѣдомлены о всякихъ возмущеніяхъ въ Европѣ; имъ были извѣстны не только революція въ Испаніи, но даже революціонныя вспышки въ Пьемонтѣ. Такъ, декабристъ баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгейль въ своей «Запискѣ», представленной Императору Николаю Павловичу генваря 11 дня 1826 года, изъ Петропавловской крѣпости, объясняетъ внезапный переломъ въ либеральныхъ идеяхъ Императора Александра I революціонными вспышками въ Италіи и Испаніи. «...Въ рѣчи своей на Варшавскомъ сеймѣ Государь изволилъ упомянуть, что готовить для Россіи подобное состояніе. Рѣчь была напечатана въ русскихъ публичныхъ листахъ и польстила надеждѣ либераловъ. Внезапно происшествія въ Испаніи и Пьемонтѣ, съ современнымъ возстаніемъ грековъ, произвели рѣшительный переломъ въ намѣреніи Государя, какъ между тѣмъ воспламенили умы въ мечтателяхъ о свободѣ Россіи...» (См. «Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства». Подъ редакціей А. К. Бороздина. Спб., 1906 г., изданіе М. В. Пирожкова—УП. Записка барона Владиміра Ивановича Штейнгейля. Стр. 67. Гссуд. Арх., дѣло о декабристахъ, № 11, л. 74—87).

Savoje a. 1815). Теперь становится понятным, почему Сильверій въ 1817 г. поступаетъ въ полкъ Монферата, такъ какъ его братъ уже былъ въ этомъ полку старымъ служакой. Оба они оставили въ исторіи Италіи свой слѣдъ, какъ либералы, скомпрометированные въ событіяхъ въ 1821 году въ Пьемонтѣ.

Въ этомъ году, говоритъ г. Оливьери, группа лицъ, принадлежавшихъ къ среднему сословію (à la bourgeoisie) и дворянству, а въ особенности къ военному сословію, составила заговоръ съ цѣлью попытаться преобразовать древнюю неограниченную монархію, ничему не научившуюся въ прошломъ, въ монархію конституціонную, по образцу таковой въ Испаніи. Надѣялись, что во главѣ заговора станетъ Карлъ-Альбертъ (Charles-Albert) принцъ Кариньянскій (Prince de Carignan), молодой человѣкъ, неопытный и неуравновѣшенный. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Санторре Санта-Роза (Santorre Santa Rosa), Азинари де-Сень-Марзанъ (Asinari de St. Marsan), Гиацинтъ де-Коллейно (Hyacinthe de Collegno), Моффа де-Лизисъ (Moffa de Lisis) и Фердинандъ дель-Поццо (Ferdinand del Pozzo), провозгласили Испанскую конституцію, къ которой присоединилась часть арміи. Король Викторъ-Эммануиль (Victor-Emmanuel), характера легкомысленнаго, въ виду такого революціоннаго движенія, предпочелъ отказаться отъ престола въ пользу Карла-Феликса (Charles-Felix)—своего брата, находившагося на службѣ у своего зятя (beau-fils), Герцога Моденскаго, и до его пріѣзда объявилъ регентомъ Карла-Альберта. Новая форма правленія, не встрѣтивъ отпора со стороны приверженцевъ монархіи, совершенно неподготовленныхъ къ революціоннымъ событіямъ, скоро овладѣла правительственною властью, сперва съ согласія Карла-Альберта, а затѣмъ она удержала эту власть и послѣ того, какъ онъ отстранился отъ этой партіи.

«Лицами, совершившими переворотъ, руководилъ самый возвышенный образъ мыслей; но ихъ была слишкомъ небольшая горсточка, чтобы упрочить новый порядокъ, а потому новый король, при помощи Австріи, весьма легко подавилъ это возстаніе». Въ Пьемонтѣ быстро былъ водворенъ старый режимъ. Какъ всегда и вездѣ, главные заговорщики бѣжали за границу. Назначенная королею слѣдственная комиссія произвела надъ виновными судъ и расправу. Было вынесено нѣсколько смертныхъ приговоровъ, изъ которыхъ только два или три были приведены въ исполненіе, зато многіе были присуждены къ изгнанію и, не имѣя возможности возвратиться на родину, отправились въ Испанію и Грецію, гдѣ посвятили свои силы на упроченіе порядка, болѣе соотвѣтствовавшаго тому идеалу славы и свободы, о которомъ мечтали они для своей родины. Многимъ изъ этихъ изгнанниковъ не привелось болѣе вернуться на родину. Къ числу ихъ принадлежалъ и Сильверіи Бралья Шевалье де-Касальборгоне.

Сильверій въ 1821 году былъ замѣшанъ въ заговоръ либеральной прогрессивной партіи въ Пьемонтѣ, въ тамошнемъ освободительномъ движеніи. Такимъ образомъ, ему судьба готовила быть предтечею въ Италіи русскихъ декабристовъ

и опередить их бесплодностью своих стремлений и беспочвенностью того движения, которому онъ отдался. Въ то же время онъ явился предтечею и первою жертвою либеральнаго движения—первою жертвою изъ лицейской семьи на поприщѣ либеральныхъ идей. Интересно было бы прослѣдить, гдѣ напитался этотъ итальянскій авантюристъ либеральными идеями; былъ ли это результатъ лицейскаго образованія, гдѣ Куницынъ и другіе проповѣдывали либеральныя мысли и гдѣ среди товарищей по Лицею Пущинъ уже на школьной скамьѣ былъ принятъ въ товарищи Муравьеву, Бурцеву и другихъ будущихъ декабристовъ; или сѣмена либерализма, всосанныя въ Лицеѣ, дали пышный ростъ, когда они соприкоснулись на родинѣ, въ Пьемонтѣ, съ освободительнымъ движеніемъ Пьемонтскихъ либераловъ? Не даромъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ, кажется, единственный изъ товарищей интересовался судьбою Сильверія и кое-что сообщалъ друзьямъ о его судьбѣ. За неимѣніемъ матеріаловъ, писемъ, документовъ о Сильверіи, нельзя судить, почему онъ примкнулъ въ Пьемонтѣ къ либераламъ. Можно только предположить, что братъ его Фредерикъ-Доминикъ увлекъ его въ эту партію, къ которой самъ принадлежалъ. Г. Оливьери пишетъ мнѣ по поводу этихъ либераловъ: «Относительно дальнѣйшей судьбы этихъ дѣятелей либеральнаго движенія въ нашихъ государственныхъ архивахъ сохранилось весьма мало свѣдѣній, да и тѣ, по большей части, мало доступны изслѣдователю. На стѣсненія въ этомъ отношеніи жалуется въ своемъ сочиненіи «Informazioni sul Ventuno in Piemonte» и извѣстный Манно, историкъ, наиболѣе серьезно и обстоятельно изучившій тотъ періодъ, который называется у насъ кратко—«двадцать первый» годъ. Только въ архивахъ военнаго и морскаго вѣдомствъ встрѣчаются кое-какія данныя о Сильверіи, благодаря тому, что онъ служилъ, въ чинѣ подпоручика, въ бригадѣ Монферата. Но и тутъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, что съ нимъ произошло послѣ того, какъ онъ былъ осужденъ. Въ королевской библіотекѣ, богатой документами и портретами, и въ такъ называемой «Национальной библіотекѣ»,—сборникѣ, заключающемъ всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о переворотѣ «21» года, нигдѣ не упоминается о Сильверіи; очевидно, онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы имя его могло быть упомянуто наряду съ именами столькихъ доблестныхъ воиновъ, стяжавшихъ извѣстность, сражаясь въ рядахъ русскихъ, французскихъ и австрійскихъ войскъ. Къ тому же правительство, утвердившееся въ Пьемонтѣ, тщательно старалось предать забвенію воспомнаніе о событіяхъ и людяхъ, на мгновеніе нарушившихъ общественное спокойствіе и считающихся врагами короля, Господа Бога и родины. Наши революціонеры удивительно скромны, и это не позволяетъ имъ кичиться своими заслугами. Наилучшимъ примѣромъ служить сочиненіе самого Санта-Роза о Пьемонтекой революціи: «De la révolution piémontaise. Paris. Correard. 1822». Хотя оно должно служить апологіей сторонниковъ новыхъ идей, но въ немъ тщетно было бы искать именъ участниковъ заговора».

Такимъ образомъ, ни архивы, ни литературные труды самихъ заговорщиковъ не даютъ намъ какихъ-либо подробностей объ участіи Сильверія въ заговорѣ. Мы имѣемъ только рѣшеніе суда, которое гласитъ слѣдующее: «На основаніи рѣшенія королевской комисіи (королевскаго суда) отъ 29 іюня 1821 г.: исключень, лишень чина и орденовъ, признанъ неспособнымъ къ послѣдующей службѣ въ предѣлахъ Сардинскихъ, въ виду того, что онъ (Сильверій) поднялъ оружіе въ средѣ взбунтовавшихся противъ королевской арміи» (En dependance de décision de la Commission Royale 29. VI. 1821: destitue, depouille de son grade et des ordres royaux: declare incapable de quelconque ulterieur service dans les états Sardes— à cause d'avoir porté les armes parmi les rebelles contre l'armée royale ¹).

Изгнанный изъ родныя, Сильверій поѣхалъ въ Грецію искать счастья или въ войнѣ противъ турокъ, поработителей христіанъ, найти кровавое очищеніе отъ ошибокъ молодости. Такое же средство было найдено для декабристовъ, которые могли вернуться въ Россію, отслуживъ искупительную службу въ рядахъ Кавказской арміи и тѣмъ очистивъ себя отъ прежнихъ заблужденій и завирательныхъ идей.

О пребываніи Сильверія въ Греціи намъ тоже ничего не извѣстно. По этому поводу г. Оливьери мнѣ пишетъ: «О Греческомъ возстаніи, въ которомъ столько Пьемонтцевъ принимали участіе среди филеленовъ, написано еще очень мало и не въ послѣдовательномъ порядкѣ. Найдется нѣсколько поэтическихъ и литературныхъ разсказовъ, какъ, напримѣръ: «Эленическія сцены» (les «Scenes elleniques» par M. Ange Brofferid) ²) г-на Анжа Броффериди, написанныя съ цѣлью пропагандированія идеи и борцовъ за эту идею. Но настоящаго историческаго изслѣдованія съ указаніемъ именъ, за исключеніемъ именъ главныхъ дѣятелей (Санторре Санта-Роза, Тарелла и проч.) или вовсе нѣтъ, или мало, слишкомъ мало. И никогда и нигдѣ не упоминается имя Сильверія. Онъ, повидимому, зачислился, какъ про-

¹) Судьба еще строже отнеслась къ его брату. О Фредерикъ-Доминикъ состоялось слѣдующее рѣшеніе суда: «Въ силу королевскаго указа (billet) отъ 24 сентября 1821 г. онъ былъ лишень чина и королевскихъ орденовъ, признанъ неспособнымъ занимать впослѣдствіи какую-либо должность; присужденъ къ одному году въ крѣпость за то, что поднялъ оружіе въ качествѣ маіора въ числѣ взбунтовавшихся противъ королевской арміи». О дальнѣйшей судьбѣ его намъ ничего неизвѣстно. Впрочемъ, онъ, вѣроятно, при помощи родныхъ вступилъ во французскую армію, съ своимъ чиномъ капитана.

²) Цензура въ Пьемонтѣ даже въ сороковыхъ годахъ 19-го столѣтія не пропускала именъ участниковъ этого революціоннаго движенія, какъ, напримѣръ, имя Санторре ди-Санта-Роза. Этотъ цензурный гнетъ вынуждалъ иной разъ коря брать на себя обязанности цензора. «Напримѣръ, Анжело Брофферіо представилъ въ цензуру свои «Scene ellenique» (древне-греческія сцены), и цензоръ потребовалъ, чтобы Санторре ди-Санта-Роза не назывался своимъ именемъ, онъ предложилъ другое имя— Энторе ди-Санта-Эльмо. Но Карлъ-Альбертъ указомъ 30-го декабря 1844 года не позволилъ умалчивать имя героя. Однако это были исключительные случаи; обыкновенно король не вмѣшивался въ дѣла столичныхъ цензоровъ, и послѣдніе изъ этого дѣлаи политическое оружіе». «Истор. Вѣстн.» 1912 г., т. 130, ноябрь, стр. 867.

стой солдатъ, и отдался идеѣ съ воодушевленіемъ, но сердце его болѣло о родинѣ, потерянной имъ навсегда».

Таковы свѣдѣнія, когорыя мнѣ довелось добыть какъ письменно, такъ и лично, въ бытность мою въ Туринѣ въ іюнѣ 1911 года, отъ г. Альберта Оливьери. Можно еще прибавить, что, по словамъ одного отдаленнаго родственника Брольа, семейные архивы ихъ рода были разрознены и растеряны нѣсколько лѣтъ тому назадъ при несчастныхъ обстоятельствахъ, выпавшихъ на долю этого семейства въ послѣднее время. Даже замокъ ихъ въ Касальборгоне былъ проданъ.

Сильверій Брольа Шевалье де-Касальборгоне, какъ вѣрно сообщалъ И. И. Пущинъ, нашелъ смерть послѣ своей недолгой, но бурной жизни, среди филеленовъ между 1822—1825 г.г. въ Греціи Неизвѣстно, наступила ли эта смерть отъ ранъ, болѣзней или въ бою за идею освобожденія грековъ отъ турецкаго за-силія, за идею освобожденія христіанъ отъ ига правовѣрныхъ, за идею, за кото-рую также погибъ и величайшій поэтъ Англійи и всего міра — лордъ Байронъ.

Гербъ фамиліи Брольа ди-Кіери.

По «*Tettoni teatr. arald.*», въ гербѣ фамиліи Брольа ди-Кіери, до и послѣ возведенія ихъ въ княжеское достоинство, былъ лебедь (стоячій) и некоронован-ные крылатые серебряные львы. Надъ лебедемъ тянется лента съ девизомъ «*Pour l'avenir!*» (для будущаго).

Щитъ овальный (у герцоговъ), золотой, съ лазуревымъ Андреевскимъ якор-нымъ крестомъ; у итальянскихъ Брольа — четырехугольный, съ закругленными нижними краями, съ остроконечнымъ окончаніемъ по срединѣ.

Шлемъ коронованный, съ открытымъ забраломъ (на шеѣ на цѣпи орденъ; у герцоговъ — щитъ повернуть влево), съ лазуревозолотистымъ наметомъ, съ сто-ящимъ въ коронѣ лебедемъ (у герцоговъ — съ сидящимъ на немъ, готовымъ къ отлегу серебрянымъ лебедемъ); съ такимъ же точно лазуревымъ Андреевскимъ кре-стомъ на груди, на червленой лентѣ; у итальянской отрасли — Мальтійскій крестъ повязанъ на шеѣ (у герцоговъ — крестъ виситъ на лентѣ, наброшенной на голову лебеда).

Щитодержатель на герцогскомъ гербѣ два коронованныхъ противостоящихъ золотыхъ льва; на простомъ — два некоронованныхъ.

Гербъ герцоговъ помѣщается на ниспадающей складками золотой мантии съ дамаскированнымъ (покрытымъ узорными линиями) горностаевымъ подбьемъ (гер-цогскій дипломъ утвержденъ 28 марта 1759 года); у итальянскихъ Брольа гер-цогской мантии, конечно, нѣтъ.

(См. изображеніе этого герба).



I.

ДОБАВЛЕНІЕ

къ разнымъ біографическимъ очеркамъ

„Товарищей Пушкина“.

Къ біографическому очерку о В. Д. Вольховскомъ.

*«Товарищи Пушкина», томъ I,
стр. 52 — 78, ил. IV (о Персид-
скомъ походѣ въ 1828 году).*

Въ біографическомъ очеркѣ В. Д. Вольховскаго за 1828 годъ не указано на его письма изъ Персіи. Первое письмо—отъ 28 февраля 1828 года, изъ гор. Тавриза ¹⁾, объ освобожденіи лѣкаря изъ Грузіи Аландарова изъ Зангана, гдѣ онъ находился, противъ его воли, у Насрула-Хана до полного выздоровленія Хана отъ паралича.

При второмъ письмѣ, отъ 6 марта 1828 года за № 288, изъ Тавриза, къ коллежскому ассесору и кавалеру Амбургеру, полученномъ послѣднимъ 7 марта 1828 года, препровождается копія секретной инструкціи Генерала Паскевича Генераль-Маіору Панкратьеву, назначенному командовать войсками, оставшимися въ Хоѣ и Урумїи.

Далѣе приводится самая копія съ инструкціи Паскевича. Копія эта списана собственноручно «гвардіи капитаномъ Вольховскимъ» 6-го марта 1828 г., изъ Тавриза, за № 286.

За указаніе на эти письма Вольховскаго я приношу глубокую благодарность Николѣу Кириакovichу Пиксанову, автору изслѣдованія объ А. С. Грибоѣдовѣ.

О встрѣчѣ въ Тифлисѣ съ В. Д. Вольховскимъ сообщаетъ много интереснаго Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, братъ лицеиста Пущина, Ивана Ивановича, товарища Вольховскаго. Въ этихъ запискахъ мы находимъ нѣсколько прочувствован-

¹⁾ Письмо обращено къ «Милостивому Государю Андрею Карловичу» и имѣеть двѣ помѣты: первая: «Писано къ Ген.-Маіору барону Розену», вторая: «Получено 5 марта 1828 г.».

ныхъ строкъ о Вольховскомъ, которыя своевременно не попали, по какой-то странной случайности, въ текстъ біографическаго очерка о Вольховскомъ (См. «Рус. Арх.» 1908 г., кн. II, «Записки Михаила Ивановича Пушкина», стр. 462 и 464).

Къ біографическому очерку о князѣ А. М. Горчаковѣ.

Графъ Алексѣй Разумовскій, 29 марта 1815 г. за № 861, обратился съ слѣдующимъ отношеніемъ къ «Господину исправляющему должность директора Царскосельскаго Лицея»: «Видя изъ представленныхъ мнѣ вѣдомостей о состояніи Лицея, что воспитанникъ Князь Горчаковъ доселѣ еще находится въ больницѣ, препоручаю вамъ призвать въ Лицей доктора благороднаго пансіона Штаба, съ тѣмъ, чтобы съ докторомъ Лицея Пешелемъ созвать консултацию о средствахъ къ скорѣйшему излѣченію сего воспитанника; о послѣдствіи же буду ожидать вашего донесенія». Подписалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія Гр. Алексѣй Разумовскій. Вѣрно: «Архиваріусъ Балемень».

Въ дѣлахъ сохранилось свидѣтельство о состояніи здоровья кн. Горчакова доктора Штаба (Doctor Staab), отъ 8 апрѣля 1815 года, и такое же свидѣтельство доктора Пешеля, отъ 13 апрѣля того же года. Кромѣ того, отъ исправляющаго должность директора профессора Гауеншильда, отъ 20 апрѣля за № 209, было отправлено Министру Народнаго Просвѣщенія слѣдующее извѣщеніе о состояніи здоровья воспитанника князя Горчакова: «Во исполненіе предписанія Вашего Сіятельства за № 861-мъ имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе поданныя мнѣ Докторами Штабомъ и Пешелемъ извѣстія о состояніи здоровья воспитанника Лицея князя Горчакова и донести, что сей воспитанникъ, изцѣлвшись отъ кашля, примѣченнаго 4-го числа Штабомъ, нынѣ находится въ совершенномъ здоровьѣ. Въ должности Директора Профессоръ Гауеншильдъ. Секретарь Мудревичъ».

Къ стр. 386 I-го тома „Товарищей Пушкина“.

Письмо, въ которомъ упоминаются Ломоносовъ и Бакунинъ, написанное Энгельгардтомъ къ Матюшкину въ концѣ декабря 1821 г., было отправлено ему 2-го января 1822 года, а не «22 декабря 1822 г.», какъ указано въ біографіи.

Къ біографическому очерку о С. Д. Комовскомъ.

*Къ стр. 524 (строка 7-ая снизу)
I-го тома «Товарищій Пушкина».*

Въ первомъ томѣ «Товарищій Пушкина» въ біографическомъ очеркѣ С. Д. Комовскаго пропущено указаніе на то, гдѣ онъ учился до поступленія въ Лицен. Онъ съ трехлѣтняго возраста обучался въ нѣмецкой школѣ Св. Петра, въ удостовѣреніе чего ему было выдано свидѣтельство или аттестатъ отъ 27 іюля 1811 г., за подписью Инспектора Шуберта, съ приложеніемъ печати.

Къ біографическому очерку о Ѳ. Х. Стевенъ.

Томъ I, стр. 59. Въ статкѣ о В. Д. Вольховскомъ невѣрно обозначенъ день смерти Ѳ. Х. Стевена. Тамъ указано, что онъ умеръ въ Остенде 12/24 августа 1851 г., вмѣсто 1/13-го августа 1851 г.

Далѣе, въ томъ же томѣ, на стр. 516, въ біографическомъ очеркѣ о Стевенѣ тоже есть невѣрное указаніе по финляндскимъ источникамъ. Такъ, напримѣръ, совершенно вѣрно указанъ день его смерти—1/13 августа 1851 г., но невѣрно указаніе въ таблицахъ Вазашерна, что Стевенъ умеръ 31 іюля 12 августа. Чтобы рѣшить, которая дата правильнѣе, я былъ вынужденъ обратиться къ городскому головѣ гор. Остенде съ просьбою сообщить мнѣ копію акта о смерти Стевена и 11 января 1913 года я получилъ слѣдующее письмо: «Monsieur. J'ai l'honneur de vous faire parvenir ci - jointe la pièce demandée par votre lettre du 19 Décembre dernier.

Agreez, Monsieur, l'assurance de ma considération distinguée. P. l'Officier de l'Etat civil, Le Chef de bureau, Auguste Daniel. A Monsieur de Gastfreund à St. Pétersbourg».

Вотъ переводъ документа, присланнаго при упомянутомъ письмѣ:

«Королевство Бельгія. Провинція Западной Фландріи. Городъ Остенде. Извлеченіе изъ реестра протоколовъ о смерти за 1851 годъ, № 206. Въ 1851 году, 14 августа, въ 4 часа пополудни, передъ нами, Анри Серрюизъ, кавалеромъ ордена Леопольда, бургомистромъ и офицеромъ гражданской службы города Остенде, явились г.г. Александръ Вульффертъ, въ возрастѣ 61-го года, главный директоръ почтъ Великаго Княжества Финляндскаго, статскій совѣтникъ, Командоръ и кавалеръ разныхъ орденовъ, жительствующій въ Гельсингфорсѣ, столицѣ Великаго Княжества Финляндскаго, и Иванъ Бразеръ, въ возрастѣ 48 лѣтъ, членъ постоянной Депутаціи Совѣта

провинціи Западнои Фландріи, банкіръ и русскій консулъ, жительствующій въ Остенде, оба знакомые умершаго, и объявили намъ, что г. Фредерикъ де-Стевенъ, въ возрастѣ 53-хъ лѣтъ одного мѣсяца и 25-ти дней, родившійся въ Фридрихсгамѣ, въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, 18 іюня 1798 года, жительствовавшій въ С.-Петербургѣ, въ Россіи, товарищъ министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, тайный совѣтникъ, кавалеръ разныхъ орденовъ 1-й степени, вдовствующій послѣ Софіи Маркевичъ, умершей въ Выборгѣ, въ Финляндіи, сынъ Христіана-Даніеля и Якобины Брунъ, умершихъ въ Фридрихсгамѣ, — умеръ вчера ¹⁾, въ два часа съ половиной пополудни, въ гостиницѣ «Des Bains», находящейся въ этомъ городѣ, на набережной, № 13. Послѣ прочтенія настоящаго акта, оба свидѣтели подписали его: Александръ де-Вульффертъ, Иванъ де-Бразеръ и Анри Серрюизъ.

«Вѣрно съ выпискою. Остенде, 10 января 1913 года. Офицеръ гражданской службы Августъ Либертъ». (Приложена печать).

«Удостоверенъ нами, мировымъ судьей Кантона Остенде, для удостовѣренія подписи г. Августа Либерта, Офицера гражданской службы въ Остенде, показанной выше. 11 января 1913 года. № 13». (Приложена печать).

Къ біографическому очерку о **В. В. Матюшкинѣ.**

II т. «Товарищій Пушкина».

Въ лицейскомъ архивѣ нашлось много матеріаловъ, относящихся до воспитанника Матюшкина. Можно сказать даже, что все, исключительно, находящееся теперь въ лицейскомъ архивѣ и относящееся до первокурсниковъ, всецѣло относится къ одному Матюшкину. Къ сожалѣнію, въ свое время мнѣ не удалось воспользоваться этими матеріалами. Нынѣ, благодаря любезности секретаря Лицея, Александра Александровича Рубецъ, я могу воспользоваться этими матеріалами, за что приношу глубокую благодарность Александру Александровичу Рубецъ.

Дѣла лицейскаго архива о Матюшкинѣ начинаются запискою «о желаніи воспитанника Лицея Матюшкина опредѣлиться въ Морскую экспедицію», слѣдующаго содержанія:

«Воспитанникъ Лицея Матюшкинъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ имѣлъ страстное желаніе путешествовать моремъ. И по нынѣ желаніе сіе въ немъ весьма живо, такъ, что онъ высшею степенью своего щастія поставилъ бы, еслибъ могъ быть отправленъ съ какою либо морскою экспедиціею.

¹⁾ Т. е. 13 августа (по новому стилю) 1851 г.

Royaume de Belgique

Province de la Flandre Occidentale

Ville d'Ostende



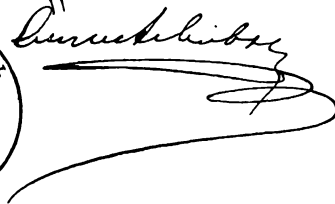
Extrait du Registre aux actes de
Deces pour l'annee 1851, n° 206

Le an mil huit cent cinquante un le quatorze doût
a quatre heures de relevee, Pardevant nous Henri Serruys
Chevalier de l'ordre de Leopold Bourgmestre et officier de l'Etat ci-
vil de la ville d'Ostende sont comparus Messieurs Alexandre Hulf-
fert âge de soixante et un ans Directeur general des postes du Grand
duche de Finlande Conseiller d'Etat commandeur et chevalier de diffé-
rents ordres domicilie a Helsingfors capitale du grand Duché de Finlande
et Jean Brasseur âge de quarante huit ans Membre de la députation
permanente du Conseil Provincial de la Flandre occidentale Banquier
et Consul de Russie domicilie a Ostende, tous deux connaissances du
defunt lesquels nous ont declare que Monsieur Frederic
de Steven âge de cinquante trois ans un mois et vingt en-
quatre jours ne a Friedrichshamn au grand Duché de Finlande le dix
huit Jun mil sept cent quatrevingt dix huit domicilie a St Peters-
bourg en Russie adjoint du ministre Secrétaire d'Etat pour le
grand Duché de Finlande Conseiller prive Chevalier grand'croix de
plusieurs ordres Chevalier de Dame Sophie Markovitch decedee
a Alborg en Finlande Fils de Christian Daniel et de Thérèse

Breun, tous deux decedes a Fredrichshamm susdit Est decede
hier a deux heures et demie de l'apres midi a l'Hotel des Bains
situe en cette ville rue du quar n° 13. apres qu'il a été donne lecture
lecture les deux declarants ont signe avec nous le present acte (signe)
alexandre de Wulffers, J. Brasseur et h. Serruys

coll:
M

Pour extrait conforme
Ostende le 10 Janvier 1913
L'officier de l'Etat civil

Deurichshamm




n° 13



Vu par nous, Juge de Paix du
Canton d'Ostende pour legalisation de
la signature de Monsieur *Deurichshamm*
Wilbert Officier de l'Etat
Civil a Ostende
apposee ci-dessus.

Ostende, le 11 Janvier 1913

Amoff


«На удовлетвореніе сего желанія его, нынѣ есть возможность еслибъ могъ онъ быть опредѣленъ въ какомъ либо званіи при Капитанѣ Головиннѣ, который отправляется какъ извѣстно въ Сѣверо-Американскія наши Колоніи. Матюшкинъ пишетъ и изъясняется свободно на трехъ языкахъ, а потому могъ бы быть употребленъ къ письмоводству; сверхъ того оказалъ онъ весьма хорошіе успѣхи въ Математическихъ и вообще во всѣхъ наукахъ въ курсѣ Императорскаго Лицея входящихъ. Онъ занимался нѣсколько естественною исторіею и рисуетъ изрядно. Къ сямъ качествамъ Матюшкинъ соединяетъ отличное поведеніе и прилѣжаніе, такъ что при страсти его къ морской жизни и при твердости характера его нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ избираемомъ имъ родѣ жизни полезень будетъ. — Егоръ Энгельгардтъ».

На этой запискѣ, вѣроятно, рукою Энгельгардта написано: «Докладывано въ Царскомъ Селѣ 4-го іюня 1817 года Высоч. указ. соизволилъ снести съ Министромъ морскимъ и ежели согласенъ то опредѣлить».

7-го іюня 1817 года, за № 1723, князь Голицынъ обратился къ маркизу де-Траверсе съ письмомъ по поводу Матюшкина слѣдующаго содержания:

«Милостивый Государь Маркизь Иванъ Ивановичъ! По постановленію Императорскаго Царскосельскаго Лицея, и по Высочайшему Рескрипту, послѣдовавшему на имя мое въ 19 день Маія сего года, воспитанники Лицея въ службу поступаютъ къ мѣстамъ опредѣляются сходно съ ихъ желаніемъ. — Въ числѣ воспитанниковъ, кои нынѣ изъ Лицея выпущены быть имѣютъ, находится воспитанникъ Федоръ Матюшкинъ, назначенный къ выпуску съ чиномъ Коллежскаго Секретаря и жалованьемъ изъ казны по семисотъ рублей въ годъ, впродъ до открытія вакансіи. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ имѣлъ страстное желаніе путешествовать моремъ. Желаніе сіе его не можетъ быть удовлетворено, поступленіемъ въ Морскую службу; ибо онъ не обучался нужнымъ для того наукамъ; но нынѣ представляетъ къ сему удобный случай опредѣленіемъ его въ какомъ-либо званіи при Капитанѣ Головиннѣ, который отправляется, какъ извѣстно, съ Экспедиціею въ Восточный Океанъ. Матюшкинъ пишетъ и изъясняется свободно на трехъ языкахъ, французскомъ, нѣмецкомъ и своемъ природномъ, а по тому могъ бы употребленъ быть въ упомянутой Экспедиціи по письмоводству; сверхъ того оказалъ онъ весьма хорошіе успѣхи въ Математическихъ и вообще во всѣхъ наукахъ, въ курсѣ Лицея входящихъ; онъ занимался нѣсколько Естественною Исторіею и рисуетъ изрядно. Съ сими качествами Матюшкинъ соединяетъ отличное поведеніе и прилѣжаніе, такъ, что при страсти его къ морской жизни и при твердости характера его, нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ избираемомъ имъ родѣ жизни будетъ полезень. Я докладывалъ о семъ Государю Императору. Его Величество повелѣтъ соизволилъ снести съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, найдете ли возможнымъ Головиннѣ взять сего Гражданскаго Чиновника съ собою и поручить ему какую либо должность? Въ случаѣ его согласія опредѣлить Ма-

тющкина съ тѣми выгодами которыя вы признаете удобнымъ ему доставить сверхъ опредѣленнаго ему жалованья. Въ слѣдствіе сего покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь, увѣдомить меня о семъ дабы я въ случаѣ принятія его въ помянутую Экспедицію, могъ приказать ему явиться къ Г-ну Капитану Головнину; сверхъ того извѣстить меня, на сколько лѣтъ отправляется означенная Экспедиція, дабы я могъ снести къ Г-ну Министру Финансовъ объ отпускѣ Матюшкину впередъ на все время его путешествія положеннаго ему жалованья.

«Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Князь Александръ Голицынъ».

20-го іюня 1817 года, за № 1904, князь Александръ Голицынъ обратился къ маркизу де-Траверсе съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь Маркизь Иванъ Ивановичъ! Отношеніемъ моимъ отъ 7 сего мѣсяца, я имѣлъ честь просить Ваше Высокопревосходительство, въ слѣдствіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, увѣдомить меня, можетъ ли выпущенный изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря воспитанникъ Федоръ Матюшкинъ, по желанію его, быть принятъ въ Экспедицію, отправляющуюся съ Капитаномъ Головинимъ въ восточный Океанъ. Не получивъ еще отъ васъ на сіе, Милостивый Государь, я одолжаюсь возобновить вамъ покорнѣйшую мою просьбу по сему предмету, не оставивъ меня скорбѣйшимъ увѣдомленіемъ, находитъ ли Г. Капитанъ Головинъ удобнымъ взять его съ собою въ упомянутую Экспедицію; какъ равно и о томъ, когда онъ отправляется отсюда; ибо Коллежскій Секретарь Матюшкинъ имѣетъ необходимую нужду воспользоваться остающимся до того временемъ, съѣздить въ отпускъ въ Москву для свиданія съ родными и устройства своихъ дѣлъ, а потомъ возвратиться немедленно къ назначенному сроку отправления отсюда Экспедиціи. Теперь же, не имѣя рѣшенія о своей участи, онъ остается въ недоумѣніи и съ каждымъ днемъ уменьшаетъ время нужное для его отпуска.

«По симъ причинамъ беззамедленное извѣщеніе Вашего Высокопревосходительства на прежнее мое отношеніе о Г-нѣ Матюшкинѣ приму я въ чувствительное себѣ одолженіе и въ ожиданіи сего имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Князь Александръ Голицынъ».

23 іюня 1817 года, за № 415, маркизь де-Траверсе обратился къ кн. Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь мой Князь Александръ Николаевичъ! На почтенное отношеніе Вашего Сіятельства отъ 20 текущаго іюня № 1904, имѣю честь увѣдомить васъ, Милостивый Государь мой, что на шлюпъ Камчатку въ назначенную Экспедицію воспитанника Матюшкина, выпущеннаго изъ Императорскаго Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря, взять съ собою флота Капитанъ 2-го ранга Головинъ согласенъ; и по отзыву его, онъ можетъ исправлять дол-

жность Гардемариинскую и сдѣлаться со временемъ полезнымъ по охотѣ его къ Морской службѣ; я же присовокупить къ тому имѣю, что при опредѣленіи на означенномъ основаніи Матюшкина въ Экспедицію, онъ можетъ пользоваться и морскимъ довольствіемъ противу Гардемариновъ. Отправление же шлюпа послѣдуетъ въ исходѣ будущаго іюля мѣсяца; а Экспедиція съ возвратомъ сюда совершена быть можетъ въ два или три года».

«Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Маркизь де-Траверсе».

26 іюня 1817 года, за № 1918, князь Голицынъ пишетъ «Г-ну Директору Императорскаго Царскосельскаго Лицея» слѣдующее:

«Г. Морской Министръ, въ слѣдствіе отношенія моего, увѣдомилъ меня нынѣ, что флота Капитанъ 2-го ранга Головинъ согласенъ взять съ собою выпущеннаго изъ Царскосельскаго Лицея, съ чиномъ Коллежскаго Секретаря, воспитанника Θεодора Матюшкина, на шлюпѣ Камчаткѣ, въ отправляющуюся съ нимъ въ Восточный океанъ Экспедицію, и по отзыву его, Г. Матюшкинъ можетъ исправлять должность Гардемариина и сдѣлаться со временемъ полезнымъ по охотѣ его къ Морской службѣ. Къ сему присовокупляетъ Г. Морской Министръ, что при опредѣленіи Матюшкина на такомъ основаніи въ означенную Экспедицію, онъ можетъ пользоваться и морскимъ довольствіемъ противу Гардемариновъ. Отправление же шлюпа послѣдуетъ въ исходѣ будущаго іюля мѣсяца, а Экспедиція съ возвратомъ сюда совершена быть можетъ въ два или три года».

«Увѣдомляя о семъ Ваше Превосходительство, прошу объявить о томъ Г-ну Матюшкину, съ тѣмъ, чтобы онъ поспѣшилъ явиться къ г. Капитану Головину.—Исправляющій должность Министра Народнаго Просвѣщенія Князь Александръ Голицынъ».

26 іюня 1817 года, за № 305, Энгельгардтъ пишетъ изъ Царскаго Села В. М. Головину слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь мой Василій Михайловичъ.—Его Сіятельство Господинъ исправляющій должность Министра Народнаго Просвѣщенія предписываетъ мнѣ препроводить къ Вамъ Милостивый Государь мой выпущеннаго изъ Императорскаго Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря воспитанника Θεодора Матюшкина, который по согласію вашему имѣетъ отправиться на шлюпѣ Камчаткѣ, въ должности Гардемариина, съ тѣмъ чтобы онъ пользовался и морскимъ довольствіемъ противу Гардемариновъ. Во исполненіе воли Его Сіятельства я предписалъ Г-ну Матюшкину немедленно къ вамъ Милостивый Государь мой явиться, для полученія приказаній и наставленій относительно того, что ему теперь дѣлать надлежитъ, равно какъ и испрошеніе дозволенія если можно отправиться хотя на самое короткое время въ Москву, для свиданія съ старою матерью которую онъ шесть лѣтъ не видалъ».

«Впрочемъ честь имѣю пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Милостивый Государь мой вашъ (Энгельгардтъ)».

30 іюня 1817 года, за № 1956, князь Александръ Голицынъ пишетъ Д. А. Гурьеву слѣдующее:

«Милостивый Государь Дмитрій Александровичъ.—Изъ числа выпущенныхъ нынѣ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея воспитанникъ, Феодоръ Матюшкинъ произведенный въ Коллежскіе Секретари, съ назначеніемъ ему въ жалованье по семи сотъ рублей въ годъ изъ Государственнаго Казначейства впредь до открытія вакансіи, опредѣленъ въ Экспедицію, отправляющуюся нынѣ съ Капитаномъ Головиннымъ въ восточный Океанъ. Какъ экспедиція таковая совершена быть можетъ, по увѣдомленію Господина Морскаго Министра, въ два или три года, то покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство опредѣленное Матюшкину жалованье, по семи сотъ рублей въ годъ, за все три года отпустить нынѣ же въ вѣдомство Морскаго Министерства, для производства въ выдачу Матюшкину во время его путешествія съ Экспедиціею, въ которой онъ не будетъ имѣть штатнаго по званію его мѣста, и о послѣдствіи не оставитъ меня увѣдомить.

«Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Князь Александръ Голицынъ».
Вѣрно: «Архивариусъ Балемень».

30 іюня 1817 года, за № 1957, князь Голицынъ обратился къ маркизу де-Траверсе съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь Маркизь Иванъ Ивановичъ.—Получивъ увѣдомленіе Вашего Высокопревосходительства, что Коллежскій Секретарь Матюшкинъ будетъ опредѣленъ въ Экспедицію, отправляющуюся съ Г. Капитаномъ 2-го ранга Головиннымъ въ Восточный океанъ и что Экспедиція сія съ возвратомъ сюда совершена быть можетъ въ два или три года, я отнесся къ Г. Министру Финансовъ, дабы опредѣленное Матюшкину жалованье по семи сотъ рублей въ годъ изъ Государственнаго Казначейства, за все три года отпущено было нынѣ же въ вѣдомство Морскаго Министерства. Я покорнѣйше прошу васъ Милостивый Государь, приказать, по полученіи сихъ денегъ, выдавать оныя Матюшкину въ продолженіе путешествія его въ установленное время, сверхъ того довольствія, которымъ онъ пользоваться будетъ отъ Экспедиціи».

«Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Князь Александръ Голицынъ».

28 іюня 1817 года Энгельгардтъ обратился къ В. М. Попову съ слѣдующимъ письмомъ:

«Опять къ вамъ Милостивый Государь мой, Василій Михайловичъ, съ доукою; побраните, только помогите! Мой бѣдной Матюшкинъ, по милости князя опредѣленъ въ Экспедицію Головнина, онъ былъ у него и Г. Головнинъ сказалъ ему что онъ можетъ ѣхать въ Москву съ тѣмъ чтобы возвратиться до половины августа. Но когда Матюшкинъ попросилъ у него вида для поѣздки и получения подорожной, то Головнинъ ему сказалъ чтобы онъ себѣ таковой досталъ отъ Лицея, ибо де при немъ считается онъ только волонтиромъ. Во-первыхъ, Лицей не въ правѣ уже дать вида бывшимъ своимъ воспитанникамъ когда они уже въ чинѣ Коллежскаго Секретаря; во-вторыхъ, если Матюшкинъ только при Головнинѣ волонтиромъ, то гдѣ же будетъ считаться его служба и старшинство? Онъ по сіе время еще никуда не опредѣленъ и такъ легко случится можетъ, что онъ эти три года поѣздки морской совершенно потеряетъ. Довершите доброе свое дѣло надъ Лицеємъ, вы помогали всѣмъ, помогите же теперь еще и послѣдному нашему питомцу. Пристройте его какъ-нибудь, гдѣ-нибудь; ему надлежало бы кажется присягнуть на чинъ, получить какой-нибудь указъ или видъ по которому могъ получить впредь свои 700 рублей жалованья и пр. и пр. — На васъ вся наша надежда; я велѣлъ ему къ вамъ явиться и отъ васъ получить во всемъ наставленіе и приказаніе. Если не иначе, то нельзя ли чтобы не задержать его, дать ему отъ вашего Департамента видъ, съ которымъ могъ бы онъ получить подорожную и ѣхать въ Москву, а между тѣмъ бы его здѣсь гдѣ-нибудь приписали и пр.

«Простите великодушно, что я такъ безстыдно на васъ наваливаю всѣ свои хлопоты, но Вы сами виноваты, la bonté et la complaisance attirent les importuns.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю пребыть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Егоръ Энгельгардтъ».

Отъ 30 іюня 1817 года, за № 1951, изъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія выданъ Матюшкину слѣдующій видъ:

«По Указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийскаго и прочая и прочая и прочая. — Объявитель сего, выпущенный изъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Коллежскій Секретарь Θεодоръ Матюшкинъ, уволенъ по прошенію его, исправляющимъ должность Министра Народнаго Просвѣщенія г. Тайнымъ Совѣтникомъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, въ отпускъ въ Москву отъ нижеписаннаго числа на двадцать восемь дней. Во свидѣтельство сего данъ ему сей видъ изъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія съ приложеніемъ печати. Въ С.-Петербургѣ, іюня 30 дня 1817 года».

Подписалъ: «Директоръ Василій Поповъ». Вѣрно: «Архиваріусъ Балемень».

20 августа 1817 года, за № 526, Морской Министръ обратился къ князю А. Н. Голицыну съ слѣдующей запиской:

«Морской Министръ, свидѣтельствуя свое истинное почтеніе Его Сіятельству Князю Александру Николаевичу, имѣть честь увѣдомить Его, что бывший воспитанникъ Императорскаго Лицея Губернскій (?) Секретарь Матюшкинъ жалованьемъ удовлетворенъ ассигнаціями, по пребыванію его здѣсь, наравнѣ съ другими чинами шлюпа Камчатки; когда же плаваніе ихъ будетъ за границую, тогда денежное довольствіе за то время имѣть быть производимо имъ по заграничному курсу».

31 августа 1817 года, за № 2588, Министръ Финансовъ Д. А. Гурьевъ обратился къ князю Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь мой князь Александръ Николаевичъ.—На отношеніе Вашего Сіятельства ко мнѣ отъ 30 минувшаго іюня объ отпускѣ опредѣленному въ Экспедицію, отправляющуюся съ Капитаномъ Головиннымъ въ Восточный Океанъ, изъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря Федору Матюшкину жалованье по семи сотъ рублей за три года впредь, честь имѣю увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что на основаніи Высочайшаго указа въ 9 день сего августа на имя мое послѣдовавшаго предписано Санктпетербургскому для остаточныхъ суммъ Казначейству, дабы оно причитающіеся ему Матюшкину въ жалованье за три года деньги отпустила по требованію Государственной Адмиралтействъ Коллегіи Казначейской Экспедиціи.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Д. Гурьевъ».

4 сентября 1817 года, за № 2640, князь Голицынъ обратился къ маркизу де-Траверсе съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь Маркизь Иванъ Ивановичъ.—Г. Министръ Финансовъ, въ слѣдствіе отношенія моего къ нему, увѣдомилъ меня нынѣ, что объ отпускѣ опредѣленному въ Экспедицію отправляющуюся съ Капитаномъ Головиннымъ въ Восточный океанъ, бывшему воспитаннику Царскосельскаго Лицея Коллежскому Секретарю Федору Матюшкину жалованье по 700 рублей за три года впередъ, предписано отъ него С.-Петербургскому для остаточныхъ суммъ Казначейству, дабы деньги сіи были отпущены по требованію Государственной Адмиралтействъ Коллегіи Казначейской Экспедиціи.

«Я надѣюсь впрочемъ, что при отправленіи его въ море, Ваше Высокопревосходительство не оставитъ распоряженіемъ Вашимъ о достаточномъ его удовольствіи и содержаніи на все продолженіе путешествія.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою Князь Александръ Голицынъ».

10 сентября 1817 года, за № 578, маркизь де-Траверсе обратился къ князю Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь мой князь Александръ Николаевичъ. — На почтеннѣйшее отношеніе Вашего Сіятельства отъ 4 текущаго сентября № 2640 имѣю честь увѣдомить васъ Милостивый Государь мой, что о слѣдующемъ продовольствіи отправившагося съ Капитаномъ Головиннымъ Коллежскаго Секретаря Матюшкина и должномъ содержаніи его во все продолженіе путешествія, сдѣлано надлежащее распоряженіе еще при самомъ опредѣленіи его Матюшкина въ помянутую Экспедицію.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Маркизь Иванъ де-Траверсе».

22 октября 1819 года, за № 405, капитанъ Головинъ обратился къ Е. А. Энгельгардту съ слѣдующимъ письмомъ:

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь. — При отправленіи въ прошломъ 1817 (?) году въ путешествіе кругомъ свѣта шлюпа Камчатки Ваше Превосходительство при отношеніи своемъ отъ 26 іюня того же года подъ № 305 по предписанію Исправляшаго тогда должность Министра Народнаго Просвѣщенія препроводили ко мнѣ выпущеннаго изъ Царскосельскаго Императорскаго Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря воспитанника Феодора Матюшкина для отправленія на шлюпѣ въ должности Гардемарина, которой во все время вояжа подъ моимъ начальствомъ и находился: сначала при исправленіи сей, а потомъ мичманской должности и отъ Азорскихъ острововъ до Кронштадта командовалъ вахтою; а нынѣ по возвращеніи по желанію своему подалъ на Высочайшее имя прошеніе о помѣщеніи его въ морскую службу на что еще не воспослѣдовало ни какого разрѣшенія; но какъ теперь по окончаніи Компаніи вся команда какъ гг. офицеры такъ и служители, бывшіе на Шлюпѣ Камчаткѣ, по предписанію вышняго начальства, разосланы по прежнимъ ихъ Экипажамъ и Шлюпъ сданъ къ порту, то согласно съ симъ и его Матюшкина я имѣю честь препроводить обратно къ Вашему Превосходительству, коему дано отъ меня особенное приказаніе къ вамъ явиться, какое же послѣдуетъ на прошеніе его о переводѣ во флотъ рѣшеніе я не приминую о семъ увѣдомить васъ особенно, что же принадлежитъ до довольствія его — то оное производилось сообразно назначенію правительства жалованья по семи сотъ рублей въ годъ и на одного денщика провизіи которые выданы ему первое по 6-е число сентября, то-есть по день прибытія Шлюпа въ Кронштадтъ, а послѣдніе по 12-е число сентября когда Шлюпъ вошелъ въ гавань и слѣдуетъ ему получить за заслуженное въ вояжѣ по книгамъ записанные въ приходъ морскіе провизіи о чемъ представлено высшему начальству и когда отпустятся деньги, то будутъ ему доставлены лично или посредствомъ Вашего Превосходительства.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга Василій Головиннъ» ¹⁾).

29 октября 1819 года, за № 180, Директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ обратился на имя Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«О производствѣ жалованья Коллежскому Секретарю Матюшкину. — Г-нъ Флота Капитанъ 1-го ранга Головиннъ отношеніемъ своимъ отъ 22-го сего октября за № 405 увѣдомляетъ, что въ слѣдствіе полученнаго имъ высшаго начальства предписанія, вся команда, какъ офицеры, такъ и служители находившіеся при экспедиціи его на Шлюпѣ Камчаткѣ, отправлены имъ обратно въ тѣ Екипажи откуда поступили, а какъ въ числѣ сей команды состоялъ прикомандированный къ нему въ 1817 году изъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея Коллежскій Секретарь Федоръ Матюшкинъ, который во все время 2-хъ лѣтняго путешествія вокругъ свѣта Шлюпа Камчатки находился на ономъ съ начала въ должности Гардемарина, потомъ исправлялъ мичманскую должность, а отъ Азорскихъ Острововъ до Кронштадта командовалъ вахтою, нынѣ же хотя и подано отъ него Матюшкина прошеніе о помѣщеніи его въ морскую службу, но какъ на сіе прошеніе еще по нынѣ Высочайшаго разрѣшенія не воспослѣдовало, то по состоявшемуся вышесказанному предписанію и считаетъ онъ Г. Головиннъ себя обязаннымъ отправить его Матюшкина обратно ко мнѣ, объясняя притомъ, что сообразно назначенію правительства слѣдовавшее ему жалованье по 700 (р.) производилось ему во все время нахождения его на шлюпѣ, т.-е. по 12 минувшее сентября.

«Донося о семъ Вашему Сіятельству, я долгомъ поставляю испрашивать въ разрѣшеніе предписанія, о томъ куда долженъ нынѣ Коллежскій Секретарь Матюшкинъ явиться до воспослѣдованія разрѣшенія на помѣщеніе его въ морскую службу, а притомъ побуждаюе также просить Ваше Сіятельство объ исходатайствованіи производства ему Матюшкину изъ суммъ Государственнаго Казначейства слѣдующаго на основаніи Высочайшей воли по чину жалованья изъ 700 р. въ годъ со дня прекращенія ему онаго отъ морскаго вѣдомства какъ выше показано съ 12 сентября текущаго года, а также и о выдачѣ по расчету со времени выпуска его изъ Лицея, т.-е. съ 9-го іюня по 1-е сентября 1817 года, ибо съ сего только числа начато ему производство, отъ шлюпа Камчатки жалованье, до того же времени онъ ни откуда онаго не получалъ. — Директоръ Егоръ Энгельгардтъ».

¹⁾ На письмѣ внизу написано: «Его Превосходительству Господину Главному Царскосельской Императорской Лицея Директору и Кавалеру Энгельгардту».

3 ноября 1819 года, за № 184, Е. А. Энгельгардтъ обратился къ Головинну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый Государь мой Василій Михайловичъ.—Препровожденный при отношеніи вашемъ отъ 22 минувшаго октября за № 405, Коллежскій Секретарь Федоръ Матюшкинъ ко мнѣ явился, о чемъ донесъ Господину Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, я честь имѣю увѣдомить о томъ и васъ, Милостивый Государь мой.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Высочордія...».

Записка Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія Министру:

«Директоръ Царскосельскаго Лицея представляетъ что флота Капитанъ 1-го ранга Головинъ, при отношеніи своемъ прислалъ къ нему бывшаго съ нимъ въ путешествіи вокругъ свѣта на Шлюпѣ Камчаткѣ, выпущеннаго въ 1817 году изъ воспитанниковъ Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря Матюшкина, который въ двухъ-лѣтнее время путешествія сего Шлюпа находился на ономъ съ начала въ должности Гардемарина, потомъ исправлялъ Мичманскую должность, а отъ Азорскихъ Острововъ до Кронштата командовалъ Вахтою; по прибытіи же его въ Петербургъ хотя и подано отъ него Матюшкина прошеніе о помѣщеніи его въ Морскую службу, но какъ на сіе прошеніе еще по нынѣ Высочайшаго разрѣшенія не послѣдовало; то Г. Головинъ на основаніи полученнаго имъ отъ своего Начальства предписанія, дабы онъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ помянутой экспедиціи отправилъ въ тѣ мѣста, откуда они поступали, отправилъ Г. Матюшкина къ нему, Директору Лицея, изъясняя, что слѣдовавшее чиновнику сему жалованье, по 700 рублей въ годъ, производилось ему во все время нахождения его на Шлюпѣ, т. е. по 12 минувшаго сентября.

«По сему Директоръ Лицея просятъ въ разрѣшеніе предписанія Вашего Сіятельства о томъ, куда должнъ нынѣ Коллежскій Секретарь Матюшкинъ явиться до воспослѣдованія разрѣшенія на помѣщеніе его въ Морскую службу, а притомъ просятъ объ исходатайствованіи производства Матюшкину изъ суммъ Государственнаго Казначейства слѣдующаго на основаніи Высочайшей воли по чину жалованья, изъ 700 рублей въ годъ, съ 12 сентября сего года, какъ со дня прекращенія ему онаго отъ Морскаго вѣдомства, а также и о выдачѣ ему по расчету жалованья со времени выпуска его изъ Лицея, т. е. съ 9-го іюня по 1-е сентября 1817 года, ибо съ сего только числа начато ему производство, отъ Шлюпа Камчатки жалованье; до того же времени онъ ни отъ куда онаго не получалъ».

«Справка. Въ іюнь мѣсяцѣ 1817 года при выпускѣ изъ Лицея воспитанниковъ, окончившихъ въ ономъ полный курсъ ученія, Директоръ сего Лицея по-

далъ Вашему Сіятельству записку объ опредѣленіи Матюшкина, согласно желанію его, въ Экспедицію отправляющуюся тогда въ Восточный Океанъ.

«Записка сіи удостоилась Высочайшаго утвержденія и по учиненіи надлежащаго сношенія съ Морскимъ Министромъ принятъ былъ Матюшкинъ въ сію Экспедицію для отправленія должности Гардемарина. Совершеніе же сей Экспедиціи предполагалось въ 2 или 3 года».

«По сему Ваше Сіятельство отъ 30 того іюня относились къ Г. Министру Финансовъ, дабы онъ опредѣленное Матюшкину при выпускѣ его изъ Лицея впредь до открытія вакансіи, жалованье по 700 рублей въ годъ, отпустилъ за три года впередъ въ вѣдомство Морскаго Министерства.

«На сіе Г. Министръ Финансовъ отъ 31 августа того года увѣдомилъ, что деньги сіи отпущены въ вѣдомство Казначейской Экспедиціи Адмиралтействъ Коллегіи, а Г. Морской Министръ отъ 20 того же августа сообщилъ, что по распоряженію его, Матюшкинъ жалованьемъ удовлетворенъ Ассигнаціями, по пребыванію его здѣсь наравнѣ съ другими чинами Шлюпа Камчатки; когда же плаваніе ихъ будетъ за Границею, тогда денежное довольствіе за то время имѣеть быть производимо имъ по заграничному курсу».

На этой запискѣ Министромъ Народнаго Просвѣщенія положена слѣдующая резолюція:

«Заготовить отношеніе къ Г. Морскому Министру, о выдачѣ Матюшкину слѣдующаго за представляемое время жалованья изъ Адмир. Коллегіи. О семъ увѣдомить и Директора Лицея для объявленія Матюшкину; касательно же его самаго писать, что за ожиданіемъ помѣщенія его въ Морскую службу, не слѣдуетъ его уже никуда причислять по сему Министерству. 5 ноября 1819 г.».

8 ноября 1819 года, за № 3410, Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ Морскому Министру съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«Директоръ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Энгельгардтъ представилъ мнѣ, что Капитанъ 1-го ранга Головинъ, на основаніи полученнаго имъ отъ своего начальства предписанія, дабы онъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ Экспедиціи вокругъ свѣта на шлюпѣ Камчаткѣ, представилъ въ тѣ мѣста, откуда они поступили, прислалъ къ нему поступившаго въ сію же экспедицію изъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея Коллежскаго Секретаря Матюшкина. При семъ Директоръ Лицея изъясняетъ, что Матюшкинъ по прибытіи своемъ въ Петербургъ подалъ прошеніе о помѣщеніи его въ морскую службу, но какъ на оное еще Высочайшаго разрѣшенія не послѣдовало, то Г. Директоръ и проситъ меня объ исходатайствованіи Матюшкину производства назначеннаго ему по Высочайшему повелѣнію жалованья изъ 700 руб. въ годъ состоящаго, съ 12 сентября сего года, какъ со дня прекращенія выдачи ему онаго

изъ Морскаго вѣдомства, а равно и о выдачѣ ему по разчету жалованья со времени выпуска его изъ Лицея т. е. съ 9-го іюня по 1-е сентября 1817 года, съ котораго времени началось ему производство онаго отъ шлюпа, до сего же времени, онъ ни откуда жалованья не получалъ.

«Поелику же при помѣщеніи Матюшкина въ 1817 году въ помянутую Экспедицію, по сдѣланному отъ меня къ Г. Министру Финансовъ отношенію, ассигновано имъ къ отпуску въ Казначейскую Экспедицію Государственной адмиралтействъ Коллегіи, для производства Матюшкину жалованья за три года впередъ, о чемъ я имѣлъ честь увѣдомить Ваше Высокопревосходительство отношеніемъ моимъ отъ 4 сентября 1817 года за № 2640, то я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, сдѣлать нынѣ надлежащее распоряженіе, какъ объ удовлетвореніи его Матюшкина причитающимся ему жалованіемъ отъ 9-го іюня по 1-е сентября 1817 года, такъ равно и о производствѣ ему онаго съ 12 сентября сего года, до воспослѣдованія разрѣшенія на поданное имъ прошеніе о помѣщеніи его въ Морскую службу. О послѣдующемъ же покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ Вашимъ».

Подписали: «Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князь Александръ Голицынъ; Директоръ Василій Поповъ».

8 ноября 1819 года, за № 3411, Министръ Народнаго Просвѣщенія отвѣчаетъ Энгельгардту на № 180 слѣдующее:

«Господину Директору Императорскаго Царскосельскаго Лицея. По представленію Вашего Превосходительства отъ 29 минувшаго октября, отнесся я къ Г. Морскому Министру, дабы онъ сдѣлалъ свое распоряженіе объ удовлетвореніи бывшаго съ Капитаномъ 1-го ранга Геловнинымъ въ Экспедиціи вокругъ свѣта, Коллежскаго Секретаря Матюшкина, причитающимся ему жалованьемъ, со времени выпуска его изъ Лицея, т. е. съ 9 іюня, по 1-е сентября 1817 года, а равно и о производствѣ ему жалованья съ 12 сентября сего 1819 года, до воспослѣдованія разрѣшенія на поданное имъ прошеніе о помѣщеніи его въ Морскую службу.

«Что же касается до испрашиваемаго Вами разрѣшенія о томъ, куда долженъ нынѣ Матюшкинъ явиться, то по мнѣнію моему, за ожидаемымъ имъ помѣщеніемъ въ Морскую службу, не слѣдуетъ его уже никуда причислять по ввѣренному мнѣ Министерству.

«О семъ для объявленія Г. Матюшкину нужнымъ считаю Васъ увѣдомить».

Подписали: «Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Кн. Александръ Голицынъ; Директоръ Вас. Поповъ».

По этому дѣлу имѣется записка Энгельгардта отъ 8 ноября 1819 года слѣдующаго содержанія:

«Выпущенный въ 1817 году изъ Императорскаго Лицея Коллежскій Секретарь Федоръ Матюшкинъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію отправленъ былъ въ Экспедицію вокругъ Свѣта подъ Командою Капитана Головнина. Изъ прилагаемаго при семъ въ копіи отношенія Г-на Головнина видно, что Матюшкинъ отличнѣмъ своимъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и познаніями по оной, заслужилъ до такой степени одобреніе и довѣренность почтеннаго своего начальника, что онъ на возвратномъ пути удостоилъ его исправленія должности Лейтенанта, и представилъ его Господину Министру Морскихъ Силъ къ награжденію съ прочими Офицерами, при немъ бывшими. Они всѣ уже получили свои награжденія, кромѣ одного Матюшкина, котораго судьба остается по нынѣ еще нерѣшенною, вѣроятно потому что на поданное отъ Матюшкина прошеніе о переводѣ его въ Морскую службу, не воспослѣдовало еще Резолюціи.

«При отличномъ одобреніи каковаго удостоиваетъ Капитанъ Головнинъ Г-на Матюшкина, нельзя, сомнѣваться, въ томъ чтобы былъ онъ переведенъ во флотъ, но при семъ переводѣ кажется бы справедливо было дать Матюшкину въ Мичманскомъ чинѣ старшинство съ 9-го іюня 1817 года, когда онъ Всемиловѣйше утвержденъ въ чинѣ Коллежскаго Секретаря, равняющимся съ Штабсъ-Капитаномъ. Таковой переводъ въ Морскую службу, не можетъ однако быть зачтенъ ему въ какую либо награду, а надлежало бы тогда дать ему въ сравненіе съ прочими его товарищами Орденъ Св. Анны 3-й степени какъ то и полагаетъ самъ Капитанъ Головнинъ. Егоръ Энгельгардтъ».

На этой запискѣ имѣется слѣдующая помѣта: «Здѣлать записку для доклада Государю. 12 ноября 1819».

6 ноября 1819 года, за № 416, капитанъ Головнинъ обратился къ Энгельгардту съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«Его Превосходительству Господину Директору Императорскаго Царскосельскаго Лицея и кавалеру Егору Антоновичу Энгельгардту.

«По Высочайшему повелѣнію находившійся въ путешествіи кругомъ Свѣта на Шлюпѣ Камчаткѣ подъ моимъ начальствомъ Коллежскій Секретарь Матюшкинъ, присланной въ мою Команду при отношенія отъ Вашего Превосходительства, нынѣ по окончаніи похода отосланъ обратно къ вамъ, въ уваженіе же отличного хорошаго его поведѣнія, прилѣжанія къ своей должности, усердія къ службѣ и познаній, приобрѣтенныхъ имъ по оной, исправляя сначала должность Гардемарина, потомъ Мичмана, а наконецъ и Лейтенанта, когда онъ отъ Азорскихъ Острововъ до Кронштата командовалъ вахтою, представляя я къ Г. Морскому Министру, о чемъ какъ по справедливости къ достоинствамъ и службѣ Г. Матюшкина, такъ и по долгу моего званія какъ бывшаго его начальника, я въ обязанность себѣ поставляю сообщить и Вашему Превосходительству, прося Васъ покор-

нѣйше при томъ доставить ему награду, которой онъ заслуживаетъ. Флота Капитанъ перваго ранга и кавалеръ Головиннъ».

14 ноября 1819 г., за № 1190, отъ Лицея было дано Матюшкину слѣдующее свидѣтельство:

«По Указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийскаго и проч. и проч. и проч.»

«Объявитель сего выпущенный изъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Коллежскій Секретарь Федоръ Матюшкинъ, согласно прошенію его, уволенъ по собственнымъ его надобностямъ въ Москву, ерокомъ отъ нижеписаннаго числа впредь на двадцать восемь дней. Во увѣреніе чего и данъ ему Г. Матюшкину сей пашпортъ. Царское Село. Ноября 14 дня 1819 года.

Его Императорскаго Величества
Всемиловѣйшаго Государя моего
Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Императорскаго Царскосельскаго Лицея
Директоръ и Орденъ: Св. Владиміра
3-й степени, Св. Анны 2 класса и
Св. Іоанна Іерусалимскаго Кавалеръ (Энгельгардтъ)».

Докладъ Государю «О Коллежскомъ Секретарѣ Матюшкинѣ, бывшемъ въ путешествіи вокругъ свѣта на Шлюпѣ Камчаткѣ»:

«Въ іюнь мѣсяцѣ 1817 года, при выпускѣ изъ Царскосельскаго Лицея воспитанниковъ окончившихъ въ ономъ полный курсъ ученія, Ваше Императорское Величество, по докладу моему, Высочайше соизволили на опредѣленіе въ отправляющуюся тогда подъ Начальствомъ Капитана 1-го ранга Головина экспедицію вокругъ свѣта, выпущеннаго изъ Лицея, съ чяномъ Коллежскаго Секретаря, воспитанника Матюшкина».

«Нынѣ Директоръ Лицея представилъ мнѣ, что Капитанъ Головиннъ, возвратясь изъ путешествія, прислалъ къ нему Матюшкина при отношеніи своемъ, въ коемъ изъясняетъ, что сей молодой человекъ, отличнымъ своимъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и познаніями по оной столько заслужилъ одобренія и довѣренности своего Начальника, что онъ, на возвратномъ пути удостоилъ его исправленія должности Лейтенанта, поручивъ ему отъ Азорскихъ Острововъ до Кронштата командовать вахтою и представилъ Министру Морскихъ силъ о награжденіи его вмѣстѣ съ прочими офицерами съ нимъ бывшими, изъ числа коихъ однакожъ одинъ онъ Матюшкинъ не получилъ еще награды вѣроятно потому, что на поданное имъ прошеніе о переводѣ его въ Морскую службу не послѣдовало еще резолюціи.

«По сему Директоръ изъясняетъ, что при отличномъ одобреніи, каковаго удостоиваетъ Капитанъ Головиннѣ Матюшкина, нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы былъ онъ переведенъ во флотъ; но при семъ переводѣ находить Директоръ справедливымъ, чтобы Матюшкину дано было въ Мичманскомъ чинѣ старшинство съ 9-го іюня 1817 года, яко со дня утвержденія его въ чинѣ Коллежскаго Секретаря, равняющемся съ Штабъ-Капитаномъ. Поелику же и таковой переводъ Матюшкина въ Морскую службу не можетъ однако быть зачтенъ ему въ какую либо награду, то Директоръ представляетъ, что тогда надлежало бы дать ему, въ сравненіе съ прочими его товарищами, Орденъ Св. Анны 3 степени, какъ то и полагаетъ самъ Капитанъ Головиннѣ».

На этомъ докладѣ имѣется слѣдующая помѣта:

«По воспослѣдовавшемъ уже Высочайшемъ повелѣніи, касательно принятія Матюшкина въ Морскую службу, Господинъ Министръ приказалъ сіе оставить. 3 декабря 1819».

4 декабря 1819 года Энгельгардтъ пишетъ В. М. Попову слѣдующее:

«Позвольте Милостивый Государь мой Василій Михайловичъ, просить васъ еще разъ прочитатъ представленіе мое и приложенное отношеніе Кап. Головина, о бѣдномъ Матюшкинѣ, которому право оказали явную несправедливость и противурѣчіе Высоч. воли: онъ Государемъ пожалованъ въ 10-й классъ съ 9-го іюня 1817 года; его назначаютъ теперь въ Мичманы т. е. въ 14 классъ, съ іюня 1818-го года.—За что же лишаютъ его цѣлаго года *дѣйствительной* и по Свидѣтельству Головина *отличной службы*?— Все товарищи его получили Кресты и награды, Капитанъ удостовѣряетъ что онъ не менѣ ихъ заслужилъ такое отличіе,— за что же лишаютъ его онаго?—Если не отдадутъ Матюшкину старшинства со дня выпуска его изъ Лицея, и если сверхъ того не поровняютъ его Орденомъ съ товарищами, то онъ явно обиженъ и наказанъ за отличную службу.— Князь и Государь слишкомъ справедливы чтобы сего хотѣть, надлежитъ только объяснить дѣло въ настоящемъ видѣ, и о томъ я покорнѣйше прошу васъ и твердо надѣюсь на хорошій успѣхъ».

«Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Егоръ Энгельгардтъ».

Докладъ Государю «О Коллежскомъ Секретарѣ Матюшкинѣ, бывшемъ въ путешествіи вокругъ Свѣта на Шлюпѣ Камчаткѣ»:

«Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1817 года, при выпускѣ изъ Царскосельскаго Лицея воспитанниковъ окончившихъ въ ономъ полный курсъ ученія, Ваше Императорское Величество по докладу моему Высочайше соизволили на опредѣленіе въ отправляющуюся тогда подъ начальствомъ Капитана 1 ранга Головина Экспедицію во-

кругъ свѣта, выпущеннаго изъ Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря, воспитанника Матюшкина.

«Нынѣ Директоръ Лицея представилъ мнѣ, что Капитанъ Головиннъ возвратился изъ путешествія, прислалъ къ нему Матюшкина при отношеніи своемъ, въ коемъ изъясняетъ, что сей молодой человѣкъ отличнѣе своимъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и познаніями по оной столько заслужилъ одобренія и довѣренности своего Начальника, что онъ на возвратномъ пути удостоилъ его исполненія должности Лейтенанта, поручивъ ему отъ Азорскихъ Острововъ до Кропштата командовать вахтою и представилъ Министру Морскихъ силъ о награжденіи его вмѣстѣ съ прочими офицерами съ нимъ бывшими, изъ числа коихъ однакожь одинъ онъ не получилъ еще награды, а по поданному имъ прошенію переведенъ въ Морскую службу съ чиномъ Мичмана, въ коемъ дано ему старшинство съ іюня мѣсяца 1818 года.

«Но Директоръ съ своей стороны находитъ, что при семъ переводѣ слѣдовало бы дать Матюшкину старшинство съ 9 іюня 1817 года, какъ со дня утвержденія его въ чинъ 10 класса, равняющемся съ Штабсъ-Капитаномъ, и сверхъ того наградить его въ сравненіе съ прочими его товарищами орденомъ Св. Анны 3 степени, каковой награды находитъ Матюшкина достойнымъ самъ Капитанъ Головиннъ».

Отъ 24 декабря 1819 года записка слѣдующаго содержанія:

«Господинъ Министръ приказалъ заготовить отношеніе къ Г. Морскому Министру, изъяснивъ съ онымъ что Его Сіятельство, пріемля участіе въ выпущенномъ изъ Царскосельскаго Лицея Матюшкинѣ, какъ воспитывавшемся въ мѣстѣ ему подвѣдомственномъ, по всегдашнему его хорошему поведенію и по похвальнымъ отзывамъ о немъ Капитана Головинна, подъ начальствомъ коего Матюшкинъ совершилъ путешествіе вокругъ свѣта, доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія о томъ, что какъ многіе изъ бывшихъ съ нимъ въ Экспедиціи, удостоились награжденія Орденами, то и Матюшкинъ не будетъ ли признанъ того же заслужившимъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ, отнестись о семъ къ нему Г. Морскому Министру и предоставить его усмотрѣнію, если найдется Матюшкинъ достойнымъ доложить о немъ Его Величеству».

26 декабря 1819 года, за № 4092, Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ Морскому Министру съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«Въ Экспедиціи вокругъ свѣта подъ начальствомъ Капитана 1 ранга Головинна, какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству находился выпущенный изъ Царскосельскаго Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря воспитанникъ Матюшкинъ, который по возвращеніи своемъ, согласно поданному имъ прошенію принять въ Морскую службу.

«Директоръ Царскосельскаго Лицея представилъ мнѣ, что Капитанъ Головинъ въ отношеніи своемъ къ нему, рекомендуя отлично способности, усердіе къ службѣ и похвальное поведеніе Матюшкина, признаетъ его совершенно достойнымъ таковой же награды, каковой удостоились получить товарищи его, бывшіе вмѣстѣ съ нимъ въ путешествіи. Посему Директоръ и просилъ меня объ исходятѣйствованіи Матюшкину Ордена Св. Анны 3 степени.

«Пріемля участіе въ семъ молодомъ человѣкѣ, какъ воспитывавшемся въ мѣстѣ мнѣ повѣдомственномъ я о такомъ представленіи ко мнѣ Директора доводилъ до Высочайшаго свѣденія Государя Императора и Его Величество Высочайше указать мнѣ соизволилъ отнестись о томъ къ Вашему Высокопревосходительству съ тѣмъ, дабы Вы, Милостивый Государь, буде изволите найти Матюшкина достойнымъ помянутой награды, доложили о томъ Его Величеству.

«Исполняя симъ Высочайшую волю я покорнѣйше прошу о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ Вашимъ». Подписали: «Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князь Александръ Голицынъ; Директоръ Василій Поповъ».

6 февраля 1820 года Энгельгардтъ обратился къ князю Голицыну съ слѣдующею просьбою:

«Послѣ двухъ недѣль, которыя провелъ я въ мученіи и страданіи отъ ревматизмовъ, такъ что съ величайшимъ напряженіемъ едва могъ подписывать имя свое, начинаю я опять, хотя не безъ боли дѣйствовать правою рукою. Первое употребленіе, которое дѣлаю я самъ вновь приобрѣтеннымъ качествомъ, есть по прежнему беспокоить Ваше Сіятельство моими прозъбами, и именно прозъбою о ходатайствѣ Вашемъ за бѣднаго нашего Матюшкина, который, не смотря на милостивое ваше предстательство, на отличное одобреніе почтеннаго своего начальника Головинна, и на ясное право свое по заслугамъ, не только лишентъ слѣдующаго ему по всей справедливости старшинства, но и до сего времени по нерѣшительности Г-на Траверсе, не получилъ еще Креста который получили всѣ его товарищи и къ которому представилъ его Головиннъ. Сей послѣдній нынѣ убѣждаетъ меня еще разъ прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству, ибо безъ вашего участвованія и содѣйствія Г-нъ Траверсе столь долго протянетъ, что уже поздно будетъ. Это теперь тѣмъ болѣе нужно, что Матюшкинъ, какъ надежный и искусный Офицеръ избранъ для Экспедиціи отправляемой для открытія сѣверныхъ береговъ новой Сибири. Препорученіе весьма трудное, но доказывающее до какой степени сей молодой человѣкъ заслужилъ довѣренность начальства. Если онъ теперь не получитъ своего Креста то можетъ легко статься, что и вовсе забудутъ его, и что по возвращеніи его чрезъ два года, дадутъ ему за вторую Экспедицію то, что заслужилъ онъ въ первую.—Ваше Сіятельство такъ справедливо и такъ благосклонно къ нашимъ Лицейскимъ, что я смѣю ласкаться надеждою, что вы и въ семъ случаѣ не откажете намъ своей помощи. Напоминеніе Г-ну Траверсе, а еще лучше словечко Государю и все сдѣлаю.

«Простите вѣчнымимъ моимъ доукама, но они основаны на благосклонности вашей къ нашимъ, и на тѣхъ чувствахъ сердечнаго высокопочитанія съ конми навсегда честь имѣю пребыть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Егоръ Энгельгардтъ».

11 февраля 1820 года, за № 458, Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ Морскому Министру съ отношеніемъ слѣдующаго содержанія:

«Въ отношеніи моемъ отъ 26 декабря минувшаго года изъясняя Вашему Высокопревосходительству въ слѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, причины ходатайства Директора Императорскаго Царскосельскаго Лицея о награжденіи Орденомъ Св. Анны 3 класса выпущеннаго въ 1817 году изъ Лицея воспитанника Матюшкина, бывшаго въ путешествіи вокругъ свѣта съ Капитаномъ 1-го ранга Головиннымъ.

«На сіе отношеніе мое не имѣю я еще отъ Васъ отзыва. Между тѣмъ Государь Императоръ по возобновленному ходатайству Директора Лицея о Матюшкинѣ, въ судьбѣ коего приемень участіе, яко въ бывшемъ воспитанникѣ его по Лицею, Высочайше повелѣлъ мнѣ отнестись еще о семъ чиновникѣ къ Вамъ, Милостивый Государь. Къ такому же предетательству за Г. Матюшкина Директоръ Лицея находитъ тѣмъ болѣе убѣжденіе, что по особливому довѣрью, каковое вѣроятно онъ приобрѣлъ себѣ отъ Морскаго Начальства, избранъ онъ нынѣ въ Экспедицію, отправляющуюся для открытія Сѣверныхъ береговъ Сибири. Почему и полагаю онъ справедливымъ испрашивать вниманія его Начальства на такую же ему награду, каковую получили товарищи его, бывшіе съ нимъ вмѣстѣ въ путешествіи и каковой Капитанъ Головинъ признаетъ его совершенно достойнымъ.

«Во исполненіе помянутой Высочайшей воли, предавая Вашему, Милостивый Государь, уваженію такое обстоятельство по службѣ чиновника, находящагося подъ Главнымъ Начальствомъ Вашимъ, покорнѣйше прошу Васъ о послѣдствіи почтить меня увѣдомленіемъ». — Подписали: «Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія князь Александръ Голицынъ; Директоръ В. Поповъ».

12 февраля 1820 года, за № 170, маркизь де-Траверсе обратился къ князю Голицыну съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь мой, Князь Александръ Николаевичъ. — По почтенному отношенію ко мнѣ Вашего Сіятельства № 4092, о наградѣ находившагося въ вояжѣ вокругъ Свѣта на Шлюпѣ Камчаткѣ Коллежскаго Секретаря (что нынѣ флота Мичманъ) Матюшкина, знакомъ отличія, входилъ я съ докладомъ моимъ къ Государю Императору, и Его Величество всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ онаго Матюшкина Кавалеромъ ордена Св. Анны 3-й степени. О чемъ послѣ-

доваль вчерашняго числа Капитулу Россійскихъ орденовъ именной Высочайшій указъ. Увѣдомля объ ономъ васъ, Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Маркизь Иванъ Траверсе».

На этомъ отношеніи помѣта: «Дать знать о семь Г. Энгельгардту. 18 февраля 1820».

22 февраля 1820 года, за № 594, Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ Энгельгардту съ слѣдующимъ отношеніемъ:

«Господину Директору Императорскаго Царскосельскаго Лицея.— По представленію Вашего Превосходительства о награжденіи бывшаго воспитанника Лицея Матюшкина, совершившаго путешествіе вокругъ свѣта подъ Начальствомъ Капитана 1-го ранга Головинна, Орденомъ Св. Анны 3 степени, имѣлъ я щастіе докладывать Государю Императору, и по Высочайшему повелѣнію относился о томъ къ Г. Морскому Министру, который нынѣ увѣдомилъ меня, что имяннымъ Высочайшимъ Указомъ, состоявшимся Капитулу Россійскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованъ Матюшкину орденъ Св. Анны 3 степени.

«О семь имѣю честь Ваше Превосходительство увѣдомить».— Подписали: «Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія князь Александръ Голицынъ; Директоръ В. Поповъ».

По поводу Ө. Ө. Матюшкина послѣ выхода II-го тома «Товарищей Пушкина» и почти наканунѣ выхода III-го тома этой монографіи я получилъ 26 февраля 1913 года письмо отъ генераль-лейтенанта въ отставкѣ Аполлона Семеновича Кроткова. О генералѣ А. С. Кротковѣ я много слышалъ отъ моего одноклассника Константина Адамовича Военскаго (Начальникъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія), который всегда относился доброжелательно къ моему труду и говорилъ мнѣ объ А. С. Кротковѣ, какъ о лицѣ, занимающемся біографіею Ө. Ө. Матюшкина. Но этому прошло уже болѣе 10 лѣтъ, и во все это время я не могъ познакомиться съ А. С. Кротковымъ. Къ тому же я не собирался писать біографію Ө. Ө. Матюшкина, а для моего біографическаго очерка у меня было матеріаловъ болѣе, чѣмъ нужно.

И вотъ нынѣ генераль А. С. Кротковъ прислалъ мнѣ письмо съ указаніемъ на нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ мой біографическій очеркъ о Матюшкинѣ. Въ томъ же письмѣ А. С. Кротковъ даетъ очень интересныя свѣдѣнія о своемъ трудѣ о Матюшкинѣ. Поэтому мы извлечемъ изъ письма то, что относится къ этимъ двумъ вопросамъ.

Что касается до критики моего труда, то вотъ что мы читаемъ въ этомъ письмѣ:

<1) Ө. Ө. Матюшкинъ никогда не былъ подь судомъ и никогда не плавалъ

на фр. «Везуль». Въ 20 гг. прошлаго столѣтія во флотѣ служило нѣсколько Матюшкиныхъ и два изъ нихъ: Арсеній Михайловичъ и Николай Михайловичъ служили въ Черноморскомъ флотѣ; очевидно, одинъ изъ этихъ Матюшкиныхъ и разбился (разбился?) на фр. «Везуль»; точно имя можно установить, посмотрѣвъ формуляръ этихъ Матюшкиныхъ.

«Въ одномъ изъ писемъ Ѡ. Ѡ. изъ Сибири онъ говоритъ, что встрѣтилъ сосланнаго въ Царствованіе Императора Павла I М. Матюшкина; свѣдѣнія о причинѣ ссылки, конечно, найдутся въ Морскомъ архивѣ, но я этимъ вопросомъ, не относящимся прямо къ Федору Федоровичу, не занимался¹⁾.

«2) Соболевскій былъ не лицеистъ, а знакомый Егора Антоновича; фамилія его встрѣчается въ письмахъ раза два, и я отношу этого Соболеваго къ знаменитому ученому, а В. Л. Модзалевскій—къ учителю рисованія въ Московской гимназіи, съ чѣмъ я несогласенъ²⁾.

«3) Ваше замѣчаніе (стр. 39) относительно фамиліи Whitaker—справедливо; я такъ и прочелъ въ оригиналѣ письма.

«4) Никогда *корабля* «Ахиллесъ», а также корабля «Каубахъ» въ русскомъ флотѣ не было; былъ *бригъ* «Ахиллесъ» и корабль «Каубахъ» (?)³⁾.

«5) Почему стоитъ знакъ вопроса за фамиліей Нордманъ (?) не понимаю. Такой морякъ въ то время былъ, и у меня сообщены о немъ тѣ біографическія свѣдѣнія, которыя я успѣлъ собрать, а также о лейтенантѣ Лавровѣ.

«6) Не Нукачива, а Нукагива, гдѣ дикіе обыватели убили и съѣли мичмана со шлюпа «Кроткій» Адольфа Дейбнера».

Далѣе генералъ А. С. Кротковъ говоритъ слѣдующее:

«У Васъ, Николай Андреевичъ, многія примѣчанія совпадаютъ съ моими; это, конечно, потому, что мы пользовались одними и тѣми же источниками; но есть и разность; мои примѣчанія нѣсколько полнѣе. Долженъ сказать, что я всякое примѣчаніе помѣщалъ съ одобренія Павла Яковлевича Дашкова и Федора Романовича барона Остенъ-Сакена, внука Егора Антоновича. Мой трудъ въ окончательной редакціи читали П. Я. Дашковъ и Ѡ. Р. Остенъ-Сакенъ и я глубоко благодаренъ обоимъ за ихъ указанія.

¹⁾ Очень можетъ быть, что А. С. Кротковъ совершенно правъ. Знакомая впервые съ біографіею Матюшкина, я обратилъ вниманіе на дѣло Морского архива о «Мичманѣ Матюшкинѣ» отъ 1818 г. о разбитіи фрегата «Везуль» (у меня стр. 15 и 16).

²⁾ О Соболевскомъ я никогда не говорилъ, что онъ лицеистъ, и не могъ сказать ничего подобнаго.

³⁾ Но правдѣ сказать, какъ не морякъ, а штатскій, я не придавалъ какого-либо значенія тому, что я назвалъ *бригъ* «Ахиллесъ» *кораблемъ*, и сказалъ «корабль» вмѣсто «судно». Никогда я не могъ предположить, что наношу кровную обиду русскому флоту, называя бригъ *кораблемъ*...

«Кромѣ подстрочныхъ примѣчаній у меня имѣются и приложенія; эти приложенія— болѣе подробныя примѣчанія.

«Отъ Б. Л. Модзалевскаго я узналъ, что Вы занимаетесь товарищами Пушкина по Лицею; между другими товарищами его былъ и Федоръ Федоровичъ Матюшкинъ. Я купилъ книгу «Товарищи Пушкина по Лицею», съ интересомъ прочелъ ее. Сначала расскажу о себѣ: я морской старьевщикъ и кой-что написалъ о Ѳ. Ѳ. Матюшкинѣ въ статьяхъ «Морская Старина». Объ этомъ скажу потомъ.

«Нынѣ покойный Павелъ Яковлевичъ Дашковъ далъ мнѣ для обработки какъ письма Ѳ. Ѳ. Матюшкина къ Е. А. Энгельгардту, такъ и письма послѣдняго къ Ѳ. Ѳ.; я переписалъ эти письма, свѣрилъ ихъ съ оригиналами не одинъ разъ, а раза три, снабдилъ эти письма примѣчаніями и отдалъ въ «Морской Сборникъ», редакторъ котораго затруднился печатать эти письма, находя свѣдѣнія о Лицеѣ и лицейскихъ порядкахъ не представляющими интереса для моряковъ. Думаю, что причины отказа были другія: объемъ переписки (около 20 печатныхъ листовъ)... Однимъ словомъ, печатаніе переписки не состоялось, и я потерялъ и время, и трудъ».

Не лишены также интереса свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ о своемъ неизданномъ трудѣ о Матюшкинѣ. Вотъ что мы читаемъ:

«Весь мой трудъ раздѣленъ на 4 части. Въ первой части все письма Егора Антоновича къ Матюшкину и нѣсколько писемъ Ѳ. Ѳ. къ Е. А.—Первое письмо Ѳ. Ѳ. о пребываніи его въ Кронштадтѣ до поступленія на шлюпъ «Камчатку»; разныя просьбы Ѳ. Ѳ. къ Е. А. и объ исполненіи данныхъ ему порученій. Второе письмо—о переходѣ до Копенгагена, о желаніи Ѳ. Ѳ. оставить морскую службу. Третье письмо изъ Портсмута отъ 17 сентября 1817 г. Четвертое письмо изъ Петропавловска въ Камчаткѣ: объ уходѣ изъ Кронштадта, сожалѣніе Матюшкина, что поступилъ въ Морскую службу;—очень интересное письмо.

«Изъ писемъ изъ Бразиліи видно, какой Ѳ. Ѳ. былъ образованный человекъ и какое воспитаніе давали въ Лицеѣ; въ описаніи природы видна даже поэтическая жилка въ Ѳ. Ѳ. Къ первой части мною сдѣланы 8 приложеній; изъ нихъ три относятся къ Матюшкину. Во 2-мъ приложеніи я выясняю, почему Ѳ. Ѳ. выбралъ морскую службу. Въ 7-мъ—судьбу, постигшую рисунки художника Тихонова изъ кругосвѣтнаго плаванія шлюпа «Камчатка». Въ восьмомъ—плаваніе шлюпа «Камчатка» отъ Рио-Жанейро до Ситхи и возвращеніе въ Кронштадтъ; въ одномъ изъ примѣчаній говорю о русскомъ консулѣ въ Бразиліи г. Лангсдорфѣ, и его рисункахъ, привезенныхъ въ Россію.

«Во второй части все письма Ѳ. Ѳ. Матюшкина къ Е. А. Нѣкоторыя письма очень интересны; у Матюшкина въ описаніяхъ природы Сѣвера замѣтно даже поэтическое настроеніе. Особенно интересно плаваніе по рѣкѣ Индигиркѣ въ Нижне-Колымскѣ. Это свое плаваніе по горной рѣкѣ Ѳ. Ѳ. сравниваетъ съ сочиненіемъ

Шиллера «Кубокъ». Ө. Ө. свои письма сопровождалъ и рисунками, съ которыхъ у меня сняты фотографіи.

«3-ья часть заключаетъ переписку между Е. А. Өнгельгардтомъ и Ө. Ө. Матюшкинымъ отъ 9 февраля 1821 года до 3-го апрѣля 1824 года и 6 приложений. Въ первыхъ четырехъ я говорю о путешествіи Ө. Ө. по льду въ 1821, 1822 и 1823 годахъ, а въ послѣднемъ—о второмъ кругосвѣтномъ плаваніи Ө. Ө. Матюшкина на шлюпѣ «Кроткій». Здѣсь же помѣщено путешествіе Ө. Ө. по рѣкѣ (?— неразборчиво), притоку Колымы. Крайне интересное описаніе.

«Въ четвертой части—переписка Ө. Ө. съ Е. А. отъ 3-го іюня 1827 года по 2 февраля 1845 года и имѣется нѣсколько примѣчаній. Я, какъ уже говорилъ раньше, немного морской старьевщикъ. Какъ-то, роаясь у букиниста Наумова на Петербургской сторонѣ, я нашелъ рукопись Ө. Ө. Дѣло въ томъ, что тогда искали (въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія) Франклина и кому (никому?) не пришло въ голову, что его могло занести къ N берегамъ Сибири; нашелся даже англичанинъ лейтенантъ Питъ, который захотѣлъ отправиться въ экспедицію эту. Англійское правительство обратилось съ просьбой къ русскому разрѣшить эту экспедицію лейтенанту Питу. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ обратилось къ Ө. Ө. Матюшкину съ запросомъ, какъ участнику Сѣверной экспедиціи Врангеля, насколько удобоисполнима эта затѣя лейтенанта Пита. Ө. Ө. написалъ отвѣтъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ доказывалъ, что Франклина не могло донести теченіемъ до N береговъ Сибири. Я показалъ этотъ документъ Ө. Р. барону (Остенъ-Сакену, служившему тогда въ М. И. Дѣлѣ. Оказалось, что тамъ имѣется только переводъ на французскій языкъ. Питу было отказано. Документъ этотъ помѣщенъ также въ одномъ изъ приложений.

«Тамъ же (у бук. Наумова) я нашелъ замѣчанія Ө. Ө. Матюшкина на вновь составленный Морской Уставъ. Эти замѣчанія я использовалъ, напечатавъ ихъ въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1911 г. въ статьѣ «Морская Старина». Долженъ сказать, что замѣчанія эти почти всегда насмѣшливы, а подчасъ и ядовиты. Ө. Ө. упустилъ, что текстъ §§-въ Морского Устава составлялъ самъ Генераль-Адмиралъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ вмѣстѣ съ адмираломъ Литке. Вѣроятно, тогда не было въ живыхъ Егора Антоновича. Думаю, что эти замѣчанія повредили по службѣ Өедору Өедоровичу, такъ какъ вскорѣ онъ былъ назначенъ въ Сенатъ».

Таковы замѣчанія генерала А. С. Кроткова на мой слабый трудъ о товарищахъ Пушкина. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ принести глубокоуважаемому Аполлону Семеновичу мою искреннюю благодарность за его интересныя свѣдѣнія о Матюшкинѣ.

Изъ приведенной выше переписки о награжденіи Θ . Θ . Матюшкина орденомъ Св. Анны 3 ст., находящейся въ лицейскомъ архивѣ, видно, что таковое награжденіе состоялось 11 февраля 1820 года, что опровергаетъ свѣдѣнія объ этомъ же награжденіи, взятыя нами изъ формулярнаго списка о службѣ Матюшкина, которыя сообщаютъ, что означенное выше награжденіе состоялось, будто бы, въ 1819 году (см. стр. 15-ую II-го тома «Товарищей Пушкина»).

II.

„Лицейскія Вѣдомости“

II-го курса.

Лицейскія



Вѣдомости.

181.

Числа 1814 года, 15го Января. —

Внутренняя произвестоя.

Изъ Столицы.

246

и по всеобщему согласию при-
казано запереть Маласейскъ. —
А на второй день Св. Я. будетъ въ.

1814

„Лицейскія Вѣдомости“ II-го курса.

Печатаемая ниже «Лицейскія Вѣдомости», издававшіяся воспитанниками II курса Царскосельскаго Лицея, хотя и не содержатъ ничего общаго съ біографическими свѣдѣніями о первокурсникахъ Лицея, но зато имѣютъ преемственную связь между собою въ отношеніи литературной, журнальной дѣятельности лицействова. Второкурсники, помимо того, что они являются естественными преемниками первокурсниковъ, являются въ то же время и ближайшими товарищами ихъ не только по Лицею, но и по своимъ взглядамъ, стремленіямъ и тенденціямъ. Такъ, напримѣръ, первокурсники считали совершенно своимъ по духу и чувствамъ воспитанника второго курса Бориса Карловича Данзаса, независимо отъ того, что онъ былъ роднымъ братомъ Константина Карловича Данзаса, ихъ товарища. Какъ мы знаемъ, въ письмѣ къ И. В. Малиновскому князь Горчаковъ, между прочимъ, писалъ, что показывалъ его (Малиновскаго) письмо находившимся въ то время въ Петербургѣ лицеистамъ Матюшкину, Корфу и двумъ Данзасамъ. «Борисъ Карловичъ, хотя не того курса, совершенно нашъ по чувствамъ»,—писалъ Горчаковъ. Многіе изъ второкурсниковъ, кромѣ того, были дружны съ первокурсниками. Такъ, напримѣръ, князь Дмитрій Александровичъ Эристовъ, хотя и второго курса, былъ большимъ пріятелемъ Пушкина, Яковлева, Матюшкина и другихъ первокурсниковъ. Такимъ образомъ, духовная связь между этими двумя курсами сохранялась.

Естественно поэтому, что когда второкурсники перешли въ послѣдній, первый, классъ Лицея, то у нихъ появились тѣ же литературныя занятія, что были и въ первомъ курсѣ. Они также, какъ и первокурсники, стали издавать свои журналы.

Къ сожалѣнію, въ прекрасной книгѣ К. Я. Грота «Пушкинскій Лицей» (Спб., 1911 г.) нѣтъ никакихъ свѣдѣній о литературной дѣятельности второго курса. К. Я. Гротъ, разбирая весьма подробно журналы первокурсниковъ, послѣ нихъ переходитъ прямо къ бумагамъ третьяго курса, а затѣмъ—къ журналамъ и воспоминаніямъ своего отца, Якова Карловича Грота, воспитанника шестого курса (1826—1832 г.).

Въ виду этого, я позволю себѣ привести здѣсь «Лицейскія Вѣдомости», издававшіяся вторымъ курсомъ съ субботы, 15 декабря 1817 года, по воскресенью, 24 ноября 1818 года. За это время вышло пять нумеровъ этого журнала.

Только что покинули «первенцы Лицея» порогъ своей alma mater, какъ въ стѣнахъ Лицея, въ средѣ ихъ преемниковъ, образовался уже кружокъ молодежи второго курса Лицея для продолженія литературныхъ трудовъ первокурсниковъ и изданія среди товарищей журналовъ. Такимъ образомъ, сѣмя, посѣянное первокурсниками, не упало на каменную почву, но дало сейчасъ же обильные ростки.

Уже въ 1817 году, 15 декабря, въ субботу, появляется № 1 журнала второго курса подъ заглавіемъ «Лицейскія Вѣдомости». Кромѣ того, прежній журналъ, вѣроятно, издававшійся лицеистами раньше подъ заглавіемъ «Муза», онъ также намѣреваются издавать. Нѣсколько воспитанниковъ образуютъ литературное общество, которое разъ въ двѣ недѣли, по субботамъ, собирается въ отдѣльную комнату для чтенія своихъ произведеній. Общество издаетъ свой журналъ «Вечера за кофеемъ». Въ общество входили слѣдующіе воспитанники: 1) Эристовъ, 2) Лангеръ, 3) Харламовъ, 4) Молчановъ, 5) Загряжскій, 6) Савичъ, 7) Брусилловъ и 8) Чарнышъ; издателемъ былъ выбранъ (9) Позняковъ, а секретаремъ (10) Яхонтовъ.

Къ сожалѣнію, уже въ № 2 «Лицейскихъ Вѣдомостей», отъ 4-го мая 1818 года (суббота), оповѣщается, что журналъ «Муза» прекратилъ свое существованіе, но «съ наступленіемъ осени будетъ продолжаться». Литературное же общество продолжало существовать и въ 1818 году и издавало свой журналъ, вѣроятно, «Вечера за кофеемъ». Засимъ появился соперникъ—безымянный журналъ, издаваемый «капитаномъ» (кто этотъ «капитанъ» — намъ неизвѣстно). Въ журналѣ отъ 20 мая 1818 г. (понедѣльникъ), № 3, мы читаемъ, что лицейское литературное общество прекратило свое существованіе. Ему редакторъ посвящаетъ стихотвореніе. Въ № 5, отъ 24 ноября 1818 г. (воскресенье), журналъ, прекративъ свое существованіе, оповѣститъ своихъ читателей о выходѣ новаго журнала, подъ заглавіемъ «Бродяга», съ иллюстраціями, издаваемаго Валеріемъ и Димитріемъ, т. е. Лангеромъ и кн. Эристовымъ.

«Лицейскія Вѣдомости» являются преемственно продолженіемъ лицейскихъ журналовъ перваго курса Лицея. Въ этомъ журналѣ молодые сотрудники даютъ иносказательное описаніе Лицея подъ видомъ государства, иной разъ республики или города, раздѣленнаго на территоріи или на кварталы, съ подраздѣленіемъ жителей по національностямъ. Излишне говорить, что здѣсь редакторы журнала касаются порядковъ Лицея, существовавшихъ въ немъ во время семилѣтняго директорства Е. А. Энгельгардта. Такъ, напримѣръ, первая рубрика новаго журнала озаглавлена: «Внутреннія происшествія» и «Изъ Столицы». Здѣсь долженъ подразумеваться самый Лицей. Далѣе идутъ рубрики: «Изъ Библиотики», «Изъ

столовой», «Изъ Больницы». Тутъ сообщаются злобы дня и критика на непорядки. Напримѣръ, холодъ библиотекы «препятствуетъ большой части гражданъ заниматься чтеніемъ»; однообразіе блюдъ, кушаній заставляеть «гражданъ» желать переменъ этихъ блюдъ. «Изъ больницы» сообщается о столкновеніи лицейскаго доктора Пешеля съ служителемъ при больницѣ.

Далѣ слѣдуетъ рубрика: «Иностранныя происшествія», вмѣющая еще и второе заглавіе: «Изъ Царскаго Села». Затѣмъ идетъ отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Литература», гдѣ говорится о литературныхъ занятіяхъ второго курса. Наконецъ—«Смѣсь. Объявленія».

Воспроизведемъ здѣсь самый текстъ этого лицейскаго журнала, съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

Лицейскія Вѣдомости.

№ 1. Суббота. 1817 года, 15-го Декабря.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Изъ Столпцы.

На сихъ дняхъ въ полицейскомъ кварталѣ, на большой улицы, въ домѣ подъ № 17¹⁾ открылся Магазейнъ всякихъ фруктовъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ. Искусство, съ каковымъ всѣ сіи товары изображены были, привлекло множество зрителей къ дверямъ Магазейна, отъ чего произошелъ большой безпорядокъ, Полиція принуждена была вмѣшаться, разогнала толпу зрителей и ко всеобщему сожалѣнію приказано запереть Магазейнъ.—На второй день Р. Х. будетъ въ нашей залѣ данъ Концертъ. Искусство Г.г. Т. . . . а и С. а²⁾, также очаровательной голосъ Г-жи W. и Г-на X. конечно приведутъ въ восхищеніе всѣхъ любителей музыки.—Сюда пришли извѣстія, что въ южныхъ частяхъ Лицея, у новыхъ посѣленцовъ произошелъ отъ неосторожности жителей сильной пожаръ. Оберъ-Полицемейстеръ нашъ Г-нъ Р. т³⁾ немедленно поскакалъ туда со всею своею командою и пожаръ былъ въ скоромъ времени потушенъ.

Изъ Библиотики.

Холодъ, царствующей здѣсь, препятствуетъ большой части гражданъ заниматься чтеніемъ.

¹⁾ Свѣдѣнія, приводимыя въ этомъ отдѣлѣ, конечно, шуточные, а № 17, гдѣ открылся упомянутый «Магазейнъ», указываетъ на комнату № 17, въ которой жилъ одинъ изъ воспитанниковъ. Въ первомъ курсѣ эту комнату занималъ Илличевскій.

²⁾ Участники концерта обозначены буквами. Кто подразумевался подъ этими инициалами—намъ, конечно, неизвѣстно. О первомъ (Т. . . . а) можно сказать, что это могъ быть Тепперъ-де-Фергюсонъ, учитель музыки въ Лицеѣ.

³⁾ «Оберъ - Полицемейстеръ», такъ названный въ шутку, былъ коллежскій регистраторъ Петръ Андреевичъ Ротастъ, лицейскій экономъ съ 1816 по 1841 г. (См. Историческіи очеркъ Лицея, И. Селезнева. Спб., 1861 г., стр 82).

Изъ Столовой.

Вивштекъ, бефъ а ла модъ и грешневая каша съ масломъ безпрестанно появляются на сценѣ. Граждане съ нетѣрпеніемъ ожидаютъ перемѣны актеровъ.

Изъ Больницы.

Недавно случилось здѣсь одно презабавное происшествіе. Извѣстной лейбъ-медикъ Іоганъ¹⁾ посылалъ одного больнишняго солдата за нужными медикаментами, но видя, что сей медленно исполняетъ его повѣленіе, толкнулъ его сильно въ шею; старой служивой не стерпѣвъ обиды, размахнулся и далъ такой ударъ въ медицинскую голову, что Докторъ зашатался и выронилъ изъ рукъ приготовленное для больнога полосканье. Бормотанье Лейбъ-Медика, руской языкъ солдата раздавался въ стѣнахъ сего мирнаго жилища. Баталья все бы продолжалась, естлибы больные не прибѣжали на помощь Эскулапу и не освободили его отъ когтей его сильнаго соперника.

ИНОСТРАННЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Изъ Царскаго Села.

Начальникъ города сего находится въ вождѣленномъ здравіи.—Минувшего Декабря 6-го числа по случаю рожденія его Им(ператорскаго) В(еличества) дво-рецъ былъ великолепно иллюминованъ. — Весь Дворъ нетерпеливо ожидаетъ возвращеніе Принцесы Юліи. Оберъ-Полицейстеру дано было повѣленіе сопровождать въ пути Принцесу, но онъ не могъ исполнить сего препорученія по причинѣ худой дороги, а болѣе потому, что экипажъ, назначенной для Принцесы, былъ занятъ Индѣйками и гусями, купленными для Казеннаго разхода.—Слухи носятя, что носъ нашего протопопа становится часъ отъ часу толще, краснѣе и багровѣе. Впрочемъ слухи сіи не достовѣрны²⁾.

Л и т е р а т у р а .

Въ сей статьѣ намѣрены мы, почтенная Публика, представлять вамъ обзорніе текущей нашей словесности, къ вамъ прибѣгаемъ, отъ васъ зависитъ доставлять намъ предмѣты для сей статьи, посвятите Музамъ нѣкоторые часы, свободные отъ важныхъ занятій, и доставте намъ случай удивляться и хвалить произвѣденія

¹⁾ «Лейбъ-медикъ Іоганъ» — лицейскій докторъ Францъ Осиповичъ Пешель, пріѣхавшій изъ Моравіи въ 1808 г. съ княземъ Куракинымъ (Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ) для занятія должности Софійскаго уѣзднаго доктора. Съ 1811 г. онъ сталъ врачомъ при Лицеѣ. Это была самая популярная личность въ Лицеѣ, въ которомъ онъ проработалъ 31 годъ (по 1842 годъ).

²⁾ Кто подразумѣвался подъ принцессой Юліей—намъ неизвѣстно; и въ чемъ тутъ соль—трудно догадаться.

вашего пера. Пусть воцорится опять у насъ золотой вѣкъ литературы, пусть увидимъ мы еще разъ тѣ времена, въ которые благородное самолюбіе насъ воодушевляя вело насъ быстрыми шагами въ храмъ Музъ. Мы почувствовали наконецъ, что тогда только будемъ проводить пріятные часы, когда частыя собранія насъ будутъ вмѣстѣ соединять. Литературное общество заводится у насъ каждую субботу въ двѣ недѣли разъ будутъ соединятся любители нашей словесности въ одну комнату, тамъ будутъ они читать свои произвѣденія, безпристрасная критика будетъ управлять ихъ сужденіями, каждой пренебрегая Сатиры, будетъ стараться воспользоваться своими погрешностями и въпредъ лутче написать. Члены сего общества: Г-да: Эристовъ, Лангеръ, Харламовъ, Молчановъ, Загряской, Савичъ, Брусилловъ и Чарнышъ. Издатель Г-нъ Познякъ. Секретарь Г. Яхонтовъ. Общество сіе почтетъ за честь, естли и другіе захотятъ участвовать въ изданіи журнала, которой будетъ выходить каждые двѣ недѣли подъ пменемъ *Вечера за Кофеемъ*. — Забавной журналъ *Муза* все еще будетъ продолжаться. Издатели онаго такъ говорятъ въ предисловіи своемъ: «бездѣлка эта конечно не будетъ принята, какъ вещь достойная обратить ваше вниманье, но какъ шутка, единственно съ тѣмъ написанная, что бы доставить вамъ нѣкоторые пріятные мгновенія». — Естли всѣ ихъ требованія спмъ ограничиваются, то нельзя не отдать имъ справедливости, что цѣль ихъ достигнута ¹⁾).

¹⁾ Отдѣлъ подъ названіемъ «Литература» былъ самымъ интереснымъ во всѣхъ лицейскихъ журналахъ. Упоминаемые здѣсь воспитанники второго курса по окончаніи Лицея отличились на разныхъ поприщахъ служебной и общественной дѣятельности. Князь Дмитрій Александровичъ Эристовъ, тайный совѣтникъ, Сенаторъ, флота Генераль-Аудиторъ, составилъ словарь о святыхъ; умеръ въ октябрѣ 1858 года.

Лангеръ, Валеріанъ Платоновичъ, Почетный Вольный Общникъ Императорской Академіи Художествъ и Чиновникъ Особыхъ Порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія; въ 1844—45 г.г. читалъ въ Лицеѣ лекціи по теоріи изящныхъ искусствъ; умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника; въ 1831 году, онъ женился на дочери дѣйств. ст. сов. Безакъ (письмо Энгельгардта къ Матюшкину отъ 18 марта 1831 г.).

Харламовъ, Михаилъ Николаевичъ, отставной полковникъ, служилъ въ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскомъ полку.

Молчановъ, Николай Николаевичъ, служилъ въ Департаментѣ Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій; умеръ до 1831 года.

Загряжскій, Василій Васильевичъ; большая золотая медаль; служилъ въ Правительствующемъ Сенатѣ; умеръ до 1831 года.

Савичъ, Николай Ивановичъ, директоръ Одесскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета; умеръ въ Одессѣ 28 мая 1892 года.

Брусилловъ, Николай Николаевичъ, статскій совѣтникъ въ отставкѣ, служилъ въ Олонеккомъ пѣхотномъ полку.

Чарнышъ, Михаилъ Николаевичъ, былъ Столоначальникомъ Департамента Разныхъ Податей и Сборовъ; умеръ до 1831 г.

Познякъ, Иванъ Дмитриевичъ, служилъ въ Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Яхонтовъ, Петръ Васильевичъ, служилъ въ Департаментѣ Министерства Юстиціи.

С М Ъ С Ь.

О б њ я в л е н і я.

Отъ Министра Финансовъ тѣмъ извѣщается, что не отдавшіе еще денегъ для уплаты государственныхъ долговъ должны оныя представить немедленно. Естьли же мѣсяць спустя послѣ публикаціи не явятся съ уплатою, то позитки того равняющіе съ суммою будутъ конфискованы и проданы съ аукціона.—Отъ Полиціи нашей тѣмъ извѣщается, что тотъ, кто станетъ у новыхъ посѣленцовъ обнаруживать дерзкія и республиканскіе мысли, подвергнется жесточайшему наказанію. (1818. № 1).

Лицейскія Вѣдомости.

№ 2. Суббота. 1818 г. 4 Маія.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Изъ Столицы.

Наступившая весна заставила всѣхъ жителей вынуть двойныя рамы оконъ домовъ своихъ. Всѣ почти украсили ихъ распускающимися цвѣтами; что представляетъ прекрасный предметъ для зрѣнія и вмѣстѣ для обонянія.

На праздникахъ въ Филармонической залѣ въ третій разъ данъ былъ большой вокальной и инструментальной концертъ ¹⁾. Искусство Г-жъ V. и M., также Г-дъ M. и X. привлекли туда толпу слушателей.—По окончаніи концерта открылся великолѣпный балъ, который былъ заключенъ прекраснѣйшимъ ужиномъ.—Около 1-го часу всѣ разѣхались. — Нѣкоторые изъ гражданъ нашихъ, гуляя въ Императорскомъ саду, услышали вопль, который выходилъ изъ одного кустарника. Они пошли въ ту сторону и увидѣли разъяреннаго солдата, который съ ужаснымъ гнѣвомъ билъ женщину, которая (какъ послѣ узнали) была жена его. Граждане вступились за слабую жертву его лютости и прогнали піянаго ея мужа. Происшествіе сіе было истолковано въ худую сторону и надѣлало много шума.—Прапорщикъ Тарутинскаго полка *Грѣхъ*, претерпѣвшій прежде сего наказанія за сочиненіе свое подъ названіемъ *Пѣвца* имѣлъ несчастіе сидѣть нѣсколько часовъ подъ арестомъ въ полиціи за ссору съ однимъ изъ гражданъ.

Изъ библіотеки.

По причинѣ большаго разсѣянія никто почти кромѣ капитана (который почти съ самаго открытія не пропустилъ ни одного дня) не занимается чтеніемъ.

¹⁾ О принимавшихъ участіе въ этомъ концертѣ мы, къ сожалѣнію, ничего не можемъ сказать, какъ равно и о томъ, кто подразумевался подъ прапорщикомъ Тарутинскаго полка Грѣхъ.

Изъ Больницы.

Лейбъ-Медикъ Іоанъ, отлучившись съ ученикомъ своимъ изъ больницы на нѣсколько времени, возвратившись—увидѣлъ тамъ страшный беспорядокъ; постели были разкиданы, шкапы раскрыты, великое количество самаго лучшаго Липецкаго меда было унесено, словомъ все означало посѣщеніе людей нечестныхъ. Чувствительный Іоанъ вида, сколь мало отдають почтенія лѣтамъ его и искусству, пролил нѣсколько слезъ и отнесся къ Полиціймейстеру. Всѣ изысканія узнать виновника были тщетны.

ИНОСТРАННЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Царское Село.

Процесъ ¹⁾).

Недавно поступило въ Палату здѣшняго суда весьма сначала странное, по-видимому, но въ послѣдствіи принявшій важный видъ дѣло. Извѣстный Физико-Математикъ Царскаго Села подалъ на здѣшняго Округа прошеніе, обвиняя его въ похищеніи собственнаго портрета, оцѣненнаго имъ, т. е. физикомъ, въ 200 р. Бумага приняла обыкновенный ходъ, рѣшенія должно ожидать на дняхъ. Вотъ выписка изъ процесса: «Вчера, т. е. въ пятницу, въ 6 часовъ пополудни (это прошеніе физика), будучи званъ въ гости, вышелъ я съ женою изъ дому, оставя смотрѣніе 20-тилѣтней дѣвкѣ портретъ, изображающій доктора, въ прихожей въ рамочкѣ висѣлъ повѣшенъ надъ софюю; по возвращеніи, къ удивленію моему, я не нашелъ его; по доносу же дѣвки нашлось, что одинъ докторъ посѣщалъ меня; справедливое подозрѣніе мое падаетъ на него. Итакъ прошу засѣдателей здѣшняго суда рассмотреть сіе дѣло и если доносъ мой справедливъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то по законамъ поступая возвратить похищенную вещь или 200 рублей деньгами». — По изслѣдованію и оправданіямъ медика открылось совсѣмъ противное. Портретъ принадлежалъ Медику, а данъ былъ на подержаніе физику. Доносъ сей оскорбилъ честь Доктора и заставилъ его подать равномѣрно бумагу съ прошеніемъ возмѣздія за явно причиненную обиду, съ обѣихъ сторонъ возгорѣлась бумажная брань. Слухи носятъ, что Полиціймейстеръ города и Квартальный Бѣлкинъ замѣшаны въ сіе дѣло, яко соучастники физика. Процесъ продолжается и Губернаторъ строго наблюдаетъ законы; посмотримъ, чѣмъ кончится.

¹⁾ Подъ упоминаемыми въ этомъ процессѣ «докторомъ» и «извѣстнымъ физико-математикомъ Царскаго Села», по всей вѣроятности, подразумѣваются Пешель и Карцовъ. (Биографическія свѣдѣнія о Яковѣ Ивановичѣ Карцовѣ см. въ книгѣ И. Селезнева: «Историческій очеркъ Лицея». Спб., 1861 г.).

Л и т е р а т у р а.

Литературное общество еще продолжается и издаетъ журналъ, которой заслуживаетъ всевозможную похвалу. Къ сожалѣнiю нельзя сказать сего о безмянномъ журналѣ, издаваемомъ Капитаномъ. Пьесы туда помѣщаемыя, имѣютъ предмѣты самыя пошлыя и совершенно обвѣтшавшыя, или длинныя разсужденiя о свободѣ, или огромныя диссертации о любви къ отечеству, о злословіи и т. под., кои болѣе походятъ на порядочныя Хрип, нежели на дѣльныя сочиненiя.—Прекратившійся Журналъ: Муза съ наступленiемъ осени будетъ продолжаться.

С М Ъ С Ъ.

Объявленiя ¹⁾.

Нужна особа, которая имѣла бы хотя нѣсколько привычки къ театральному искусству, дабы выполнить въ пьесѣ Дѣтство Ж. Ж. Руссо роль *Барнабасса*. Таковая можетъ явиться къ Гофмаршалу двора нашего Петрусу, жительствующему въ нижнемъ этажѣ Дворца.

Недавно потеряна 1-мъ придворнымъ Сопраномъ высокая нота его Ia, просятъ нашедшаго ее доставить въ полицейской кварталъ въ домъ подъ № 8.

Нужна особа, имѣющая твердую и красивую руку, для переписыванiя журнала, издаваемого Л. О.; таковая явиться можетъ къ Министру Финансовъ въ собственномъ его домѣ. О цѣнѣ и условiяхъ спросить тамъ же. (1818. № 2).

Лицейскiя Вѣдомости.

№ 3. Понедѣльникъ. 1818 г., 20 Маiя.

ВНУТРЕННIЯ ПРОИЗШЕСТВIЯ.

Изъ столицы ²⁾.

9-го мая, въ день Николая Чудотворца, отправилась отсюда большая часть гражданъ на гулянье въ Колпино.—Дорога, покрытая богатыми экипажами, прекрасными верховыми лошадьми и толпою пѣшеходцовъ представляла прекраснѣйшее

¹⁾ Въ отдѣлѣ объявленiй помѣщена острога по поводу разыгранной воспитанниками Лицея пьесы «Дѣтство Жанъ-Жака Руссо». Программа этой пьесы нынѣ напечатана въ книгѣ К. Я. Грота: «Пушкинскiй Лицей (1811—1817)» (СПб., 1911 г., стр. 412). Пьеса была сыграна 13 октября 1818 г. Роль Барнабаса исполнялъ воспитаникъ Васильчиковъ. Въ чемъ заключалась острога по поводу этой роли, намъ непонятно.

²⁾ Здѣсь разсказывается о паломничествѣ воспитанниковъ 9-го мая въ Колпино. Затѣмъ разсказывается о прапорщикѣ Грѣхѣ и, наконецъ, передается фактъ процвѣтанiя картежной игры въ самомъ Лицеѣ. Все это злобы дня, которыя для журнала представляли живой интересъ.

зрѣлище. Ясная и тихая погода дѣлала сіе еще великолѣпнѣе. Къ вечеру всѣ благополучно возвратились.

На сихъ дняхъ на большой улицѣ всѣ почувствовали запахъ сивухи. Сильное отвращеніе гражданъ отъ сего пьянаго напитка и запрещеніе употреблять оной — заставили гражданъ отыскать виновника. — Первыя подозрѣнія пали на прапорщика *Грѣха*, извѣстнаго охотника до Бахусовыхъ напитковъ. Чернь толпилась около его дома, и конечно онъ учинился бы жертвою разъяреннаго народа, еслибы къ оправданію его не открылось, что нѣкто жительствовавшій въ Полицейскомъ Кварталѣ употреблялъ оную вмѣсто полосканья и пролилъ. — Недавно несчастной *Грѣхъ* снова претерпѣлъ наказаніе. Въ одномъ изъ домовъ Полицейскаго Квартала завелъ онъ шумъ и вывелъ изъ терпѣнія всѣхъ тамъ находящихся. Обиженные просили его вытти, но какъ онъ не повиновался, то приступили къ насилію. — *Грѣхъ* сопротивлялся, удивилъ всѣхъ своимъ необычайнымъ мужествомъ и сильно ранилъ въ руку одного изъ схватившихъ его. — Наконецъ принужденъ былъ уступить. — Онъ былъ вытасченъ на улицу и отведенъ на нѣсколько часовъ въ полицію. — Съ нѣкотораго времени въ столицѣ нашей карточная игра вошла въ чрезвычайную моду и уже появилось нѣсколько содержателей карточныхъ домовъ. Всякой день собираются туда толпы празднующихъ, посвящающихъ все свободное время свое сему пагубному занятію. Съ утра до вечера страшный шумъ и споры. И правительство смотритъ на все сіе сквозь пальцы!!! — Въ четвергъ ночью одному изъ богатѣйшихъ гражданъ нашихъ вздумалось дать великолѣпный фейерверкъ. Шумъ ракетъ, свистъ бураковъ и разноцвѣтные потѣшныя огни привлекли туда толпу народа, и произошелъ ужасный шумъ. Должно ожидать вредныхъ послѣдствій. — На сихъ дняхъ прибылъ сюда отставной Министръ нашъ *Богданъ* ¹⁾. Нельзя объяснить восторгъ, чувствуемый народомъ при видѣ сего добраго Министра. Къ сожаленію онъ пробылъ только нѣсколько часовъ.

Изъ Библіотека.

Извѣстный столярный мастеръ Фребусъ занимается отдѣлкою двери для входа въ придворную Церковь.

Изъ Больницы.

Благодаря Бога и искуснаго лейбъ-медика стѣны сего жилища совершенно пусты.

¹⁾ Этимъ «Богданомъ» могъ быть губернёр пансіона съ 1815 по 1817 г., такъ какъ такое имя носилъ Богданъ Ивановичъ Вильмъ. Въ 1809 году онъ преподавалъ французскую и нѣмецкую словесность, географію и исторію во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Самъ онъ былъ уроженцемъ Гамбурга и имѣлъ дипломъ на доктора философіи и аттестаты отъ разныхъ иностранныхъ университетовъ. Въ 1801 г. онъ поселился въ Россіи въ качествѣ учителя Псковскаго главнаго народнаго училища. (См. И. Селезневъ: «Историческій очеркъ Лицея». Спб., 1861 г., стр. 111).

ИНОСТРАННЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Царское Село.

Благодаря Бога Императоръ нашъ совершенно оправился отъ претерпѣнной имъ долговременной болезни. — На сихъ дняхъ Императоръ, сопровождаемый Августѣйшею фамиліею своею и многочисленною свитою, отправился въ звѣринецъ, гдѣ изволилъ даровать свободу двумъ заключеннымъ еще съ зимы куропаткамъ. Нѣжная чета сія изъясляла благодарность свою громкимъ чириканьемъ и прославляли даровавшаго имъ свободу. При семъ одной изъ птицъ отъ внезапной перемѣны воздуха сдѣлалось сильное сжатіе въ животѣ, что понудило вытти сварившуюся пищу. — Къ счастью не случилось здѣсь никого, и паденіе оной не имѣло дальнѣйшихъ слѣдствій.

Процессъ.

(продолженіе).

Процессъ о похищеніи портрета продолжается. О результатѣ нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Дѣло изъ палаты судей перешло въ Конференцію ученыхъ. По приговору Судейскому физикъ обвиненъ и обязуется за обиду чести Докторской просить извиненія во всѣхъ палатахъ здѣшняго города. По болезни же главнаго председателя Конференція не могла объявить согласія на сей приговоръ. Вскорѣ ожидаемъ рѣшительнаго конца.

Литература.

Къ общему сожаленію литературныя собранія совершенно прекратились. — Послѣднее засѣданіе было нѣкоторымъ образомъ прощаніемъ и на случай сей сочинена слѣдующая пѣснь:

1.
Собранье! Журналы!
И кофе прощай,
А вамъ, объѣдалы,
Казенный пить чай.
Ай, ай, ай, ай, ай,
Казенный пить чай.

2.
Рондо! Триолеты!
И проза прощай!
Отъ скуки газеты
Читай да зѣвай.
Ай, ай, ай, ай, ай,
Читай да зѣвай.

3.
Поэты трудитесь
Пишите весной,
Но насъ вы страшитесь
Мы грядемъ зимой.
Ой, ой, ой, ой, ой,
Мы грядемъ зимой.

4.
Польются съ зимою
Рѣкой къ намъ стихи,
Острякъ чепухою
Въ замѣнъ насъ смѣши.
Хп, хп, хи, хи, хи,
Въ замѣнъ насъ смѣши.

5.

Друзья! въ журналамъ
Скажите прощай

Пришлось объѣдаламъ
Казенный пить чай.

Ай, ай, ай, ай, ай,
Казенный пить чай.

Въ семъ послѣднемъ засѣданіи читано было *Желаніе*, піеса стихами Г-на *Гръха*; негладкость стиховъ, скудость въ мысляхъ, частыя повторенія одного и того же заставили членовъ съесть сіе произведение, не достойное существовать въ нашемъ кругѣ словесности.—Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ изданія Лицейской Исторіи.

СМѢСЬ.

Объявленіе ¹⁾.

Итальянской уроженецъ *Карбини*, показавшій искусство свое въ изученіи собачекъ, открылъ въ Плешивомъ кварталѣ въ домѣ подѣ № 22 магазинъ остротъ разнаго рода прозой, стихами и даже положенныхъ на музыку. О цѣнѣ оныхъ спросить тамъ же.

Недавно нѣкто нашель совершенно новый способъ—согрѣвать себѣ руки—подкладывая оныя подѣ Генеральшу (задній фасадъ). Способъ сей при всей своей удобности имѣеть свои невыгоды, ибо грѣющій воздухъ тлѣтворенъ.

Погрѣшности:

Написано: стр. 10, стр. 4—Въ замѣнъ насъ смѣши...

Читай: Теперь насъ и пр.

(1818. № 3).

Лицейскія Вѣдомости.

№ 4. Пятница, 1818 г., 30 мая.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ ²⁾.

Изъ Столицы.

Мода дѣлать феерверки чрезвычайно распространилась. Въ пятницу числа (?) на большей улицѣ въ полицейскомъ кварталѣ пущенъ былъ великолѣпнѣйшій. Сбѣжавшаяся толпа шумомъ своимъ привлекла вниманіе полиціи. Немедленно при-

¹⁾ Въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ остроту на жильца комнаты 22-ой. Что касается слѣдующей остроты, то она слишкомъ неприлична, чтобы о ней распространяться.

²⁾ Въ «Лицейскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 30 мая 1818 года передаются разныя мелкія событія лицейской жизни, которыя, какъ, напримѣръ, пожаръ вслѣдствіе феерверка и выѣздъ эконома Ротаста, по всѣмъ вѣроятіямъ, были реальными фактами. Точно также и накрытіе карточной игры между воспитанниками.

скакаль туда Г-нъ Ротастъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ Драгуновъ. Всѣ старанія усмирить чернь были тщетны. Взбунтовавшійся народъ кинулся на Полицеймейстера, который едва могъ избѣжать опасности. На другой день Гофмаршалъ *Петрусъ*, прогуливаясь по улицѣ, нашель остатки вчерашняго феерверка,—полу-сгорѣвшіе остатки колесъ и проч. Удивленный Гофмаршалъ отнесъ ихъ къ Императору, который уже былъ предувѣдомленъ донесеніемъ Оберъ-Полицеймейстера. Тотчасъ Высочайше было виновникамъ сего феерверка явиться во Дворецъ.— Главные затѣйщики предстали предъ глаза чадолюбивѣйшаго Монарха, который, давъ имъ легкое увѣщаніе, милостиво даровалъ прощеніе.—Заведшаяся въ столицѣ нашей карточная игра наконецъ обратила на себя вниманіе Правительства. Карточные дома были открыты, играющіе узнаны и обо всемъ донесено Императору, который велѣлъ прекратить сіе занятіе и полиціи строго за симъ присматривать.—Жители предмѣстья нашего города по причинѣ перестройки онаго переведены на нѣкоторое время въ южныя страны нашего Государства. Нѣкоторымъ изъ нашихъ гражданъ, жительствовавшихъ въ нѣмецкой слободѣ, отведены квартиры въ полиціи.—Недавно въ плѣшивомъ кварталѣ любителями древности найденъ Колпакъ чуднаго фасона; знатоки антиковъ почли его принадлежностію какаго-нибудь древняго философа. Колпакъ былъ вывѣшенъ въ преспектѣ на показъ и вскорѣ къ стыду антикваріевъ нашелся хозяинъ, надѣвавшій колпакъ сей по ночамъ для усовершенствованія фризуръ и жительствовавшимъ въ плѣшивомъ кварталѣ подъ № 22.

ИНОСТРАННЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Царское Село ¹⁾).

Принцесса Юлія отправилась въ Столицу; въ ожиданіи скорого возвращенія Принцесса Елена занимаетъ ея мѣсто, — она же назначена сопутствовать Августѣйшей Фамиліи въ путешествіи къ цѣлебнымъ водамъ.—Слухи носятя, что дѣвица Лоръхенъ фонъ-Шкалонъ помолвлена за Гофмаршала двора Его И. В. Петруса, но сіе не основательно, хотя и оказалось, что Шкалонъ не болѣе 40 лѣтъ отъ роду.—На сихъ дняхъ дочь придворнаго Садоваго мастера помолвлена за полковаго штабъ-лѣкаря. Сговоръ сей происходилъ необычайнымъ образомъ. Штабъ-лѣкарь не хотѣлъ взять дочери безъ значительной суммы денегъ, увѣряя, что при всемъ этомъ онъ останется въ убыткѣ. Отецъ долго не соглашался; наконецъ, опасаясь оставить Дочь свою навсегда въ дѣвкахъ, сбывъ ее съ рукъ съ придачею 50.000 рублей.

¹⁾ Разказанная здѣсь свадьба дочери придворнаго садовника съ полевымъ штабъ-лекаремъ весьма напоминаетъ свадьбу, разказанную Энгельгардтомъ въ письмѣ отъ 18 сентября 1820 г. (начало письма отъ 10 сентября), къ Матюшкину, гдѣ передается о свадьбѣ Рожина и Гуэслѣйна (См. «Товарищи Пушкина», т. II, стр. 27—28. Спб., 1912 г.).

П р о ц е с ъ
(окончаніе).

Почтенные члены Лицѣя имѣли послѣднее засѣданіе въ разсужденіи процесса медика; обвинитель и обвиняемой присутствовали лично, послѣ сильныхъ споровъ, распрей и доказательствъ справедливости просителя (?) члены нашли, что съ обѣихъ сторонъ поступлено было не благоразумно: какъ одинъ, такъ и другой равно виновны: медикъ за взятіе вещи безъ вѣдома физика, хотя и ему (по его увѣреніямъ и доказательствамъ) принадлежавшей; физикъ же за необдуманную прозвбу, произнесенную на щетъ Докторской чести; для изысканія же, кому дѣйствительно принадлежитъ портретъ, предписано имъ, т. е. физику и медику, адресоваться къ прежнему начальнику здѣшняго города, рѣшеніе сего послѣдняго представить въ правленіе Лицѣя. А между тѣмъ президентъ объявилъ, что

«Для ихъ же пользы и добра
Мириться имъ пора». —

С М Ъ С Ъ.

Объявленія.

Нужна особа, имѣющая достаточную силу и терпѣніе, дабы носить ногу Старца Валерія, который вывихнулъ оную, забавляясь прыганьемъ въ дворцовомъ Саду. —

Желающіе слушать анатомическія лекціи безденежно могутъ приходять въ домъ городского Архитектора отъ 3 до 5 часовъ утра. Часы выбраны самые удобные какъ для изученія предмета, такъ и для удержанія онаго въ памяти.

(1818. № 4).

Лицейскія Вѣдомости.

№ 5. Воскресенье, 1818 года, 24 Ноября.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Изъ Столицы.

Вчерашній день, т. е. 26-ое октября останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Исторіи нашей. Онъ достопамятенъ для всѣхъ, а въ особенности для прапорщика *Грѣха*. — Всѣмъ извѣстно, сколь сильныя гоненія претерпѣлъ онъ отъ народа, но все сіе сравнено быть не можетъ съ тѣмъ, что испыталъ страдалецъ въ день сей. Гоненія были столь сильны, что нѣкоторые граждане изъ жалости приняли его сторону. Ободренный симъ *Грѣхъ* началъ защищаться и удивилъ всѣхъ своимъ мужествомъ. Посему случаю собранъ былъ народный Сеймъ, на коемъ положено не преслѣдовать болѣе *Грѣха*, но оставить его на покаянiе. Впрочемъ уповательно, что положеніе сіе не долго продолжится.

Отъ-туда же (23 Ноября).

Вчера празднованы были здѣсь именины прапорщика *Гръха*. Народъ толпился вокругъ дома его и въ восторгѣ хотѣлъ посадить его на кровлю, но въ первой разъ послушался именинника, который умолялъ, чтобы оставили сіе намѣреніе. Музыка загремѣла, и народъ громкимъ хоромъ запѣлъ сочиненные въ честь его стихи на голосъ *God Save the King!* (Боже, Царя храни!).

Изъ Больницы.

Меценатъ живетъ здѣсь въ роскошномъ уединеніи и держитъ для забавы молодаго Котенка.

Изъ Столовой.

Съ нѣкоторыхъ поръ *Каша* занимаетъ первое мѣсто между яствами нашими и для большаго разнообразія является здѣсь ежедневно къ общему сожалѣнію, подъ различными именами.

ИНОСТРАННЫЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Царское Село.

Начальникъ сего города по прежнему гоняетъ голубей. — Слухи носятъ, что отставной нашъ Вице-Король Стефанъ, находящійся нынѣ, какъ извѣстно, подъ вѣденіемъ настоящаго Градоначальника, желая ему понравиться, выучилъ предварительныя понятія изъ *Голубословія* и совѣмъ семействомъ гоняетъ голубей. — Недавно слушалось (?) въ нашемъ городкѣ забавное произшествіе. Разнесся слухъ, что отецъ Протопопъ вѣнчаетъ въ приходской церкви, и вмѣстѣ обнаружилось запрещеніе никому не входить въ оную, потому что, говорилъ народъ, свадьба происходитъ тайнымъ образомъ—отъ того, что женихъ увезъ невѣсту отъ отца. — Граждане, всегда жадные до новостей, немедленно присвоили себѣ право входить въ Церковь, и утраченная полиція не смѣла имъ противиться. Молодые были: Капитанъ дорожной Экспедиціи и уродливая, но осыпанная богатыми камнями купеческая дочь. По прошествіи нѣкотораго времени оказалось, что упомянутая невѣста, оставшись послѣ смерти родителей наслѣдницею богатаго имѣнія и будучи пожилыхъ лѣтъ, хотѣла вытти замужъ, но къ несчастію никто не удовлетворялъ ея желанію. Бѣдная Купчиха собиралась итти въ монастырь, но знакомый лавошникъ доставилъ ей жениха.

Придворныя извѣстія.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ прибыла сюда принцесса Елисавета, сестра принцессы Юліи. Она исполняетъ должность, подобную сестрѣ ея при великихъ князяхъ сосѣдняго Императора. — Прошлаго 11 Ноября былъ празднуемъ день

свадьбы нашего Государя ¹⁾). Граждане по приглашенію явились въ праздничныхъ одеждахъ ко двору. Въ то же самое время прибыла дочь владѣтельнаго Князя и сосѣдній Императоръ съ своими великими Княжнами и принцессою Елисаветою. Въ комнатѣ предъ *Каминною залю* гремѣла превосходная военная музыка, а въ продолженіи сего времени разносили чай на великолѣпномъ фарфорѣ. Начались танцы, и члены Императорской фамиліи съ свойственною имъ благосклонностію обходились съ гражданами. Ужинъ заключилъ сіе празденство и присутствующіе разъѣхались въ 12 часовъ ночи. - На предпрошедшей недѣлѣ было празднуемо при дворѣ рожденіе Великой Княжны Наталіи ²⁾). Около 8 часовъ по полудни собрались граждане, имѣющіе вѣздъ ко двору, въ парадныя дворцовыя комнаты, гдѣ застали дочерей сосѣдняго Императора съ принцессою Елисаветою. Въ то же самое время прибылъ и братъ Ея Высочества. Нѣсколько погодя великая Княжна изволила принимать поздравленія отъ особъ, прибывшихъ ко двору. По семъ нѣкоторые остались въ *Картинной Горницѣ* съ Государемъ Императоромъ, а другіе начали танцы въ *Каминной* залѣ. Его Величество, оставивъ своихъ собесѣдниковъ съ Государынею Императрицею, поднялъ Принцессу Елисавету и танцевалъ въ первой парѣ. За симъ послѣдовали другіе танцы и нѣкоторые изъ гражданъ въ приличное время удостоились приглашенія Государыни Императрицы и обѣихъ Вел. Княж. Послѣ легкаго ужина В. К. Наталія въ заключеніе бала показала искусство свое въ Гавоттѣ. Въ полночь разъѣхались граждане.

Л и т е р а т у р а.

Издатели газетъ, до сихъ поръ не могшіе ихъ представлять публікѣ, нынѣ намѣрены ихъ продолжать, если по сему первому опыту замѣтитъ ея удовольствіе. На предпрошедшей недѣли вышелъ журналъ подъ именемъ *Бродяга*, съ двумя

¹⁾ Т. е. Директора Лицея, Е. А. Энгельгардта.—Въ письмѣ Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину отъ 20 декабря 1817 г. мы находимъ слѣдующія строки: «11 Ноября въ день моей свадьбы собралась у меня совершенно неожиданно пребольшая компанія изъ бывшихъ нашихъ и изъ нѣкоторыхъ городскихъ моихъ пріятелей. Молодежи обоего пола было много: Соболевскій и Венигель принесли скрипки, Сажень, Данзасъ и другіе добрые люди помогли на клавикордахъ и—wer gern tanzt, dem ist leicht geschiffen. Балъ продолжался до 2-хъ часовъ ночи.—Прошу не разглашать въ Камчаткѣ, что у Директора Лицея ведется такая развратная жизнь». (См. «Товарищи Пушкина», т. II, стр. 19—20. Спб., 1912 г.). Хотя это письмо писано въ 1817 году, а «Лицейскія Вѣдомости» вышли 24 ноября 1818 года, однако, можно предположить, что такое же празднованіе свадьбы Энгельгардта было и въ 1818 году. Во всякомъ случаѣ, этимъ описаніемъ дня свадьбы Директора подтверждается уже сказанное нами выше, что воспитанники часто отождествляли Лицей съ отдѣльнымъ государствомъ и, какъ въ данномъ случаѣ, называли Директора Лицея «Государемъ», а настоящаго Государя—«сосѣднимъ Императоромъ».

²⁾ «Княжна Наталія»—дочь Энгельгардта. Она родилась 16 ноября 1806 г. Слѣдовательно, ей тогда исполнилось 12 лѣтъ. См. поправку Николая Гастфрейнда въ «Рус. Арх.» 1907 г., № 4, стр. 653.

прекрасными эстампами изъ отечественной Исторіи, конторы (?) старца *Валерія* ¹⁾, а отработка кавалера и гражданина *Димитрія* ²⁾). Бумага, печать и предметы сего журнала заслуживаютъ несомнѣнную похвалу.—Смотря по благосклонному принятію его публикою, можно надѣется увидѣть его продолженіе, если только трудность въ отпечаткѣ не остановитъ его. Исторія нашего Государства вѣроятно будетъ издана къ новому году. Желающіе подписаться на полученіе оной могутъ явиться въ Нѣмецкій кварталъ въ Газетную Экспедицію въ домъ подъ № 24.

Объявленіе.

Министръ Финансовъ симъ извѣщаетъ, что не внесшіе денегъ въ общественную кассу учинили бы сіе какъ можно скорѣе, ибо въ противномъ случаѣ съ должниками поступлено будетъ по всей строгости законовъ.

(1818. № 5).

¹⁾ Лангеръ.

²⁾ Кн. Эристовъ.

III.

МАРІЯ ИВАНОВНА
КОРСАКОВА

и ея сынъ Гриша—знакомые Пушкина.

Марія Ивановна Корсакова и ея сынъ Гриша— знакомые Пушкина.

Потомство интересуется не только самимъ гениемъ, его произведеніями и жизнью, но и средою, въ которой онъ жилъ, и личностями, съ которыми онъ, можетъ быть, случайно встрѣчался въ жизни.

Пушкинъ, эта слава Россіи, ея величайшій поэтъ и мыслитель, изученъ уже болѣе или менѣе подробно. Мы знаемъ его безсмертныя творенія, его жизнь частную и общественную; мы знаемъ все болѣе или менѣе выдающееся изъ его біографіи, но не знаемъ еще множество лицъ, съ которыми онъ, можетъ быть, случайно встрѣчался въ жизни, чтобы уже больше не встрѣчаться. Эти мимолетныя встрѣчи и знакомства, благодаря Пушкину, получаютъ значеніе для потомства. Лучи славы Пушкина, эманация его гениальности падаютъ и на этихъ второстепенныхъ людей, *dei minores* и придаютъ имъ мимолетний интересъ и вниманіе потомства. Намъ интересно знать, кто были эти лица, съ которыми былъ знакомъ Пушкинъ, можетъ быть любилъ ихъ, находилъ ихъ общество для себя пріятнымъ и проводилъ среди нихъ часы своего отдыха.

Къ такимъ личностямъ, между прочимъ, бесспорно принадлежали Марія Ивановна Корсакова и ея сынъ Гриша.

Въ неудобочитаемомъ литографированномъ фоліантѣ о «Родѣ Корсаковыхъ» мы находимъ о нихъ немного свѣдѣній, а именно:

(№ 340) Александръ Яковлевичъ Римскій-Корсаковъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, произведенъ въ томъ же полку изъ вахмистровъ въ Корлеты 15 марта 1774 года; 1 января 1777 года—въ Подпоручики; 1 января 1779 года—въ Секундъ-Ротмистры, впоследствии—Камергеръ. Умеръ въ селѣ Боровкахъ, Ранненбургскаго уѣзда, Рязанской губерніи. За нимъ-то и была замужемъ вышеупомянутая знакомая Пушкина Марія Ивановна Корсакова, рожденная Наумова, извѣстная своими балами въ Москвѣ и имѣвшая собственный домъ про-

*

тивъ Страстнаго монастыря, нынѣ—Строгановское училище ¹⁾). Она умерла въ 1833 году; погребена въ Николо-Пѣчиношскомъ монастырѣ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда (№ 61).

Ихъ дѣти:

(№ 411) Сергѣй Александровичъ, родился 29 октября 1794 г. Въ службу вступилъ 1 іюля 1812 года въ Московское ополченіе урядникомъ; въ томъ же году участвовалъ въ сраженіи противъ французскихъ войскъ подъ Можайскомъ. По распущеніи ополченія, уволенъ въ отставку, а 2 марта 1817 года вновь поступилъ на службу въ Бородинскій пѣхотный полкъ. 16 декабря того же года переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ. Уволенъ отъ службы 18 ноября 1822 года, съ чиномъ Штабель-Капитана. 22 апрѣля 1828 года женился на дочери Коллежскаго Совѣтника Алексѣя Ѳеодоровича Грибоѣдова Софіи Алексѣевнѣ (Софія въ «Горѣ отъ ума»). Онъ умеръ въ Москвѣ, 1 іюля 1883 года; погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ (№ 340).

(№ 412) Павелъ Александровичъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Кавалергардскомъ полку; холостымъ убитъ подъ Бородинымъ 26 августа 1812 года.

(№ 413) *Григорій* Александровичъ, служилъ въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку; участвовалъ въ Отечественной войнѣ 1812 года; получилъ въ награду: 29 января 1813 года—орденъ Св. Владиміра 4-й степени за отличіе, оказанное въ сраженіи противъ французскихъ войскъ 26 августа 1812 года при селѣ Бородинѣ, а 16 марта 1813 года—другой орденъ Св. Владиміра (?-й степени) за ревностную службу противъ французскихъ войскъ въ сраженіи при Мало-Ярославцѣ 12 октября 1812 года. 10 марта 1820 года произведенъ въ гвардіи Полковники, а въ 1822 году вышелъ въ отставку. Умеръ холостымъ и погребенъ въ селѣ Голицынѣ, Пензенской губерніи.

(№ 119) Варвара Александровна, родилась въ 1784 году, умерла въ 1813 году; погребена въ Николо-Пѣчиношскомъ монастырѣ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда. Была замужемъ за Александромъ Алексѣевичемъ Ржевскимъ.

(№ 120) Наталія Александровна, умерла въ 1848 году; погребена въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ; была замужемъ за сенаторомъ Ѳеодоромъ Владиміровичемъ Акинфовымъ, родившимся въ 1787 году. Онъ умеръ въ іюнѣ 1848 года.

(№ 121) Софія Александровна, погребена въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Была замужемъ за жандармскимъ генераломъ Александромъ Александровичемъ Волковымъ.

(№ 122) Александра Александровна, погребена въ селѣ Нерлеѣ, Пензенской губерніи. Первая жена князя Александра Николаевича Вяземскаго—сына

¹⁾ См. ниже «Рус. Архивъ» 1900 г., кн. 6, стр. 192.

князя Николая Семеновича Вяземскаго и его жены Александры Петровны, рожденной Римской-Корсаковой (см. № 39). Онъ былъ замѣчанъ въ исторіи 14 декабря 1825 года. Умеръ 4 декабря 1865 года.

(№ 123) Екатерина Александровна, первымъ бракомъ была замужемъ за Офросимовымъ, а, овдовѣвъ, вышла за Александра Александровича Алябьева (извѣстный музыкантъ и пѣвецъ). Оба погребены въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ.

Вотъ, такимъ образомъ, нѣкоторыя генеалогическія свѣдѣнія о Маріи Ивановнѣ Корсаковой, рожденной Наумовой, ея мужѣ и дѣтяхъ. Болѣе живыя подробности мы узнаемъ изъ переписки братьевъ Булгаковыхъ между собою.

По перепискѣ Булгаковыхъ мы можемъ прослѣдить не только всѣ перипетіи жизни Корсаковой, но и составить себѣ понятіе и о ея характерѣ. Такъ, мы узнаемъ, что у Маріи Ивановны былъ довольно злой язычекъ: когда Корсакова проиграла свой процессъ съ Николаемъ Меньшиковымъ, то она имѣла безстыдство доказывать, что Меньшиковы родились отъ матери, но не дѣти своего отца. Между тѣмъ Меньшиковъ жилъ 6 лѣтъ за границею, довольствовался малымъ доходомъ, заплатилъ всѣ свои долги и въ 1822 г., по словамъ Булгакова, имѣлъ болѣе 80 тысячъ чистаго дохода ¹⁾.

За злой язычекъ общество платило ей тѣмъ же. А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 11 мая 1822 года сообщаетъ, что въ Москвѣ распространился слухъ, переданный ему Офросимовою, что одну изъ дочерей Корсаковой украли вчера, между тѣмъ какъ ихъ обѣихъ Булгаковъ видѣлъ сегодня у Волкова. Александръ Яковлевичъ Булгаковъ прибавляетъ: «но Корсакова столько дѣлаетъ сплетней сама, что не худо другимъ съ нею поквитаться» ²⁾.

Между тѣмъ Марія Ивановна, по словамъ А. Я. Булгакова (въ письмѣ къ брату отъ 19 января 1814 года) ³⁾, была вполне свѣтская женщина, собиравшая въ теченіе многихъ лѣтъ лучшее Московское общество въ своемъ домѣ у Страстного монастыря ⁴⁾ (нынѣ домъ 7-ой гимназіи). Домъ этотъ, какъ видно изъ письма А. Я. Булгакова отъ 12 октября 1823 года, вѣроятно, никогда не ремонтировался; Булгаковъ рассказываетъ, что, когда Марія Ивановна Корсакова поѣхала въ деревню, то приступлено было къ поправкѣ поля и когда стали ломать поле, то вдругъ всѣ балки обрушились, все упало ⁵⁾. Конечно, пришлось произвести капитальный ремонтъ, такъ что во время коронаціи Императора Николая Павловича, Корсакова отдала свой домъ въ наемъ посланнику Бомбалу за 25 тысячъ рублей ⁶⁾.

¹⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 3, стр. 420

²⁾ Тамъ же, стр. 406.

³⁾ «Рус. Арх.» 1900 г., кн. 7, стр. 298

⁴⁾ Тамъ же, кн. 6, стр. 192.

⁵⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 4, стр. 590.

⁶⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 7, стр. 376

Корсакова любила и сама бывать въ обществѣ. Такъ, она присутствовала, съ своими дочерьми, въ компаніи съ Озеровымъ, Балоговскимъ, Баратовымъ и др., на обѣдѣ въ честь Бенкендорфа у своего зятя Волкова ¹⁾). Также и у себя въ домѣ она часто давала балы и устраивала любительскіе спектакли. Изъ письма А. Я. Булгакова къ брату отъ 14 февраля 1827 г. мы узнаемъ, что на балу у М. И. Корсаковой дочь ея, Софія Александровна, супруга А. А. Волкова, заставила его, Булгакова, танцовать ²⁾), хотя онъ считалъ себя уже довольно старымъ для танцевъ.

Что же касается до ея любительскихъ спектаклей, то о нихъ вспоминаетъ князь И. М. Долгорукій подъ 14 марта въ своемъ «Капищѣ моего сердца»:

«14 марта.—Марья Ивановна. Театральное знакомство! У нея была большая семья; въ ея домѣ жили очень весело. Я любилъ театральную забаву, изрядной талантъ дѣлалъ меня нужнымъ въ Московскихъ обществахъ, я скоро съ ней ознакомился. Это было въ концѣ царствованія Павла. Я служилъ въ Соленой Конторѣ. Запрещенія играть комедію не падали на гражданское званіе, и я въ домѣ г-жи Корсаковой имѣлъ удовольствіе цѣлую зиму забавляться въ моемъ вкусѣ. Я люблю до нынѣ приводить себѣ на мысль мѣста, людей, минуты, въ которыя бывало мнѣ весело. Изъ зрѣлищъ, нами въ то время представленныхъ Московской публикѣ, останется мнѣ памятной навсегда комедія «Les chateaux en Espagne», въ которой я, съ старшей дочерью Марьи Ивановны, игралъ роль перваго любовника. Это происходило уже въ началѣ царствованія Александра. Піеса нами была удачно разыграна, но особенно замѣчательно то, что я былъ уже назначенъ въ Петербургъ въ Губернаторы въ Володимерь, и самъ еще этого не зналъ, когда выступилъ на сцену. Въ роли моей слѣдующіе два стиха возбудили всеобщее рукоплесканіе, котораго я не зналъ къ чему отнести:

«De quelqu'emploi brillant je puis me voir charger
Et de nouveau peut-être il faudra voyager».

«Въ партерѣ знали уже многіе, что я Губернаторъ, лишь только произнесъ ои два стиха, то, по примѣненію ихъ къ моему назначенію, всѣ ударили въ ладоши; эта минута долго мнѣ будетъ памятна, да и вообще веселости, коими я наслаждался въ пріятномъ домѣ Г-жи Корсаковой, не будучи ни въ кого тутъ влюбленъ, и занятъ только искусствомъ, мнѣ любезнымъ, долго будутъ представляться моему воображенію во всемъ ихъ плѣнительномъ видѣ. Что болѣе заслуживаетъ мѣсто въ воспоминаніяхъ нашихъ какъ тѣ часы, въ которые мы предавались невиннымъ забавамъ и одушевлялись одной чистой веселостью». («Капище моего сердца», Кн. И. М. Долгорукова. Москва, 1874 г., стр. 74—75).

¹⁾ «Рус. Арх.» 1902 г., кн. 1, стр. 119.

²⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 9, стр. 16.

Помимо своей общительности, Корсакова обладала еще веселым характером; она не только старалась веселить общество у себя на балахъ и въ гостиной, но была не прочь развеселить общество на балу и въ чужомъ домѣ. Такъ, по словамъ А. Я. Булгакова, на балу у Бобринской въ Москвѣ въ 1824 году она съѣла на салазки, чтобы ее свезли въ уборную. Салазки, будучи сдѣланы изъ картона, сломались подъ тяжестью Корсаковой и упали на бокъ вмѣстѣ съ нею, что вызвало дружный смѣхъ всего общества ¹⁾. Она была вообще большая любительница всякаго рода развлеченій и готова была принять на себя всякаго рода хлопоты по устройству разныхъ увеселеній; она еще въ 1830 году вербовала дамъ на пикникъ въ Останкинѣ ²⁾.

Постоянныя поѣздки Корсаковой за границу, гдѣ она посѣщала Парижъ, Флоренцію, Вѣну и многіе другіе города и гдѣ вела открытый образъ жизни, оставили свой слѣдъ въ запискахъ современниковъ. Такъ, графъ М. Д. Бутурлинъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ о пребываніи г-жи Корсаковой съ двумя дочерьми во Флоренціи въ 1826 году ³⁾. Но частыя посѣщенія Корсаковой разныхъ заграничныхъ мѣстъ вводили ее въ долги, о чемъ упоминается въ письмахъ А. Я. Булгакова за разные годы. Такъ, въ письмѣ А. Я. Булгакова къ брату изъ Москвы отъ 9 сентября 1820 года мы узнаемъ, что «М. И. Корсакова проводитъ зиму въ Вѣнѣ, а теперь должна быть въ Парижѣ. Волковъ ей переслалъ 65 тысячъ. Качай, валяй» ⁴⁾. Въ другомъ письмѣ, отъ 18 марта 1821 года, сообщая о томъ, что Лобановъ, женатый на Безбородко, живущій за границей, покупаетъ, по словамъ Растопчина, все что видитъ и имѣетъ однихъ книгъ уже 18 тысячъ томовъ, А. Я. Булгаковъ говоритъ, что Корсакова дѣлаетъ то же, и замѣчаетъ: «et va de porte en porte cherchant de l'argent.—Это можно было предвидѣть» ⁵⁾. Въ томъ же году графъ Растопчинъ сообщилъ Александру Булгакову, что Марія Ивановна Корсакова совѣмъ издержалась; у него просила займы, но онъ не далъ. Ежели бы не выкупилъ ее графъ Орловъ, пришлось бы ей продать за половину цѣны все, что накупила сгоряча сначала ⁶⁾.

Кромѣ тратъ за границу, Корсакова вообще была очень щедра и охотно приходила на помощь нуждающимся. Такъ, А. Я. Булгаковъ въ письмѣ отъ 4 февраля 1824 года упоминаетъ, что когда онъ собиралъ деньги для Метаксы, чтобы его не посадили въ тюрьму, то, между прочими, М. И. Корсакова точчасъ

¹⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 5, стр. 45.

²⁾ Письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 4 августа 1830 г. «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 12, стр. 493.

³⁾ «Рус. Арх.» 1897 г., кн. 5, стр. 54.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1900 г., кн. 12, стр. 556.

⁵⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 1, стр. 65.

⁶⁾ Письмо А. Я. Булгакова къ брату изъ Москвы отъ 22 марта 1821 года. «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 1, стр. 67.

прислала ему болѣе 1000 рублей ¹⁾). Между тѣмъ, въ письмѣ отъ 9 января 1822 г. А. Я. Булгаковъ говорить о Корсаковой, что поступокъ ея съ Погенполемъ его не удивляетъ. Булгаковъ замѣчаетъ: «Римскія дамы этакъ не поступали, но наша Римская все себѣ позволяетъ. Здѣсь должна цѣлому городу, никому не платить, а балы даетъ, да даетъ. Мало въ этой женщинѣ доброжелателей. Жаль дѣтей, коихъ она разоряетъ совѣмъ» ²⁾). Въ отвѣтъ на это письмо К. Я. Булгаковъ отвѣчаетъ брату изъ С.-Петербурга: «Изъ Парижа пріѣхалъ Погенполь. Онъ мнѣ сказывалъ, что тамъ поручился въ 6000 франковъ за Корсакову, безъ которыхъ она не могла и ѣхать. Не получая денегъ, банкиръ выслалъ на нее вексель, но и тотъ возвратился протестованъ, и теперь съ Погенполя требуютъ заплаты. Ему это очень прискорбно. По Вѣнѣ я знаю, что ни за кого не надобно быть поручителемъ; я самъ былъ разъ въ дуракахъ, а покойный князь Александръ Борисовичъ ³⁾ заплатилъ слишкомъ 100 тыс. гульденовъ, потому что меня не послушалъ и не умѣлъ отказывать. Ужасно, какъ послѣ бѣсился, но дѣлать было нечего. Я чую, и умеръ, не получивши всѣхъ своихъ денегъ въ возвратъ» ⁴⁾). Въ другомъ письмѣ, за годъ до этого, отъ 22 іюня 1821 г., Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ писалъ брату: «Не удивляюсь разстройству въ дѣлахъ Корсаковой. Когда же она жила съ расчетомъ? Наслѣдство послѣ Высоцкой все поправить, а между тѣмъ Орлову ⁵⁾ наука — не ручаться за русскихъ путешественницъ» ⁶⁾).

Что касается до прозванія Корсаковой «Римскою», какъ о томъ пишетъ Булгаковъ, то это совершенно правильно. Это было ея родовое прозвище въ отличіе отъ другихъ Корсаковыхъ; объ этомъ прозвищѣ рассказываетъ князь Алексѣй Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ слѣдующее:

Однажды въ Римѣ Никита Ивановичъ Корсаковъ увидѣлъ у подъязда богатаго дома карету, на которой красовался гербъ, схожій съ гербомъ Корсаковскаго рода. Онъ спросилъ: «чья эта карета?» Ему сказали, что она принадлежитъ одному изъ римскихъ аристократовъ, Корсини. Никита Ивановичъ тотчасъ отправляется къ этому аристократу, который принимаетъ его любезно и на спросъ его, какимъ образомъ гербъ рода Корсаковыхъ достался роду Корсини, далъ слѣдующее объясненіе. Предки рода Корсини были выходцы изъ Литвы; были два брата Корсака, чуть ли даже не три, которые, попавъ въ Римъ, находились на военной службѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, одинъ изъ нихъ, или двое, вернулись въ Литву и стали прозываться Римскими-Корсаковыми, а одинъ братъ остался въ Римѣ и

¹⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 5, стр. 37.

²⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 3, стр. 401.

³⁾ Куракинъ.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 2, стр. 201.

⁵⁾ Долго жившему въ чужихъ краяхъ графу Григорію Владиміровичу.

⁶⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 1, стр. 59.

былъ родоначальникомъ рода Корсини. Вотъ почему у рода Корсини имѣется Корсаковскій гербъ.

Въ родѣ Римскихъ-Корсаковыхъ это преданіе не сохранилось; извѣстно только, что при царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ нѣкоторыя лица изъ рода Корсаковыхъ просили о дозволеніи имъ именоваться Римскими-Корсаковыми, что имъ и было разрѣшено указомъ отъ 15 мая 1677 года. По спискамъ Герольдіи, родоначальникомъ Римскихъ-Корсаковыхъ считается Осипъ Михайловъ Корсакъ, жившій ранѣе 1500 г. Этотъ Осипъ Корсакъ съ кѣмъ-либо изъ братьевъ своихъ или сродниковъ находился, быть можетъ, на военной службѣ въ Римѣ, а потомъ вернулся въ Россію, почему и прозывался Римскимъ-Корсаковымъ. Мы не беремъ на себя рѣшить этотъ вопросъ окончательно, но въ то же время не сочли себя въ правѣ умолчать о томъ, что слышалъ въ Римѣ Никита Ивановичъ Корсаковъ о происхожденіи рода Корсини¹⁾.

А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 4 іюня 1825 г. рассказываетъ интересный анекдотъ о Корсаковой, изъ котораго видно, что она была не только энергичною женщиною, но и очень справедливою, возмущавшеюся всякимъ проявленіемъ самодурства со стороны высшихъ міра сего. Булгаковъ передаетъ, что Корсакова, взявъ ложу и приѣхавъ въ театръ, узнала, что спектакль отмѣненъ, потому что Ѳ. Ѳ. Кокочкинъ вызванъ куда-то за городъ съ актрисою своею Синцекою. Не повѣривъ, она приказываетъ вызвать кого-нибудь изъ конторы, и ей подтверждаютъ, что спектакля не будетъ: «Кокочкинъ приказалъ отказать». — «А я прошу васъ сказать Ѳ. Ѳ. Кокочкину, что онъ дуракъ», — восклицаетъ она и велитъ ѣхать домой. Служащій сталъ было спрашивать у людей, кто эта барыня, но Корсакова отвѣчала сама: «Я Марія Ивановна Римская-Корсакова»²⁾.

Корсакова посѣщала не только разные заграничныя курорты, но бывала также и въ отечественныхъ лечебныхъ мѣстахъ. Такъ, въ 1823 году она посѣтила Кавказъ, и А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату изъ Москвы отъ 14 іюня 1823 г. сообщаетъ ему по этому поводу слѣдующее: «Сказывалъ мнѣ Гриша Корсаковъ, что у матери его пошли лишаи по тѣлу, и она такъ боится, чтобы не сдѣлалось съ нею тоже, что съ Озеровой, что въ два дня собралась и ѣдетъ на Кавказъ съ младшимъ сыномъ»³⁾.

Въ письмѣ отъ 2 іюля 1828 г. А. Я. Булгаковъ пишетъ къ брату: «Слышалъ ли ты, что горцы сдѣлали набѣгъ на всѣхъ ѣхавшихъ отъ теплыхъ водъ на кислыя, тутъ попалась и М. И. Корсакова, которая была ограблена до рубашки»⁴⁾.

¹⁾ «Родъ Князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ», брошюра кн. Алексѣя Михайловича Дондукова-Корсакова. 1886 г., стр. 64—65.

²⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 6, стр. 196.

³⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 4, стр. 550.

⁴⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 10, стр. 173.

По поводу этой же романтической исторіи К. Я. Булгаковъ пишетъ брату изъ С.-Петербурга отъ 7 іюля 1828 года: «Изъ Москвы уже пишутъ, что не только Корсакову ограбили, но увезли у нея дочь и всѣхъ людей. Дѣло быточное, если справедливо нападеніе горцевъ. Экія бестіи»¹⁾).

И, дѣйствительно, въ бытность ея на Кавказѣ распространился въ Москвѣ слухъ, что дочь ея Александрину похитили горцы. Но уже въ письмѣ отъ 18 іюля 1828 г. А. Я. Булгаковъ опровергаетъ этотъ слухъ²⁾). Наконецъ, въ письмѣ отъ 27 октября 1828 г. Булгаковъ сообщаетъ брату, что «вчера явилась къ Волкову съ Кавказа Марія Ивановна Корсакова и поселилась у него. Волковъ разсказывалъ, что какой-то Магометанскій князекъ съ Каспійскаго моря покупалъ Корсакову дочь, потомъ хотѣлъ ее увезти, потомъ сватался съ тѣмъ, что она можетъ сохранить свою вѣру. Съ матерью пріѣхалъ Гриша Корсаковъ»³⁾). Чтобы покончить съ этою романтическою исторіею, слѣдуетъ замѣтить, что А. Я. Булгаковъ сообщаетъ брату⁴⁾), что пріѣхавшій въ Россію генералъ Шамхаль-Тарковскій и есть тотъ самый женихъ, «что сватался за дочь Маріи Ивановны Корсаковой, Александрину, на Кавказѣ и предлагалъ тотчасъ 300 тысячъ задатку»⁵⁾).

Пушкинъ въ письмѣ изъ Москвы отъ 8 мая 1829 года, адресованномъ къ его брату Льву Сергѣевичу, «въ Азію», упоминаетъ о Корсаковой, чѣмъ подтверждается пребываніе ея на Кавказѣ въ 1829 году. Пушкинъ пишетъ брату, между прочимъ: «письмо мое доставить тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомишься съ нею—да прошу не влюбляться въ дочь»⁶⁾).

Несмотря на всѣ эти неровности характера и неуравновѣшенность Корсаковой, она всеяла своимъ дѣтямъ любовь и признательность къ себѣ. Когда Булгаковъ 9 апрѣля 1827 г. обрадовалъ Волковыхъ о производствѣ ихъ сына въ офицеры, то Софія Александровна Волкова, дочь Корсаковой, сейчасъ же потащила сына къ своей матери, чтобы бабушка могла полюбоваться своимъ внукомъ и первая могла бы раздѣлить ихъ семейную радость⁷⁾).

Изъ сыновей Маріи Ивановны Корсаковой всѣхъ ближе былъ къ братьямъ Булгаковымъ Григорій Александровичъ Корсаковъ. Знакомство ихъ началось съ 1814 года, какъ видно изъ московскаго письма А. Я. Булгакова къ брату, въ

¹⁾ «Русск. Арх.» 1903 г., кн. 9, стр. 129.

²⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 10, стр. 175.

³⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 10, стр. 190.

⁴⁾ Въ письмѣ отъ 26 сентября 1829 года.

⁵⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 11, стр. 359.

⁶⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изд. Литер. Фонда, т. VII, Спб., 1887 г., стр. 211, № 212.

⁷⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 9, стр. 28.

которомъ онъ сообщаетъ ему, что одна изъ посылокъ, препровождаемыхъ ему, должна быть передана Григорію Александровичу. При этомъ Булгаковъ прибавляетъ, что «ему рекомендуетъ Григорія его мать Марья Ивановна, въ теченіе многихъ лѣтъ собиравшая лучшее Московское общество въ своемъ домѣ у Страстнаго монастыря»¹⁾).

Григорій Александровичъ часто сопровождалъ свою мать въ заграничныхъ путешествіяхъ и на Кавказъ²⁾. И за границу онъ вращался, какъ и мать его, въ лучшемъ обществѣ. Такъ, изъ «Записокъ» графа М. Д. Бутурлина видно, что въ 1826 году во Флоренці изъ русскихъ туристовъ былъ «извѣстный своей оригинальностью Москвичъ Григорій Александровичъ Корсаковъ, неутомимый танцоръ на Флорентинскихъ балахъ, что за нимъ не водилось въ Москвѣ»³⁾.

Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ называетъ Корсакова чудачкомъ, по поводу того, что Корсаковъ какъ-то оригинально дарилъ ему перстень, принадлежавшій Императрицѣ Екатеринѣ⁴⁾. Что братья Булгаковы были очень дружны съ Григоріемъ Корсаковымъ, видно изъ переписки ихъ. Они стараются чѣмъ можно угодить своему другу и брату жены ихъ пріятеля А. А. Волкова; самъ же Григорій Александровичъ не разъ приходилъ имъ на помощь, какъ это видно изъ письма К. Я. Булгакова къ брату отъ 26 января 1825 года, изъ С.-Петербурга: «Ты мнѣ пишешь отъ 21, что Корсаковъ именинникъ 24-го, и желаешь, чтобы я поискалъ здѣсь для подарка ему что-нибудь касающееся до Екатерины II; да я въ тотъ день только получилъ твое письмо. Впрочемъ можно и послѣ подарить, да только не знаю что. Буду однако же шарить по лавкамъ, какъ скоро найду свободную минуту. Мнѣ бы самому было очень пріятно сыскать что-нибудь, что могло бы быть пріятно человѣку, который насъ одолжилъ, а васъ любитъ»⁵⁾.

Григорій Александровичъ и въ Россіи вращался среди лучшаго общества обѣихъ столицъ. Онъ былъ вхожъ къ Долгорукимъ, роднѣ А. Я. Булгакова⁶⁾, и былъ знакомъ съ Голицынами, Норовымъ, Пашковымъ, Грибоѣдовыми, Паскевичемъ, съ сыномъ двоюродной сестры Булгаковой—кн. Александромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ, женившимся въ 1840 году на Вѣрѣ Александровнѣ Каблуковой⁷⁾, и другими. Корсаковъ, вѣроятно, Григорій, бывалъ часто въ Петербургѣ на вечерахъ у Константина Яковлевича Булгакова, о чемъ послѣдній, между прочимъ, пишетъ своему брату отъ 18 іюля 1830 г.⁸⁾

¹⁾ «Русск. Арх.» 1900 г., кн. 7, стр. 298.

²⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 10, стр. 190.

³⁾ «Русск. Арх.» 1897 г., кн. 5, стр. 54.

⁴⁾ «Русск. Арх.» 1903 г., кн. 4, стр. 451.

⁵⁾ Письмо К. Я. Булгакова къ брату отъ 26 января 1825 г. изъ Спб. «Русск. Арх.» 1903 г., кн. 6, стр. 170.

⁶⁾ Дочь А. Я. Булгакова была замужемъ за кн. Долгорукимъ.

⁷⁾ «Русск. Арх.» 1902 г., кн. 3, стр. 529.

⁸⁾ «Русск. Арх.» 1903 г., кн. 11, стр. 416.

Григорій Александровичъ былъ также знакомъ съ Пушкинымъ. Это объясняется тѣмъ, что они встрѣчались въ одномъ и томъ же свѣтскомъ обществѣ, а также, въ особенности, и тѣмъ, что родственникъ Григорія Александровича — Николай Александровичъ Корсаковъ былъ товарищемъ Пушкина по Царскосельскому Лицею. Какъ извѣстно, братья Булгаковы не симпатизировали Пушкину вообще и, въ особенности, вслѣдствіе ихъ дружбы съ княземъ Воронцовымъ, которому, въ свою очередь, не симпатизировалъ Пушкинъ и неужился съ нимъ, когда служилъ подъ его начальствомъ на югѣ Россіи. Поэтому будетъ не безынтересно привести выдержку изъ письма А. Я. Булгакова отъ 19 февраля 1831 года по поводу вѣнчанія и свадьбы Пушкина, тѣмъ болѣе, что здѣсь упоминается и Григорій Корсаковъ. Вотъ что писалъ Булгаковъ къ брату: «A propos de Pouchkine. Филаретъ таки поставилъ на своемъ: ихъ обвѣнчали не у кн. Сер. Мих., а у стараго Вознесенія. Никого не велѣно было пускать, и полиція была для того у дверей. Почему, кажется, нѣтъ? И такъ свершилась эта свадьба, которая такъ долго тянулась. Ну да какъ будетъ хорошій мужъ! То-то всѣхъ удивить, никто этого не ожидаетъ, и всѣ сожальють о ней. Я сказалъ Гришѣ Корсакову—быть ей *milady* Вугон,—онъ пересказалъ Пушкину, который смѣялся только. Онъ женѣ моей говорилъ на балѣ: «пора мнѣ остепениться; ежели не сдѣлаеть этого жена моя, то нечего уже ожидать отъ меня» ¹⁾).

Пушкинъ тоже интересовался Марією Ивановною Корсаковой и ея дочерьми и наводилъ о нихъ справки, вѣроятно, по просьбѣ кого-нибудь изъ своихъ друзей. Въ письмѣ къ князю Петру Андреевичу Вяземскому ²⁾ изъ Кишинева, отъ 5 апрѣля 1823 г., Пушкинъ писалъ слѣдующее: «Важный вопросъ и, сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря (Страстного, что-ли?). Жива ли она, гдѣ она; если умерла, чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери? Замужемъ ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ ли, или вдовствуютъ и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обѣщался обо всемъ узнать подробно» ³⁾.

Григорій Александровичъ Корсаковъ принималъ участіе, какъ секундантъ, въ двухъ дуэляхъ. Такъ, когда князь Федоръ Гагаринъ въ 1832 г. имѣлъ ссору съ Павломъ Ржевскимъ, то, въ виду ожидавшейся дуэли, Ржевскій просилъ Григорія Корсакова въ секунданты ⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1833 г. была ссора князя Четвертинскаго съ Мельгуновымъ. Четвертинскій взялъ въ секунданты Петра

¹⁾ «Русск. Арх.» 1902 г., кн. 1, стр. 54.

²⁾ Кн. Вяземскій жилъ тогда въ Москвѣ, въ Чернышевомъ пер., въ собств. домѣ.

³⁾ Сочин. А. С. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. 7, Спб., 1887 г., стр. 49, письмо № 38.—Ibid., ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. VII, стр. 72.

⁴⁾ Письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 5 мая 1832 г. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. 2, стр. 285.

Львовича Давыдова и Корсакова Григорія ¹⁾). Въ письмѣ отъ 12 апрѣля 1833 г. А. Я. Булгаковъ сообщаетъ брату, что «дуэль кончилась примиреніемъ, Корсаковъ Гриша тутъ очень удачно дѣйствовалъ и когда всѣ секунданты вмѣсто того, чтобы озлобивать, сближали бы ссорящихся, то менѣе было бы дуэли» ²⁾).

Чтобы исчерпать весь имѣющійся у насъ матеріаль о Гришѣ, нужно сказать, что Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ ³⁾ былъ женатъ на Грибоѣдовой, сестра которой была замужемъ за И. О. Паскевичемъ.

Наконецъ, приведемъ анекдотъ о Григоріи Александровичѣ, въ которомъ Корсаковъ былъ невольной причиной, что Булгакову удалось сказать каламбуръ. Въ письмѣ къ брату отъ 29 мая 1822 г. А. Я. Булгаковъ упоминаетъ о Гришѣ Корсаковѣ, который ударилъ въ театрѣ крысу палкой. «*Quel rat était-ce, me demandait Youssouppoff. — Ma foi, ni d'église, ni de champ: s'était, je suppose, un rat de théâtre*» ⁴⁾).

¹⁾ Письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 11 апрѣля 1833 г. «Русск. Арх.» 1902 г., кн. 3, стр. 516.

²⁾ «Русск. Арх.» 1902 г., кн. 3, стр. 517.

³⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 10, стр. 190.

⁴⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., кн. 3, стр. 416.

Алфавитный указатель.

- Августинъ, арх., 284.
Августъ, кор., 391.
Авенариусъ, В. П., 233.
Адарюковъ, 277.
Аделунгъ, Ф. П., 153.
Акинфова, Н. А., см. Корсакова.
Аландаровъ, 421.
Алдекопъ, 370.
Алединскій, 153, 158.
Александра Павловна, палатина Венгерская, 237, 278, 282, 316.
Александръ I, 7, 26, 49, 52—54, 60, 65, 71, 89—91, 99—108, 119, 167, 182, 223, 237, 248, 269, 278, 307, 313, 314, 318, 366, 394, 396—398, 405, 408, 409, 414.
Александръ II, 80, 263, 293, 297.
Александръ, принцъ Виртембергскій, 54.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 473.
Альбизани (или Кости), Ломбардскія дворяне, родонач. фам. Броглю, 389, 398.
д'Альяно, Гал., 401.
Алябьева, Е. К., см. Корсакова.
Алябьевъ, А. А., 469.
Амвросій, митроп. 318.
Ангіусъ, 401.
Анна Іоанновна, им-ца, 215.
Анненковъ, И. А., 62, 134.
Анненковъ, П. В., 27, 49, 52, 197.
Анненковъ, г.-м., 173.
Анрепъ, полков., 12.
Анучинъ, Д. Г., 284.
Апраксинъ, гр., 341.
Апрѣлевы, 303.
Аракчеевъ, гр., А. А., 218, 227, 303, 306, 314, 384, 385.
Арбузовъ, 62, 71, 76.
д'Аркуръ-де-Бельзанъ, Селестина, въ зам. Бролю-де-Касальборгоне, 404.
Ардтъ, 343.
Арнольди, Ив. Карл., 148.
Арнольди, Н. И., см. Россетъ.
Арсеньевъ, 153, 154.
Артамоновъ, 127.
Арцыбашевъ, 62.
д'Аршіакъ, 336, 338, 339, 350, 341.
Ахвердовъ, 153.
Багговутъ, Ф., 13.
Базилевичъ, Васил., 313.
Базинъ, г.-м., 248.
Бакунина, Анна Борисовна рожд. Зеленская, 192, 193.
Бакунина, Варв. Алсд., 193.
Бакунина, Ек. Алсд., 193.
Бакунина, Ек. Пав., въ зам. Полторацкая, 194—207, 231.
Бакунина, Мар. Алсд., рожд. Шулепникова, 193.
Бакунина, Тат. Алсд. 193.
Бакунинъ, Алсд. Пав., 42, 181—207, 271, 300.
Бакунинъ, Вас. М., 181.
Бакунинъ, М. В., 182.
Бакунинъ, М. И., 181.
Бакунинъ, Никиф., 181.
Бакунинъ, Никол. Алсд., 193.
Бакунинъ, П. В., 181, 182.
Бакунинъ, Мод. П., 182.
Бакунинъ, Пав. Петр., 181, 182, 183, 187, 422.
Бакунинъ, камергеръ, 315.
Балашинъ, 139.
Балемень, 422, 428, 429.
Балоговскій, 470.
Бальби, Ломбардскіе дворяне, родонач. фамил. Броглю, 389, 398.
Бальбо, гр. Просперъ, 399.
Бальбо, гр. Цезарь, 399.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н., 183, 300, 347, 348, 385, 391, 393.
Баратовъ, 470.
Барсовъ, Е. В., 221, 301, 307.
Барсуковъ, Н. П., 306, 316, 318.
Бартеневъ, В. И., 386.
Бартеневъ, П. И., 39, 67, 69, 216, 248, 287, 300, 303, 306, 311, 328, 360, 361.
Барятинскій, кн., 85.
Басаргинъ, Н. В., 126, 127, 134, 135, 137, 138.
Батенковъ, полков., 54, 82, 100.
Безакъ, 453.
Безбородко, въ зам. Лобанова, 471.
Безбородко, кн. А. А., 182, 222, 319.
Бенкендорфъ, гр. А. Х., 108, 109, 114, 124, 191, 288, 470.
Бенци, Ломбардскіе дворяне, родонач. фамил. Броглю, 389, 398.

- Бестужевъ, А. А., 38, 54, 56—59, 62, 68, 71, 74, 76, 82, 90, 93—95, 101—103, 109, 113—116.
- Бестужевъ, М. А., 57, 58, 62, 69, 121, 122, 127, 128, 135, 136, 170.
- Бестужевъ, Н. А., 54, 62, 71, 74, 82, 88, 100, 115, 121, 136, 290.
- Бестужевъ-Рюминъ, 94.
- Бибиковъ, И. М., 63.
- Бистромъ, ген., 56, 158, 341.
- Блудова, гр. А. Д., 316, 347.
- Блудовъ, гр. Д. Н., 301, 314.
- Бобринская, гр-ня, 471.
- Бобрищевъ-Пушкинъ 141.
- Богино, гр. Жанъ Бант., 399.
- Бодиско, 62.
- Бокъ, 64.
- Болоховскій, 192.
- Бомбаль, 469.
- Бомонъ, 399.
- Борисовы, 127.
- Боровковъ, 102.
- Бороздина, 349.
- Бороздинъ, А. К., 150, 414.
- Бразеръ, Ив., 423, 424.
- Бревернъ, 339.
- Фонъ-дербъ-Бригенъ, 86, 88, 102.
- Бриммеръ, 251, 252, 254, 255.
- Бровцанъ, Алексій Плат., 385.
- Брольо *) , генеалогія семейства Broglio, 402, 403.
- Брольо, шевалье де-Касальборгоне, графы, 389, 399.
- Брольо, ди Кіери, 418.
- Брольо, герцогъ Альбертъ, 393.
- Брольо, Амедей, 390.
- Брольо, гр. Анна Петр., рожд. Иванова, по перв. браку княг. Трубецкая, 394, 395, 396.
- Брольо, гр., Андрей Максимиліанъ, 412.
- Брольо, (герцогъ Броль) Ахиллъ Карлъ-Леонсъ, 393.
- Брольо, Бернардинъ, 390.
- де-Брольо, герцогъ (Дюкъ де-Броглю) Викторъ Франсуа, 391, 393.
- Брольо, Вильгъ, 400.
- Брольо, Губертъ, 399.
- Брольо - де - Касальборгоне, гр. Диминикъ-Игнатій, 404.
- Брольо, Жанъ, 399.
- Брольо, шевалье де-Касальборгоне, Исидоръ, 405.
- Брольо, де - Касальборгоне, гр. Іосифъ-Людвикъ, 404.
- Бролю, герцогъ Карлъ-Людвикъ-Викторъ, 393.
- Брольо, де-Касальборгоне, гр. Карлъ-Феликсъ, 404.
- Брольо, де-Касальборгоне, Клементина въ зам. Мороццо де-ля Рокка, 404.
- Брольо, шевалье де-Касальборгоне, Ладиславъ, 405.
- Брольо, де-Касальборгоне, гр. Маріусъ, 401, 404.
- Брольо, де-Касальборгоне, Маріусъ-Карлъ, 404.
- Брольо, Маріусъ-Доминикъ, 404.
- Брольо, де-Грибальденгисъ, Мартинъ, родонач. князей де Брольо, 390.
- Брольо, де-Касальборгоне, Селестина, 405.
- Брольо, шевалье де-Касальборгоне, Сильверій, 405.
- Брольо, шевалье де Касальборгоне, гр. Сильверій Фр., 233, 268, 325, 326, 351, 378, 379, 383, 389—418.
- Брольо, гр. Ферд. Франсуа, (гр. Ферд. Карл. де-Броль), 391.
- Брольо, шевалье де-Касальборгоне, Франсуа Мари, 390, 397, 404, 405.
- Брольо, Франческо, 390.
- Брольо, гр. Ферд. Карл., 392.
- Брольо, шевалье де-Касальборгоне, Фредерикъ-Доминикъ, 405, 414, 416, 417.
- Брольо, гр. Шарль Франсуа, 391.
- Брольо, де-Касальборгоне, Элеонора, 405.
- де-Брольо-Ревель, князь Августъ Іосифъ, 393.
- Брольо Ревель, графъ Викт. Мавр., 390.
- Брольо-Ревель, княгиня, 393, 394, 397.
- де-Брольо-Ревель, князь, 394.
- де-Брольо-Ревель, гр. Франсуа Мари, 390, 397.
- Брольо, см. баронеса Николаи.
- Бронниковъ, 145.
- Брофферици, А., 417.
- Брусиловъ, Н. Н., 450, 453.
- де-Брюнольдъ, Д., 328, 343.
- Брюсовъ, Валерій, 207.
- де-Будри, 4, 24, 155, 169, 184, 225, 228, 324, 325, 350, 358, 377, 407.
- Букаатовъ, 101.
- Булатовъ, полков., 54, 57.
- Булгаковъ, А. Я., 37, 52, 300—306, 313, 317, 343, 348, 393—395, 469—473, 477.
- Булгаковъ, К. Я., 300—308, 310, 313, 317, 397, 472, 474, 475.
- Булли, Ломбардскіе дворяне, 400.
- Бунина, А. П., 361.
- де-Буголо (Лоди Северисъ де-Буроло) Евфр. въ зам. Бролья, 404.
- Брюль, гр. 391.
- Бурцевъ, П. Т., 248.
- Бурцевъ, 26, 34, 38, 96—99, 416.
- Бутеневъ, А. П., 393.
- Бутовичъ, 13.
- Бутурлинъ, гр. М. Д., 301, 475.
- Бутэнопъ, 300.
- Бухмейеръ, 303.
- Бычковъ, А. Ѳ., 314.
- Бѣликова, А. Т., см. Калиничъ.
- Бѣлуха, 370.
- Бѣляевъ, А. П., 42, 62, 70, 73, 74, 96—99, 125, 126, 137, 138, 296.
- Бѣлявцевъ, Д. Н., 247.
- Бюллеръ, бар. Ф., 372.
- Вадковскій, 123, 126.
- Валуева, 33.
- Вальперга-де-Куорне, Викторія, см. гр-ня Бролья, де-Касальборгоне.
- Варфоломей (Косой), 311.

*) Въ русской транскрипціи эта фамилія пишется весьма разнообразно (Бролья, Брольо, Бролю, Броглю). Въ настоящемъ указателѣ противъ фамиліи Брольо приведены ссылки на всѣ варианты правописанія этой фамиліи встрѣчающіеся въ текстѣ.

- Васильевъ, Д., 11.
 Васильчиковъ, кн., 384.
 Васильчиковъ, 62, 456.
 Вельо, баронесса, рожд. Северина, 7.
 Вельо, Софія, въ зам. Ребиндеръ, 7.
 Вельо, 7.
 Венгеровъ, С. А., 6, 207.
 Венивитинова, Анна Ник., 344.
 Венигель, 463.
 Веригинъ, Н. В., 15.
 Веселовскій, К. 182.
 Вешняковъ, В. Н., 315.
 Вигель, Ф. Ф. 248, 305, 393, 394.
 фонъ-Визинъ, Нат. Дм., рожд. Апухтина,
 во втор. бракъ Пушина, 146, 147, 291.
 фонъ-Визинъ, М. А., 77, 90, 92, 99, 101, 110,
 113, 146, 147, 182.
 Викторъ-Эммануилъ, 415.
 де-Вилластелоне, Анна, въ зам. Бралья-де-
 Касальборгоне, 404.
 Вильмъ, Б. И. 457.
 Витгенштейнъ, гр., 65.
 Виткинъ, Алсд. Серг., 247.
 Витмеръ, Алсд. 13.
 Воейковъ, Алсд. Андр., 242.
 Военскій, К. А., 442.
 Воиновъ, ген., 59, 81, 95, 101.
 Волкова, С. А. см. Корсакова.
 Волковъ, А. А. 468—470, 474, 475.
 Волконская, кн., М. Н., 131.
 Волконская, княжна, 33, 408.
 Волынский, М. М., 303.
 Волконскій, кн., П. М., 408.
 Волконскій, кн., 85, 127.
 Вольтеръ, VI.
 Вольфъ, 153.
 Вольфъ, полков., 11.
 Вольховская, М. В., рожд. Малиновская,
 236, 244, 274—278, 286, 289, 293—298.
 Вольховскій, Вл. Дм., IV, 6, 9, 10, 14, 16,
 17, 36, 38, 44, 86—88, 120, 134, 135, 160—
 163, 172—177, 186, 187, 190, 222, 231,
 234—236, 244, 249, 250—252, 255—261, 264,
 267, 271, 272, 274—279, 289, 294—296, 309,
 323, 327, 335, 349, 370, 371, 381, 383, 406,
 421—423.
 Воронцовъ, гр., А. Р., 391.
 Воронцовъ, гр., М. И. 182.
 Воронцовъ, кн., М. С., 49, 476.
 Воронцовъ, гр., С. Р., 154, 182, 316.
 Врангель, 445.
 Вульфертъ, Ал., 423, 424.
 Вяземская, княг., А. А., см. Корсакова.
 Вяземская, княг., А. П., рожд. Римская-
 Корсакова, 469.
 Вяземская, 43.
 Вяземскій, кн., А. Н., 468.
 Вяземскій, кн., Н. С., 469.
 Вяземскій, кн., П. А., 38, 44, 336, 339, 343,
 344, 394, 395, 476.
 Вяземскій, 46, 114, 301.
 Гагаринъ, кн., Оед., 476.
 Гаевскій, В. П., 6, 26, 160, 196, 197, 200, 239,
 240, 256, 335, 352, 358, 360, 361, 382, 411,
 Галаховъ, 338.
 Гамильтонъ, А., 222.
 Ганенфельдтъ, М. А., см. Малиновская.
 Ганенфельдтъ, М. П., 282.
 Гастфрейндъ, Н. А., IV, VII, VIII, 15, 218,
 284, 463.
 Гауеншильдъ, 4, 24, 28, 155, 168, 169, 183,
 184, 224, 226, 228, 237—239, 324, 325, 350,
 358, 378, 411, 422.
 Гедройць, кн., 323.
 Гейсмаръ, бар., 12.
 Геккернъ, бар., 338, 339, 340, 342.
 Геннади, 216, 218, 222, 223, 284.
 Генрихъ, принцъ прусскій, 182.
 Гераковъ, 248.
 Гербель, 9.
 Германъ, М. И., см. Есакова.
 Геруа, 343.
 Герштенцвейгъ, г.-м., 12.
 Глинка, Гр. А., 153, 154.
 Глинка-Мавринъ, Гр. Гр., 153.
 Глинка, Оед., 54, 108, 109, 110.
 Глѣбовъ, 59, 71.
 Говень, Х. Х., 134.
 Гогель, И. И., 15.
 Гогель, М. Д., см. Есакова.
 Голицевъ-Кугузовъ, Пав. Вас., 154.
 Голицына, княг., В. А., см. Каблукова.
 Голицынъ, кн., А. Н., 59, 108, 113, 353, 368,
 426—442.
 Голицынъ, кн., А. С., 475.
 Голицынъ, кн., Б. В., 193, 323.
 Голицынъ, кн., Д. В., 39, 42, 52, 53, 54, 55,
 75, 104, 144, 193, 323.
 Головинъ, В. М., 426—442.
 Голодниковъ, К. М., 147.
 Голомбѣвскій, А. А., 385.
 Голубева, М. В., см. Купчинова.
 Голубевъ, Вал. Як., 283.
 Горголи, 257.
 Горсткинъ, И. Н., 79, 83, 104, 108.
 Горчаковъ, А. М., 4, 9, 22, 47, 226, 233, 244,
 267—271, 276, 408, 422, 449.
 Горчаковъ, кн., П. Д., 145, 146.
 Гофманъ, А. Л., 7, 10.
 Граббе Горскій, гр., О. В., 59, 67, 68, 69, 76.
 Гре. еницъ, 334.
 Гречъ, Н. И., 14, 42, 66, 67, 148, 270, 286.
 Грибальдени, Ломбардскіе дворяне, предки
 фам. Броглю, 389, 398—400.
 Грибальди, Амори, родоначальникъ фамил.
 Броглю, 399, 400.
 Грибовскій, 256.
 Грибоѣдова, С. А., см. Римская-Корсакова.
 Грибоѣдовъ, А. С., 421.
 Грибоѣдовъ, Ал. О., 468.
 Григоровичъ, Н. И., 182.
 Григорьевъ, Никита, 14
 Гротъ, К. Я., 35, 123, 130, 132, 134, 149, 172,
 241, 251, 255, 262, 266, 275, 334, 335, 353,
 382, 383, 410, 449, 456.
 Гротъ, Я. К., 3, 7, 8, 11, 23, 46, 47, 53, 121,
 136, 139, 145, 146, 156, 157, 160, 164, 171,
 192—194, 225, 227, 236—238, 241, 242, 250,
 255, 270, 275, 323, 326, 332, 349, 352, 353,
 359, 360, 362, 371, 372, 379, 381, 382, 406,
 408, 409, 412, 449.
 Гурьевъ, Д. А., 22, 154, 233, 351, 378, 428,
 430.
 Даву, маршалъ, 248.
 Давыдовъ, Д. В., 28, 114, 239, 290.
 Давыдовъ, П. Л., 477.

- Далиновский, 244.
 Данзасъ, Б. К., 268, 335, 336, 449.
 Данзасъ, Карль, г.-м. 323.
 Данзасъ, Конст. Карл., 42, 43, 52, 75, 186, 268, 323—344, 349—352, 371, 378, 406, 408, 449, 463.
 Данилевский, 297.
 Даниловъ, 348.
 Даниель, Авг., 423.
 Дантесъ-Геккеренъ, 328—344.
 Даркуртъ, гр., 390.
 Дашкова, гр-ня, Е. Р., рожд. Воронцова, 181, 183, 300.
 Дашковъ, П. Я., 275, 443, 444.
 Дейбнеръ, Ад., 443.
 Даларю, 135.
 Дельвигъ, бар., 6, 44, 47, 114, 160, 162, 174, 188, 232, 233, 240, 241, 253, 256, 262, 275, 325, 326, 327, 351—353, 370, 378, 381.
 Демидовъ, 55.
 Демуть-Малиновский, В. И., 284.
 Деперадовичъ, 62.
 Державинъ, Г. Р., 377.
 Санъ-Джильяно, маркизъ, 401.
 Джунковский, 318.
 Дибичь-Задунайский, гр., 12, 13, 65, 288.
 Дивовъ, 62, 121, 153.
 Дмитриевъ-Мамоновъ, А. И., 135, 137, 146.
 Дмитриевъ, Вас., 167.
 Дмитриевъ, И. И., 44, 239.
 Долгорукова, княжна, Над. Григ., 282.
 Долгорукова, княг., Над. Ан., рожд. гр. Чернышева, 282.
 Долгорукова, княг., см. Малиновская.
 Долгоруковъ, кн., Г. А., 282.
 Долгоруковъ, кн., Гр. Пав., 348.
 Долгоруковъ, кн., И. М., 348, 349.
 Долгоруковъ, кн., Рост. Алексѣев., 300.
 Долгоруковъ, кн., Ст. Матв., 348.
 Донауровъ, Мих., 307, 308.
 Дондуковъ-Корсаковъ, кн., А. М., 472, 473.
 Дроздовъ, И. И., 248.
 Дубровинъ, Н. Ѳ., 303.
 Дьяковский, Ефремъ, 311.
 Евгений, принцъ Виртембергский, 64.
 Екатерина II, 182, 307, 311, 318, 475.
 Елагина, А. П., 306.
 Елагинъ, 385.
 Елена Павловна, вел. княгиня, 10.
 Елисавета Алексѣевна, им-ца, 393, 397, 405.
 Елисавета Петровна, императрица, 215.
 Еллинский, докт., 366.
 Енгельманъ, ген., 15.
 Ентальцева, Алсд. Вас., 136, 138, 147.
 Ентальцевъ, А. В., 137, 138.
 Ермоловъ, Ал. П., 57, 115, 251, 301.
 Есакова, Е. Ф., рожд. Яриева, 3.
 Есакова, Марія Дм., въ зам. Гогель, 15.
 Есакова, М. И., рожд. Германъ, 10.
 Есакова, Соф. Сем., въ зам. бар. Корфъ, 10.
 Есаковъ, А. С., 10.
 Есаковъ, Дм. Сем., 15.
 Есаковъ, Е. С., 10.
 Есаковъ, Петръ Сем., 15.
 Есаковъ, С. И., 3.
 Есаковъ, Сем. Сем., 3—17, 228, 244.
 Ефремовъ, П. А., 7, 30, 32, 36, 47, 129, 194—199, 201, 206, 207, 230, 231, 327, 336, 408, 410, 476.
 Жакенъ, 357.
 Жаноти, 154.
 Жаровъ, г.-м., 330.
 Жемчужниковъ, Мих. Никол., 140.
 Жихаревъ, С. П., 306.
 Жуковский, В. А., III, 195, 306.
 Журавлевъ, И. Ѳ., 366, 367.
 Завалишинъ, Д. И., 97, 126, 138.
 Загряжский, В. В., 370, 450, 453.
 Закревский, 348.
 Зеландъ, А. Л., 15.
 Зеленская, А. Б., см. Бакунина.
 Зинкевичъ, Ек. Ѳед., см. Малиновская.
 Зубковъ, 52, 107.
 Зубовъ, кн., 182.
 Зыковъ, Д. П., 108, 109.
 Ивашевъ, 134.
 Измайловъ, Вл., 27.
 Иконниковъ, 6, 227.
 Илличевский, Ал. Дем., 6, 26, 160, 162, 195—197, 225, 231, 240—242, 267, 274, 333, 334, 352, 359—362, 371, 381—383, 451.
 Илляшевичъ, Л., 263.
 Исленьевъ, П. Ал., 301.
 Иосифъ, эрцгерц., Палатинъ Венгерский, 316.
 Каблукова, В. А., въ зам. княг. Голицына, 475.
 Каверинъ, 257.
 Кавуръ, 398.
 Казались, 401.
 Казанова, 389.
 Казимирский, Яковъ, 146.
 Кайдановъ, Ив., 5, 25, 30, 156, 170, 185, 225, 230, 237, 325, 351, 359, 378, 407, 410.
 Калайдовичъ, 301.
 Калининъ, А. Т., рожд. Бѣликова, 273.
 Калининъ, 250, 273.
 Калошинъ, Пав., 26, 44, 45, 104.
 Каменская, гр-ня, Ан. Пав., 347.
 Каменская, гр-ня, Мар. Мих., въ зам. Ржевская, 347, 348.
 Каменский, гр., М. Ѳ., 300, 347.
 Камский, прот., 377.
 Канкринъ, 272.
 Капнисть, 41.
 Капнисть, гр., В. 225, 262.
 Карамзина, С. Н., 344.
 Карамзинъ, Н. М., 221, 242, 277, 307.
 Карль-Альбертъ, принцъ Кариньянский, 415, 417.
 Карль-Феликсъ, 415.
 Карновичъ, Е. П., 316.
 Карцовъ, П. П., 394.
 Карцовъ, Я. И., 455.
 Касальборгоне, (гр. Броліа де-Касальборгоне), Шевалье, 397, 398.
 де-Касальборгоне, гр-ня, Викторія, рожд. Вальперга де-Куорне, 404.
 Кауфманъ, П., 337, 340, 343.
 Каховский, П. Г., IV, 57, 59, 60, 61, 76, 80, 81, 93, 94, 100, 101, 102, 117, 149, 150.
 Кашкинъ, 45, 52, 79, 83, 99, 103, 104, 107, 108.
 Кветчъ, Ф., 398.
 Кеппенъ, 235.
 Кирпичниковъ, Алсд. Ив., 11.
 Киселевъ, гр., П. Д., 10, 65, 96, 138, 140, 177.
 Кноррингъ, г.-м., 328.

- Кобеко, Д. О., 9, 157, 163, 187, 188, 193, 232, 277, 334, 412
Ковалевский, Е. П., 314.
Кожевниковъ, 113.
Козубскій, Е. И., 331.
Коконито де-Монтильо, Элеонора, см. Бралья.
Кокошкинъ. О. О., 473.
де-Коллейно, Г., 415.
Кологривовъ, 66.
Колошинъ, Пав., 38, 52, 79, 83, 97, 98, 99.
Комаровъ, 102.
Комаровскій, г.-ад., 110.
Комерскій, Леонтий, 144.
Комовскій, С. Д., 8, 33—36, 157, 160, 161, 174, 187, 194, 266, 271, 274, 326, 333—335, 363, 371, 381, 383, 409, 410, 423.
Коновницынъ, гр., 59, 60, 101, 113.
Константинъ Николаевичъ, вел. князь, 445.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 11, 12, 15, 53, 54, 55, 57, 68, 71, 81, 82, 92, 100, 111, 118, 237, 249, 314.
Котти де-Брусаско, гр., 412, 413.
Корнилова, С. Д., см. гр. Толстая.
Корниловъ, 162.
Корниловъ, Алсд. Ал., 167—178, 256, 274, 326, 334, 335, 352.
Корниловичъ, 65.
Корсакъ, Осипъ Мих., родонач. Римскихъ-Корсаковыхъ, 473.
Корсакова, А. А., въ зам. кн. Вяземская, 468.
Корсакова, В. А., въ зам. Ржевская, 468.
Корсакова, Е. А., по перв. браку Офросимова, по втор. браку Алябьева, 469.
Корсакова, Мар. Сем., см. Ржевская.
Корсакова, Мар. Ив., рожден. Наумова, 467—477.
Корсакова, Н. А., въ зам. Акинфова, 468.
Корсакова, С. А., въ зам. Волкова, 468, 470.
Корсаковъ, А., 153.
Корсаковъ, Гр. Алсд., 467—477.
Корсаковъ, Н. А., 26, 326, 370, 380, 381, 476.
Корсаковъ, Н. И., 472, 473.
Корсаковъ, П. А., 468.
Корсаковъ, Серг. Алсд., 468.
Корсини, 472, 473.
Корфъ, бар., Альф. Карл., 283.
Корфъ, бар-сса, В. А., 283.
Корфъ, бар-сса, В. И., см. Малиновская.
Корфъ, бар-сса, Ек. Альфр., 283.
Корфъ, бар. (гр.), М. А., 5, 7, 17, 21, 27, 33, 34, 160—163, 167, 175, 176, 178, 181, 187, 194, 227, 236—238, 244, 266, 268—271, 276, 280, 289, 314, 317, 333—335, 351—353, 371, 372, 382, 384, 409, 410, 412, 449.
Корфъ, бар., Н. А., 283.
Корфъ, бар., Н. Н., 10.
Корфъ, гр., П. М., 266.
Корфъ, бар-сса, Соф. Сем., см. Есакова.
Корфъ, бар., г.-м., 12.
Костенскій, 26, 378.
Котельниковъ, 91.
Котляревскій, 256.
Коцебу, Авг., 306.
Коченовскій, Д. И., 223.
Кочубей, гр., В. П., 182.
Кошанскій, Н. Ф., 3, 5, 23—25, 155, 156, 168, 169, 183, 184, 221, 223, 225, 229, 230, 232, 237, 324, 325, 350, 357, 358, 360, 377, 378, 406, 407.
Кравская, въ зам. бар-сса Розень, 293.
Краснокутскій, 93, 94, 101, 315.
Красовскій, 256.
Крейтонъ, 154.
Крейць, бар., 13.
Кристинъ, Фердин., 393, 394, 395, 396, 397.
Кротковъ, А. С., 442, 443, 445.
Крыжановскій, г.-м., 186.
Крюковскій, 101.
Куницынъ, 226, 227, 237, 416.
де-Куорне, В., см. Вальперга де-Куорне.
Купчинова, Мар. Вал., рожд. Голубева, 283.
Купчинова, Н. И., см. Малиновская.
Купчинова, Соф. Порф., 283.
Купчиновъ, Ив. Порф., 283.
Купчиновъ, Ник. Порф., 283.
Купчиновъ, Порф. Ник., 283.
Куракинъ, кн., Алсд. Бор., 183, 248, 347, 391, 393, 472.
Куракинъ, кн., Алексѣй Бор., 452.
Курута, гр., 12.
Кутузовъ, гр., 113.
Кучаевъ, М. Н., 124.
Кюхельбекеръ, В. К., III, 5, 6, 9, 14, 15, 42, 43, 45, 59, 70, 71, 77, 81, 82, 95, 101, 103, 129, 160, 188, 239, 240, 326, 352, 359, 362, 370, 379, 381, 414.
Кюхельбекеръ, Мих., лейт., 62, 63, 186.
Лаваль, гр., 66.
Лавинскій, 127.
Лавровъ, 443.
Лагаргъ, Ф. Ц., 61.
Лазаревъ, 54.
Лазаревъ, Савва, 366.
Ламанскій, В. П., 316.
Ламздорфъ, 153, 154.
Лангеръ, Вал. Пл., 450, 453, 464.
Лангсдорфъ, 444.
Ланжеронъ, 393.
Ланской, 62, 66.
Лебцельтернъ, гр., 66.
Левашова, Ан. П., см. Бролио.
Левашовъ, гр., В. В., 70—75, 104, 108, 176, 287.
Легнанино, 399.
Лепарскій, С. С., 124, 126, 379.
Лермонтовъ, М. Ю., 331.
Лернеръ, Н. О., IV—VI.
Либертъ, Ав., 424.
Ливень, кн., 393.
де-Лизисъ, 415.
Линицкій (Смирновъ), 313.
Липгардтъ, 300.
Липранди, И. П., 328.
Литке, О. П., 445.
Лобанова, см. Безбородко.
Лобановъ, 120, 471.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Д., 368.
Ловичъ, княгиня, 53.
Ломоносовъ, М. В., 135, 323.
Ломоносовъ, 5, 22, 23, 46, 233, 271, 334, 349, 422.
Лонгиновъ, Н. М., 177, 317.
Лопатинскій, О., 215.
Лореръ, Над. Ив., см. Россетъ.
Лореръ, Ник. Ив., 65, 125, 137, 148.
Лунинъ, 85, 120.

- Люценко, Е. П., 182.
 Лялинъ, 363.
 Ляминъ, 409.
 Львовъ, 113.
 Маврикій Савойскій, 390.
 Мазарини, 390.
 Майборода, 65.
 Майковъ, Л. Н., 7, 22, 27, 31, 37, 39, 52, 128, 129, 148, 168, 194—198, 200, 202, 203, 224, 225, 231, 239, 316, 379, 408.
 Макартней, 393.
 Максимовъ, С., 126, 127.
 Малиновская, А. В., см. Розень.
 Малиновская, Ан. Ник., 219.
 Малиновская, Анна Петр., рожд. Исленьева, 300, 301, 305.
 Малиновская, Варв. Ант., 282.
 Малиновская, Вѣра Ив., въ зам. баронесса Корфъ, 283.
 Малиновская, Вѣра Петр., рожд. Эйсеръ, 283.
 Малиновская, Ек. Ал., въ зам. княг. Долгорукова, 300.
 Малиновская, Ек. Ант., 282.
 Малиновская, Ек. Пав., 283.
 Малиновская, Ек. Ѳед., рожд. Зинкевичъ, 270, 271, 276, 283.
 Малиновская, Ед. В., 236.
 Малиновская, Ел. Ѳед., въ зам. Полянская, 219.
 Малиновская, Мар. Ант., 282.
 Малиновская, М. В. см. Вольховская.
 Малиновская, Мар. Ив., рожд. Пущина, 131, 276, 278, 280, 281.
 Малиновская, Мар. Ив., въ зам. Штакеншнейдеръ, 283.
 Малиновская, Мар. Павл., 283.
 Малиновская, Над. Ант., въ зам. Ганенфельдтъ, 282.
 Малиновская, Над. Гр., рожд. княж. Долгорукая, 282.
 Малиновская, Над. Ив., рожд. Купчинова, 283.
 Малиновская, Нат. Ѳед., въ зам. Сохацкая, 219.
 Малиновская, О. П., 283.
 Малиновская, Праск. Ѳед., 219.
 Малиновская, Соф. Андр., рожд. Самборская, 220, 222, 314, 318.
 Малиновская, Соф. Ив., см. Штакеншнейдеръ.
 Малиновскій, Авкс. Филип., 215, 216.
 Малиновскій, Алексѣй Ѳед., 300—306, 217—223, 277, 300—306.
 Малиновскій, Андр. И., 162, 234, 235, 257—261.
 Малиновскій, Андр. Павл., 283.
 Малиновскій, Ант. Ив., 46, 268, 276, 281, 282.
 Малиновскій, Б. П., 283.
 Малиновскій, Вас. Ѳед., 23, 26, 215, 219—224, 232, 314, 318.
 Малиновскій, И. В., 6, 9, 28, 36, 37, 46, 94, 131, 133, 134, 161, 162, 163, 209—307, 379, 380.
 Малиновскій, И. П., 283.
 Малиновскій, юс. В., 234, 236.
 Малиновскій, Н. И., 284.
 Малиновскій, Пав. Ив., 266, 268, 273, 276, 283.
 Малиновскій, Пав. Ѳед., 217, 218, 219, 277, 284, 302, 307—310.
 Малиновскій, Петръ Пав., 283.
 Малиновскій, Пл., архiep., 215.
 Малиновскій, Серг. Ив., 283.
 Малиновскій, Ѳед. Авкс., 215, 216, 218, 219, 284.
 Малиновскій, Ѳед. Андр., 284.
 Малиновскій, учитель, 284.
 Мальцевъ, А. П., протоiер., 163, 312, 313.
 Манасеинъ, Н. А., 386.
 Манно, бар., А., 401, 416.
 Мансурова, Н. А., см. Мясоѣдова.
 Марбефъ, гр., 405.
 де-Сень-Марзанъ, А., 415.
 Маринъ, Апол. Никиф., 247, 248.
 Маринъ, Ев. Н., 248.
 Маринъ, Н. М., 248.
 Маринъ, С. Н., 248.
 Марія Александровна, императрица, 147.
 Марія Ѳеодоровна, императрица, 154, 167, 314, 319.
 Маркевичъ, Соф., въ зам. Стевень, 424.
 Марковъ, А. И., 182.
 Марксъ, А. Ф., IX.
 Мармонъ, 396.
 Мартынова, 172.
 Мартыновъ, 300, 326, 334, 352, 370, 406.
 Масловъ, 6, 26, 157, 187, 229, 334, 335, 338.
 Матюшкинъ, Арс. Мих., 443.
 Матюшкинъ, Ник. Мих., 443.
 Матюшкинъ, Ѳ. Ѳ., 9, 10, 14, 36, 37, 42, 43, 134, 135, 146, 160—163, 171, 174, 175, 177, 178, 185—187, 241, 244, 261, 268, 270, 271—277, 323, 326, 334, 335, 349, 354, 370, 371, 380, 383, 422—426, 499, 453, 460, 463.
 Мегенсъ, 339.
 Медвѣдевъ, 303.
 Межовъ, 385.
 Мейендорфъ, 341.
 Мейеръ, 327, 359, 362.
 Мельгуновъ, 476.
 Меньшиковъ, Н., 469.
 Меркандильи, Ломбардскіе дворяне, родонач. фамил. Брогло, 389, 398,
 Меркель, 163.
 Мерленги, Ломбардскіе дворяне, родонач. фамил. Брогло, 389, 398.
 Мечниковъ, 267.
 Мещерскій, кн., Ал. Вас., 171, 172.
 Микулинъ, 286.
 Миллеръ, О. Ѳ., 300.
 Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., 22, 53, 54, 60, 76, 110.
 Минкевичъ, Пав. Казим., 163.
 Митуричъ, 368, 369.
 Митьковъ, 62, 77, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 97, 100, 102, 113.
 Михаилъ Павловичъ, вел. князь, 54, 63, 101, 102, 103, 153, 154, 307.
 Михайловскій-Данилевскій, 396.
 Модзалевскій, Б. Л., 3, 9, 10, 182, 194, 344, 443, 444.
 Молиновскій, 59,
 Моллеръ, 62.
 Молчановъ, Н. Н., 348, 370, 453.
 Молчановъ, П. С., 248, 450.
 Монкальво, 399.
 Монферратъ, маркграфъ, 390, 398.
 Мордвиновъ, А. П., 56, 295.

- Моренгеймъ, 14.
 Мореншильдъ, А. И., 254, 257, 287.
 Морозовъ, П. О., 135, 231, 408.
 Мороцо дяля Рокка, Конст., 404.
 Моффа, Ломбардскіе дворяне, 400.
 Мохнатскій, 15.
 Мудревичъ, 422.
 Музовскій, свящ., 232, 285.
 Муравьева, А. Е., рожд. гр-ня Чернышева, 128, 289.
 Муравьева, Пр. М., рожд. княж. Шаховская, 293.
 Муравьевъ-Амурскій, Н. Н., 138.
 Муравьевъ-Апостоль, И. М. 56.
 Муравьевъ-Апостоль, Матвѣй Ив., 85, 86, 89, 94, 95, 103, 118, 135, 136, 137, 138, 139.
 Муравьевъ-Апостоль, С. М., 317.
 Муравьевъ-Апостоль, Серг. Ив., 94, 95, 137.
 Муравьевъ-Карскій, Н. Н., 248, 289.
 Муравьевъ, Алсд. Ник., 26, 34, 38 62, 293.
 Муравьевъ, Ипполитъ Ив., 112.
 Муравьевъ, Мих. Ник., 26, 38.
 Муравьевъ, гр., М. Н., мин. вн. дѣль, VIII.
 Муравьевъ, Никита Мих., 86, 87, 89, 99, 100, 101, 104, 106, 118, 127, 128.
 Мухановъ, П. А., 101, 113, 122, 123, 138, 141.
 Мухановъ, г.-м., 275.
 Мюзеръ, Ад. Ф., 401.
 Мясоѣдова, Варв. Павл., см. Федоровичъ.
 Мясоѣдова, Ек. Павл., 372.
 Мясоѣдова, Мар. Павл., 372.
 Мясоѣдова, Ольга Павл., 372.
 Мясоѣдова, Над. Алекс., рожд. Мансурова, 370, 372.
 Мясоѣдовъ, Алекс. Павл., 372.
 Мясоѣдовъ, Алексѣй Павл., 372.
 Мясоѣдовъ, К. П., 372.
 Мясоѣдовъ, Н. П., 372.
 Мясоѣдовъ, Н. Ф., 357.
 Мясоѣдовъ, Пав. Ник., 130, 226, 228, 334, 351, 352, 357—373, 378, 379, 406.
 Мятлевъ, 395.
 Надлеръ, В. К., 314.
 Назимова, Мар. Еф., рожд. Путятина, 377.
 Назимовъ, В. И., 385.
 Назимовъ, Мих., 88, 100, 113, 114.
 Наполеонъ I, 393.
 Нарышкина, Ек. М., въ зам. княг. Голицына, 289.
 Нарышкина, Е. П., 131, 299, 291.
 Нарышкинъ, А. Л., 248.
 Нарышкинъ, Ив. Ал., 301.
 Нарышкинъ, М. М., 79, 86, 87, 90, 97, 98, 104, 113, 114.
 Нарышкинъ, П., 83, 91, 100, 102.
 Насруль-Ханъ, 421.
 Наумовъ, 445.
 Нащокинъ, 114.
 Невѣдомскій, 192.
 Нееловъ, 13.
 Нейдгардтъ, 13.
 Некрасовъ, Н. А., 284.
 Нессельроде, гр., К. В., 301, 305, 413.
 Никаноръ, архіеп., 147.
 Никитенко, А. В., 396.
 Никитенко, об.-секр., 55.
 Николаевъ, оф., 287.
 Николаи, бар-са, рожд. княж. Броль, 393.
 Николаи, бар., П. А., 154, 393.
 Николай I, стр. III, 12, 13, 53—68, 73, 76, 93, 100, 101, 110, 111, 113, 119, 127, 135, 150, 153, 154, 267, 268, 289, 293, 303, 385, 396, 414, 469.
 Николай Михайловичъ, вел. князь, 220, 310, 373.
 Николай Николѣвичъ, вел. князь, 385.
 Никольскій, В. В., 343.
 Никотинъ, И. А., 385.
 Новиковъ, 110.
 Нордманъ, 443.
 Норовъ, А. С., 475.
 Нумерсъ, оф., 258, 259.
 Нѣсецкій, 215.
 Оболенская, княг., М. Г., 147.
 Оболенскій, кн., Евг. П., 54—64, 71, 74—79, 82, 83, 86—89, 93—98, 102—108, 113, 114—117, 125, 127, 135, 137, 138, 143—148, 305.
 Оболенскій, кн., Конст., 83, 101, 104, 105, 108, 113, 114.
 Оболенскій, кн., М. А., 302.
 Одоевскій, кн., А. И., 55, 60, 61, 71, 80, 81, 113, 114, 192, 291, 292, 296, 297.
 Озерова, 473.
 Озеровъ, 470.
 Оливьери, Альб., 401, 406, 413, 415, 417, 418.
 Оперманъ, 253.
 Ордынъ-Нащокинъ, Аѳ. Лавр., 307.
 Оржицкій, 101.
 Орлова, гр-ня, 110.
 Орловъ, гр., Гр. Вл., 471, 472.
 Орловъ, М., 108.
 Орловъ, М. Ѳ., 60, 100, 101, 110, 111, 112, 113, 145.
 Орловъ, свящ., 219, 220, 305.
 Осипова, Праск. Алсд., 46.
 Остенъ-Сакенъ, бар., Ѳ. Р., 443, 445.
 Отто, 306.
 Отто, И., 218.
 Офросимова, Е. А., см. Корсакова.
 Павель I, 222, 277, 314, 315, 323, 391, 443.
 Палень, гр-ня, В. Г., см. Чернышева.
 Пальчиковъ, 43, 186.
 Панинъ, гр., П. И., 182, 300.
 Панкратовъ, г.-м., 421.
 Пановъ, 61, 62, 65.
 Панчулидзева, С., 248.
 Паоли Паскаль, 405.
 Паскаль, М. Н., см. Смитъ.
 Паскевичъ, И. Ѳ., 256, 421, 475, 477.
 Пашковъ, 475.
 Перволюфъ, 307.
 Перскій, М. С., 286.
 Пестель, П. И., 61, 65, 89, 94, 95, 106, 115, 116.
 Пестовъ, 121.
 Петрашевскій, М. В., 10.
 Петръ I, 389.
 Петръ III, 182.
 Пешель, Ф. О., 422, 451, 452, 455.
 Пиксановъ, Н. К., 421.
 Пилецкій, Илья Ст., 5, 25, 156.
 Пилецкій-Урбановичъ, М., 3, 4, 24, 153, 155, 167, 169, 183, 184, 226, 227, 229, 323, 325, 327, 347, 350, 351, 357, 358, 377, 378, 407.
 Пилоли, Ломбардскіе дворяне, родонач. фамилия Броглю, 389, 398.

- Пирожковъ, М. В., 150, 414.
 Пиштолень-Корсь, полков., 59.
 Пить, 445.
 Платонъ, митроп., 216, 217.
 Плетьневъ, П. А., 129, 192, 275, 276.
 Плещеева, Н. Ф., 286.
 Побѣдоносцевъ, К. П., III.
 Погенполь, 472.
 Погодинъ, М. П., 306.
 Поджіо, 86, 87, 122, 123, 126.
 Подлиневъ, 370.
 Пахарскій, кн., Д. М., 306.
 Познякъ, И. Д., 453.
 Половцевъ, В. А., 386.
 Полторацкая, Ек. П., см. Бакунина.
 Полторацкій, А. А., 194.
 Полторацкій, Н. Н., 207.
 Полье, гр., 131.
 Полѣновъ, В. А., 302.
 Полянская, Е. О., см. Малиновская.
 Поповъ, В. М., 366, 367, 368, 369, 428, 429, 435, 438, 441, 442.
 Потемкина, гр-ня, 301.
 Потемкинъ, кн., Гр. Ал., 300, 307.
 Потемкинъ, ген., 104.
 Поццо, Ферд., 415.
 Приятцъ, Н. Г., 386.
 Прокоповичъ, (Прокофьевъ), 313.
 Протасова, въ зам. гр-ня Толстая, 242.
 Протасовъ, гр., VIII.
 Пузыревскій, ген., 11.
 Пуятина, А. Е., см. Тыркова.
 Пуятина, Мар. Еф., см. Назимова.
 Пуятинъ, Вас. Еф., 377.
 Пушкаревъ, 314.
 Пушкина, Е. Л., см. Солнцева.
 Пушкина, Нат. Н., рожд. Гончарова, во втор. бракѣ Ланская, 270, 301.
 Пушкинъ, А. С., IV—IX, 6—9, 22—52, 114, 128, 129, 136, 145—149, 153, 156, 160, 188, 195—207, 225—239, 242, 249, 250, 257, 265, 266, 269, 270, 331—337, 340—343, 349, 351—353, 359—361, 371, 372, 378—382, 389, 394, 406, 408, 410, 421, 423, 424, 445, 449, 467—477.
 Пушкинъ, В. Л., 22, 306.
 Пушкинъ, Левъ, Серг., 49, 251, 253, 474.
 Пушкинъ, С. А., 344.
 Пушкинъ, 62, 71, 77.
 Пушина, Алсд. Мих., рожд. Рябинина, 21.
 Пушина, Анна Ив., 91, 132.
 Пушина, А. К., см. Рылѣва.
 Пушина, Мар. Ив., см. Малиновская.
 Пушина, Нат. Дм., рожд. Апухтина по перв. браку фонъ-Визина, 146, 147.
 Пушинъ, И. А., 147.
 Пушинъ, И. И., IV—VI, 6, 9, 21—150, 161, 164, 167, 186, 187, 197, 205, 221, 224—226, 231, 238—240, 251—253, 261, 270, 271, 274, 276, 280, 282, 323, 325—327, 370, 371, 379, 408, 412, 414, 416, 421.
 Пушинъ, И. П., 21, 71.
 Пушинъ, М. И., 21, 37, 52, 53, 69, 70, 91, 120, 129, 155, 251, 270, 421, 422.
 Пушинъ, Петръ Ив., 21, 22.
 Пушинъ, П. С., 51.
 Пушинъ, ген., 51.
 Пыхачевъ, 108, 114.
 Раевскій, Н. Н., 185, 294, 331.
 Раевскій, майоръ, 50.
 Разумовская, гр-ня, 339.
 Разумовскій, гр. А. К., 21, 22, 23, 28, 232, 234, 238, 239, 422.
 Раstopчинъ, гр. О. В., 182, 316.
 Ребиндеръ, Соф., см. Вельо.
 Реймерсъ, А. Е., 272.
 Репинъ, 59, 62, 100.
 Ржевская, В. А., см. Корсакова.
 Ржевская, М. М., см. Каменская.
 Ржевская, Мар. Сем. рожд. Корсакова, 347, 348.
 Ржевскій, А. А., 468.
 Ржевскій, Гр. Пав., 347, 348, 408.
 Ржевскій, Н. Гр., 323, 325, 347—354, 378.
 Ржевскій, Павл., 476.
 Ридигеръ, 329.
 Римская-Корсакова, кн. А. П., см. княг. Вяземская.
 Римская-Корсакова, С. А., рожд. Грибоѣдова, 468, 477.
 Римскій-Корсаковъ, см. Корсаковъ.
 Римскій-Корсаковъ, Алсд. Як., 467.
 Римскіе-Корсаковы, см. Корсаковы.
 Родофиникинъ, К. К., 222.
 Розановъ, Н., 215, 217, 218.
 Розенбергъ, оф., 290.
 Розень, баронесса, А. В., рожд. Малиновская, 131, 132, 135, 164, 236, 249, 255, 258, 261, 276, 280, 281, 284, 286—292, 298, 299.
 Розень, Анд. Анд., 296.
 Розень, Вл. Анд., 296.
 Розень, бар., А. Е. IV, 57, 67, 120, 126, 135, 222—224, 234, 244, 245, 249, 250, 253, 260, 276, 277, 280, 281, 284, 286, 289, 291, 293—298, 307, 309, 314, 317, 318.
 Розень, бар., Евг. А., 250, 294, 296.
 Розень, Кондр. Анд., 291, 292, 295.
 Розень, бар. Отгонъ, 295.
 Розень, С. А. 295.
 Розень, бар. Юлій, 293.
 Розень, бар-са, см. Кравская.
 Розень, поруч., 62, 257.
 Розень, бар., г.-м., 13, 421.
 Романовичъ, Евг. Мих. 384.
 Россетъ, А. О., см. Смирнова.
 Россетъ, Над. Ив., рожд. Лореръ, во втор. бракѣ Арнольди, 148.
 Ростовскій, 245.
 Ростовцевъ, Я. И., 56.
 Ростопчинъ, О. В., 471.
 Ротастъ, П. А., 451.
 Роттъ, ген., 329.
 Рубецъ, Алсд. Ал., 411, 424.
 Рудневъ, Н., 357.
 Руль, 154.
 фонъ-Руммель, В. В., 236.
 Румянцевъ, гр., Н. П., 301, 303.
 Рылѣва, Анаст. К., въ зам. Пушина, 147.
 Рылѣва, Н. М., рожд. Тевяшева, 147.
 Рылѣвъ, Алсд. К., 147.
 Рылѣвъ, К. О., 38, 39, 44, 46, 51, 54—59, 66, 71, 74, 76, 78, 80—97, 100—102, 109, 113—119, 147, 148, 288.
 Рѣпинскій, Гр. К., 323.
 Рѣпинъ, кн., 392.

- Рябинина, А. М., см. Пушина.
 Рябининъ, Д., 22, 391.
 Савичъ, Н. И., 450, 453.
 Саврасовъ, Вас. Ф., 154.
 Саврасовъ, Ив. Фед., 154.
 Саврасовъ, Петръ Фед., 36, 153—164, 249, 250, 254, 256, 271, 274.
 Саврасовъ, Фед. Вас., 153, 154.
 Сазоновъ, 71.
 Сайтговъ, В. И., 44, 46, 220, 265, 277, 310, 373.
 Сакенъ, рожд. Энгельгардтъ, 268.
 Сакенъ, 463.
 Сакенъ, гр., 246, 357, 370.
 Саксъ, 393.
 Салтыковъ, гр., И. П., 395.
 Салтыковъ, кн., Н. И., 237, 314.
 Самборская, Анна Андр., 278, 284, 286, 294, 295, 296, 316, 318.
 Самборская, С. А., см. Малиновская.
 Самборскій, Алсд. Андр., 318.
 Самборскій, Анд. Ае., 222, 236, 237, 278, 282, 311—319.
 Самборскій, Ис. Андр., 318.
 Санта-Роза, С., 415.
 Сахаровъ, ген., 11.
 Свистуновъ, П. Н., 62, 66, 100, 112, 113, 120, 126, 127, 137, 138, 147.
 Северинъ, 7.
 Селезневъ, И., 3, 9, 21, 23, 36, 153, 157, 167, 170, 183, 185, 221, 225, 226, 234, 237, 323, 324, 328, 347, 357, 365, 377, 405, 410, 451, 457.
 Селивановскій, 46.
 Семевскій, В. И., 38, 188, 223.
 Семевскій, М. И., 270, 385.
 Семеновъ, А. В., 26, 38, 45, 79, 81, 82, 83, 92, 104, 106, 110, 113, 118.
 Семеновъ, Ст. Мих., 79, 83, 100, 101, 110, 113, 118.
 Серафимъ, 63, 313.
 Серпуховскій, 254.
 Серрюизъ, А., 423, 424.
 Симборскій, полков., 160.
 Синецкая, 473.
 Смирнова, Алсд. Осип., рожден. Россетъ, 148, 242.
 Смирнова, Ольга, 148.
 Смирновъ, А. В., 248.
 Смирновъ, Як. Вас., свящ., 311, 313.
 Смитъ, Мар. Ник., въ зам. Паскаль, 288.
 Снѣгиревъ, И. М., 216, 283, 300, 302, 306.
 Соболевскій, 443, 463.
 Солнцова, Ел. Л., рожд. Пушкина, 344.
 Солнцовъ, Мат. Мих., 344.
 Соханская-Кохановская, Н. С., 244, 279, 297, 298.
 Сохацкая, Н. Ф., см. Малиновская.
 Сперанская, см. Стивенсъ.
 Сперанскій, М. М., 56, 237, 317.
 Спиридовъ, 135.
 Сталь, г-жа, 393.
 Стевень, Соф., см. Маркевичъ.
 Стевень, Ф. Х., 16, 143, 162, 187, 235, 244, 249, 253, 254, 261, 271, 273, 274, 334, 371, 381, 423, 424.
 Стевень, Хр. Д., 424.
 Стевень, Якобина, рожд. Брунъ, 424.
 Стеллецкій, свящ., 313, 318.
 Стефанъ (Ивановскій), 311, 312.
 Стивенсъ, въ зам. Сперанская, 237.
 Стобеусъ, 384.
 Стоюнинъ, В., 307.
 Строганова, гр-ня, С. Вл., рожд. кн. Голицына, 323.
 Стюартъ, Д. Ф., VII, VIII.
 Суворинъ, А. С., 7, 30, 42, 67, 148, 195, 196, 206, 207, 230, 231.
 Суворовъ, А. В., 392.
 Сукинъ, 250.
 Старовъ, 314.
 Стюрлеръ, 61.
 Сумароковъ, полков., 59.
 Сутгофъ, 60, 61, 62, 65, 71, 76, 82.
 Сухозанетъ, ген., 38, 64.
 Сухотинъ, С. М., 147.
 Сушковъ, Н., 306.
 Татариновъ, 226.
 Тевяшева, Н. М., см. Рылѣва.
 Теобальдъ, 15.
 Тепперъ-де-Фергюзонъ, рожд. Северина, 7.
 Тепперъ-де-Фергюзонъ, 7, 451.
 Терентьевъ, 273.
 Тетаренко, 17.
 Тизенгаузенъ, В. К., 137, 138, 139.
 Тимофеевъ, 216.
 Тихоновъ, 444.
 Токаревъ, 72.
 Толстая, гр-ня, см. Воейкова.
 Толстая, гр-ня, С. Д., въ зам. Корнилова, 175, 178.
 Толстой, гр., Д. А., 181.
 Толстой, гр., 54, 99, 242.
 Толь, 13.
 де-Траверсе, И. И., маркизь, 425—442.
 Тройницкій, гр., Алсд., 372.
 Трошинскій, Дм., 309.
 Трубецкая, княг., Ан. П., см. Бролю.
 Трубецкая, княг., Е. И., рожд. гр. Лаваль, 66, 137, 149, 289.
 Трубецкій, кн., Алсд. Юрьев., 394, 395.
 Трубецкій, К., 99, 101.
 Трубецкой, кн., Серг. П., 54, 55, 64, 66, 80, 81, 82, 86, 89, 94, 101, 111, 112, 113, 114, 118, 127, 291.
 Тулубьева, М. Ф., 286.
 Тулубьевъ, 62.
 Тургеневъ, А. И., 182, 277, 306, 395.
 Тургеневъ, Никол. Ив., V, 86, 87, 88, 89, 100.
 Туркестанова, княж., Вар. Ил., 393, 395, 396, 397.
 Тучковъ, Алексеѣй Ал., 45, 79, 83, 104.
 Тыркова, Ан. Еф., рожд. Путьятина, 377.
 Тыркова, В. Д., въ зам. княг. Ширинская-Шихматова, 385.
 Тырковъ, Алсд. Дм., 28, 156, 157, 238, 250, 377—386.
 Тырковъ, Алексѣй Дм., 384, 385.
 Тырковъ, Ил. Ал., 377, 384—386, 406, 410.
 Тырковъ, Дм. Алсд., 377.
 Убри, 182.
 Ушаковъ, П. С., 15, 153.
 Федоровичъ, Варв. Павл., рожд. Мясоѣдова, 372.
 Фельдманъ, О. А., VII, VIII, IX.
 Фетъ, А., 232.
 Филаретъ, 54, 476,

- Филиберъ, Эман., 400.
 Филипсонъ, Гр. Ив., 331.
 Фильдингъ, Ел. Петр., 313.
 Флавицкій, (Флавіанъ), 313.
 Франклинъ, 445.
 Фреронъ, VI.
 Фридриксъ, ген., 58.
 Фридрихъ I, 398, 399.
 Фроловъ, А. Ф. 138.
 Фроловъ, Ст. Ст., 227, 239.
 Фуссъ, П. Н., 7, 241.
 Харламовъ, М. Н., 450, 453.
 Хвостовъ, гр., Дм. Ив., 135, 183.
 Хлопицкій, ген., 13.
 Хвошинскій, полков., 58.
 Хинъ, М. М., 299.
 Хмыровъ, 307.
 Хованскій, кн., 304.
 Ховень, 276.
 Хомяковъ, Ѳ. Ст., 40.
 Цвѣтаевъ, Дм., 11.
 Цебриковъ, Н., 95, 148.
 Цехановъ, А. И., 254.
 Чарнышъ, М. Н., 370, 450, 453.
 Часловскій, В. И., 315.
 Чевкинъ, К. В., 62, 66.
 Черевинъ, Пав., 45, 72, 73, 74, 75, 96, 97, 98.
 Черемисиновъ, М., 357.
 Черкасовъ, баронъ, А. И., 137, 138.
 Черкасскій, кн., 52.
 Чернышева, гр-ня, В. Г., въ зам. гр. Паленъ, 282, 289.
 Чернышева, гр-ня, Н. Г., см. Долгорукая.
 Чернышева, гр-ня, Н. Гр., въ зам. Муравьева, 289.
 Чернышевъ, А. И., 17, 65, 73, 77—84, 91—99.
 Чернышевъ, гр., Зах. Гр., 282, 294.
 Чернышевъ-Кругликовъ, гр. И., 282.
 Четвертинскій, кн., 476.
 Чешихинъ, Е., 391.
 Чижовъ, мичманъ, 58.
 Чириковъ, 5, 8, 25, 156, 169, 185, 225, 229, 325, 351, 356, 379, 407.
 Чичаговъ, П., 153, 154.
 Шамхалъ-Тарковскій, 474.
 Шаховская, княж., Вар. Мих., 293.
 Шаховская, княж., Пр. М. см. Муравьева.
 Шаховскій, 248.
 Шевичъ, 251.
 Шевыревъ, С. П., 306.
 Шелеховъ, Дм. Петр., 192.
 Шеншинъ, В. Н., 55, 58, 247.
 Шервудъ, 65.
 Шереметевъ, гр., Дм. Н., 307, 308, 310.
 Шереметевъ, гр., Н. П., 216, 217, 218, 219, 302, 307.
 Шереметевъ, Серг. Вас., 304.
 Шиллеръ, 445.
 Шильдеръ, Н. К., 154, 314.
 Шиповъ, ген., 61, 86.
 Ширинская-Шихматова, княг. В. Д. см. Тыркова.
 Шишмаревъ, Аван., 69, 70.
 Шляпкинъ, И. А., 6, 25, 156, 228, 239, 351.
 Штаабъ, докт., 422.
 Штакеншнейдеръ, Адр. Анд., 283.
 Штакеншнейдеръ, Нат. Ил., 283.
 Штакеншнейдеръ, Ек. Вл. 283.
 Штакеншнейдеръ, Мар. Ив., см. Малиновская.
 Штакеншнейдеръ, Вл. Анд., 283.
 Штакеншнейдеръ, Соф. Вл., 283.
 Штакеншнейдеръ, Соф. Ив., рожд. Малиновская, 211, 225, 234, 244, 245, 246, 247, 266, 270, 276, 277, 280, 282, 283.
 Штейнгель, бар. В. И., 82, 93, 100, 113, 125, 132, 141, 414.
 Шубертъ, 423.
 Шулепникова, М. А., см. Бакунина.
 Шульгинъ, Д. И., 53, 303.
 Шульцъ, г-жа, 300, 301.
 Шумигорскій, Е. С., 318, 319,
 Щепинъ-Ростовскій, кн., 57, 58, 68, 71, 82, 170.
 Щербатовъ, кн., Гр. Ал., 393.
 Эльснеръ, бар., 73.
 Эммануэль, 393.
 Энгельке, 145.
 Энгельгардтъ, Мар. Як., рожд. Витекеръ (Whitaker), 123, 129, 131, 133, 139.
 Энгельгардъ, Е. А., IV, 6—16, 28, 29, 33, 36, 37, 42, 43, 121, 122, 129—139, 142, 145, 149, 157, 160—164, 173—178, 185—188, 225, 227, 232—242, 249, 250, 254—257, 262—265, 268—280, 309, 310, 334, 335, 354, 370, 371, 379—384, 398, 408, 422—445, 450, 453, 460, 463.
 Энгельгардъ, Алсд. Егор., 162.
 Эйснеръ, В. П., см. Малиновская.
 Эристовы, князья, 146.
 Эристовъ, кн., Д. А., 449, 450, 453, 464.
 Юдинъ, 5, 334.
 Юрьевичъ, С. А., 293.
 Юшневская, Мар. Казим., 131, 135, 251, 262.
 Юшневскій, 106, 121.
 Ягужинскій, И. И., 385.
 Языковъ, Д. Д., 299.
 Яковлевъ, М. Л., 6, 9, 26, 37, 42—45, 71, 160—162, 172, 176, 178, 186—188, 194, 201, 244, 249, 250—255, 261, 265, 267, 274, 334, 335, 371, 381, 383, 449.
 Якубовичъ, 54, 57, 58, 63, 71, 76, 90, 91, 94, 9, 100, 102, 106, 115, 118, 119, 127, 290.
 Якушкинъ, В. Е., 38, 137.
 Якушкинъ, Ив. Дм., 38, 53, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 135, 137, 138, 290.
 Ярцева, Е. Ф., см. Есакова.
 Яхонтовъ, П. В., 453.
 Ѳеодръ Алексѣевичъ, царь, 473.

Алфавитный указатель ко всѣмъ тремъ томамъ «Товарищей Пушкина» составленъ *Втрою Васильевною Тимошукъ.*

86077

10. 1811—1911. Товарищи Пушкина по Императорскому, Царскосельскому Лицею. Матеріалы для словаря лицестовъ перваго курса 1811—1817 г.

Томъ I.—В. Д. Вольховскій, Кн. А. М. Горчаковъ, Д. Н. Масловъ, С. Г. Ломоносовъ, Н. А. Корсаковъ, Гр. М. А. Корфъ, Ф. Х. Стевенъ, С. Д. Комовскій, Баронъ П. Ф. Гревениць. Съ портретами на мѣловой бумагѣ. Цѣна 3 руб.

Томъ II.—Ө. Ө. Матюшкинъ, А. Д. Илличевскій, М. Л. Яковлевъ, П. Л. Яковлевъ, П. М. Юдинъ, Баронъ А. А. Дельвигъ, К. Д. Костенскій, И. И. Мартыновъ, А. И. Мартыновъ. Съ портретами на мѣловой бумагѣ. Цѣна 2 руб.

Томъ III.—С. С. Есаковъ, И. И. Пуцинъ, П. Ф. Саврасовъ, А. А. Корниловъ, А. П. Бакунинъ, И. В. Малиновскій, А. Ө. Малиновскій, П. Ө. Малиновскій, А. А. Самборскій, К. К. Данзасъ, Н. Г. Ржевскій, П. Н. Мясоѣдовъ, А. Д. Тырковъ, Гр. С. Ф. Броглию Шевалье де-Касальборгонé. Съ портретами на мѣловой бумагѣ и другими приложеніями.—Добавленіе къ разнымъ біографическимъ очеркамъ «Товарищей Пушкина».—«Лицейскія Вѣдомости» втораго курса (со снимкомъ съ первой страницы журнала).—Марія Ивановна Корсакова и ея сынъ Гриша — знакомые Пушкина.— Цѣна 2 руб.

Томъ IV.—В. К. Кюхельбекеръ. Печатается.

ОТДѢЛЬНЫЯ БРОШЮРЫ:

11. Алексѣй Даміановичъ Илличевскій. Спб. 1912 г. Ц. 50 к.

12. Иванъ Ивановичъ Пуцинъ. Спб. 1913 г. Цѣна 50 коп.

13. Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812-го года. Сочиненіе *Барклая-де-Толли*.—Кромѣ того, рескрипты, письма и другіе документы, относящіеся до 1812 г., а также выписка изъ письма купца Чиликина о пребываніи французовъ въ Москвѣ. Спб. 1912 г. Цѣна 50 к.

Цѣна 2 рубля.

==== СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ====
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА
==== С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. домъ. ====